

*Академия наук СССР
Отделение литературы и языка*

**АКАДЕМИК
Ф.Ф.ФОРТУНАТОВ**

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

ТОМ

2

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

*Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва * 1957*

858612

ЛЕКЦИИ ✓
ПО ФОНЕТИКЕ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО
/ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО/
ЯЗЫКА ✓

I. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹

Старославянским, или церковнославянским, языком называется тот древний южнославянский язык, на который в IX веке было переведено священное писание. К славянским языкам принадлежат в настоящее время следующие языки: 1) южнославянские, именно болгарский, словинский (или словенский) и сербо-хорватский, 2) восточнославянские языки, именно русский в собственном смысле, или великорусский, и украинский, 3) западнославянские языки, именно чешский, словацкий, польский, кашубский и лужицкий, подразделяющийся на верхнелужицкий и нижнелужицкий. К западнославянским языкам относится и исчезнувший в прошлом веке полабский язык, принадлежавший славянам, жившим, между прочим, по реке Лабе, или Эльбе. Что касается старославянского, или церковнославянского, языка, то это, несомненно, язык южнославянский и притом родственный ближайшим образом с болгарским языком, хотя мы и не имеем пока оснований утверждать, что старославянский язык есть язык древнеболгарский; еще менее оснований признавать в нем язык древнесловинский, за который принимали его некоторые слависты. Древнейшим из тех памятников старославянского языка, в которых обозначено время написания, является Остромирово евангелие, написанное, т. е. переписанное, в 1056—1057 годах для Остромира в Новгороде (рукопись хранится в Петербургской публичной библиотеке). Остромирово евангелие включает в себе, однако, не чистый старославянский язык, но, как писанное

¹ Настоящий курс лекций перепечатывается с посмертного издания, осуществленного Отделением русского языка и словесности Российской Академии наук (Петроград, 1919). *Прим. ред.*

в России, оно имеет примесь и русского языка и стоит, таким образом, во главе старославянских памятников русской редакции. Из XI века нам известны и некоторые другие старославянские тексты русской редакции, например Изборник 1073 года, а из позднейших веков мы знаем их, понятно, все более и более, но чем новее эти памятники, тем менее знакомят они нас с настоящим старославянским языком, и, таким образом, с течением времени старославянский язык обратился у нас в тот искусственный, искаженный язык, который употребляется теперь в богослужении и называется церковнославянским языком. Для того чтобы не смешивать с этим ломаным языком тот древний церковнославянский язык, который мы открываем при изучении древнейших его памятников, я называю последний языком старославянским. Подобную же судьбу, как в России, старославянские тексты имели в Сербии и в Болгарии, и, таким образом, кроме старославянских текстов русской редакции, мы находим старославянские тексты сербской редакции, например Симеоново евангелие, и старославянские тексты болгарской редакции, например Болонскую псалтырь. Но, кроме старославянских памятников этих трех редакций, вносящих в старославянские тексты примесь русского, сербского и болгарского языков, существуют также древние памятники старославянского языка, которые не обнаруживают признаков ни одной из этих редакций и представляют чистый старославянский язык: это так называемые „паннонские“ памятники старославянского языка, между которыми существуют в свою очередь известные различия. К числу их принадлежит, например, Саввина книга (евангельские чтения), Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманово, или Ватиканское, евангелие, Супрасльская рукопись и другие. Одни из этих памятников писаны кириллицей, другие глаголицей. К первым принадлежат, например, Саввина книга и Супрасльская рукопись, ко вторым, например, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманово евангелие. Я удерживаю для этих текстов принятое теперь название „паннонские“ памятники или „паннонские“ тексты, хотя в названии „паннонские“ я вижу только условный термин. Вместе с тем я не могу признать, чтобы паннонские памятники старославянского языка являлись единственным критерием при определении чистого старославян-

ского языка, как думают некоторые слависты. Известные различия в языке, существующие между памятниками паннонскими и, например, древнейшими старославянскими памятниками русской редакции, могут восходить к самому старославянскому языку, который, понятно, как и всякий живой язык, дробился на наречия и говоры. На существование наречий указывают и самые паннонские памятники, различающиеся между собой в языке по известным признакам. Определяя редакцию того или другого старославянского текста, мы не должны забывать, что один и тот же текст может представлять смешение одной редакции с другими, позднейшими. Так, рукопись, писанная в России, кроме русской редакции, представляет болгарскую, если последняя существовала в том оригинале, с которого был списан русским писцом данный текст.

Старославянский язык по своему строю отличается наибольшей древностью среди известных нам славянских языков. В этом заключается особенно важное значение старославянского языка при сравнительно-историческом изучении славянских наречий, хотя и не следует думать, что старославянский язык во всех чертах древнее других славянских языков, и никоим образом не следует выводить факты других славянских языков, хотя бы, например, русского, из фактов старославянского языка, так как старославянский язык не есть родоначальник, но лишь старший брат в той семье языков, которая произошла из общеславянского языка, или языка праславянского, восстанавливаемого в науке путем сравнительно-исторического изучения отдельных славянских языков. Этот праславянский язык, от которого произошли известные нам славянские языки, образовался в свою очередь, как показывает сравнительное языковедение, из языка литовско-славянского, т. е. в ближайшем родстве с славянскими языками находятся языки литовские, или балтийские, к которым принадлежат: собственно литовский язык, язык латышский и не существующий теперь прусский язык. Подобно тому как славянские языки восходят к одному общеславянскому языку, так и литовские, или балтийские, языки произошли из общелитовского, или общебалтийского, языка, а этот язык вместе с обще-

славянским языком составлял некогда один язык, который мы можем называть поэтому языком литовско-славянским. Нам известно из сравнительного языковедения происхождение и этого литовско-славянского языка, некогда существовавшего, а именно сравнительное языковедение показывает, что славянские и балтийские языки принадлежат к индоевропейской семье языков, в состав которой, кроме ветвей балтийской и славянской, входят также следующие ветви: индийская ветвь, древнейший представитель которой, язык древнеиндийский, называемый в известном периоде его жизни санскритским языком, или санскритом, является по своему древнему строю очень важным при сравнительном изучении индоевропейских языков; ветвь иранская, древнейшими представителями которой служат язык Авесты, называемый нередко зендом (или зендским языком), и язык древнеперсидский, известный из клинообразных надписей; греческая ветвь, к которой принадлежит греческий язык в его наречиях, древних и новых; ветвь италийская, заключающая в себе латинский язык и некоторые другие древние языки Италии, а из латинского языка образовалась семья романских языков, к которым принадлежат языки французский, итальянский, испанский и некоторые другие; ветвь кельтская — к ней принадлежат в настоящее время народные наречия Ирландии, части Шотландии, Валлиса и Бретани; ветвь германская, или немецкая, древнейшим представителем которой является не существующий теперь язык готский и к которой принадлежат также языки скандинавские, нижненемецкий и язык верхненемецкий. Все эти языки составляют одну общую индоевропейскую семью, т. е. все они произошли из одного общего индоевропейского языка. Этот общий индоевропейский язык, или индоевропейский праязык, наука открывает путем сравнительного изучения отдельных индоевропейских, или индогерманских (как их называют немецкие лингвисты), языков. Родство этих языков было доказано немецким лингвистом Боппом в начале текущего столетия, хотя еще в конце прошлого века было указано на возможность родства между собой большей части из этих языков; это предположение, однако, Бопп первый обратил в несомненный научный факт и, таким образом, положил начало сравнительному изучению индоевропейских язы-

ков, а вместе с появлением сравнительного изучения индоевропейских языков получило начало и научное языковедение вообще.

Языковедение, или лингвистика, ставит предметом изучения человеческий язык в его истории и, следовательно, историю отдельных человеческих языков. Исследование того или другого отдельного языка является научным только тогда, когда изучается история этого языка, но изучение истории того или другого языка возможно лишь при сравнении его с родственными языками, и задача исследователя какого-либо индоевропейского языка состоит в том, чтобы проследить историю изучаемых явлений до эпохи распада общего индоевропейского праязыка. Поэтому при изложении фонетики старославянского языка я буду обращаться к сравнению фактов этого языка с фактами по крайней мере некоторых других индоевропейских языков. Так, из славянских языков я возьму русский язык, а из языков неславянских — греческий и латинский. Но сопоставление старославянского языка с русским возможно только при посредстве общеславянского языка, а сопоставление старославянского языка с греческим и латинским возможно лишь при посредстве общеиндоевропейского языка. Таким образом, я буду обращаться и к этим праязыкам, восстанавливаемым в науке путем сравнительно-исторического изучения тех языков, которые образовались из этих праязыков.

Язык состоит из слов, а слова — это звуки речи, имеющие значения. Жизнь языков представляет постоянные, хотя и постепенные изменения как звуковой стороны слов, так и их значений. Изменения языка происходят как в процессе мышления, так и в процессе речи, т. е. когда мы образуем звуки слов. В процессе речи язык подвергается изменениям только в звуковой стороне, и сюда принадлежат те именно изменения звуковой стороны языка, которые состоят из изменения отдельных звуков и звуковых сочетаний в словах лишь в качестве звуков речи, т. е. без всякого отношения к словам и их значениям. Тот отдел языковедения, который занимается звуками языка и их изменениями в процессе речи в истории языка, называется

фонетикой, т. е. учением о звуках языка. Фонетические явления, как явления физической стороны языка в их результате, гораздо менее сложны в этой их стороне сравнительно с духовными явлениями в жизни языка и потому более доступны для точного наблюдения. Понятно поэтому, что с фонетики должно быть начиаемо научное изучение какого бы то ни было языка.

Наиболее полная грамматика старославянского языка (т. е. как грамматика в собственном смысле, или учение о формах, так и фонетика) составлена известным славистом Миклошичем и входит как часть в его сравнительную грамматику славянских языков. Она написана на немецком языке и состоит из четырех томов (*Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, von F. Miklosich). Первый том (*Lautlehre*, два издания; 2-е: Wien, 1879) содержит в себе фонетику, второй том (*Stammbildungslehre*, одно издание, W., 1875) посвящен словообразованию, третий (*Wortbildungslehre*, два издания; 2-е: W., 1876) рассматривает формы флексии в славянских языках; четвертый том (*Syntax*, W., 1868—1874, перепечатан в 1883 году) содержит в себе синтаксис. Наиболее полный словарь старославянского языка составлен Миклошичем и издан им под заглавием: *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latium*; надо, впрочем, иметь в виду, что в этом словаре недостаточно строго отделены слова старославянского языка от таких слов в старославянских текстах, которые не принадлежат самому старославянскому языку.

Лучшим учебником старославянского языка является учебник Лескина — *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, von A. Leskien, второе издание 1886 года. Недостаток этого учебника во втором издании тот, что Лескин останавливается исключительно на старославянском языке паннонских текстов; первое издание (1871), составленное по другому плану, теперь, понятно, устарело. Учебник Лескина содержит в себе грамматику, хрестоматию и словарь.

Из других хрестоматий укажу на хрестоматию Ягича (*Образцы языка церковнославянского*, СПб, 1882) и на хрестоматию Буслаева (*Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков*, М., 1861).

БУКВЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЗВУКИ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Памятники старославянского языка представляют два ряда письмен: одни из них писаны так называемой кириллицей, в других является так называемая глаголица. Вопрос о взаимном отношении по происхождению обоих этих славянских алфавитов, кириллицы и глаголицы, остается нерешенным, точно так же, как и по вопросу о происхождении некоторых букв в том и другом алфавите пока возможны только одни предположения. Что касается большинства букв кириллицы, то известно, что они взяты из греческих букв, именно из греческого уставного письма; другими словами, в основании кириллицы находится, несомненно, греческий алфавит, и только относительно букв кириллицы, обозначающих такие звуки, которых не было в греческом языке, возникает вопрос, откуда они взяты: из известных ли лигатур, т. е. соединений букв греческого письма, или из азбуки негреческой. В славянском алфавите, называемом глаголицей, многие буквы представляют сходство с греческими курсивными письменами, так что трудно сомневаться в том, что в основании и этого славянского алфавита находится греческий алфавит, именно в его курсивном письме; но и здесь остается открытым вопрос о происхождении букв, обозначающих звуки, которых не было в греческом языке. С вопросом же о происхождении таких букв в кириллице и в глаголице связан вопрос и о взаимном отношении обоих славянских алфавитов, так как некоторые из таких букв кириллицы и глаголицы представляют полное или значительное сходство между собой. Так, буквы ш кириллицы и глаголицы по начертанию вполне тождественны; буквы, обозначающие согласную ы в обоих алфавитах, очень сходны между собою; буква а, обозначающая ѣ в глаголице, известна и в кириллице, только в другом значении, именно в значении носового е. Желющие познакомиться с тем, как стоит теперь вопрос о происхождении обоих славянских алфавитов, могут обратиться к книге И. В. Ягича под заглавием: „Четыре критико-палеографические статьи“ (издание Академии наук, СПб, 1884). — Значение старославянских букв определяется частью из значения соответствующих греческих букв в IX веке

и в предыдущих веках, частью значение старославянских букв может быть определено из написаний в старославянских текстах иностранных слов, частью же при этом помогает сопоставление этого языка с другими славянскими языками, преимущественно с ближайшими к нему южнославянскими языками; наконец, и сохранившееся по традиции произношение звуков церковнославянского языка, хотя само по себе представляет очень недостаточное средство для определения звуков старославянского языка, может давать, однако, известные указания относительно старославянских звуков, как скоро только мы проверяем эти указания при помощи других средств, имеющихся у нас.

Буквы (в написаниях кириллицы), обозначающие гласные звуки. Буква а — звук а. — Буква е — звук е. — Буквы и и ї (три буквы в глаголице) обозначают один звук *i*, т. е. различие между этими буквами было только графическое, причем в кириллице буква и после согласных была более употребительна; чем ї. — Буква ѿ — звук о; в том же значении употреблялась в известных случаях и более редкая буква ѡ, соответствующая по начертанию кириллицы греческой букве ѱ. — Написание ѡу из двух букв ѿ и у обозначает один звук у, а передача этого звука двумя буквами представляет подражание греческому письму, и как в греческом письме вместо написания ѱѱ для звука у употреблялась известная лигатура, известное соединение букв, так и в кириллице вместо ѡу, написанного двумя буквами, употреблялась иногда одна буква, представляющая по происхождению такую же лигатуру из двух букв ѿ и у, именно ѣ. — Буква ѣ обозначает очень краткое, т. е. иррациональное, у открытое или, что то же, о закрытое. Буква ѥ обозначает очень краткое, т. е. иррациональное, *i* открытое или, что то же, е закрытое. В известных случаях в ѣ и ѥ можно видеть гласные неслоговые. Иррациональные гласные иногда в старославянских текстах или вовсе опускались, или обозначались известными надстрочными знаками, подобными греческим знакам придыхания; в таком значке ѣ и ѥ не различались между собой. — Написание ѣ, ѥ, а также написание ѣѣ обозначают звук *ye*. В известных случаях, как мы увидим далее, представляется трудным отличить написания ѣ и ѣѣ в значении звука *ye* от тех же написаний для обозначения звуковых сочетаний *je + i* или *je + ji*.

В некоторых древних текстах встречаются написания ѣ, ѣи вместо ѣи, ѣи для обозначения звука ѣ. — Буква ѣ: мы будем произносить ее условно как *e*, но нет достаточного основания думать, что в самом старославянском языке она звучала как *e*, отличавшееся от другого *e* (буква *ѣ*) или долготой, или качеством, или тем и другим вместе. Против такого значения буквы ѣ свидетельствуют следующие факты: 1) В старославянских текстах не обозначалось вообще различие между краткими (неиррациональными) и долгими гласными, и потому нельзя предположить, что такое различие обозначалось здесь только по отношению к *e* (а если в старославянском языке было *e*, то были известны и другие долгие гласные). 2) Если бы старославянское ѣ было известного рода *e*, отличавшееся от того *e*, которое выражалось буквой *ѣ*, количеством или качеством (например, если *ѣ* одно из них было открытым, другое закрытым) или тем и другим вместе, то уже в древнейших старославянских текстах надо было бы ждать случаев нередкого смешения одной буквы с другой, между тем как в дошедших до нас памятниках *ѣ* и *ѣ* не смешиваются. 3) Происхождение самого написания ѣ кириллицы трудно было бы понять, если предположить, что этой буквой обозначалось известного рода *e*. В пользу того предположения, что старославянское ѣ было известного рода *e*, не может свидетельствовать и происхождение звука, обозначававшегося этой буквой в старославянском языке, так как из сопоставления отдельных славянских языков надо заключить, что старославянское ѣ было получено не из общеславянского *e* долгого, но из общеславянского сочетания *ie*, на которое распалось *ě* еще в общеславянском языке, как мы увидим далее. Это общеславянское *ie*, получившееся из *ě*, в наиболее основном его произношении было, вероятно, дифтонгом *ie* со слоговым *i* и с неслоговым *e*, хотя, быть может, в общеславянском языке существовали диалектические различия в произношении этого *ie*. В старославянском ѣ надо видеть, следовательно, звуки, получившиеся из общеславянского сочетания *ie*, и, хотя бы мы и не могли определить точно эти звуки, во всяком случае мы не имеем достаточного основания (как я говорил уже) признавать в старославянском ѣ звук *e* или *ě* известного качества, из общеславянского *ie*.

Надо думать, что в различных диалектах старославянского языка в произношении ѣ существовали различия, как показывает уже то обстоятельство, что в глаголице в соответствии с буквами ѣ и ѡ кириллицы существовала одна буква, называемая условно буквой ѣ в глаголице: отсюда следует, что в диалекте, для которого составлена была глаголица, эти звуки ѡ и ѣ или совпадали, или были очень близки между собою. В паннонских памятниках, писанных кириллицей, в отличие их от памятников непаннонских, вместо ѡ в известном положении, именно после смягченных согласных (как мы увидим далее), очень часто писалась буква ѣ, откуда следует для диалекта этих памятников близость между собой ѡ и ѣ в данном положении, хотя вообще ѡ и ѣ здесь не смешивались. Может быть, старославянское ѣ в наиболее основном его для известного нам старославянского языка произношении было сочетанием „неслоговое *i* + слоговое *e* + неслоговое *a*“ (*iea*), откуда в других диалектах сочетание „*e*“ (*e* неслоговое) + *a*“ (*ea*) или „*i*“ (*i* неслоговое) + *a*“ (*ia*), может быть в одних одно, в других другое. Сочетание *iea* из *ie* получилось через посредство *ie^a* (*e^a* = *e* открытое), но для известных нам диалектов старославянского языка трудно предположить последнее произношение ѣ, потому что в таком случае в текстах можно бы ожидать смешения буквы ѣ с буквою ю (*e* йотированное), чего, однако, мы не находим.

Буквы, обозначающие носовые гласные. Буква „большой юс“ — ѣ обозначает носовое *o* (сравн. франц. *on*). Буквы, называемые „малым юсом“ — ѡ, ѡ, ѡ, обозначают носовое *e* (сравн. франц. *in* в *fin*). В Остромировом евангелии исключительно употребляется в таком значении только первое из этих начертаний (ѡ), в Супрасльской рукописи — преимущественно второе, в Саввиной книге — преимущественно третье, между тем как первое начертание обозначает в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи йотированное носовое *e*.

Слитные буквы, обозначающие так называемые йотированные гласные. В кириллице сюда принадлежат: ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, причем в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи, как я уже заметил, в последнем значении употребляется начертание ѣ. В глаголице в соответствии с ѣ кириллицы употребляется буква ѡ, соответствующая и букве ѣ кириллицы. Йотированное ю

не употребляется в глаголице, точно так же, как например в Саввиной книге, написанной кириллицею, вместо йотированного *ѣ* пишется нейотированное *е*. Что касается произношения букв, обозначающих так называемые йотированные гласные, то их первая часть в начале слов, а также внутри и в конце слов после гласной, т. е. вообще не после согласной, обозначает или *j*, или *i*, что точно определить едва ли можно; там же, где эти йотированные гласные стоят после букв, обозначающих согласные, первая часть их обозначает мягкость предшествующей смягченной согласной. По отношению к *ю* надо заметить, что самая буква, употребляемая в кириллице, равно как соответствующее написание в глаголице, указывает на то, что слоговая гласная, входившая в состав *ю*, отличалась от чистого *у*, т. е. от *ѹ* нейотированного, в эпоху изобретения славянских алфавитов; к такому же заключению приводит и употребление буквы *ю* в паннонских памятниках, как мы увидим далее, а что касается диалекта, являющегося, например, в Остромировом евангелии, то здесь *ю* выражает, по-видимому, *у* после *j* (*i*) и смягченных согласных. В старославянских текстах не существует обозначения йотированного *i*; мы в нашем условном произношении старославянских слов произносим *ji* там, где в соответствующих случаях русский язык имеет *ji*, а не *i*. — Если кроме указанных мною старославянских букв, обозначающих гласные, мы находим в кириллице и в глаголице еще одну букву, обозначающую гласную, именно букву, называемую теперь „ижницей“, то эта буква употреблялась лишь в написании слов, взятых из греческого языка, для выражения греческого *υ*; тот же звук передавался в старославянских текстах через *ю* и *ѹ*. — Касательно обозначения гласных в старославянских текстах, надо иметь в виду, что долгота гласных здесь не обозначалась, как я уже говорил. Отсутствие этого обозначения не может, понятно, само по себе свидетельствовать о том, что старославянский язык не имел долгих гласных (а долгие гласные существуют в некоторых славянских языках), но у нас нет, во всяком случае, указаний на то, как различать старославянские долгие и краткие гласные, если этот язык и имел действительно долгие гласные.

Буквы, обозначающие согласные звуки. Сначала я укажу на буквы, обозначающие такие согласные, которые существо-

вали в старославянском языке в словах заимствованных, и начну с согласных несмягченных.

Буквы, обозначающие так называемые шумные (несмягченные) согласные. Гортанные, т. е. задненёбные, согласные (не точно называемые гортанными); буква *к* — звук *к*, буква *г* — звук *г*, буква *х* — звук *х*. Относительно нёбной согласной *ј* я уже говорил, что не может быть точно определено, имел ли старославянский язык *ј* или *ѣ* в тех написаниях, которые обозначают так называемые йотированные гласные в положении без предшествующей согласной. Зубные согласные: буквы *т*, *д*, *с*, *з* — звуки *т*, *д*, *с*, *з*. Губные согласные: буквы *п*, *б*, *в* — звуки *п*, *б*, *в*.

Буквы, обозначающие (несмягченные) носовые согласные: буква *н* — звук *н* (зубной), буква *м* — звук *м* (губной носовой).

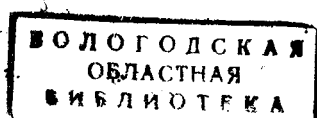
Буквы, обозначающие (несмягченные) плавные согласные: буква *р* — звук *р*, буква *л* — звук известного вида *l*, который мы в нашем условном произношении старославянских звуков передаем как русский звук *л*, например в *ла*, но который в старославянском языке был, вероятно, менее открытым, более близким к *l*, например, французского и немецкого языков, как можно думать на основании того, что та же буква употреблялась и для обозначения *l* перед мягкими гласными, где во всяком случае звук был не *t* (русское твердое *л*). Если бы старославянское *л*, как несмягченная согласная, звучало как русское *t* (*л*) в эпоху изобретения старославянских алфавитов, то едва ли можно было бы ждать отсутствия всякого различия в обозначении этого *t* и того закрытого *l*, которое существовало перед мягкими гласными звуками. Плавные *р* и *л* существовали в старославянском языке, между прочим, и в качестве слоговых звуков в положении перед иррациональными гласными *ъ* и *ь*, бывшими при этом неслоговыми. Сочетания *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* со слоговыми плавными не отличались на письме от соответствующих сочетаний с неслоговыми плавными, а указание на слоговое свойство плавных в этих сочетаниях в известных случаях дается, как мы увидим далее, некоторыми фактами фонетики.

Некоторые из числа названных мною согласных существовали в старославянском языке и в качестве смягченных, а именно, старославянский язык имел смягченные плавные (неслоговые) *р* и *л*, смягченную носовую *н*, а также редкое смяг-

858612

ченное с перед твердой гласной. Общеславянский язык в эпоху распада имел смягченное s не только в положении перед твердыми гласными, но также и в других сочетаниях, как мы увидим далее; для старославянского языка мы не находим, однако, указаний на смягченное s в положении не перед твердыми гласными. Мягкость смягченных согласных обозначалась, во-первых, написанием йотированных гласных после букв, обозначающих согласные; при таком способе обозначения в положении перед и и ь мягкость предшествующей согласной оставалась необозначенной по самому отсутствию букв „йотированное“ и и „йотированный“ ь. Во-вторых, мягкость смягченных р, л, н, преимущественно в Супрасльской рукописи, из числа памятников, писанных кириллицей, и в Зографском евангелии, из числа памятников, писанных глаголицей, обозначалась знаком ^ над буквой, обозначающей согласную, причем следующая гласная писалась или нейотированной или йотированной. Такие написания, как řи, ѡи, ѡи и т. д., указывают, может быть, на то, что в самом языке было известно ĭ после смягченных р, л, н. Мягкость смягченных р, л, н в текстах часто остается и необозначенной, что, может быть, объясняется опущением в рукописях надстрочного знака ^, обозначавшего мягкость согласной.

Кроме указанных мною смягченных согласных из числа тех согласных, которые существовали в языке и в качестве несмягченных (твердых), в диалектах паннонских текстов, может быть, были известны и смягченные губные, а именно в Зографском евангелии иногда является написание губной согласной с значком ^ (например, ѡ, ѡ) перед и и ь в таких случаях, как зѡи, при зѡи, и зѡи, корѡь, при корѡь, и корѡь, (образования с л и без л в подобных случаях существовали в самом языке). Ввиду, однако, того, что в Зографском евангелии этот значок над буквами, выражающими согласные, иногда употребляется неправильно и над буквами, выражающими согласные несмягченные, но полусмягченные, полумягкие (о которых я буду говорить далее), нельзя утверждать, что в таких написаниях, как зѡи, корѡь, обозначались действительно смягченные губные. Что же касается написания „губная согласная + йотированная гласная“ в некоторых паннонских памятниках, например в таких случаях,

как *ѡстакѣ*, при *ѡстакѣ* (образования с *а* и без *а* существовали в самом языке), то здесь надо видеть, вероятно, обозначение тех звуковых сочетаний, которые по большей части, особенно последовательно в Супрасльской рукописи, передавались написаниями „губная согласная + *ь*, реже *ъ*, + йотированная гласная“, например *зѡмы*, *ѡстакѣ*, т. е. в самом языке здесь сочетание „*j* или *i* + гласная“ в слоговом отношении отделялось от предшествующей гласной, причем буквы *ъ* и *ь* в таких случаях, может быть, не обозначали гласных, но служили лишь средством обозначить положение губной согласной в конце слога.

От таких смягченных согласных, каковы рассмотренные мною согласные старославянского языка или каковы русские мягкие согласные (например, в *тя*, *дя*), должны быть отличаемы такие согласные, которые по отношению к смягченным согласным являются более твердыми, а по отношению к мягкости занимают середину между смягченными и твердыми согласными. Мы увидим впоследствии, что уже в общеславянском языке твердые согласные перед мягкими гласными несколько смягчались, хотя такие согласные, за исключением задненёбных согласных, при таком положении не переходили еще здесь в согласные, называемые собственно смягченными согласными. Мы увидим, например, что согласная *t* перед мягкой гласной еще в общеславянском языке отличалась по мягкости от *t* перед твердой гласной, хотя и не была таким мягким *t*, каково русское *т* в слове *тя* или *те*. Можно допустить, что и в старославянском языке все такие согласные перед мягкими гласными, т. е. перед *е*, *ь*, *и* (*ï*), *ь*, являлись в качестве полусмягченных, т. е. что, например, *т* в старославянском *тебѣ* было более мягко, чем *т*, например, в *ты*, но менее мягко, чем *т* в русском *тебе*. В нашем условном произношении старославянских слов мы заменяем эти полусмягченные согласные смягченными, но в самом старославянском языке в этих случаях существовали согласные, не имевшие полной мягкости, как видно из того, что обыкновенно такие согласные не смешивались в старославянских текстах с согласными смягченными. Известны, однако, отдельные случаи ошибочного обозначения согласной как смягченной там, где в самом языке она была несмягченной, но полусмягченную (из твердой перед мягкой гласной).

Кроме указанных мною согласных, полученных старославянским языком как несмягченными, так и полусмягченными, а частью и смягченными (последними были именно, как мы видели, р, л, н и редко с), старославянский язык имел еще некоторые согласные, которые были им получены из общеславянского языка лишь в качестве смягченных, хотя при этом представляется вопрос, каковы они были по отношению к мягкости в старославянском языке известных нам текстов. Сюда принадлежат именно следующие небно-зубные согласные: слитные согласные (аффрикаты): ч, ц и диалектическое слитное дз, обозначавшееся в кириллице буквами з (зело) и з с известным значком¹ (в глаголице также особая буква); простые согласные: ж из диалектического старославянского з (такое старославянское ж должно быть отличаемо по происхождению от того ж, о котором я говорил прежде), ж и ш; сочетания согласных жд и шт (последнее передавалось как буквами шт, так и одной буквой џ), образовавшиеся из известных (определяемых далее) общеславянских сочетаний смягченных согласных. Указаний на полную мягкость этих согласных в старославянском языке мы не имеем. Тексты, в которых употребляется надстрочный знак ^ над р, л, н, а также, как мы увидим далее, и над к, г, х в значении смягченных согласных (в заимствованных словах), не имеют этого значка над буквами, выражающими те согласные, о которых я говорю теперь. Из числа йотированных гласных после этих согласных в паннонских текстах пишется обыкновенно ю, но ввиду того, что в тех же текстах после этих согласных пишется обыкновенно а и в большинстве из них лишь очень редко является вместо этого ѡ,— ввиду этого в написании ю в этих текстах нельзя еще видеть обозначение мягкости предшествующих согласных (сравните сказанное прежде об ю). Иногда в паннонских текстах встречается после этих согласных и ѡ вообще как исключение, но последовательно в Синайском требнике (см. учебник Лескина — *Handbuch der altbulgarischen Sprache*, 2-е издание, стр. 48): и здесь в написании ѡ можно видеть обозначение известного диалектического отличия самой носовой

¹ В древнейших текстах, писанных кириллицей, эти буквы не употребляются, т. е. в самих диалектах этих текстов не существовало слитное дз.

гласной от ж нейотиrowанного в положении после этих согласных, полученных смягченными, а не указание на то, что эти согласные продолжали сохранять полную мягкость в языке этих текстов. Итак, паннонские тексты не дают прямых указаний на сохранение полной мягкости названных мною согласных, хотя единичные случаи употребления ѡ вместо ѧ после букв, обозначающих эти согласные, а также и некоторые другие факты (см. далее) позволяют думать, что эти согласные и в положении перед твердыми гласными не были вполне твердыми в этих диалектах. По-видимому, они являлись здесь полумягкими, полусмягченными или менее мягкими сравнительно со смягченными р, л, н, а также сравнительно с редким смягченным с (перед твердою гласною), о которых я говорил уже. Что касается того наречия старославянского языка, которое является, например, в Остромировом евангелии, то здесь мы не имеем прямых указаний и на полумягкость этих согласных (написание ѡу, при ѡуу, является в Остромировом евангелии в виде исключения), так что по отношению к этому наречию остается неизвестным, сохраняли ли все эти согласные и здесь полумягкость (образовавшуюся из полной мягкости), или же, по крайней мере некоторые из них, стали здесь твердыми.

В известных случаях и старославянские ст и зд образовались из общеславянских сочетаний смягченных согласных, но такие старославянские ст, зд совпали с ст, зд другого происхождения при том же фонетическом положении.

Буквы, обозначающие такие согласные, которые существовали лишь в словах заимствованных: буква ф — звук ф; буква ѱ, по-видимому, произносилась так же, как ф, и употреблялась для передачи греческой ϕ. — Смягченные к, г и х существовали в старославянском языке лишь в заимствованных словах в положении перед мягкими согласными. В тех старославянских текстах, в которых мы находим особый надстрочный знак для обозначения мягкости смягченных согласных (см. выше), этот же знак употреблялся и для обозначения мягкости согласных к, х в словах заимствованных, а также и для обозначения мягкости смягченного г (в словах заимствованных) в памятниках, писанных кириллицей; в глаголических же текстах смягченное г обозначалось особою буквою, отличавшейся от.

буквы г, что позволяет думать, что в диалектах старославянского языка звук смягченное г (в положении перед мягкими гласными в словах заимствованных) подвергся какому-то изменению. — В кириллицу перешли и греческие буквы *ѣ* и *ѡ* для передачи греческих букв *ε* и *φ*, хотя буква *ѡ* встречается и как обозначение старославянского сочетания *ps* в слове *ѡти* (писать) вместо более древнего *psati*.

Буква *у* (*v*), передающая греческое *υ* как слоговую гласную, о чем я говорил прежде, служила также для передачи греческого *υ* в значении неслогового звука, хотя в этом случае вместо *у* (*v*) употребляется и буква *ѡ*, а в известных случаях и *ѡу*.

Ударение слов не обозначалось в старославянских текстах, и, следовательно, нам не известно в точности место ударения в старославянских словах; в нашем условном произношении мы ставим ударение обыкновенно там, где находим его в русском языке, а там, где в русском языке нет соответственного слова, мы основываемся на традиционном произношении церковнославянского языка.

II. ГЛАСНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ИХ ПЕРЕХОДЕ В ЯЗЫК СТАРОСЛАВЯНСКИЙ И РОДСТВЕННЫЕ С НИМ ЯЗЫКИ

Рассматривая звуки старославянского языка в их отношении по происхождению к звукам греческого и латинского языков, мы должны будем познакомиться с теми звуками, которые, как показывает сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков, существовали в индоевропейском праязыке в эпоху его распада. Определяя же отношения старославянских звуков к звукам русского языка, мы должны будем обращаться при этом к звукам общеславянского языка, открываемого из сравнительно-исторического изучения всех славянских языков, а также из сравнительного изучения языков славянских и балтийских, образовавшихся, как мы знаем, из одного общего литовско-славянского языка. Из сопоставления между собою славянских языков наука открывает общеславянский язык в эпоху его распада на отдельные славянские языки, т. е. в последнем периоде его жизни. Сопоставление же языков славянских с языками балтийскими, открывая язык балтийско-славянский, или литовско-славянский, дает вместе с тем возможность познакомиться с языком общеславянским в эпоху его выделения из литовско-славянского языка, и, следовательно, таким путем мы узнаем общеславянский язык в древнейшем периоде его жизни. Между этими двумя периодами жизни общеславянского языка, между начальной эпохой его существования и последним периодом, наука может открывать и промежуточные эпохи в жизни этого языка из сопоставления фактов обоих этих периодов.

В изменениях звуков языка в процессе речи, или, что то же, в фонетических изменениях языка, надо различать изменения

того или другого звука или того или другого звукового сочетания самого по себе и изменения, вызываемые положением отдельных звуков или звуковых сочетаний в различных словах и в сочетаниях слов в речи, т. е. изменения, вызываемые или влиянием со стороны других звуков слов, или влиянием ударения слов, или влиянием возможной паузы, т. е. остановки речи при положении звука в конце слова, или влиянием возможного начала речи, т. е. при положении звука в начале слова. Понятно, что, прежде чем изучать в истории языка фонетические явления второго рода, надо познакомиться с явлениями первого рода, т. е. с историей звуков самих по себе, насколько первые явления могут быть отделяемы от фонетических явлений второго рода. Я укажу поэтому сперва на то, в каком виде являются отдельные звуки и звуковые сочетания индоевропейского праязыка в языках общеславянском, старославянском, русском, греческом и латинском. Начнем с гласных такой обзор старославянских звуков в их отношении по происхождению к звукам родственных языков.

Индоевропейский праязык в эпоху распада из числа гласных имел: 1) различные звуки, которым мы даем общее название — индоевропейские звуки *a*, 2) звуки *i* и 3) звуки *u*. В индоевропейских звуках *a* можно различать теперь следующие виды: три вида краткого *a*, именно краткое *a* чистое, краткое *a*, склонявшееся к *e*, и краткое *a*, склонявшееся к *o*; три соответственных вида долгого *a*, именно долгое *a* чистое, долгое *a*, склонявшееся к *e*, и долгое *a*, склонявшееся к *o*; наконец, еще звука *a* иррационального, т. е. более краткие сравнительно с краткими *a* индоевропейского языка и в связи с этим отличавшиеся по качеству от кратких *a*. Нам остается неизвестным качество этих индоевропейских иррациональных гласных (так как возможно, что они представляли различные виды по отношению к качеству звука), поэтому точнее бы было называть их вообще иррациональной гласной или иррациональными гласными, а не иррациональным *a*. Но последнее название представляет то удобство, что указывает на связь их по происхождению с индоевропейскими гласными *a* краткими и долгими, а такая связь действительно существовала в индоевропейском языке, как я укажу далее. Индоевропейские гласные, называемые мною

а кратким или долгим, склонным к *e*, и *a* кратким или долгим, склонным к *o*, могли бы быть называемы иначе *e* кратким или долгим, склонным к *a*, и *o* кратким или долгим, склонным к *a*; другими словами, это такие гласные, которые по условиям их образования занимают промежуточное место между чистым *a* и чистым *e* и между чистым *a* и чистым *o*. Соответственно с этим мы можем и выражать их буквами, именно *a*, склонное к *e*, краткое или долгое, буквой *a* с надписанным наверху *e* ($\check{a}^e, \bar{a}^e$); *a*, склонное к *o*, краткое или долгое, буквой *a* с надписанным наверху *o* ($\check{a}^o, \bar{a}^o$); подобным же образом индоевропейское *a* чистое, краткое или долгое, может быть обозначаемо буквой *a* с надписанным наверху *a* ($\check{a}^a, \bar{a}^a$), между тем как одну букву $\check{a}, \bar{a}$ мы можем употреблять в тех случаях, где оставляем без определения качество индоевропейского краткого или долгого *a* или где это качество пока и не может быть определено точно. Относительно долгих индоевропейских *a* всех трех видов замечу, что самая долгота их была, по-видимому, двух видов, но так как пока нередко представляется трудным различать эти виды долготы, то мы будем их рассматривать вообще, без отношения к этому различию, за исключением некоторых отдельных случаев. Индоевропейские иррациональные гласные, называемые мною индоевропейским иррациональным *a*, могут быть выражаемы условно греческою буквой α ; в этих индоевропейских гласных надо различать иррациональное *a* слоговое и иррациональное *a* неслоговое. Различие между слоговыми и неслоговыми звуками не следует смешивать с различием гласных и согласных; как гласные могут являться в виде неслоговых звуков, так и длительные согласные могут являться в виде слоговых звуков. Слог состоит или из одного звука, потому слогового, или из сочетания нескольких звуков; в последнем случае слоговым становится тот звук, который имеет в таком сочетании (при известной длительности) большую силу сравнительно с другими звуками, являющимися по отношению к нему неслоговыми. Индоевропейские гласные $\check{a}$ и $\bar{a}$ всех трех видов известны нам лишь в слоговом употреблении, а индоевропейское иррациональное *a* было как слоговою гласною, так и неслоговою; в связи с этим могло существовать различие и в качестве этой гласной. Индоевропей-

ское иррациональное неслоговое a может быть обозначено, для отличия от индоевропейского слогового иррационального a , буквою α , где значок под буквой выражает неслоговое свойство звука. Индоевропейское неслоговое иррациональное a существовало лишь в сочетании с плавными и носовыми согласными, и притом по большей части в сочетании с последующею плавною или носовою согласною, хотя в индоевропейском языке были известны также и сочетания неслогового иррационального a с предшествующею плавною или носовою. Таким образом, рассматривая историю индоевропейского неслогового иррационального a в отдельных индоевропейских языках, мы должны брать этот звук в сочетании с плавными и носовыми согласными, так как вне этих сочетаний в индоевропейском языке такая гласная не существовала. В сочетаниях индоевропейской иррациональной неслоговой гласной с последующею, плавною или последующею носовою согласною надо различать: 1) сочетания, в которых за плавной или носовою следовала гласная, и 2) сочетания, в которых за плавною или носовою согласною не следовала гласная, т. е. где плавная или носовая стояла или перед гласной, или в конце слова. В сочетаниях второго рода сама плавная или носовая была в индоевропейском языке слоговым звуком, т. е. в этих случаях здесь существовали сочетания „неслоговое иррациональное a + слоговая плавная или слоговая носовая“. Такие слоговые плавные и слоговые носовые были в индоевропейском языке не только краткими, но также и долгими, т. е. в индоевропейских сочетаниях „неслоговое иррациональное a + слоговая плавная или носовая“ надо различать сочетания с краткими слоговыми плавными или носовыми и сочетания (более редкие) с долгими слоговыми плавными или носовыми. Что же касается тех гораздо более редких случаев, где в индоевропейском языке неслоговое иррациональное a находилось после плавной или носовой, то здесь сама плавная или носовая была всегда слоговою; но существовали ли и в этих сочетаниях, кроме кратких слоговых плавных или носовых, также долгие слоговые плавные или носовые, остается пока неизвестным. — Различные гласные индоевропейского языка, называемые нами вообще индоевропейскими гласными a , были различным образом связаны между собой по происхожде-

нию, как показывает грамматический анализ слов индоевропейского языка. А именно индоевропейское $\check{a}^e$ оказывается родственным по происхождению с $\check{a}^o$, т. е. чередуется в словах, родственных между собой, с $\check{a}^o$, откуда следует, что обе эти гласные произошли в индоевропейском языке из одной и той же гласной вследствие каких-то фонетических условий. Впрочем, в этом отношении в самом индоевропейском $\check{a}^o$ надо различать два вида, и только один из двух видов этой гласной оказывается в чередовании с $\check{a}^e$, между тем как $\check{a}^o$ другого вида имело другое происхождение и не находилось в родстве с $\check{a}^e$. Индоевропейские долгие a всех трех видов в некоторых случаях произошли путем стяжения в слове двух кратких a того или другого вида, или долгого a того или другого вида с кратким a того или другого вида, или, наконец, двух долгих a того или другого вида; чаще, однако, индоевропейские долгие a не могут быть объясняемы так, и в этих случаях мы их находим частью в чередовании с краткими a трех видов, причем нам остается неизвестным происхождение такого чередования, т. е. является ли в этих случаях краткое a того или другого вида звуком более древним, или наоборот; частью же мы находим чередование между различными видами долгого a , хотя случаи этого рода мало исследованы пока вследствие того, что в этом отношении нередко расходятся между собою показания отдельных индоевропейских языков. Индоевропейское слоговое иррациональное a частью оказывается родственным по происхождению с долгими a всех трех видов, т. е. в случаях этого рода наблюдается чередование в словах долгих a всех трех видов со слоговым иррациональным a в зависимости от известных фонетических условий, частью же индоевропейское слоговое иррациональное a являлось в качестве так называемой соединительной гласной, существовавшей в словах в известных случаях между составными частями слова, между основой и суффиксом (эта гласная первоначально или возникала фонетическим путем, или же выделялась из окончания древней основы), и в этих случаях индоевропейское слоговое иррациональное a не находилось в чередовании с долгими a всех трех видов. Индоевропейское неслоговое иррациональное a , существовавшее в сочетании с плавными и носовыми согласными, в большинстве

случаев оказывается родственным по происхождению с гласными $\check{a}^e$ и $\check{a}^o$, чередовавшимися между собою, и такое неслоговое иррациональное a в индоевропейском языке было ослаблением полных гласных a , вызывавшимся известными фонетическими условиями. В некоторых же случаях индоевропейское неслоговое иррациональное a оказывается однородным по происхождению со слоговым иррациональным a в качестве соединительной гласной. — Что касается гласных i и u в индоевропейском языке, то здесь надо различать i и u краткие и i и u долгие; в долгих i и u существовали те же два вида долготы, как и в долгих a . Индоевропейские долгие i и u частью получались путем стяжения из известных сочетаний гласных, начинавшихся с i и u , частью же, и притом в большинстве случаев, они не могут быть объясняемы так, и при таких долгих i и u , иногда в тех же словах, встречаются и краткие i и u . Относительно индоевропейских i и u надо заметить еще, что здесь различались i и u слоговые и i и u неслоговые. История как тех, так и других в отдельных индоевропейских языках представляет в свою очередь различия, зависящие от различных сочетаний этих звуков с другими звуками слова. В этом отношении в индоевропейских слоговых i и u надо различать: 1) слоговые i и u без последующей гласной, т. е. перед согласною или в конце слова, и 2) i и u слоговые перед гласною. По отношению же к индоевропейским неслововым i и u надо различать: 1) неслоговые i и u , примыкавшие в слоговом отношении к следовавшему далее слоговому звуку, и 2) неслоговые i и u , примыкавшие в слоговом отношении к предшествовавшему слоговому звуку, именно к различного рода $\check{a}$ и $\bar{a}$; сочетания последнего рода принадлежат к звуковым сочетаниям, называемым дифтонгами в тесном смысле этого термина.

Я указал на те гласные, которые существовали в индоевропейском языке в эпоху его распада. Теперь я укажу на то, в каком виде перешли эти индоевропейские гласные в языки общеславянский, старославянский и русский, а также в языки греческий и латинский.

Индоевропейское $\check{a}^e$, откуда в греческом и латинском языках ϵ , в общеславянском звучало также e и таким же перешло в старославянский и русский языки. Например, старославянское

вѣрѣ, русское *беру*, греческое *φέρω*, латинское *fero*; старославянское *вѣзѣ*, русское *везу*, латинское *veho* (об отношении общеславянского *z* к латинскому *h* я буду говорить далее); старославянское *ѣсть*, русское *естъ*, греческое *ἔσθι*, латинское *est*; старославянское *ѣ* в окончании звательной формы единственного числа имен с основами на индоевропейское *ǵʰo*, чередовавшееся с *ǵʰe*, например *рѣѣ* (основа, вошедшая в состав других форм, *рѣѣ-*), греческое и латинское *e* в окончании звательной формы единственного числа имен с соответствующими основами, например греческое *ἦπε*, латинское *eque*.

Индоевропейское *ǵʰo*, откуда греческое и латинское *ō*, в общеславянском звучало также *o* и таким же перешло в старославянский и русский языки. Например, старославянское *домѣ*, русское *дом*, греческое *δῶμος*, латинское *domus*; старославянское *овѣцѣ*, русское *овца*, родственны, хотя и не тождественны: латинское *ovis*, греческое *ὄϊς*, *οἶς* из *ὄφις*; старославянское *възѣ* (ср. *ѣ* в *вѣзѣ*), русское *воз*, родственно греческому *φέρω*, откуда *ἔρος*; старославянское *вѣръ*, например, в слове *сѣвѣръ* — „собрание“ (ср. *ѣ* в *вѣрѣ*), русское *сбор*, греческое *φέρω* (ср. *φέρω*).

Индоевропейское *ǵʰa*, откуда в греческом и латинском *ā*, в общеславянском языке совпало с *o*, т. е. в общеславянском языке индоевропейские *ǵʰo* и *ǵʰa* явились в одной и той же гласной *ō*; совпадение этих двух гласных в одной гласной произошло еще в литовско-славянском языке, где эта гласная звучала как *ā*, откуда общеславянское *o*, литовское *a*. Например, с греческим *ἀράω*, латинским *arare* родственно старославянское *орати* — „пахать“, русское *орать*; с латинским *axis* тождественно старославянское *ось*, русское *ось*, родственно также, хотя отличается по суффиксу, греческое *ἄξω*; с греческим *ā* в окончании звательной формы единственного числа имен с основами на индоевропейское *ǵʰa*, чередовавшееся с *ǵʰa*, в таких случаях, как звательные *убѣѣ*, *дѣѣ*, в старославянском тождественно *o*, всегда являющееся здесь в окончании звательной формы единственного числа имен с соответственными основами, например звательная форма *женѣ* при именительном *жена*.

Индоевропейское *ǵʰe*, откуда греческое *η* и латинское *e*, перешло и в общеславянский язык как *ē*, которое в эпоху распада общеславянского языка являлось в виде звукового сочетания

ния *ie*, составлявшего один слог, именно с *i* слоговым, *e* неслоговым, а в диалектах, может быть, с неслоговым *i* и *e* слоговым, долгим или полудолгим, т. е. в общеславянском *e* первая часть долгого звука приняла качество *i*, а вторая часть осталась гласной *e*. Из общеславянского *iē* в старославянском языке получилось то звуковое сочетание, различное в различных диалектах (как я говорил прежде), которое выражалось буквой ѣ, а в русском языке отсюда явилось с течением времени *e*, которое совпало, следовательно, с старым *e* из общеславянского *ě*. Например, в старославянском глаголе дѣти, русское *дѣть*, старославянское дѣ- тождественно с греческим διη- в глаголе τιδημι; старославянское сѣмѣ, русское *семѣ*, родственно с латинским *semen*. Надо заметить, что общеславянское *iē*, откуда старославянское ѣ, новое русское *e*, имело также другое происхождение, как мы увидим далее.

Индоевропейское *å*^o, откуда греческое ω, латинское ō, в общеславянском языке в эпоху его распада в большинстве случаев совпадало с *ā*, происшедшим из индоевропейского *å*^a; но из балтийских языков видно, что в эпоху выделения общеславянского языка из языка литовско-славянского такая долгая гласная из индоевропейского *å*^o отличалась еще от долгой гласной из *ā*^a и звучала ō (литовское *uo*). Общеславянское *ā* указанного происхождения в старославянском языке являлось как а (количество не известно), и в русском языке отсюда а (краткое, так как долгие гласные в русском языке вообще утратили долготу). Например, старославянское дарѣ, русское *дар*, греческое δῶρον; в старославянском глаголе дати, русское *дать*, старославянское да- тождественно с греческим δω- в глаголе δίδωμι и с латинским *dō-*, например, в *dōnum*; старославянское по-късь (где по- — предлог), русское *пояс*, тождественно с греческим ζῶσ- (где ζ из индоевропейского *j*) в ζῶστίρ, сравните также ζῶωμι. Когда я указывал на индоевропейские *ā* различного вида, я заметил, что они представляли различия и по самой долготе, которая была двух родов. Общеславянское *ā* из индоевропейского *å*^o восходит именно к индоевропейскому *å*^o с той долготой, которая преимущественно употреблялась в индоевропейском языке в долгих гласных; что же касается *ā̊*^o с другой долготой, являвшейся в более редких случаях, то образо-

вавшееся отсюда литовско-славянское $\bar{o}$ в общеславянском языке перешло с течением времени, как я думаю, не в $\bar{a}$, а в $\bar{i}$ (через посредство $\bar{o}$ закрытого), откуда старославянское $\bar{o}u$, русское $у$, хотя надо заметить, что обыкновенно общеславянское $\bar{i}$, откуда старославянское $\bar{o}u$, русское $у$, имело другое происхождение, как мы увидим далее. Наиболее ясный случай такого общеславянского $\bar{i}$ (старославянское $\bar{o}u$, русское $у$), которое образовалось из индоевропейского $\bar{a}^o$ с известной долготой, представляет одно падежное окончание, где в индоевропейском языке $\bar{a}^o$ являлось в дифтонге $\bar{a}^oi$; этот случай я приведу далее, когда буду говорить о дифтонгах индоевропейского языка в отдельных индоевропейских языках.

Индоевропейское $\bar{a}^a$, откуда в греческом $\bar{a}$, а также в диалектах η , при известных условиях (это η надо отличать от общегреческого η из индоевропейского $\bar{a}^e$), в латинском $\bar{a}$, звучало и в общеславянском языке в эпоху его распада как $\bar{a}$, откуда старославянское $\bar{a}$ (количество не известно), русское a , причем в общеславянском $\bar{a}$ являлась, как мы видели, и та гласная, которая получалась из индоевропейского $\bar{a}^o$ с известной долготой. Например, старославянское *мати*, русское *мать*, латинское *māter*, греческое дорическое $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, ионическое и аттическое $\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho$; старославянское *ѡтрѣ*, а также *ѡтрѣ*, русское *брат*, родственны латинское *frāter*, греческое $\phi\rho\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, $\phi\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$ — „член фратрии“ (известно также из одного древнего словаря диалектическое $\phi\rho\acute{\eta}\tau\eta\rho$, с диалектическим η , в значении „брат“); старославянское *-а*, русское *-а*, в именительном единственного числа имен и местоимений с основами на первоначальное $\bar{a}^a$, т. е., например, в именительном единственного числа *женѣ*, *рыбѣ*, *та*, греческое $\bar{a}$ (диалектическое η при известных условиях) в именительном единственного числа имен и местоимений с соответственными основами, например $\chi\acute{o}\rho a$, $\tau\acute{i}\mu\eta$, η , латинское $\bar{a}$ из $\bar{a}$ в именительном единственного числа имен и местоимений с соответственными основами, например *aquā*, *istā* (долгая гласная сократилась здесь в латинском языке вследствие положения в конце слова).

Индоевропейское иррациональное слоговое a (индоевропейское a) в греческом языке обращалось в гласную полного об-

разования и получало при этом различное качество, а именно переходило здесь и в α , и в ϵ , и в σ ; в латинском языке индоевропейское иррациональное слоговое α стало также гласной полного образования и перешло именно в $\ddot{a}$, которое, как и всякое латинское $\ddot{a}$, подвергалось при известных положениях в словах известным изменениям. Для определения тех случаев, где греческие α , ϵ , σ , латинское a произошли из индоевропейского слогового иррационального α , а не из индоевропейского $\ddot{a}$ того или другого вида, важно сопоставление с древнеиндийским языком. Из этого сопоставления видно, например, что в греческом πατήρ , латинском *pater*, греческое и латинское $\ddot{a}$ образовались не из $\ddot{a}^a$, а из индоевропейского иррационального слогового α , принадлежавшего здесь корню слова. Точно так же из такого сопоставления видно, например, что греческое $\ddot{a}$ в слове θυγάτηρ образовалось не из индоевропейского $\ddot{a}^a$, а из индоевропейского иррационального слогового α , в данном случае являвшегося в качестве так называемой соединительной гласной перед согласной суффикса. Слово, родственное с греческим θυγάτηρ , известно и из славянских языков: сюда принадлежат старославянское дѣшн , русское *дочь* (старославянское шт , русское ч получились здесь из первоначальной группы kt перед мягкой гласной, как мы увидим далее); в этом славянском слове, как и в тождественном литовском *duktė* (ϵ — долгое закрытое), мы не находим никакой гласной в соответствии с греческим α в θυγάτηρ , и в этом отношении славянское и литовское слово ближе к родственному слову в немецких языках, например к новонаемецкому *Tochter*, где также нет никакой гласной (не было и в общенемецком, как показывает сравнение между собой немецких языков), в соответствии с греческим α в слове θυγάτηρ . В случаях такого рода в самом индоевропейском языке иррациональное слоговое α как соединительная гласная существовало, может быть, не во всех формах слова, т. е. в данном примере не во всех падежах имени, и появление этой гласной в таких случаях, может быть, обуславливалось сперва известными фонетическими причинами, например известным стечением согласных в той или другой форме, причем, может быть, еще в индоевропейском языке эта слоговая иррациональная гласная частью переносилась по аналогии и в другие формы слова, где

присутствие ее не требовалось фонетическими условиями. Впоследствии в отдельных языках одни из таких форм могли вполне вытеснять другие: так, в греческом языке в слове θυγάτηρ сохранились лишь формы, где существовало иррациональное слоговое *a*, между тем как в балтийских, славянских, а также немецких языках в том же слове сохранились лишь формы без этой гласной. Итак, случаи, подобные отношению старославянского дѣшн, русского дочь, литовского *duktė*, немецкого *Tochter* к греческому θυγάτηρ и к родственному древнеиндийскому слову, не дают еще права предполагать, что индоевропейское иррациональное слоговое *a* само по себе, как звук, исчезло в общеславянском языке или еще раньше, в литовско-славянском языке, а также и в общенемецком языке. Из таких случаев, как новонемецкое *Vater*, известно, что из индоевропейского иррационального слогового *a* получалось еще в общенемецком языке *ā*. Что же касается общеславянского языка, то я думаю, что здесь этот индоевропейский звук существовал в виде *ǫ* (= литовскому *a*) и, следовательно, совпадал с общеславянским *ǫ* из индоевропейских *ǎ^o* и *ǎ^a*; в старославянском и русском языках, следовательно, и здесь является *o*. При определении такого славянского *o* важно сопоставление с древнеиндийским языком, а так как в этом курсе я не привожу вовсе фактов древнеиндийского языка, то потому я не могу здесь объяснить, почему в известных случаях в общеславянском *o* я вижу индоевропейское иррациональное слоговое *a*. Такое *o* я нахожу, например, в старославянском *o* перед *x* в аористе, например в формах *рѣкохъ*, *несѣхъ*; здесь старославянское *o* из индоевропейского иррационального слогового *a* в качестве соединительной гласной, между тем как такие формы старославянского аориста, как *рѣхъ* (из **рѣихъ*), восходят к индоевропейскому образованию того же аориста без этой соединительной гласной; из древнеиндийского языка известны как образование аориста, соответствующее славянскому *рѣкохъ*, *несѣхъ*, так и образование аориста, соответствующее славянскому *рѣхъ*. Касательно старославянского *x* в *рѣкохъ*, *несѣхъ* надо заметить, что оно произошло из индоевропейского *s*; о переходе *s* в *χ* в общеславянском языке я буду говорить впоследствии, а пока замечу, что с этим *χ* в аористе родственно, следовательно, греческое *σ* в сигмати-

ческом аористе. Другие примеры для общеславянского *ǫ*, старославянского *ǫ* из индоевропейского слогового иррационального *a*: старославянское *къмъ*, русское *кол*, тождественное с известным древнеиндийским словом, имеющим гласную из индоевропейского *α*; старославянское *спѣръ* — „обильный“, русское *спорый* — „прибыльный, успешный“, тождественное с известным древнеиндийским словом, имеющим гласную из индоевропейского *α* (корень в этом слове тот же, что в *спѣти*, где *ѣ* из *ǣ*^с).

Индоевропейское неслоговое иррациональное *a* существовало, как я говорил, лишь в сочетаниях с плавными и носовыми согласными и притом по большей части в сочетаниях с последующими плавными и носовыми. Индоевропейскими плавными согласными были *r*, *l* и плавная, называемая мною неопределенной плавной индоевропейского языка (так как она не может быть точно определена: или известный род *r*, или известный вид *l*); носовыми согласными в индоевропейском языке были звуки *n* различного места образования и губная носовая *m* (см. дальше). Индоевропейское *α*, существовавшее в сочетании с плавными и носовыми согласными, было получено общеславянским языком из литовско-славянского языка в большинстве случаев в виде *i*, а в некоторых редких случаях (перед плавными и носовыми) в виде *u*, причем происхождение этого *u* вместо обыкновенного *i* обуславливалось, вероятно, в литовско-славянском языке известным фонетическим положением звука в словах. Литовско-славянское *i* и редкое *u* из индоевропейского *α* в положении *перед* индоевропейскими *неслоговыми* плавными и носовыми были в общеславянском языке слоговыми иррациональными *i* и *u*, т. е. слоговыми *ь* и *ѣ* (и такими, может быть, были получены из литовско-славянского языка); точно так же и литовско-славянское *i после* индоевропейских слоговых плавных и носовых было в общеславянском языке слоговым иррациональным *i*, т. е. *ь*, между тем как индоевропейская слоговая плавная или слоговая носовая в таком положении являлась в общеславянском языке неслоговою. Эти общеславянские *ь* и *ѣ*, с которыми совпали здесь *ь* и *ѣ* из индоевропейских *ĩ* и *ỹ* (см. далее), перешли и в старославянский язык как *ь* и *ѣ* (об изменениях *ь* и *ѣ* в диалектах старославянского языка я говорю далее); в русском языке, в зависимости от различного положения

в словах, эти *ь* и *ѣ* или исчезали, или переходили в гласные полного образования: *ь* в *е*, *ѣ* в *о*. Что касается литовско-славянского *ĩ* и редкого *ũ* из индоевропейского *ǣ* в положении *перед* индоевропейскими слоговыми плавными и носовыми, то эти *ĩ* и *ũ*, как можно думать на основании указаний балтийских и славянских языков, были получены общеславянским языком в качестве неслоговых иррациональных, т. е. в качестве неслоговых *ь* и *ѣ* (*ь*, *ѣ*), причем слоговые плавные и носовые продолжали сохранять слоговое свойство. Общеславянские *ьr*, *ьl*, *ѣr*, *ѣl* (значок под *r*, *l* выражает слоговое свойство согласных) такого происхождения имели этот вид и в эпоху распада общеславянского языка (причем общеславянское *ьl* имело *ѣ* не только из литовско-славянского *ũ*, но также и из литовско-славянского *ь* при известном фонетическом положении последнего, как мы увидим далее). Что же касается общеславянских *ьn*, *ьm*, *ѣn*, *ѣm* указанного происхождения, то в известную эпоху жизни общеславянского языка, когда возник здесь фонетический закон относительно образования носовых гласных из сочетаний „гласная + носовая согласная“ в положении без последующей гласной, *ьn*, *ьm* перешли в *е* носовое, которое в положении перед согласной (как и всякая носовая гласная в таком положении) становилось долгим, а в положении в открытом конечном слоге переходило, по-видимому, в *е* краткое неносовое; соответственно с этим надо думать, что *ѣn*, *ѣm* в эпоху образования носовых гласных перешли в общеславянском языке в *о* носовое, которое в положении перед согласной становилось долгим (примеры для гласной из „*ѣ* + слоговая носовая“ в открытом конце слова не известны). От общеславянского *е* носового и редкого *о* носового этого происхождения должны быть отличаемы общеславянские *е* и *о* носовые другого происхождения, о которых я говорю далее. Надо заметить еще, что общеславянские *ьn*, *ьm*, *ѣn*, *ѣm* при известном фонетическом положении в словах имели в общеславянском языке другое изменение и дали в результате *ѣ*, как мы увидим далее. Что касается различия между индоевропейскими краткими и долгими слоговыми плавными и носовыми в их сочетании с предшествовавшим неслоговым иррациональным *a*, то в общеславянском языке, где плавные и носовые в таких сочетаниях были получены из литовско-славянского

языка, по-видимому, всюду некроткими, различие между индоевропейской краткостью и долготой слоговых плавных в этих сочетаниях продолжало сохраняться в эпоху распада общеславянского языка в различном качестве долготы этих некротких слоговых плавных в положении под ударением или в различном качестве ударения этих сочетаний, между тем как подобное же различие, существовавшее некогда в слоговых носовых, отразилось на различном качестве долготы долгих носовых гласных, полученных из таких сочетаний, в положении их под ударением или на различном качестве ударения этих долгих носовых гласных.

В старославянском и русском языках история рассматриваемых мною теперь общеславянских звуков была такова. Общеславянское *e* носовое и редкое *o* носовое указанного происхождения в старославянском языке, как и всякие носовые *e*, *o*, сохранились как носовые гласные *ѣ* и *ѡ* (*e* и *o* носовые); в русском языке всякое общеславянское *e* носовое перешло в *я*, т. е. *ja*, в положении без предшествующей согласной и ⁽¹⁾*a* после согласной, становившейся при этом смягченной (знаком⁽¹⁾ в ⁽¹⁾*a* передается смягчение предшествующей согласной), а всякое общеславянское *o* носовое в русском языке перешло в *у*. Что касается общеславянских сочетаний *ѣг*, *ѣл*, *ѡг*, *ѡл*, то в старославянском языке они получили перестановку гласной и плавной, т. е. перешли в сочетания *рь*, *ль*, *рь*, *ль*, которые в различных диалектах старославянского языка имели различную историю. В диалектах паннонских глаголических текстов плавные в этих сочетаниях такого происхождения продолжали сохраняться слоговыми, между тем как *ь* и *ѣ* остались неслоговыми: на это указывает отсутствие изменения таких *ь* и *ѣ* в *ѣ* и *ѡ* в этих диалектах при условиях, вызывавших здесь такое изменение в других *ь* и *ѣ*, как мы увидим далее, между прочим, в тех группах *рь*, *ль*, *рь*, *ль*, которые произошли из общеславянских *rb*, *lb*, *rw*, *lw* (с слоговыми *ь* и *ѣ* различного происхождения). Для диалекта Зографского евангелия (паннонский глаголический текст) различие между *ь*, *ѣ* в группах *рь*, *ль*, *рь*, *ль* из общеславянских сочетаний *rb*, *lb*, *rw*, *lw*, с одной стороны, и из общеславянских сочетаний „*ь* или *ѣ* + *г* или *л*“, с другой стороны, свидетельствуется также тем, что в группах *рь*, *ль*, *рь*,

лъ из общеславянских *ьг*, *ьл*, *ьг*, *ьл* в этом памятнике существует, по наблюдению Ягича, такое колебание в употреблении ь и ъ, с преобладанием, впрочем, ъ, какого вообще, за известными исключениями, не представляют здесь ь и ъ в группах *рь*, *ль*, *рь*, *ль* из общеславянских *rb*, *lb*, *rg*, *lg*. В других древних глаголических текстах в группах „плавная + иррациональная гласная“ перед согласными того и другого происхождения пишется почти исключительно ъ (из общеславянских *ь* и *ѣ*), причем, как я заметил уже, вместо ь и ъ из общеславянских слоговых *ь* и *ѣ* при известном фонетическом положении здесь являются и *ѡ* вместо ъ, и *ѣ* вместо ь, между тем как вместо ъ из общеславянских неслоговых *ь* и *ѣ* (в сочетании с слоговыми плавными) при том же фонетическом положении мы не находим здесь *ѣ* и *ѡ*. Саввина книга и Супрасльская рукопись (важнейшие из паннонских памятников, писанных кириллицею) отличаются от глаголических паннонских текстов по отношению к истории рассматриваемых нами звуковых сочетаний в том отношении, что здесь в группах „плавная + иррациональная гласная“ из общеславянских групп *ьг*, *ьл* (а также и из общеславянских *rb*, *lb*) не господствует ъ, но очень часто является и ь, особенно при *р*: в Супрасльской рукописи мы находим то *рь*, *ль* из общеславянских *ьг*, *ьл*, то *рь*, *ль* (при другом фонетическом положении), то колебание в одном и том же случае между ь и ъ, а в Саввиной книге господствует ь из общеславянского *ь* в этих сочетаниях, хотя и здесь в известных случаях являются *ль* вместо *ль* или при *ль* из общеславянского *ьл* и *рь* вместо *рь* или при *рь* из общеславянского *ьг*. Относительно Супрасльской рукописи надо заметить при этом, что хотя здесь, как и в глаголических текстах, существует вообще замена ь через *ѣ* при известном фонетическом положении, между прочим, и в группах *рь*, *ль* из общеславянских *rb*, *lb*, такая замена, однако, как и в глаголических текстах, не является в *рь*, *ль* из общеславянских *ьг*, *ьл*, откуда следует, что и в этом диалекте ь в таких группах (а следовательно, и ъ в группах *рь*, *ль* из общеславянских групп *ьг*, *ьл*) было получено неслоговым. Для диалекта Саввиной книги мы не имеем прямых указаний на то, что ь и ъ в сочетаниях *рь*, *рь*, *ль*, *ль* из общеславянских сочетаний *ьг*, *ьг*, *ьл*, *ьл* были получены неслоговыми, так как этот памятник не представляет

изменения каких бы то ни было **ь и ѣ**. С диалектом Саввиной книги сходится и диалект Остромирова евангелия (древнейшего из непаннонских текстов) в том отношении, что и здесь мы не находим прямых указаний на неслоговое свойство **ь и ѣ** в сочетаниях „плавная + **ь** или **ѣ**“ из общеславянских сочетаний „**ѣ** или **ѣ** + слоговая плавная“; при этом общеславянское **ѣ** в **ѣг** обыкновенно сохраняется в Остромировом евангелии как **ь** в **ръ** и лишь редко заменяется через **ѣ** в **ръ**, между тем как общеславянское **ѣг** является в Остромировом евангелии в виде **лъ**, т. е. общеславянские **ѣг** и **ѣг** совпадают в Остромировом евангелии в одном **лъ**. В этом **лъ**, где оно восходит к общеславянскому **ѣг**, изменение **ь** в **ѣ** произошло в диалектах старославянского языка еще ранее старославянской перестановки гласной и плавной в таких сочетаниях, как это видно из того, что общеславянское **ѣг** и в диалекте Остромирова евангелия удерживает **ь**, т. е. является как **лъ**; изменение общеславянское **ѣг** в диалектах старославянского языка в **лъ** через посредство **ѣг** обусловлено было тем, что **ѣ** было известным видом **ѣ** (**ѣ** открытого) слогового и это-то **ѣ** влияло на изменение предшествовавшего **ь** в **ѣ**. Приводя в этом курсе старославянские слова, заключающие в себе сочетания, полученные из общеславянского **ѣг**, я даю им только **ръ** (оставляя в стороне позднейшее диалектическое **ръ** из **ръ**), а приводя старославянские слова, заключающие в себе сочетания, полученные из общеславянского **ѣг**, я даю им **лъ** (издавна существовавшее в диалектах из всякого **ѣг**), а также и **лъ** в тех случаях, где оно засвидетельствовано как древнее **лъ** Саввиной книгой и Зографским евангелием. Относительно Остромирова евангелия и других старославянских памятников русской редакции надо заметить, что старославянские группы „плавная + иррациональная гласная“ из общеславянских групп „неслоговая иррациональная гласная + слоговая плавная“ нередко писались здесь ошибочно с **ь** и **ѣ** перед плавными (например, **мьрътъѣ**, **пѣанѣ** вместо **мрътъѣ**, **пѣанѣ**), в применении к русскому произношению, или же с **ь** и **ѣ**, или с заменявшим их надстрочным знаком и перед плавной и после плавной (например, **пѣръсѣ** вместо **пръсѣ**, **пѣръѣѣ** вместо **пръѣѣ**, **пѣръѣѣ** вместо **пръѣѣ**, **вѣанѣ** вместо **връкъ**, **дѣанѣ** вместо **дръгѣ**). В русском языке общеславянские сочетания „**ѣ** или **ѣ** + слоговая плав-

ная“ перешли в сочетания „*e* или *o* + плавная неслоговая“, причем *e* в этих сочетаниях из общеславянского *ь*, а *o* из общеславянского *ѡ*, а также из общеславянского *ь* перед *l* (при посредстве изменения этого *ь* в *ѡ*) в том случае, когда этому *ь* предшествовала согласная, полученная из общеславянского языка не смягченной, но лишь полусмягченной, полумягкой.

Укажу теперь на сочетания индоевропейского неслогового иррационального *a* с плавными и носовыми в их переходе в греческий и латинский языки, причем я ограничусь теми сочетаниями, в которых эта гласная предшествовала плавным и носовым, а из слоговых носовых в этих сочетаниях я возьму только краткие слоговые носовые. В греческом языке индоевропейское неслоговое иррациональное *a* перед неслоговою носовою или плавною является в виде краткого слогового *α*; перед неслоговою плавною мы находим в греческом языке и *ο* слоговое из индоевропейского неслогового иррационального *a*, именно там, где плавная получилась в индоевропейском языке из долгой плавной. Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное *a* + краткая слоговая носовая“ в греческом языке давали по большей части, именно там, где эти сочетания были получены без ударения, краткое слоговое *α* с полной утратой носовой согласной. Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное *a* + краткая слоговая плавная“ в греческом языке обращались в сочетания *αρ*, *αλ*, допускавшие перестановку в *ρα*, *λα*: плавная в том и другом случае была в греческом языке неслоговою, а гласная была слоговою; в редких случаях, где эти сочетания были получены под ударением, греческий язык имел отсюда *ρo*, *λu*, откуда далее диалектическое *λo*, с краткой слоговой гласной и неслоговой плавной. Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное *a* + долгая слоговая плавная“ в греческом языке давали или *ορ*, *ολ* (с краткой слоговой гласной и неслоговой плавной), или с перестановкой *ρo*, *λo* (с долгой слоговой гласной и неслоговой плавной, — долгота гласной образовалась здесь под влиянием бывшей прежде долготы плавной). — В латинском языке индоевропейское неслоговое иррациональное *a* перед неслоговой носовой *n*, а также перед краткими слоговыми носовыми обратилось в краткие слоговые *e*, *i*, причем носовая всегда являлась неслоговой (различие между *ẽ* и *ĩ* на-

ходило в зависимости от различного положения звука в слове), а перед индоевропейским неслоговым *m* неслоговое иррациональное *a* перешло в латинском языке в краткие слоговые *o*, *u* (различие между *o* и *u*, откуда далее в известных случаях *i*, зависело от различного положения звука в слове). Индоевропейское неслоговое иррациональное *a* перед краткою неслоговою плавной в латинском языке обратилось в краткое слоговое *o*, откуда при известных условиях и перед *l*. Индоевропейское неслоговое иррациональное *a* перед краткою слоговою плавной переходило в латинском языке также в краткое слоговое *o*, откуда при известном положении *u*, а перед *r* иногда, по-видимому (при каких-то условиях), и в краткое слоговое *e*, причем плавная и в том и в другом случае становилась здесь неслоговою. Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное *a* + долгая слоговая плавная“ в латинском языке или переходили в сочетания *rā*, *lā*, *rē*, *lē*, где плавная была неслоговою, а гласная долгою (долгота слоговой гласной была заимствована из долготы плавной), или, при других условиях, отсюда получались сочетания *ar*, *al*, *er*, *el* без перестановки, где гласная была слоговою, а плавная неслоговою.

Примеры. *Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное *a* + неслоговая носовая“.* Старославянское *ъ* из индоевропейского неслогового иррационального *a* перед неслоговою носовою: *уѣнѣ* в глаголе *на-уѣнѣ* (*на* — предлог), русское *начну*, от того же корня с индоевропейскою гласной полного образования *ǣ^o*; старославянское *кѣнѣ* — „начало“, являющееся в наречии *некоѣнѣ*; старославянское *мѣнѣ*, русское *мню* в *помню*, от того же корня с индоевропейскими *ǣ^e* и *ǣ^o*, например, греческие *μῆνός*, *μῆνους*; старославянское *жѣнѣ*, русское *жму*, от того же корня с индоевропейскими *ǣ^e* и *ǣ^o* греческие *γῆμνός*, *γῆμνός*. Старославянское *ъ* из индоевропейского неслогового иррационального *a* перед неслоговою носовою, обратившегося еще в литовско-славянском языке не в *i*, как обыкновенно, но в *u*: старославянское *гѣнѣти*, русское *знать*, от того же корня с индоевропейскими гласными *ǣ^e* и *ǣ^o* старославянские *женѣ*, *гонѣ*, русское *гоню*, между тем как с старославянским *ъ* в *гѣнѣти* тождественно прусское *u* в родственном слове; старославянское *дѣнѣ* — „дую“ (неопределенное *дѣти*), с старославянским *ъ* в этом слове тож-

дественно литовское *и* в соответствующем слове (*dumii*), а родственные слова древнеиндийского языка указывают на индоевропейский корень в полном виде с гласной *й* известного качества перед *т*.

Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное а + слоговая носовая“. Старославянское *м* из индоевропейского сочетания „неслоговое иррациональное *а* + слоговая носовая“ в положении не в открытом конце слова: старославянское *память*, русское *память*, где *па-* — предлог, а *мать* тождественно с литовским *mintis* в *at-mintis* — „память“, где *at-* — предлог, и с латинским *mens*; старославянское *десать*, *десатын*, русское *десять*, а также старославянское *десать*, русское *десять*, сравните греческое *δέκατος*, где греческое *α* восходит к индоевропейскому сочетанию „неслоговое иррациональное *а* + слоговая носовая“. Старославянское *ж*, т. е. *о* носовое из индоевропейского сочетания „неслоговое иррациональное *а* + слоговая носовая“ при положении не в открытом конечном слоге, там, где неслоговое иррациональное *а* еще в литовско-славянском языке давало не *і*, как обыкновенно, но *и* (случаи вообще редкие); вполне достоверные примеры не известны, но, может быть, сюда принадлежит старославянское *ж*, например, в неопределенном *дѣти* (сравните настоящее время *дѣмъ*, о котором я говорил), если *дѣти* вполне тождественно с литовским *dūmti* — „дуть“. Об индоевропейском сочетании „неслоговое иррациональное *а* + слоговая носовая“ в открытом конечном слоге в общеславянском языке и далее в старославянском и русском языках я буду говорить впоследствии.

Индоевропейские сочетания „слоговая носовая + неслоговое иррациональное а“. Старославянское *ь* из индоевропейского неслогового иррационального *а* после слоговой носовой, бывшей в общеславянском языке уже неслоговою, между тем как гласная стала слоговою: такое старославянское *ь* является, например, в глаголе *нѣзѣти*, в сложении с предлогом *въ-нѣзѣти*, при родственном *въ-нозѣти*, где *ѡ* из индоевропейского *а* полного образования, именно из *ā*^о; тот же корень в существительном *ножь*, русское *нож*, где *ѡ* из индоевропейского *ā*^о.

Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное а + неслоговая плавная“. Старославянское *ь* из индоевропей-

ского неслогового иррационального *a* перед неслоговою плавной является, например, в старославянском *дѣрати*, русское *драть*, сравните греческое *δαρ-*, например, в *ἐδάριον*, *δαρτόμοι*, где греческая *α* из индоевропейского неслогового иррационального *a*, от того же корня с *ǵʰ* греческое *δαίρω*, старославянское *дѣрѣ*, русское *деру*. Такое же *ь*, как в *дѣрати*, является, например, и в старославянском *вѣрати*, русское *брать*, при старославянском *вѣрѣ*, русское *беру*, где *в* из индоевропейского *ǵʰ*; или такое же *ь* в *мѣрѣ*, русское *мру*, родственное латинское *mor-* в *morior* может иметь *o* того же происхождения, т. е. из индоевропейского неслогового иррационального *a*; такое же *ь* в старославянском *стѣлати*, русское *стлать*, при *с* из индоевропейского *ǵʰ* в *стѣлѣ*, русское *стелю*. Что касается старославянского *ѣ* из индоевропейского неслогового иррационального *a* перед неслоговою плавной, именно из того индоевропейского неслогового иррационального *a* перед неслоговою плавной, которое еще в литовско-славянском языке обратилось не в *i*, как обыкновенно, а в *u*, то достоверные примеры здесь мне не известны: может быть, сюда принадлежит, например, *кѣрь* — „корень“, сравните родственные *кѣра*, *кѣрень*, русское *корень*, где славянское *o* из индоевропейского *ǵʰ*, чередовавшегося с *ǵʰ* (родственные слова балтийских языков имеют *e*).

Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное a + слоговая плавная“. Старославянские группы *рь(ръ)*, *ль(лѣ)* из общеславянских групп *ьr*, *ьl*; таково происхождение *рь*, например, в старославянском *сѣ-мрьѣ*, русское *смерть*, в старославянском *мрьѣтъ*, русское *мертв*, тождественны латинские *mors*, *mortuus*, а от того же корня с *ǵʰ* и с *ǵʰ* старославянское *мрьѣти* (где старославянское *рь* из общеславянского *er*), русское *мереть* (с полногласием), старославянское *мѣрьѣ*, русское *мор*; старославянское *четьртыи*, русское *четвертый*, тождественно греческое *τέταρτος*, *τέταρτος* (греческое *αρ*, при *ρα*, из того же индоевропейского сочетания „неслоговое иррациональное a + слоговая плавная“); старославянское *срьдѣче*, русское *сердце*, родственны греческие *καρδία*, *καρδίη*, латинское *cor(d)*, где греческие *αρ*, *ρα*, латинское *or* из того же индоевропейского сочетания „неслоговое иррациональное a + краткая слоговая плавная“; старославянское *вѣлькѣ* (так в Зографском евангелии) и *вѣлькѣ*,

русское *волк*, тождественны литовское *vilkas*, греческое *λύκος*, новонаемецкое *Wolf*; старославянское *вѣмъ* — „шерсть“, русское *во́лна*, тождественны литовское *vilna*, латинское *lāna*, где латинское *lā* восходит к индоевропейскому сочетанию „неслоговое иррациональное *a* + долгая слоговая плавная“; старославянское *про-стрѣтъ* (при неопределенном *про-стрѣти*), где старославянское *стрѣтъ* тождественно с греческим *στρωτός*, латинским *strātus*, т. е. здесь слоговая плавная в индоевропейском языке была долгой; старославянское *зръно*, русское *зерно*, тождественны латинское *grānum* (индоевропейская слоговая плавная была здесь долгой), новонаемецкое *Korn*. Старославянская группа „плавная + ъ“ из общеславянской группы „ѣ + слоговая плавная“, где ѣ из литовско-славянского *и*, вместо обыкновенного *i*, из индоевропейского неслогового иррационального *a*: примером может служить старославянское *грѣло*, русское *горло*, родственно литовское *gurklýs* — „зоб птицы“, „кадык“, где литовское *и*, тождественное с старославянским ѣ в *грѣло*, восходит вместе с ним к литовско-славянскому *и* из индоевропейского неслогового иррационального *a* перед плавной; от того же корня с индоевропейским *ǵʰ* литовское *gerklė* — „горло“, с которым родственно русское *ожерелье* (русское *ере* из общеславянского *er* перед согласной). О старославянской группе *ѣ* из такой общеславянской группы *ѣ*, где ѣ было изменением литовско-славянского *i* при известных фонетических условиях, я буду говорить впоследствии.

*Индоевропейские сочетания „слоговая плавная + неслоговое иррациональное *a*“.* Старославянское ѣ из индоевропейского неслогового иррационального *a* после слоговой плавной, бывшей в общеславянском языке уже неслоговою, между тем как гласная была здесь слоговою: старославянское *рънъ*, где ѣ из *k*, при *рънъ*, где ѣ из индоевропейского *ǵʰ*; сравнение с литовским языком показывает, что литовско-славянский язык имел при сильной основе *rek-* слабую основу *rik-*, где *i* из индоевропейского неслогового иррационального *a* после плавной. Другим примером является старославянское *не-прѣ-вѣдомъ* — „беспредельный“, собственно, „неперебредомый“, при *вѣдомъ*, русское *бреду*, где *e* из индоевропейского *ǵʰ*; сравнение с литовским языком

показывает, что литовско-славянский язык имел при сильной основе *bred-* слабую основу *brid-*, где *i* из индоевропейского неслогового иррационального *a* после плавной.

Перехожу теперь к индоевропейским гласным *i* и *u* и останавлиюсь сперва на индоевропейских *i* и *u* слоговых кратких и долгих в положении без последующей гласной, т. е. перед согласной или в конце слова.

Индоевропейское слоговое краткое *i* в положении без последующей гласной, откуда в греческом и латинском языках также *ī*, в общеславянском языке с течением времени обратилось в *ь*, т. е. в *i* иррациональное и потому открытое, откуда и в старославянском языке *ь*; в русском языке, в зависимости от различного положения в словах, эта иррациональная гласная или исчезала, или переходила в краткую гласную *e* (сравните сказанное мною прежде об изменении в русском языке того общеславянского иррационального *i*, которое образовалось из индоевропейского неслогового иррационального *a*). Следовательно, в общеславянском и старославянском *ь* надо отличать *ь* из индоевропейского неслогового иррационального *a* от *ь* из индоевропейского краткого слогового *i* в положении без последующей гласной. Старославянское *ь* из индоевропейского *ī* является, например, в старославянском *ѣь* в местоимении *ѣто* (русское *что*, откуда *што*), где общеславянское *č* из *k* вследствие положения перед мягким звуком, и с этим *ѣь* тождественны латинское *quid*, греческое *τί* (греческое *τ* из первоначального *k*, как мы увидим далее); с старославянским *овѣѣ* (русское *овца*) родственны латинское *ovis*, греческое *ὄvis*, *ὄϊς*, откуда далее *οἶς*; старославянское *-мь* (русское *-м*) в окончании 1-го лица единственного числа настоящего времени известных глаголов, например в *ѣмь*, *дѣмь* (русское *дам*), тождественно греческое *-μι*, например в *εἶμι*, *δίδωμι*; старославянское *-ть* (русское *-т* смягченное и *-т* несмягченное) в 3-м лице единственного числа настоящего времени, например в *ѣть* (русское *есть*), *дасть* (русское *даст*), *береть* (русское *берет*), тождественно с греческим *-τι*, *-σι* (где *σ* из *τ*), например в *ἐστί*, *δίδωσι* (дорическое *δίδωσι*); старославянскому *днь* (русское *день*) родственно латинское *dñn-* в *nundīnae*, а также и известное древнеиндийское слово с *ī* в корне.

Индоевропейское *i*, откуда в греческом и латинском *i*, сохранялось и в общеславянском языке как *i*; в старославянском отсюда *i* (буквы и, ѣ), количество которого не известно, в русском *i* (*и*), понятно, краткое, так как здесь сократились все долгие гласные. Например, старославянское *живъ*, русское *жив* (где общеславянское *ž* из *g* перед мягким звуком), тождественно латинское *vīvus* (где *v* в начале из известного рода *g*), в греческом родственно *βίος* из *βίης* (где греческое *β* из известного рода *g*), но это греческое слово отличается от латинского и славянского слова тем, что имеет *ī* из первоначального *ī*, а не *i* из первоначального *i*; старославянское *пити*, русское *пить*, тождественно с греческим *πι-*, например, в *πίδι*; старославянское *свинъ* — „свиной“, *свинны*, русское *свинья*, родственны латинское *suīnus*, новонемецкое *Schwein* (где новый дифтонг *ei* из древнего *i*).

Индоевропейское *й* слоговое в положении без последующей гласной, откуда латинское *й*, общегреческое *й*, обратившееся в диалектах, например в ионическом и аттическом, в *й* (*υ*), в общеславянском языке с течением времени стало иррациональным и потому открытым, подобно тому как индоевропейское *ī* в том же положении в общеславянском языке в эпоху его распада было иррациональным и потому открытым. Из общеславянского иррационального слогового *и*, т. е. *ъ*, получилось *ь* и в старославянском языке, а в русском языке, в зависимости от различного положения в слове, эта иррациональная гласная или исчезала, или переходила в краткую гласную *о*; сравните сказанное мною о замене в русском языке того общеславянского *ъ*, которое образовалось в известных случаях из индоевропейского неслогового иррационального *а*. Следовательно, в общеславянском и старославянском языках *ъ* из индоевропейского краткого *и* должно быть отличаемо по происхождению от *ъ* из индоевропейского неслогового иррационального *а* в известных случаях. Старославянское *ъ* из индоевропейского краткого слогового *и* в положении без последующей гласной является, например, в старославянском *дъшти*, русское *дочь*, где старославянское *шт*, русское *ч* произошли из известной общеславянской группы, получившейся из *kt* в положении перед мягкой гласной; тождественны литовское *duktė* (где *ė*

выражает долгое закрытое *e*), немецкое *Tochter*, родственно греческое *θυγάτηρ*; старославянское *мѣдъ*, русское *мед*, тождественно греческое *μέθυ*; старославянское *снѣха*, русское *сноха* (где общеславянское *χ* из *s*), родственны латинское *nurus* (где *r* из *s* в положении между гласными), греческое *νύξ* (в греческом языке *s* между гласными исчезало).

Индоевропейское *ī*, откуда латинское *ī*, общегреческое *ī*, изменившееся в диалектах, например в ионическом и аттическом, в *ī* долгое (*ū*), в общеславянском языке с течением времени обратилось в долгое *y* (*ы*); отсюда старославянское *ы* и в русском языке также *ы*. Например, старославянское *дымъ*, русское *дым*, тождественное с латинским *fūmus* (*f* из индоевропейского *d* придыхательного), то же слово известно из древнеиндийского языка с *d* придыхательным в начале; старославянское *бѣ-* в *бѣти*, русское *быть*, тождественно с греческой глагольной основой *φύ-*, при основе *φύ-*, в латинском языке греческой основе *φύ-* соответствует *fū-* в слове *futurus*; старославянское *мышь*, русское *мышь*, родственны греческое *μῦς*, латинское *mūs* (общеславянское *š* в *мышь* из *χ* перед мягкой гласной, а *χ* из первоначального *s*); старославянское *иѣнь*, родственно греческое *νύ*; старославянское *ъ* в окончании некоторых именных основ в именительном единственного числа, как например в *любы* — „любовь“, *свекръ* — „свекровь“, сравните греческое *ὁ* в окончании известных именных основ, например в *ὁφρῶς*, *πληθύνς*.

Индоевропейские *i* и *u* слоговые существовали в индоевропейском языке лишь в положении перед согласными или в конце слова, в положении же перед гласными *ī* и *ū* слоговые еще в индоевропейском языке распадались на звуки двух слогов, именно *ī* переходило в *ĩ* слоговое одного слога + *i* другого слога, а *ū* переходило в *ũ* слоговое одного слога + *u* другого слога, причем *i* и *u* в этих сочетаниях при известных фонетических условиях изменялись в *j* и *v* (*j* из *i*, *v* из *u*). В старославянском языке, как мы знаем, из индоевропейского *ī* слогового получалось *ь* (т. е. *и* иррациональное), а индоевропейские *ũ* и *v* являлись здесь в виде *в*, как мы увидим далее; поэтому индоевропейским сочетаниям „*ī* слоговое одного слога + *u* или *v* другого слога“ в старославянском языке соответствует сочетание *ъв*, например,

в родительном единственного числа *любѣѣ*, *свекръѣѣ*, при именительном *любѣѣ*, *свекръѣѣ*, где *ѣѣ*, как я говорил, из индоевропейского *ī*; сравните в греческом языке, где в наречиях аттическом и ионическом рано исчезло *ε*, например, родительный единственного числа *οὐός* из *οὐφος* с *ϝ* при именительном *οὐός* с *ϝ*. Из индоевропейского сочетания „*ī* слоговое одного слога + *j* другого слога“, а частью также из сочетания „*ī* слоговое одного слога + *i* другого слога“ при известном его положении (как я объясню впоследствии), в чередовании этих сочетаний с *ī* в положении без последующей гласной, в старославянском языке надо ждать *i* + *j* (старославянский звук, который мог быть *i* или *j*, я называю условно *j*), так как еще в общеславянском языке в положении перед *j* (*i*), как мы увидим далее, *ь*, т. е. иррациональное *i* переходило в *i*, вероятно, среднее по количеству между *ī* и *ī*, откуда старославянское *и*, изменявшееся в диалектах в *ѣ*. Такое старославянское *i* + *j* из индоевропейского сочетания „*i* слоговое одного слога + *i* или *j* другого слога“, полученного из *ī* в положении перед гласной, является, например, в слове *принѣтъ*, как показывают родственные слова древнеиндийского языка; сравните в греческом языке такие случаи, как *κίός* из *κίϝος*, при именительном *κίς*. Индоевропейские сочетания „*ī* слоговое одного слога + *i* или *j* другого слога“ из *ī* перед гласной и „*ī* слоговое одного слога + *u* или *v* другого слога“ из *ī* перед гласной — эти сочетания при известном фонетическом положении теряли, может быть, еще в индоевропейском языке *i* или *j* и *u*, перед гласной, т. е. переходили в одно краткое слоговое *i* перед гласной и в одно краткое слоговое *u* перед гласной. Но индоевропейский язык имел также и такие краткие слоговые *i* и *u* в положении перед гласной, которые не находились в чередовании с *ī* и *ī* без последующей гласной, т. е. такие, которым в положении без последующей гласной соответствовали также *ī* и *ī* слоговые. Эти индоевропейские сочетания „*ī* слоговое или *ī* слоговое + гласная“ при известных фонетических условиях, может быть, получали в индоевропейском языке неслоговое *i* или *j* между *ī* слоговым и следующей гласной и неслоговое *u* или *v* между *ī* слоговым и следующей гласной, так что индоевропейский язык в эпоху его распада имел сочетания *īja*, *īva* как из сочетаний *īa*, *īa*,

так, может быть, при известных фонетических условиях, и из сочетаний *īa*, *īa*, а индоевропейские сочетания *īa*, *īa* были частью первоначальными *īa*, *īa*, частью же, при известных фонетических условиях, получались, может быть, и из *īa*, *īa* через посредство *īja* (или *īja*) и *īja* (или *īja*). Греческий и латинский языки не позволяют нам различать индоевропейские *īja* и *īja*, а также *īja*, с одной стороны, и индоевропейские *īa*, *īa*, с другой стороны (гласную *a* я беру в качестве представителя различных гласных), так как мы находим греческое и латинское *ia* и латинское *ia*, греческое диалектическое *ia* и в том и в другом случае. В латинском языке индоевропейские сочетания *īja* и *īja* также совпали в одном *ia*, но в греческом языке *īja* при фонетическом изменении, там, где оно не заменялось по аналогии сочетанием *īja* родственных образований, отличалось, по-видимому, от *īja*, а именно, первоначальное *j* в таком положении в греческом языке давало, по-видимому, *δ* (таково, может быть, происхождение греческого *δ* в таких случаях, как *ἐρίδος*). Что касается общеславянского языка, то здесь индоевропейские *īja* и *īja*, *īja* отличались от индоевропейских *īa*, *īa* при положении в последних слоговых *i* и *u* в неначальном слове. Я говорил уже о том, в каком виде мы находим в общеславянском языке индоевропейские сочетания *īja* и *īja*, *īja*; что же касается индоевропейских сочетаний *īa*, *īa* при положении в них *i* и *u* в неначальном слове, то в таком *īa* слоговое *ī* с течением времени совпало в общеславянском языке с *i* в одном звуке, с которым совпало далее и индоевропейское *j*, причем, в зависимости от различного положения в словах, эти звуки имели в общеславянском языке различную историю, как мы увидим далее, а из индоевропейского *ī* перед гласной в неначальном слове получалось в общеславянском языке *u*, откуда старославянское *u*, русское *u*, причем то же общеславянское *u* получалось, как мы увидим далее, и из индоевропейских неслогового *u* и *u*. Старославянское *u*, русское *u*, из индоевропейского слогового *ī* перед гласной в неначальном слове является, например, в *мрътъ*, русское *мертвый*, тождественном с латинским *mortuus*, где, как показывают родственные по суффиксу древнеиндийские образования, индоевропейский язык имел слоговое *u* перед гласной. Что же

касается индоевропейских *īa*, *īa* с *i* и *u* в начальном слоге слов в общеславянском языке, то, по-видимому, в этом случае первоначальное *ī* слоговое перед гласной переходило в общеславянском языке в *i* + *j*, где *i* непосредственно из *ь* в положении перед *j*, а *ī* слоговое переходило при этом в *ъ* + *u*, если только эти общеславянские *ij*, *uv* не восходят к индоевропейским *īj*, *īv* (или *īi*, *īu*), чередовавшимся с *ī* и *ī* перед гласными при каких-то фонетических условиях. Такое общеславянское *ij* является, например, в родительном *trijb* — „трех“ (где *ь* из *ъ* после мягкой согласной), откуда старославянское *трии*, сравните греческое *τριῶν*, латинское *trium*; соответствующее слово литовского языка *trijū* позволяет думать, что *ij* существовало здесь еще в литовско-славянском языке. Общеславянское *uv* указанного происхождения, откуда старославянское *тъв*, является в числительном *дѣва* (русское *два*), тождественном с греческим *δύο*, латинское *duo*; тождественное древнеиндийское слово указывает на индоевропейское *ī* слоговое перед гласной, не на сочетание *ī* + *u* или *ī* + *v*.

Индоевропейские неслоговые *i* и *u* существовали в индоевропейском языке, как я говорил, в сочетаниях двух родов, а именно они примыкали в слоговом отношении или к последующему слоговому звуку, или к предшествующей слоговой гласной, причем в последнем случае получалось звуковое сочетание, называемое дифтонгом в тесном смысле этого термина, т. е. сочетание слоговой гласной с последующею неслоговою гласною того же слога. Индоевропейские *i* и *u* в сочетаниях первого рода я рассмотрю впоследствии вместе с согласными *j* и *v*, а теперь остановлюсь на индоевропейских дифтонгах, оканчивавшихся на неслоговые *i* и *u*. Слоговой гласной в этих индоевропейских дифтонгах были разного вида краткие и долгие *a*, т. е. индоевропейский язык имел дифтонги *āi*, *āu* и *āī*, *āu* с *ā^e*, *ā^e*, *ā^o*, *ā^o*, *ā^a*, *ā^a*, причем *ā^e* и *ā^o* в дифтонгах чередовались между собой так же, как и те *ā^e* и *ā^o*, которые являлись не в дифтонгах, а в долгих *a* различного качества существовали, вероятно, в дифтонгах те же два вида долготы, как и не в дифтонгах. Неслоговые *i* и *u* в дифтонгах *ai* и *au* (может быть, и в *āi*, *āu*) были в индоевропейском языке не только краткими, но также, в случаях более редких, долгими или полудолгими,

хотя история индоевропейских дифтонгов с долгими или полудолгими *i* и *u* в отдельных индоевропейских языках требует еще исследования. Индоевропейские дифтонги *āi* с *ā* различного качества, а может быть, и *āu* с *ā* различного качества получались частью путем стяжения в слове двух слоговых гласных: *a* и *i*, *a* и *u*, но обыкновенно они имели другое происхождение, причем дифтонги *āi* с *ā^e* и *ā^o*, чередовавшимися между собою так же, как эти гласные чередовались и вне дифтонгов, являлись в чередовании с *i* слоговым, обыкновенно кратким, но иногда и долгим, и подобным же образом дифтонги *āu* с *ā^e* или *ā^o*, чередовавшимися между собою, являлись в чередовании с *u* слоговым, обыкновенно кратким, иногда также долгим. Что касается индоевропейских дифтонгов *āi* и *āu* с долгим *a* различного качества, то частью они получались путем стяжения, например *āi* могло получиться из соединения „*ā* того или другого качества + *i* слоговое другой части слова“ или из соединения „*ā* того или другого качества + дифтонг *ai* с *a* того или другого качества другой части слова“, но, кроме того, они имели и иное происхождение, и в этих случаях дифтонги *āi*, *āu* могли чередоваться с *āi*, *āu*. Дифтонги существовали в индоевропейском языке в эпоху его распада лишь в положении без последующей гласной, т. е. перед согласной или в конце слова; впрочем, индоевропейские дифтонги *āi* с *ā* различного качества в положении перед согласной теряли *i* еще в индоевропейском языке, а дифтонги *āu* с *ā* различного качества теряли здесь *u* в положении перед носовой согласной (а также, вероятно, перед плавной) без последующей гласной.

Индоевропейские дифтонги āi с ā различного качества в языках греческом, латинском, старославянском, русском. В греческом языке мы находим эти индоевропейские дифтонги в виде *ai*, *ei*, *oi*, в древнелатинском также в виде *ai*, *ei*, *oi*, которые с течением времени стянулись в латинском языке в долгие гласные, а именно, *ai* через посредство дифтонга *ae* перешло в *ē*, *ei* в *ī*, *oi* частью в *ū*, частью же, при других условиях, через посредство дифтонга *oe* в *ō* долгое, откуда далее *ē*, а в конечном слове слов еще в древнелатинском языке вместо *oi* являлся дифтонг *ei*, который далее, как и

всякое *ei*, обратился в *i*. Мы видели, что в литовско-славянском языке индоевропейские $\check{a}^o$ и $\check{a}^a$ совпали в одном звуке $\check{a}^o$, откуда общеславянское $\check{o}$; поэтому и индоевропейские дифтонги $\check{a}i$ с $\check{a}^o$ и $\check{a}^a$ совпали в литовско-славянском языке в одном дифтонге $\check{a}^oi$, откуда общеславянский дифтонг $\check{o}i$. Это $\check{o}i$ в общеславянском языке с течением времени обратилось в $\bar{e}$ закрытое, в которое здесь перешло с течением времени и старое $\bar{e}$ открытое из индоевропейского $\bar{a}^e$, а в эпоху распада-ния общеславянского языка $\bar{e}$ того и другого происхождения одинаково распалось на дифтонгическое сочетание $i\bar{e}$, откуда старославянское $\bar{y}$, новое русское *e*. Индоевропейский дифтонг $\check{a}i$ с $\bar{a}^e$ в литовско-славянском языке звучал *ei*, ибо само индоевропейское $\bar{a}^e$ звучало здесь как $\bar{e}$, а в общеславянском языке дифтонг *ei* изменился с течением времени в $\bar{i}$ и совпал, следовательно, с $\bar{i}$ из индоевропейского $\bar{i}$; в старославянском языке отсюда *и* ($\bar{i}$), русское *и* (i). О тех общеславянских изменениях индоевропейских дифтонгов $\check{a}i$ с $\check{a}$ различного качества, которые были обусловлены известным фонетическим положением их в словах, я буду говорить далее.

Примеры. Старославянское $\bar{y}$ из индоевропейского дифтонга $\check{a}i$ с $\bar{a}$, не склонявшимся к *e*: старославянское *львъ*, русское *левый*, греческое $\lambda\alpha\iota\acute{o}\varsigma$ из $\lambda\alpha\iota\bar{f}\acute{o}\varsigma$, латинское *laevus*; старославянское *въмь* — „я знаю“, а также *въдъ* — „я знаю“, сравните греческое $\omicron\delta\alpha$ из $\bar{f}\omicron\delta\alpha$, тождественное с старославянским *въдъ*, от того же корня с индоевропейской гласной $\bar{i}$, в чередовании с дифтонгами $\check{a}^oi$, $\check{a}^e i$, например, греческое $\bar{i}\delta\mu\epsilon\nu$, $\bar{i}\sigma\mu\epsilon\nu$; старославянское *отъ-лькъ* — „остаток“, родственное греческое $\lambda\omicron\iota\pi\acute{o}\varsigma$, где π из *k*, как мы увидим далее, сравните от того же корня $\lambda\epsilon\acute{i}\pi\omega$, $\bar{\epsilon}\lambda\iota\pi\omega$, латинское *linquo*; старославянское $\bar{y}$ в окончании основы повелительной формы не единственного числа в одном из двух главных спряжений, например старославянское $\bar{y}$ в формах *веръте*, *ведъте*, тождественно греческое $\omicron\iota$ в окончании основы желательного наклонения в одном из двух главных спряжений, например в $\bar{f}\acute{e}\rho\omicron\iota\tau\epsilon$, тождественном с старославянским *веръте* (славянская повелительная форма образовалась из индоевропейского желательного наклонения), старославянское *мьн-в мьна*, русское *мена*, тождественно с латинским *m̃n* из древне-латинского *moīn* в *comm̃nīs*. — Старославянское *и* из индоевро-

пейского дифтонга *ai* с *ǣ*: старославянское *ити*, русское *идти*, литовское *eiti*, сравните греческое *ει* в *εἶμι*, латинское *i* из *ei*, например, в *īs* из *eis* или в *īre*, от того же корня с *ī*, например, греческое *ἴμεν*; старославянские *видѣ*, *видѣти*, русские *вид*, *видеть*, родственны греческие *εἶδος*, *εἶδομαι* из *φειδος*, *φειδομαι*, от того же корня с *ī*, например, латинское *video*; старославянское *зим-* в слове *зима*, русское *зима*, тождественно с греческим *χειμ-* в словах *χειμῶν*, *χεῖμα*, от того же корня с индоевропейским *ī*, например, греческое *χίμος* в слове *δδσχιμος*.

Индоевропейские дифтонги *ǣu* с *ǣ* различного качества в греческом языке являлись как дифтонги *αυ*, *ευ*, *ου*, причем из *ου* через посредство *ō* закрытого получилось далее *ū*; в латинском языке отсюда дифтонги *au* и древнелатинское *ou*, изменявшееся далее в *ū*, иногда в *ō*, причем в латинском *ou* совпали индоевропейские дифтонги *ǣu* с *ǣ^o* и *ǣ^e*. Общеславянский язык получил из литовско-славянского языка индоевропейские дифтонги *ǣu* с *ǣ^a* и *ǣ^o* в виде дифтонга *ǣ^ou*, откуда в общеславянском *ou*, так как литовско-славянское *ǣ^o* в общеславянском давало *o*; этот дифтонг *ou* стянулся затем в общеславянском языке в *ō* закрытое, откуда в эпоху распада общеславянского языка *ū*, старославянское *ѹ*, русское *у*. Индоевропейский дифтонг *ǣ^eu* в литовско-славянском языке должен был обратиться в дифтонг *ěu*, так как *ǣ^e* давало в литовско-славянском языке *ě*, и я думаю, что этот дифтонг перешел как *eu* и в общеславянский язык, где с течением времени, может быть, через посредство дифтонга *iu* получилось отсюда сочетание *i + ū*. В этом общеславянском сочетании *iū* дальнейшая история *i* совпадала с историей общеславянского *i* в других случаях, а об общеславянском *i* в различных сочетаниях я говорю далее и тогда же рассмотрю вместе с другими сочетаниями и сочетание *i + ū*. Это общеславянское сочетание *i + ū* имело также, как мы увидим далее, и другое происхождение, и в большинстве случаев оно было не из индоевропейского дифтонга *ǣ^eu*, но так как еще в общеславянском языке совпали между собой сочетания *i + ū* различного происхождения, то и дальнейшая история их как в общеславянском языке, так и в отдельных славянских языках была одинакова. В старославянском языке мы находим отсюда при положении без предшест-

вующей согласной сочетание, выразившееся написанием йотированной гласной ю, которая в этом случае обозначала сочетание „*i* или *j* + известная слоговая гласная“. В положении после общеславянских смягченных согласных, остававшихся в старославянском языке смягченными, писалось тоже ю, причем такое написание, так же как написания других йотированных гласных, обозначало, как я говорил уже прежде, смягчение предшествующей согласной, т. е. написание ю в этом случае обозначало известную слоговую гласную в положении после смягченной согласной. Наконец, после общеславянских смягченных согласных ѣ, ž, š и т. д., терявших в старославянском языке с течением времени по крайней мере полную степень смягчения (см. выше), написание ю паннонских текстов обозначало известную слоговую гласную нейотированную (сравните обыкновенное написание а, а не ю или ѣ после тех же согласных в тех же текстах), между тем как, например, в Остромировом евангелии после тех же согласных является ѳу в соответствии с ю текстов паннонских. Отсюда следует, что в текстах паннонских написание ю там, где при известном положении оно обозначает гласную нейотированную, которой соответствует гласная ѳу в том же положении в других текстах, было обозначением звука не и (у), но, вероятно, известного рода й. Поэтому и в написании ю паннонских текстов в тех случаях, где этим написанием обозначалась йотированная гласная, надо видеть здесь в самой слоговой гласной не и (у), но й. Что же касается текстов, где после х, ж, ш и т. д. является ѳу в соответствии с ю паннонских текстов, то здесь в написании ю в значении йотированной гласной можно видеть обозначение слоговой гласной и (у) после *i* или после смягченной согласной. В русском языке в соответственных случаях мы находим ю, т. е. *j* + у в положении без предшествующей согласной, а после согласных, полученных из общеславянского языка смягченными, хотя некоторые из них в русском языке отвердели, — у (пишется ю и у). — Я сказал, что общеславянское сочетание *i* + *ü* с его дальнейшими изменениями, в зависимости от положения в словах, в большинстве случаев получалось не из индоевропейского дифтонга *ai* с *ä*^е. По мнению некоторых лингвистов, индоевропейский дифтонг *ai*^е не давал вообще в общеславянском языке такого сочетания и

совпадал здесь с дифтонгом *oi*, откуда далее *ȳ*, т. е. совпадал с индоевропейскими дифтонгами *ǵi* с *ǵ*, не склонным к *e*. Я думаю, однако, что для некоторых, хотя и редких случаев трудно отрицать происхождение общеславянского сочетания *i + ȳ* из индоевропейского дифтонга *ǵi* с *ǵ^e*, хотя чаще этот индоевропейский дифтонг, вероятно, еще в литовско-славянском языке заменялся не фонетически, а под влиянием грамматической аналогии дифтонгом из индоевропейского дифтонга *ǵi* с *ǵ^o*, именно во всех тех случаях, где в родственных словах сохранялось древнее чередование индоевропейских дифтонгов *ǵi* с *ǵ^e* и с *ǵ^o*. Обратное явление представляет греческий язык, где дифтонг *oi* из индоевропейского дифтонга *ǵ^ei* в большинстве случаев заменен был под влиянием грамматической аналогии дифтонгом *eu* из индоевропейского дифтонга *ǵ^ei*.

Примеры. Старославянское *ou* из индоевропейского *ǵi* с *ǵ*, не склонным к *e*: старославянская основа *ouш-*, являющаяся в двойственном числе, например *ouшн*, русское *уши* (общеславянское *š* из *χ* перед мягкой гласной, а *χ* из *s*), тождественна латинская основа *auri-* в *auris* из *ausis* (латинское *r* из первоначального *s* между гласными); родственно, но с другим суффиксом старославянское *ouх-*, русское *ухо*, где общеславянское *χ* из *s*; старославянское *toурь*, тождественно с греческим *ταῦρος*, латинским *taurus*; старославянское *louх-* в слове *louхъ* — „луч, свет“, русское *луч*, где общеславянское *č* из *k*, родственны латинское *lūc-*, например, в *lūceo*, где *ȳ* из древнелатинского *oi* и может восходить как к индоевропейскому *ǵi* с *ǵ*, не склонным к *e*, так и к *ǵi* с *ǵ^ei*, греческое *λευχ-* в *λευκός*, где *eu* из индоевропейского *ǵ^ei* (но в этом слове могло быть нефонетическою заменой дифтонга *ou*); тот же корень с гласной *ȳ* является, например, в латинском *lucerna*; старославянское *boудити*, русское *будить*, родственно греческое *πυθόμεαι*, где дифтонг *eu* из индоевропейского *ǵi* с *ǵ^e*, чередовавшимся с *ǵ^o*; от того же корня с индоевропейским *ȳ* старославянское *вѣдѣти*, греческое *πυθάνομαι* (греческое *π* в этих словах восходит к индоевропейскому *bh*, которое в греческом языке обращалось в *ph* (*φ*) и в данном случае утратило придыхание под влиянием придыхания в начале следующего слога). — Старославянское *ю*, а после известных согласных в непаннонских текстах *ou* из индоевропейского диф-

тонга $\tilde{a}^e i$. Таково старославянское ю в слове *любити*, русское *любить*, как показывает сравнение с немецкими языками (в новонемецком языке соответственное слово является в *lieben*); от того же корня с индоевропейской гласной $\tilde{i}$, например, латинское *lūb* в *lūbet*; таково же старославянское ю в *блудѣ*, *блудѣ* (где $\hat{a}$ из общеславянского смягченного $\hat{l}$, получившегося из $\hat{i}$ в $\hat{i}i$ после губной согласной), родственном с греческим $\pi\epsilon\upsilon\delta\omicron\rho\alpha\iota$, сравните от того же корня старославянские *блѣти*, *блудити*, такого же происхождения старославянское ю, по видимому, например, и в слове *уюмъ*, *уюти*, в текстах непаннонских *уюмъ*, *уюти*, русское *чую*, родственно греческое $\chi\omicron\upsilon\epsilon\omega$ из $\chi\omicron\upsilon\epsilon\omega$.

Индоевропейские дифтонги $\tilde{a}i$ и $\tilde{a}u$ с $\tilde{a}$ различного качества существовали лишь в редких случаях.

Индоевропейские дифтонги $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}$ различного качества. Достоверные примеры для индоевропейского дифтонга $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}^e$ не известны. Я остановлюсь поэтому только на дифтонгах $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}^o$ и $\tilde{a}^a$, которые мы находим в окончании дательного единственного числа имен с известными основами и местоимений.

В греческом языке дифтонг $\tilde{a}^a i$ сохранился как $\tilde{a}i$ ($\tilde{\alpha}$), откуда диалектическое η (η); подобным же образом из индоевропейского дифтонга $\tilde{a}^o i$ мы находим греческое ω (ω). В латинском языке из индоевропейского дифтонга $\tilde{a}^o i$ мы находим $\bar{o}$, с утратой неслоговой части дифтонга, и соответственно с этим из индоевропейского дифтонга $\tilde{a}^a i$ можно было бы ждать $\tilde{a}$; но в той форме, которая некогда оканчивалась на $\tilde{a}^a i$, именно в дательном единственного числа латинского первого склонения, мы находим в латинском не $\tilde{a}$, но древнелатинское $\tilde{a}i$, откуда далее ae , причем остается неизвестным, есть ли здесь $\tilde{a}i$, с $\tilde{a}$, фонетическое изменение первоначального $\tilde{a}^a i$, или же самая форма представляет по образованию не первоначальный дательный, но первоначальный местный падеж единственного числа, а форма местного единственного числа в именах с такими основами в индоевропейском языке оканчивалась, между прочим, на $\tilde{a}^a i$. В общеславянском языке индоевропейский дифтонг $\tilde{a}^a i$, как и $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}$, не склонным к e , с течением времени обратился в $\tilde{e}$, откуда далее общеславянское дифтонгическое ie , старославянское $\tilde{y}$,

современное русское *е*. Из индоевропейского дифтонга $\bar{a}^o i$ с $\bar{a}^o$ такого качества долготы, при котором не в дифтонге эта гласная переходила в общеславянском языке в $\bar{a}$, откуда старославянское $\bar{a}$, надо бы ждать в общеславянском языке в эпоху его распада также дифтонгическое *ie* (непосредственно из $\bar{e}$), откуда в старославянском языке получилось бы $\bar{y}$. Но в том случае, из которого нам известен в индоевропейском языке дифтонг $\bar{a}^o i$, а именно в окончании дательного единственного числа имен с основами на первоначальное $\bar{a}^o$ и местоимений мужеского и среднего рода, в этом случае индоевропейское $\bar{a}^o$ в этом дифтонге имело в литовско-славянском языке то качество долготы, при котором из индоевропейского $\bar{a}^o$ (откуда литовско-славянское $\bar{o}$) получалось в общеславянском языке, как я думаю, $\bar{y}$ (старославянское $\bar{ou}$), через посредство долгого закрытого $\bar{o}$, и то же общеславянское $\bar{y}$, откуда старославянское $\bar{ou}$, русское *у*, мы находим из индоевропейского дифтонга $\bar{a}^o i$ с таким $\bar{a}^o$, причем, следовательно, неслоговая часть дифтонга исчезла в общеславянском языке. Утрата неслоговой части дифтонга в этом случае в общеславянском языке, между тем как в индоевропейском $\bar{a}^a i$ неслоговое i не было утрачено в общеславянском языке, — эта утрата указывает, может быть, на то, что общеславянское $\bar{y}$ из литовско-славянского $\bar{o}$ с известным качеством долготы (из индоевропейского $\bar{a}^o$) образовалось непосредственно из дифтонгического *ио*, которое в свою очередь получилось из $\bar{o}$ закрытого, и что, следовательно, в данном случае некогда существовал в общеславянском языке трифтонг, терявший далее конечную неслоговую часть.

Примеры. *Старославянское $\bar{y}$ из индоевропейского дифтонга $\bar{a}^a i$* : сюда принадлежит $\bar{y}$ в окончании дательного единственного числа имен с основами на первоначальное $\bar{a}^a$, оканчивавшихся в именительном единственного числа на старославянское $\bar{a}$ из индоевропейского $\bar{a}^a$, например в формах дательного *женѣ, рыбѣ*, русские *жене, рыбе*, сравните греческое $\bar{\alpha}$, откуда диалектическое η при известных фонетических условиях, в дательном единственного числа имен с соответственными основами, в греческом первом склонении, например $\chi\omega\rho\alpha$. — Старославянское $\bar{ou}$ из индоевропейского $\bar{a}^o i$ с $\bar{a}^o$, $\bar{o}$ известного качества

долготы в литовско-славянском языке, является в окончании дательного единственного числа имен с основами на первоначальное $\tilde{a}^o$ и местоимений мужеского и среднего рода, следовательно, в таких формах, как *равоу*, *местоу*, *томоу*, русские *рабу*, *месту*, *тому*, сравните греческое ϕ , латинское $\bar{o}$ из $\bar{o}i$ в окончании дательного имен с соответствующими основами, например греческое $\dot{\iota}\pi\pi\phi$, латинское *eqiō*.

Индоевропейские дифтонги $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}$ различного качества в греческом языке известны нам лишь в положении перед согласными, причем они получили здесь в таком положении краткую слоговую гласную вместо долгой, т. е. индоевропейские дифтонги $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}$ различного качества в греческом языке перешли в $\epsilon\upsilon$, $\omicron\upsilon$, $\alpha\upsilon$ с краткими слоговыми гласными. В латинском языке индоевропейские дифтонги $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}$ различного качества в положении перед согласными теряли неслоговую часть, и поэтому, например, индоевропейское $\tilde{a}^e i$ обращалось в латинском языке в таком положении в $\bar{e}$, с утратой неслоговой части. В общеславянском языке $\bar{i}$, откуда старославянское *оу*, русское *у*, в окончании местного падежа единственного числа имен, первоначально с основами на индоевропейское $\tilde{i}$, т. е., например, в таких формах, как старославянский местный *сѣмоу*, *врѣмоу*, русский предложный (на) *верху*, образовался, как можно предположить на основании древнеиндийской формы местного единственного числа в именах с соответствующими основами, из индоевропейского дифтонга $\tilde{a}i$ с $\tilde{a}$, не склонным к e , именно с $\tilde{a}^o$ в этом случае.

Индоевропейские дифтонги в положении перед слоговою гласной распадались в индоевропейском языке на сочетания: „слоговая гласная a того или другого качества и количества + неслоговое i или u , примыкавшее в слоговом отношении к последующему слогу“, причем эти неслоговые i и u в индоевропейском языке при известных фонетических условиях переходили в j и v . Т. е., как скоро в индоевропейском языке дифтонг ai с $\tilde{a}$ того или другого качества и количества получал в слове место, например, перед a , то сочетание aia распалось на сочетание „ a одного слога + ia или при известных условиях ja другого слога“. Подобным же образом из сочетания „дифтонг au с a того или другого качества или количе-

ства + а" получалось сочетание „а одного слога + *и*а или при известных условиях *и*а другого слога". Таким образом, в этих случаях являлись уже не дифтонги, а звуковые сочетания, заключавшие в себе, кроме слоговой гласной одного слога, неслоговые *i* и *и* или *j* и *у*, примыкавшие в слоговом отношении к слоговому звуку следующего слога (об этих неслоговых *i* и *и* и *j* и *у* я буду говорить далее при обзоре согласных). Отношение, существующее, например, между старославянским *ѣти*, где *ѣ* из индоевропейского дифтонга *ai* с *ѣ*, не склонным к *е*, и *поѣ*, объясняется тем, что в последнем случае индоевропейский дифтонг *ai* получил место перед гласной, вследствие чего явилось сочетание „а одного слога + *i* или *j* другого слога". Так же объясняется чередование между старославянским *ѣу* из индоевропейского дифтонга *ai* с *а*, не склонным к *е*, и сочетанием *ѣв* перед гласной, например, в таких случаях, как *поѣути* (неопределенное), при *поѣѣж* (настоящее); это старославянское *ѣ* в таком *ѣв* может восходить не только к индоевропейскому *а*, не склонявшемуся к *е*, но и к индоевропейскому *ā*^с, так как последнее перед *у* еще в литовско-славянском языке изменялось при известных условиях в *ā*^о, откуда старославянское *ѣ*. Так, именно в *поѣѣж* общеславянское *ов* получилось из *ев*, т. е. индоевропейской гласной было *ā*^с, сравните греческое *πᾶν* из *πᾶν*; здесь греческое *ε*, старославянское *ѣв* восходят, следовательно, к индоевропейскому дифтонгу *ā*^с*и*, получившему место перед гласной и распавшемуся поэтому на сочетание „а" одного слога + *и* или *у*, примыкавшее в слоговом отношении к последующей гласной".

Относительно той индоевропейской гласной, которая в эпоху распада индоевропейского языка в полном виде являлась как *ā*^с и *ā*^о, чередовавшиеся между собой, надо заметить, что при известных фонетических условиях эта гласная вполне исчезла в индоевропейском языке; например, в старославянском *сѣти*, как и в латинском *sunt*, еще в индоевропейском языке отпала начальная гласная, являющаяся, например, в старославянском *ѣсмь*, *ѣсть*, где перед начальным *е* еще в общеславянском языке было приставлено *i*, в греческом *ἔστι*, в латинском *est*. Или, например, в старославянском *сестра*, где между *с* и *р* вставлено *т* еще в общеславянском языке, исчезла в *sesr-*

еще в индоевропейском языке та гласная, которая в полном виде являлась как $\check{a}^o$, а в известных случаях и как $\check{a}^o$ и которую мы находим в латинском *soror, sororem* (где первое *r* из *s* между гласными), между тем как, например, латинское *consobrinus*, где латинское *b* перед *r* из первоначального *s*, сходится с старославянским *сестра* в том, что здесь еще в индоевропейском языке утрачена та же гласная. Сравните также такие случаи, как латинское *patris*, греческое *πατρός*, где еще в индоевропейском языке утрачена гласная, являющаяся, например, в *патѣра, патѣр*.

III. СОГЛАСНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ИХ ПЕРЕХОДЕ В ЯЗЫК СТАРОСЛАВЯНСКИЙ И РОДСТВЕННЫЕ С НИМ ЯЗЫКИ

Теперь мы рассмотрим согласные индоевропейского языка в их переходе в язык старославянский и в языки, родственные с ним. Согласные по условиям образования делятся на согласные шумные и согласные сонорные (по-русски их можно называть звучными, но эти звучные согласные не следует смешивать с согласными звонкими, о которых я скажу далее). В первых, т. е. в согласных шумных, шум в той или другой части полости рта составляет или все свойства звука, или его характеристический признак. Шумные согласные произносятся или с голосом, или без голоса; первые называются звонкими, вторые глухими. И те и другие шумные согласные делятся в свою очередь на согласные мгновенные, являющиеся вследствие полного соприкосновения органов речи в той или другой части полости рта, и на согласные так называемые „фрикативные“, являющиеся только при сближении органов речи в той или другой части полости рта, причем выдыхаемый воздух подвергается трению в суженной полости рта; отсюда и название для этих согласных — „фрикативные“, т. е. согласные, вызываемые трением. Мгновенные согласные могут быть как непридыхательными, так и придыхательными, т. е. такими, при образовании которых участвует и придыхание, образующееся в гортани. Мгновенные согласные в сочетании с фрикативными согласными того же места образования могут составлять слитные согласные, например *c* (*ц*), разлагающееся по условиям образования на *t* + *s*, или *č* (*ч*), разлагающееся на известного рода *t* и *š* (*ш*). Сонорные согласные в их чистом виде, именно сонорные согласные, образующиеся при участии голоса, находятся

по условиям образования ближе к гласным, чем согласные шумные. К сонорным согласным принадлежат, во-первых, согласные плавные и, во-вторых, согласные носовые; при образовании последних выдыхаемый воздух направляется через полость носа, которая при образовании звуков неносовых (гласных и согласных) остается закрытой. Наконец, особое место среди согласных по условиям образования занимает придыхание (*h*), образующееся в самой гортани.

В индоевропейском языке в эпоху его распада из числа шумных согласных существовали следующие согласные.

Мгновенные согласные. Задненёбные согласные, называемые неточно гортанными: *k* — глухая согласная, *g* — соответствующая звонкая, причем в этих *k* и *g* различались в свою очередь *k* и *g* чистые и *k* и *g* лабиализованные, т. е. такие, которые по отношению к *k* и *g* нелабиализованным представляют в условиях образования известное изменение в направлении к гласным *o*, *u*. Затем индоевропейский язык имел *k* и *g* средненёбные, называемые также просто нёбными, т. е. приблизительно такие *k* и *g*, какие существуют, например, в немецком языке перед мягкими гласными, например в немецких словах *Kind*, *ging*; русский язык имеет также средненёбные *k* и *g*, например в словах *руке*, *ноге*, причем эти *k* и *g* являются у нас в виде смягченных согласных, а смягченные согласные в сравнении с несмягченными представляют известное изменение в условиях образования по направлению к гласным *e* и *i*, т. е. гласным мягким. Зубные мгновенные индоевропейского языка: глухая согласная *t*, соответствующая звонкая *d*. Губные мгновенные: глухая *p* и соответствующая звонкая *b*. Мгновенные согласные существовали в индоевропейском языке и в качестве придыхательных, т. е. здесь были известны *g* обоих видов, *d*, *b*, а также *k* обоих видов, *t*, *p*, между прочим, в качестве придыхательных (*gh*, *dh*, *bh*, *kh*, *th*, *ph*). Звонкие мгновенные придыхательные были в индоевропейском языке более употребительны, чем глухие мгновенные придыхательные; последние определены пока для индоевропейского языка лишь в немногих случаях.

Согласные фрикативные индоевропейского языка. Задненёбных фрикативных согласных индоевропейский язык не имел, т. е. он не имел звука *χ* и соответствующего звонкого *γ* (звук, являю-

щийся в русском языке, например, в слове *богатый*). Из средненёбных фрикативных здесь существовала только звонкая фрикативная — *j*; из зубных фрикативных индоевропейский язык имел глухую фрикативную *s* и соответствующую звонкую *z*; из губных фрикативных была здесь известна только звонкая фрикативная *v*. Из числа слитных согласных индоевропейский язык имел зубную слитную согласную *c* и соответствующую звонкую *dz*; последняя может быть передаваема славянской буквой *z*, ибо *z* выражает звук *dz*. Индоевропейские *c* и *z* были как непридыхательными, так и придыхательными.

Сонорные согласные индоевропейского языка. Плавные: *r, l* и плавная, отличавшаяся от чистого *r* и чистого *l*, которую я оставляю без определения и называю неопределенной плавной индоевропейского языка; носовые: *n* задненёбное перед задненёбными мгновенными согласными, *n* средненёбное перед средненёбными мгновенными согласными, *n* зубное (т. е. тот звук, который является, например, в русском *н*) и губная носовая *m*. Плавные и носовые согласные в индоевропейском языке в положении без последующей гласной были известны не только как краткие, но и как долгие (сравните то, что я говорил прежде об индоевропейских сочетаниях „неслоговое иррациональное *a* + слоговая плавная или носовая“, где, как мы видели, индоевропейский язык различал краткие и долгие плавные и носовые).

Наконец, индоевропейский язык из числа согласных имел, я думаю, в некоторых случаях и придыхание (*h*) в качестве отдельного звука.

Индоевропейские *k* задненёбные, чистое и лабиализованное (то и другое я буду рассматривать вместе), откуда в греческом языке *π, τ, χ*, в латинском *qu* (т. е. *k* + неслоговое *u*) и одно *k* (буква *c*), изменившееся очень поздно в положении перед мягкими звуками в звук *s*, в общеславянском языке являлись как *k* задненёбное и таким же перешли в старославянский и русский языки; в положении перед мягкими звуками первоначальное *k* задненёбное подвергалось в общеславянском языке изменениям, именно в *č* (*ч*) и *s* (*ц*), о чем я буду говорить впоследствии. Индоевропейские *g* задненёбные, чистое и лабиализованное, откуда в греческом языке *β, δ, γ* (сравните гре-

ческие π , τ , χ из индоевропейского k задненёбного), в латинском, во-первых, gu (т. е. $g +$ неслоговое u), сохранявшееся в таком виде после n , во-вторых, одно неслоговое u (из gu), совпавшее затем с u , и, в-третьих, одно g (сравните латинское qu , k из индоевропейского k задненёбного), в общеславянском языке являлись как g задненёбные, откуда старославянское $г$, русское $г$: в положении перед мягкими звуками первоначальное g изменялось в общеславянском языке в $\check{g}$, т. е. $\check{d}\check{z}$, откуда далее еще в общеславянском языке $\check{z}$ ($ж$), и в $з$ ($\check{d}z$); об этих изменениях я буду говорить впоследствии.

Примеры. *Индоевропейские k задненёбные, чистое и лабиализованное*: старославянская местоименная основа $ko-$, например в формах $кого$, $кому$, русские $кого$, $кому$, тождественна с греческой основой $ko-$, ионическое $ko-$, например в $ποτε$, $χοτε$, с латинской основой $quo-$, например в *quod*; старославянское $котърѣн$, а также $котърѣн$, русское *который*, сравните с греческим $ποτερος$, $χοτερος$; старославянское $влькъ$, $влькъ$ (с старославянской перестановкой звуков в общеславянском сочетании bl), русское *волк*, тождественно с греческим $\lambda\acute{o}\chi o\varsigma$; в индоевропейском языке в корне этого слова заключалось сочетание „неслоговое иррациональное $a +$ краткая слоговая плавная“, являвшееся здесь под ударением, как я уже говорил прежде; старославянское $око$, родственно латинское *oculus* с другим суффиксом, сравните также греческое $οπ-$, например в глагольной форме $\acute{o}\pi\tau\alpha$ (греческое π здесь из первоначального k задненёбного). Греческое τ из индоевропейского k задненёбного мы находим перед мягкими гласными, т. е. в таком положении, при котором в общеславянском языке k подвергалось изменению в $\check{c}$: например, греческие $\tau\acute{\iota}\varsigma$, $\tau\acute{\iota}$ тождественны с латинскими *quis*, *quid*, и сюда же принадлежит старославянское $ѹ$ в местоимении $ѹто$, где $ѹ$ из k перед мягким звуком.

Индоевропейские g задненёбные, чистое и лабиализованное: старославянское $нго$ (старославянское n здесь из $\acute{n}$, а это из $j\acute{n}$, $\acute{i}\acute{n}$), сравните латинское *jugum*, греческое $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$, где греческое ζ из индоевропейского j ; старославянское $говаждь$ — „бычачий“, русское *говяжий*, *говядина*, где общеславянское $gov-$ тождественно с греческим $\beta o\acute{g}-$ и далее $\beta o-$, например в форме $\beta o\acute{g}\acute{o}\varsigma$, откуда $\beta o\acute{o}\varsigma$, в древнеиндийском языке соответ-

ствующее слово имело в начале звук *g* (родственно и немецкое *Kuh*); что касается латинского *bos, bovis*, то так как латинский язык не представляет вообще изменения задненёбного *g* в *b*, надо думать, что это слово заимствовано в латинском языке из такого древнеиталийского языка, в котором известно было *b* из задненёбного *g*. Другие примеры для индоевропейских *k* и *g* задненёбных я приведу впоследствии, когда буду говорить об изменениях их в общеславянском языке в *č* и *ǵ* (откуда *ž*), *c* и *z* в положении перед мягкими звуками.

Индоевропейское *k* средненёбное, называемое также нёбным, откуда в греческом языке *κ*, в латинском *k* (буква *c*) с его позднейшим изменением в звук *c* перед мягкими гласными, в общеславянском языке обратилось в фрикативную согласную *s*, отсюда старославянское *c* и русское *c*; в литовском языке такому общеславянскому *s* из индоевропейского *k* средненёбного соответствует фрикативная согласная *š* (*ш*). Индоевропейское *g* средненёбное, откуда в греческом *γ*, в латинском *g*, в общеславянском языке обратилось в фрикативную *z* (сравните общеславянское *s* из *k* средненёбного), откуда старославянское *ž* и русское *ж*; в литовском языке этому общеславянскому *z* из индоевропейского средненёбного *g* соответствует фрикативная согласная *ž* (*ж*). Славянские *s* и *z* из индоевропейских *k* и *g* средненёбных должны быть отличаемы от славянских *s* и *z* другого происхождения.

Примеры. Индоевропейское *k* средненёбное: старославянские *десать*, *десать*, русские *десятый*, *десять*, литовские *dešimtą* — „десятый“, *dešimtis* — „десять“, греческое *δέκατος*, тождественное с старославянским *десать*, сравните греческое *δέκα*, тождественное с латинским *decem*; старославянское *сръдѣцѣ*, русское *сердце* (в старославянском перестановка звуков общеславянского сочетания *br*), родственны греческие *καρδία*, *καρδίη*, латинское *cor* из *cord*; старославянские *слова*, *слава*, русские *слово*, *слава*, сравните греческое *κλέος*, откуда *κλέος*, тождественное с старославянским *слова*, от того же корня с первоначальным *й* греческое *κλύω*, латинское *clueo*, *cluo*.

Индоевропейское *g* средненёбное: старославянское *знати*, русское *знать*, родственны по корню греческое *γινώσκω*, латинские *posco*, *cognosco* (в *posco* *g* отпало); старославянское *мльзж* —

„дою“ (со старославянской перестановкой звуков в общеславянском сочетании *ɣl*), неопределенное *мѣсти* (со старославянской перестановкой общеславянских звуков *el*), литовские *milžti* — „дойть“, *mélžu* — „дою“, родственны также греческое *ἀρέλγω* (где *α* приставлено перед начальным *μ*), латинское *mulgeo*.

В некоторых единичных случаях мы находим общеславянское *k*, указывающее само по себе на индоевропейское *k* задне-нёбное там, где родственные языки свидетельствуют об индоевропейском *k* средненёбном. Таково, например, общеславянское *k* в старославянских *свкръ*, *свкръ*, русские *свекор*, *свекровь*, которые родственны с греческим *ἐχρός*, латинским *socer* из *soceros*; в литовском и древнеиндийском языках мы находим здесь в соответствии с славянским *k* согласные, указывающие на индоевропейское *k* средненёбное, из которого могут происходить и греческое *k* в *ἐχρός*, и латинское *s* в *socer*.

Индоевропейское *t*, откуда в греческом и латинском *t*, сохранилось как *t* и в общеславянском языке, отсюда старославянское *т* и русское *т*; об изменениях *t* в общеславянском языке в положении перед мягкими неслоговыми звуками я буду говорить далее.

Примеры: старославянское *матѣ*, русское *мать*, тождественны греческое дорическое *μάτηρ*, ионическое и аттическое *μήτηρ* (с диалектическим *η* из общегреческого *ā*), латинское *māter*; старославянское *трѣ* (мужской род числительного „три“), где *ѣ* перед *ј* явилось из *e* еще в общеславянском языке, как мы увидим далее, тождественно с греческим *τρεῖς* из *τρεεs*, где между *εε* исчезло *j*, и с латинским *trēs*, также непосредственно из *trees*, где между *ee* исчезло *j*; основа указательного местоимения *то-*, например в формах *того*, *тому*, русское *то-*, например в *того*, *тому*, тождественна с греческой основой *το-* в местоимении и члене, например в формах *τόν*, *τῷ*.

Индоевропейское *d*, откуда греческое *δ*, латинское *d* и иногда, в зависимости от неизвестных условий, *l*, в общеславянском сохранилось как *d*, отсюда старославянское *д* и русское *д*; об изменениях общеславянского *d* в положении перед мягкими неслоговыми звуками я буду говорить далее.

Примеры: старославянское *дѣсѣтъ*, русское *десять*, сравните греческие *δέκατος*, *δέκα*, латинское *deset*; старославянские

лати, ларѣ, русские *дать, дар*, родственны греческие *δίδωμι, δῶρον*, латинские *dōnum, dare*; старославянское *дѣверь*, русское *деверь*, родственны греческое *δαῖρ* из *δαίτηρ*, латинское *lēvir*, где *l* в начале из индоевропейского *d*.

Индоевропейское *p*, откуда греческое и латинское *p*, сохранилось и в общеславянском как *p*, отсюда старославянское *п* и русское *п*.

Примеры. Старославянские *плавѣ* — „плыву“, неопределенное *плаути*, русские, с другой гласной в корне, *плыву, плыть*, сравните греческое *πλέω*, откуда *плёω*, тождественное с старославянским *плавѣ*, от того же корня латинское *pluo*; старославянское *плънѣ*, русское *полон, полный* (в старославянском перестановка общеславянских звуков *ѣf*), литовское *pilnas*, может быть, тождественно (и во всяком случае родственно) с латинским *plēnus*, если *lē* восходит здесь к индоевропейскому сочетанию „*z* + долгая слоговая плавная“, от того же корня с другим порядком звуков греческое *πίμπλημι*, латинское *pleo*; старославянское *сръпѣ* (с старославянской перестановкой общеславянских звуков *br*), русское *серп*, родственно с греческим *ἄρπη*, где греческое придыхание в начале из *s*, а греческое *ар* восходит, как и *рь* в *сръпѣ*, к индоевропейскому *ar*.

Индоевропейское *b* непридыхательное было звуком мало употребительным в индоевропейском языке; из индоевропейского *b* как в греческом и латинском языках, так и в общеславянском, старославянском и русском языках находим *b*. Таково в старославянском слове *въбънѣ*, русское *бубен, бубны*, родственны греческие *βύμβρος, βυμβαίνω*; старославянское *бѹуати* — „мычать“, а также *быкъ*, русское *бык*, родственны, по-видимому, с латинским *bucina* — „труба, рог, в который играют“, и с греческим *βύχτης* в значении „ревуший“.

Индоевропейские звонкие мгновенные придыхательные в общеславянском языке не отличались от соответствующих непридыхательных согласных, так как они утратили придыхание еще в литовско-славянском языке, т. е. в общеславянском языке, в соответствии с индоевропейским *g* задненёбным придыхательным, чистым и лабиализованным, мы находим *g* (старославянское *г* и русское *г*); в соответствии с индоевропейским *g* средненёбным придыхательным мы находим здесь *z* (старославян-

ское *z* и русское *з*); в соответствии с индоевропейским *d* придыхательным являлось здесь *d* (старославянское *д* и русское *д*); в соответствии с индоевропейским *b* придыхательным являлось здесь *b* (старославянское *в* и русское *б*). В греческом языке индоевропейские звонкие мгновенные придыхательные изменились сперва в соответствующие глухие придыхательные, а эти через посредство, вероятно, слитных согласных, состоявших из глухих мгновенных в слитии с соответствующими фрикативными, перешли с течением времени в новогреческие фрикативные глухие согласные *χ*, *θ*, *φ*. По отношению к индоевропейским *g* задненёбным придыхательным надо заметить, что отсюда в греческом языке получалась не только задненёбная согласная, но также и губная и зубная согласная, точно так же как из индоевропейских задненёбных непридыхательных в греческом языке являлись, как мы видели, не только задненёбные, но также губные и зубные согласные. Таким образом, из индоевропейских *g* задненёбных придыхательных, с *g* чистым задненёбным и лабиализованным, древнегреческий язык имел придыхательные *ph*, *th*, *kh* (сравните греческие *β*, *δ*, *γ* и греческие *π*, *τ*, *κ* из задненёбных *g* и *k* непридыхательных); эти придыхательные согласные, через посредство, вероятно, слитных согласных *π̑*, *τ̑* (межзубное), *κ̑*, обратились в новогреческие *φ*, *θ*, *χ* (согласные фрикативные). Из индоевропейского *g* задненёбного придыхательного в древнегреческом получалось *k* задненёбное придыхательное (*kh*), откуда, через посредство слитной согласной *κ̑*, новогреческое фрикативное *χ*. Из индоевропейского *d* придыхательного в древнегреческом получалось *t* придыхательное (*th*), откуда, через посредство слитной согласной *τ̑*, новогреческое фрикативное *θ*. Подобным же образом из индоевропейского *b* придыхательного в древнегреческом получалось *p* придыхательное (*ph*), откуда, через посредство слитной согласной *π̑*, новогреческое фрикативное *φ*. — В латинском языке индоевропейские звонкие мгновенные придыхательные, через посредство глухих мгновенных придыхательных, в которые они изменились еще в общеталийском языке, перешли затем в глухие фрикативные, которые далее в известном соседстве с звонкими звуками с течением времени обратились в звонкие мгновенные, через посредство звонких фрикативных; глухая фрика-

тивная χ там, где она осталась глухой, изменилась в придыхание (h). Таким образом, в зависимости от различного положения в словах, в латинском языке индоевропейские звонкие мгновенные придыхательные подверглись различным изменениям, а именно, из индоевропейского g задненёбного придыхательного, чистого и лабиализованного, мы находим в латинском языке: 1) придыхание h (это редкий случай), 2) f , 3) сочетание $g + \mu$, сохранявшееся в таком виде после n , 4) одно μ , совпадавшее далее с v (сравните латинское gu и одно μ из g задненёбного непридыхательного), и 5) g ; из индоевропейского g средненёбного придыхательного латинский язык получил: 1) придыхание h и 2) g ; из индоевропейского d придыхательного латинский язык имел: 1) f непосредственно из межзубной фриктивной θ , 2) b из межзубной звонкой фриктивной, перешедшей в звонкую мгновенную, и 3) d ; из индоевропейского b придыхательного латинский язык имел: 1) f и 2) b .

Примеры. *Индоевропейские g задненёбные придыхательные, чистое и лабиализованное*: старославянское $снѣгъ$ (где $ѣ$ из дифтонга), русское $снег$, родственны греческие $νιφεγ$, $νιφα$, латинские $ninguit$, $nix nivis$; старославянское $горѣти$, русское $гореть$, родственны греческие $θερος$, $θεριος$, древнелатинское $fortis$; старославянское $длѣгъ$ (с старославянской перестановкой общеславянских звуков $жл$, где $ж$ из $б$ еще в общеславянском языке), русское $долг$, $долгий$, родственно греческое $δολιχος$ (где гласная i развилась из предыдущей плавной перед согласной), в индоевропейском языке это слово заключало в коренном слоге сочетание „неслоговое иррациональное $a +$ долгая слоговая плавная“; старославянское $гость$, русское $гость$, латинское $hostis$; старославянское $лѣгъ$, неопределенное $лѣшти$, русское $лягу$, $лечь$, родственно греческое $λεχος$.

Индоевропейское g средненёбное придыхательное: старославянские $вѣжъ$, $вѣзь$, русские $везу$, $воз$, сравните латинское $veho$, тождественное с старославянским $вѣжъ$, и греческое $φορος$, откуда $φορος$; старославянское $лизати$, настоящее $лижъ$, русское $лизать$, $лижу$, где общеславянское $ї$ из дифтонга, как показывает соответственное литовское слово, родственно греческое $λειχω$, в латинском от того же корня с первоначальным кратким i — $lingo$; старославянское $зима$, русское $зима$, где общеславянское

ī из дифтонга, как показывает тождественное слово в литовском языке, родственны греческие χεῖμων, χεῖμα.

Индоевропейское d придыхательное: старославянское медь, русское мед, сравните греческое μέθυ; старославянское дымь, русское дым, латинское fūtus, по корню и образованию родственно также греческое θυμός; старославянское вѣра (с старославянской перестановкой общеславянских звуков *or* перед согласной), русское борода, тождественно латинское barba, где второе *b*, соответствующее славянскому *d*, из индоевропейского *dh*.

Индоевропейское b придыхательное: старославянское берѣ, русское беру, тождественны греческое φέρω, латинское fero; старославянское нѣбо, родительный нѣбесе, русское небо, нѣбо, сравните греческое νέφος, родственно, но с другим суффиксом, латинское nebula.

Индоевропейские глухие мгновенные придыхательные остаются пока мало известными, как я уже говорил: в литовско-славянском они, по-видимому, совпадали с соответствующими глухими мгновенными непридыхательными, как и индоевропейские звонкие придыхательные совпали здесь с соответствующими звонкими непридыхательными. В греческом и латинском языках с индоевропейскими глухими мгновенными придыхательными совпали и индоевропейские звонкие придыхательные, которые, как мы видели, в древнегреческом, а также в общепиталийском языке изменились в соответствующие глухие мгновенные придыхательные.

Перехожу теперь к индоевропейским фрикативным согласным, причем в связи с индоевропейскими *j* и *v*, согласными фрикативными, я укажу и на индоевропейские *ĭ* и *u*, примыкавшие в слоговом отношении к слоговому звуку следующего слога. Об этих индоевропейских *ĭ* и *u* следовало бы говорить при обзоре гласных, так как это звуки гласные, но их удобнее рассмотреть вместе с *j* и *v*, так как индоевропейские *ĭ* и *u* в большинстве отдельных индоевропейских языков с течением времени частью или вполне совпадали с *j* и *v* и так как в самом индоевропейском языке во многих случаях являлось чередование между *ĭ* и *j* и между *u* и *v*, в зависимости от известных фонетических условий (в некоторых случаях индоевропейские *ĭ*

и *ц* находились в чередовании с слоговыми *i* и *и* перед гласной); притом надо заметить, что в настоящее время мы нередко не можем еще различать индоевропейские *ц* и *ч* и частью индоевропейские *i* и *j*.

Я останавлиюсь сперва на *индоевропейских i и j*. В греческом языке эти звуки в большинстве сочетаний не смешивались между собой, хотя они здесь не сохранились как неслоговое *i* и *j*, но подвергались различным изменениям, в зависимости от различного положения в словах, и вызывали различные изменения в соседних с ними в словах звуках. Не останавливаясь подробно на этих изменениях, я укажу лишь на некоторые относящиеся сюда явления, из которых можно видеть различную судьбу того и другого звука в греческом языке. Так, в начале слова мы находим здесь индоевропейское *i* в виде густого придыхания, между тем как из индоевропейского *j* в том же положении (в начале слова) получалось то звуковое сочетание, которое выражалось буквой *ζ*, хотя греческое *ζ* имело и другое происхождение; или, например, из групп *τ + индоевропейское i* и *κ + индоевропейское i* в общегреческом языке являлось известное звуковое сочетание, перешедшее затем в *σσ* в одних диалектах, в *ττ* в других диалектах, между тем как из *τ + индоевропейское j* уже общегреческий язык имел *σσ*, откуда в аттическом одно *σ*, при гомеровском *σσ*, а из группы *κ + j* общегреческий язык получил группу *κ + τ* (с изменением *j* в *τ*), перешедшую и в диалекты. В латинском языке индоевропейские *i* и *j* в положении без предшествующей согласной совпали в одном звуке, который в начале слова сохранился как *i*, откуда впоследствии явилось *j* (мы произносим *j*), а в положении между гласными исчез; что же касается индоевропейских *i* и *j* после согласной в латинском языке, то вопрос, насколько они могут быть различаемы здесь, требует еще исследования: мы находим эти звуки в латинском языке частью в виде *i* слогового, частью утраченными в таком положении, а в некоторых случаях известная согласная, смягчаясь, сама уподоблялась следовавшему далее индоевропейскому *i* или *j*, которое в этом случае продолжало сохраняться в латинском языке как *i*, позже *j*. Общеславянский язык получил из литовско-славянского языка индоевропейские *i* и *j*, может быть, уже совпавшими в одном

звуке, которым в древнем периоде жизни общеславянского языка было, по-видимому, *i* в положении без предшествующей гласной и *j* в положении после гласной, а некогда в литовско-славянском языке индоевропейские *i* и *j* еще различались между собой, как мы увидим далее. В эпоху распада общеславянского языка неслоговой звук из индоевропейских *i* и *j* (а также из индоевропейского *i* слогового перед гласной) сохранялся или как *i*, или как *j*, скорее как *j*, по указанию большинства славянских языков, в следующих положениях: в положении в начале слов перед гласными, хотя с известными ограничениями, о которых я буду говорить далее (такое общеславянское *j* восходит как к первоначальному *i*, так и к *j*); затем в старом положении между гласными (такое общеславянское *j* восходит по большей части к первоначальному *j*, как мы увидим впоследствии); и, наконец, в диалектах общеславянского языка мы находим *i* или *j* также в положении после губной согласной не в начальном слоге, где другие диалекты имели вместо этого *l* смягченное (в этих случаях общеславянское *i* или *j* восходит как к индоевропейским *i* и *j*, так и к старому *i* слоговому). Отсюда и в старославянском языке *i* или *j* и в русском языке *j* в положении в начале слов перед гласными и внутри слов между гласными, а в диалектах паннонских текстов старославянского языка также *i* или *j* и в положении после губных согласных не в начальном слоге слов, хотя в тех же текстах в том же положении мы находим и *l* смягченное, между тем как в русском языке в этих случаях является только *л* смягченное (западославянские языки представляют здесь звуки из общеславянских сочетаний „губная согласная + *i* или *j*“). Относительно того, что в старославянских текстах не существует особого начертания для *i* йотированного и что поэтому нам не известно, существовали ли в старославянском языке сочетания *ii* или *ji*, я уже говорил прежде. Точно так же я говорил и о том, что в паннонских глаголических текстах и частью в текстах, писанных кириллицей, вместо *ю*, которое известно нам из других текстов, является *е* нейотированное.

Я приведу теперь примеры старославянского *i* или *j* из общеславянского *j* в том его положении, при котором *j* сущест-

вовало в эпоху распада общеславянского языка во всех диалектах, т. е. в положении без предшествующей согласной, между тем как об изменениях индоевропейских *i* и *j*, а также и *i* слогового перед гласной (не в первом слого), в положении после согласной в общеславянском языке, я буду говорить впоследствии. В старославянских *юго*, *юмоу*, *юа* и т. д., русские *его*, *ему* и т. д., местоименная основа *ю-*, где общеславянское *e* из *o* в положении после мягкого неслогового звука (см. далее), тождественна с греческою основой *ó* в местоимении *ὅς*, указательном и относительном, причем с *ὅς* в значении относительного местоимения однородны по значению старославянские *югоже*, *юмоуже* и т. д. (в индоевропейском языке эта местоименная основа имела в начале *i*, откуда в греческом языке густое придыхание); старославянское *исъ* в *поисъ*, русское *пояс*, где *по-* — предлог, родственно греческое *ῥωσ-* в *ῥωστίρ*, сравните также *ῥωυωρι* (греческое *ζ* здесь из индоевропейского *j*); старославянское *юнъ*, тождественно литовское *jáunas*, родственно по корню латинское *juvenis*; старославянское *трнѣ*, где *н* еще в общеславянском языке из *e* перед *j*, тождественно латинское *trēs*, непосредственно из *trees*, где между *ee* исчезло первоначальное *j*, греческое *τρεῖς*, непосредственно из *τρῆς*, где между гласными исчезло первоначальное *j*; точно так же старославянское *-нѣ* в окончании именительного множественного числа имен мужеского рода с основами на первоначальное *ĩ*, т. е. старославянское *ь*, например, в формах *гостнѣ*, *пшнѣ*, тождественно по происхождению с латинским *-ēs* из *-ejes*, откуда *ees* с выпадением *j*, в именительном множественного числа имен латинского третьего склонения, например *ovēs*, первоначально в именах с основами на *ĩ*, а затем по аналогии с такими именами и в именах с основами на согласную, греческое *-εις* непосредственно из *-ees*, а это из *-ejēs*, в именительном множественного числа имен с основами на *i*, например *βᾶεις*. В старославянских *знаѣ*, *знають*; *дѣлаѣ*, *дѣлають*; *сѣѣ*, *сѣють*; *жельѣ*, *жельють*, русские *знаю*, *знает*; *делаю*, *делает*; *сею*, *сеет*; в подобных глагольных образованиях старославянское *j* или *i* в первоначальном положении между гласными восходит к индоевропейскому *j*, принадлежавшему известному суффиксу основы настоящего времени.

Индоевропейские *ц* и *ч*. В греческом языке оба эти звука некогда различались между собой, как видно из различий в изменениях тех звуковых групп, которые заключали в себе эти звуки. Например, из группы *s + ц* в начале слова мы находим в греческом языке густое придыхание, так как в греческом языке первоначальное *s* в начале слова перед гласной вообще переходило в густое придыхание, между тем как в первоначальной группе *s + ч* перед гласными в греческом языке *s* удерживалось. С течением времени индоевропейские *ц* и *ч* совпали в греческом языке в одном звуке, обозначавшемся дигаммой (*ч* или *ц*), и этот звук в некоторых диалектах (в ионическом, аттическом) рано исчез вполне. В латинском языке индоевропейские *ц* и *ч* в положении без предшествовавшей согласной совпали в одном звуке *ц*, откуда лишь очень поздно *ч* (мы произносим и пишем *ч*); в положении после согласных мы находим здесь в одних случаях *ц*, в других случаях *и* слоговое, а после известных согласных в некоторых случаях находим и утрату звука из индоевропейского *ц* или *ч*, причем остается неизвестным, насколько могут быть различаемы в латинском языке индоевропейские *ц* и *ч*. В общеславянском языке индоевропейские *ц* и *ч* совпадали в одном звуке *ч*, в который перешло и индоевропейское слоговое *и* перед гласными в положении не в первом слоге слова; из общеславянского *ч* — старославянское *ѣ* и русское *ѣ*. В положении после согласных в некоторых случаях (при условиях, остающихся неизвестными) индоевропейское *ц* или *ч*, вероятнее *ц*, исчезло еще в литовско-славянском языке. Например, старославянское *вѣжъ*, *вѣжъ*, русские *везу*, *воз*, сравните латинское *vehō*, греческое *ἔχος* из *ἐχος*; старославянское *новъ*, русское *нов*, где общеславянское *о* из *е* перед *ч*, сравните греческое *νός* из *νεφος*, латинское *novus*, где *о* из *е* перед *ч*; старославянское *свѣръ*, русское *свекор*, сравните греческое *ἐχρῶς*, где греческое *ѣ* в начале из индоевропейского сочетания *сѣѣ*, латинское *socer*, где латинское *ѣ* из *ѣ* вследствие предшествовавшего ему некогда *ц*; старославянское *сѣстра*, русское *сестра*, как и родственное литовское *sesuo* — „сестра“, представляет утрату индоевропейского *ц* или *ч*, вероятнее *ц*, после начального *s* еще в диалектах литовско-славянского языка, сравните немецкое *Schwester*, где

немецкое *sch* из *s*; родственное латинское *soror*, где первое *r* из *s* между гласными, имеет *so* из *sue*, подобно *so* в латинском *socer*, о котором я говорил.

Индоевропейское *s*. В греческом языке индоевропейское *s* сохранялось как *s* при известных фонетических положениях, между тем как в начале слов перед гласными оно перешло в густое придыхание, внутри слов между гласными исчезло через посредство перехода в придыхание и т. д. В латинском языке индоевропейское *s* сохранялось как *s* при известных фонетических положениях, между тем как в положении после гласной и *r* оно перешло в *r*, перед *r* в начале слова в *f*, перед *r* внутри слова в *b* и т. д. В общеславянском языке индоевропейское *s* являлось частью в виде *s*, частью в виде *χ* с теми их фонетическими изменениями перед мягкими звуками, о которых я говорю далее; отсюда старославянские *с* и *х* и русские *с* и *х*. В общеславянском *χ* из *s* надо различать два *χ*: одно из этих *χ* являлось в общеславянском из литовско-славянского *s* лишь при известном фонетическом положении, именно между известными гласными, как мы увидим далее, а другое *χ* получалось из индоевропейского *s* независимо, по-видимому, от известного положения в слове и происходило именно из такого индоевропейского *s*, которое еще в литовско-славянском языке отличалось от чистого *s*; в литовском языке такому славянскому *χ* из *s* соответствует *š*, между тем как славянскому *s* из индоевропейского *s*, а равно и такому славянскому *χ*, которое получалось из *s* только при положении между известными гласными, в литовском языке соответствует *s*. Таким образом, балтийские и славянские языки позволяют думать, что в индоевропейском *s*, т. е. в глухой фрикативной класса нёбно-зубных согласных, называемых также зубными согласными в широком смысле последнего термина, надо различать два звука. Приведу теперь примеры для старославянского *с* из первоначального *s*, а также для того старославянского *х* из первоначального *s*, которому в литовском соответствует *š*.

Старославянское *с* в окончании именных основ среднего рода на *-сѣ* не в именительном единственного числа, например в родительном единственного числа *нѣсѣсѣ*, *словѣсѣ* и в других формах, это славянское *-сѣ* тождественно с греческим *-ετ* в

окончании известных именных основ среднего рода, причем σ фонетически исчезало в положении между гласными, а в латинском языке сюда принадлежат именные основы на *-er* перед гласными, где *r* из *s* в положении между гласными, например, старославянская именная основа *nekъs-* тождественна с греческой именной основой $\nu\epsilon\varphi\epsilon\sigma-$, например, в родительном $\nu\epsilon\varphi\epsilon\sigma\varsigma$ из $\nu\epsilon\varphi\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ (именительный $\nu\epsilon\varphi\tau\omicron\varsigma$), а в латинском языке сравните именные основы на *-er* из *-es* перед гласными, например *gener-* в форме *generis*, где *r* из *s* между гласными (именительный *genus* = греческое $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$). Старославянское *сѣмя*, русское *семя*, тождественно латинское *semen*; старославянское *срънь*, русское *сѣрп*, родственно греческое $\acute{\alpha}\rho\pi\eta$, которое я приводил уже; старославянское *връхъ*, русское *верх*, сравните тождественное литовское *viršùs*, где литовское *š* соответствует общеславянскому *χ*, родственно латинское *verruca*, где *rr* из *rs*, родственные слова известны и из древнеиндийского языка, который указывает на первоначальное *s* после *r*; старославянское *мѣхъ* как в значении „pellis“, так и в значении „мешок“, русское *мех*, сравните тождественное литовское *maišas* — „мешок“, где литовское *š* соответствует общеславянскому *χ*; то же слово известно из древнеиндийского языка и из германских языков, которые показывают, что славянское *χ*, литовское *š* образовались здесь из первоначального *s*.

Индоевропейская фрикативная z, т. е. зубная звонкая фрикативная, соответствующая по месту образования глухой *s*, употреблялась в индоевропейском языке лишь в сочетаниях с следовавшей далее звонкою мгновенною согласной. В общеславянском языке индоевропейское *z* сохранялось как *z*, откуда старославянское *z* и русское *з*. Такое общеславянское *z*, известное лишь в очень редких случаях, надо отличать, следовательно, по происхождению от другого общеславянского *z*, о котором я говорил прежде. В греческом языке индоевропейское *z* зависело в своих изменениях от следующей согласной: так, из группы *zd* в греческом языке являлось звуковое сочетание, выражавшееся буквой ζ , хотя обыкновенно греческое ζ имело другое происхождение; в тех группах, где в индоевропейском языке за согласной *z* следовала звонкая мгновенная придыхательная, мы находим в греческом языке σ из *z*, так как в гре-

ческом языке индоевропейская звонкая мгновенная придыхательная обращалась, как мы знаем, в соответствующую глухую придыхательную, и вследствие этого *z* перед такой согласной переходило в соответствующую глухую, т. е. в *с*. В латинском языке история индоевропейского *z* обуславливалась также влиянием согласной, следовавшей за *z*: так, из индоевропейского *z* перед *g* мы находим в латинском *r*, сравните то латинское *r*, которое получалось из *s* между гласными, где это *r* образовалось непосредственно из *z*, а *z* из *s*; перед *d* индоевропейское *z* исчезло в латинском языке, причем предшествующая краткая гласная становилась долгой; перед индоевропейским *d* придыхательным индоевропейское *z* переходило в латинском языке в *s* в связи с изменением индоевропейской звонкой придыхательной в общеталийском языке в соответствующую глухую придыхательную, откуда в латинском языке в результате мгновенная непридыхательная в таком сочетании. Старославянское *z* из индоевропейского *z* в положении перед *г* является, например, в слове *мѡзгъ*, русское *мозг*, как показывают родственные языки; в положении перед *д* старославянское *z* может восходить к первоначальному *z* в слове *мѡзда*, с которым родственно греческое *μῑσθῑς*.

В эпоху распада индоевропейского языка в нем существовали и некоторые *слитные согласные*, именно слитная согласная *с* (*ц*) и соответствующая звонкая *з* (*ѣз*), причем эти слитные согласные *з* и *с* были в индоевропейском языке не только непридыхательными, но и придыхательными. Слитные согласные *с* и *з* являлись в самом индоевропейском языке из мгновенных зубных *t* и *d* непридыхательных и придыхательных в положении их перед зубными мгновенными, т. е. в положении перед *t* (*th*) и *d* (*dh*); кроме того, по-видимому, и вместо *t* перед *s* индоевропейский язык имел *с*. В общеславянском, греческом и латинском языках мы находим *s* из индоевропейского *с*, т. е. в индоевропейской слитной согласной *с* первая часть исчезала в этих языках, причем в латинском языке в группе *с + t*, без последующего *r*, *t* перешло также в *s*, через посредство, вероятно, звука *с*, который являлся из уподобления *t* предшествовавшему *с*. Из общеславянского *з* такого происхождения мы находим *с*, *с* и в старославянском и русском

языках. Сюда принадлежат такие случаи, как старославянские *въсть, дѣсть, исть* (3-е л. единственного числа), *въси, дѣси, иси* (2-е л. единственного числа), русские *даст, ест*. В старославянских *въсть, дѣсть, исть* старославянское *с* из общеславянского *s* восходит к индоевропейскому *с*, которое образовалось из зубной мгновенной в положении перед зубною мгновенной, сравните старославянские *въд-, дѣд-, ид-* в формах *въдѣть, дѣдѣть, идѣть*; в старославянских *въси, дѣси, иси* старославянское *с* из общеславянского *s* восходит к более древнему *ss*, по-видимому, из *cs*, где *с* из зубной мгновенной в положении перед зубной фрикативной *s*. В греческом языке сюда принадлежат такие случаи, как *ἴστε* — „вы знаете“, где *σ* из индоевропейского *с*, а индоевропейское *с* из зубной мгновенной в положении перед зубной мгновенной *t* (под влиянием *σ* в форме *ἴστε* явилось *σ* в форме *ἴσμεν* при более древней форме *ἴδμεν*); в таких случаях, как будущее *ἔσμαι*, греческое *σ* из *ss*, а последнее, по-видимому, из *cs*, где *с* из зубной мгновенной в положении перед *s*. В латинском языке сюда принадлежат, например, такие случаи, как *scissus*, где *ss* из индоевропейского *c + t* суффикса *-tā°*, а *с* из зубной мгновенной в положении перед зубной мгновенной, сравните латинское *scidi*; или, например, в латинском языке сюда принадлежит *claustrum*, где *st* из *ct*, не перешедшего в *ss* под влиянием следующего *r*, сравните *claudo*; в латинском *es* — „ешь“ *s* из *ss*, а последнее, по-видимому, из *cs*, где *с* из зубной мгновенной в положении перед *s*, сравните латинское *edo*. — Из индоевропейской слитной согласной „*s* придыхательное“ в положении перед глухой согласной в греческом, латинском и общеславянском языках должно было получиться, через посредство *с*, также *s*, как и из индоевропейского *с*, вследствие того, что индоевропейская придыхательная согласная в положении перед шумной согласной давно уже утратила придыхание во всех этих языках, причем перед глухою согласной предшествовавшая звонкая должна была становиться глухой. Что же касается индоевропейской слитной согласной „*s* непридыхательное“, а также „*s* придыхательное“ в положении перед звонкой согласной, то в общеславянском надо ждать здесь *z*, но я не знаю примеров для такого общеславянского *z*.

Индоевропейские сонорные согласные: носовые и плавные

Индоевропейские носовые согласные. Из индоевропейских различных *n* (об их различиях я говорил прежде) в греческом языке явились *n* зубное (ν), *n* задненёбное (γ) перед греческими задненёбными мгновенными, а также *m* перед греческими губными мгновенными из индоевропейских задненёбных мгновенных; в латинском языке из индоевропейских различных *n* получились *n* зубное и *n* задненёбное, последнее перед латинскими задненёбными согласными. В общеславянском языке в эпоху его распада индоевропейские *n* сохранялись лишь в *n* зубном перед гласными, откуда старославянское *н*, русское *н*, так как еще раньше в общеславянском языке носовые согласные, как *n*, так и *m*, в положении без последующей гласной исчезали, изменяя при этом предыдущую гласную в носовую гласную; относительно общеславянского *n* смягченного из *n* + *i* я буду говорить далее.

Примеры. Старославянское *новѣ*, русское *нов*, сравните греческое $\nu\acute{o}\varsigma$, латинское *novus*; старославянское *небо*, *небесе*, русское *небо*, *небо*, греческое $\nu\acute{\epsilon}\phi\omicron\varsigma$, $\nu\acute{\epsilon}\phi\epsilon\omicron\varsigma$, родственно, но с другим суффиксом, латинское *nebula*; старославянское *снѣгъ*, русское *снег*, родственны греческое $\nu\epsilon\acute{\iota}\phi\epsilon\iota$, $\nu\acute{\iota}\phi\alpha$, латинские *ninguit*, *nix*; старославянское *жена*, русское *жена*, родственно греческое $\gamma\upsilon\gamma\eta$, беотийское $\beta\alpha\upsilon\acute{\alpha}$ (где β из индоевропейского *g* задненёбного).

Индоевропейское *m*, откуда греческое μ , а в конце слов и перед зубными мгновенными ν , в латинском *m*, а перед зубными мгновенными *n*, в общеславянском языке в эпоху распада сохранялось как *m* лишь в положении перед гласной, по той причине, на которую я указал по поводу *n*; в старославянском и русском языках отсюда *м*, *м*.

Примеры. Старославянское *мати*, русское *мать*, греческое дорическое $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, ионическое и аттическое $\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho$, латинское *māter*; старославянское *домъ*, латинское *domus*, греческое $\delta\acute{o}\mu\omicron\varsigma$; старославянское *междѣ*, русское *межа*, тождественны латинское *medius*, греческое $\mu\acute{\epsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$, $\mu\acute{\epsilon}\sigma\omicron\varsigma$, где $\sigma\sigma$, σ из индоевропейского сочетания *dh* + *j*; старославянское *-мь*, русское *-м*, в окончании 1-го лица единственного числа настоящего времени в *есмь*, *дамь*, *имь*,

въмь, русские *дам, ем*, тождественно греческое *-μι*, например, в *εἶμι, δίδωμι*; старославянское *-мъ*, русское *-м*, в окончании 1-го лица множественного числа, например в формах *веземъ, несемъ*, русские *везем, несем*, тождественно латинское *-mus* из *-mos* в окончании 1-го лица множественного числа, например в *vehimus*, тождественном с старославянским *веземъ*. Другие примеры для индоевропейских носовых согласных я приводил прежде, когда говорил о сочетаниях этих согласных с неслоговым иррациональным *a*.

Индоевропейские плавные согласные. Индоевропейское *r*, откуда греческое и латинское *r*, сохранялось и в общеславянском языке как *r*, отсюда старославянское *р* и русское *р*. Например, старославянское *врѣжъ*, русское *беру*, тождественны греческое *φέρω*, латинское *fero*; старославянское *вратѣрь* в одних диалектах, *вратъ* в других, русское *брат*, родственны латинское *frater*, греческое *φράτηρ, φράτωρ*; старославянское *дврѣжъ*, русское *деру*, тождественно греческое *δέρω*; старославянские *врати, ратан, рало*, русские *орать, рало, ратай*, сравните греческие *ἀρόω, ἄροτρον*, латинские *arare, aratrum*. Об общеславянском смягченном *r* из *r + i* я буду говорить далее.

Индоевропейское *l*, довольно редкое вообще в индоевропейском языке, а также индоевропейская плавная, которую я не определяю точно и которая отличалась от чистых *r* и *l*, в европейских языках нашей семьи совпали в одной плавной *l*. В общеславянском языке *l* было открытым (*l̥*) в положении не перед мягкими гласными и закрытым (притом полусмягченным) в положении перед мягкими гласными. Из общеславянского *l* открытого в старославянском языке получалось такое *l* (*л*), которое, как я уже говорил, по-видимому, мало отличалось от *l* закрытого, а из общеславянского *l* закрытого (полусмягченного) и в старославянском *l* закрытое (*л*). В русском языке общеславянскому *l* открытому соответствует *l* (*л*), может быть, еще более открытое, а общеславянское *l* закрытое полусмягченное (перед мягкими гласными) в русском языке обращалось в смягченное, подобно тому как и другие общеславянские полусмягченные согласные изменялись здесь в смягченные. Об общеславянском *l* смягченном из общеславянского *l + i* я буду говорить впоследствии.

Примеры. Старославянское *l* из индоевропейского *l*: старославянское *любѣти*, русское *любить*, родственны немецкое *lieben*, латинское *lubet*, и в древнеиндийском языке родственные слова имеют *l*, что указывает на индоевропейское *l*; старославянское *плавѣ*, *плаути*, родственно русское *плыву*, *плыть*, сравните греческое *πλέω*, и в древнеиндийском языке родственные слова имеют *l*, что указывает на индоевропейское *l*; старославянское *лизати*, русское *лизать*, сравните греческое *λείχω*, латинское *lingo*, родственные древнеиндийские слова имеют также *l*, хотя в ведийском наречии древнеиндийского языка те же слова известны с плавной *r*: в индоевропейском языке в этих словах существовали, по-видимому, как *l*, так и та плавная, которую я не определяю и называю неопределенной плавной и которая в древнеиндийском языке совпадала с *r*. Старославянское *l* из индоевропейской неопределенной плавной: старославянские *слава*, *слово*, русские *слава*, *слово* (общеславянское *s* здесь из индоевропейского *k* средненёбного), родственны греческое *κλέος*, латинское *clueo*, *cluo* (в древнеиндийском языке родственные слова имеют только *r*); старославянское *отъ-лькъ* — „остаток“ (*отъ-* — предлог), сравните греческие *λείπω*, *λοιπός* (где греческое *π* из индоевропейского *k* задненёбного), латинское *linquo* в *relinquo* (родственные слова древнеиндийского языка имеют *r*). Другие примеры для индоевропейских плавных я приводил прежде, когда рассматривал индоевропейские сочетания „плавная + неслоговое иррациональное *a*“.

Плавные и носовые после гласной в положении без последующей гласной были в индоевропейском языке не только краткими, но и долгими, причем эти различия плавных и носовых существовали не только в сочетаниях с предшествующим неслововым *a* (об этих сочетаниях я говорил прежде), но также и в сочетаниях с предшествующей гласной полного образования. Относительно общеславянского языка надо заметить, что как из указаний балтийских языков, так и из фонетических явлений, представляемых отдельными славянскими языками по отношению к общеславянским группам, заключавшим в себе плавные без последующих гласных после гласных, — из этих данных явствует, что плавные после гласных в положении без последующей гласной в общеславянском языке были долгими вообще, т. е. как в соответствии с индоевропейскими долгими

плавными, так и в соответствии с индоевропейскими краткими плавными. Тем не менее, однако, эти общеславянские долгие плавные в таких сочетаниях некогда различались между собой по качеству долготы или по ее степени в зависимости от того, происходили ли они из первоначальных кратких плавных, или из первоначальных долгих плавных, и в эпоху распада общеславянского языка это различие продолжало сохраняться в положении таких сочетаний под ударением в различном качестве самого ударения, что существовало как в сочетаниях, заключавших в себе слоговые плавные (об этом я говорил прежде), так и в сочетаниях, заключавших в себе неслоговые плавные. Например, различие в ударении между русским *во́рон* из общеславянского **vornъ* и русским *воро́на* из общеславянского **vorna* (ударение было в общеславянском языке на первом слоге и в том и в другом слове) объясняется из различного качества ударения на *or* в слоге *vor* в том и другом случае в общеславянском языке, а это различие в качестве ударения в свою очередь стояло в связи с различной степенью долготы общеславянского *r* в том и другом слове; в одном случае это *r* произошло из индоевропейского краткого *r*, в другом из индоевропейского долгого *r* (кратким оно было некогда в том слове, из которого произошло общеславянское **vornъ*, русское *во́рон*, а долгим в том слове, из которого произошло общеславянское **vorna*, русское *воро́на*). В соответствующих литовских словах *vàrnas* — „во́рон“, *várna* — „воро́на“ также существует известное различие в качестве ударения на *ar* в слоге *var*, и это различие в качестве ударения объясняется здесь так же, как и в общеславянском языке в соответствующих сочетаниях, хотя самое качество ударения в этих литовских словах и подобных им не то, какое существовало в литовско-славянском языке, и не то, какое было в общеславянском языке в соответствующих словах. — Что касается носовых согласных после гласных в положении без последующей гласной, то на основании указаний балтийских языков можно сделать предположение, что носовые согласные, как и плавные, были получены в общеславянском языке долгими в таких сочетаниях не только там, где они образовались из индоевропейских долгих носовых, но и там, где они произошли из первоначальных

кратких носовых; понятно, что доказать это нельзя было бы по отношению к общеславянским носовым согласным в таких сочетаниях, так как в эпоху распада общеславянского языка носовые согласные в положении без последующей гласной уже не существовали, как я говорил. Различие же между первоначальными краткими и первоначальными долгими носовыми согласными в положении без последующей гласной отразилось в общеславянском языке в эпоху образования носовых гласных в различном качестве долготы или в различном количестве этих носовых гласных, и в эпоху распада общеславянского языка это различие продолжало сохраняться в слоге под ударением в различном качестве ударения носовых гласных в положении перед согласной точно так же, как общеславянские долгие гласные из первоначальных долгих гласных и дифтонгов представляли некогда различие в самой долготе, а под ударением продолжали различаться в самом ударении и в эпоху распада общеславянского языка, соответственно с различием в долготе индоевропейских и литовско-славянских долгих гласных и в количестве неслоговых *i* и *u* в индоевропейских и литовско-славянских дифтонгах.

В индоевропейском языке в эпоху его распада в числе согласных звуков существовало, я думаю, и придыхание *h* в качестве отдельной согласной, т. е. придыхание было известно здесь не только в придыхательных согласных, о которых я говорил прежде. В греческом языке индоевропейское придыхание в положении между гласными исчезало так же, как исчезло здесь в таком же положении позднейшее придыхание, которое получалось в греческом языке, например, из *s* между гласными. Случаи же, где индоевропейский язык имел придыхание перед гласной в начале слова, мне не известны из греческого языка. В латинском языке индоевропейское придыхание между гласными также исчезало, между тем как в положении перед гласной в начале слова оно удерживалось здесь как придыхание *h*. В общеславянском языке придыхание между гласными не сохранялось так же, как в греческом и латинском языках, в начале же слова оно некогда продолжало существовать в общеславянском языке, хотя в эпоху распада общеславянского языка, вероятно, уже исчезло. Придыхание в положении между

гласными существовало в индоевропейском языке в творительном падеже множественного числа имен с основами на $\check{a}^o$, откуда греческое $-o$, латинское $-o$, общеславянское $-o$; оно находилось в индоевропейском языке в этом случае между $\check{a}^o$ окончания основы и гласною i (вероятно $\check{i}$) падежного суффикса $-his$, являвшегося в таком виде лишь в творительном множественного числа от имен с основами на $\check{a}^o$, а не в других именах. Сюда принадлежит в греческом языке окончание $-oi$, например в $\dot{\iota}\pi\pi\omicron\iota\varsigma$ из $-oi$, а последнее из $-ohis$, в латинском позднейшее $-is$ из более древнего $-eis$, например в $equ\bar{i}s$, где $-eis$ из $-ois$, которое в свою очередь из $-o\check{i}s$, $-ohis$ (oi в конечном слоге давало в латинском языке вообще ei , как я говорил прежде), литовское $-ais$ непосредственно из $-a\check{i}s$, последнее из $-ahis$, например в $v\check{i}tkais$, общеславянское $-y$, откуда старославянское $-ы$, например в старославянском творительном $в\check{a}кы$ или $р\check{a}кы$. Общеславянское $-y$ явилось здесь, следовательно, из соединения двух слоговых гласных o и i , между которыми исчезло придыхание, а оно исчезло в таком положении, может быть, еще в литовско-славянском языке. Процесс образования общеславянского $\bar{y}$ в этом случае мог быть таков, что o перед гласной более закрытой i переходило само в более закрытую гласную, т. е. в $\check{i}$, а отсюда, вследствие стяжения $\check{y}$ и $\check{i}$, получалось $\bar{y}$, т. е. позднейшее y , так как из $\bar{y}$ в общеславянском языке вообще получалось y (старославянское $ы$). Греческая, латинская и литовская формы могли бы сами по себе восходить к индоевропейской форме на $\check{a}^o i s$, но против этого свидетельствует общеславянская форма, а также соответствующая форма древнеиндийского языка. Индоевропейское придыхание в начале слова некогда сохранялось в общеславянском языке: так, оно существовало некогда в общеславянском языке в той местоименной частице, которая является в русском языке как $э$, например, в слове *этот* или, например, в слове *эк* и т. д. На бывшее здесь общеславянское придыхание указывает то, что мы находим как в русском языке $э$, так и в других славянских языках, в которых сохранилась эта местоименная частица, e , не je , между тем как в общеславянском языке, как мы увидим далее, перед каждым начальным e развивалось $\check{i}$; отсюда следует, что в начале местоименной частицы

**e*, откуда русское *э* в *этот*, *эк*, общеславянский язык имел некогда перед *e* известный звук, который сохранился здесь еще в ту эпоху, когда действовал в общеславянском языке закон о появлении *i* перед всяким начальным *e*. С русским *э* в *этот*, *эк* родственно в латинском языке *ho-* в *hodie*, с гласной из индоевропейского *ǵʰ*, между тем как русское *э* в *этот* восходит к индоевропейской гласной *ǵʰ*, чередовавшейся с *ǵʰ*; родственная местоименная основа является и в латинском *hic* из *kois*, *heis*. Индоевропейское придыхание в начале слова было получено общеславянским языком и в том слове, из которого произошло старославянское *а* (союз), русское *а*, *а* и в других славянских языках и которое по корню может находиться в родстве с местоименной частицей **e*, например, в *этот*. На бывшее некогда в общеславянском языке придыхание в начале союза **ǵʰ*, откуда старославянское *а*, указывает то обстоятельство, что общеславянский язык не получил здесь перед *ǵʰ* звука *i*, который развивался перед всяким общеславянским начальным *ǵʰ*, как мы увидим далее.

IV. ВТОРИЧНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ: ИЗМЕНЕНИЯ ЗВУКОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИХ РАЗЛИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В СЛОВЕ

Мы знаем теперь, какие отдельные звуки и звуковые сочетания получил общеславянский язык и в каком виде перешли эти звуки в старославянский и русский языки. Теперь мы должны познакомиться с тем, как изменялись в общеславянском эти звуки под влиянием их различного положения в словах, т. е. вследствие действия тех или других фонетических причин, причем в известных случаях мы должны будем обращаться и к литовско-славянскому языку, именно там, где фонетические изменения под влиянием фонетических причин, являющиеся в общеславянском языке, произошли, как свидетельствуют славянские и балтийские языки, еще в эпоху совместной жизни балтийских и славянских языков. Я говорил уже прежде, что в фонетических явлениях надо различать изменения звуков самих по себе и те изменения, которые испытывают звуки в их различном положении в различных словах, причем действует влияние или со стороны других звуков слова, или со стороны ударения, или со стороны положения звука в конце слова, или со стороны положения звука в начале слова. Все эти различные фонетические причины изменения звуков слов могут действовать, понятно, как отдельно одни от других, так и в различном сложении, причем получаются, следовательно, сложные фонетические причины звуковых изменений языка. Мы можем называть изменения звуков языка самих по себе первичными фонетическими явлениями, а изменения, вызываемые указанными фонетическими причинами, простыми или сложными, мы можем называть по отношению к первым вторичными фонетическими явлениями. О таких вторичных фонетических

изменениях, возникших еще в литовско-славянском языке, по отношению к которым нам остаются неизвестными в точности фонетические причины, вызывавшие изменения звуков, я уже упоминал прежде; например, сюда принадлежит литовско-славянское *й* в известных случаях, вместо обыкновенного *ї*, из индоевропейского неслогового иррационального *а*, или, например, сюда принадлежит утрата *ѹ*, или, может быть, *ѵ*, после согласных в некоторых словах. Теперь я остановлюсь на тех фонетических явлениях литовско-славянского и общеславянского языков (с дальнейшим изменением в старославянском языке), которые могут быть определены в их фонетических причинах. Сперва я рассмотрю вторичные фонетические явления общеславянского языка по отношению к гласным, причем начну с изменений гласных в сочетании с гласными.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ В СОЧЕТАНИИ С ГЛАСНЫМИ

Мы видели, что общеславянский язык получил в словах некоторые сочетания гласных с гласными, а именно сочетания гласных *і* и *и* слоговых и неслоговых с другими гласными. Те из этих сочетаний, в которых *і* и *ѹ* еще в индоевропейском языке примыкали в слоговом отношении к предшествующей гласной, т. е. индоевропейские дифтонги, я рассмотрел еще прежде в их переходе в общеславянский язык. Относительно индоевропейских слоговых *ї* и *й* перед гласной в первом слове я говорил, что они, может быть, вовсе не были получены общеславянским языком, в котором мы находим в соответствующих случаях *іј* (из *їј*) и *ѡѵ*, может быть, из индоевропейских *її*, *їј* и *йѹ*, *йѵ*. Что касается индоевропейского слогового *й* перед гласной не в первом слове слов и индоевропейского *ѹ* (при всяком положении), то они, как мы видели, совпали в общеславянском языке с *ѵ* из индоевропейского *ѵ* (индоевропейское *ѹ* перешло в *ѵ* еще в литовско-славянском языке); что же касается индоевропейского слогового *ї* перед гласной не в первом слове слов и индоевропейского *і*, то в зависимости от различного положения в словах они имели в общеславянском языке различную историю, и на этих-то явлениях я и остановлюсь теперь.

Индоевропейское *i* в положении между гласными

После *ĩ*, *ī* в первом слоге мы находим как в балтийских языках, так и в общеславянском языке *j* в соответствии с ожидаемым индоевропейским *i*; сюда принадлежит, например, общеславянское *j* в старославянском *прѣитель*, о котором я говорил уже. Достоверные примеры для индоевропейского *i* перед гласной после *ĩ*, *ī* не в первом слоге слов мне не известны, но, вероятно, и в этих случаях индоевропейское *i* после *ĩ*, *ī* переходило в *j* еще в литовско-славянском языке. Что же касается индоевропейского *i* перед гласной в положении не после *ĩ*, *ī*, то оно изменялось в литовско-славянском языке непосредственно, вероятно, в придыхание (почему можно думать так, об этом я буду говорить впоследствии), которое в положении перед неударяемою гласной исчезало, может быть, еще в литовско-славянском языке, причем тождественные гласные, приходившие в соприкосновение вследствие исчезновения придыхания, сливались далее в одну долгую гласную также, может быть, еще в литовско-славянском языке. Сюда принадлежит образование старославянского *-а*, русского *-а*, из общеславянского *-ā* в окончании родительного единственного числа имен с основами на индоевропейское *-ā°*, например, в *вълка* (*вълка*) — „волка“. Это общеславянское *-ā* соответствует литовскому *-ō* из общепольского *-ā°*, например, в *vũlko*, а общепольское *ā°* и общеславянское *ā* могут восходить к литовско-славянскому *ā°*, получившемуся здесь из соединения двух *ā°*, между которыми исчезло индоевропейское *i*; т. е. старославянская форма родительного единственного числа *вълка* (*вълка*) образовалась, по моему мнению, из индоевропейской формы на *-ā°iā°*, где *-iā°* — суффикс родительного единственного числа, существовавший лишь в именах (не в местоимениях) с основами на *ā°*, хотя в индоевропейском языке в тех же именах (а также в местоимениях) был известен и другой суффикс родительного единственного числа *-siā°*, который первоначально употреблялся, может быть, только в местоименном склонении (отношение местоименного суффикса *-siā°* к именному суффиксу *-iā°* было бы однородно с отношением местоименного суффикса *-sā°m* к именному суффиксу *-ā°m* в индоевропейском родительном множе-

ственного числа). В греческом языке из индоевропейской формы родительного единственного числа на $-ā^o iā^o$ в именах с основами на $-ā^o$ получилась форма на ионическое и аттическое $-ou$, непосредственно из $-oo$, где между обоими o исчезло i еще в общегреческом языке, например ἵππου, где $-ou$ из $-oio$, $-oo$. В латинском языке сюда принадлежит i в окончании родительного единственного числа имен с соответствующими основами, например в *equi*. Это i я объясняю непосредственно из $-ie$, где между гласными исчезло индоевропейское i (как первоначальное i , так и j в положении между гласными в латинском языке вообще исчезали) и где i и e произошли из o (индоевропейского $ā^o$), при известном фонетическом положении обоих o (i из o в этом $-ie$ однородно с i из o , например, в *ūnicus* из **oinocos*, сравните старославянское *инѣкъ*, или, например, в *novitas*, сравните греческое *νέωτης*, а e в этом $-ie$ из конечного o , которое вообще в латинском языке изменялось в e).

Индоевропейское i между гласными исчезло фонетическим путем и в литовско-славянских основах настоящего времени производных глаголов на индоевропейские $-ā^a iā^e$, $-ā^a iā^o$ и $-ā^e iā^e$, $-ā^e iā^o$. В индоевропейском языке в таких основах глаголов гласная перед i была известна как долгая, так и краткая; в греческом языке отсюда производные глаголы на $-αω$ и часть производных глаголов (именно за исключением старых каузативных глаголов) на $-εω$, в латинском языке производные глаголы первого латинского спряжения и часть производных глаголов второго латинского спряжения (именно за исключением старых каузативных глаголов); соответствующие древнеиндийские глагольные основы с долгой и с краткой гласной перед звуком из индоевропейского i имеют ударение на конечной гласной основы (в греческом и в литовско-славянском языках место ударения было изменено по аналогии других глаголов так называемого „тематического“ спряжения) и этим свидетельствуют, что в индоевропейском языке здесь существовало в суффиксе действительно i , а не j .

В литовско-славянском языке при основах настоящего времени производных глаголов на $-ā^o(i)ě$, $-ā^o(i)ā^o$ и на $-ē(i)ě$, $-ē(i)ā^o$, из индоевропейских основ на $-ā^a iā^e$, $-ā^a iā^o$ и на $-ā^e iā^e$, $-ā^e iā^o$, существовали также и основы на $-ā^o jě$, $-ā^o jā^o$ и на $-ē jě$, $-ē jā^o$,

где *j* из индоевропейского *j*, а индоевропейское *j* в положении между гласными продолжало сохраняться как в литовско-славянском, так и в общеславянском языке и перешло отсюда и в отдельные славянские языки. Литовско-славянские производные глагольные основы настоящего времени на $-\bar{a}^{\circ}j\check{e}$, $-\bar{a}^{\circ}j\check{a}^{\circ}$ являются в старославянском языке в производных глаголах на $-\text{аѣ}$, $-\text{аѣть}$ ($-\text{аѣть}$), например дѣлаѣ , дѣлаѣть (дѣлаѣть); бываѣ , бываѣть (бываѣть), русские *делаю*, *делает*; *бываю*, *бывает*, которым в литовском языке соответствуют производные глаголы на $-\bar{o}ji$, а литовско-славянские производные глагольные основы настоящего времени на $-\bar{e}j\check{e}$, $-\bar{e}j\check{a}^{\circ}$ в старославянском языке являются в производных глаголах на $-\text{ѣѣ}$, $-\text{ѣѣть}$ ($-\text{ѣѣть}$), например оумѣѣ , оумѣѣть (оумѣѣть); жѣлѣѣ , жѣлѣѣть (жѣлѣѣть), русские *умею*, *умеет*, которым в литовском языке соответствуют производные глаголы на $-\bar{e}ji$ ($\bar{e}$ выражает долгое *e*). Что же касается литовско-славянских производных глагольных основ настоящего времени на $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{e}$, $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{a}^{\circ}$ и на $-\bar{e}(i)\check{e}$, $-\bar{e}(i)\check{a}^{\circ}$, то история их в общеславянском и старославянском языках была такова.

Литовско-славянские производные глагольные основы настоящего времени на $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{e}$, $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{a}^{\circ}$ (из индоевропейских основ на $-\bar{a}^{\circ}ja^{\circ}$, $-\bar{a}^{\circ}j\check{a}^{\circ}$), являющиеся в литовском языке в производных глаголах на $-\text{аи}$, должны были в общеславянском обратиться фонетическим путем в основы на $-\bar{a}\check{e}$, $-\bar{a}\check{o}$, а $-\bar{a}\check{e}$, полученное именно в формах 2-го и 3-го лиц единственного и двойственного чисел и во 2-м лице множественного числа (в этих именно формах в индоевропейском языке существовало $\check{a}^{\circ}$ в окончании основ тематического спряжения), изменилось далее в общеславянском языке в $-\bar{a}\check{a}$, т. е. уподобилось по качеству предшествовавшему $\bar{a}$. Из этого общеславянского $\bar{a}\check{a}$ мы находим в старославянском языке в паннонских текстах (преимущественно в Мариинском евангелии и в Супрасльской рукописи) аа и более редкое а (из аа), например в бывааѣ , бывааѣть , бывааѣ , дѣлааѣ , помынааѣ ; в других славянских языках этому старославянскому аа соответствует $\bar{a}$ (в языках, сохраняющих долготу), $\check{a}$ из аа , и сюда, между прочим, принадлежит русское *а* в таких диалектических формах, как *быват* — „бывает“. Что касается общеславянского $-\bar{a}\check{o}$ (из индоевропейского $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{a}^{\circ}$, литовско-славянского $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{a}^{\circ}$), полученного в окончании основ

частоящего времени рассматриваемых нами глаголов в известных формах, именно в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел и 3-го лица множественного числа, а также в причастиях действительного и страдательного залога, то оно удерживалось фонетически как *āđ*, а затем еще в общеславянском языке под влиянием тех же форм от глаголов с основами настоящего времени в этих формах на *-ājđ*, из литовско-славянского *-ā^ojā^o* (в неопределенном и те и другие глаголы одинаково имели в окончании общеславянское *ā*, откуда старославянское *a*, например в *бывати, дѣлати*), то же *-ājđ* стало употребляться и вместо *-āđ* как более удобное сочетание звуков, т. е., например, в 3-м лице множественного числа окончание *-āđntь*, *-ājtь* было заменено окончанием *-ājōntь*, *-ājmtь*, отсюда старославянское *-aĭtь* (*бываѣтъ*), или, например, в 1-м лице множественного числа окончание *-āđtь* было заменено окончанием *ājōtь*, изменившимся далее фонетически в *-ājētь* (об общеславянском *ĕ* из *ō* после мягких звуков я буду говорить впоследствии), откуда старославянское *-aĭmь* (*бываемъ*). Точно так же в 1-м лице единственного числа настоящего времени рассматриваемых нами глаголов форма на *-āān*, *-āĭ* из литовско-славянской формы на *-ā^o(i)ōn* (где литовско-славянское *-ōn* родственно с греческим *-ω* и с латинским *-ō* в окончании 1-го лица единственного числа в тематическом спряжении) стала заменяться в общеславянском языке формой на *-ājĭ*, откуда старославянское *-aĭĭ* (*бываѣѣ*), под влиянием формы на *-ājan*, *-ājĭ* (старославянское *-aĭĭ*) производных глаголов с основами настоящего времени на литовско-славянские *-ā^ojĕ*, *-ā^ojā^o*, общеславянские *-ājĕ*, *-ājō* (отсюда далее фонетически *-ājĕ*). Следствием указанного влияния общеславянских основ на *-ājĕ*, *-ājō* на основы, имевшие в окончании *-āĭ* (непосредственно из *-āđ*, как мы видели), *-āđ*, должно было явиться смешение тех и других глагольных основ, и в эпоху распада общеславянского языка, по-видимому, все производные глаголы с основами неопределенного на *-ā* допускали (с различиями по диалектам) двойное образование основы настоящего времени, т. е., например, форма 3-го лица единственного числа оканчивалась и на *-ājetь* и на *-āātь*; некоторые из этих глаголов, может быть, были получены еще из литовско-славянского языка с двойным образованием

основы настоящего времени, на $-\bar{a}^{\circ}j\check{e}$, $-\bar{a}^{\circ}j\check{a}^{\circ}$ и на $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{e}$, $-\bar{a}^{\circ}(i)\check{a}^{\circ}$. Относительно общеславянского $\bar{a}\check{a}$ (из $\bar{a}\check{e}$) в окончании основы в формах 2-го и 3-го лиц единственного и двойственного чисел и 2-го лица множественного числа надо заметить, что, может быть, еще в диалектах общеславянского языка это $\bar{a}\check{a}$ могло переноситься и в формы 1-го лица множественного и двойственного чисел, так как во всех прочих глаголах тематического спряжения в эпоху распада общеславянского языка окончание основы в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел не отличалось от окончания основы в формах 2-го и 3-го лиц единственного и двойственного чисел и 2-го лица множественного числа ($\check{o}$, из индоевропейского $\check{a}^{\circ}$, в окончании основы тематического спряжения в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел настоящего времени заменилось еще в общеславянском языке, нефонетическим путем, гласной $\check{e}$, и, например, вместо формы $*berom\check{z}$, сравните греческое $\varphi\acute{\epsilon}rho\mu\epsilon\nu$, получилась форма $*berem\check{z}$, старославянское $веремъ$); новые славянские языки в окончании основы настоящего времени рассматриваемых нами глаголов и в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел (где последняя форма сохранилась) представляют те же $\bar{a}$, a , как например и в формах 2-го и 3-го лиц единственного числа, и эти $\bar{a}$, a в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел могут восходить к диалектическому общеславянскому $\bar{a}\check{a}$, но из старославянского языка такое новообразование в этих формах не известно.

В 1-м лице единственного числа настоящего времени производных глаголов с основами на общеславянское $\bar{a}$ в неопределенном старославянский язык, в отличие от всех других славянских языков, представляет только форму на $-л\check{a}$ (быва $\check{a}$, дѣла $\check{a}$), о которой я уже говорил, между тем как из всех других славянских языков известно в этих глаголах и другое образование формы 1-го лица единственного числа настоящего времени, именно на общеславянское $-\bar{a}\check{a}t\check{y}$; происшедшее отсюда в отдельных славянских языках $-\bar{a}t$, $-at$ существует и в диалектах украинского и великорусского языков (в Угличе говорят, например, *делаю* вместо „делаю“¹), а в других славянских языках эта

¹ Сравнительная морфология славянских языков Ф. Миклошича, перевел Н. Шляков, под редакцией Р. Брандта, стр. 453, прим. 3.

форма теперь почти всюду вытеснила форму на общеславянское *-ajъ*. Общеславянская форма на *-ajтъ*, при форме на *-ajъ*, в этих глаголах представляет собой новообразование, возникшее под влиянием глаголов так называемого „нетематического“ спряжения, и я объясняю происхождение этого новообразования следующим образом.

Общеславянский язык в числе непроеизводных глаголов с основами на *-aj* в неопределенном имел некоторые глаголы с двойким образованием основы настоящего времени: с суффиксом *-jě-*, *-jǫ-* (откуда фонетически *-jě-*), по тематическому спряжению, и без всякого суффикса, по нетематическому спряжению. В эпоху распада общеславянского языка таким глаголом был тот глагол, который является в старославянском *знати*, русском *знать* (родственны по корню греческое *γινωσκω*, латинское *(g)nosco*); общеславянскую основу настоящего времени с суффиксом *-jě-*, по тематическому спряжению, мы находим в старославянских формах *знаѣмъ*, *знаѣть* и т. д., в русских *знаю*, *знает* и т. д., а общеславянская основа настоящего времени без суффикса, по нетематическому спряжению (сравните греческое *ἐγώ*), является в спряжении глагола *знѣмъ*, *знѣтъ* в различных новых славянских языках, в том числе в русских диалектических формах *знам* — „знаю“ (в Сибири), *знашь*, *знат* и в русском *знамый*, а также и в старославянских диалектических формах (именно в Мариинском евангелии) *знѣтъ*, *знѣте*, где старославянское *ѣѣ*, как и *aj*, а других славянских языков, восходит к общеславянскому *ajъ* вместо *aj*, что я объясняю далее. Мы можем предполагать, что некогда в общеславянском языке, кроме глагола с основой неопределенного **znā-*, и другие непроеизводные глаголы с основами неопределенного на *-aj* имели два образования основы настоящего времени, с суффиксом *-jě-*, по тематическому спряжению, и без суффикса, по нетематическому спряжению. Так, в непроеизводном глаголе с основой неопределенного **baj-* (например, в русском диалектическом *бать*), которая еще в общеславянском языке могла заменяться новообразованием **bajā-* (например, в русском *баять*), может быть, и в эпоху распада общеславянского языка сохранялись в настоящем времени, кроме форм с основой настоящего **bajě-*, и некоторые формы от основы-корня, без суффикса (сравните

греческое $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$, где диалектическое η из $\bar{a}$), и русские диалектические формы *башь*, *бат*, при *баешь*, *бает*, может быть, восходят к общеславянским формам нетематического спряжения. Непроизводный глагол с основой неопределенного **stā-* (старославянское *стати*, русское *стать*), при основе настоящего **stājě-* (старославянские *станѣ*, *станѣть*, русские *в-стаю*, *в-стаем*), под влиянием которой образовалась основа неопределенного **stājā-* (старославянское *стати*), отличающаяся в видовом значении от **stā-*, может быть, имел и основу настоящего без суффикса, вытесненную затем вообще основой **stānĕ-* (старославянские *станѣ*, *станѣть*, русские *стану*, *станем*) и сохранившуюся в той форме, из которой произошла русская диалектическая форма *стат* — „станет“ (в Грязовце). Что же касается встречающихся в Маринском евангелии форм на *-латъ*, *-лате*, вместо обычных *-лѣтъ*, *-лѣте*, в производных глаголах с производными основами неопределенного на *-ли*, именно *даатъ*, *даате*, *въстаатъ* — „встает“, *покаатъ са*, *улате*, вместо *даѣтъ*, *даѣте* и т. д., то все они могут быть объясняемы как позднейшие новообразования под влиянием форм на *-латъ* и т. д., при *-лѣтъ* и т. д. в производных глаголах, а также в производном *знати*. Число производных глаголов с основами в неопределенном на *-ā* было во всяком случае очень незначительно в общеславянском языке, и потому понятно, что на них оказывали здесь известное влияние производные глаголы с основами неопределенного на *-ā*, а именно под влиянием форм настоящего времени производных глаголов на *-āātъ*, *-āāte*, *-āōntъ* и т. д. при формах на *-ājetъ*, *-ājete*, *-ājōntъ* и т. д. и в производных глаголах с основами неопределенного на *-ā*, имевших при основах настоящего на *-ājĕ* и основы настоящего на *-ā*, вместо этого *-ā* являлись *-āā* и *-āō*: например, **znāatъ* вместо **znātъ*, при **znājetъ*, или, например, **znāōntъ* вместо **znāntъ*, при **znājōntъ*, причем форма **znājōntъ*, **znājātъ* далее вытеснила собой форму **znāontъ*, **znāātъ* (как и в производных глаголах *-āontъ*, *-āātъ* было вытеснено окончанием *-ājōntъ*, *-ājātъ*), а под влиянием *-āā* вместо *-ā* в таких формах, как например **znāatъ*, **znāate*, и вместо **znātъ* получалось **znāatъ*. С другой стороны, под влиянием формы 1-го лица единственного числа на *-āātъ* при форме на *-ājъ* в производных глаголах, совпавших

уже в прочих формах настоящего времени с производными глаголами, и эти последние получили в диалектах общеславянского языка форму на *-āatъ*, при форме на *-ājъ*, т. е., например, под влиянием **znāatъ*, при **znājъ*, и при **bŭvājъ* являлось новообразование **bŭvāatъ*.

По поводу старославянских диалектических форм настоящего времени на *-aatъ*, *-atъ*, *-aatъ*, *-atъ* и т. д. надо заметить, что в диалектах старославянского языка по аналогии таких форм с основами на *-aa* при *-a* (из *-aa*) и в глаголе *имамъ*, стоявшем одиноко в системе старославянского спряжения, вместо *a*, из общеславянского *ā*, могло получаться *aa*, как мы видим это, например, в формах Остромирова евангелия: *имамъ* (ъ вместо ь), при *имамъ* (ъ вместо ь) в 1-м лице единственного числа, *имашн*, при *имашн*, *имaatъ*, при *имatъ*, и т. д., между тем как в паннонских текстах этот глагол всегда является с одним *a* в окончании основы; отсюда видно, что и в диалектах непаннонских текстов в производных глаголах с основами неопределенного на *-a* существовали некогда формы настоящего времени на *-aatъ* и т. д., при формах на *-aetъ* и т. д., хотя впоследствии они исчезли здесь.

Перехожу теперь к истории в общеславянском и старославянском языках основ настоящего времени производных глаголов на литовско-славянские *-ē(i)ě*, *-ē(i)ǎ°*. В общеславянском языке получившиеся отсюда *-ēě* и *-ēǎ* в окончании таких основ с течением времени были вытеснены более удобными сочетаниями *-ējě* и *-ējǎ* (откуда фонетически *-ējě*) в окончании основы настоящего времени производных глаголов на литовско-славянские *-ējě*, *-ējǎ°*, а те и другие производные глаголы в окончании основы неопределенного имели одинаково общеславянское *ē* из литовско-славянского *ē*, и некоторые из них, может быть, были получены общеславянским языком с двояким образованием основы настоящего времени; точно так же и в 1-м лице единственного числа настоящего времени сочетание *-ēān*, *-ēж* в первых из этих глаголов вытеснялось более удобным сочетанием *-ējān*, *-ējж* глаголов с основами настоящего времени на литовско-славянские *-ējě*, *-ējǎ°*, общеславянские *-ējě*, *-ējǎ* (откуда *-ējě*). Относительно общеславянского *ē*, которое я беру здесь в его более

древнем виде, напомним, что общеславянское *ě* с течением времени обращалось в *ie*. Только в немногих производных глаголах, по-видимому, продолжали существовать в эпоху распада общеславянского языка основы настоящего времени на *-ieě* из *-ěě*, при основах на *-ieje* из *-ěje*, причем в 1-м лице единственного числа настоящего времени такие глаголы получали новообразование в форме на *-ěть*, *-ieěть*. Таков был глагол с основой неопределенного **imie*: при основе настоящего **imieje*, например в старославянских *оумѣѣ*, *оумѣѣши*, *оумѣѣть* и т. д., в русских *умею*, *умеешь*, *умеет* и т. д., в этом глаголе в эпоху распада общеславянского языка существовала и основа настоящего времени **imiee*, например в **imieetъ*, причем форма 1-го лица единственного числа была **imieetъ*, как свидетельствуют различные славянские языки, между прочим, и русский язык, где в диалекте Углича продолжают сохраняться формы *умею* (1-е л. ед. ч.), *умеешь*, *умет*¹; в старославянском языке сюда принадлежат диалектические формы Марииинского евангелия в 3-м лице единственного и во 2-м лице множественного числа *оумѣѣтъ* (и *раз-оумѣѣтъ*), *оумѣѣте* (и *раз-оумѣѣте*), где *ѣѣ* непосредственно из *ѣѣ* (об изменении *ѣѣ* в *ѣѣ* в диалектах старославянского языка я говорю далее), а *ѣѣ* вместо *ѣѣ*, получавшегося из *ѣѣ* (общеславянского *ieě*): по аналогии таких форм, как *бѣѣѣтъ*, *бѣѣѣте*, при *бѣѣѣтъ*, *бѣѣѣте*, и при формах **оумѣѣтъ*, *оумѣѣте* (где *ѣѣ* из *ѣѣ*) получались формы **оумѣѣѣтъ*, *оумѣѣѣте*, откуда *оумѣѣѣтъ*, *оумѣѣѣте*, а как в Марииинском евангелии не сохранились формы типа *бѣѣѣтъ*, *бѣѣѣте* (с одним *ѣѣ*), так не сохранились здесь и формы **оумѣѣѣтъ*, **оумѣѣѣте*. Мы увидим далее, что *ѣѣ* (общеславянское *ieě*) в диалектах паннонских текстов, как скоро не сокращалось в *ѣѣ* (сравните *ѣѣ* из *ѣѣ*), переходило в *ѣѣ* (писалось, понятно, *ѣѣ* в тех текстах, где *ѣѣ* вообще передавалось буквой *ѣѣ*); поэтому здесь общеславянские *ieě* и *ieje* в рассматриваемых нами глагольных образованиях должны были совпадать в *ѣѣ*, как скоро *ѣѣ* не сокращалось в *ѣѣ*. Кроме форм *оумѣѣтъ* (*разоумѣѣтъ*), *оумѣѣте* (*разоумѣѣте*), встречающихся в Марииинском евангелии довольно часто (преимущественно *разоумѣѣтъ*, *разоумѣѣте*), мы находим

¹ Сравнительная морфология славянских языков Ф. Миклошича, перевел Н. Шляков, под редакцией Р. Брандта, стр. 470, прим. 3.

здесь единичные примеры форм на *-ѣтъ*, *-ѣте* и в некоторых других производных глаголах на *-ѣти*, например один раз в *цѣлѣтъ* или, например, один раз в *въздѣлѣте*, но частью это могут быть новообразования в диалекте Мариинского евангелия, сложившиеся по типу форм *оумѣтъ*, *оумѣте*, при *оумѣють*, *оумѣете*; с *цѣлѣтъ* согласуется форма *ицѣлѣтъ*, встречающаяся один раз в Зографском евангелии.

Общеславянская форма 1-го лица единственного числа на *īeѣтъ*, при форме на *-īeѣжъ*, в таких производных глаголах, каким был, например, глагол с основой неопределенного **ūmīe-*, образовалась, я думаю, таким же путем, как и форма на *-āamь* в производных глаголах с основами неопределенного на *-ā*. В числе производных глаголов с основами неопределенного на *-ē*, откуда *-īe*, общеславянский язык имел глаголы с двойким образованием основы настоящего времени: с суффиксом *-je-*, по тематическому спряжению, и без суффикса, по нетематическому спряжению. Под влиянием аналогии производных глаголов с основами настоящего на *-ējь*, *-ējь*, при основах на *-ējь*, *-ējь* (откуда далее фонетически *-ējь*), и в непроизводных глаголах с основами настоящего на *-ē*, при основах на *-ējь*, *-ējь* (откуда фонетически *-ējь*), основы на *-ē* заменялись основами на *-ējь*, *-ējь*, т. е., например, в 3-м лице единственного числа в этих глаголах форма на *-ēтъ* заменялась формой на *-ējьтъ*, *-īeѣтъ*, в 3-м лице множественного числа форма на *-ēntь* заменялась формой на *-ējьntь*, которую вытесняла форма на *-ējьntь*, *-ējьntь*, *-īeѣntь* (подобно тому как и в производных глаголах окончание *-ēontь* вытеснялось окончанием *-ējьntь*, *-īeѣntь*, *-īeѣntь*). С другой стороны, под влиянием формы 1-го лица единственного числа на *-ējьтъ* (вместо *-ēтъ*), *-īeѣтъ*, при форме на *-ējьжъ*, *-īeѣжъ* глаголов непроизводных, и производные глаголы с основами настоящего на *-ējь*, *-īeѣ* получали в 1-м лице единственного числа форму на *-ējьтъ*, *-īeѣтъ*, при форме на *-ējьжъ*, *-īeѣжъ*. К числу непроизводных глаголов с основами неопределенного на *-ē*, *-īe*, имевших в общеславянском языке два образования основы настоящего времени, с суффиксом *-je-*, по тематическому спряжению, и без суффикса, по нетематическому спряжению, принадлежал, по свидетельству различных славянских языков, глагол с основой неопределенного **dē-*, откуда **dīe-* — „говорить“ (в русском языке сравните ча-

стицу „де“, образовавшуюся из глагольной формы); в старославянском языке общеславянская основа настоящего **dīēe* вместо **dīē-* является в форме *дѣши* *ли* с значением вопросительного *мѣ*, где *ѣ* вместо *ъ*, получившегося из *ѣ* (сравните сказанное мной об *ѣ* в *оумѣть* в Мариинском евангелии); из других славянских языков известна в этом глаголе, между прочим, и форма 1-го лица единственного числа на общеславянское *тъ* (**dīēetъ*). В Мариинском евангелии встречаются единичные примеры форм на *-ѣтъ*, где *ѣ* непосредственно из *ѣ*, не только в производных глаголах, но также и в некоторых непроизводных, именно *дѣтъ* — „делает“ (и *дѣта*, 2-е л. двойств. числа), *о-дѣтъ*, *сѣтъ*, *оу-сѣтъ*, *про-лѣтъ* *са*; частью это новообразования, частью же такие формы могут восходить к общеславянским образованиям из основ настоящего времени на *-īēē* (вместо *ie*), существовавших при основах на *īejē* в непроизводных глаголах с основами на *-īē* в неопределенном.

По аналогии форм производных глаголов на *-лѣтъ*, *-лѣте*, при формах на *-лѣтъ*, *-лѣте*, и форм на *-ѣтъ*, *-ѣте*, откуда *-ѣтъ*, *-ѣте*, при формах на *-ѣтъ*, *-ѣте*, в диалекте Мариинского евангелия были образованы и формы на *-оуѣтъ*, *-оуѣте*, при старых формах на *-оуѣтъ*, *-оуѣте*, в производных глаголах на *-ѣти*, например *вѣроуѣтъ*, *вѣроуѣте*; в общеславянском языке соответствующие глаголы имели в настоящем только основы на *-ījē* (*ī* из *oi*), с старым *j*, как свидетельствуют показания славянских и балтийских языков (в литовском языке те же образования в производных глаголах на *-aiju*).

В примерах, которые я приводил пока из общеславянского языка для того литовско-славянского сочетания гласных, где между гласными исчезло индоевропейское *i*, вторая из этих гласных была здесь неударяемою, а в таком положении индоевропейское *i* вполне исчезло, как я заметил, вероятно, еще в литовско-славянском языке при посредстве изменения в придыхание. Указание на то, что индоевропейское *i* между гласными (не после *ĩ*, *ī*) переходило в литовско-славянском языке непосредственно в придыхание, я вижу в том факте, что из индоевропейского *i* после гласной перед ударяемою гласной, по крайней мере перед твердой гласной, общеславянский язык по-

лучил задненёбную звонкую фриктивную γ (тот звук, который в положении перед гласными [о γ перед δ я говорю далее] существует в литературном наречии русского языка, например в словах „господь“, „бога“, где, однако, это γ нового происхождения; вероятно, оно заимствовано из произношения церковнославянского γ в южной России, а здесь и общерусское g обращалось в γ). Изменение бывшего некогда $\dot{i}$ в общеславянское γ в положении после гласной перед ударяемой гласной и полная утрата индоевропейского $\dot{i}$ при другом положении между гласными (не после $\dot{i}$, $\bar{i}$) еще в литовско-славянском языке, — оба эти явления могут быть связаны между собой при том предположении, что индоевропейское $\dot{i}$ и в том и в другом случае перешло в придыхание, которое затем в положении перед неударяемой гласной исчезло, а перед гласной ударяемой продолжало сохраняться и обратилось далее в общеславянское γ . Такое общеславянское γ я вижу в окончании $-\gamma\delta$ в родительном единственного числа местоимений с основами на $-\delta$ (индоевропейское $-\dot{a}^o$), например в общеславянских $*to\gamma o$, $*ko\gamma o$. Указание на то, что общеславянский язык имел здесь не g , но γ , дает сопоставление между собой отдельных славянских языков: в диалектах русского языка, например в литературном наречии, мы находим в этих случаях v (δ), которое не получалось, однако, в соответствии с общеславянским g ; кашубский язык, как и русский, представляет также v , между тем как в соответствии с общеславянским несомненным g мы не находим v в кашубском. Что касается старославянского языка, то здесь, как и в других южнославянских языках, общеславянское γ перешло в g , т. е. из общеславянских $*to\gamma o$, $*ko\gamma o$ получились старославянские $to\gamma o$, $ko\gamma o$.

Общеславянские формы $*to\gamma o$, $*ko\gamma o$ и тому подобные произошли, по моему мнению, так. В литовско-славянском языке в именах с основами на индоевропейское $-\dot{a}^o$ (мужеского и среднего рода) в родительном единственного числа были получены формы как с падежным суффиксом $-\dot{i}\dot{a}^o$ (об этих формах я уже говорил), так и с падежным суффиксом $-\dot{s}\dot{i}\dot{a}^o$ (в греческом языке гомеровские формы на $-\dot{o}\dot{i}\dot{o}$, например $\dot{\iota}\pi\tau\dot{o}\dot{i}\dot{o}$, могут объясняться из индоевропейских форм на $-\dot{s}\dot{i}\dot{a}^o$), между тем как в местоимениях мужеского и среднего рода литовско-славянский язык

получил в родительном единственного числа только падежный суффикс $-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ (сравните сказанное мной прежде). Впоследствии в литовско-славянском языке по аналогии чередования в именах форм родительного на $-\ddot{a}^{\circ}-\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ (когда $\dot{\imath}$ между гласными еще сохранялось) и на $-\ddot{a}^{\circ}-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ и в местоимениях с основами на $-\ddot{a}^{\circ}$ при форме родительного на $-\ddot{a}^{\circ}-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ образовывалась форма на $-\ddot{a}^{\circ}-\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$, а так как местоименная форма родительного единственного на $-\ddot{a}^{\circ}-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ была получена литовско-славянским языком с ударением на окончании, как я сужу на основании общеславянских $*to\gamma\acute{o}$, $*ko\gamma\acute{o}$ и т. д. (в индоевропейском языке, по свидетельству отдельных индоевропейских языков, в косвенных падежах местоимений с основами этих форм на краткую гласную были известны формы как с ударением на основе, так и с ударением на гласной падежного окончания), то потому и в новообразовании на $-\ddot{a}^{\circ}-\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ ударение падало в литовско-славянском языке на конечную гласную, т. е., например, при форме $*t\ddot{a}^{\circ}s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ получалась форма $*t\ddot{a}^{\circ}\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$. Форма родительного на $-\ddot{a}^{\circ}-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ в именах и местоимениях была вытеснена затем параллельной формой на $-\ddot{a}^{\circ}-\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ еще в диалектах литовско-славянского языка, между тем как в местоимениях с основами в родительном единственного числа не на $-\ddot{a}^{\circ}$ форма родительного на индоевропейское $-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$, не получавшая при себе параллельной формы на $-\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$, продолжала сохраняться в литовско-славянском языке и перешла и в общеславянский язык; старославянское окончание $-сѧ$ в родительном единственного числа $\gammaссѧ$ (основа $\gammaс-$ из индоевропейской основы $*k\check{a}^e-$, с k задненёбным, сравните греческую основу $\tau\epsilon-$, с τ из k в родительном $\tau\acute{\epsilon}o$, где $-o$ по аналогии именного склонения) и $\gammaсѧ$ (основа $\gammaь-$ из индоевропейского $*k\check{i}-$, перенесенная в родительный падеж из именительно-винительного $\gammaь$, тождественного с греческим $\tau\iota(d)$, латинским *quid*) восходит, вероятно, к индоевропейскому суффиксу родительного $-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$, хотя и представляет нефонетическое изменение этого $-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$, по отношению именно к древней утрате $\dot{\imath}$ (из $-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ при фонетическом изменении надо бы ждать в старославянском $-ше$). В ту эпоху, когда в литовско-славянском языке в родительном единственного числа местоимений с основами на $-\ddot{a}^{\circ}$ существовали формы на $-s\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$ и на $-\dot{\imath}\ddot{a}^{\circ}$, по аналогии чередования таких форм, различавшихся между собой присутствием или отсутствием s

в начале суффикса, явилось также чередование форм с *s* и без *s* и в дательном и в местном падежах единственного числа тех же местоимений, где из индоевропейского языка были получены окончания *-smā°i* (в дательном падеже) и *-smīn* (в местном падеже), т. е. при форме дательного на *-smōi* (прусское *-smi*) явилась в литовско-славянском языке форма на *-mōi* (старославянское *-моу*, например в *тмоу*, литовское *-mui*, из *-mīi*, например в *tāmui* — „этому“), а в местном единственного числа при форме на *-smīn* получилась форма на *-mīn* (старославянское *-мь*, например в *тмь*, литовское *-mi* одних диалектов, *-me* других диалектов, например в *tami*, *tamē* — „(в) этом“). Как скоро в родительном единственного числа местоимений с основами на *-ā°* форма на *-siā°* была вытеснена в диалектах литовско-славянского языка формой на *-iā°*, и в дательном и в местном падежах единственного числа формы с *s* перед *m* были вытеснены формами без *s*, т. е. общеславянский язык получил здесь только формы без *s* перед *m*, хотя эта утрата *s* перед *m* не могла возникнуть фонетическим путем (сравните первоначальную группу *sm* без изменения в старославянском *юсмь*). Что же касается литовско-славянских местоимений с основами не на *-ā°*, продолжавших сохранять форму родительного единственного числа на *-siā°*, то в них и в дательном и в местном падежах окончания *-smōi* (из индоевропейского *-smā°i*) и *-smīn* продолжали удерживать *s*, которое перешло здесь и в общеславянский язык: в старославянском языке сюда принадлежит *с* в формах *уессмоу*, *уессмоу* и *уессмь*, где *-сѣм-* заменило собой *-sm-* под влиянием *-сѣ* (не сознававшегося уже в качестве падежного окончания) в форме родительного *уессѣ*, *уессѣ*, между тем как форма *уѣмь*, русское *чем* (*уѣмоу*, русское *чему*, не встречается в старославянских памятниках), образована по аналогии других местоимений.

Перехожу теперь к истории в рассматриваемых мной языках индоевропейского *i* в положении не между гласными, т. е. после согласных и в начале слов, а также и к истории индоевропейского *i* слогового перед гласными, существовавшего лишь после согласных и, несомненно, известного притом из литовско-славянского языка, как я говорил уже, лишь в положении не в начальном слоге слов. В эпоху распада литовско-

славянского языка *i*, сохранявшееся в положении не между гласными, *ĩ* слоговое перед гласными различались еще между собой, как свидетельствует история сочетаний, заключавших в себе эти звуки, в балтийских языках; что же касается *i* и *j*, то, хотя мы имеем указания на бывшее некогда в литовско-славянском языке различие между собой индоевропейских *i* и *j*, тем не менее в эпоху распада литовско-славянского языка это различие могло уже не существовать, и в это время оба эти звука в положении не после гласных, может быть, уже совпали в одном звуке *i*, тогда как между гласными существовало *j* (обыкновенно из индоевропейского *j*, так как индоевропейское *i* не после *ĩ*, *ĩ* в таком положении еще ранее изменилось в придыхание). По крайней мере в общеславянском языке некогда существовало такое различие между *i* (в положении не после гласных) и *j* (в положении после гласных), причем в *i* здесь перешло и литовско-славянское *ĩ* слоговое перед гласными. В то время, когда в литовско-славянском языке различались еще индоевропейские *i* и *j* и когда *i* между гласными уже не существовало, возникло здесь фонетическое изменение *ě* в *ĩ* в положении после *ĩ* и *i*, между тем как *ě* после *j* сохранялось как *ě*. В балтийских языках литовско-славянские группы *ĩĩ* и *ĩj* имеют различную судьбу (из *ĩĩ* здесь получалось *ĩ*, которое не являлось из *ĩĩ*), тогда как в общеславянском языке, где литовско-славянское *i* слоговое перед гласными совпало с *i*, и литовско-славянские группы *ĩĩ* и *ĩj* совпали в одной группе *ĩĩ*, которая при положении после согласной не в конечном слоге изменилась в *ĩĩ* и далее в *ĩ*. Общеславянское *ĩ* (старославянское и, русское *и*) такого происхождения является, например, в окончании основ настоящего времени глаголов тех классов, к которым принадлежат старославянские глаголы *сѣдѣти*, *горѣти*, *хвалѣти*, *носити* и т. д., русские *сидеть*, *гореть*, *хвалить*, *носить* и т. д., например в формах настоящего времени *сѣдѣши*, *сѣдѣть*, *сѣдѣте* и *хвалѣши*, *хвалѣть*, *хвалѣте*, русские *сидишь*, *сидит*, *сидите* и *хвалишь*, *хвалит*, *хвалите*. В глаголах класса *сѣдѣти*, *горѣти*, производных по основам настоящего времени, в основах неопределенного еще в литовско-славянском языке являлись производные основы на *-ē* (например, с старославянским *сѣдѣти* тождественно литовское *sėdėti*), а основы настоящего времени

были получены из индоевропейских основ тематического спряжения на $-i\check{a}^e$, $-i\check{a}^o$, где ударение падало на слоговую гласную этого суффикса ($\check{a}^e$, $\check{a}^o$), между тем как в индоевропейских основах настоящего времени на $-j\check{a}^e$, $-j\check{a}^o$ ударение падало на гласную корня. Индоевропейские основы настоящего времени на $-ja^e$, $-ja^o$ являются в старославянском языке в таких глаголах, как *орѣти* („пашу“), *орѣтъ*, *колю*, *колютъ*, русские *орю*, *орет*, *колю*, *колет*, с которыми тождественны по образованию основ настоящего времени такие литовские глаголы, как *ariù*, *ária* („орю, орет“), и такие греческие глаголы, как *φαιρω*, *καίρω* (где ионическое и аттическое *ει* не дифтонг, но долгое закрытое *e*, образовавшееся в этих диалектах из общегреческого *ē* в положении перед группой из *rj*, с индоевропейским *j*), а индоевропейские основы настоящего времени на $-i\check{a}^e$, $-i\check{a}^o$, являющиеся, как я сказал, в таких старославянских глаголах, как *сѣждѣ*, *сѣдѣтъ*, *горѣтъ*, *горѣтъ*, русские *сизжу*, *сидит*, *горю*, *горит*, в литовском языке мы находим в глаголах класса *sédžiu*, *sėdi* („сизжу, сидит“), а в греческом в таких глаголах, как, например, *χαίρω* (где *αι-* из *arj-*, с индоевропейским *i*), *φαίω* (где *αι-* из *anj-*, с индоевропейским *i*). Итак, в старославянских глаголах класса *сѣждѣ*, *сѣдѣтъ*, *горѣтъ*, *горѣтъ* старославянское *и*, из общеславянского *ī*, получившегося непосредственно из *ī̃*, восходит к литовско-славянскому *ĩ* (откуда в литовском языке *i* с фонетической утратой *ĩ* после согласной перед мягкой гласной), образовавшемуся из *iĕ*, т. е. из индоевропейского $i\check{a}^e$. Но индоевропейское $\check{a}^o$ в окончании основ тематического спряжения существовало только в формах 2-го и 3-го лиц единственного и двойственного чисел и 2-го лица множественного числа, между тем как в других формах с теми же основами являлось $\check{a}^o$ в окончании основ (в 1-м лице единственного числа настоящего времени это $\check{a}^o$ в соединении с личным суффиксом обращалось фонетически в $\check{a}^o$), а в литовско-славянском языке *ĩ* в окончании рассматриваемых нами основ существовало и в этих формах (но не в 1-м лице единственного числа), т. е. в 1-м лице множественного и двойственного чисел, в 3-м лице множественного числа и в причастиях, как свидетельствует сопоставление славянских и балтийских форм (общеславянское *а* в старославянских формах 3-го лица множественного числа *сѣдѣтъ*, *горѣтъ* и в причастных основах *сѣдашѣ*,

глагол-образовалось, как я объясняю далее, из *-īn-*). Надо думать поэтому, что еще в литовско-славянском языке в этих глаголах под влиянием тех форм, где явилось фонетически *ī* из *īē* в окончании основ, это *ī* переносилось и в формы, в которых было получено в окончании основ *īā°*, т. е. чередование гласных *ī* и *ā°* в спряжении таких глаголов не удержалось в языке, и одна из этих гласных вытеснила собою другую.

Сказанное мной о происхождении общеславянского *ī*, старославянского *и*, в окончании основ настоящего времени производных глаголов, например в старославянских основах *сѣди-*, *гори-*, применяется и к общеславянскому *ī*, старославянскому *и*, в окончании основ настоящего времени производных глаголов, например в старославянских *хвали-*, *носи-* (*хвалитъ, носитъ*), русские *хвали-*, *носи-* (*хвалит, носит*). Эти основы восходят к индоевропейским основам производных глаголов на *-iā°* после согласной; в греческом языке сюда принадлежат такие производные глаголы, как, например, *τεχταίνω, τελεῖω* (с производными основами от основ на согласную), а также, например, и *ἀγγέλλω, ἐχθαίρω* (с производными основами от основ на гласную), и соответственные образования мы находим также и в древнеиндийском языке. В литовско-славянском языке производные глаголы с таким образованием основ настоящего времени приняли на себя, между прочим, и значения утраченных здесь индоевропейских винословных (каузативных) глаголов с основами настоящего времени на *-ā°jā°*, *-ā°jā°* (откуда в греческом языке часть производных глаголов на *-εω* и в латинском также часть производных глаголов на *-eo*). В балтийских языках не сохранились основы настоящего времени производных глаголов, соответствующие старославянским основам настоящего времени класса *хвали-* или *носи-*, а в соответствии с основами неопределенного таких глаголов на общеславянское *-ī*, старославянское *-и*, например *хвали-ти*, *носи-ти*, русские *хвалить, носить*, и в балтийских языках сохранились основы неопределенного на *-ī*, например в литовском *vartýti* — „поворачивать“ (при настоящем *vartau*, а о происхождении литовских глаголов на *-au* я упоминал прежде), тождественном по происхождению с старославянским *врати*, русское *воротить*, где общеславянская основа **vortī-*. Это балтийское *ī*, общеславянское *ī* в основах неопределенного таких

глаголов восходит, вероятно, к литовско-славянскому $\bar{i}$ из индоевропейского $\bar{i}$ производных глаголов с основами литовско-славянского неопределенного на $\bar{i}$ и с основами настоящего в литовско-славянском языке на $-i\bar{j}\bar{e}$, $-i\bar{j}\bar{a}^o$ (литовские глаголы на $-uji$, старославянский глагол въпниѣ), где j могло получиться как из первоначального j , так и из первоначального $\bar{i}$ (сравните греческие производные глаголы на $-\omega$ и латинские глаголы на $-io$ IV спряжения). Надо заметить, что производные глаголы индоевропейского языка перешли в отдельные индоевропейские языки исключительно в основах настоящего времени (т. е. в личном глаголе в формах настоящего и прошедшего несовершенного времени), между тем как в отдельных индоевропейских языках из основ настоящего времени таких глаголов были извлекаемы и основы не настоящего времени, по аналогии спряжения глаголов непродуцированных. Как скоро в литовско-славянском языке в производных глаголах с основами настоящего на $-i\bar{e}$ (откуда далее $-\bar{i}\bar{i}$), $-i\bar{a}^o$ были извлечены основы не настоящего времени, такими основами явились основы на $-\bar{i}$, но основы на $-\bar{i}$ в формах, суффиксы которых начинались с согласной, например в неопределенном, имевшем в начале суффикса t (старославянское $-\text{ти}$, литовское $-\text{ti}$), не могли удержаться, так как $\bar{i}$ перед согласными не существовало в языке; как скоро же $\bar{i}$ в таком положении становилось слоговым, на него оказывало влияние $\bar{i}$, получавшееся в окончании основ неопределенного производных глаголов с основами настоящего на литовско-славянские $-i\bar{j}\bar{e}$, $-i\bar{j}\bar{a}^o$, а в некоторых глаголах те и другие образования могли еще ранее вполне совпадать по значениям (такое явление представляет древнеиндийский язык в некоторых глаголах с соответственными образованиями основ настоящего времени). В тех формах, суффиксы которых начинались с гласной, $\bar{i}$ в окончании основ настоящего времени рассматриваемых нами глаголов не должно было переходить в слоговой звук и продолжало сохраняться как $\bar{i}$, с его дальнейшими фонетическими изменениями. Так образованы старославянские причастия прошедшего времени действительного залога хвалѣ , хвалѣша и тому подобные, где $\bar{e}$ из $\bar{e}$ (сравните несѣ , несѣша) в положении после мягкого звука (общеславянское мягкое $\bar{l}$ в хвалѣ из $\bar{l}\bar{i}$), и так же образованы эти причастия и в литовском языке (например, vartęs ,

родительный *vārčiusio*), между тем как другое славянское образование тех же причастий, являющееся в старославянских формах *хвалѣвъ*, *хвалѣвъша* и тому подобных (в паннонских текстах господствуют формы типа *хвалѣ*, не *хвалѣвъ*¹), вызвано было влиянием аналогии со стороны причастий прошедшего времени действительного залога других глаголов с основами неопределенного на гласную (например, *бѣвъ*, *дѣлаѣвъ*). Основы настоящего времени на *і* вошли в состав и славянских причастий прошедшего времени страдательного залога, например в старославянском *хвалѣиъ* (сравните *-сѣ* в *всѣсѣ*), причем надо заметить, что такие формы образовались уже после того, как старое *іѣ* изменилось в литовско-славянском языке в *іѝ*.

Общеславянское *іѝ* из литовско-славянских *іѝ* и *їѝ* (получившихся из *іѣ* и *їѣ*) в конечном слоге слов неодносложных не переходило в *їѝ*, *і*, а *і* в этом *іѝ* с течением времени подверглось в общеславянском языке таким же фонетическим изменениям, как и всякое *і* в положении после согласных (об этих изменениях я говорю далее); на основании этого различия в изменении группы *іѝ* можно предполагать, что *ї* слоговое стало переходить в общеславянском языке в *ѣ* (*і* иррациональное) слоговое прежде всего при положении в конечном слоге слов неодносложных и что, следовательно, и изменение *ѣ* слогового в *ѣ* (*и* иррациональное) слоговое началось здесь также в конечном слоге слов неодносложных. Общеславянское *іѝ*, *іѣ* с дальнейшими фонетическими изменениями, из литовско-славянских *ї* и *їѝ*, получавшихся из *іѣ* и *їѣ*, я вижу, например, в окончании 2-го лица единственного числа славянской повелительной формы, из индоевропейского желательного наклонения, в глаголах нетематического спряжения, т. е. в тех общеславянских формах, из которых произошли старославянские *даждь*, *въждь*, *иждь* (где *и* из *ѣ* в начале слова), русское *ешь* в значении повелительной формы (*и* из конечного *жс*), а также старославянское *виждь*, русское *вишь* (*и* из конечного *жс*), хотя в последнем глаголе нетематическое спряжение настоящего времени было утрачено (сравните в литовском языке при настоящем тематического спря-

¹ См. статистическое сопоставление тех и других образований в паннонских текстах у Wiedemann'a, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, стр. 134.

жения *veizdžiu*, соответствующем старославянскому *виждь*, русскому *вижу*, настоящее нетематического спряжения *veizdmi*, которому в старославянском языке соответствовало бы **виъмь*); что касается форм *даждь*, *повъждь*, *виждь* в Синайском требнике, то они представляют новообразование в конечном и вместо ъ, под влиянием повелительной формы тематического спряжения, например *кѣри*. В основах не единственного числа славянских повелительных форм нетематического спряжения старославянское и из общеславянского *ī* в окончании основы (не в конечном слоге слов), например в формах *дадите*, *идите*, образовалось так же, как и старославянское и из общеславянского *ī* в окончании основ настоящего времени *хваляи-*, *носи-* или *сѣди-*, *гори-*, т. е. общеславянское *ī* в случаях того или другого рода восходит к более древнему общеславянскому *ī* при положении его не в конечном слоге слов. В индоевропейском языке основа желательного наклонения в нетематическом спряжении образовывалась при посредстве суффикса, который в формах единственного числа действительного залога имел на себе ударение и являлся в виде *-īā^с* и *-īā^с*, откуда греческое *-ιη-*, например в *εἶη*, древнелатинское *-iē-* в *siem*, *sies*, *siet* (*ī* в *sim*, *sis*, *sit* перенесено из форм не единственного числа); в формах же не единственного числа действительного залога этот суффикс являлся перед ударяемыми окончаниями и в связи с этим имел более слабый вид, именно, как я думаю, *-īā^с* и *-īā^с* в формах действительного залога, а не *-ī-*, как предполагают другие¹, при-

¹ Новообразования, являющиеся в индо-иранских языках в формах множественного и двойственного чисел действительного залога этого желательного наклонения, не могли бы быть поняты при том предположении, что основа таких форм оканчивалась в индоевропейском языке на *-ī*; против этого *-ī* свидетельствует и индоевропейское образование формы 3-го лица множественного числа действительного залога как в языке Авесты, так и в греческом и латинском языках. Чередование в индоевропейском языке *ā* того или другого качества в формах единственного числа действительного залога с *ā* соответствующего качества в других формах действительного залога я принимаю и для тех глагольных основ, которые состояли из одного корня на *-ā* различного качества в „сильном“ виде, т. е., например, в греческом *φαίνω* (при *φαίς*, где *η* из *ā*) я вижу в *α* индоевропейское *ā^а*, а не индоевропейское слоговое иррациональное *α*; иначе не могли бы быть поняты индо-иранские новообразования в таких формах.

чем, однако, в форме 3-го лица множественного числа фонетически получились окончания *-iā^ent*, *-iā^ent* (сравните древнелатинское *sient*, греческое εἶεν, а -εу фонетически из *-ēnt*), где в состав *ā^e* вошли *ā^e* в окончании суффикса желательного наклонения *-iā^e-*, *-iā^e-* + *ā^e* личного окончания *-ā^ent*¹. В литовско-славянском языке чередование между *ē* и *ē* в этом суффиксе желательного наклонения исчезло, и одна из этих гласных вытеснила собою другую, а именно основы на *-iē*, *-iē*, откуда *-ī*, *-ī*, заменили собой основы на *-iē*, *-iē*, полученные в формах единственного числа (действительного залога).

С старославянскими повелительными формами *даждь*, *дадите*, *идждь*, *иддите* родственны литовские формы желательного наклонения, образованные через присоединение к супину спрягаемого глагола форм желательного наклонения от индоевропейской глагольной основы (корня) **bhū-* = **bhū-* „быть“, и, например, литовское *i* в *bite* во 2-м лице множественного числа, например в *nēštumbite* (от *nēšti* — „нести“), относится к старославянскому *и*, например в *дадите*, *иддите*, так же, как литовское *i*, например в *sédite* (изъявительное наклонение) — „вы сидите“, относится к старославянскому *и* в *сѣдите* (в изъявительном наклонении). Литовское *-bi-* в литовском желательном наклонении восходит к индоевропейской основе желательного **bhūiā^e-*, при *bhūiā^e-* (другое индоевропейское образование **bhūiā^e-*, при **bhūiā^e-*), где *и* после начальной согласной исчезло или в литовско-славянском языке (о случаях такого рода я упоминал уже), или, может быть, еще в индоевропейском языке при энклитическом употреблении этой формы в значении связки (сравните индоевропейское энклитическое **tā^oi* — „тебе“, откуда, например, греческое энклитическое *τοι*, старославянское энклитическое *ти*, из **tiā^oi*, откуда, например, греческое *σοι*); на утрату здесь *и* еще в индоевропейском языке указывает, по-видимому, древнеперсидская форма желательного наклонения от этого глагола (*bija*, 3-е лицо единственного числа). Если индоевропейский язык имел

¹ В нетематическом спряжении индоевропейскими окончаниями 3-го лица множественного числа действительного залога я вывожу в положении под ударением *-ā^enti* и *-ā^ent*, а в положении без ударения *-ā^enti* и *-ā^ent* (в перфекте существовало и особое окончание); в случаях первого рода самое ударение препятствовало образованию *-ā^ent*.

*bhīā^e-, bhīā^e-, то здесь же могло явиться и изменение *bhīā^e-, *bhīā^e- в *bhīā^e-, *bhīā^e- при тех же фонетических условиях, которые и в других случаях вызывали здесь чередование *ī* слогового перед гласной и *i* (например, в других основах желательного наклонения глаголов нетематического спряжения); или же в литовско-славянском языке при *bīē-, *bīī- (из *bhīā^e-) получалось и *bīē-, *bīī-, по аналогии с -īe-, -īi- в других основах желательного наклонения. Литовское -bi- во всяком случае восходит к *bīī-, не к *bīī- (отсюда в литовском явилось бы *bī-). Эта литовско-славянская основа желательного наклонения *bīī- известна нам и из старославянского языка, и притом в значении основы такой формы вспомогательного глагола, которая в соединении с причастием на -лѣ спрягаемого глагола служила для образования условного наклонения, хотя условное наклонение образовывалось здесь также и иначе, из соединения форм аориста вспомогательного глагола бѣхъ, бѣ, бѣ и т. д. (сравните русское *бы*) с причастием на -лѣ спрягаемого глагола. Основа желательного (славянского условного) наклонения, тождественная с литовской основой -bi-, является в старославянском языке в паннонских текстах как би- в формах бимь (где личный суффикс -мь перенесен из настоящего времени глаголов нетематического спряжения), би, би, бимь, бисте, биша (в том же значении и бѣ, другого происхождения), а формы двойственного числа не встречаются в текстах. Относительно бисте надо заметить, что эта форма заменила собой форму *бисте (хорватское *bite*) под влиянием бѣисте, а также под влиянием -сте в дѣсте, исте, вѣсте; форма же биша явилась вместо более древней формы *би (сербское и хорватское *би, bi*) по аналогии бѣша, а что касается образования общеславянского *bī в 3-м лице множественного числа из *biint, то об этом я говорю далее, в связи с историей общеславянских носовых гласных. Различие между и из общеславянского *ī* в форме би во 2-м и 3-м лица единственного числа, с одной стороны, и ⁽¹⁾б из общеславянского *īb*, ⁽¹⁾б в старославянских лѣждь, иждь, с другой стороны, объясняется тем, что в первом случае было слово односложное, а в односложном слове *ī* после согласной изменялось, следовательно, в общеславянском языке так же, как и внутри слов, т. е. переходило в *īī*, откуда *ī*.

Общеславянское $\dot{y}\dot{y}$, ib , $^{(i)}b$ после согласной в конечном слове слов неодносложных из литовско-славянских $\dot{y}\dot{y}$ и $\dot{y}\dot{y}$, получавшихся из $\dot{y}\dot{y}$ и $\dot{y}\dot{y}$, существовало некогда и в звательной форме единственного числа многих имен того класса, к которому принадлежат старославянские имена $\text{ko}\dot{y}\dot{y}$, $\text{m}\dot{z}\dot{z}$ и тому подобные. Все эти имена в формах склонения указывают на индоевропейские основы на $-\dot{a}^o$, чередовавшееся с $-\dot{a}^e$ и следовавшее за мягким звуком, а между тем звательная форма единственного числа образована в них (имена на $-\text{ц}\dot{y}$ и $-\text{з}\dot{y}$, $-\text{з}\dot{y}$ не принадлежат сюда¹), как в именах с основами на индоевропейское $-\dot{y}$, например старославянское $\text{ko}\dot{y}\dot{y}$ (сравните звательную форму на $-\text{оу}$ в именах с основами на индоевропейское $-\dot{y}$ после твердого звука, например $\text{syn}\dot{y}$, между тем как форма $\text{syn}\dot{y}$ образована по аналогии имен с основами на индоевропейское $-\dot{a}^o$, $-\dot{a}^e$). Утрата древнего образования звательной формы на индоевропейское $-\dot{a}^e$ в славянских именах с основами на индоевропейское $-\dot{a}^e$ после мягкого звука объясняется, я думаю, тем, что в большей части таких имен на общеславянское $^{(i)}b(s)$ в именительном падеже (или по крайней мере в тех из них, в которых по самому значению имени звательная форма была наиболее употребительна) были получены основы на индоевропейские $-\dot{y}\dot{a}^o$, $-\dot{y}\dot{a}^e$ и $-\dot{y}\dot{a}^o$, $-\dot{y}\dot{a}^e$, а не на $-\dot{y}\dot{a}^o$, $-\dot{y}\dot{a}^e$, так что, следовательно, звательная форма таких имен должна была оканчиваться на $^{(i)}b$ (из индоевропейских $-\dot{y}\dot{a}^e$ и $-\dot{y}\dot{a}^e$, откуда литовско-славянские $-\dot{y}\dot{y}$, $-\dot{y}\dot{y}$), т. е. должна была совпасть по окончанию с именительным падежом на $^{(i)}b$, как скоро в последней форме фонетически отпало конечное s . Звательная форма на $^{(i)}b$ таких имен, когда еще в именительном падеже сохранялось конечное s , перенесена была и в те имена на $^{(i)}b(s)$, в которых были получены основы на первоначальные $-\dot{y}\dot{a}^o$, $-\dot{y}\dot{a}^e$ (после согласной) и в которых поэтому звательная форма единственного числа должна была фонетически оканчиваться на $^{(i)}\dot{y}$ в общеславянском языке, а это перенесение звательной формы на $^{(i)}b$ в такие имена вызывалось здесь тем, что те и другие имена фонетически совпали между

¹ Имена общеславянские $-\text{с}\dot{y}$ и $-\dot{a}\dot{z}\dot{y}$ (диалектическое $-\text{з}\dot{y}$ из $\dot{a}\dot{z}\dot{y}$) заменили собой более древние имена на $-\text{k}\dot{z}$ и $-\text{g}\dot{z}$, как мы увидим далее, и в них продолжала сохраняться звательная форма на $-\text{е}$, например старославянское $\text{ot}\dot{y}\dot{y}$.

собой как в окончании именительного единственного числа, так и в окончаниях форм склонения и различались лишь в звательной форме единственного числа, которая в большинстве этих имен фонетически оканчивалась на $^{(i)}b$, так как принадлежала именам с основами на литовско-славянские $-i\check{a}^o$, $-i\check{i}$ (из $-i\check{e}$) и $-i\check{a}^o$, $-i\check{i}$ (из $-i\check{e}$); следствием же указанного перенесения звательной формы на $^{(i)}b$ в те общеславянские имена на $^{(i)}b(s)$ в именительном падеже, в которых были получены основы на первоначальные $-j\check{a}^o$, $-j\check{a}^e$ (после согласной), должна была явиться замена звательной формы на $-e$ звательной формой на $-b$ и в общеславянских именах на $-j\check{b}(s)$ в именительном падеже (старославянское $-и$, например в $крѣи$), с основами на первоначальные $-j\check{a}^o$, $-j\check{a}^e$ после гласной, так как эти имена совпадали в формах склонения с именами на $^{(i)}b(s)$ в именительном падеже. Как скоро затем во всех этих именах конечное s в именительном падеже отпало в общеславянском языке (по закону, о котором я говорю далее), звательная форма на $^{(i)}b$ и $-j\check{b}$ вполне совпала в окончании с именительным падежом тех же имен; такое совпадение представлялось неудобным (так как в других именах звательная форма продолжала отличаться от именительного падежа), и звательная форма на $^{(i)}b$ и $-j\check{b}$ в рассматриваемых нами именах была заменена в общеславянском языке формой на $^{(i)}i\check{i}$ и $-j\check{i}$ ($i\check{i}$ из дифтонга oi), принадлежавшей по происхождению именам с основами на первоначальное $-i\check{i}$ в положении после мягкого звука. Надо думать, потому, что в числе имен старославянских классов „ $кѣи$ “, $крѣи$ “ были получены в общеславянском языке некоторые имена с основами на литовско-славянские $-i\check{i}$ и $-j\check{i}$; эти общеславянские имена, совпавшие фонетически в именительном единственного числа с прочими именами тех же классов (т. е. на первоначальные $-i\check{a}^o$, $-i\check{a}^e$ в положении после мягкого звука), подчинились затем в склонении аналогии последних имен, составлявших по отношению к ним во всяком случае значительное большинство, но при этом сами передали прочим именам зательную форму, как скоро зательная форма на $^{(i)}b$ и $-j\check{b}$ стала представляться неудобной по совпадению ее в окончании с именительным падежом.

Может быть, и в именительном и винительном падежах единственного числа общеславянское $^{(i)}b$ в части имен старославян-

ского класса *кѣнь* восходит к литовско-славянским *-ĩĩ* и *-ĩĩ*, из *-ĩĩ* и *-ĩĩ*, в окончании основ этих форм, хотя то же общеславянское *-(i)ъ* должно было получиться фонетическим путем (как мы увидим далее) и из первоначальных *-ĩā°*, *-ĩā°*, *-jā°* в тех же формах. В литовском языке в соответствии с старославянскими именами класса „кѣнь“ мы находим частью имена на *-(i)as* в именительном, на *-(i)ą* в винительном единственного числа (где *a* из литовско-славянского *ǣ°*), например *svėćias* — „гость“, частью же имена на *-ýs* (*y* выражает долгое *i*) и на *-is* в именительном, на *-i* в винительном единственного числа, например *ežýs* — „еж“, *žódis* — „слово“. Литовское *ý* (т. е. *ĩ*) в этих именах произошло из литовско-славянского *ĩĩ*, а литовское *i* (без ударения) здесь частью образовалось непосредственно из *ĩ*, при известных фонетических условиях, частью же может восходить к литовско-славянскому *ĩĩ*; что же касается литовско-славянских *ĩĩ* и *ĩĩ*, то мы знаем, что в них переходили индоевропейские *ĩā°* и *ĩā°*. Надо думать, что в индоевропейских именах (а также и в местоимениях) с основами на *-ǣ°*, *-ǣ°* в положении после *ĩ* и *ĩ* в именительном и винительном единственного числа мужского рода, а также в именительном-винительном единственного числа среднего рода, т. е. вообще при положении в конечном слоге, известно было и *ǣ°*, кроме *ǣ°*, т. е. что, например, в именительном единственного числа таких имен при форме на *-ĩā°s* существовала и форма на *-ĩā°s*; индоевропейские основы на *-ĩā°* и *-ĩā°* в этих формах известны нам не только из балтийских языков, но также и из итальянских, и сюда принадлежат, например, в латинском языке такие образования, как *Clodis-* (при *Clodius*), *alis* (при *alius*), где латинское *i* из *ĩ*. Ввиду фактов, представляемых балтийскими языками, кажется очень вероятным, что и в общеславянский язык перешли имена с основами на литовско-славянские *-ĩĩ* и *-ĩĩ*, из индоевропейских *-ĩā°* и *-ĩā°*, в именительном и винительном падежах единственного числа мужского рода, хотя, как я заметил уже, эти имена должны были совпасть здесь фонетическим путем с именами, основы которых в тех же формах оканчивались на первоначальные *-ĩā°* и *-ĩā°*, а также и на *-jā°*.

Подобным же образом и в именительном и винительном единственного числа мужского рода местоимения с индоевро-

пейской основой $-i\alpha^o, -i\alpha^e$ (греческое $\acute{o}$ в $\acute{o}\zeta$), старославянское $\mathfrak{n}$ в $\mathfrak{n}-\mathfrak{жс}$ из общеславянского i , которое в свою очередь непосредственно из $i\ddot{i}$ (как я объясню впоследствии), может быть тождественно с литовским $ji-$ в jis („он“), $j\ddot{i}$, где $ji-$ из литовско-славянского $i\ddot{i}$, получившегося из $i\check{e}$ - (индоевропейское $i\check{a}^e$ -), хотя общеславянское i , старославянское $\mathfrak{n}$ в $\mathfrak{n}-\mathfrak{жс}$, явилось бы также и из литовско-славянских форм с основой $i\check{a}^o$.

Я говорил, что индоевропейское i между гласными не сохранилось как i еще в литовско-славянском и не перешло поэтому в общеславянский язык. Но с течением времени общеславянский язык получил i в новом положении между гласными в тех именно случаях, когда слово, начинавшееся с i , слилось с словом, оканчивавшимся на гласную. Такие случаи являлись в склонении прилагательных определенных, образовавшихся из соединения падежных форм прилагательных неопределенных (а эти формы были те же, что и в существительных) с падежными формами того местоимения, которое в старославянском языке мы находим в $\mathfrak{n}$ -, $\mathfrak{ш}$ -, $\mathfrak{ю}$ - (в $\mathfrak{n}\mathfrak{жс}$, $\mathfrak{ш}\mathfrak{жс}$, $\mathfrak{ю}\mathfrak{жс}$), $\mathfrak{ю}\mathfrak{го}$, $\mathfrak{ю}\mathfrak{ж}$, $\mathfrak{ю}\mathfrak{моу}$, $\mathfrak{ю}\mathfrak{н}$ и т. д. Употребление этого местоимения (с индоевропейской основой $i\alpha^o$ -, $i\alpha^e$ -) в положении после прилагательных для образования членной формы прилагательных существовало еще в литовско-славянском языке, как свидетельствует сопоставление славянских и балтийских языков, а в общеславянском языке (как и в балтийских языках) формы прилагательного имени и формы этого местоимения, следовавшего за прилагательным, с течением времени стали сливаться в одном слове, причем, как я уже заметил, общеславянский язык получил новые звуковые сочетания „гласная + i + гласная“. Во всех тех прилагательных определенных, в состав которых вошли неодносложные формы местоимения, i в положении между гласными исчезло в общеславянском языке, между тем как в начале односложных форм местоимения, вошедших в состав прилагательных определенных, то же i в положении между гласными совпало в общеславянском языке с j (например, в $*dobra-j\ddot{a}$, откуда старославянское $дѡбраи$, русское *добрая*). Это различие в истории i между гласными в тех и других формах прилагательных определенных стоит в связи, я думаю, с различием тех и других форм этого местоимения по отношению к

ударению. В двусложных формах этого местоимения, следовавшего за прилагательным, вследствие энклитического употребления являлось всюду, может быть, ударение первого слога, второстепенное по отношению к ударению прилагательного, между тем как односложные формы этого местоимения в энклитическом их употреблении вовсе не имели ударения. В таком случае *i* между гласными в прилагательных определенных подлежало исчезновению в общеславянском языке в положении именно перед гласными с ударением, когда эти гласные приставленного местоимения сохраняли еще второстепенное ударение, между тем как в положении перед гласными без всякого ударения (в односложных формах приставленного местоимения) то же *i* переходило в *j*. — Односложными формами местоимения, вошедшими в состав форм прилагательных определенных, были не только те формы, которые являлись такими по самому их происхождению, именно формы именительного и винительного падежей всех трех чисел и всех трех родов, но также и некоторые другие, сокращенные формы; а именно все те двусложные формы этого местоимения, которые в их полном виде имели в начале второго слога *j*, вошли в состав прилагательных определенных в сокращенном виде, без первого слога *je-* (старославянские окончания *-ѧ, -ѧ, -ѧ, -ѧ* в родительном, дательном, творительном и местном единственного числа женского рода и старославянское *-ю* в родительном-местном двойственного числа всех трех родов в склонении прилагательных определенных). Надо заметить, что в эпоху распада общеславянского языка в рассматриваемом нами местоимении при всех тех двусложных формах, которые начинались с *je-* (из более древнего *je-*), были известны сокращенные энклитические формы, без этого *je-*; в старославянском языке эти сокращенные формы почти не сохранились (родительный *ѧ* вместо *ѧѧ* встречается и в старославянских текстах), но они засвидетельствованы другими славянскими языками, которые, между прочим, указывают и на общеславянские энклитические **yo, *mi*, при **jeyo, *jeti*. На основании того, что в состав прилагательных определенных вошли общеславянские **jeyo, *jeti* (откуда позже **jeyo, *jeti*) в этом их полном виде, а не в виде **yo, *mi*, я заключаю, что в эпоху образования общеславянских прилагательных опреде-

ленных энклитических формы **jo*, **ti* еще не существовали и что они возникли позже в общеславянском языке по аналогии с прочими энклитическими формами этого местоимения, утратившими начальное *je-* и вошедшими, как мы видели, в состав прилагательных определенных. Понятно, что и в этих более ранних по происхождению энклитических формах, утративших начальное *je-* пред слогом, начинавшимся с *j*, такая утрата начального *je-* не могла быть явлением фонетическим и должна объясняться влиянием какой-либо аналогии. Надо заметить, что падежные окончания в этих формах были те же, что и в соответственных падежных формах имен с основами на первоначальные *-ā^o*, *-ā^e* (мужского и среднего рода) и *-ā^a*, *-ā^a* (женского рода) в положении после мягких звуков. Я предполагаю, что еще в то время, когда местоимение, служившее для образования определенной формы прилагательного, было вспомогательным словом, не слившимся еще с прилагательным, под влиянием таких сочетаний форм, как **sīn⁽ⁱ⁾ā jā* (именительный единственного числа женского рода), **sīn⁽ⁱ⁾ jā* (винительный падеж), и в родительный падеже являлось **sīn⁽ⁱ⁾iē jīē*, где **jīē* вместо **jejīē* по аналогии с **sīn⁽ⁱ⁾iē*; подобным же образом получились сокращенные формы вспомогательного местоимения и в дательном, местном и творительном падежах единственного числа женского рода и в родительном-местном двойственного числа всех трех родов. Эти сокращенные формы местоимения, образовавшиеся в сочетании с прилагательными, имевшими мягкие окончания основы, перенесены были затем и в сочетании с прилагательными, имевшими твердые окончания основы, например в родительном **dobry jīē*, точно так же, как и при употреблении того же местоимения отдельно от прилагательных те же сокращенные формы могли являться в качестве энклитических форм местоимения.

Кроме указанных нефонетических сокращений форм в прилагательных определенных в общеславянском языке, здесь существовали также и другие нефонетические сокращения в образовании форм этих прилагательных, а именно во всех тех падежных формах, где падежное окончание прилагательного, одинаковое с окончанием вспомогательного местоимения, заключало в себе сочетание „согласная + гласная“ и потому могло

отделяться для сознания в качестве падежного окончания, это окончание в прилагательном имени отбрасывалось при образовании из прилагательного и вспомогательного местоимения одной цельной формы прилагательного определенного. Поэтому, например, в творительном единственного числа женского рода из **dobrojъ-jъ* (об энклитической форме **jъ* я уже говорил) получалась форма **dobro-jъ* (совпавшая в окончании с соответственной формой прилагательного неопределенного) или, например, в творительном единственного числа мужского и среднего рода вместо **dobrъmь-ĭmь* получалась форма **dobrъ-ĭmь*, а, например, в дательном множественного числа мужского и среднего рода из **dobromъ-ĭmь* являлось непосредственно **dobro-ĭmъ* и т. д.

Я сказал, что в тех формах прилагательных определенных, в состав которых вошли неодносложные формы вспомогательного местоимения, общеславянский язык получил *ĭ* в таком положении между гласными, при котором это *ĭ* исчезало здесь, следствием чего явились, понятно, сочетания слоговых гласных. Рассмотрим теперь историю этих сочетаний гласных в формах прилагательных определенных.

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода. Окончание *-āeγo*, из *-āĭeγo*, образовалось в общеславянском языке тогда, когда то древнее *-āĭ-* в окончании основ настоящего времени известных производных глаголов, о котором я говорил прежде, уже не существовало в таком виде, но являлось измененным в *-āĭ-*. Новое общеславянское *-āĭ-* в окончании *-āĭeγo*, образовавшееся, вероятно, в последние эпохи жизни общеславянского языка, сохранялось здесь без дальнейшего изменения и перешло таким в отдельные славянские языки, где оно подверглось изменениям, различным в различных языках. В старославянском языке это общеславянское *-āĭ-* обратилось в *-aa-*, которое далее переходило в одно *-a-*, и, например, форма **dobrāeγo* изменилась здесь в *dobraaγo*, откуда далее *dobraγo*; это изменение *āĭ* в старославянское *aa* вполне однородно, следовательно, с тем общеславянским изменением *āĭ* (из литовско-славянского *ā^o(i)ė*) в *āĩ*, о котором я говорил прежде. Указание на то, что старославянское *-aa-* в окончании *-aaγo* получилось из общеславянского *-āĭ-*, дают те славянские языки (например, чешский, польский), в которых мы

находим $\bar{e}$ -, $-e$ - в соответствии с старославянским $-la-$ в этом окончании; это $\bar{e}$ (e) может быть сопоставляемо с старославянским la лишь при посредстве общего для них ae . Что касается русской формы родительного единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных, то она представляет собой новообразование, как я объясню далее; некогда, однако, русский язык имел, вероятно, форму на $-a\gamma o$, получившуюся фонетически из общеславянской формы на $-a\bar{e}\gamma o$ (вероятно, через посредство формы на $-aa\gamma o$, как в старославянском языке).

Дательный падеж единственного числа мужеского и среднего рода. Окончание $-iet\bar{i}$, из $-i\bar{c}et\bar{i}$, еще в общеславянском языке обратилось в $-i\bar{o}t\bar{i}$, где $\bar{e}$ перешло в $\bar{o}$ вследствие уподобления предшествовавшему $i\bar{i}$. В старославянском языке общеславянское $-i\bar{o}t\bar{i}$ изменилось в $-ou\bar{u}ou\bar{u}$, откуда $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ (в сочетании с мягким звуком $-i\bar{u}ou\bar{u}ou\bar{u}$, $-i\bar{u}ou\bar{u}$), например $dobrou\bar{u}ou\bar{u}$, $dobrou\bar{u}ou\bar{u}$ ($v\bar{y}sh\bar{y}ni\bar{u}ou\bar{u}ou\bar{u}$, $v\bar{y}sh\bar{y}ni\bar{u}ou\bar{u}$). Старославянское $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ может быть объясняемо из $-i\bar{u}\bar{e}$ во всяком случае лишь через посредство $-i\bar{o}$, а указание на то, что еще в общеславянском языке здесь существовало $-i\bar{u}\bar{o}$ (из $-i\bar{u}\bar{e}$), дают другие славянские языки в сопоставлении их с старославянским языком. В старославянских текстах болгарской редакции, равно как и в древнейших старославянских текстах русской редакции (но не в Остромировом евангелии), мы находим в дательном единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных окончание $-ou\bar{u}ou\bar{u}$, а в сочетании с мягкими звуками также $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ и $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ (последнее, кажется, только в памятниках болгарской редакции); окончание $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ может быть сопоставляемо с старославянским $-ou\bar{u}ou\bar{u}ou\bar{u}$ лишь при посредстве общего для них первообраза $*-ou\bar{u}ou\bar{u}ou\bar{u}$. При окончаниях $ou\bar{u}ou\bar{u}$ и $-ou\bar{u}ou\bar{u}$, $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ в тех же старославянских текстах болгарской и русской редакций являются также и сокращенные окончания $-ou\bar{u}ou\bar{u}$ и $-ou\bar{u}ou\bar{u}$, которые известны и из старославянских памятников сербской редакции; отсюда и в современном русском языке $-ou\bar{u}$ и $-ou\bar{u}$, например в *слепому, доброму, синему*, и в современном сербском языке $-ou\bar{u}$, $-ou\bar{u}$ (где долгая гласная из соединения двух гласных). В русском языке под влиянием $-o-$ и $-e-$ в этих окончаниях $-ou\bar{u}$ и $-ou\bar{u}$ те же $-o-$ и $-e-$ проникли и в

форму родительного единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных, т. е. окончание этой формы *-аго* (из общеславянского *-ае҃го*) заменилось окончаниями *-оуо* и *-еуо*, с их дальнейшими фонетическими изменениями в диалектах, например в *слепого, доброго, синего* (мы пишем неправильно *добраго, синяго*). Подобным же образом в сербском языке *-ѡ-*, *-ѣ-* из окончания дательного падежа *-ѡму, -ѣму* были перенесены и в окончание родительного падежа *-ѡга, -ѣга* (конечное *а* вместо *о* под влиянием *а* в окончании родительного имен существительных), вместо **-аго, *-ага*. Что же касается, например, чешского и польского языков, где в родительном единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных мы находим *-ѣ-*, *-е-*, из общеславянского *-ае-*, то здесь то же *-ѣ-*, *-е-* перенесено и в форму дательного падежа, т. е. общеславянское окончание *-йотѣй* изменилось здесь нефонетическим путем в *-ѣти, -ети*.

В некоторых старославянских памятниках (например, Зографском евангелии, в Мариинском евангелии) в родительном и дательном падежах единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных встречаются формы на *-ае҃го* (*-ае҃го*), *-оуе҃моу* (*-юе҃моу*), при формах на *-аа҃го, -аа҃го* (*-аа҃го, -аа҃го*), *-оуоуе҃моу, -оуе҃моу, (-юуе҃моу, -юуе҃моу)*, например *добраа҃го, добраа҃моу*; в текстах, не отличающих *ѡ* от *е*, пишется, понятно, *-аа҃го, -оуе҃моу*. В этих формах на *-аа҃го, -оуе҃моу* я вижу новообразования, вызванные влиянием местного единственного числа на *-ѡмь, -ѡмь* (в прилагательных с основами на твердую согласную перед конечною гласною), а частью также и влиянием других форм, сближенных в окончаниях как с формами местоимения *ѡмь, нмь* и т. д., так и с окончаниями падежных форм в *моѡ, твоѡ, своѡ, частью кѡѡ* (*моѡмь* и т. д.).

Местный падеж единственного числа мужеского и среднего рода. Общеславянское окончание *-ѣетъ*, из *-ѣѣетъ*, существовавшее в положении после твердых звуков, сохранялось и в диалектах старославянского языка как *-ѡмь*, например *добрѡмь*; такие старославянские формы известны нам из Остромирова евангелия. В диалектах паннонских текстов *ѡе* обращалось в *ѡе*, т. е. из *-ѡмь*, мы находим здесь *-ѡмь, -ѡмь* (*ѡ* из *ѡ*) в тех памятниках, которые знают вообще букву *ѡ*, например в Суп-

расльской рукописи (тврѣдѣмъ); в глаголических текстах, не имеющих вообще буквы ю, а также, например, в Саввиной книге, где буква ю встречается очень редко, написание -ѣмъ (-ѣмъ) в окончании местного падежа прилагательных определенных должно читать -ѣмъ (-ѣмъ), что относительно Саввиной книги свидетельствуется и тем, что в диалекте этого памятника избегалось вообще стечение гласных в слове (здесь, например, формы на -аго, -оуоумоу вполне вытеснены формами на -аго, -оумоу). Ранее, чем произошло диалектическое изменение группы гласных ѣ в ѣ, окончание -ѣмъ при каких-то условиях во всех диалектах переходило в -ѣмъ (подобно тому как -аго, -оуоумоу при каких-то условиях стали переходить в -аго, -оумоу), а далее формы на -ѣмъ (-ѣмъ), известные как из паннонских текстов, так, например, и из Остромирова евангелия, например добръмъ, смешались в употреблении с формами на -ѣмъ, откуда диалектическое -ѣмъ, подобно тому как то же существовало и по отношению к формам на -аго, -оумоу, при формах на -аго, -оуоумоу. В некоторых памятниках, кроме того, мы находим формы на -ѣмъ, -ѣмъ (ѣ из ѣ), с их фонетическим изменением в диалектах в формы на -ѣмъ, -ѣмъ; формы на -ѣмъ (-ѣмъ), нередко встречающиеся в Супрасльской рукописи (например, добръмъ), известны также, например, из Изборника 1073 года (русской редакции), где второе ѣ пишется йотированным, как и в начале слов здесь встречается иногда йотированное ѣ (известное только из этого памятника); формы на -ѣмъ являются, например, в Ассемановом евангелии (например, къуѣмъ), а в единичных случаях мы находим -ѣмъ, -ѣмъ и в Супрасльской рукописи (грѣѣмъ, адѣѣмъ). В этих старославянских диалектических формах на -ѣмъ и т. д., существовавших при формах на -ѣмъ, -ѣмъ и на -ѣмъ, я вижу нефонетическое изменение форм на -ѣмъ под влиянием аналогии со стороны форм на -аго, -оуоумоу, при формах на -аго, -оумоу, т. е. я думаю, что, например, под влиянием полных форм добраго, доброуоумоу, при сокращенных добраго, доброуоумоу и при форме добръмъ, получалась аналогичная полная форма добръмъ. Точно так же и в старославянском диалектическом ѣѣ, откуда ѣѣ, в окончании основ настоящего времени известных глаголов (сравните в Супрасльской рукописи дѣѣши с адѣѣмъ) я вижу,

как говорил уже, нефонетическое новообразование, вместо ѣ из ѣс.

В русском языке в предложном падеже единственного числа мужского и среднего рода прилагательных определенных окончание *-ом*, например (в) *добром*, имеет *-о-*, перенесенное из окончаний дательного и родительного падежей под влиянием аналогии местоименного склонения, например под влиянием формы (в) *том*, при формах *тому*, *того*.

Общеславянское окончание *-ĭetъ*, из *-ĭetъ*, в положении после мягких звуков в местном единственного числа мужского и среднего рода прилагательных определенных (*ĭ* здесь вместо *ĭe* вследствие положения после мягкого звука, как мы увидим далее) изменилось еще в общеславянском языке в *-ĭitъ*, т. е. *e* уподобилось по качеству предшествовавшему *i*; отсюда и в старославянском языке *-nimъ* и далее *-nimъ*, например *въшъnimъ*.

В русском языке форма, например, (в) *синем* однородна по образованию с формой, например, (в) *добром*.

Творительный падеж множественного числа. Общеславянские окончания *-ŭitĭ*, из *-ŭitĭ*, в положении после твердых звуков, и *-ĭitĭ*, из *-ĭitĭ*, в положении после мягких звуков, в творительном множественного числа мужского и среднего рода прилагательных определенных были перенесены в общеславянском языке и в женский род под влиянием того, что в приставленном местоимении форма женского рода в этом падеже не отличалась от формы мужского и среднего рода. В старославянском языке отсюда *-tymn* и *-nimn*, с их дальнейшими изменениями в *-tymn* и *-nimn*, например *добръtymn*, *въшъnimn*. В русском языке *-ыми* и *-ими*, например *добрыми*, *синими*.

Родительный падеж множественного числа. Общеславянские окончания *-ŭiŭъ*, из *-ŭiŭъ*, в положении после твердых звуков, и *-ŭiŭъ*, из *-ŭiŭъ*, после мягких звуков, обратились еще в общеславянском языке в *-ŭiŭъ* и *-iŭъ*, где *u* и *i*, вероятно, краткие, из *ъ* и *ь* вследствие уподобления их следовавшему далее *i*. В старославянском языке отсюда *-tynъ* и *-nynъ*, с их дальнейшими изменениями в *-tynъ* и *-nynъ*, например *добръtynъ*, *въшъnynъ*. В русском языке *-ых* и *-их*, например *добрых*, *синих*.

Творительный падеж единственного числа мужского и среднего рода. В склонении имен существительных с основа-

ми на первоначальное $-ǣ^o$, а потому и в склонении имен прилагательных неопределенных с теми же основами общеславянский язык в эпоху его распада представлял два образования творительного единственного числа: 1) на $-тъ$ после твердых звуков и потому на $-ьтъ$ после мягких звуков и 2) на $-оть$ после твердых звуков и потому на $-еть$ после мягких звуков. Оба эти образования, открывающиеся для общеславянского языка из сопоставления между собой отдельных славянских языков, существовали и в старославянском языке, с известными различиями по диалектам (в паннонских текстах господствуют формы на $-ѣмь$, в Остромировом евангелии на $-ѣмь$, а формы на $-ѣмь$, обычные в паннонских текстах, нередко являются и в Остромировом евангелии при формах на $-ѣмь$). Общеславянское образование творительного единственного числа на $-тъ$ я считаю более древним сравнительно с формой на $-оть$, хотя и форма на $-ьтъ$ в этих именах была в общеславянском языке новообразованием по аналогии формы творительного в именах с основами на первоначальное $-й$. В литовско-славянском языке падежный суффикс, являющийся в общеславянском $-тъ$, откуда старославянское $-мь$, и в литовском $-mī$, не употреблялся в именах с основами на первоначальное $-ǣ^o$, и здесь существовало то образование творительного единственного числа, которое в общеславянском языке дало бы в результате форму на $-ж$; как скоро в общеславянском языке падежный суффикс $-тъ$, становясь принадлежностью склоняемых слов неженского рода, переносился и в имена с основами на первоначальное $-ǣ^o$ (мужеского и среднего рода), прежде всего при этом могли оказать влияние имена с основами на первоначальное $-й$, так как в окончании именительного единственного числа те и другие имена с течением времени фонетически совпали в общеславянском языке. Таким образом, имена с основами на первоначальное $-ǣ^o$ стали получать в творительном единственного числа окончание $-ьтъ$, а под влиянием форм дательного множественного числа и дательного-творительного двойственного числа, где перед t падежных суффиксов продолжало существовать o в окончании основ таких имен (в формах на $-оть$, $-отѣ$), то же o получило возможность переноситься и в форму творительного единственного числа этих имен, т. е. при окончании $-ьтъ$

здесь являлось и окончание *-отъ*. Итак, в творительном единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных общеславянский язык некогда должен был иметь формы на *-ѣ(тъ)-їѣтъ*, в положении после твердых звуков, и на *-ь(тъ)-їѣтъ*, в положении после мягких звуков (о грамматическом выпадении *-тъ* в окончании самого прилагательного я уже говорил); отсюда формы на *-ѣѣтъ*, *-ьѣтъ*, с их фонетическим изменением в формы на *-уѣтъ*, *-їѣтъ* (сравните изменение *-ѣї-*, *-ьї-* в *-уї-*, *-її-* в родительном множественного числа прилагательных определенных). Если в эпоху образования форм склонения прилагательных определенных общеславянский язык имел уже в творительном единственного числа мужеского и среднего рода имен прилагательных, кроме форм на *-ѣтъ*, *-ьтъ*, также и формы на *-отъ*, *-етъ*, то отсюда в прилагательных определенных надо ждать форм на *-оїтъ*, *-еїтъ*, которые еще в общеславянском языке должны были измениться в формы на *-уїтъ*, *-їїтъ*; сравните изменение *-ѣї-*, *-ьї-* в рассматриваемых мною далее формах дательного множественного числа и дательного-творительного двойственного числа прилагательных определенных. В общеславянских формах творительного единственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных могли совпасть, следовательно, формы на более древние *-ѣ(тъ)-їѣтъ*, *-ь(тъ)-їѣтъ*, с одной стороны, и на *-о(тъ)-їѣтъ*, *-е(тъ)-їѣтъ*, с другой стороны. В старославянском языке отсюда формы на *-ѣѣмъ*, *-ьѣмъ* и далее на *-ѣмъ*, *-ьмъ*, например *дѣѣѣмъ*, *кѣѣѣмъ*. В русском языке — формы на *-ѣм*, *-им*, например *дѣѣѣм*, *кѣѣѣм*.

Дательный падеж множественного числа и дательный-творительный двойственного числа. В дательном множественного числа прилагательных определенных мужеского и среднего рода общеславянский язык имел некогда формы на *-оїтъ*, из *-о(тъ)-їѣтъ*, после твердых звуков, и на *-еїтъ*, из *-е(тъ)-їѣтъ* после мягких звуков; подобным же образом в дательном-творительном двойственного числа мужеского и среднего рода прилагательных определенных в общеславянском языке существовали некогда формы на *-оїтѣ*, из *-о(тѣ)-їѣтѣ*, и на *-еїтѣ*, из *-е(тѣ)-їѣтѣ*. Гласные *ѣ* и *ѣ* перед *ї*, уподобляясь последнему, перешли в *у* и *ї*, и, таким образом, в эпоху распада общес-

славянского языка формы дательного множественного числа и дательного-творительного двойственного числа прилагательных определенных мужеского и среднего рода, перенесенные здесь и в женский род (сравните сказанное относительно формы творительного множественного числа), оканчивались на *-yŭmъ*, *-iŭmъ* и на *-yŭmā*, *-iŭmā*. Отсюда в старославянском языке формы на *-ŭmъ*, *-ŭmъ* и на *-ŭmā*, *-ŭmā* с их дальнейшим изменением в формы на *-ŭmъ*, *-ŭmъ* и на *-ŭmā*, *-ŭmā*, например *дѣръŭmъ*, *вѣшьŭmъ*; *дѣръŭmā*, *вѣшьŭmā*. В русском языке сюда принадлежат формы дательного множественного числа на *-ым*, *-им* и диалектические формы творительного множественного числа на *-ыма*, *-има* (перенесенные из двойственного числа), например *добрым*, *синим*; *добрыма*, *хорошима*.

Местный падеж множественного числа. Некогда в общеславянском языке прилагательные определенные мужеского и среднего рода в этом падеже должны были иметь окончания *-ŭiŭъ*, из *-ŭe(хъ)-iŭъ* (или *-ē(хъ)-iŭъ*), после твердых звуков, и *-iŭъ*, из *-i(хъ)-iŭъ*, после мягких звуков, но затем еще в общеславянском языке окончание *-ŭiŭъ* заменялось окончанием *-yŭŭъ* под влиянием других форм косвенных падежей этих прилагательных, и те же окончания *-yŭŭъ*, *-iŭъ* были перенесены и в женский род (сравните сказанное о формах творительного и дательного множественного числа и дательного-творительного двойственного числа). В старославянском языке отсюда формы местного множественного числа на *-ŭŭъ*, *-ŭŭъ* и далее на *-ŭŭъ*, *-ŭŭъ*, например *дѣръŭŭъ*, *вѣшьŭŭъ*. В русском языке сюда принадлежат формы предложного падежа множественного числа на *-ых*, *-их*, например *(в) добрых*, *(в) синих*.

Я говорил, что в тех формах прилагательных определенных, в состав которых вошли односложные формы приставленного местоимения, общеславянский язык в эпоху распада имел в начале конечного слога *j*, частью из *ĭ*, частью из старого *j*. Но в большинстве отдельных славянских языков мы находим и в этих формах такие окончания, которые восходят к более древним окончаниям без *j* в начале приставленного местоимения, например *dobrā*, *dobra*, из **dobraa*, или, например, *dobrē*, *dobre*, *dobrō*, из **dobroe*. Вероятно, еще в общеславянском языке, например, при формах **dobrāja*, **dobroje* существовали и формы

**dobrāā, *dobroe*, возникшие под влиянием аналогии со стороны других форм прилагательных определенных. В старославянском языке сюда, может быть, принадлежат формы на -аа, при обыкновенных формах на -ам, например *благла, послѣдняяа, при благаа, послѣдняяа*; или же а вместо и здесь позднейшего происхождения?

С образованием общеславянских сочетаний *-āe-*, *-īe-* (откуда *-ūo-*) и т. д., из *-āje-*, *-īje-* и т. д., в склонении прилагательных определенных, в фонетическом отношении однородно, может быть, и образование *-ee-*, откуда *-ē-*, *-īē-* в общеславянских **niesmb, *nīēsī* и т. д., являющихся в старославянских *нѣсмь, нѣси, нѣсть и нѣ, нѣсмъ, нѣсте*, в русском *не (не-ту, нет)*, если общеславянские **nīēsmb, *nīēsī* и т. д. образовались из *ne-jesmb, *ne-īesī* и т. д. Правда, общеславянские **jesmb, *īesī* (старославянские *ѣсмь, ѣси*) и т. д. некогда не имели в начале звука *ī* и произошли из **esmb* и т. д. по закону, о котором я буду говорить впоследствии; возможно поэтому, что общеславянские **nīēsmb, *nīēsī* и т. д., из **nesmb, *nēsī*, образовались из **ne-esmb* и т. д., но, с другой стороны, и **ne-īesmb* должно бы было обратиться в **nīēsmb*, откуда **nīēsmb*, в эпоху, когда, например, *-ājeŋo* в родительном единственного числа прилагательных определенных обращалось в *-āeŋo*.

Известные изменения гласных при их стечении существовали в общеславянском языке и в формах имперфекта, давших существование старославянским формам *несѣхъ, несѣаше* и т. д., при *несѣхъ, несѣше* и т. д., *горѣхъ, горѣаше*, при *горѣхъ, горѣше, дѣлаахъ, дѣлааше* и *дѣлахъ, дѣлааше, хождѣахъ, хождѣаше* и *хождѣахъ, хождѣаше* и т. д. Общеславянский имперфект представляет известное новообразование, которое в его началах восходит, по моему мнению, к литовско-славянскому языку. Я думаю именно, что индоевропейский имперфект был утрачен еще в литовско-славянском языке и совпал здесь в значительной части непроемных глаголов (именно в тех глаголах, в которых основа настоящего времени состояла из корня + индоевропейское *ḁ̄*, чередовавшееся с *ḁ̄^o*) с индоевропейским аористом „несигматическим“ (например, в греческом *ἐλπιον*) в одной форме с значением аориста, между тем как образование этой формы совпадало с образованием первоначального имперфекта, так как

здесь являлась основа, общая с настоящим временем; отсюда в старославянском языке такие формы несигматического аориста, как *идѣ* и т. д., и сюда же принадлежат по происхождению в спряжении „сигматического“ аориста на *-хъ* формы 2-го и 3-го лиц единственного числа на *-е*, например *рече*, *несе*. В эпоху, когда в литовско-славянском языке такое прошедшее получило значение аориста, существовало уже в тех же глаголах употребление нового имперфекта, заимствованного от соответственного по корневой основе производных (отглагольных) глаголов с основами настоящего на литовско-славянские *-ē(i)ě*, *-ē(i)ǎ°* и *-ā°(i)ě*, *-ā°(i)ǎ°* (о фонетической утрате *i* в таких основах я уже говорил) и с основами неопределенного на литовско-славянские *-ē*, *-ā°*. Например, в литовско-славянском непроизводном глаголе **vedā°n* — „веду“ (старославянское *вѣдѣ*, литовское *vedū*) старые формы имперфекта **veda°n*, **vedes*, **vedet* и т. д., получавшие значение аориста (старославянские **вѣдѣ*, *вѣдѣ*, *вѣдѣ*), заменялись формами **vedē(i)ā°n*, **vedē(i)es*, **vedē(i)et* и т. д., заимствованными от отглагольного глагола с основой настоящего **vedē(i)e-* **vedē(i)ā°*; или, например, в литовско-славянском непроизводном глаголе **bēgā°n* — „бегу“ (русское *бегу*, литовское *bėgu*) старые формы имперфекта **bēga°n*, **bēges*, **bēget*, получавшие значение аориста (старославянские *бѣгѣ*, *бѣгѣ*, *бѣгѣ*), заменялись формами имперфекта **bēgā°(i)ā°n*, **bēgā°(i)es*, **bēgā°(i)et* и т. д., заимствованными от отглагольного глагола с основой настоящего **bēgā°(i)e-*, **bēgā°(i)ā°*. Отсюда явилось то прошедшее непроизводных глаголов, которое мы находим в литовском и латышском языках, например в литовском *bėgau* (*-au* из пралитовского *-āu*), *bėgai* (*-ai* из пралитовского *-āi*), *bėgo* (*ō* = пралитовское *ā*) и т. д., от глагола *bėgo* — „бегу“ *vedžiau* (*-(i)au* из пралитовского *-ēu*, *-eu*), *vedei* (*-ei* из пралитовского *-ēi*), *vedė* (*ė* = пралитовское *ē*) и т. д., от глагола *vedū* — „веду“; в формах 1-го и 2-го лиц единственного числа окончания прошедшего времени здесь заменены окончаниями настоящего времени, между тем как в прочих формах настоящее и прошедшее еще ранее имели общие личные окончания (3-е лицо множественного числа исчезло в балтийских языках).

Как скоро имперфект отглагольных глаголов с основами настоящего на литовско-славянские *-ē(i)ě*, *-ē(i)ǎ°* и *-ā°(i)ě*

$\bar{a}^{\circ}(i)\bar{i}^{\circ}$ стал употребляться в значении имперфекта соответственных по корневой основе непроеизводных глаголов, аорист этих отглагольных глаголов, который был лишь аористом сигматическим, по отношению к сигматическому аористу соответственных непроеизводных глаголов получил возможность употребляться также в значении имперфекта этих непроеизводных глаголов, так как имел в гласных $\bar{a}^{\circ}$, $\bar{e}$ перед s признак, общий с новым имперфектом этих глаголов, и таким образом рядом с двояким образованием аориста, несигматического и сигматического, получалось и двоякое образование имперфекта, несигматического и сигматического. В общеславянском языке сохранился только сигматический имперфект, и притом лишь с основами на литовско-славянское $-\bar{e}s$, откуда общеславянское $-\bar{e}\chi$, $-\bar{i}\bar{e}\chi$, а перед t $-\bar{e}s$, $-\bar{i}\bar{e}s$ (так как здесь было получено из литовско-славянского языка то индоевропейское s , которое в общеславянском языке в положении не перед t обращалось в χ). Этот сигматический имперфект, с таким же переходом его в тематическое спряжение в формах 1-го лица трех чисел, какой мы находим и в общеславянском сигматическом аористе, сохранился без дальнейшего изменения в общеславянском и старославянском языках только в одном глаголе, именно в старославянских формах $\bar{b}\bar{x}\bar{h}$, $\bar{b}\bar{x}$, $\bar{b}\bar{x}$ и т. д., где $\bar{b}\bar{x}$ из литовско-славянской отглагольной основы $*b\bar{e}-$, получившейся или из индоевропейской основы $*bh\bar{u}a^e-$, или же из индоевропейской основы $*bh\bar{a}^e-$, если $\bar{u}$ исчезло здесь еще в индоевропейском языке (корневая глагольная основа индоевропейское $bh\bar{u} = *bh\bar{u}-$); сравните параллельную индоевропейскую основу $*bh\bar{u}a^a$ или $*bh\bar{a}^a$ (из $*bh\bar{u}a^a$) в латинском имперфекте, например в $am\bar{a}ba-$. Общеславянские формы имперфекта $*bi\bar{e}\chi$, $*bi\bar{e}$ и т. д., являющиеся в старославянских формах $\bar{b}\bar{x}\bar{h}$, $\bar{b}\bar{x}$ и т. д., сохранялись в таком виде в одном только этом глаголе, сперва, вероятно, лишь при употреблении его как вспомогательного глагола; во всех же прочих глаголах, а также, между прочим, и в том же глаголе (старославянские $\bar{b}\bar{x}sh$ и $\bar{b}\bar{x}ash$ и т. д.) сигматический имперфект подвергся изменению в окончаниях под влиянием существовавших некогда параллельных форм несигматического имперфекта, который по самому происхождению принадлежал к тематическому спряжению.

В формах всех тех лиц, где сигматический имперфект (по происхождению, как сигматический аорист, нетематического спряжения) отличался в слоге окончания от несигматического имперфекта, он получил окончания последнего (за исключением продолжавших сохраняться форм **biē*, **biēša*), и такими формами были именно формы 2-го и 3-го лиц единственного числа и 3-го лица множественного числа, а переход форм 1-го лица трех чисел в тематическое спряжение произошел еще ранее (как в сигматическом аористе); следовательно, например, вместо тех форм, которые в эпоху распада общеславянского языка звучали бы **vedīē*, **vedīēša*, общеславянский язык получил формы **vedīēše*, **vedīēxъ*. Что же касается форм 2-го и 3-го лица двойственного числа и 2-го лица множественного числа, то, так как в конечном слоге этих форм не существовало различия между тематическим и нетематическим спряжением, сигматический имперфект продолжал сохранять здесь старые формы нетематического спряжения, например **vediēstā*, **vediēste*, **vediēste* (сравните старославянские окончания -ста, -сте), хотя по аналогии прочих форм и здесь возможны были в общеславянском языке новообразования по тематическому спряжению, например **vedīēsetā*, **vedīēsete*, **vedīēsete* (сравните старославянские окончания -шта, -ште в паннонских текстах)¹. Как скоро в значительном числе непроезводных глаголов образовался указанным путем новый имперфект, по аналогии этой формы в ее отношении к форме настоящего времени тех же глаголов и в прочих глаголах, непроезводных и производных, получилось соответственное образование формы имперфекта. По аналогии, например, **vedēxъ*, при настоящем **vedъ*, образовались, например, при настоящем **dvignъ* имперфект **dvignēxъ*, при настоящем типа **bŭvāъ* имперфект **bŭvāēxъ* и далее **bŭvāāxъ*, с фонетическим изменением *āē* в *āā* (сравните изменения *āē* в *āī* в основе настоящего **bŭvāa-*); при настоящем

¹ Может быть, еще в диалектах общеславянского языка известно было и смешение тех и других окончаний, именно изменение окончаний -stā -ste в -štā, -šte; так позволяло бы думать совпадение в этом отношении, древнерусских диалектических окончаний шта (шта), ште в имперфекте с соответственными окончаниями лужицких языков (см. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 115).

типа **buvajъ* должен был явиться имперфект **buvajēхъ* и далее **buvajāхъ*, с фонетическим изменением *ē* в *ā* в положении после мягкого звука (об этом фонетическом явлении я говорю далее), но, по-видимому, еще в общеславянском языке образования типа **buvajēхъ*, **buvajāхъ* были вытеснены образованиями типа **buvāēхъ*, **buvāāхъ*; при настоящем типа **ūtēъ* получался имперфект **ūtēēхъ* и далее **ūtēāхъ*, с фонетическим изменением *ē* в *ā* после мягкого звука; при настоящем типа **ūtējъ* является имперфект **ūtējēхъ* и далее **ūtējāхъ*, с фонетическим изменением *ē* в *ā* после мягкого звука (образования этого рода не известны из старославянского языка, но засвидетельствованы некоторыми другими славянскими языками); при настоящем **χvālīъ*, *χvāl⁽ⁱ⁾ъ* получался имперфект **χvālīēхъ*, **χvāl⁽ⁱ⁾ēхъ* и далее **χvālīāхъ*, **χvāl⁽ⁱ⁾āхъ*, с фонетическим изменением *ē* в *ā* после мягкого звука. В тех производных в настоящем времени глаголах, которые в формах не настоящего времени получили в литовско-славянском и общеславянском языках соответственные производные основы, имперфект образовывался от этих производных основ, по аналогии с имперфектом однородных по основам производных глаголов; например, в глаголах класса **gorīъ*, **gor⁽ⁱ⁾ъ* (старославянское горѣти), где в формах не настоящего времени еще в литовско-славянском языке являлась производная основа на *-ē* (старославянское горѣ-), имперфект образовывался от этой основы, т. е. общеславянский язык получил здесь форму **gorēēхъ*, откуда **gorēāхъ*; или, например, в таких глаголах, как **līžīъ*, **līž⁽ⁱ⁾ъ* (старославянское лижѣти), имевших в общеславянском языке в основе не настоящего времени производную основу на *-ā* (например, старославянское лижа-), имперфект был образуем от этой основы, например **līzāēхъ*, откуда **līzāāхъ* (старославянское лижахъ). Что же касается тех общеславянских производных в настоящем времени глаголов, которые в формах не настоящего времени имели производные основы, отличавшиеся от основ настоящего времени и по видоизменениям корня, то в таких глаголах имперфект образовывался в общеславянском языке, по показаниям различных славянских языков, частью от этих производных основ, частью же от основ настоящего времени, например в глаголе **zovъ* (старославянское зовѣти), имев-

шем в формах не настоящего времени производную основу *zvā- (старославянское звѣа-), имперфект допускал двойное образование: *zvāēxъ, откуда *zvāāxъ (старославянское звѣахъ), и *zovēxъ (сравните зовѣаше, зовѣахъ в Супрасльской рукописи). В общеславянских производных глаголах на *-ijъ и т. д. в настоящем времени (в старославянском отсюда такие глаголы, как въроумъ), имевших в формах не настоящего времени вторично-производные (т. е. производные от производных) основы на -ovā (например, старославянское върова-), имперфект образовывался от этих последних основ, т. е. оканчивался на -ovāēxъ, откуда -ovāāxъ, и т. д. (в старославянском, например, въровахъ, между тем как такие формы Супрасльской рукописи, как вѣсѣдоумше, трѣкоумше, представляют собой позднейшие новообразования).

Общеславянские формы имперфекта на -ēēxъ, например в *ūmēēxъ, *gorēēxъ, когда -ēē- не изменилось еще в -ēā-, и формы на -ēxъ, например в *vedēxъ, *xval⁽¹⁾ēxъ, с течением времени оказали влияние одни на другие, и при формах *ūmēēxъ, *gorēēxъ, откуда далее *ūmēāxъ, *ūmīēāxъ, *gorēāxъ, gorīēāxъ, в общеславянском языке явились и формы *ūmēxъ, *ūmīēxъ, *gorēxъ, *gorīēxъ, точно так же, как, с другой стороны, при формах *vedēxъ, *xval⁽¹⁾ēxъ, откуда далее *vedīēxъ, *xval⁽¹⁾āxъ, здесь получились также и формы *vedēēxъ, *xval⁽¹⁾ēēxъ, откуда *vedēāxъ, *vedīēāxъ, *xval⁽¹⁾āēxъ *xval⁽¹⁾āāxъ; при этом, однако, более полные формы не были вытеснены в общеславянском языке более краткими формами.

В старославянском языке общеславянские формы имперфекта на -āāxъ являются в формах на -аахъ, откуда далее -ахъ, например дѣлаахъ, дѣлахъ; изменение -аа- в -а- здесь такое же, как, например, в докраго из доврааго. Общеславянские формы имперфекта на -jāāxъ и -jāxъ и на -(1)āāxъ и -(1)āxъ являются в старославянском языке в формах на -шахъ и -шхъ, например вѣшахъ, вѣшхъ; хвалаахъ, хвалахъ, причем формы на -шхъ могли возникнуть в самом старославянском языке из форм на -шахъ, подобно, например, форме вѣшынѣго из вѣшынѣаго. Общеславянские формы имперфекта на -īēāxъ и -īēxъ в старославянском языке мы находим в формах на -ѣахъ и -ѣхъ, например нѣахъ, нѣхъ; горѣахъ, горѣхъ. Старославянские формы

на *-ѣхъ* едва ли можно считать старославянскими сокращениями форм на *-ѣахъ*; если *-ѣхъ* произошло из *-ѣахъ*, то между *-ѣахъ* и *-ѣхъ* должна была существовать промежуточная ступень, так как непосредственно из *-ѣа* нельзя выводить *-ѣ*, а между тем в текстах формы на *-ѣхъ* являются непосредственно при формах на *-ѣахъ*. Правда, в Супрасльской рукописи встречаются иногда и формы на *-ѣѣхъ*, при формах на *-ѣахъ* и *-ѣхъ*, например *идѣѣше*, *градѣѣше*, но отсутствие таких форм в других текстах, имеющих формы на *-ѣахъ* и *-ѣхъ*, указывает на то, что в этом *-ѣѣ-* Супрасльской рукописи нельзя признавать фонетическое изменение группы *-ѣа-*; я вижу в формах на *-ѣѣхъ* Супрасльской рукописи новообразования под влиянием известной аналогии, а именно, я думаю, что по аналогии с формами на *-аахъ*, при формах на *-ахъ* (из *-аахъ*) и при формах на *-ѣхъ* явились образования на *-ѣѣхъ*, аналогичные с образованиями на *-аахъ*. Та же аналогия вызвала в Супрасльской рукописи формы на *-иѣхъ*, при формах на *-иахъ* и *-ихъ*, например *строѣѣше*, *творѣѣше*; под влиянием форм на *-аахъ*, при формах на *-ахъ*, явились новообразования на *-иѣхъ*, при формах на *-иахъ*.

В русском языке общеславянский имперфект исчез с течением времени, но в древнерусском языке он еще сохранялся; *-ѣа-* изменялось здесь в *ѣа-*, откуда далее *ѣ*, например *идѣѣше*, *идѣѣше*, в соответствии с старославянским *идѣѣше*.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ В СОЧЕТАНИИ С СОГЛАСНЫМИ

Общеславянское *ѣ* вместо *ѣ* перед *ѣ*

Еще в диалектах литовско-славянского языка (но не во всех, как свидетельствует прусский язык) *ѣ* в положении перед *ѣ* (из индоевропейских *ѣ* и *ѣ*) изменялось в *ѣ*^о, откуда общеславянское *ѣ*, если только за *ѣ* не следовала мягкая гласная. В старославянском языке сюда принадлежат, например, следующие случаи: *новѣѣ*, тождественное с греческим *νεφός*, *ѣѣс* (и с латинским *novus*, где *o* из *e* перед *ѣ*); *пловѣѣ*, тождественное с греческим *πλέω*, *πλέω*; *словѣѣ*, тождественное по происхождению с греческим *κλέφος*, *κλέος*, хотя и отличающееся от него по значению. Что касается таких случаев, как *пловѣѣѣ*, *пловѣѣѣѣ*

вств и т. д., или словеса, то здесь *o* (общеславянское *ǫ*) из *e* перед „*v* + мягкая гласная“ может быть объясняемо влиянием аналогии одних форм (пловѣ, слово) на другие. Точно так же и в -*ovz*- в известных падежах имен с основами на первоначальное *ǫ* (чередовавшееся с дифтонгами *ǫ^ou*, *ǫ^ou*), например в формах *сынѡвн*, *сынѡве*, *сынѡвъ*, общеславянское *ǫ* из *ǫ* перед *v* (сравните в греческом языке, например, *πῆχεε*, из *πῆχεφεε*, *πῆχεω*, вместо *πῆχεωυ*, из *πῆχεφωυ*) имело частью нефонетическое происхождение, а именно, в именительном множественного числа (*сынѡве*) -*ov*- перед старою мягкою гласной заменило собой -*eu* под влиянием -*ov*- в родительном множественного числа (*сынѡвъ*) и в дательном единственного числа (*сынѡви*); в последней форме общеславянское *ī*, старославянское *и*, восходит, по-видимому, к литовско-славянскому дифтонгу *ǫ^oi* из индоевропейского *ǫ^a* (об условиях образования общеславянского *ī* в конце слов из дифтонга *ǫ^oi* я говорю далее).

Указание на то, что в тех диалектах литовско-славянского языка, где *ǫ* перед *v* без последующей мягкой гласной изменялось в *ǫ^o* (общеславянское *ǫ*), то же *ǫ* перед „*v* + мягкая гласная“ сохранялось без изменения, представляет числительное *девать*, *девать*, *деватыи* (с *девать* тождественно литовское *devintas*), где мы находим литовско-славянское *ǫ* перед „*v* + мягкая гласная“; начальное *d* в этом числительном заменило собой *n* (сравните, например, латинское *novem*, где *o* перед *v* из *e*) еще в диалектах литовско-славянского языка (но не во всех, как свидетельствует прусский язык), под влиянием, как кажется, числительного „десять“. Другим указанием на литовско-славянское *e* перед „*v* + мягкая гласная“ служат общеславянские **tebe*, **sebe*, старославянские *тѣбѣ*, *сѣбѣ* (в русских *тебя*, *себя* конечное *я*, т. е. ⁽¹⁾*a*, из ударяемого конечного *e* в положении не после старой мягкой согласной); общеславянское -*eb*- в этих формах восходит к индоевропейскому *a^ov* (с *тѣбѣ* тождественно древнеиндийское *tava*), и нефонетическая замена *v* через *b* в общеславянских **tebe*, **sebe*, как и в **tobojъ*, **sobojъ*, откуда старославянские *тобѡѣ*, *сѡбѡѣ* (то же образование падежной формы в древнеиндийском *tvajā* — „тобой“, но корень является здесь в другом виде), произошла под влиянием *b* в дательном **tebiē*, **sebiē*, откуда старославянские *тѣбѣ*, *сѣбѣ*, а здесь обще-

славянское *b* образовалось фонетически из индоевропейского *bh* (родственны латинские *tibi, sibi*). В общеславянских **tobojъ, *sobojъ* *o* перед „*v* + твердая гласная“ восходит к литовско-славянскому *ā°* из *ē*, и то же *ā°* было перенесено и в литовские формы *tavē, savē* (неправильно пишут *tavė, savė*), которые здесь получили вообще значение форм винительного падежа и лишь в некоторых диалектах употребляются и как формы родительного падежа.

Общеславянское *i* из *ě* и *ь* перед *j*

С литовско-славянским изменением *ě* в *ā°* (общеславянское *ō*) перед *v* аналогично общеславянское изменение *ě* в *ī*, *ь* перед *j*, а всякое *ь* перед *j* обращалось затем в общеславянском языке в *i* недолгое (я предполагал для него прежде полудолготу, но, может быть, оно было кратким). В старославянском языке из общеславянского *i* в этом *ij* (равно как и в *ij* с старым *ī*) мы находим „, а в панионских текстах частью также и ь, причем между различными панионскими памятниками существуют в этом отношении известные различия, о которых я буду говорить впоследствии. В современном русском языке из рассматриваемого нами общеславянского *i* (равно как и из старого *ī*) перед *j*, а также перед русским *й* (й) в дифтонге, из общеславянского *jь* (при известных условиях), мы находим *e* в положении под ударением, а в положении без русского ударения общеславянское *i* (и старое *ī*) перед русским *j* исчезло у нас или же, именно после двух согласных, в литературном наречии является как *i*, которое существует здесь также в положении без ударения перед русским *й* в дифтонге.

Общеславянское *i* из *ě* перед *j* является в старославянском „ (ь), например, в именительном множественного числа на -ниѣ (-ьѣ) в именах мужеского рода с основами на первоначальное *ī* (чередовавшееся с дифтонгом *ā°ī*), например в триѣ (трыѣ), людиѣ (людьѣ), татиѣ; сравните греческие *τρεῖς, ῥάσεις*, из **treēs, *rasēs*, где между гласными исчезло индоевропейское *j*, латинские *trēs, ovēs*, из **trees, *ovees*, где также между гласными исчезло индоевропейское *j*. Такого же происхождения было общеславянское *i* перед *j* и в родительном множественного числа на

-ijb, откуда старославянское *-ни (-ьн)*, в именах существительных мужеского и женского рода с основами на первоначальное *ī* (чередовавшееся с дифтонгом *ǣ^ei*), например в *людни (людьн)*, *пѣтнн*, *костнн*, русские *людѣй*, *костѣй*; сравните греческое *-εων*, с утратою первоначального *j* между гласными, например в *βαττεων*.

Общеславянское *i* из *ь* перед *j* было, например, в **trijb* — „трех“ (по форме родительный множественного числа), откуда старославянское *трѣнн (трын)*, древнерусское *трѣй*; сравните литовское *trijū* (греческое *τριῶν*, латинское *trium* допускают объяснение как из индоевропейского **trīā^om*, так и из **trīā^om*). Такого же происхождения общеславянское *i* перед *j* было получено старославянским языком, например, в *прѣтѣнн* — „заботиться, иметь попечение“, *прѣтѣль*, в именах существительных на *-ни (-ьн)*, например *вратѣнн*, *при вратѣнн* (в родственном греческом *φρατρία* *-ια* может восходить к индоевропейскому *-iā^a*), которым в литовском языке соответствуют имена на *ija*; в именах прилагательных на *-ни (-ьн)*, *-ни (-ья)*, *-ни (-ье)*, например *кожѣнн*, *кожѣннѣ*, *кожѣннѣ*, поскольку такие имена восходят к индоевропейским образованиям с основами на *-iīā^o*, *-iīā^e* или *-iīā^o*, *-iīā^a* и на *-iīā^a* или *-iīā^a*, чередовавшиеся при известных условиях с *-iā^o*, *-iā^e* и *-iā^a* (основы этого образования являются в старославянском языке в таких именах прилагательных, как *отъѣнн*, *отъѣннѣ*, *отъѣннѣ*); в формах местоимения *сѣнѣнн (сѣнѣннѣ)*, *сѣнѣнн (сѣнѣннѣ)*, *сѣнѣнн (сѣнѣннѣ)*¹. Общеславянское *i* из *ь* перед *j* существовало и в окончании *-ijb* в именительном и винительном единственного числа мужеского рода имен прилагательных определенных, оканчивавшихся в неопределенной форме в тех же падежах на *ь* (конечное *-jb* в *-ijb* из приставленного местоимения **ib*); в старославянском языке отсюда *-ни (-ьн)* и далее редкое *-н*, например *послѣдѣннн* и *послѣдѣнн*, русское *последний*.

¹ В формах *сѣнѣнн*, *сѣнѣннѣ*, *сѣнѣннѣ*, *сѣнѣннѣ* основа имеет другой вид, а именно, здесь, как и в *сѣнѣннѣ*, *сѣнѣннѣ*, *сѣнѣннѣ*, общеславянское *ǣ* из *ǫ* в положении после согласной, бывшей некогда мягкой (об этом я говорю далее); следовательно, для хронологии фонетических явлений в общеславянском языке мы извлекаем отсюда, как и из форм *ѣнѣнн*, *ѣнѣннѣ* и т. д., указание на то, что изменение *ǣ* в *ǫ* перед *j* предшествовало по времени образованию *ǣ* из *ǫ* в положении после мягких звуков.

Общеславянское изменение *ѣ* в *у* (звук *ы*)

в положении перед *ј*

На общеславянское изменение *ѣ* перед *ј* в *у* (такого же количества, как и *і* из *ѣ* перед *ј*) указывает форма именительного и винительного единственного числа мужского рода в прилагательных определенных с основами на твердую согласную перед конечной гласной, именно форма на *-ujb*, из *-ѣjb*, где *-jb* из приставленной местоименной формы **jb*. Отсюда в старославянском языке форма на *-ѣи* и далее на *-ѣ*, например *дѣбѣри*, *дѣбѣри*, в русском языке в литературном наречии формы на *-ый*, *-ой* (сравните *о* из *ы* перед *ј*, например, в *мою* при старославянском *мыѣ*), например *добрый*, *слепой*. В старославянском языке при форме на *-ѣи* существовала и форма на *-ѣи* (два звука), например *дѣбѣри*, при *дѣбѣри*, а потому и форму на *-ѣ*, например *дѣбѣри*, можно возводить здесь не только к форме на *-ѣи*, но также и к форме на *-ѣи*; кроме того, в некоторых памятниках в написании *ѣ* в *дѣбѣри* могли совпадать как звук *ѣ*, так и сочетание звуков *ѣи*. В Остромировом евангелии при формах на *-ѣи*, с *ѣ* указанного происхождения, и на *-ѣ* являются иногда и формы на *-ѣи*, преимущественно в причастиях прошедшего времени действительного залога, например *видѣвѣи*, *пришѣвѣи*, *сѣшѣвѣи*, *вѣсѣвѣи*, *вѣсѣвѣи*, *принѣи*, *изѣвѣи*, *осѣи*, *дѣржавѣи*, где написание *ѣи* должно обозначать сочетание гласных *ѣ* и *и*, а не звук *ы*, так как *ы* в Остромировом евангелии вообще не передается написанием *ѣи*; единичное *сѣи*, при *сѣи* (неопределенная форма *сѣи*), если не описка, образовано по аналогии с *видѣвѣи* и т. д., при *видѣвѣи* и т. д. С формами Остромирова евангелия *видѣвѣи* и т. д. могут быть однородны и формы Супрасльской рукописи на *-ѣи*, при формах на *-ѣи* и *-ѣ*, например *отѣвѣрѣи*, *благѣи*, *славѣи* и другие (хотя также, например, *гладѣи*), но в Супрасльской рукописи написание *ѣи* обозначает иногда и звук *ы*, а потому и в формах *отѣвѣрѣи* и т. д. значение написания *ѣи* остается неясным. В Зографском евангелии как в именительном и винительном падежах единственного числа мужского рода прилагательных определенных на *-ѣи*, так и в других падежах, имевших *-ѣи*, вместо этого *-ѣи* является (при редком *ѣ* в сокращенных формах) написание, передаваемое мной условно через *ѣ*, где *ѣ* обозначает

звук *i* (это *i*, как указал Ягич, не входит в состав того написания *ы*, которое обозначает в Зографском евангелии звук *ы*), например *добрѣ*, *прѣдвѣ*, *вѣсѣвѣ*, *мртвѣхъ*, *непразднѣмъ* и т. д. Можно предполагать, что под влиянием бывшего некогда колебания между формами на *-ѣи* и на *-ѣи* в именительном и винительном падежах единственного числа мужеского рода прилагательных определенных то же *-ѣи*, при *-ѣи*, являлось в диалектах и в других падежных формах этих прилагательных, а как в именительном и винительном падежах форма на *-ѣи* в Зографском евангелии вытеснена формой на *-ѣи*, так и в других падежах *-ѣи* здесь вытеснило собой старое *-ѣи*. В связи с этими формами Зографского евангелия находятся формы тех же определенных прилагательных в Синайском требнике; здесь в этих прилагательных как в именительном единственного числа мужеского рода, так и в других падежных формах, имевших *-ѣи*, известно, между прочим, это *-ѣи*, но при этом в именительном единственного числа мужеского рода обыкновенно является здесь или *-ѣи*, или *-ѣ*, а в других падежах *-ѣ*, и это *-ѣ* (звук *ы*) надо выводить непосредственно из *-ѣи*, не из *-ѣи*, ввиду того, что в прилагательных определенных с основами на мягкую согласную перед конечной гласной группа *-ии-* в тех же падежах обыкновенно сохраняется здесь, и лишь изредка вместо *-ии-* является *-и-* (см. Leskien, Handbuch der altpugarischen Sprache, второе издание, стр. 91). Наконец, форма именительного единственного числа мужеского рода на *-и*, встречающаяся в некоторых паннонских текстах, например *оумери*, *свати* в Маринском евангелии, *сати* вместо *свати* в Зографском евангелии, *изведи*, *благи* в Синайской псалтыри, восходит непосредственно также к форме на *-ѣи* (об изменении *ѣ* в *и* при известных условиях в диалектах старославянского языка я буду говорить впоследствии).

Итак, в именительном и винительном падежах единственного числа мужеского рода прилагательных определенных с основами на твердую согласную перед конечную гласную старославянский язык имел при форме на *-ѣи* также и форму на *-ѣи*. В этом *-ѣи*, как свидетельствуют факты, во всяком случае нельзя видеть фонетическое изменение группы *-ѣи*, т. е. отношение этого *-ѣи* к *-ѣи* не однородно с отношением диалектического *-и* к *-ии*, но как именно произошла старославянская форма на *-ѣи* в именительном

и винительном единственного числа мужеского рода прилагательных определенных, для меня остается неясным. Не образовалась ли эта старославянская форма из формы на -ѣи под влиянием аналогии формы на -ѣ в тех же падежах неопределенных прилагательных, т. е. не произошли ли видѣѣи, добръѣи из видѣѣи, добръѣи под влиянием видѣѣѣ, добръѣѣ, и не явилось ли это новообразование прежде всего в причастиях прошедшего времени действительного залога (как могло бы свидетельствовать употребление формы на -ѣи в Остромировом евангелии), а в этих причастиях -ѣи- в форме именительного на -ѣи не было защищено аналогиею других падежей? Что касается того обстоятельства, что одновременно с формой на -ѣи, из -ѣи, не образовалась, однако, форма на -ѣи, из -ѣи, под влиянием формы неопределенных прилагательных на -ѣ (известные нам диалектические формы на -ѣи имеют, как я говорил, в позднейшего фонетического происхождения), то этот факт может быть объясняем тем, что далеко не во всех прилагательных на -ѣи в определенной форме существовала неопределенная форма на -ѣ; так, в прилагательных *бѣжѣи* и тому подобных определенная форма именительного и винительного падежей совпадала с неопределенною (-ѣи из общеславянского -*ijъ* в определенной форме этих прилагательных произошло из -*ijъ-jъ* по правилу, о котором я говорил прежде), в сравнительной степени прилагательных на -ѣи в именительном единственного числа мужеского рода определенной формы, например *мѣиѣи*, то же -ѣи было перенесено и в соответственную неопределенную форму (вместо формы на -ѣ), а под влиянием таких прилагательных, как *бѣжѣи*, образование на -ѣи в сравнительной степени употреблялось и в значении винительного единственного числа мужеского рода как определенной формы (вместо формы на -ѣиѣи), так частью и неопределенной (при форме на -ѣиѣ).

Общеславянское изменение *ěj* перед *j* в *ě*, откуда *iě* (?)

На основании сопоставления старославянских *лѣж* (лнѣти), *смѣж* *сѣ* (смѣжати *сѣ*) и соответственных образований других славянских языков, например *смеюсь*, с латышскими *leiĵu* — „любю“, *smeiĵu* — „смеюсь“, можно предполагать, что литовско-славянский дифтонг *ěj* в положении перед *j* обратился в общеславянском

языке в $\bar{e}$, откуда далее $\bar{i}\bar{e}$ (старославянское ѣ), еще тогда, когда $\bar{e}i$ само по себе не изменилось в общеславянское $\bar{i}$.

Об изменении общеславянского $\bar{i}$ (из первоначальных $\bar{i}$, i и j) в положении после согласных я буду говорить впоследствии, так как согласные негубные в группах „согласная + $\bar{i}$ “ сами подвергались известным изменениям, а историю групп „губная согласная + $\bar{i}$ “ удобнее будет рассмотреть в связи с историей групп „согласная негубная + $\bar{i}$ “.

Общеславянское изменение гласных в положении после мягких звуков (согласных и гласных)

В известную эпоху жизни общеславянского языка, и притом уже после образования носовых гласных (об этом свидетельствуют общеславянские ⁽¹⁾я, јѣ, как мы увидим далее), гласные $\bar{o}$, $\bar{y}$, $\bar{u}$ (когда еще $\bar{y}$ и $\bar{u}$ не перешли в $\bar{z}$ и $\bar{u}$) в положении после мягких неслоговых звуков, уподобляясь последним, переходили в соответственные мягкие гласные, именно $\bar{o}$ в $\bar{e}$, старославянское ѓ, $\bar{y}$ в $\bar{i}$, откуда далее ѣ, старославянское ѣ, а $\bar{u}$ в $\bar{i}$, старославянское и, причем, как свидетельствуют факты, о которых я говорю далее, изменение u ($\bar{y}$, $\bar{u}$) в $\bar{i}$ ($\bar{i}$, $\bar{i}$) происходило через посредство звука $\bar{y}$ (краткого и долгого). Это изменение гласных $\bar{o}$, $\bar{y}$, $\bar{u}$ в положении после мягких неслоговых звуков возникло в общеславянском языке еще тогда, когда дифтонг $\bar{o}i$, обратившийся с течением времени в $\bar{e}$ и далее в $\bar{i}\bar{e}$, сохранялся как $\bar{o}i$, вследствие чего, как скоро $\bar{o}$ после мягких неслоговых звуков стало изменяться в $\bar{e}$, из $\bar{o}i$ в таком положении получалось $\bar{e}i$, которое далее, как и всякое $\bar{e}i$, переходило в $\bar{i}$, старославянское и. Я думаю, что и дифтонг $\bar{o}u$, обратившийся с течением времени в общеславянское $\bar{u}$, старославянское ѣу, сохранялся еще как $\bar{o}u$ в эпоху, когда $\bar{o}$ после мягких неслоговых звуков изменялось в $\bar{e}$; поэтому из $\bar{o}u$ в таком положении получалось $\bar{e}u$, которое далее, как и всякое $\bar{e}u$, переходило в $\bar{i}\bar{u}$ (через посредство, вероятно, дифтонга $\bar{i}u$), где $\bar{i}$ в положении после $\bar{i}$ сливалось с ним в одно $\bar{i}$, а после j , уподобляясь ему, переходило в j (причем из jj получалось j), тогда же, когда всякое $\bar{i}$ после согласных негубных уподоблялось предшествовавшей согласной (об этом явлении я говорю далее). Таким образом, из общеславянского $\bar{o}u$ в положении после мягких

неслоговых звуков должно было получиться *й* в эпоху распада общеславянского языка, т. е. старославянское *ю*, в различном значении этого написания, а после согласных *ч*, *ж* и т. д. также и *ѳу*. Из такой истории общеславянского *ѳу* после мягких неслоговых звуков следовало бы, что фонетический закон относительно рассматриваемого нами изменения гласных *ѳ*, *й*, *й̄* в положении после мягких неслоговых звуков возник в общеславянском языке еще тогда, когда *й̄* после согласных сохранялось как *й̄*; следовательно, теми мягкими неслоговыми звуками, которые оказывали влияние на изменение следовавших за ними *ѳ*, *й*, *й̄*, были в таком случае именно *й̄* и *й̄* (последнее в положении после гласной). В числе случаев, где мы находим в общеславянском языке, в эпоху его распада, *й̄* в положении после мягкой согласной, существуют, правда, и такие случаи, в которых самое *й̄* произошло не из первоначального дифтонга, но из литовско-славянского *ō* (индоевропейского *ā*^о) с известным качеством долготы. Таковы, например, общеславянские (в эпоху распада общеславянского языка) *-й̄й̄* и ⁽¹⁾*-й̄й̄* в окончании дательного единственного числа имен с основами на индоевропейские *-jā*^о, *-īā*^о, *-īā*^о (например, в старославянских формах дательного *кряю*, *кѣню*), а я говорил уже, что общеславянское *-й̄й̄*, откуда старославянское *ѳу*, в окончании дательного единственного числа имен с основами на индоевропейское *-ā*^о, в положении после славянской твердой согласной, а также и в окончании дательного падежа *-тй̄й̄* (старославянское *-мѳу*) в местоимениях восходит к индоевропейскому *-ā*^о*й̄*, литовско-славянскому *-ōй̄*, где *ō* имело в литовско-славянском языке ту долготу, при которой оно переходило в общеславянском языке не в *ā*, но в *й̄* (неслоговая часть первоначального дифтонга исчезла). Или таким же было общеславянское ⁽¹⁾*й̄й̄* в том слове, которое является в русском *шурин* (*шу-* из *шю-*) и в соответственном слове других славянских языков, если это слово родственно с древнеиндийским *śjālas*, с тем же значением (причем различие в плавной, *r* и *l*, восходило бы к индоевропейскому диалектическому различию, известному нам и в других словах). Эти случаи, однако, не препятствуют признавать, что общеславянское (в эпоху распада общеславянского языка) *й̄* и *ѳу* после мягких неслоговых звуков образовалось через посредство *ѳ̄у*, и дают лишь указание

на историю происхождения общеславянского $\bar{i}$ из литовско-славянского $\bar{o}$ с известным качеством долготы, а именно, показывают, что это $\bar{o}$ обратилось сперва в общеславянском языке в $\bar{o}i$, которое далее, как и всякое $\bar{o}i$, перешло само по себе в $\bar{i}$, а в положении после мягких неслоговых звуков еще ранее изменилось в $\bar{e}i$ (когда $\bar{o}$ после мягких неслоговых звуков стало изменяться в $\bar{e}$), откуда $i\bar{i}$, и т. д. Замечу еще, что на образование общеславянского $\bar{i}$ из литовско-славянского $\bar{o}$ с известным качеством долготы через посредство какого-то дифтонга (именно $\bar{o}i$, как мы видим) указывает и то обстоятельство, что в литовско-славянском $\bar{o}i$ с таким $\bar{o}$ неслоговое i исчезло в общеславянском языке, между тем как в литовско-славянском $\bar{a}^o i$ (из первоначального $\bar{a}^a i$) оно не отпадало в общеславянском языке, и из $\bar{a}^o i$, как и из литовско-славянского $\bar{a}^o i$, здесь получилось впоследствии $\bar{e}$ и далее $i\bar{e}$ (старославянское $\bar{e}$ в дательном $ръѣѣ$); утрата i в окончании дифтонга $\bar{o}i$, с $\bar{o}$ известного качества долготы, могла произойти в общеславянском языке в то время, когда самое $\bar{o}$ этого рода обращалось в $\bar{o}i$, т. е. i исчезло здесь не в окончании дифтонга, но в окончании трифтонга.

Примеры. Общеславянское $\bar{e}$ из $\bar{o}$ после мягкого неслогового звука является в старославянском $\bar{e}$, например, в следующих случаях: в местоименной основе $\bar{e}$ -, например в формах $\bar{e}go$, $\bar{e}mu$, $\bar{e}mu$, сравните греческое $\bar{o}$ - в относительном местоимении $\bar{o}z$ (греческое $\bar{o}$ указывает здесь на индоевропейское i); в окончании основы дательного множественного числа имен с основами в этой форме на индоевропейские $-i\bar{a}^o$ -, $-i\bar{a}^o$ -, $-i\bar{a}^o$ -, например $конемъ$, $кратемъ$, сравните $\bar{o}$ в дательном множественного числа $равомъ$; в окончании именительного-винительного единственного числа среднего рода имен и местоимений с теми же основами, например $памю$, $копню$, $мю$, сравните $\bar{o}$ в $мьсто$ (это $\bar{o}$ вместо $\bar{e}$ имеет нефонетическое происхождение, как я объясню впоследствии); в творительном единственного числа на $-em$ имен на индоевропейские $-i\bar{a}^a$ -, $-i\bar{a}^a$ -, $-i\bar{a}^a$ в именительном единственного числа, например $волею$, $кратнею$, сравните $\bar{o}$ в $ръвою$; в окончании глагольных основ настоящего времени на первоначальное $-i\bar{a}^o$, а после $\bar{i}$ и на индоевропейское $-i\bar{a}^o$ (i в таком положении переходило в j еще в литовско-славянском языке, как я говорил уже); в причастиях страдательного залога, например гла-

голюмъ, дѣлаюмъ, пишемъ, сравните Ѧ в причастии несомъ; в окончании тех же глагольных основ настоящего времени в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел, например глаголюмъ, глаголювѣ, дѣлаюмъ, дѣлаювѣ, пишемъ, пишевѣ (сравните, например, греческое ο в φέρομεν), а под влиянием аналогии этих глаголов, в которых, следовательно, окончание основы в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел созпало в общеславянском языке с окончанием основы на -ě из индоевропейского -ā^e в формах 2-го лица трех чисел и 3-го лица единственного и двойственного чисел, то же ě еще в общеславянском языке заменило собой ѿ (из индоевропейского ā^o) в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел настоящего времени¹ и в других глаголах тематического спряжения, например старославянские несомъ, несевъ, вместо *несомъ, *несевъ, при несеть, несете, подобно, например, глаголюмъ, глаголювѣ (с ě из ѿ фонетического происхождения), при глаголютъ, глаголюте.

Общеславянское ěi и далее i из ѿi после мягкого неслогового звука является в старославянском н, например, в следующих случаях: в формах местоимения нмь, нмъ, нми, нма, ихъ, от индоевропейской основы *iā^o- (греческое ὀ в относительном ѿс), сравните ѣ (=греческое οi, например, в τῷτῷ) в тьмъ, тьмъ, тьми, тьма, тьхъ; в окончании местного единственного числа имен с основами на индоевропейские -iā^o, -iā^o, -jā^o, например в местном коѿи, коѿи, краи, коѿии, сравните ѣ (=греческое οi в οἷοι — „дома“) в местном раѣ, мѣтъ; в окончании местного единственного числа имен на индоевропейские -iā^a, -iā^a, -jā^a в именительном единственном числа, например в местном воѿи, брати, сравните ѣ (=греческое αi в χαῖαi) в местном рыѣ; в окончании именительного-винительного двойственного числа тех же имен на индоевропейские -iā^a, -iā^a, -jā^a в именительном единственном числа, например в двойственном воѿи, брати, сравните ѣ из индоевропейского ā^ai в двойственном рыѣ; в окончании именительного-винительного двойственного числа имен среднего рода

¹ В аористе продолжало сохраняться в общеславянском и старославянском языках -ѿ, -ѡ в окончании основы в формах 1-го лица множественного и двойственного чисел, например идомъ, и такое же -ѿ, -ѡ (под влиянием аориста тематического спряжения) является в несохомъ, несоховѣ и в имперфекте несохомъ, несоховѣ.

с основами на индоевропейские $-i\bar{a}^o$, $-i\check{a}^o$, $-j\check{a}^o$, например в двойственном $пои$, $копи$, сравните $ъ$ из индоевропейского $\check{a}^o\check{i}$ в двойственном $мьсть$. Общеславянское $ѣ$ и далее $\bar{i}$ из $\check{o}\check{i}$ после мягкого неслогового звука мы находим в старославянском и также и в окончании основы славянской повелительной формы (из индоевропейского желательного наклонения) не единственного числа тех глаголов тематического спряжения, в которых основа тематического спряжения в изъявительном наклонении оканчивалась на первоначальное $-j\check{a}^o$ (чередовавшееся с $-j\check{a}^e$), а после $\bar{i}$ и на первоначальное $-i\check{a}^o$ (чередовавшееся с $i\check{a}^e$), например в формах повелительного $глаголюмъ$, $глаголите$, $пишемъ$, $пишете$, $дѣлаемъ$, $дѣлаете$, $вѣруемъ$, $вѣруете$, $пнемъ$, $пнете$, сравните $ъ$ (= греческое ω в $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega$ те) в $верѣтъ$. В старославянском языке в непроезводных глаголах этого рода (но не в производных) рядом с указанными формами существовали и новообразования, с основами не единственного числа на $-а$ после общеславянского j или после согласной, полученной смягченной (в паннонских текстах и $ъ$ из $а$ после старославянской смягченной согласной), а также и на $ъ$, вместо $и$, например в Остромировом евангелии $оубиамъ$ ($а$ здесь ошибочное написание в значении $и$), $сѣважате$, а также, например, $покажете$, $въисмажете$, в Зографском евангелии, например, $сѣважате$, $покажете$, $покажете$, в Саввиной книге, например, $пнете$, $покажете$, $покажете$, в Супрасльской рукописи, например, $внете$, $постелымъ$, $покажете$, $проспѣшемъ$ (здесь $ъ$ может быть непосредственно из $а$ после старославянской смягченной согласной). Формы с основами на $-ъ$ недиалектическое, как например $покажете$, представляют собой более поздние новообразования сравнительно с формами, имеющими в окончании основ $а$ после общеславянского j или после общеславянской смягченной согласной, например $покажете$, а $а$ получилось здесь фонетически из $ъ$ после мягкой согласной в известную эпоху жизни старославянского языка (когда $ч$, $ж$ и т. д. были еще мягкими). И в тех и в других новообразованиях $ъ$ вместо $и$ перенесено из таких форм, как $верѣмъ$, $верѣте$, т. е., например, под влиянием аналогии со стороны $верѣмъ$, $верѣте$, при формах изъявительного наклонения $веремъ$, $верете$, и при формах изъявительного наклонения $пнемъ$, $пнете$, $глаголюмъ$, $глаголите$ получались новые формы повелительного $*иѣмъ$, $*иѣте$, $*глаголюмъ$, $*глаголите$, от-

куда фонетически *пнѣмъ*, *пнѣте*, *глаголюмъ*, *глаголюте*; подобные же новообразования под влиянием той же аналогии возникали и в более позднее время, как свидетельствуют такие новые формы, как *покажѣте*, при *покажѣте* (непосредственно из **покажѣте*). Влиянию аналогии со стороны *верѣмъ*, *верѣте* на *глаголюмъ*, *глаголюте*, *пнѣмъ*, *пнѣте* и т. д. могло способствовать и то обстоятельство, что в единственном числе повелительной формы и в тех и в других глаголах было получено в окончании *-и*, например *верѣи*, *глаголюи*, *пнѣи* (о происхождении здесь общеславянского *ī* я говорю далее). — В глаголах с основами изъявительного наклонения (настоящего времени) на индоевропейское *-iǵʰ*, *-iǵʰe* после согласной, т. е. в тех глаголах, к которым принадлежат в старославянском языке, например, *сѣдѣти* — „сидеть“, *несѣти*, существовало еще в общеславянском языке известное новообразование в окончании основы повелительной формы, а именно, из *-iǵʰi*, *-iǵʰi* здесь являлось *-īi* вместо *-(i)ī*, под влиянием основы изъявительного наклонения (не в 1-м лице единственного числа) на то *-īi*, о котором я говорил прежде, т. е., например, под влиянием основы **sēdiī-* или **nosīi-* в формах изъявительного наклонения **sēdiimъ*, **sēdiite* или **nosiimъ*, **nosiite* и в повелительной форме получались **sēdiimъ*, *sēdiite* и **nosiimъ*, **nosiite*, а *-īi* далее стягивалось в *-ī*, откуда старославянское *-и* в повелительных формах *сѣдиимъ*, *сѣдите* и *несимъ*, *несите*.

Общеславянское *ěi* и далее *ī* из того *ǵi* в положении после мягкого неслогового звука, которое образовалось из литовско-славянского *ā^oi*, индоевропейского *ā^ai* (с сокращением слоговой гласной в дифтонге), мы находим в старославянском *и* в окончании дательного падежа единственного числа имен на индоевропейские *-īā^a*, *-iǵ^a*, *-jā^a* в именительном падеже, например в дательном *вѣи*, *братѣи*, сравните *ѣ* (= греческое *-ā*, *-η* в *χ^ωρ^α*, *τ^ιμ^η*) в дательном *рыбѣ*.

Общеславянское *ěu* и далее *īu*, *īū*, *ū*, из *ǵu*, в положении после мягкого неслогового звука мы находим в старославянском написании *ю* в его различных значениях, а после известных согласных (*х*, *ж* и т. д.) также и в *оу*, при *ю*, например в конечном слоге основы настоящего времени таких производных глаголов, как *воюю*, *враюю* и *враюю* (в неопределенном *воювати*, *враювати* общеславянское *ě* из *ǵ* после мягкого неслогового

звука), сравните производные глаголы на -оуѣ с оу в положении после старой твердой согласной (в литовском тождественны по образованию производные глаголы на -аи/и), например въ-роуѣ (неопределенное въровати). Такого же происхождения старославянское ю, оу в звательной форме имен на ⁽¹⁾ь, из общеславянского -⁽¹⁾ь, и на -и, из общеславянского -jb, в именительном падеже, например в звательной форме оуучителю, враую и врауюу, краю; сравните оу (тождественное с литовским -аи) в зательной форме сыноу.

Общеславянское ёѹ и далее йѹ, йѹ, ѹ из того ѹѹ в положении после мягкого неслогового звука, которое получалось из литовско-славянского ѡ с известным качеством долготы, является, как я говорил, в старославянском ю, оу в окончании дательного единственного числа имен с основами на индоевропейские -й̑°, -й̑°, -й̑°, например в дательном коню, враую и врауюу, краю; сравните оу в дательном рѡуу.

В некоторых случаях трудно определить, произошло ли общеславянское ѹ в положении после мягкого неслогового звука (т. е. старославянское ю, а после известных согласных и оу) из ѹѹ или же из ёѹ (т. е. индоевропейского а̑ѹ).

Общеславянское ї и далее ѣ из первоначального й̑ (откуда далее ѣ) в положении после мягкого неслогового звука мы находим в старославянском ѣ в корне слова, например в шьєнѣ, где общеславянское *šьv-, из *šj̑v-, от индоевропейского корня *s̑j̑- (в старославянском шти), перед гласными *s̑j̑ѹ- и *s̑j̑v-. Такого же происхождения старославянское ѣ в суффиксе является, например, в одном из двух образований причастия прошедшего времени действительного залога производных глаголов на -нѣ, например в формах хваѣ, хваѣша и т. д. (при хваѣвѣ, хваѣвѣша и т. д.); сравните ѣ при несь, несьша и т. д. Может быть, в именах старославянских классов „кѣнѣ“, „кранѣ“ (старославянское н здесь из общеславянского jb) были получены некоторые имена с основами на литовско-славянские -й̑, -j̑; в таком случае старославянские -ѣ и -н (последнее из -jb) в именительном и винительном единственного числа этих имен восходили бы частью к общеславянским -⁽¹⁾ь, -jb, из -й̑, -j̑, с первоначальным й̑. В значительном большинстве таких имен, однако, как показывают формы склонения, были получены

основы не на *-jǐ*, *-jǐ̃*, но на первоначальные *-jǎ°*, *-jǎ̃°*, *-jǎ̇°*, где *ǎ°* чередовалось с *ǎ̃°*, и в тех из этих имен, которые имели основы на первоначальное *-jǎ̃°*, общеславянское *ь* в именительном и винительном единственного числа получилось в положении после мягкого неслогового звука из того *ǐ̃*, которое являлось в общеславянском языке из *ǐ̇* в конечном закрытом слоге, как мы увидим далее (сравните старославянское *ъ* из общеславянского *ь* в именительном и винительном *вѣкъ* или *вѣкъ* (= греческие *λόκος*, *λόκος*), где общеславянское *ь* из *ǐ̇*, индоевропейского *ǎ°*); в литовском языке им соответствуют имена на *-jas* и *-(¹)as* в именительном единственного числа. Что же касается тех имен старославянского класса „*кѣнь*“, в которых получены основы на первоначальные *-jǎ̃°* и *-jǎ̇°*, при *-jǎ̃°* и *-jǎ̇°*, то, как я говорил уже, общеславянское *ь*, старославянское *ь*, в именительном и винительном единственного числа допускает здесь двойное объяснение: или также из *ǐ̃*, получившегося в закрытом конечном слоге из индоевропейского *ǎ°* (сравните греческие имена на *-ος* в положении после старых *ǐ̃* и *ǐ̇*), или же из литовско-славянского *ĩ̃*, являвшегося из *e*, т. е. индоевропейского *ǎ̃°*, в положении после *ǐ̃* и *ǐ̇* (сравните литовские имена на *-ús* и *-is* в именительном, на *-(¹)ō* в родительном и т. д.). Точно так же и относительно общеславянского местоимения **ĩ*, из **j̃b*, **j̃ĩ*, откуда старославянское *и* в *и-же*, я уже говорил, что и здесь общеславянское *ь* допускает двойное объяснение: или из *ǐ̃*, получившегося в конечном закрытом слоге из индоевропейского *ǎ°* (сравните греческое относительное местоимение *ὅς*), или из того литовско-славянского *ĩ̃*, которое происходило из индоевропейского *ǎ̃°* в положении после *ǐ̇* и *ǐ̃* (сравните литовское *jis* — „он“).

Общеславянское *ĩ̃* и далее *ь* из непервоначального *ǐ̃* после мягкого неслогового звука мы находим в старославянском *ь* также, например, и в окончании родительного множественного числа в таких формах, как, например, *кѣнь*, *доушь*, и сюда же принадлежит *и* из общеславянского *j̃b* (т. е. после гласной), например, в родительном множественного *трии*, *костии*; сравните *ъ* в родительном множественного *рѣкъ*, *женъ*, *словесъ*, *сынѡвъ*. Происхождение здесь общеславянского *-j̃ĩ*, *-ъ*, родственного с греческим *-ου*, латинским *-um* (из *-om*) в родительном множественного, я разъясню впоследствии.

Общеславянское *i* из первоначального *ū* (которое далее изменилось в общеславянское *y*) в положении после мягкого неслогового звука является в старославянском *и*, например в *шти*, русское *шить*, где общеславянское *š* из *sī*; с *шти* тождественно литовское *siūti* — „шить“ (*si-* выражает мягкое *s*) и родственны по корню латинские *suo*, *sūtum*, *sūtor*.

Общеславянское *i* из непервоначального *ū* (которое далее перешло в *y*) в положении после мягкого неслогового звука является в старославянском *и* в окончании творительного множественного числа имен с основами на индоевропейские *-īā°*, *-īǣ°*, *-jǣ°*, например в *кѣи*, *кран*; сравните *ы* в творительном *рагы*, а о происхождении этого *ы* (тождественного с греческим *-οις* в *ἵπποις* и с латинским *-eis*, *-īs* в *equīs*) я говорил прежде.

Другого рода общеславянское изменение качества гласной в зависимости от предшествовавшего мягкого звука мы находим в изменении общеславянского *ē* из литовско-славянского *ē* (индоевропейского *ā*) в положении после мягких неслоговых и слоговых звуков в гласную более открытую, а именно в *ā*, откуда и старославянское *а*; в эпоху, когда происходило это явление, общеславянский дифтонг *ōi*, следовательно, еще не совпал с *ē* из литовско-славянского *ē*. Образование общеславянского *ā* из *ē* после мягких звуков принадлежит, я думаю, более позднему времени сравнительно с рассмотренным уже нами изменением общеславянских *ō*, *ī*, *ū* после мягких неслоговых звуков, а именно в то время, когда *ē* переходило в *ā* в положении после мягких звуков, общеславянское *i* после согласных уже не сохранялось как *i*, но подвергалось тем изменениям, о которых я говорю далее; я сужу так на основании того, что из общеславянского начального *iē* получалось, как мы увидим, одно *ē*, следовательно, еще тогда, когда не действовал закон относительно изменения *ē* в *ā* после мягких звуков, а между тем самое изменение начального *iē* в *ē* должно было происходить в то время, когда *i* после согласных уже не сохранялось как *i*, так как иначе и из *iē* после согласных получилось бы *ē*, чего мы, однако, не находим.

Примеры общеславянского изменения *ē*, из литовско-славянского *ē*, в *ā*, старославянское *а*, в положении после мягкого слогового звука я приводил уже, когда говорил о формах обще-

славянского имперфекта; сюда принадлежит, как мы видели, старославянское *а* после *ъ* в таких формах, как *горѣхъ*, *судѣхъ*, *несѣхъ*. Что же касается общеславянского изменения *ē*, из литовско-славянского *ē*, в *ā*, старославянское *а*, в положении после мягких *неслоговых* звуков, то мы находим это явление именно после *j* и после смягченных согласных, а смягченными мягкими согласными были как различные согласные, получавшиеся из групп „согласная + *j*“, так и *č*, *ž*, *š* из *k*, *g*, *χ* перед *e*, как перед мягкой гласной. Старославянское *а* из общеславянского *ā* такого происхождения является, например, в следующих грамматических случаях: *а* в окончании основы неопределенного в *криѣти*, *лѣжати*, *спышати*, *стоѣти*, тождественное с *ъ* в *горѣти* (сравните в настоящем времени основы *криѣ-*, *лѣж-* и т. д. и *горѣ-*); *а* в образовании сравнительной степени *вѣнчѣши* (от *вѣнчѣти*), *боуши* (от *боути*), тождественное с *ъ* в *дѣрѣти* (от *дѣрѣти*); *а* в словообразовательном суффиксе в *пѣвалъ*, тождественное с *ъ* суффикса *-ѣль* в *гыѣлъ*; *а* в словообразовательном суффиксе в *сусѣнѣвъ* („кожаный“), тождественное с *ъ* суффикса *-ѣвъ* в *камѣвъ* („каменный“); первое *а* в *-ла* имперфекта в *пѣлахъ*, *лѣлахъ*, *вѣлахъ*, *сѣлахъ*, *хвалахъ*, *хѣлахъ* (второе *а* здесь такого же происхождения, как и в *дѣлахъ*), сравните *-ѣа* в *несѣхъ*. В корнях слов общеславянское *ā* из *ē* после мягкого неслогового звука мы находим в старославянском *а* в словах, имеющих в корне *ча-*, *жа-* из некогда бывших *kē-*, *gē-*: например, *чарѣ*, *чарѣвати*, где общеславянское *čā-* из *kē-*, родственно литовское *kerėti* — „чаровать“ (с кратким *e* в *ke-*); *часъ*, родственно прусское *kīzman* (в форме винительного единственного числа) — „время“, где *ī* из *ē*; *жалѣвати* — „печалиться“, родственно литовское *gėlti* (с новою долготой *e* в *ge-*) — „сильно болеть“ (например, о зубах), „колоть“ (например, об укушении пчелы), *gėlimas* (с старой долготой *e* в *ge-*) — „сильная боль в костях“; *сѣ-жгати* — „сожигать“, сравните *жгѣти*, *жѣти*.

Одновременно с изменением общеславянского *ē*, из литовско-славянского *ē*, в *ā* в положении после мягких звуков происходило, я думаю, и однородное изменение общеславянских носовых гласных *i* и *ī* после мягких звуков в более открытые носовые гласные *ē* и *ō*, но это явление я рассмотрю далее, в связи с образованием в общеславянском языке носовых гласных.

ИЗМЕНЕНИЯ ЗВУКОВ В ГРУППАХ „ГЛАСНАЯ + СОГЛАСНАЯ“

Общеславянское изменение звуковых сочетаний *bʹl*, *zʹl* в положении после зубных согласных

Общеславянский язык получил из литовско-славянского языка звуковые сочетания *bʹl*, *zʹl* (из индоевропейских сочетаний „g + слоговая плавная не r“) с *l*, вероятно, только закрытым (звук французского или немецкого *l*), а в общеславянском языке в положении этих сочетаний после зубных согласных *l* закрытое обращалось в *ʹl* открытое (приблизительно звук русского твердого *л*), и в связи с этим *b* перед таким *ʹl* изменялось в *z* там, где предшествовавшая зубная не была мягкой, между тем как после мягкой зубной, именно после *č*, *ž*, *š*, из смягченных *k*, *g*, *γ*, сохранилось *b*. В общеславянском языке в эпоху его распада различались, таким образом, *bʹl*, *bʹt*, *zʹl*, *zʹt*, причем сочетания *ʹl* и *ʹt* существовали лишь после зубных; *z* в *zʹl* получалось как из старого *z*, так и из литовско-славянского *b* в положении после литовско-славянских зубных, т. е. после общеславянских немягких зубных. В старославянском языке в некоторых папиронских текстах, именно в Зографском евангелии, в Саввиной книге и частью в Супрасльской рукописи, сохранились известные указания на различие общеславянских *bʹl*, *zʹl* и *zʹt*, а что касается общеславянского сочетания *bʹt*, то самые слова, в которых оно существовало, не известны из этих текстов. В Зографском евангелии и в Саввиной книге мы находим из общеславянского *bʹl* в положении не перед зубными *ль*, а перед зубными *лѣ* и *лѣ*, с тем различием, что перед твердою зубною здесь является *лѣ*, перед общеславянской мягкой зубною *лѣ* и *лѣ*, последнее в Саввиной книге при отвердении этой мягкой зубной (*мѣлѣти* в Саввиной книге, *мѣлѣти* в Зографском евангелии), а в Зографском евангелии под влиянием аналогии со стороны форм слова, имевших фонетически *лѣ* (например, *испѣлѣи*, *изпѣлѣи* в Зографском евангелии под влиянием *лѣ*, например в *испѣлѣи*, *изпѣлѣи* в Саввиной книге *испѣлѣи*, *изпѣлѣи* и т. д.), наконец, перед общеславянскою полумягкою зубною (из твердой зубной перед мягкой гласной) Зографское евангелие представляет *лѣ*, а Саввина книга *лѣ* и *лѣ*. Из общеславянского *zʹt* в Саввиной книге и в

Зографском евангелии является вообще *лъ* при всяком положении в слове (в единичных случаях в Зографском евангелии также и *ль*), а из общеславянского *ѣ* Зографское евангелие имеет *ль* и *лъ* в одних и тех же словах, а Саввина книга *лъ* перед твердою согласной и *ль*, при *лъ*, перед нетвердою согласной. В Супрасльской рукописи *ль* и *лъ* из общеславянских *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* в значительной степени смешиваются между собою, и вместо *ль* перед твердыми согласными может являться здесь и *лъ*, а вместо *лъ* перед нетвердыми согласными Супрасльская рукопись имеет и *ль*, причем различные формы одного и того же слова с такими *лъ*, *ль* могли влиять одни на другие; в отличие от Саввиной книги и Зографского евангелия из общеславянского *ѣ* в положении перед твердыми зубными Супрасльская рукопись представляет при *лъ* и *ль*, между прочим, и там, где нельзя предполагать влияния аналогии со стороны других форм слова с *ль* в положении не перед твердыми зубными. — В других паннонских текстах *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* совпали вообще в *лъ* (в Мариинском евангелии в единичных случаях является и *ль* в соответствии с *ль* Зографского евангелия и Саввиной книги); *лъ* в этих текстах мы должны ждать и из общеславянского *ѣ*. В Остромировом евангелии общеславянские *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* также совпали в *лъ*, хотя, как я говорил уже прежде, это *лъ* отличалось в процессе образования от того *лъ*, которое мы находим в соответствующих случаях в паннонских текстах; примеры для общеславянского *ѣ* из Остромирова евангелия не известны.

Для различения общеславянских *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* важны указания некоторых западнославянских языков, именно чешского, польского и нижнелужицкого: из общеславянского *ѣ* мы находим в польском и нижнелужицком *tu*, в чешском *lu* и *lou* (*ou* фонетически из *u* при известных условиях), из общеславянских *ѣ*, *ѣ* чешский язык имеет тоже *lu*, между тем как в польском из общеславянского *ѣ* мы находим *ot*, а из общеславянского *ѣ* — *et* и *ot*, в нижнелужицком *ot* из *ѣ* и *ѣ*; наконец, из общеславянского *ѣ* чешский язык имеет *l* слоговое, польский — *et* и *il*⁽¹⁾ (в зависимости от известного различия в фонетических условиях), нижнелужицкий *ot* и *el*⁽¹⁾ (в зависимости от известного различия в фонетических условиях). Что касается русского языка, то здесь общеславянское *ѣ* совпало с *ѣ* и *ѣ* в одном *ѣ*, откуда

ол, а общеславянское *bt*, существовавшее лишь после мягких зубных согласных *č, ž, š*, сохранило в русском языке *ь* неизменным в *ѣ*, вследствие положения после мягкой согласной, т. е. из общеславянского *bt* русский язык получил *ьл* и далее *ел* и *ол*, с тем *о*, которое являлось здесь из *е* и *ь* через посредство *ѣ* при известных фонетических условиях.

Приведу теперь примеры для этих общеславянских звуковых сочетаний из старославянского языка Саввиной книги, Зографского евангелия и частью Супрасльской рукописи, а также и из западнославянских языков. Общеславянское *ѣ*, существовавшее именно, как я говорил, в положении после немягих зубных согласных, мы находим в следующих случаях. Старославянское дьлѣ — „долг“, дльнѣ, дльннкѣ, с ѣ в Саввиной книге и в Зографском евангелии, причем в Зографском евангелии два раза встречается и ѣ при обыкновенном ѣ; сравните польское *dług*, нижнелужицкое *dtug*, чешское *dluh* (русское долг). Старославянское дльѣ — „долгий“ в Саввиной книге встречается только раз, в форме дльзѣ, в Зографском евангелии в том же месте евангельского текста является дльзѣ, с ѣ вместо ожидаемого ѣ; сравните польское *dtugi*, чешское *dlouhý*, нижнелужицкое *dtujki* (русские долог, долгий). Старославянская глагольная основа тлък- — „толкать“ с ѣ в Саввиной книге и в Зографском евангелии, например тлъкъшюму (в Зографском евангелии тлъкъштоумоу), тлъцѣте, тлъкнѣжшо; сравните польское *tłukę*, *tłuc*, чешское *tluku*, *tlouci*, нижнелужицкое *tlukaš* (русские толку и толкать). Старославянское тлъстѣ — „толстый“, в Зографском евангелии оутлъстѣ с ѣ (в Саввиной книге нет этих слов); сравните польское *ttusty*, нижнелужицкое *ttusty* и *ktusty*, чешское *tlustý* (русские толст, толстый). Старославянское стльнѣ — „столб“ в Зографском евангелии с ѣ (в Саввиной книге нет этого слова); сравните польское *stúp*, диалектическое *sttúp*, нижнелужицкое *stup*, чешское *sloup*. Общеславянское *ѣ*, согласно с указанным мною правилом, надо признать также в следующих случаях. Церковнославянская глагольная основа дльб- — „долбить“, неизвестная из древних текстов; сравните польское *dtubać*, чешское *dlubati* (русское долбить). Старославянское тльпѣ — „толпа“, не встречающееся в Саввиной книге и в Зографском евангелии (но известное, например, из Супрасльской рукописи: тльпы, с ѣ); чеш-

ское *tlupa*, в польском и нижнелужицком нет этого слова (русское *толпа*). Старославянское *zъlъ* — „желчь“, с *ъ* в Саввиной книге и в Зографском евангелии; в западнославянских языках нет этого слова в таком звуковом виде.

В словах *дълъгъ* — „долгий“, *тълкъ*, *тъла* и в основе *дълъгъ* общеславянское *zъl* в положении после твердой зубной согласной образовалось из литовско-славянского *yl*, как свидетельствуют балтийские языки; в литовском языке отсюда *il* в *ilgas* — „долгий“ (начальное *d* отпало еще в общебалтийском языке), *ap-tilkēs* — „ловкий“, „пронрыливый“, собственно, вероятно, „обтолкавшийся“ (Лескин¹ сопоставляет по переходу значения русское диалектическое *толочный парень* — „бывалый, дошлый“, родственное с *толку*, *толкаяю*), *tilpti* — „вмещаться“, *ap-dilbti* — „износиться, истереться от употребления“. В *тълкъ* общеславянское *zъl* после твердой зубной восходит к литовско-славянскому *yl*; родственны латышские *tulzums* — „опухоль“, *tulzis* — „пузырь, прыщ“, литовские *tūlšti* (настоящее *tulštù*, прошедшее *tulžau*) — „пропитываться влагой, разбухать“, *tulžis* — „желчь“, собственно, „желчный пузырь“.

Примеры для общеславянского *yl*, существовавшего после мягких зубных, из Саввиной книги и из Зографского евангелия (а равно и из Остромирова евангелия) не известны, как я говорил уже, а в западнославянских языках и в русском сюда принадлежат следующие случаи. Польское *czołn* и *czołno*, нижнелужицкое *cołn*, чешское *člun*, русское *челн*, *челнок*. Польское *żółty*, нижнелужицкое *žottu*, чешское *žlutý*, русское *желтый*. Нижнелужицкое *žotc*, верхнелужицкое *žotč*, русское *желчь*, польское *żółc* — „желчь“, чешское *žluť*. Польское *żołna*, нижнелужицкое *žolna*, чешское *žluna*, русское *желна* (птица).

Общеславянское *yl* существовало, например, в следующих случаях. Старославянское *вълкъ* — „волк“, с *ь* в Зографском евангелии и в Саввиной книге, с *ь* и с *ъ* в Супрасльской рукописи; сравните польское *wilk*, нижнелужицкое *vel'k*, чешское *vlk* (русское *волк*); тождественно литовское *vilkas*. Старославянская глагольная основа *вълк-* — „влечь“, с *ь* в Саввиной книге и в Зографском евангелии (один раз *ъ* в Зографском евангелии),

¹ Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen, стр. 87.

например в *извъкъ*, *облъуенъ*; в западославянских языках (и в русском) эта основа вытеснена общеславянской основой **velk-*, откуда старославянское *въкъ*, например в *въкъж*; в литовском языке с старославянским *въкъ* — „вlech“ тождественно *vilk-*, например в *vilkti* — „вlech“. Старославянское *въна* и *въназ* — „волна“ в Супрасльской рукописи, *въна* в Зографском евангелии, т. е. с *лъ* из общеславянского *ьл* в положении перед немягкою зубной (в Саввиной книге нет этого слова); сравните польское *wetna*, чешское *vlna* (русское *волна*); родственно литовское *vilnis* — „волна“. Старославянское *мъуати* в Зографском евангелии, *мъуати* в Саввиной книге, *мъуати* и *мъуати* в Супрасльской рукописи; сравните польские *milczec*, *milknac*, нижнелужицкое *melcaš*, чешские *mlčeti*, *mlknouti* (русские *молчать*, *-молкнуть*). Старославянская основа *пъз-* и *пъз-* — „ползать“ в Супрасльской рукописи, например *пъзъкъ* — „ползкий“, *пъзаше* (в Саввиной книге и в Зографском евангелии нет этих слов); сравните польские *pełzać*, *pełznąć*, чешские *plznouti*, *plzký* (русские *ползать*, *ползкий*). Старославянское *пльнъ* — „полный“ в Супрасльской рукописи, *пльнъ* в Саввиной книге (в формах *пльнъ*, *пльнѣ*, *пльнѣ*) и в Зографском евангелии (в формах *пльнъ*, *пльна*), т. е. с *лъ* в этих текстах из общеславянского *ьл* перед немягкою зубной; сравните польское *pełny*, нижнелужицкое *rotny*, чешское *plný* (русское *полон*, *полный*); тождественно литовское *pilnas*. Старославянская глагольная основа *пльни-* и *пльни-* — „полнить“ в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи, *пльни-* в Зографском евангелии, причем в Саввиной книге в формах, имевших *и* мягкое из общеславянского *п* мягкого (получавшегося из *пѣ*), в положении перед этим *и* является только *ь*, например в *испльнъ*, *испльненъ* (т. е. *испльнѣ*, *испльненѣ*), между тем как в формах, имевших *и* из общеславянского *п* полумягкого (в положении *п* перед мягкою гласной), мы находим здесь как *ъ*, так, но реже, и *ь*, например *испльнишасѣ* и *испльнишасѣ*; польское *pełnić*, чешское *plniti* (русское *-полнить*). Общеславянское *ьл* надо признать и в следующих случаях. Старославянское *въхъ* — „волхв“ в Саввиной книге, *въхъ* и *въхъ* в Супрасльской рукописи (в Зографском евангелии нет этого слова); из западославянских языков это слово не известно. Польское *wetna* — „волна, шерсть“, чешское *vlna* (русское

во́лна); церковнославянское *вѣлна* (Миклошич в Словаре приводит из поздних текстов прилагательное *вѣлнѣнь*); тождественно литовское *vilna*. Польское *wilgnąć* — „волгнуть“, чешское *vlhnouti* (русское *волгнуть*); Миклошич в Словаре приводит церковнославянское *вѣлгъни* — „влага“ из одного позднего памятника; тождественно литовское *vilg-* в *vilgyti* — „увлажать“. Чешское *vlha* — „иволга“, польское *wilga* (при *wywiełga*, сравните русское *иволга*, где происхождение *и* для меня не ясно); церковнославянское *вѣлга* из древних старославянских текстов не известно. Польские *pilś* и *pilśn* — „войлок“, чешское *plst* (русское *полсть*); церковнославянское *плѣсть* из древних старославянских текстов не известно. Польское *pilch* — „ящур“, чешское *plch*; церковнославянское *плѣхъ* из древних старославянских текстов не известно.

Общеславянское **xlъ* является в следующих случаях. Старославянское *мльва* и *мльѡа* — „шум, смятение“ в Зографском евангелии и в Маринском евангелии, *мльва* в Супрасльской рукописи, *мльѡа* в Саввиной книге (встречается здесь только один раз), глагольная основа *мльѡн-* и *мльѡн-* в Зографском евангелии и в Саввиной книге, например *мльѡнѣтсѣ*, *мльѡѡашѣ* в Зографском евангелии, *мльѡѡшо*, *мльѡн* в Саввиной книге; сравните чешские *mluva* — „речь“, *mluviti* — „говорить“, польские *mowa*, *mówić*, где *-ow-*, *-ów-*, из древнепольского *-otw-* (русские *молва*, *молвить*). Старославянское *плькъ* — „толпа, полк“ в Супрасльской рукописи, *пльунти са* и *пльунти са* там же (в Зографском евангелии и в Саввиной книге нет этих слов); сравните чешское *pluk*, польское *pólk*, *pułk* в древнепольском и *petk* в собственных именах (русское *полк*); тождественны литовское *pūlka*s, латышское *puļks* — „толпа“ (людей и животных), которые, по-видимому, не имеют достаточного основания считать заимствованными из языка славянского. Старославянское *хльмъ* (в форме *хльмомъ*) и *хльмъ* в Зографском евангелии, *хльмъ* в Саввиной книге (встречается только раз); сравните чешское *chlum*, польское *chołm*, нижнелужицкое *chołm* (русское *холм*); общеславянское **xъlmъ* заимствовано, по-видимому, из языка германского (древнесаксонское *holm* — „гора, холм“ и т. д.). Чешское *hluk* — „гул“, польское *gielk*, *z-giełk* (русское *голк*); церковнославянское *гльѡа*, неизвестное из древних памятников; родственно литовское *gūlks̃čioja* — „идет молва“.

Относительно старославянского *мѣни*, *мѣни* (русское *молния*), с ъ перед общеславянскою немягкою зубною в Зографском евангелии и в Саввиной книге (в Супрасльской рукописи и *мѣни*), я не могу определить, имел ли здесь общеславянский язык *ѣ* или же *ѣ*.

Общеславянское изменение *ѣ* и *ѣ* с *г* и *л* (закрытым) твердыми при известных фонетических условиях в *ѣ*^(е), *ѣ*^(е) с *г* и *л* полумягкими, обозначенными мной здесь через *г*^(е), *л*^(е)

Закон этого фонетического явления я определяю так: общеславянские *г* и *л* в сочетаниях *ѣ**г*, *ѣ**л* сохранялись твердыми в положении перед твердыми зубными, между тем как в положении перед незубными, твердыми и нетвердыми, а также и перед мягкими зубными общеславянские *г* и *л* в *ѣ**г*, *ѣ**л* изменялись в *г*^(е), *л*^(е), причем в положении перед твердыми незубными это изменение вызывалось исключительно влиянием предшествовавшего *ѣ*; вопрос же о том, в каком виде являлись фонетически общеславянские *г* и *л* в *ѣ**г*, *ѣ**л* в положении перед полумягкими зубными, я оставляю в стороне. Различие между общеславянскими *ѣ**г* и *ѣ**г*^(е) засвидетельствовано языками польским, лужицкими и русским, а частью также и некоторыми старославянскими текстами; различие же между общеславянскими *ѣ**л* и *ѣ**л*^(е) засвидетельствовано языками польским и лужицкими, а также некоторыми старославянскими текстами, между тем как в русском языке оно не сохранилось вследствие того, что общеславянские *л* и *л*^(е) совпали здесь в звуке *т* (*л*), перед которым *ѣ* в положении не после мягкой согласной изменилось в *ѣ*, откуда *о*.

Из общеславянского *ѣ**г* перед твердыми зубными в польском и нижнелужицком языках получилось по большей части *ar* (которое являлось здесь и из общеславянского *ѣ**г*, иногда польское ⁽¹⁾*ar*, нижнелужицкое *er*, в верхнелужицком языке *or* (которое являлось здесь и из общеславянского *ѣ**г*), иногда ⁽¹⁾*er*, между тем как общеславянское *ѣ**г*^(е) в польском языке обратилось в ⁽¹⁾*erz*, с *rz* (звуки *r̥z̥* и *r̥s̥*, переходящие в *ž* и *š*) из *r*^(е) через посредство *r*⁽¹⁾, и в ⁽¹⁾*er*, *er* в зависимости от различного положения в слове, в верхнелужицком в ⁽¹⁾*er*⁽¹⁾ и в ⁽¹⁾*er*, *er* в зави-

симости от различного положения в слове, в нижнелужицком в ⁽¹⁾*er*, *er*. Из общеславянского *ɣʃ* перед твердыми зубными в польском языке получилось *et*, в лужицких языках *ot* (в нижнелужицком после *v at*), между тем как общеславянское *ɣʃ*^(e) является в польском как *it*⁽¹⁾, пишется *il* (случай перед губною согласной не известны), в нижнелужицком как *el*⁽¹⁾, в верхнелужицком ⁽¹⁾*el*⁽¹⁾. В русском языке из общеславянского *ɣʃ* перед твердыми зубными получилось *ep*, а под ударением *ěp*, т. е. ⁽¹⁾*or*, между тем как общеславянское *ɣʃ*^(e) является в русском или как *epь*, т. е. *er*⁽¹⁾, или как такое *ep*, которое под ударением перед твердым слогом сохраняется неизменным в *ěp* вследствие того, что *p* было здесь прежде мягким.

Примеры. Общеславянское *ɣʃ* перед твердыми зубными: русское *бѣрдо*, польское *bardo*, нижнелужицкое *bardo*; русское *мѣртвый*, польские *martwy*, *umarty*, нижнелужицкое *marty*, верхнелужицкое *morvu*; русское *мѣрзнуть*, польское *marznąć*, нижнелужицкое *marznuś* (верхнелужицкое *merznuć*); русское *чѣрный*, польское *czarny*, нижнелужицкое *carny*, верхнелужицкое *čornu*; русское *жорнов*, из *жѣрнов*, польское *żarna*; русское *зерно*, *зѣрна*, польское *ziarno*, нижнелужицкое *zerno*, верхнелужицкое *zorno*. — Общеславянское *ɣʃ*^(e): русское *верѣх* (пишется *верх*), польское *wierzch*, нижнелужицкое *ŕerch*, верхнелужицкое *ŕerch*; русское *первый* и *перѣвый*, нижнелужицкое *ŕerwy*, польское *pierwszy*; русское *верба* (в говорах и *верѣба*), польское *wierzba*, нижнелужицкое *ŕerba*, верхнелужицкое *ŕerba*; русское *черпать*, польское *czepać*, верхнелужицкое *čerpać*.

Общеславянское *ɣʃ* перед твердыми зубными: польское *wetna* — „волна“ и „вѣлна“, верхнелужицкое *wołna* — „вѣлна“, нижнелужицкое *wałna* — „вѣлна“; польское *pełny* — „полный“, лужицкое *połny*; польское *pełzać* — „ползать“. — Общеславянское *ɣʃ*^(e): польское *wilk* — „волк“, нижнелужицкое *vel'k*, верхнелужицкое *ŕel'k*; польские *milknąć* — „молкнуть“, *milczeć* — „молчать“, нижнелужицкие *mel'knuś*, *mel'caś*, верхнелужицкие *mel'knyć*, *mel'čeć*; польское *wilgnać* — „волгнуть“.

В старославянском языке различие между общеславянскими *ɣʃ* и *ɣʃ*^(e) сохранилось в диалектах Зографского евангелия и Саввиной книги в том явлении, о котором я уже упоминал, а именно, мы видели, что из общеславянского *ɣʃ* перед твер-

дыми зубными в этих текстах является лъ, между тем как общеславянское *hľ*^(e) мы находим здесь в виде лъ: *лѣнь*, *лѣна*, но *лѣкъ* — „волк“, *лѣлѣкъ*, *лѣлѣсънѣ*, в Зографском евангелии *мѣлѣати* (в Саввиной книге *мѣлѣати*, вследствие большого отвердения согласной *ч* в *чл*¹), в Саввиной книге *нѣплѣнь*, *нѣплѣнена*, (в Зографском евангелии *нѣспѣнь*, *нѣлѣнь*, под влиянием других форм, где фонетически получилось лъ). Ввиду *лѣнь*, *лѣна* в Супрасльской рукописи можно думать, что в Зографском евангелии и в Саввиной книге лъ из общеславянского *hľ* образовалось чрез посредство *lb* с *l* закрытым твердым. Что касается различия в старославянском языке общеславянских *hľ* и *hľ*^(e), то мы находим его в дошедших до нас текстах лишь в некоторых остатках, именно в Саввиной книге и в некоторых памятниках русской редакции, например в Остромировом евангелии. В Саввиной книге из общеславянских *hľ* и *hľ*^(e) является вообще рь, но в *жрътва* (встречается два раза: *жрътвы* и *жрътва*) и *жрънѣвахъ* (встречается один раз) Саввина книга имеет ръ, и можно думать, что *rb* с твердым *r* из общеславянского *hľ* в положении после *ж* не перешло в этом диалекте в рь с полумягким *р* и изменилось далее в ръ. Может быть, и написание *дръзновѣннѣмъ*, встречающееся в Саввиной книге два раза, представляет в ръ изменение группы *rb* с твердым *r* из общеславянского *hľ* (перед твердою зубною), хотя в Саввиной книге встречается раз и *дръзантѣ*; что же касается двух или трех случаев, в которых вместо обычного в Саввиной книге *трѣп-* в *трѣплѣ* (т. е. *трѣплѣнѣ*), *трѣпнѣ*, *въ трѣплѣннѣ* и т. д. является *трѣп-* в *трѣплѣ*, *въ трѣплѣннѣ* (здесь уже *въ* вместо *въ* заставляет предполагать *трѣп-*) и, может быть, *потрѣпнѣ* (в другом месте *потрѣпнѣ*), то здесь ръ вместо рь из общеславянского *hľ*^(e), как и в других паннонских текстах, имеющих ръ из общеславянского *hľ* и из общеславянского *hľ*^(e). В Остромировом евангелии в тех случаях, где рассматриваемые нами звуковые сочетания написаны по-старославянски, мы находим обыкновенно, как и в Саввиной книге, рь из общеславянских *hľ* и *hľ*^(e), но иногда Остромирово евангелие представляет

¹ Глагол *мѣлѣати* встречается здесь четыре раза, именно в формах *мѣлѣахъ*, *мѣлѣашѣ*, *оумѣлѣаша*, *оумѣлѣахъ*; в последней форме лъ вместо лъ (сравните *лѣлѣсънѣ* в Саввиной книге) под влиянием лъ в *мѣлѣа-*.

и рѣ, при рѣ, и притом лишь там, где общеславянский язык имел ѣг, с твердым г: сюда принадлежат жрътвами (при жрътвѣ) и жрътвѣвахъ (в другом месте жрътвѣвахъ), с тем же жръ-, как и в Саввиной книге, а также мрътвѣ, мрътвѣныхъ, мрътвѣхъ, оумръла, развръзоста са, отвръзоша са, отвръзъше, устврътъи (при мрътвѣ, развръзѣи и т. д.). Подобным же образом и в тех случаях, где писец Остромирова евангелия вместо старославянских рѣ и рѣ из общеславянских ѣг и ѣг^(е) написал ѣрь и ѣрь, прибавив ѣ перед р под влиянием русского языка, мы находим написание ѣрь вместо рѣ как из общеславянского ѣг^(е), так и из общеславянского ѣг (например, вѣрьжѣ, испѣрька, зѣрьно), а написание ѣрь вместо рѣ (при рѣ) только из общеславянского ѣг; написание ѣрь встречается именно в вѣрьтоградѣ, мѣрьтвѣныхъ, пѣрьсты, дѣрьзан, дѣрьзанте (при дѣрьзанѣхъ). Два раза встречается в Остромировом евангелии написание ѣф вместо старославянского рѣ из общеславянского ѣг, именно: в жѣрьтвѣвахъ (при жѣрьтвѣхъ) и в уствѣрьтъи (при уствѣрьтъи и уствѣрьтъи); один раз находим и вѣрьхоу вместо вѣрьхоу, встречающегося несколько раз (при вѣрьхоу), но здесь, вероятно, ѣ написано ошибочно вместо ѣ, а иначе это написание ѣф указывало бы на диалектическое старославянское рѣ из общеславянского ѣг^(е), между тем как вообще Остромирово евангелие не знает рѣ такого происхождения. С употреблением в Остромировом евангелии написаний ѣрь и ѣрь вместо рѣ, рѣ согласуется употребление тех же написаний, например, в Минее, относимой к 1095 году; и здесь написание ѣрь является вместо рѣ как из общеславянского ѣг^(е), так и из общеславянского ѣг, между тем как написание ѣрь (при ѣрь) заменяет собой рѣ (при рѣ) из общеславянского ѣг, например: жѣрьтвѣу, пожѣрьты, пожѣрьла, мѣрьтвѣхъ, вѣрьста, уѣрьтогъ, уѣрьтани, проѣрьташе (при проѣрьтани, уѣрьтогъ, вѣрьста и т. д.).

Общеславянское изменение сочетаний „неслоговая иррациональная гласная (ѣ или ѣ) + слоговая носовая согласная“ в положении перед ударяемым слогом

В эпоху, предшествовавшую образованию носовых гласных, общеславянское сочетание „ѣ + слоговая носовая согласная“ в положении перед ударяемым слогом обращалось в ѣ и в ѣ;

последнее получалось именно после мягкой согласной (задненёбные согласные изменялись в мягкие *č, ž, š* перед *ь* как перед мягкой гласной) и после *l* закрытого (а *l* было получено закрытым в положении перед *ь* как перед мягкой гласной). Процесс образования этих *č* и *ž* из сочетания „*ь* + слоговая носовая согласная“ я представляю себе так: сочетание „*ь* + слоговая носовая согласная“ в положении перед ударяемым слогом сперва теряло гласную, т. е. переходило в одну слоговую носовую согласную, а затем слоговая носовая согласная обращалась в слоговую гласную, подобно тому как, например, греческое *α* из индоевропейского сочетания „неслоговая иррациональная гласная (*ǵ*) + слоговая носовая согласная“ развивалось непосредственно из одной слоговой носовой согласной. На основании такого изменения общеславянского сочетания „*ь* + слоговая носовая согласная“ в положении перед ударяемым слогом надо заключать, что и общеславянское сочетание „*ž* + слоговая носовая согласная“ при том же условии, т. е. перед ударяемым слогом, переходило в *ž*, хотя я не знаю достоверных примеров для общеславянского *ž* такого происхождения.

Общеславянское *ž* из „*ь* + слоговая носовая согласная“ перед ударяемым слогом мы находим в **sžtŏ*, откуда старославянское *сътъ*, русское *сто*; сопоставление с литовским *šimtas* — „сто“ указывает на литовско-славянскую основу **šm̥tā̃*^o (буквой *š* я обозначаю ту литовско-славянскую фрикативную, которая получалась из индоевропейского *h*, т. е. *k* средненёбного) из индоевропейской основы *h₂m̥tā̃*^o, которую мы находим также в латинском *centum*, в греческом *ἑκατόν*. Общеславянское *ь* после *l* из „*ь* + слоговая носовая согласная“ в положении перед ударяемым слогом является в **lbǵŏkž*, откуда старославянское *льгъкъ*, русское *легок, легкий*; общеславянское **lbǵŏkž* заключало в конечном *-kž* новый суффикс, а **lbǵž*, из **lbǵūs*, тождественно с греческим *ἐλαχύς*, где *ε* образовалось фонетически перед начальным *λ* (сюда же принадлежит и древнеиндийское *laghús* — „легкий, незначительный“). В общеславянских производных именах существительных с суффиксами *-ько-*, *-ька-* в положении после твердых незадненёбных согласных и с *-ько-*, *-ька-* после *k, g, χ*, смягченных при этом в *č, ž, š*, такое чередование между *č* и *ž* может быть объяснено при том пред-

положении, что *-ъk-* и *-ьk-* восходят здесь фонетически к *-ьrk-*, полученному в суффиксе перед ударяемой гласной, хотя бы с *-ъk-* и *-ьk-* такого происхождения смешались *-ъk-* и *-ьk-* из первоначальных *-йk-* и *-й̋k-* в суффиксах. В русском языке сюда принадлежат, например, такие образования, как *цветок* — *цветка́*, *волосок* — *волоска́*, *зубок* — *зубка́*, где *-ок* из общеславянского *-ъкъ*, при *сучек* — *сучка́*, *рожок* — *рожка́*, *мешок* — *мешка́*, где *-ёк*, *-ок* из общеславянского *-ькъ*. В положении после *l* мы находим в таких именах общеславянское *-ъk-*, а не *-ьk-*, с нефонетической заменой *l* закрытого перед *-ъk-* (из *ьrk-*) через *t*, существовавшее в положении перед твердою гласной в тех основах, от которых образованы эти имена; например, в русском *хохолок* (под влиянием *t* в *хохол*) или, например, в польском *dotek* (под влиянием *t* в *dół* — „дол“). С общеславянскими *-ъk-*, *-ьk-*, из *-ьrk-*, в таких именах тождественны германское *-ung-* (из индоевропейского *ǵn* в общегерманском языке получалось *un*), например в древнеисландских именах на *-ungr*, греческое *-αχ-* в таких образованиях, как *μετ᾽αχ*, *Ἰππαχος*¹.

Общеславянское *ъ*, из *ьr* или, может быть, из *ьn*, в положении перед ударяемым слогом, надо признать и в слове **vьtorъ*, откуда старославянское *вѣторъ*, *вѣторын*, русское *второй*, т. е. надо думать, что в **vьtorъ* ударение было на *o* (сравните русское *втѣра* в значении существительного). Родственные слова известны из балтийских и германских языков (литовское *ántras* — „другой, второй“, нововерхненемецкое *ander*), а также и из древнеиндийского языка, причем, однако, эти языки указывают на индоевропейское *ǵn-* (с *ǵ*, не склонным к *e*), между тем как *вѣторъ* предполагает параллельную индоевропейскую основу с *ǵn-*, т. е. с литовско-славянским *ьr* или *ьn*; общеславянское *v* в **vьtor* приставлено фонетически перед начальным *ъ*. С общеславянским *ъ* из индоевропейского *ǵn* в **vьtorъ* тождественно, может быть, греческое диалектическое *α* в *ἄτερς*, где в таком случае греческое придыхание восходило бы к индоевропейскому

¹ О германских и греческих образованиях см. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, zweiter Band, § 88.

придыханию, т. е. для индоевропейского языка надо было бы предполагать основы **h₂ntǵ^ora^o-*, **h₂ntǵ^ora^o-* (при **hǵ^ontǵ^ora^o-*, **hǵ^ontǵ^ora^o-*, **hǵ^ontǵ^ora^o-*, откуда немецкое *ander*, литовское *ánt-ras*); и общеславянское *ъ* в **ǵtorǵ*, **ǵtorǵ* объяснялось бы непосредственно из **h₂n*, а последнее из **h₂n*. Сравните индоевропейский местоименный корень **hǵ^o*, **hǵ^o*, являющийся, как мы видели, в латинском *ho-*, в русском *э-*. Отношение греческого *ἔτερος* к *ἄτερος* не ясно.

Общеславянские носовые гласные и их изменения

В известную эпоху жизни общеславянского языка сочетания „гласная + носовая согласная“, в положении без последующей гласной, т. е. перед согласной и в конце слов, обратились в носовые гласные. Гласные в этих сочетаниях, изменившихся в носовые гласные, были получены частью краткими, частью иррациональными и притом неслоговыми (из индоевропейского *ǵ*), частью же долгими. Сочетания „иррациональная неслоговая гласная (*ǵ* или *ǵ*) + слоговая носовая согласная“ в первоначальном конце слов не существовали уже в эпоху образования общеславянских носовых гласных и еще ранее подверглись тем изменениям в неносовые гласные, о которых я говорю далее, при обзоре фонетических явлений конца слова, т. е. общеславянские носовые гласные из сочетаний „*ǵ* или *ǵ* + слоговая носовая согласная“ мы находим в положении не в первоначальном конце слова и притом, как я объяснял уже, не перед слогом, полученным с ударением. Общеславянские носовые гласные из сочетаний „долгая гласная + носовая согласная“ известны нам, несомненно, только при положении этих сочетаний в первоначальном конце слов.

Общеславянские носовые гласные были краткими и долгими. Краткие носовые гласные существовали здесь в первоначальном конце слов как из кратких, так и из долгих гласных в положении перед носовою согласной; долгие же носовые гласные являлись перед согласными как из сочетаний „краткая гласная + носовая согласная“, так и из сочетаний „*ǵ* или *ǵ* + слоговая носовая согласная“. Указание на то, что общеславянские носовые гласные в первоначальном конце слов были краткими и там, где они получались из сочетаний „долгая гласная + но-

совая согласная", мы находим в окончании родительного падежа множественного числа, а долгота общеславянских носовых гласных различного происхождения в положении перед согласными засвидетельствована теми же отдельными славянскими языками, которые сохраняют указания и на долготу общеславянских неносовых гласных и которые свидетельствуют при этом, что общеславянские долгие носовые гласные имели те же два вида долготы, как и общеславянские долгие неносовые гласные. Происхождение долготы общеславянских носовых гласных перед согласными я объясняю тем, что сочетания „краткая или иррациональная гласная + носовая согласная (неслоговая и слоговая)“ перед согласными были получены из литовско-славянского языка с долгими носовыми согласными (причем в этой долготе различались два вида, из индоевропейских кратких и некратких носовых согласных); долгие носовые согласные в сочетаниях „краткая гласная (из первоначальной краткой и из первоначальной иррациональной гласной) + носовая согласная“ в положении без последующей гласной существуют и теперь в литовском языке.

В эпоху образования в общеславянском языке носовых гласных здесь явились именно следующие носовые гласные: 1) $\check{a}^o$ в конце слов и $\check{a}^o$ перед согласными, изменившиеся далее в $\check{r}$ и $\check{r}$ (я их обозначаю вместе через $\check{r}$), откуда в старославянском языке $\check{r}$, звучавшее как $\check{r}$, а в русском языке, с утратой носового свойства, y ; 2) $\check{e}$ в конце слов и $\check{e}$ перед согласными (я их обозначаю вместе через $\check{e}$), имевшие e открытое, т. е. e^a , откуда в старославянском языке $\check{e}$, звучавшее как $\check{e}$, а в русском языке, с утратой носового свойства, y , т. е. $e^{(1)}a$; 3) $\check{i}$ в конце слов и $\check{i}$ перед согласными, утратившие впоследствии носовое свойство еще в общеславянском языке, причем из $\check{i}$ получалось $\check{i}$ и далее $\check{v}$, старославянское $\check{v}$, а из $\check{i}$ — $\check{i}$, старославянское $\check{i}$; 4) $\check{y}$ в конце слов и $\check{y}$ перед согласными, утратившие носовое свойство еще в общеславянском языке одновременно с $\check{i}$ и $\check{i}$, причем из $\check{y}$ получалось $\check{y}$ и далее $\check{v}$, старославянское $\check{v}$, а из $\check{y}$ — $\check{y}$, y , старославянское $\check{y}$. Относительно общеславянских носовых гласных, звучавших в эпоху распада языка общеславянского языка как $\check{r}$ и $\check{r}$ (старославянское $\check{r}$), замечу, что я предполагаю для них более древний вид $\check{a}^o$, $\check{a}^o$

на основании того, что в положении после мягких неслоговых звуков не получалось ϵ вместо ρ в то время, когда из o в таком положении являлось e . Изменение o в e (и u в $\ddot{y}$, i) после мягких неслоговых звуков происходило, следовательно, как я говорил, уже тогда, когда общеславянский язык имел носовые гласные, но при этом надо думать, что в эпоху, когда o и u после мягких неслоговых звуков изменялись в e и $\ddot{y}$, те носовые гласные, которые впоследствии звучали как ρ , $\bar{\rho}$, еще не заключали в себе звука o , так как иначе из ρ в таком положении надо бы ждать ϵ , подобно тому как из ψ после мягких неслоговых звуков являлось $\ddot{y}$ тогда же, когда $\ddot{y}$ неносовое при том же условии переходило в $\ddot{y}$ (откуда b).

Названные мною общеславянские носовые гласные получались в общеславянском языке из следующих сочетаний „гласная + носовая согласная“ в положении без последующей гласной.

1. Носовая гласная $\check{a}^o$, откуда $\check{\rho}$, получавшаяся в конце слов, являлась из сочетания „ $\check{a}^o$ + носовая согласная“, причем $\check{a}^o$, сокращаясь в этой носовой гласной, изменялось в $\check{a}^o$. Сочетание „ $\check{o}$ + носовая согласная“ в конце слов не существовало в общеславянском языке в эпоху образования носовых гласных, так как вместо $\check{o}$ в конечном закрытом слоге еще ранее явилось $\ddot{y}$.

2. Носовая гласная $\check{a}^o$, откуда $\bar{\rho}$, получавшаяся перед согласными, являлась в большинстве случаев из сочетания „ $\check{o}$ + носовая согласная“, причем $\check{o}$, удлиняясь в этой носовой гласной, переходило в $\check{a}^o$. По аналогии с несомненными случаями образования носовой гласной $\check{\epsilon}$ из сочетания „ b + слоговая носовая согласная“ перед согласными надо думать, что носовая гласная $\check{a}^o$, $\bar{\rho}$ получалась также и из сочетания „ $\check{z}$ + слоговая носовая согласная“ перед согласными, причем, следовательно, $\check{z}$, обращаясь в слоговую гласную полного образования, переходило в $\check{o}$, которое, удлиняясь в этой носовой гласной, изменялось в $\check{a}^o$.

3. Носовая гласная $\check{\epsilon}$, именно $\check{\epsilon}^a$, получалась в конце слов из сочетания „ $\check{e}$ + носовая согласная“, причем $\check{e}$, когда оно еще звучало как $\check{e}^a$ (было открытым), сократилось в этой носовой гласной; кроме того, носовая гласная $\check{\epsilon}$ должна была получаться и из сочетания „ $\check{e}$ + носовая согласная“ в конце слов, но достоверные примеры для сочетания „ $\check{e}$ + носовая согласная“ в конце слов не известны.

4. Носовая гласная $\bar{e}$, именно $\bar{e}^a$, являлась перед согласными, во-первых, из сочетания „ $\bar{e} +$ носовая согласная“, причем $\bar{e}$, удлиняясь в этой носовой гласной, переходило в $\bar{e}$, именно в $\bar{e}^a$, которое продолжало сохраняться в носовой гласной и тогда, когда общеславянское $\bar{e}$ неносовое, бывшее некогда открытым, изменилось в $\bar{e}^i$, т. е. в $\bar{e}$ закрытое (откуда далее $i\bar{e}$). Во-вторых, та же носовая гласная $\bar{e}$, именно $\bar{e}^a$, перед согласными получалась из сочетания „ $\bar{e} +$ слоговая носовая согласная“, причем, следовательно, $\bar{e}$, обращаясь в слоговую гласную полного образования, переходило в $\bar{e}$, которое удлинялось в этой носовой гласной.

5. Носовая гласная $\bar{i}$, откуда далее $\bar{i}$, $\bar{v}$, получалась в конце слов из сочетания „ $\bar{i} +$ носовая согласная“; также и из сочетания „ $\bar{i} +$ носовая согласная“ в конце слов надо ждать $\bar{i}$, откуда $\bar{i}$, $\bar{v}$, но примеры здесь не известны.

6. Носовая гласная $\bar{i}$, откуда далее $\bar{i}$, получалась перед согласными из сочетания „ $\bar{i} +$ носовая согласная“, причем $\bar{i}$ (когда оно еще не перешло в $\bar{v}$) удлинялось в этой носовой гласной.

7. Носовая гласная $\bar{y}$, откуда далее $\bar{y}$, $\bar{v}$, получалась в конце слов, во-первых, из сочетания „ $\bar{y} +$ носовая согласная“; во-вторых, и из сочетания „ $\bar{y} +$ носовая согласная“ в конце слов являлось также $\bar{y}$, откуда $\bar{y}$, $\bar{v}$.

8. Носовая гласная $\bar{y}$, откуда далее $\bar{y}$, $\bar{v}$, получалась перед согласными из сочетания „ $\bar{y} +$ носовая согласная“, причем $\bar{y}$ (когда оно еще не перешло в $\bar{v}$) удлинялось в этой носовой гласной.

Примеры. 1) Старославянское $\bar{m}$ из общеславянского $\bar{m}$: - $\bar{m}$ из индоевропейского - $\bar{m}$ в окончании винительного падежа единственного числа имен и местоимений с основами на индоевропейское - $\bar{m}$, например в формах $\bar{m}$, $\bar{m}$, русские *рыбу*, *ту*; тождественны греческое - $\bar{m}$ - $\bar{m}$ (с диалектическим $\bar{m}$), например, в $\bar{m}$, $\bar{m}$, где конечное $\bar{m}$ из индоевропейского $\bar{m}$, латинское - $\bar{m}$, с фонетическим сокращением $\bar{a}$ перед конечной носовой согласной, например, в *aquam*, *istam*. Старославянское - $\bar{m}$ в окончании 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов тематического спряжения, например в $\bar{m}$, $\bar{m}$, русские *беру*, *везу*, я возвожу к индоевропейскому $\bar{m}$.

где конечное *n* было, может быть, подвижным в индоевропейском языке (по фонетическим причинам); родственны греческое -ω в *φέρω*, латинское -o в *fero, veho*, литовское -u, непосредственно из *ū*, т. е. *ūō*, в *vežū* = *vezj* (в возвратной форме *vežūs* из *vežū-si* — „еду“).

2а) Старославянское *ж* из того общеславянского *ǵ*, которое получалось из „*ǵ* + носовая согласная“ перед согласными: -*жъ* из индоевропейского -*a^onti* в окончании 3-го лица множественного числа настоящего времени глаголов тематического спряжения, например в *веръжъ*, *везъжъ*, русские *берут, везут*; тождественно греческое дорическое -*οντι*, ионическое и аттическое -*ουσι* (из -*οντι*, -*ουσι*), например, в *φέρουσι*, *φέρουσι*, родственно и латинское -*unt*, из -*ont*, например, в *ferunt, vehunt*. Старославянское -*жшт*- в причастиях настоящего времени действительного залога от основ тематического спряжения, например в формах *веръжшт*, *веръжште*, *веръжшти*, из индоевропейских -*ǵ^ont-* и -*ǵ^onti-*, совпавших грамматически в общеславянском -*ǵnti-*, откуда -*ǵčt⁽ⁱ⁾*, старославянское -*жшт*- (в русском языке -*уч*- в прилагательных из древних причастий, например в *могучий*, где *могуч*- тождественно с старославянским *могъжшт*-, между тем как русские причастия с -*ущ*-, например *берущий*, заимствованы книжным языком из церковнославянского языка); родственны греческие -*ονт*- из индоевропейского -*ǵ^ont-* и -*ουσι* (непосредственно из -*ουσι*-) из индоевропейского -*ǵ^onti*-, например, в причастных формах *φέροντες*, *φέρουσα*, *φερόντων*, латинское -*unt*-, из -*ont*-, в *euntis*. Старославянское *жъжъ*, русское *узок*, родственны по корню латинские *ango, angustus*, греческое *ἄγχϝ*. Старославянское *жгълъ*, русское *угол*, тождественно латинское *angulus*. Старославянское *ржкѧ*, русское *рука*, тождественно литовское *rankà* — „рука“.

2б) Старославянское *ж* из того общеславянского *ǵ*, которое получалось из „*ǵ* + слоговая носовая согласная“, можно предполагать, как я говорил уже прежде, в *дъти* (настоящее *дъмъ*) — „дуть“, если *дъти* тождественно по гласной с литовским *dūmti* (настоящее *dumiu*), хотя старославянское *ж* в *дъти* могло бы объясняться и из „*ǵ* + носовая согласная“. Или, например, из сопоставления польского *bąbel* — „пузырь“, чешского *boubel* с литовским *bumbulis* — „водяной пузырь“ могло бы быть выведено

общеславянское **bǫbъlb*, где *ǫ* восходило бы к сочетанию „*ǫ* + слоговая носовая согласная“, если **bǫbъlb* тождественно с литовским *bumbulis* и по первой гласной. Вообще те редкие случаи, в которых общеславянский язык получил из литовско-славянского языка сочетание „*ǫ* + слоговая носовая согласная“ (вместо обычного „*ǫ* + слоговая носовая согласная“), трудно отличать от случаев, в которых в общеславянском языке было получено сочетание „*ǫ* + носовая согласная“.

3) Старославянское *а* из общеславянского *ǣ*, получавшегося из сочетания „*ǣ* + носовая согласная“ в конце слов, является в *ма*, *та*, *са* (винительный единственного числа), как свидетельствуют относительно количества гласной древнеиндийские слова, соответствующие старославянским *ма*, *та* (именно *mām*, *tvām*). Латинские *mē*, *tē*, *sē* (долгота гласной обусловлена в латинском односложностью этих слов) произошли из индоевропейских энклитических форм, не имевших в конце падежного суффикса *-m* (тождественны древнеиндийские энклитические *mā* и *tvā*); точно так же и греческие *μέ*, *σέ* (фонетически из **tue*), *ε* (из **sue*) образовались из индоевропейских энклитических форм без *m* в конце, а краткая греческая гласная в этих словах получилась, я думаю, из индоевропейской долгой гласной с известным качеством долготы, так как индоевропейские долгие гласные с одним из двух видов долготы сокращались, как кажется, в греческом языке при положении в открытом конечном слоге (таково, например, *ᾱ* в *ζῳᾱ́*, тождественном с старославянским **и҃а*, где *а* из общеславянского *ǣ*, индоевропейского *ǣ̃*; сравните также *τρίᾱ* и *τρίᾱχοντα*).

Старославянское *а* из общеславянского *ǣ* в окончании именительного-винительного единственного числа имен среднего рода с основами на индоевропейское *n*, например в *имѧ*, *сѧмѧ*, русские *имѧ*, *сѧмѧ*, допускает объяснение как из индоевропейского *ǣ̃n*, так и из индоевропейского *ǣ̃n*; в индоевропейском языке имена с такими основами оканчивались в именительном-винительном единственного числа как на *-ǣn*, так и на *-ãn* и *-ån*, где *ã* и *å* были, может быть, частью долгими, частью краткими, хотя прямых указаний на количество *ã* в этой форме мы не имеем. В соответственных латинских именах конечное *-en*, например в *p̃n̄ten*, *sēten*, допускает различные объяснения.

4а) Старославянское *а* из того общеславянского *ǣ*, которое получалось из „*ǣ* + носовая согласная“ перед согласными: *пѣтъ*, *пѣтъи*, русское *пятый* (в общеславянском языке перед *t* исчезло *k*), тождественны литовское *pėnktaş*, греческое *πέμπτος*, где *π* перед *τ* из индоевропейского *k* задненёбоного; *сѣтъ*, русское *свят*, тождественно литовское *šventas*.

4б) Примеры для старославянского *а* из того общеславянского *ǣ*, которое получалось из „*ǣ* + слоговая носовая согласная“ перед согласными, я приводил уже прежде: *дѣсѣтъ*, *дѣсѣтъи*, русское *десятый*, тождественное с литовским *dešimtas* и с греческим *δέκατος*; *па-мѣтъ*, русское *па-мять*, литовское *at-mintis*.

5) Старославянское *ь* из того общеславянского *ь*, которое получалось из *ĩ*, образовавшегося из „*ĩ* + носовая согласная“ в конце слов, является в окончании винительного падежа единственного числа имен с основами на индоевропейское *ĩ*, например в формах винительного *пѣтъ*, *кѣтъ*, где *-ь* из индоевропейского *-ĩm*; в греческом языке сюда принадлежит *-ι*, например, в *μάτι*, *βάσι*, в латинском языке *-im*, сохранившееся в некоторых именах с такими основами, например в *sitim* (в большинстве же таких имен форма винительного единственного числа образована в латинском языке по аналогии имен с индоевропейскими основами на согласную, а в именах с такими основами индоевропейское окончание этой формы было *-am*, откуда латинское *-em*). — Примеры для общеславянского *ь*, старославянское *ь*, из того *ĩ*, которое должно было получиться и из „*ĩ* + носовая согласная“ в конце слов, не известны.

6) Старославянское *и* из того общеславянского *ī*, которое происходило непосредственно из *ī*, т. е. из более древнего „*ī* + носовая согласная“ перед согласными, является в окончании винительного множественного числа имен с основами на индоевропейское *ī*, например в формах винительного *пѣти*, *кѣти*, где в конце отпало в общеславянском языке *s*; в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на *-īns* (суффикс винительного множественного числа *-ns*), откуда в греческом языке в отдельных диалектах *-ις* (из общегреческого *-is*), например в винительном *ῥις*, *οῖς*.

7а) Старославянское ѣ из того общеславянского ѣ, которое получалось из ѣ, т. е. из более древнего „й + носовая согласная“ в конце слов, мы находим, например, в винительном единственного числа имен с основами на индоевропейское й, в форме винительного сынѣ (литовское *sūny*); в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на -*ym*, откуда в греческом языке -ου, например, в πῆχυν, в латинском -*um*, например, в *tanit*. Старославянское ѣ из общеславянского ѣ в винительном единственного числа имен и местоимений с основами на индоевропейское *ā*⁰, например в формах винительного влькѣ (влькѣ), тѣ, восходит также к ѣ, так как общеславянское *ō* из *ā*⁰ в конечном закрытом слоге обратилось в й еще ранее образования носовых гласных; в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на -*ām*, откуда греческое -ου, например, в ἵππου, τῶν, латинское -*om* и далее -*um*, например, в *equom*, *filium*, *istum*. Такого же происхождения старославянское ѣ, из общеславянского ѣ, в окончании 1-го лица единственного числа прошедшего времени (славянского аориста) тематического спряжения, например в формах нѣтъ, оврътъ, где это ѣ тождественно с греческим -ου, например, в ἔφερον, ἔλπιον, и восходит к индоевропейскому -*ām* (личный суффикс -*m*); в славянском сигматическом аористе и в славянском имперфекте, из сигматического аориста, общеславянское ѣ, старославянское ѣ в 1-м лице единственного числа, например в старославянских *иссехъ*, *исѣхъ*, образовалось по аналогии форм прошедшего времени тематического спряжения.

7б) Старославянское ѣ, из общеславянского ѣ, в окончании родительного множественного числа, например в формах родительного рабѣ, рыбѣ, сыновѣ, словесѣ, тѣхъ, может быть объясняемо из того ѣ, которое произошло в конце слов из „а + носовая согласная“; а здесь образовалось из *ō*^u, т. е. долгого закрытого *o*, в конечном закрытом слоге (прежде чем *ō*^u перешло в *ōu*), а *ō*^u из литовско-славянского *ō*, индоевропейского *ā*⁰, с известным качеством долготы. Впрочем, и непосредственно из конечного *ō*^u при сокращении *ō*^u в носовой гласной мы можем ждать ѣ. В индоевропейском языке родительный множественного числа имен и местоимений, за исключением имен с основами на *ā*³, оканчивался на -*ām* (падежный

суффикс в склонении имен $\bar{a}^o m$, а в склонении местоимений $\bar{s}\bar{a}^o m$); отсюда в греческом языке -ων, например, в πόδων, ἵππων, τάων (между гласными фонетически исчезло *s*), в латинском языке -*om* и далее -*im* (долгая гласная перед конечной носовой сократилась фонетически), например, в *vocum, deum (deorum* по аналогии местоименного склонения), *istorum, istarum* (*r* между гласными из *s*), в литовско-славянском языке -*om* и далее, может быть, -*on* (если конечное *m* изменялось в *n* еще в литовско-славянском языке), откуда общеславянское -ѣ, старославянское -ѣ, литовское -*u* (из *ũ*). В индоевропейских именах с основами на $\bar{a}^a$ родительный множественного числа оканчивался на $\bar{a}^a m$, где в состав $\bar{a}^a$ вошли $\bar{a}^a$ в окончании основы + $\bar{a}^o$ падежного суффикса $\bar{a}^o m$; в литовско-славянском языке отсюда должно было получиться окончание $\bar{a}^o m$, которое, однако, было вытеснено окончанием -*om* (старославянское -ѣ, например, в рыкъѣ, литовское -*u*) по аналогии родительного множественного числа прочих имен и местоимений; в греческом и латинском языках форма родительного множественного числа имен с такими основами была заменена формой местоименного склонения (на индоевропейское $\bar{a}^a\bar{s}\bar{a}^o m$), например в греческом θεῶων (между гласными исчезло *s*), причем в аттическом диалекте из -αων получилось -ων, в латинском *aquarum* (*r* между гласными из *s*).

8) Старославянское ѣ из того общеславянского у, которое получалось из *ũ*, т. е. из более древнего „*ũ* + носовая согласная“ перед согласными, является в винительном множественного числа имен с основами на индоевропейское *ũ*, например в форме винительного сынѣ, где в конце отпало *s* в общеславянском языке; в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на -*ũns*, откуда в греческом языке -ὤς (из общегреческого -*us*), сохранившееся, например, в гомеровской форме γένϋς, в латинском языке -*ũs* (из -*uns, -us*), например, в *manũs*. Такого же происхождения старославянское ѣ из общеславянского у и в винительном множественного числа имен и местоимений с основами на индоевропейское $\bar{a}^o$, например в формах винительного ракъѣ, ты, так как *õ* из $\bar{a}^o$ в конечном закрытом слоге перешло в общеславянском языке в *ĩ* еще ранее образования носовых гласных, и из индоевропейского $\bar{a}^o ns$ в окончании этой формы должно было получиться поэтому в общеславянском

языке *-uns*, *-ŭ(s)*; в общегреческом языке сюда принадлежит *-ōns*, *-ps*, откуда критское *-ous*, лесбийское *-us*, ионическое и аттическое *-ous*, например, в ἵππους, в латинском *-os* (из *-ōns*, *-ps*), например, в *equos*. Точно так же произошло старославянское *ы* из общеславянского *у* и в именительном единственного числа мужеского рода (отсюда и в среднем роде) причастий действительного залога настоящего времени от основ тематического спряжения на индоевропейское *ǵʰ* в положении не после мягкого звука, например в *ьсѣ*, *ьсѣѣ*, а по аналогии их и в причастиях от основ нетематического спряжения, например в *сѣ*, *ьѣѣ*. Старославянская форма *ьсѣ* произошла из индоевропейской формы на *-ǵʰncs* (*c* из *t* перед *s*), откуда литовско-славянское *-ǵʰns*, общеславянское *-ŭns* (из *-ōns*), *-ŭs*, *-y(s)*; в литовском языке соответственная форма оканчивается на *-qs*¹, и, например, с старославянским *ьсѣѣ* тождественно литовское *vedŭqs* — „ведущий“ (сюда же принадлежит и древнеиндийская форма на *-an*, между тем как греческая форма на *-on*, например φέρων, имеет другое происхождение). Кроме названных мною грамматических случаев, примером общеславянского *у* из *ŭ*, т. е. из более древнего „*ŭ* + носовая согласная“ перед согласною, служит также слово **luko*, откуда русское *лыко* (то же слово известно и из других славянских языков); родственно литовское *lūnkas* — „лыко“, где *un* из индоевропейского *un*.

Общеславянские *ŭ* и *ŭ* в положении после мягких неслоговых звуков по закону, о котором я говорил уже, изменились в *ŭ* и *ŭ*; *ŭ* перешло затем в *ŭ* (как *ŭ* в *ŭ*), откуда *ь*, старославянское *ь*, а *ŭ* подверглось тому изменению, о котором я говорю далее. Примеры для общеславянского *ь* такого происхождения я приводил вместе с примерами для общеславянского *ь* из *ŭ* неносового в положении после мягких неслоговых звуков: сюда принадлежат именно старославянские *ь* и *и*, последнее из *jь*, в винительном единственного числа имен классов „*кѡѣь*“, „*кѡи*“, поскольку такие имена представляют в этом падеже

¹ Различие в литовском языке между этим *-qs* и *-ŭs* в винительном множественного числа имен и местоимений с основами на индоевропейское *ǵʰ* обусловлено первоначальным различием в количестве *n* в том и другом случае.

иноевропейские основы на $-i\check{a}^o$, $-i\check{y}^o$, $-j\check{y}^o$ и частью, может быть, на $-i\check{y}$, $-j\check{y}$; сюда же принадлежат старославянские ь и н , последнее из $j\check{y}$, в таких формах родительного множественного числа, как кнѣь , врань , доушь , костни и т. п.

Изменение общеславянских $\bar{i}$ и $\bar{y}$ после мягких звуков

Общеславянские $\bar{i}$ и $\bar{y}$ (последнее из $\bar{y}$, по указанному закону) в положении после мягких звуков, неслоговых и слоговых, стали в общеславянском языке более открытыми, вероятно, тогда же, когда $\bar{e}$ (из литовско-славянского $\bar{e}$) в таком положении перешло в $\bar{a}$, а именно из $\bar{i}$ после мягких звуков получилось $\bar{e}$, совпавшее с $\bar{e}$ ($\bar{e}^a$) из „ $\bar{e}$ или $\bar{b}$ + носовая согласная“ перед согласными, т. е. старославянское ѣ , а из $\bar{y}$ явилось в таком положении непосредственно, вероятно, $\bar{o}$, которое перешло в $\bar{e}^i$, т. е. в носовое e долгое закрытое, изменившееся далее в $i\bar{e}$, именно тогда, когда и $\bar{e}^i$ неносовое, в котором совпали дифтонг $\bar{o}\bar{i}$ и старое $\bar{e}$ ($\bar{e}^a$), распалось в общеславянском языке на $i\bar{e}$ (старославянское ѣ). Как $\bar{e}^i$, изменившееся на $i\bar{e}$, образовалось, вероятно, непосредственно из $\bar{o}$, так и то общеславянское $\bar{e}^i$ неносовое, которое произошло из $\bar{o}\bar{i}$, явилось, вероятно, непосредственно из $\bar{o}$, о чем я буду говорить еще впоследствии.

Общеславянское $i\bar{e}$ в старославянском языке совпало с общеславянскими $\bar{e}$, $\bar{e}$ ($\bar{e}^a$, $\bar{e}^a$) в одном звуке $\bar{e}$, ѣ , но в русском языке общеславянские $\bar{e}$ ($\bar{e}^a$, $\bar{e}^a$) и $i\bar{e}$ имели различную историю, а именно, в то время, как из $\bar{e}$ здесь образовалось 1a (я), общеславянское $i\bar{e}$ совпало в русском языке с общеславянским $i\bar{e}$, т. е. отсюда получилось древнерусское ѣ и далее e (с его изменениями); и в некоторых других славянских языках, например в польском и словацком, общеславянские $\bar{e}$ и $i\bar{e}$ имели различную судьбу.

Общеславянское $\bar{e}$ из $\bar{i}$ после мягкого звука существовало в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени и в причастии настоящего времени действительного залога глаголов тех классов, к которым принадлежат старославянские горѣти , хвалѣти . Мы видели уже прежде, что общеславянский язык имел здесь некогда сочетание $i\bar{i}\bar{n}$ перед согласной,

где *īl* из литовско-славянского *ĩl*; из *ĩln* перед согласной ранее изменения *īl* в *l* получилось *l̃l* и далее *l̃ē*, откуда в эпоху распада общеславянского языка *ē*, вероятно, через посредство *ěē* (причем, следовательно, первая, краткая гласная уподобилась по качеству второй, долгой). В старославянском языке отсюда *а* в *горать*, *хва- лать*; *гора*, *хвала* (в конце здесь некогда существовало *з* в общесла- вянском языке); *горашта*, *хвалашта* и т. д.; русские *горят*, *хвалят*, *горячий* (русские причастия *горящий*, *хвалящий* заимствованы из церковнославянского языка). В форме именительного единствен- ного числа мужеского рода (перенесенной и в средний род) указанных причастий общеславянский язык имел в конце *-l̃ls* (из *-l̃l̃ns*) или *-l̃ēs* (из *-l̃l̃s*) в ту эпоху, когда вместо *īl* в конеч- ном слоге слов неодносложных являлось *l̃b*, ⁽¹⁾*b*, т. е. правило относительно изменения литовско-славянского *ĩl* в общеславян- ское *l̃b*, ⁽¹⁾*b* в конечном слоге слов неодносложных не может применяться к данному случаю.

Общеславянское *ē* из *l̃* после мягкого звука является, мо- жет быть, и в корневой части некоторых слов. Так, в тех общеславянских словах, из которых произошли старославян- ские *жаждѣ* — „желаю“, *жажда* — „жажда“ (где *жд* из общеславян- ского *gd̃⁽¹⁾*, получившегося из *d̃l̃*), общеславянское *žē-* образо- валось, может быть, из *žl̃-*, где *ž* из *g* перед мягкой гласной, и в таком случае по происхождению эти слова были бы род- ственны с старославянским *жѣдати*, а также и с литовским *geidžiū* — „желаю“; носовая согласная перед *d* в общеславянском *gind-*, **žind-* и т. д. была бы по происхождению так называе- мым инфиксом. Или, например, общеславянское **čęstb*, откуда старославянское *чѣсть*, русское *часть*, имело бы *ē* из *l̃* после *č* (которое образовалось из *k* перед мягкой гласной), если это слово родственно с латинским *scindo scidi*, греческим *σχίζω*; *n* перед *d* и здесь по происхождению инфикс, существовавший некогда лишь в основе настоящего времени. Общеславянские **jēga* и **jēāza*, откуда русское *яга* в *баба-яга*, старославян- ское *ѡса* — „болезнь“, словинское *jeza* — „гнев“, родственны, по- видимому, с латышским *īgt* — „иметь внутреннюю боль, быть угрюмым“, где *ī* объяснялось бы фонетически из *in*; обще- славянское *jē-* в этих словах в таком случае произошло из *l̃n-*, а последнее из *l̃n-*, с фонетическим присоединением *l̃* пе-

ред начальной мягкой гласной; родственный корень, но с индоевропейским дифтонгом $\tilde{a}^a i$ (в чередовании с i), в латинском *aeger*.— В винительном падеже множественного числа имен с основами на индоевропейское $\tilde{i}$ первоначальное окончание формы $-i\tilde{n}s$ в общеславянском языке изменилось фонетически, как я говорил уже, в $-i\tilde{s}$, откуда $-i\tilde{}$, старославянское $-и$ (например, в винительном $и\tilde{ш}ти$, $к\tilde{о}сти$); в положении же после общеславянской мягкой согласной должно бы было явиться в окончании этой формы общеславянское $-ѣ$, из $-ѣs$, старославянское $а$, с изменением $\tilde{i}$ в $ѣ$ после мягкой согласной, но вместо того мы и здесь находим старославянское $-и$ из общеславянского $-i\tilde{}$, например в винительном $маломѣшти$ ($шт$ из общеславянского $\tilde{c}t^{(i)}$), под влиянием аналогии со стороны прочих имен с основами на индоевропейское $\tilde{i}$.

Общеславянское $i\tilde{e}$ из $i\tilde{}$ (через посредство $\tilde{o}$, $\tilde{e}^i$) после мягких звуков является в старославянском $а$ ($а$) в винительном множественного числа от основ на индоевропейские $-i\tilde{a}^o$, $-i\tilde{i}^o$, $-j\tilde{u}^o$, например в формах $к\tilde{o}на$, $мѣж\tilde{а}$, $я$ (в значении мужского рода), $к\tilde{р}а\tilde{а}$, с которыми тождественны древнерусские формы на $-ѣ$, $-е$, например $мужѣ$, $ѣ$ и $муже$, $е$; сравните старославянское $ы$ в винительном множественного числа $рѣ\tilde{ы}$, $тѣ\tilde{ы}$ (мужского рода), где, как мы видели, общеславянское $-у$ из $-i\tilde{u}(s)$, а последнее из $-i\tilde{o}ns$, $-i\tilde{y}ns$. Сюда же принадлежит общеславянское $i\tilde{e}$, старославянское $а$ ($а$), древнерусское $ѣ$, откуда $е$, в формах именительного и винительного множественного числа от основ на индоевропейские $-i\tilde{a}^a$, $-i\tilde{i}^a$, $-j\tilde{a}^a$ и в родительном единственного числа имен с такими основами и местоимений со всякими основами на индоевропейское $-a^a$, например в старославянских формах $зѣм\tilde{а}$, $дѣу\tilde{а}$, $зѣм\tilde{а}$, $я$ (женского рода), $тѣ\tilde{а}$, $я\tilde{а}$, с которыми тождественны древнерусские формы на $-ѣ$, $-е$, например $землѣ$, $душѣ$, $еѣ$ и $земле$ и т. д., и такие современные русские формы, как, например, $ее$, $еѣ$ (по происхождению форма родительного падежа, получившая значение также и винительного падежа). Сравните старославянское $ы$ из общеславянского $у$ в именительном и винительном множественного числа $жѣ\tilde{ы}$, $тѣ\tilde{ы}$ (женского рода) и в родительном единственного числа $жѣ\tilde{ы}$. Эти общеславянские формы на $-у$ и на $-i\tilde{e}$ (последнее после мягкой согласной) в именительном и ви-

нительном множественного числа и в родительном единственного числа от основ на индоевропейское $\bar{a}^a$ представляют новообразования, заменившие собой формы на $\bar{a}(s)$, которые должны были получиться фонетически как в именительном множественного числа и в родительном единственного числа из индоевропейских форм на $\bar{a}^a s$ (литовское $-os$ в именительном множественного и в родительном единственного числа, например в *várnos* — „вороны“, греческое $\bar{a}\sigma$, $-\eta\sigma$ и латинское $\bar{a}s$ в родительном единственного числа, например в $\chi\omega\rho\bar{a}\varsigma$, *familias*¹), так и в винительном множественного числа, так как индоевропейским окончанием этой формы надо признавать $\bar{a}^a s$ (фонетически из конечного $\bar{a}^a ns$), по указаниям, например, древнеиндийского и готского языков. Новообразование явилось сперва в форме винительного множественного числа, под влиянием винительного множественного числа от других основ, причем форма на общеславянское $\bar{a}s$, из индоевропейского $\bar{a}^a s$, получила при себе параллельное образование на общеславянское $\bar{o}ns$ (с сокращением долгой гласной или фонетическим, или под влиянием формы винительного множественного числа от других основ, на краткую гласную), откуда $\bar{u}ns$, $\bar{u}s$ и т. д. Подобным же образом в общегреческом языке в винительном множественного числа от этих основ индоевропейское окончание формы $\bar{a}^a s$ было заменено новообразованием на $\bar{a}ns$, $\bar{a}s$, с фонетическим сокращением долгой гласной в таком положении; из общегреческого $\bar{a}s$ критское $\bar{a}\varsigma$, ионическое и аттическое $\bar{a}\varsigma$ (например, в $\tau\bar{a}\varsigma$), Lesbийское $\bar{a}\iota\varsigma$. Точно так же в общепольском языке в винительном множественного числа от основ на индоевропейское $\bar{a}^a$ мы находим новообразование на $\bar{a}ns$; в литовском языке отсюда формы на $\bar{a}s$ и $\bar{a}ns$ ($\bar{a}ns$ из пралитовского $\bar{a}s$ при известных фонетических условиях), например в *tás* (от *ta* — „эта“), *várnas* (от *várna* — „ворона“). Сходство между славянскими и балтийскими языками по отношению к этой форме позволяло бы предполагать, конечно, что еще в литовско-славянском языке известно было новообразование на $\bar{a}^o ns$ ($\bar{a}^o$ из индоевропейского $\bar{a}^a$) в винительном множествен-

¹ В именительном множественного числа греческая форма на $\bar{a}\iota$ и латинская на $\bar{a}e$ (из $\bar{a}\iota$) представляют новообразование.

ного числа от основ на индоевропейское $-a^a$, но вполне возможно и то, что балтийские и славянские языки получили это образование независимо друг от друга. Во всяком случае, и в отдельном существовании общеславянского языка при новообразовании на $-ōns$, откуда $-ŷns$, и т. д., в винительном множественного числа от основ на индоевропейское $-a^a$ продолжала некогда сохраняться и форма на $-ās$, из индоевропейского $-a^as$, вследствие чего и при других падежных формах на $-ās$ от тех же основ, т. е. в именительном множественного числа имен и местоимений и в родительном единственного числа имен, явились тогда же новообразования на $-ōns$, откуда $-ŷns$, и т. д., а как скоро конечное s стало исчезать фонетически (в последнюю эпоху жизни общеславянского языка никакая согласная в конце слов не допускалась), падежные формы на $-ā$, из $-ās$, совпадавшие с формой именительного единственного числа этих имен и местоимений (хотя в известных случаях с различием в месте ударения), по этой причине были вполне вытеснены тем новообразованием на $-ōns$ и т. д., которое в результате дало в общеславянском языке форму на $-ū$ после твердых согласных и на $-īē$ после мягких. Что касается родительного единственного числа местоимений с основами на индоевропейское $-a^a$, то здесь общеславянский язык имел некогда форму на $-ōjās$ (из индоевропейского $-ā^asjā^as$, с нефонетическую утратой s перед j), при которой явилось новообразование на $-ōjōns$, откуда $-ōjŷns$, и т. д., под влиянием новообразования на $-ōns$, $-ŷns$ и т. д., при форме на $-ās$ в родительном единственного числа имен с основами на индоевропейское $-a^a$; а впоследствии, когда в этих именах форма родительного на $-ā$, из $-ās$, была вполне вытеснена новообразованием (по указанной причине), то же произошло и в местоимениях под влиянием аналогии имен, т. е. в эпоху распада общеславянского языка здесь существовала только форма на $-ōjīē$ (старославянское $-ѡѧ$, например, в $тоѡ$, $ѡѧ$), хотя форма родительного на $-ōjā$, из $-ōjās$, не совпадала с именительным единственного числа этих местоимений.

Старославянское $ѧ$ ($ѧ$) из общеславянского $īē$ мы находим также и в именительном единственного числа мужеского рода (отсюда и в среднем роде) причастий действительного залога

настоящего времени от основ тематического спряжения на индоевропейское *-jā^o*, например в формах *сыа*, *глагола*, *ишта*, *дълаа* (при родительном *сыишта*, *глаголишта* и т. д.); сравните *ты* в *веры*, *веды*, где, как мы видели, общеславянское *-у* из *-ǫ(s)*, а последнее из *-ōns*, *-ǫns*.

Изменение общеславянских сочетаний „краткая слоговая гласная (ѣ и ѓ) + плавная“ после согласных в положении перед согласными.

Сочетания „слоговая гласная + плавная“ перед согласными были получены общеславянским языком с краткими гласными, и притом именно с гласными *ѣ* и *ѓ*, из литовско-славянских *ĕ* и *ā^o*; плавные же в этих сочетаниях, как и слоговые плавные в сочетаниях с предшествовавшей неслоговою гласной, были в литовско-славянском языке долгими, с двумя видами долготы (из индоевропейских кратких и некротких плавных), и такими же перешли и в общеславянский язык, как свидетельствует сопоставление некоторых явлений в этих общеславянских сочетаниях с соответственными сочетаниями балтийских языков, имеющих здесь долгие плавные (с общебалтийским различием в качестве долготы). Сравните сказанное мною относительно долгих носовых согласных в сочетаниях „гласная (краткая и иррациональная) + носовая согласная“ перед согласными. В общеславянском языке литовско-славянские сочетания „краткая слоговая гласная + плавная“ перед согласными имели различную судьбу в зависимости от того, были ли они получены в начале слов или же после согласных; сочетания этого рода в начале слов я рассмотрю впоследствии, а пока остановлюсь на общеславянских сочетаниях „*ĕ* или *ā^o* + плавная“ перед согласными в положении после согласных, т. е. на сочетаниях типов „*tōr-*, *tēr-* (и *čēr-*), *tōl-*, *tēl-* и *čēl-*“ перед согласными, причем *t* я беру в качестве представителя всех немягких (т. е. твердых и полумягких) согласных, а *č* в качестве представителя мягких согласных. Относительно „*čēl-*“ надо заметить, что, как показывает сопоставление западнославянских языков с южнославянскими, „*čēl-*“ перед согласными изменилось в общеславянском языке в „*čöl-*“ (русский язык не препятствует принимать то же *čöl-*, хотя и не решает вопроса), между тем как в „*čēr-*“ не было подобного изменения. Общеславянское „*čöl-*“, из „*čēl-*“, перед согласными, при отсутствии „*čör-*“, из

„čěr-“, свидетельствует, что на образование гласной *ě* в „čöl-“ влияла плавная *l*, а отсутствие в тех же диалектах общеславянского языка изменения „těl-“ перед согласными в „töl-“ или „töl-“ (об особенностях, представляемых в этом отношении русским языком, я скажу впоследствии) показывает, что ⁽ⁱ⁾ě, т. е. *ě* после мягкой согласной, отличалось в общеславянском языке от *ě* в положении не после мягкой согласной. Я вообще не имею в этом курсе различия между общеславянскими *ě* и ⁱě, так как для старославянского языка нельзя извлечь отсюда никаких указаний, но в данном случае нам надо принять во внимание это различие, так как из него объясняется возникшее в общеславянском языке различие между „těl-“ перед согласными, оставшимися „těl-“, и „čěl-“ (т. е. „čⁱěl-“) перед согласными, изменявшимся в „čöl-“, а это общеславянское различие отразилось и в старославянском языке, как мы увидим далее. Общеславянское ⁱě, т. е. *ě* после мягкой согласной, звучало, можно думать, как *ě^e*, т. е. как *ě*, склонное к *ě*, а в положении перед „*l* + согласная“ оно перешло в *ě^o*, т. е. в *ě*, склонное к *ě* (я пишу *ě*, не обозначая точно качества этого *ě*), т. е. „čěl-“ = „č^eě^l-“ изменилось перед согласными в „čöl-“ = „č^oě^l-“. Подобно тому как общеславянское *ě* после мягкой согласной отличалось от *ě* в другом положении и звучало как *ě^e*, так и общеславянское ⁽ⁱ⁾ь, т. е. *ь* после мягкой согласной, отличалось от *ь* в другом положении и звучало, можно думать, как иррациональное *üⁱ*, т. е. как иррациональное *ü*, склонное к *i*; возможно поэтому, что как общеславянское „čěl-“, т. е. „č^eě^l-“, перед согласными изменилось в „č^oě^l-“ (я пишу „čöl-“), так и в общеславянском „č^hě^l-“ (об *t* в этом сочетании я говорил прежде), ⁽ⁱ⁾ь, т. е. неслоговое иррациональное *üⁱ*, изменилось в неслоговое иррациональное *ü^h*, т. е. в неслоговое иррациональное *ü*, склонное к *u*, хотя в этом случае отдельные славянские языки не дают вполне определенных указаний, так как те изменения здесь гласной в западнославянских языках, о которых я уже говорил, могут быть объясняемы как общеславянским отличием этой гласной от ⁽ⁱ⁾ь в другом положении, так и позднейшим влиянием звука *t(t)*, полученного в этом сочетании.

Касательно общеславянского *l* в сочетаниях типа „töl-“, „těl-“, „čöl-“ я должен заметить, что не определяю точно его качества, т. е. не различаю здесь *l* закрытое и *l* открытое (*t*); затем, как по отношению к *l* в сочетаниях „töl-, těl-, čöl-“, так

и по отношению к *r* в сочетаниях „*tör-, tēr-*“ (и „*čēr-*“), я не отличаю от *r* и *l* твердых *r* и *l* полумягкие (*r^(e)* и *l^(e)*), которые могли существовать в этих сочетаниях при известных фонетических условиях: может быть, например, *r* и *l* в „*tēr- (čēr-), tēl-*“ становились полумягкими под влиянием предшествующего *ě* в диалектах общеславянского языка.

Из сопоставления между собой всех отдельных славянских языков надо вывести то заключение, что еще в общеславянском языке образовались известные различия между диалектами по отношению к сочетаниям „*tör-, tēr- (čēr-), töl-, tēl-, čöl-*“ перед согласными. В некоторых диалектах общеславянского языка краткие гласные во всех этих сочетаниях удлиннились, причем *ö* обратилось в *ā*^o, откуда *ā*, *ě* в *ē*, которое распалось на *īē* тогда же, когда получилось общеславянское *īē* и из *ē* другого происхождения (из старого *ē* и из дифтонга *ōī*), а из удлинения *ō* получилось в результате частью *ē*, откуда *īē*, частью же *ā*, и это различие было, по-видимому, не только различием между самими диалектами, но вместе с тем и таким, которое зависело от какого-то различия в фонетических условиях. Диалектическое удлинение краткой гласной в общеславянских сочетаниях „*tör-, tēr- (čēr-), töl-, tēl-, čöl-*“ перед согласными вызывалось влиянием долгой плавной, полученной за гласною; подобным же образом в диалектах латышского языка сочетания „краткая гласная *ā* или *ě* + долгое *r*“ перед согласными изменились в сочетания „долгая гласная *ā* или *ē* + краткое *r*“, и, например, при *vārna* — „ворона“ одних диалектов мы находим в других диалектах *vārna*. Общеславянские диалектические сочетания „*tār-, tīēr- (čīēr-), tāl-, tīēl- и čāl-, при čīēl-*“, перед согласными перешли как в южнославянские языки, так и в чешский и словацкий языки, причем как в южнославянских языках, так и в чешском и словацком эти сочетания получили перестановку гласной и плавной, т. е. обратились в сочетания „*trā-, triē- (čriē-), tlā-, tlīē- и člā-, при člīē-*“, с их дальнейшими фонетическими изменениями в отдельных языках; в старославянском языке мы находим здесь сочетания „*trā-, trь- (чрь-), тла-, тль-*“ и „*чль-, при чла-*“.

В числе диалектов общеславянского языка, имевших удлинение гласной в положении перед плавной в рассматриваемых

нами сочетаниях, были и такие, в которых это удлинение появлялось лишь перед *r*, да и здесь, по-видимому, оно было ограничено действием каких-то фонетических условий, между тем как перед *l* в рассматриваемых нами сочетаниях те же диалекты имели всюду краткую гласную; сравните в диалектах латышского языка удлинение краткой гласной в положении именно перед „*r* + согласная“, а не перед „*l* + согласная“. Общеславянское диалектическое удлинение гласной в рассматриваемых нами сочетаниях в положении только перед *r*, да и здесь не всюду, перешло именно в полабский язык и в диалекты кашубского языка, причем в общеславянских сочетаниях „*tār*-“, „*tīer*-“ перед согласными здесь сохранился первоначальный порядок звуков, без перестановки; в полабском языке мы находим как общеславянское „*tār*-“ перед согласными, именно в виде полабского „*tor*-“ (полабское *o* из *ā*), а в одном слове почему-то в виде „*tar*-“, так, хотя и очень редко (только в двух словах), и общеславянское „*tīer*-“ перед согласными, именно в виде полабского „*t⁽ⁱ⁾or*-“ и „*te⁽ⁱ⁾r*-“ (где полабские ⁽ⁱ⁾*o* и *e⁽ⁱ⁾* из *īē*), а в диалектах кашубского языка сохранилось только общеславянское „*tār*-“ перед согласными, именно в кашубских „*tor*-“ и „*tar*-“ (кашубское *o* здесь из *ā*).

Общеславянские сочетания „*tör*-, *tēr*- (*čēr*-), *töl*-, *těl*-, *čöl*-“ перед согласными, сохранявшие в диалектах краткую гласную перед плавной, перешли в русский, польский и лужицкий языки, а также в значительной степени в полабский и кашубский языки, хотя, как я говорил, в полабском и в диалектах кашубского языка вместо общеславянского „*tör*-“ перед согласными является обыкновенно общеславянское „*tār*-“¹ (в других диалектах кашубского языка, может быть, под позднейшим влиянием польского языка господствует сочетание из общеславянского „*tör*-“ перед согласными), а при обыкновенном общеславянском

¹ Из полабского языка известно только одно слово с общеславянским „*tör*-“ перед согласной, именно *brüda* (полабская гласная, обозначаемая Шлейхером через *ü*, из *o*) — „подборода“; то же слово и из кашубского языка известно, по-видимому, только с общеславянским *ör*, именно как *broda* — „борода“ (о кашубском слове см. Гильфердинга, Остатки славян на южном берегу Балтийского моря, Этнографический сборник, V, стр. 85).

„*těr-*“ (и „*čěr-*“) перед согласными в некоторых случаях полабский язык получил и общеславянское „*tīēr-*“. Между русским языком и названными мной западнославянскими языками оказывается различие по отношению к истории в них рассматриваемых нами общеславянских сочетаний. Во всех этих западнославянских языках судьба общеславянских сочетаний „*tōr-, těr-, tōl-* и т. д.“ перед согласными была такая же, как и судьба общеславянских диалектических сочетаний „*tār-, tīēr-, tāl-* и т. д.“ перед согласными в южнославянских языках и в чешско-словацком, т. е. и здесь явилась перестановка гласной и плавной, и общеславянские сочетания „*tōr-, těr- (čěr-), tōl-, těl-, čöl-*“ перед согласными перешли в этих западнославянских языках в сочетания „*tro-, tre- (čre-), tlo-, tle-, člo-*“ (без варианта „*čle-*“), с их фонетическими изменениями, причем только относительно полабского „*tla-*“ из общеславянского „*těl-*“ перед согласными надо заметить, что полабское *a* указывает здесь, по-видимому, на известное изменение *e* еще до перестановки гласной и плавной. В русском языке история рассматриваемых нами общеславянских сочетаний представляет явления так называемого полногласия, а именно, мы находим здесь в этих сочетаниях новую гласную после плавной, *o* после плавной, полученной твердою, и *e* после плавной, полученной полумягкою. Плавная *r* в этих сочетаниях была получена прарусским языком твердою после *o* и полумягкою после *e*, т. е. из общеславянских „*tōr-, těr- (čěr-)*“ перед согласными здесь образовались „*toro-, tere- (čere-)*“, с их фонетическими изменениями; плавная *l* в рассматриваемых нами сочетаниях была получена прарусским языком твердою как после *o*, так по большей части и после *e* и *ö*, вследствие чего самое *e* перед твердым *l* еще ранее появления полногласия перешло в *o*, т. е. общеславянские сочетания „*tōl-*“ и „*těl-*“ перед согласными здесь по большей части совпали в „*tol-*“, из которого образовалось „*tolo-*“, с его фонетическими изменениями, а из общеславянского „*čöl-*“ перед согласными здесь получалось „*čöto-*“, откуда, по фонетическим условиям, и „*četo-*“ и „*čoto-*“, причем эти русские „*četo-*“ и „*čoto-*“ сами по себе не указывают непременно на общеславянское „*čöt-*“, но могли бы восходить также и к общеславянскому „*čěl-*“, с тем же *ě* (т. е. *ö*^е), какое существовало вообще после мягких согласных. В некоторых случаях мы

находим в русском языке „*tele-*“ и „*čele-*“ перед согласными из общеславянских „*těl-*“ и „*čöl-*“, причем для меня остаются неясными те фонетические условия, от которых зависело в этих случаях прарусское *l* полумягкое и потому *le*. Подобно тому как изменение общеславянских сочетаний „*tör-, tēr-, töl-* и т. д.“ перед согласными в диалектические „*tār-, tēr-* (откуда *tīer-*), *tal-* и т. д.“ аналогично, как мы видели, с подобным же явлением в диалектах латышского языка, так и с изменением общеславянских сочетаний „*tör-, tēr-, töl-* и т. д.“ перед согласными в русские „*toro-, tere-, tolo-* и т. д.“ сходно известное диалектическое явление в латышском языке, а именно: изменение сочетаний „*āŗ-, ēŗ-, āl-, ěl-, īŗ-, ūŗ-, īl-, ūl-*“ перед согласными в сочетания, определяемые Биленштейном¹, как „*ār_a-, ēr_a-, āl_a-, ěl_a-, īr_a-* и т. д.“ (например, *var_ana* из *varna* — „ворона“), где мы находим, следовательно, также полногласие в его зачатках.

Итак, история общеславянских сочетаний „*tör-, tēr- (čēr-), töl-, těl-, čöl-*“ перед согласными показывает, что еще в диалектах общеславянского языка эти сочетания получали удлинение гласной перед плавной, а что это удлинение происходило еще в общеславянском языке, об этом свидетельствует как появление из *ě* того *īe*, которое получалось из *ē* еще в общеславянском языке, так и появление *ā* (через посредство *ā^o*) из удлинения *ǫ*. Затем в отдельных славянских языках рассматриваемые нами сочетания почти всюду, как мы видели, подвергались изменению как сочетания, и только в полабском языке и в диалектах кашубского языка сохранилось общеславянское диалектическое „*tār-*“ перед согласными неизменным в качестве сочетания, а в полабском языке также и редкое „*tīer-*“ перед согласными. В большинстве отдельных славянских языков мы находим в рассматриваемых нами сочетаниях перестановку гласной и плавной, а в русском языке является здесь полногласие, т. е. вставляется после плавной новая гласная; в этих общеславянских сочетаниях было, следовательно, что-то, что отличало их как сочетания от других сочетаний звуков в языке и вызывало изменение в другие, привычные сочетания звуков. История этих сочетаний в русском языке позволяла бы предпо-

¹ Bielenstein, Die lettische Sprache, I, стр. 102.

ложить существование в них в общеславянском языке слоговых плавных, так как сочетания „*toro-, tere-, toto-*“ из „*tör-, tēr-, töl-*“ перед согласными могут указывать на „*tör-, tēr-, töl-*“, как на сочетания, промежуточные между теми и другими, а предполагая для общеславянского языка сочетания „*tör-, tēr- (čēr-), töl-, tēl-, čöl-*“ перед согласными и диалектические „*tār-, tiēr- (čīēr-), tāl-, tiēl-, čāl- и čīēl-*“, мы могли бы понять отсюда также и появление здесь в отдельных славянских языках перестановки гласной и плавной, причем плавная становилась неслоговою. Итак, мне кажется, можно предположить, что литовско-славянские сочетания „*tā^or-, tēr-, tā^ol-, tēl-*“ перед согласными в общеславянском языке обратились в сочетания „*tör-, tēr-, töl-, tēl-*“, откуда в одних диалектах „*tār-, tēr- (и далее tiēr-), tāl-, tēl- (и далее tiēl-)*“, а в других „*tör-, tēr- и т. д.*“. Изменению литовско-славянских *r* и *l* в этих сочетаниях в общеславянские *rr*, *ll* могло способствовать известное нам из общеславянского языка (засвидетельствованное, как мы увидим, историей согласных) стремление избегать закрытых слогов, т. е. слогов, оканчивавшихся на неслоговую согласную¹.

Относительно истории рассматриваемых нами сочетаний надо заметить еще, что в эпоху распада общеславянского языка эти сочетания в положении под ударением, как и сочетания „*-bŕ-, -žŕ-, -bŕ-, -žŕ-*“ (о которых я говорил уже), были двух видов или что самое ударение на таких сочетаниях было двух видов, как свидетельствует сопоставление между собой славянских языков, например: ударяемое *-ör-, -ār-* в **vornъ, *vārnъ*, откуда русское *вóрон*, сербское *vrān* (с долгим нисходящим ударением), отличалось от ударяемого *-ör-, -ār-* в **vornā, *vārnā*, откуда русское *ворóна*, сербское *vrāna* (с кратким нисходящим ударением). Впрочем, в тех диалектах общеславянского языка, где сочетания „*tör-, tēr-, töl-* и т. д.“ перед согласными обратились в „*tār-, tiēr-, tāl-* и т. д.“, различие в ударении этих

¹ Об этом же стремлении общеславянского языка упоминает и Бругман („Grundriss der vergleichenden Grammatik“, I, § 281) по поводу истории общеславянских сочетаний „*tör-, tēr-* и т. д.“ перед согласными, но при этом он предполагает невозможные для общеславянского языка, т. е. опровергаемые показаниями отдельных славянских языков, сочетания „*tŕrū-, tŕrē-, tŕlū-, tŕlē-*“.

сочетаний могло измениться в различие ударения самих долгих гласных. Два вида этих сочетаний под ударением или два вида ударения этих сочетаний произошли в общеславянском языке из двух видов долгой плавной, полученных в этих сочетаниях из литовско-славянского языка. Сравните два вида ударения на общеславянских долгих гласных, чистых и носовых, и на *īē* из *ē*.

Приведу теперь примеры рассматриваемых нами общеславянских сочетаний в старославянском языке, причем с старославянскими словами я сопоставлю соответственные слова в русском и польском языках; для общеславянских диалектических сочетаний „*tār-*“ и „*tīēr-*“ перед согласными я приведу также относящиеся сюда показания полабского языка¹, а для диалектических сочетаний „*čīel-*“ и „*čāl-*“ перед согласными я укажу и на факты сербского, словинского и чешского языков.

Примеры. *Старославянские сочетания „тра-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tār-“, при „tōr-“:* брада, русское *борода*, польское *broda* (сравните литовское *barzdà*, латинское *barba*, где второе *b* из индоевропейского *dh*); вранѣ и врана русские *ворон* и *ворона*, польское *wrona*, полабское *vornó* — „ворона“ (литовские *vārnas* и *vārna*²); врата, русское *ворота*, польское *wrota*, полабское *vórta* (родственно литовское *vártai*); врати, русское *воротить*, польское *wrócić* (литовское *vartýti* — „поворачивать“); градъ — „сад“, „город“, о-градъ — „сад“, русское *город*, о-город, польское *gród*, о-gród, полабское *gord*, *vā-gard*, *vā-górd* (литовское *gārdas* — „загородка для скота“); мразъ, русское *мороз*, польское *mróz*, полабское *morz*; страна, русское *сторона*, польское *strona*, полабское *stārna*.

Старославянские сочетания „трѣ-“ и „хрѣ-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tīēr-“ и „čīēr-“ (при „tēr-“ и „čēr-“): брѣмя, русское *беремя* (между тем как русское книжное *бремя* заимствовано из церковнославянского языка), польское *brzemie* (сравните общеславянское **ber-* в старославянском *веръ* и т. д.); дрѣво, русское *дерево*, польское *drzewo* (родственно литовское *dervà* — „сосновое дерево“); жрѣба — „детеныш“, русское *жеребя*, *жеребенок*, польское *żrebie* — „жеребенок“; мрѣти, русское *ме-*

¹ Относительно обозначения звуков полабского языка см. Шлейхера, *Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache*.

² Различаются по ударению: *vārnas* и *vārna*.

реть, польское *mrzeć*; *пръ-* (фонетически перед согласными), русское *пере-*, польское *prze-*, полабское *pe¹r-*¹ (тождественны литовское *per*, *per-*, латинское *per*); *прѣдъ* — „перед“, *прѣдъ*, русское *перед*, *перѣд* (русское *прежде* заимствовано), польские *przed* — „перед“, *przód* — „перѣд“, полабское *porz* — „прежде“ (при *pâréd* — „прежде“, из **pre¹d*, и при *prid* — „перед“); *срѣдъ* — „середина“ и „середа“, русское *середа*, *середина*, польское *śrzo²da* — „середа“, *śrzo²dek* — „середина“; *трѣти*, русское *тереть*, польское *trzeć* (сравните латинское *ter-* в *tero*); *чрѣво*, русское диалектическое *черево*, польское *trzewo*; *чрѣдъ* — „черѣд“, русское *череда*, *черѣд* (с одним из них тождественно прусское *kerdan*, в форме винительного единственного числа, — „время“); *чрѣдъ* — „стадо“, русское диалектическое *череда*, польское *trzoda* (сравните литовское *kėrdžius* — „пастух“).

Старославянские сочетания „*тлѣ-*“ *перед* согласными из общеславянских сочетаний „*tāl-*“, при „*tōl-*“: *власть*, русское *волос*, польское *włos*; *влауити*, русское *волочить*, польское *włóczyć* (сравните литовское *válkioti* — „волочить“); *глава*, русское *голова*, польское *głowa* (литовское *galvà*); *клати*, русское *колоть*, польское *kłóć*; *младъ*, русское *молод*, *молодой*, польское *młody* (прусское *mal²dai* — „молодые“); *плакати* — „полоскать“ и церковнославянское *пласкати*, русское *полокати* (древнерусское) и *полоска²ть*, польское *płókać*²; *сладъкъ*, русское диалектическое *солóдкий* (*слáдкий* заимствовано), польское *słodki* (общеславянское **soldъкъ* произведено от **soldъ*, с которым тождественно литовское *saldūs*); *хланъ*, русское *холоп*, польское *chłop*.

Старославянские сочетания „*тлѣ-*“ *перед* согласными из общеславянских сочетаний „*tīel-*“, при „*těl-*“: *ваѣкъ*, *ваѣшти*, русское *волоку*, *волочь*, польское *włokę*, *wleć* (с *ваѣкъ* тождественно литовское *velkū*); *маѣкъ*, русское *молоко*, польское *mleko*; *маѣти*, русское *молоть*, польское *mleć* (сравните *мслаѣ*); *пѣва* — „мякина“, русское диалектическое *полóва* (при диалектическом *пелёва*), польское *plewa* (прусское *pelwo*); *плѣнъ* — „военная добыча“, „*плен*“, русское *полóн* (*плен* заимствовано), польское *plon* — „добыча“ (литовское *pėlnas* — „заработок“, „заслуга“); *тлѣшти* — „тол-

¹ Шлейхер пишет *pör-* и *pür-*.

² А в *плакати* — „плакать“ является общеславянское **plāk-*, как показывает, между прочим, русское *плакать*, польское *plakać*.

кать“, русское *толочь* (сравните литовское *tėlkti* — „созывать на толоку“, а *толока* по-литовски *talkà*).

Старославянские сочетания „уль-“ и „ула-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „čīel-“ и „čāl-“, при „čöl-“: жальдъ, жалъсти и жладъ, жластн — „уплачивать“, из других славянских языков это слово не известно (вероятно, оно заимствовано было в общеславянском языке из языка германского: готское *gild* — „платить“, *fra-gildan, ver-gelten*); шальмъ (в „Словах“ Григория Богослова в русском списке, относимом к XI веку), русское *шелом*; церковнославянское ульнь и уланъ (последнее в памятниках сербской редакции), сербское члân, словинское člen и član, чешское člen и član, польское człon, członek (русское *член* заимствовано); церковнославянское жьлдица (в одном памятнике XVI века: облакы, воды, снѣгъ, жьлдица, маѣнна, громъ), польское żłód, żłódź — „дождь со снегом“, украинское ожеледь, ожеледиця; церковнославянское жьлзда, сербское жлијезда, словинское žleza, чешское žláza и žleza, русское *железа* (польское *żółża* из другого общеславянского слова). Сюда же принадлежит предполагаемое старославянское *жьльъ (при сербском *жлијеб*), словинское žlěb, чешское žlab и žleb, польское żłób, русское *жолоб* (из *жѣлоб*).

В одном сложном слове общеславянский язык имел сочетание „čöl-“, из „čel-“, перед согласной не из литовско-славянского сочетания „-el-“ между согласными, но нового происхождения, именно в слове *čölvīēķъ — „человек“; *l* было здесь с самого начала кратким, и потому гласная перед этим *l* осталась краткою и в тех диалектах общеславянского языка, где вообще краткая гласная перед плавной, полученной долгою, удлинялась, хотя и в этом слогѣ *l* перед согласной было, вероятно, слоговым, и потому в русском языке и здесь мы находим *ло* из этого *l*, а в прочих славянских языках, где общеславянские сочетания „слоговая гласная + *l*“ между согласными получали перестановку гласной и плавной, та же перестановка явилась и в слове *čölvīēķъ. Общеславянское *čölvīēķъ я вывожу из сопоставления русское *человек*, польское *człowiek*, верхнелужицкое *čtōvek*, нижнелужицкое *clōvek*, полабское *clavak*¹

¹ Полабское *clavak* или *člavak* (Шлейхер пишет *clāvak*) важно в том отношении, что оно своим „*la*“ свидетельствует против общеславянского „*lo*“,

с старославянским *чловѣкъ*, словинское *človek*, чешское *člověk*, где, следовательно, *člo-*, *чло-*, из *čol-* через посредство *čol-*. То же слово существовало в общеславянском языке и в другом виде, именно как **čolъiĕkъ*: отсюда русское диалектическое *челъэкъ* и *челъкъ*, болгарское *чолѣкъ*, *челѣкъ*, сербское диалектическое *чоек*, а также, вероятно, и сербское *човјек*, ниже-лужицкое диалектическое *stojek*, польское диалектическое *człek* (непосредственно из **człoek*). Существование в общеславянском языке **čolъiĕkъ*, при **čolъiĕkъ*, позволяет думать, что **čolъiĕkъ* образовалось или из **čolъiĕkъ*, или же, что мне кажется более вероятным, из **čolъvĕkъ*, которое в свою очередь из **čolъiĕkъ*. Что же касается **čolъiĕkъ*, то оно указывает на более древнее **čelъĕkъ*, **čelъiĕkъ*, где *ъ* изменилось в *ъ* в положении перед ударяемым *ĕ*, *iĕ*. Слово **čelъĕkъ*, **čelъiĕkъ* было, вероятно, сложным по происхождению; первую часть, **čelъ-*, можно сопоставить с тем **čel-*, которое является в церковнославянском *челѣдь* — „familia“, русское *челѣдь*, а происхождение второй части, **ĕkъ* (*ĕ* из старого *ĕ* или из дифтонга?), остается мне неизвестным; замечу только, что в начале этой второй части произошла, может быть, фонетическая утрата звука *i*, так как из *ĭ* в старом положении перед гласною надо бы ждать в общеславянском языке *ъ*, а не *ъ*.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЛОЖЕНИЯ В КОНЕЧНОМ СЛОГЕ

Изменение общеславянского *ǫ* в *ѣ* в конечном закрытом слогѣ

В эпоху, когда в общеславянском языке еще допускались согласные в конце слов, а именно тогда, когда в первоначальном конце слов еще существовали длительные согласные (конечные мгновенные отпали ранее), гласная *ǫ* в конечном закрытом слогѣ, т. е. перед конечными согласными, изменилась в *ѣ*, откуда *ъ*, старославянское *ъ*. С этим фонетическим явлением

так как из общеславянского „*lo*“ получилось бы полабское „*lŭ*“, между тем как происхождение этого „*la*“ из *-ol-* между согласными однородно с происхождением полабского „*la*“ из *-el-* между согласными.

общеславянского языка сравните подобное же явление в латинском языке, где также *ō* в конечном закрытом слоге изменилось с течением времени в *ū*, сперва в положении не после *и* и *ц* (*υ*), а затем и в таком положении, например *filius* из древнелатинского *filios*, *genus* из *genos* (греческое γένος), *jugum* из *jugom* (ζυγόν), а позже, например, и *vivus* из *vivos*.

Старославянское *ъ* из общеславянского *ъ* указанного происхождения является, например, в окончании именительного и винительного падежей единственного числа от основ мужского рода на индоевропейское *ǵʰ* в положении после немягких звуков, например в старославянских формах *влькъ* (*влькъ*), *рѣъ*, *живъ*, *тъ*. В именительном падеже общеславянский язык имел здесь некогда окончание *-ǵs*, откуда *-ǵs*, *-ъ(s)*, из индоевропейского *-ǵʰs*; сравните греческое *-ος*, например, в *λόκος* (= *влькъ*), латинское *-os*, *-us*, например, в *vivos*, *vivus* (= *живъ*), литовское *-as*, например, в *vilkas* (= *влькъ*), *gyvas* (= *живъ*), *tas* — „этот“ (= *тъ*). В старославянских формах винительного падежа *влькъ* (*влькъ*), *рѣъ*, *живъ*, *тъ* общеславянское *ъ* в окончании получилось из *-ǵn*, *-ǵn*, *-ǵ*, а *-ǵn* из индоевропейского *-ǵʰm*; сравните греческое *-ου*, например, в *λόκου*, *τόν*, латинское *-om*, *-um*, например, в *vivom*, *istum*, литовское *-ą*, например, в *tą* (= *тъ*).

В именительном-винительном единственного числа среднего рода имен (не местоимений) с основами на индоевропейское *ǵʰ* в положении после немягких звуков общеславянский язык должен был получить фонетическим путем также форму на *-ъ*, из *-ǵn*, *-ǵn*, *-ǵ*, так как в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на *-ǵʰm*, откуда греческое *-ου*, например, в *ζυγόν*, латинское *-om*, *-um*, например, в *jugum*. Общеславянский язык не сохранил здесь, однако, формы на *-ъ*, и причина этого заключалась в том, что эта форма совпадала с формой на *-ъ* в именительном и винительном имен мужского рода, между тем как в местоимениях соответственные формы среднего и мужского рода продолжали различаться; под влиянием аналогии со стороны местоимений имена с основами на индоевропейское *ǵʰ* в именительном-винительном единственного числа среднего рода заменили в общеславянском языке форму на *-ъ* формой на *-ǵ*, т. е., например, вместо **lietъ* — „лето“, **živъ* — „живо“ явились формы **lieto*, **živo*, старославянские *лѣто*, *живо*, по аналогии с

*to, то, при *tъ, тъ, сперва, может быть, в именах прилагательных, а затем и в существительных. Что же касается общеславянского -ō в *to, то оно получилось фонетически из индоевропейского -ā^od (падежный суффикс здесь d), откуда латинское -od, -ud, например, в *quod, istud*; конечное d, как и всякая конечная мгновенная согласная, не существовало уже в общеславянском языке в ту эпоху, когда здесь действовал фонетический закон относительно изменения ō в ѱ в конечном закрытом слоге слов. Подобно общеславянскому -ō в старославянских лѣто, живѣ произошло и общеславянское -ō в старославянском небо (родительный небесе), т. е. в именительном-винительном единственного числа имен среднего рода с основами на индоевропейское -ā^os, чередовавшееся с -ā^es; именительный-винительный единственного числа этих имен оканчивался в индоевропейском языке на -ā^os, откуда греческое -ος в γένος, γένος, латинское -os, -us в *genus*, а в общеславянском языке из конечного -ōs должно было получиться -ŭs, ѱ, но в то время, когда форма *lĕtъ, *živъ заменялась формой *lĕto, *živo (под влиянием *to), и форма *nebъ стала заменяться формой *nebo, под влиянием аналогии со стороны *lĕto, *živo вместо *lĕtъ, *živъ.

Старославянское ѱ из того общеславянского ѱ, которое получилось из ō в конечном закрытом слоге слов, является также в окончании формы 1-го лица единственного числа прошедших времен, например в формах аориста ндѣ, нтѣ, нсѣхъ или в имперфекте нсѣхъ, нсѣхъ. Общеславянское ѱ в таких образованиях, как старославянское ндѣ, произошло из того -ōn, -ŭn, ѱ, которое было получено из индоевропейского -ā^om в окончании 1-го лица единственного числа прошедших времен тематического спряжения (личный суффикс -m); сравните греческое -ου в таких формах 1-го лица, как ἔφερον, ἔλπον. То же окончание формы 1-го лица единственного числа было перенесено в общеславянском языке и в сигматический аорист (полученный с основою нетематического спряжения), а потому и в славянский имперфект, между тем как из индоевропейского языка было получено здесь в окончании формы индоевропейское -ant, откуда греческое -α, например, в ἔλαα.

В старославянском -мъ в окончании 1-го лица множественного числа, например в несемъ, несомъ, общеславянское ѱ образова-

лось из $-ōs$, $-ūs$, которое произошло из индоевропейского $-ā^o s$ в личном суффиксе $-mā^o s$; сравните латинское $-tus$ из $-mos$, например, в *vehimus*.— Такое же фонетическое происхождение имело общеславянское $ъ$ и в старославянском $-mъ$ в окончании дательного падежа множественного числа, например в формах *равомъ, жнамъ, тъмъ, намъ*; общеславянское $-mъ$ получилось здесь из $-mōs$, $-mūs$, с которым я сопоставляю прусское $-mas$ в окончании дательного падежа множественного числа личных слов (при падежном суффиксе $-mans$ в дательном множественного числа других слов, частью и в личных словах).

В положении после мягких неслоговых звуков общеславянское $й$ изменилось, как мы знаем, в $ї$, $ь$; это изменение происходило в общеславянском языке в то время, когда из $ō$ в конечном закрытом слоге здесь уже получилось $й$, а потому и из этого $й$ после мягких неслоговых звуков мы находим в общеславянском языке $ї$, $ь$. Такого происхождения старославянское $ь$, а из jb — $и$, является в именительном и винительном падежах единственного числа на $-ь$ и $-и$ имен мужеского рода классов „*кѡнѣ*“, „*кран*“ с основами на индоевропейское $-jā^o$, а также, может быть, и в тех именах класса „*кѡнѣ*“, которые имели основы на индоевропейские основы на $-īā^o$ и $-iā^o$, хотя, как я объяснял уже, индоевропейские основы на $-īā^o$ и $-iā^o$ не могут быть отличаемы в славянских формах на $-ь$ от индоевропейских основ на $-īā^e$ и $-iā^e$.

Общеславянское $-ōns$ в конце слов изменилось в $-ūs$ (когда $ō$ в конечном закрытом слоге переходило в $й$), а $-ūs$, как мы знаем, обращалось после твердых согласных в $ūs$, $-ūs$, $-у$, старославянское $ы$, а после мягких согласных в $-ūs$, $-ōs$, $-ēs$, $-īē$, старославянское $а$ ($ѡ$). Примеры старославянских конечных $ы$ и $а$ ($ѡ$), получившихся таким путем из конечного $-ōns$, я уже приводил; таковы, например, $ы$ и $а$ ($ѡ$) в формах винительного падежа *ракы, кѡба* или в причастиях *несы, дѡлаа*.

Изменение общеславянского $ō^u$ в конечном закрытом слоге в $и$ (?)

Одновременно с изменением общеславянского $ō$ в $й$ в конечном закрытом слоге происходило, может быть, и изменение общеславянского $ō^u$ (из литовско-славянского o , индоевропей-

ского $\bar{a}^o$, с известным качеством литовско-славянской долготы) в $\bar{i}$ при том же положении, и притом тогда, когда $\bar{o}^u$ еще не обратилось в $\bar{o}i$, откуда $\bar{i}$. Случай этого рода можно предполагать в окончании формы родительного падежа множественного числа, где, как мы видели, общеславянское $-ъ$, старославянское $-ъ$ (например, в родительном $рѣкъ$, $сынѣкъ$, $тѣхъ$), образовалось из $-\bar{o}^un$. Возможно, однако, как я заметил уже, понять происхождение общеславянского конечного $\bar{i}$, откуда $ъ$, из $\bar{o}^un$ и без посредства изменения этого $\bar{o}^un$ в $\bar{i}n$, так как $\bar{o}^u$ должно было сократиться в конечной носовой гласной, а из сокращения $\bar{o}^u$ мы можем ждать $\bar{i}$, $ъ$, т. е. из конечного $\bar{o}^un$ мы можем ждать $\bar{i}$ и далее $ъ$ ¹.

Изменение общеславянского конечного $\bar{e}^i$, из старых $\bar{e}$ и $\bar{o}i$, с известным качеством долготы, в $\bar{i}$

В известную эпоху жизни общеславянского языка, когда старые $\bar{e}$ и $\bar{o}i$ совпали в одном звуке $\bar{e}^i$, но прежде чем $\bar{e}^i$ распалось на $\bar{i}\bar{e}$, эта гласная при одном из двух видов долготы переходила в конце слов в $\bar{i}$, откуда старославянское $и$, между тем как конечное $\bar{e}^i$ с другой долготой сохранялось как $\bar{e}^i$, а затем, как и всякое $\bar{e}^i$, распадалось на $\bar{i}\bar{e}$, откуда старославянское $ѣ$. В литовском языке, в соответствии с общеславянским конечным $\bar{i}$ такого происхождения, мы находим ai и те $\bar{e}$ (т. е. $\bar{i}\bar{e}$, получавшееся здесь, между прочим, из ai) и $\bar{e}$ (т. е. $\bar{e}^i$ из $\bar{e}$), которые оставались без сокращения в пралитовском языке, а общеславянскому конечному $\bar{i}\bar{e}$ в литовском языке соответствуют, при положении в конце слов, кроме $\bar{e}$, т. е. $\bar{i}\bar{e}$, из ai

¹ Из славянского окончания родительного падежа множественного числа видно, что старославянское $ъ$ в именительном единственного числа таких имен мужского рода, как $вѣмѣ$ (с основами на индоевропейское $-n$), не может быть объясняемо из литовско-славянского $-\bar{o}n$, индоевропейского $-\bar{a}^on$, т. е. не может быть соотносимо с греческим $-ων$, например, в $\acute{\alpha}\chi\rho\omega\nu$. Общеславянское $у$ в $*k\bar{a}m\bar{u}$ не получилось ли из $-\bar{u}ns$, где $к$ $-\bar{o}^un$ в старом окончании формы присоединен суффикс $-s$ под влиянием именительного единственного числа в прочих именах мужского рода в общеславянском языке? Диалектическая сербская и кашубская форма $кам$, kam не восходит ли к общеславянской форме $*k\bar{a}m\bar{z}$, где $з$ фонетически из $\bar{o}^un$?

(фонетически в словах односложных под ударением), те *i* и *e*, которые еще в пралитовском языке сократились из пралитовских *iē* (в словах неодносложных) и *ē* с известным качеством долготы; в греческом языке тому общеславянскому конечному *ī*, которое образовалось из общеславянского *ōī* (через посредство *ē*¹ с известным видом долготы), соответствуют *οι* и *αι* с кратким *i* в первоначальном конце слова (из индоевропейского краткого *i*), а общеславянскому конечному *iē* из общеславянского дифтонга *ōī* (через посредство *ē*¹) соответствует в греческом языке *οι* (и *αι*, хотя достоверные примеры для *αι* здесь не известны) с *i* некротким в первоначальном конце слова (из индоевропейского *i* некроткого).

Примеры. Старославянское *и* из того общеславянского конечного *ī*, которое получилось через посредство *ē*¹ из литовско-славянского *ē* с известным качеством литовско-славянской долготы (с „прерывистою“ долготой): *мати*, *дъшти* (русские *мать*, *дочь*, диалектическое *дочѹ*), тождественны литовские *mótė* (с новым значением „женщина, жена“), *duktė*¹. В индоевропейском языке именительный единственного числа этих имен оканчивался в полном виде на *-ā^{er}*, откуда греческое *-ηρ* в *μητήρ* (дорическое *ματήρ*), *θυγάτηρ*, латинское *-ēr*, с фонетическим сокращением из конечного *-ēr*, в *mater*, но при этом в индоевропейском языке существовало здесь, по-видимому, и *-ā^e* из *-ā^{er}*, т. е. с утратою конечного *r* при известных фонетических условиях в сочетании слов, и литовские *mótė*, *duktė* восходят, как кажется, к индоевропейским образованиям на *-ā^e*, между тем как славянские *мати*, *дъшти* сами по себе допускают объяснение как из индоевропейской формы на *-ā^e*, так и из индоевропейской формы на *-ā^{er}*.

Старославянское *и* из того общеславянского конечного *ī*, которое получилось через посредство *ē*¹ из общеславянского *ōī* с старым *i* кратким: *-и* в окончании 2-го и 3-го лица единственного числа славянской повелительной формы, из индоевропейского желательного наклонения, в глаголах тематического спряжения, например в *бери*, *вези* (русские *бери*, *вези*), сравните *-ъ-* в неконечном слове в формах не единственного

¹ Ударение „восходящее“.

числа, например в *веръте, възъте*; того же происхождения литовское *-ѣ* в окончании 3-го лица единственного числа литовского пермиссива, например в *te-vežė*— „пусть он везет“, и греческое *-οι-* в желательном наклонении, например в *φέροις, φέροι* в последней форме *-οι* из *-οιτ*, т. е. *οι* здесь не в первоначальном конце слова).— Старославянское *-и* в окончании именительного падежа множественного числа от основ мужеского рода на индоевропейское *ǵʰ* в положении не после *ī, i, j*, например в *равн, вльци* (вльци), *ти*; тождественно литовское *-ai* в именах существительных, например в *vilkaĩ*— „волки“¹, греческое *-οι* с *i* кратким в именах и местоимениях, например в *λόχοι, οἴχοι, τοί* (сюда же принадлежит латинское *ei* [из *oi* в конечном слоге], *-ī*, например, в именительном *equī*). Что касается старославянского *-и* в именительном падеже множественного числа от основ мужеского рода на индоевропейские *-ǵʰ, -ǵʰ, -ǵʰ*, например в *кони, краи* (из *кряи*), *и-же*, то здесь общеславянский язык имел то *ī*, которое образовалось из *ǵʰi*, где *ǵʰ* из *ǵʰ* в положении после мягкого неслогового звука.— Старославянское *-и* в окончании энклитических форм дательного падежа *ми, ти, си* тождественно с греческим *-οι*, имевшим краткое *i*, в *μοι* (и *ἐμοι*), *τοι*, а также и в *σοι* из *τιοι*, между тем как греческое *οἱ*, родственное с *си*, отличалось от последнего тем, что было получено с *i* не кратким².— Старославянское *-и* в окончании дательного падежа единственного числа имен с основами на индоевропейское *ǵʰ*,

¹ В литовском именительном множественного числа местоимений мужеского рода с основами на индоевропейское *ǵʰ* литовско-латышский „пре-рывистый“ дифтонг *ai* (т. е. с старым кратким *i*) изменился в литовско-латышском языке при положении в односложном слове (а по аналогии односложных местоимений и в других местоимениях) в „длительный“ дифтонг *ai* (т. е. с *i* не кратким), а длительное *ai* в конце слов изменялось в длительное *iē*, которое в пралитовском языке в конце слов неодносложных (и в односложных без ударения) сокращалось в *i*. Поэтому в литовском языке мы находим в местоимениях, например, *tē* („эти“, а также, например *kokė*— „какие“, по аналогии односложных местоимений), но в именах прилагательных, следующих здесь аналогии местоименного склонения, например *geri*— „хорошие“, при определенной форме *gerė-ji*.

² Литовские энклитические *mi, ti* (в старых текстах), *si* с значением не только дательного, но и винительного падежа имеют *i* по правилу, указанному в предшествующем примечании.

например в *сынѣхъ*; индоевропейский язык имел здесь $-ā^3i$, составлявшее суффикс дательного единственного числа, в греческом языке отсюда $αι$ с i кратким в таких образованиях инфинитива (из дательного падежа отглагольного существительного), как *δοῦναι*, *δύναι* (из *δοῦναι*), *λῆσαι*.

Сопоставим теперь с этими случаями те, в которых мы находим старославянское конечное $ѣ$ из общеславянского конечного $iē$.

Старославянское $ѣ$ из того общеславянского конечного $iē$, которое получилось, через посредство e^i с известным видом долготы, из литовско-славянского $ē$ с „длительною“ долготой: *вѣ*—„мы оба“, тождественно литовское *ve* в *vė-du*—„мы оба“ (*du*—„два“), где $ē$ образовалось в пралитовском языке из конечного e с „длительною“ долготой.—Старославянское $ѣ$ в окончании глагольных форм 2-го и 3-го лиц единственного числа прошедшего времени от основ на литовско-славянское $ē$, например в имперфекте *вѣ*, в аористе *видѣ*, *сѣдѣ*, где в конце отпали первоначальные *ss* и *st*; сравните в литовском языке e с „нисходящим“ ударением, указывающим на старую „длительную“ долготу, в таких глаголах на *-ėti*, как например *sėdėti*—*сѣдѣти* („сидеть“), *budėti*—*бѣдѣти*.— Сюда же принадлежит старославянское конечное $ѣ$ в *вѣдѣ*—„я знаю“ и в формах дательного падежа *тебѣ*, *себѣ*, а также, вероятно, и в дательном *мнѣ*; о происхождении здесь общеславянского $iē$ я говорю далее.

Старославянское $ѣ$ из того общеславянского конечного $iē$, которое получилось, через посредство e^i с известным видом долготы, из дифтонга $ōi$ с старым i некротким: $ѣ$ в окончании местного падежа единственного числа имен с основами на индоевропейское $ā^o$ в положении не после первоначальных i , i , j , например в формах *рѣкѣ*, *вльцѣ* (*вльцѣ*), русские (в) *месте*, (в) *волке* (к здесь вместо древнего *ц*, под влиянием аналогии других падежных форм этого имени); тождественно греческое $-οι$ с i некротким в первоначальном конце слова в таких образованиях, как *οἶχοι*—„дома“, т. е. различие между *οἶχοι* и *οἷχοι* связано по происхождению с различием в старославянском языке между *рѣки* и *рѣкъ*; сравните также греческое $-ει$ из индоевропейского $-ā^o i$ (при $-ā^o i$) в диалектическом *οἶχει*—„дома“ (тожде-

ственно латинское *-ei*, *-ī* из общелатинского *-ei*, как свидетельствует язык осков, в таких образованиях, как *domī* — „дома“, *bellī* — „на войне“). — Старославянское *ъ* в окончании именительного-винительного падежа двойственного числа от основ женского рода на индоевропейское *ā^a* (чередовавшееся с *ā^a*) в положении не после первоначальных *ī*, *ī*, *j*, например в формах *ръвъ*, *ръѣвъ*, *тъ* (женского рода); тождественны литовские *-ė* и *-ī* в *tė-dvi* — „эти обе“ (*dvi* — „две“), *gerėji-dvi* — „обе хорошие“, *ranki* — „обе руки“; в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на *-ā^aī* с *ī* некратким, как свидетельствуют славянские языки вместе с литовским, и с краткою слоговою гласной, т. е. с *ā^a* (окончание основы), как показывает древнеиндийский язык. — Старославянское *ъ* в окончании именительного-винительного падежа двойственного числа от основ среднего рода на индоевропейское *ā^o* в положении не после первоначальных *ī*, *ī*, *j*, например в формах *лътъ*, *тъ* (среднего рода); в индоевропейском языке эта форма оканчивалась на *-ā^oī* (отсюда и древнеиндийская форма) с *ī* некратким, так как суффиксом именительного-винительного двойственного числа среднего рода было в индоевропейском языке *ī*, как показывает древнеиндийский язык.

Что касается *ъ* в окончании местного падежа единственного числа имен женского рода с основами на индоевропейское *ā^a* в положении не после первоначальных *ī*, *ī*, *j*, например в формах местного падежа *ръвъ*, *ръѣвъ*, русские *(в) рыбе*, *(в) руке*, то во всяком случае *ъ* образовалось здесь из того общеславянского конечного *īē*, которое получилось (через посредство *eⁱ*) из дифтонга *ōī* с старым *ī* некратким (как свидетельствует и место ударения в этой форме в некоторых именах), но как именно произошло здесь *-ōī*, остается неизвестным в точности; может быть, это *-ōī* восходит к индоевропейскому *-ā^aī* или *-ā^aī* с *ī* некратким (и с *ā^a* или *ā^a* в окончании основы), но возможно и то, что эта славянская форма образована по аналогии местного падежа единственного числа имен с основами на индоевропейское *ā^o* (например, *равъ*), как позволяет думать именно то обстоятельство, что индо-иранские языки вместе с балтийскими языками указывают на другое образование индоевропейской формы местного падежа единственного числа имен с основами

на $\bar{a}^1$. С славянскими формами местного падежа *рыбѣ*, *ръцѣ* в латинском языке однородны такие образования на *-ai*, *-ae*, как *Romai*, *Romae* — „в Риме“, причем и здесь, следовательно, можно видеть новообразования (существовавшие еще в общеталийском языке, как свидетельствует сопоставление латинского языка с осским). В греческом языке такие формы, как например *θηραι* в *θηραιγενής*, образованы, по-видимому, по аналогии, например, с *Πολι* в *Πολιγενής*; что же касается греческого *χαμαι*, в котором лингвисты видели прежде индоевропейское образование местного падежа единственного числа от основы на $\bar{a}^a$ (чередовавшееся с $\bar{a}^a$), то против такого объяснения свидетельствует, между прочим, краткое *i* в конечном *ai* в *χαμαι*, и правильное, кажется, мнение тех лингвистов, которые видят в *χαμαι* индоевропейское образование дательного падежа единственного числа от основы на согласную.

Особо надо заметить общеславянское конечное $\bar{e}$, старославянское $\bar{ь}$, в дательном падеже единственного числа имен с основами на индоевропейское $\bar{a}^a$ в положении не после первоначальных *ĩ*, *i*, *j*, например в старославянских формах дательного *рыбѣ*, *ръцѣ*, русские *рыбе*, *руке* (*руке* вместо древнего *руце*, под влиянием аналогии других падежных форм этого имени). Общеславянский язык получил здесь из литовско-славянского языка дифтонг $\bar{a}^e i$, с которым сравните греческое $\bar{\alpha}\epsilon$, η (с диалектическим η), например в *χωρά*, *τιμή*; в этом литовско-славянском $\bar{a}^o i$ было кратким (как свидетельствует и место ударения в этой форме в некоторых именах), но в общеславянском языке дифтонг $\bar{a}^o i$ с кратким *i* изменился в $\bar{o} i$ с *i* некротким, т. е. вместе с сокращением слоговой части дифтонга здесь происходило удлинение его неслоговой части, а из $\bar{o} i$ с *i* некротким получалось, как мы знаем, то общеславянское e^1 , которое выпадалось на $\bar{e}$ ($\bar{ь}$) и при положении в конце слова.

¹ Несомненное новообразование имел общеславянский язык в местном падеже единственного числа местоимений женского рода, например в старославянских формах местного падежа *тои*, *ни* (русские (в) *той*, (в) *ней*); старославянское *-и* здесь из общеславянского *ji*, которое получилось из *-jei*, где *ei* из *oi* после мягкой согласной, между тем как в индоевропейском языке здесь во всяком случае не существовала форма на $\bar{a}^1 i$ или $\bar{a}^2 i$.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ В СОЧЕТАНИЯХ „ГЛАСНАЯ + СОГЛАСНАЯ“ В КОНЦЕ СЛОВ

Общеславянские гласные из индоевропейских сочетаний αm и αn в первоначальном открытом конце слов

Параллельно с переходом индоевропейских сочетаний „ α + слоговая носовая согласная“ перед согласными в общеславянские сочетания „ $\bar{b}$ + слоговая носовая согласная“ с их дальнейшими фонетическими изменениями (о которых я говорил уже) мы находим в общеславянском языке $\bar{e}$, старославянское $\bar{e}$, из индоевропейских сочетаний „ α + краткая слоговая носовая согласная“ в первоначальном открытом конце слов. Старославянское $\bar{e}$ такого происхождения является, например, в окончании винительного падежа единственного числа от основ на согласную в этой форме, например в таких образованиях, как снѣмъ дѣштеръ, матерѣ уадолюбѣ, свекръѣѣ своѣмъ (параллельные формы винительного падежа матерѣ , свекръѣѣ представляют новообразования по аналогии имен с основами на $\bar{b}$ из первоначального $\bar{i}$); в индоевропейском языке винительный единственного числа имен с основами на неслоговой звук в этой форме оканчивался на $-\alpha m$, откуда греческое $-\alpha$, например, в пѣда , ѣпа , латинское $-\text{et}$, например, в pedem , vocem .

С образованием общеславянского конечного $\bar{e}$ из индоевропейского сочетания „ α + краткая слоговая носовая“ в открытом конце слов аналогично образование общеславянского конечного $\bar{e}$, $\bar{i}\bar{e}$, откуда старославянское $\bar{z}$, из индоевропейского сочетания „ α + долгая слоговая носовая согласная“ в открытом конце слов. Старославянское $\bar{z}$ такого происхождения я вижу в конечном $\bar{z}$ в глагольной форме вѣдъ — „я знаю“ и в формах дательного падежа тебѣ , себѣ , русские *тебе*, *себе*, равно как то же предполагаю я и относительно $\bar{z}$ в дательном мнѣ , русское *мне*. С вѣдъ сравните греческое oīda (и древнеиндийское *veda* — „я знаю“); по происхождению это форма индоевропейского перфекта (т. е. настоящего совершенного), получившая в этом глаголе значение настоящего несовершенного (т. е. так называемого в грамматике „настоящего“ времени), вследствие чего она могла сохраниться в этом глаголе и в общеславянском

языке, хотя общеславянский язык утратил вообще формы индоевропейского перфекта. В латинском языке с старославянским конечным ѣ в вѣдь и с греческим α в οἶδα, λέλειπα родственно ī, из ei, например, в *vidī, fecī*. Старославянское ѣ, латинское ei, ī, греческое ᾱ (и древнеиндийское ā) в окончании этой формы могут быть связаны между собою, как мне кажется, только при том предположении, что в индоевропейском языке здесь существовало окончание формы -ᾱn, родственное с окончанием 1-го лица единственного числа настоящего несовершенного на -ān в глаголах тематического спряжения (в состав ā° здесь вошла конечная гласная основы); т. е. как общеславянское e, īe, старославянское ѣ, так и латинское ei, ī я выводил бы из индоевропейского конечного ᾱn, между тем как относительно греческого ᾱ (и древнеиндийского ā) я затрудняюсь определить, произошло ли оно также фонетическим путем из индоевропейского конечного ᾱn, или же при ᾱn существовало здесь в индоевропейском языке и ᾱn. С отношением старославянского конечного ѣ в вѣдь к латинскому ī, например, в *fecī, vidī*, тождественно отношение старославянского ѣ в дательных тебѣ, себѣ к латинскому ei, i в *tibei, tibi, sibeī, sibi*, где, как показывает язык осков, еще в общеталийском языке существовало ei; следовательно, и в латинских *vidī, fecī* (написание ei в этой форме известно только из таких надписей, где ei может обозначать и долгое i) конечное ī из того ei, которое восходит к общеталийскому ei. Затем, как в соответствии с старославянским конечным ѣ в вѣдь, латинским ei, ī в *fecī, vidī* древнеиндийский язык представляет -ā, так и в форме дательного падежа, соответствующей славянскому тебѣ, латинскому *tibei, tibi*, ведийское наречие древнеиндийского языка имело в окончании, между прочим, ā, именно в суффиксе -bhīā (при -bhīām); в латинском -bei, -bi в *tibei, sibeī* исчезло, по-видимому, перед ei индоевропейское i или j еще в общеталийском языке, а также и в славянском -къ в тебѣ, себѣ можно предполагать утрату того же звука, происшедшую, вероятно, еще тогда, когда индоевропейское ᾱ в этих словах было в литовско-славянском языке неслоговою иррациональною гласной. С латинским -bei, -bi в *tibi, sibi* тождественно, я думаю, и латинское -bei, -bi в *no-bis, vobis*, где к старой форме на италийское -bei присоединено

еще *s* в качестве окончания множественного числа; в древнеиндийском языке мы находим в дательном падеже множественного числа личных слов тот же падежный суффикс, который употреблялся и в единственном числе второго личного слова, т. е. суффикс *-bhīām*, а в ведийском наречии и *-bhīā* (на *-bhīā* указывает здесь в некоторых местах метр, хотя в дошедшем до нас тексте всюду стоит в этой форме *-bhīām*). Отношение латинского *-bei*, *-bi* в *tibi*, *sibi*, *nobis*, *vobis* к древнеиндийскому *-bhīā*, при *-bhīām*, однородно с отношением латинского *-hei*, *-hi* в *mihi* к древнеиндийскому *-hīā*, при *-hīām*¹, в окончании дательного падежа единственного числа первого личного слова (на ведийское *-hīā* указывает в некоторых местах метр); в индоевропейском языке падежный суффикс этой формы начинался, я думаю, с придыхания, и латинское *h* в *mihi* я вывожу из индоевропейского *hi* или *hj* (в древнеиндийском языке отсюда *hi*)². Славянская форма дательного падежа *мѣнѣ* представляет в основе новообразование (сравните *мѣномъ*), но конечное *ѣ* может иметь здесь такое же происхождение, как и в формах дательного падежа *тебѣ*, *себѣ*.

По поводу славянских форм дательного падежа *тебѣ*, *себѣ* надо заметить, что соответственные формы существовали и в прусском языке, а именно мы находим здесь формы, которые писались *tebbe* и *tebbei* — „тебе“ и *sebbei* — „себе“; подобным же образом и в соответствии с славянской формой дательного падежа *мѣнѣ* в прусском тексте мы находим *tennei*, откуда следует, что новообразование в основе этой формы явилось еще в литовско-славянском языке, хотя по отношению к гласной основы прусская и славянская формы не тождественны (прусское *e* из *ā*^e, а славянское *ѣ* из *ǣ*). Окончание этих прусских

¹ Древнеиндийская звонкая согласная, обозначенная мной через *h*, обыкновенно передается в латинской транскрипции буквой *h*; природа этой согласной не известна нам (я произношу *γ*), во всяком случае эта древнеиндийская согласная должна быть отличаема от латинского *h*, т. е. от придыхания (незвонкого).

² В греческом языке тот же индоевропейский суффикс является, по-видимому, в формах дательного падежа *ἐμίν*, *τείν* и *σίν*, *ἐν*, а также в *ἡμίν*, *σμίν*, хотя в фонетическом отношении история этих форм остается не вполне ясной (из индоевропейского *ia* греческое *i*).

форм, переданное в тексте через *ei* и *e*, было так же, как, например, и в прусской глагольной форме *be*, *bēi* — „он был“, родственной с старославянской формой *ѣ* (в 3-м лице); позволительно думать поэтому, что индоевропейское сочетание „*ǵ* + долгая слоговая носовая согласная“ в открытом конце слов еще в литовско-славянском языке перешло в *e*. В таком случае можно ждать, что и общеславянское *ě* из индоевропейского „*ǵ* + краткая слоговая носовая согласная“ в открытом конце слов восходит к литовско-славянскому *ẽ*, а из сопоставления общеславянской частицы **že* (*ž* из *g*), откуда старославянское *же*, русское *же*, с литовской частицей *gi* (например, в литовском *nei-gi*, соответствующем старославянскому *ин-же*) можно было бы вывести заключение, что общеславянское конечное *ě* из индоевропейского конечного „*ǵ* + краткая слоговая носовая согласная“ образовалось из литовско-славянского *ẽ*¹, т. е. из *ẽ* закрытого, которое в балтийских языках перешло в *i*¹.

Общеславянским *ě* и *ē*, откуда *iē*, в первоначальном открытом конце слов из индоевропейских сочетаний „*ǵ* + слоговая носовая согласная (краткая и долгая)“ соответствуют при другом положении, т. е. перед согласными, общеславянские сочетания *ьп*, *ьт*, с их фонетическими изменениями. Но мы знаем, что индоевропейское *ǵ* при каких-то фонетических условиях еще в литовско-славянском языке изменялось не в *h*, как обыкновенно, но в *ž*; что же получалось в общеславянском языке из таких индоевропейских сочетаний „*ǵ* + слоговая носовая согласная“ в открытом конце слов? Случаи для таких сочетаний с индоевропейскою долгою слоговою носовою согласной мне не известны из общеславянского языка, а что касается этих сочетаний с индоевропейскою краткою слоговою носовою, то кажется, что общеславянский язык имел здесь *й* и далее *ъ*, откуда старославянское *ѣ*, в соответствии с литовским *й*, причем я не определяю, произошло ли это славянское и балтийское *й* из литовско-славянского *й*, или же из литовско-славянского *õ*¹, т. е. из *õ* закрытого. Примером такого общеславянского *ъ* может

¹ В литовском предлоге *į* — „в“ нельзя было бы в таком случае видеть фонетическое изменение индоевропейского **ǵp* в открытом конце слова.

служить старославянское *ъ* в частице *гъ*, соответствующей литовской частице *gi*, например в *нѣгъ-ли* — „не — ли“ („может быть“), „нежели“, при литовском *negi* — „не — ли?“, „и не“; сравните жс, литовское *gi*, а также греческое *γα*, *γѣ* (*γα* в одних диалектах, *γѣ* в других), если только греческое *γ* здесь не из индоевропейского *g* средненёбного (а иначе с греческим *γα* можно сопоставить славянскую частицу *-зъ*, о которой я говорю далее).

Сочетания „гласная + носовая согласная“ в общеславянском конце слов

Историю сочетаний „слоговая гласная + носовая согласная“ в первоначальном конце слов в общеславянском языке я уже рассмотрел: мы видели, что и в этом случае, как и в положении перед согласными (т. е. вообще в положении не перед гласными), общеславянский язык получал носовые гласные из таких сочетаний, причем носовые гласные, возникавшие в конце слов, были в общеславянском языке краткими (как из сочетаний „краткая гласная + носовая согласная“, так и из сочетаний „долгая гласная + носовая согласная“) в отличие от долгих носовых гласных, развивавшихся перед согласными. Долготу общеславянских носовых гласных перед согласными (как из сочетаний „краткая гласная + носовая согласная“, так и из сочетаний „неслоговая иррациональная гласная + слоговая носовая согласная“) я объяснял тем, что носовые согласные, неслоговые и слоговые, в таком положении были получены из литовско-славянского языка долгими (с двумя видами долготы); следовательно, краткость общеславянских носовых гласных в первоначальном конце слов должна быть объясняема тем, что носовая согласная, именно *n*, как из первоначального *n*, так и из *m*, была здесь в общеславянском языке краткою в эпоху образования носовых гласных. По отношению к тем случаям, где общеславянская носовая согласная в первоначальном конце слов происходила из индоевропейской краткой носовой согласной, например в окончании винительного падежа единственного числа от основ на гласную, можно допустить, что эта носовая согласная в таком положении оставалась краткою и в литовско-славянском языке и такую же перешла и в общеславянский

язык; по крайней мере из балтийских языков я не вижу указаний на долготу такой носовой согласной в первоначальном конце слов. Но были и такие случаи, где общеславянский язык получил из литовско-славянского языка долгую носовую согласную в первоначальном конце слов, из индоевропейской долгой носовой согласной. Например, литовско-славянский язык имел долгое *n* (с „длительной“ долготой, из индоевропейской долготы) в окончании *-mīn* в местном падеже единственного числа местоимений мужеского и среднего рода, из индоевропейского *-smīn* (древнеиндийское *-smin*), с нефонетической утратой *s* в литовско-славянском языке (происхождение этой утраты я уже объяснял); долгота *n* (и притом именно „длительная“) в литовско-славянском *-mīn* засвидетельствована историею этого окончания в литовском языке, где мы находим *-mī* в одних диалектах (при *-mīt-pī*, в соединении с „постпозицией“ *-pī*), *-mē* в других, а эти *-mī* и *-mē* из *-mīn* указывают на то, что здесь некогда существовало в пралитовском языке *mī* с „длительной“ долготой гласной *i*. Общеславянский язык из этого литовско-славянского *-mīn* получил в результате *-mь*, откуда и старославянское *-мь*, например, в формах *тѣмь*, *ѡмь*, т. е. в общеславянском языке долгая носовая согласная в конце слова сократилась, так как *-mь* произошло здесь из *-mī*, не из *-mī* (отсюда явилось бы *-mī*), но самое *-mī*, из *-mīn*, могло явиться здесь через посредство *-mīn*, если вместе с сокращением конечной носовой согласной удлинялась предшествовавшая краткая гласная, а на такой процесс образования этого *-mī* указывает история в общеславянском языке литовско-славянских сочетаний „краткая гласная + носовая согласная“ в непервоначальном конце слов.

Общеславянский язык получил из литовско-славянского языка сочетания „гласная + носовая согласная“ в непервоначальном конце слов в тех именно случаях, где за носовую согласную отпала мгновенная согласная, так как мгновенные согласные в первоначальном конце слов отпадали, я думаю, еще в литовско-славянском языке. Случай такого рода является в общеславянском окончании 3-го лица множественного числа не-сигматического аориста и имперфекта; общеславянский язык в эпоху его распада имел здесь *-ъ*, откуда старославянское

-ж, например, в формах *идж, падж, несвахж, глаголахж*. Это славянское -ж произошло из индоевропейского *-ǵ^ont* в 3-м лице множественного числа прошедших времен тематического спряжения (*ǵ^o* окончание основы, а *nt* личный суффикс), и с -ж в формах 3-го лица множественного числа аориста *идж, падж* тождественно греческое *-ου*, из *-ont* (с фонетическим отпадением конечного *t*), например, в формах 3-го лица *ἔφερον, ἔλιπον*. Мы знаем, однако, что в общеславянском языке еще ранее образования носовых гласных *ǫ* в конечном закрытом слоге перешло в *й*, и из индоевропейского *-ǵ^ont* в общеславянском языке можно бы ждать поэтому в результате -*ѣ*, старославянское -*ъ*, так как конечное *t* не существовало уже в эпоху изменения *ǫ* в *й* (сравните **to, тѡ*, из индоевропейского **tǵ^od*). Как же получилось общеславянское ж в окончании 3-го лица множественного числа прошедших времен? Общеславянское ж в конце слов, т. е. *ѣ*, указывает, как мы знаем, на более древнее *ǵ^on*, и вопрос сводится, следовательно, к тому, как получилось общеславянское конечное *ǵ^on* из индоевропейского *ǵ^ont*. Я объясняю этот факт следующим образом. Отпадение конечного *t* как мгновенной согласной произошло в литовско-славянском языке тогда, когда в положении перед согласными носовые согласные, как и плавные, были долгими (с различным качеством долготы), а я говорил уже прежде о том, что литовско-славянский язык имел долгие носовые согласные и долгие плавные в положении перед согласными; следовательно, из *-ǵ^ont* при отпадении конечного *t* получалось *-ǵ^on̄* (с „прерывистою“ долготою *n̄*), и отсюда-то или непосредственно из *-ǵ^on̄* я вывожу общеславянское *-ǵ^on*, т. е. думаю, что долгая носовая согласная, являвшаяся в конце слова, сокращалась, удлиняя предшествовавшую гласную.

Такое же происхождение имело общеславянское конечное ж в старославянской форме 3-го лица множественного числа *ѣж* (в паннонских глаголических текстах), совпадавшей по употреблению с формой *ѣша*, т. е. являвшейся в значении формы условного наклонения вспомогательного глагола. Эта форма *ѣж* была получена из индоевропейского языка с значением формы сослагательного наклонения и восходит именно к индоевропейской форме **bhǵa^ont*, из **bhǵ^ont*, (корень в слабом виде *bhǵ-*,

суффикс основы глагольной формы $\check{a}^o/\check{a}^e$, личный суффикс *nt*); утрата *u* после начальной согласной могла явиться в литовско-славянском языке, а может быть, она допускалась, при известном фонетическом употреблении формы, и в индоевропейском языке (сравните сказанное мною по поводу *би-* в формах *бимь*, *би* и т. д.). Родственная с *бж* древнеиндийская форма (*bhivvan* в значении сослагательного наклонения) восходит к индоевропейской форме **bhūva^ont*, от корня *bhū-*, существовавшего при *bhū-*.

Здесь могу я объяснить и происхождение общеславянской формы 3-го лица множественного числа условного наклонения (из древнего желательного) **bī*, о которой я уже упоминал и которая в старославянском языке была заменена новообразованием *бѣша* (по аналогии формы *бѣша*). Эта форма 3-го лица множественного числа **bī* образовалась из литовско-славянской формы **bīnt*, т. е. **bīnt*, откуда **bīn*; из **bīn* получилось в общеславянском языке **bīn*, **bī* (из конечного *in* мы должны ждать в общеславянском языке *ī*) и в результате **bī*, через посредство **bī*.

Итак, надо думать, что в общеславянском языке литовско-славянские сочетания „слоговая гласная + долгая носовая согласная“ в конце слов (как в первоначальном, так и в первоначальном) получили краткую носовую согласную, причем предшествовавшая гласная, если была краткою, удлинялась.

Что касается индоевропейских сочетаний „*ǵ* + слоговая носовая согласная“, то, как я объяснял уже, в первоначальном конце слов общеславянский язык не получил носовой согласной в таких сочетаниях. В первоначальном конце слов, там, где в конце отпала мгновенная согласная еще в литовско-славянском языке, общеславянский язык получил эти индоевропейские сочетания в том же виде, как и в положении перед согласными: сюда принадлежит окончание 3-го лица множественного числа в сигматическом аористе, где общеславянское *-а*, старославянское *-а* в *рекоша*, *ръша*, *унса* образовалось из того *-b_hu*, которое произошло, как показывает сравнительная грамматика, из индоевропейского *-ǵnt*; следовательно, конечное *t* отпало, хотя и в литовско-славянском языке после того, как индоевропейские сочетания „*ǵ* + слоговая носовая согласная“ подверг-

лись изменению в гласные носовые. На основании того, что в литовско-славянском окончании $-\ddot{a}^o n$ из индоевропейского $-\ddot{a}^o nt$ конечное t отпало, как мы видели, тогда, когда n стало уже долгим в положении перед согласной, надо думать, что и литовско-славянское окончание $-b\eta$ из индоевропейского $-ant$ имело η долгое, т. е. образовалось из $-b\eta t$ с η уже долгим в положении перед согласной; в общеславянском языке конечное η в этом $-b\eta$ оставалось, может быть, долгим в эпоху образования носовых гласных, т. е. a , получавшееся из этого $b\eta$, могло быть таким же долгим $e(\bar{e})$, как и то a , которое являлось из $b\eta$, $b\eta$ перед согласными.

В эпоху распада общеславянский язык имел носовые гласные в первоналичном конце слов и там, где отпала конечная согласная в самом общеславянском языке, но в этих случаях никогда не существовали в конце слов сочетания „гласная + носовая согласная“, т. е. носовые гласные в этих случаях образовались еще тогда, когда сохранялась конечная согласная.

Сочетания „гласная + плавная“ в общеславянском конце слов

Достоверные примеры для сочетаний „первоначальная долгая гласная + плавная“ в конце слов из общеславянского языка не известны; общеславянские $*m\bar{a}ti$, $*d\bar{u}\check{c}t^{(i)}$ (старославянские *мати*, *дъшти*), где конечное $\bar{i}$, как мы видели, из литовско-славянского $\bar{e}$ с известным качеством долготы, могли быть получены из литовско-славянского языка с $\bar{e}$ в окончании, из индоевропейского $\bar{a}^o$ (сравните литовские *mótė*, *duktė*), а не с $-\bar{e}r$, из индоевропейского $-\bar{a}^o r$ (греческие $\mu\acute{\eta}τηρ$, $\theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}τηρ$).

Случаи для сочетаний „первоначальная краткая или иррациональная гласная + плавная“ в первоначальном конце слов из общеславянского языка также не известны; правда, западнославянские языки, за исключением чешского, имеют предлог из общеславянского предлога $*per$ (например, польское *prze*) и $*p\bar{i}er$ (например, полабское *peir*) — „ради, для“, полученного из литовско-славянского $*per$ (литовское *per* — „через“, сравните латинское *per*), но так как предлог является в речи в тесном сочетании с следующим словом, то потому конечные звуки пред-

логов не могут служить ясными примерами для конечных звуков слов. Общеславянский предлог **per* и **pīer* (из **pēr*) в звуковом отношении ничем не отличался от тождественной с ним по происхождению приставки **per-* и **pīer-*, которую я приводил в числе примеров для общеславянского сочетания *-er-*, при *-īer-*, между согласными, и потому можно думать, что как в приставке **per-* тот ее фонетический вид, какой существовал в положении перед согласными, переносился затем и в положение перед гласными, так и в предлоге **per* получал господство тот его фонетический вид, который развивался в положении перед согласными.

Сочетания „первоначальная краткая или иррациональная гласная + плавная“ в *непервоначальном* конце слов, именно там, где в самом общеславянском языке с течением времени отпала конечная согласная, следовавшая за плавною, существовали в эпоху распада общеславянского языка в тех формах 2-го и 3-го лиц единственного числа сигматического аориста, из которых произошли старославянские формы *за-клѣ*, *оу-мръ*, *по-жръ* (в 1-м лице единственного числа: *за-клѣхъ*, *оу-мръхъ*, *по-жръхъ*) и соответственные образования некоторых других славянских языков. Общеславянский язык имел здесь такие формы, как **kol*, при **kāl*, **mer*, при **mīer*, **žbr*, из более древних **kolχ*, при **kālχ*, **merχ*, при **mīerχ* (из **mērχ*), **žbrχ*, где *-χ* (или та фрикативная согласная, из которой происходило *γ*) во 2-м лице из первоначального *-ss* (первое *s* — суффикс аориста, второе *s* — личный суффикс), а в 3-м лице из первоначального *-st* (*t*, личный суффикс, отпало еще в литовско-славянском языке); следовательно, в этих случаях общеславянские сочетания „гласная + плавная“ сохранялись в конце слов в том виде, какой они получили еще в положении перед согласною. Итак, хотя в общеславянском языке в эпоху его распада, как мы увидим далее, не допускались вообще согласные в конце слов, тем не менее существовали, однако, плавные после гласных в *непервоначальном* конце слов. По отношению к таким случаям, как **žbr* или *tbr*, откуда старославянские диалектические *жръ*, *тръ*, можно думать, конечно, что плавная в конце слова сохранялась здесь потому, что была слоговою, между тем как согласные, отпадавшие в конце слов

в общеславянском языке, были неслоговыми; следовательно, и по отношению к таким случаям, как *kol, при *kāl, *mer, при *mīer (старославянские кѡ, мръ), можно предполагать, что плавная была здесь в общеславянском языке слоговою, т. е. мы находим в этих случаях подтверждение того предположения, которое я высказал относительно слогового свойства плавных в общеславянских сочетаниях „первоначальная краткая гласная+плавная“ в положении между согласными.

**Изменение в общеславянском языке конечных ъ и ь
из литовско-славянских конечных гласных
в сочетаниях слов**

В ту эпоху жизни общеславянского языка, когда здесь сохранялись конечные согласные, полученные из литовско-славянского языка, за исключением носовых, и когда ъ и ь носовые (из ĭ и ĭ) еще не утратили носового свойства, в это время конечные ъ и ь неносовые при известном фонетическом положении в сочетании слов (при известном влиянии начала следующего слова) отпадали, а при каком-то другом положении конечное ъ неносовое переходило в ь. Фонетические варианты одного и того же слова, получавшиеся таким образом, влияли затем друг на друга, т. е., например, слово с отпавшим конечным ъ или ь могло переноситься и в такое положение, при котором это ъ или ь по фонетическим условиям должно было сохраняться, и наоборот. Поэтому трудно определить с точностью те условия, которые вызывали в этих случаях в общеславянском языке отпадение конечных иррациональных гласных и изменение конечного ъ в ь. Относительно того, как происходило отпадение конечных ъ и ь, можно предполагать, что сперва конечные иррациональные гласные становились неслоговыми в положении без ударения перед ударяемою гласной следующего слова (сравните ь в *čöl~~z~~iēkь) и что затем эта неслоговая иррациональная гласная могла переноситься и в положение перед согласной и в этом положении фонетически исчезала, как скоро не препятствовало тому стечение согласных (как в *čöl~~z~~iēkь); надо заметить при этом, что после носовой согласной конечная иррациональная гласная не исчезала

вполне, вероятно, вследствие того, что в эту эпоху в общеславянском языке не существовали вообще носовые согласные в положении без последующей гласной. Что же касается изменения конечного *ь* (из литовско-славянского конечного *ĩ*) в *ъ*, то, может быть, фонетическим условием для этого явления было положение *ь* (без ударения?) перед твердой гласной в начале следующего слова. Относительно согласных, получавшихся в конце слов вследствие отпадения конечных *ь* и *ъ* (из литовско-славянских конечных гласных), надо заметить, что эти согласные в дальнейшем периоде жизни общеславянского языка, когда здесь не допускались вообще согласные неслоговые в конце слов, должны были отпадать фонетическим путем; только при слитии данного слова с следующим словом в одном слове эти согласные, занимая место уже не в конце слова, продолжали сохраняться и в позднейшую эпоху. О тех случаях, в которых мы находим в общеславянском языке отпадение таких конечных согласных, за которыми исчезли *ь* или *ъ*, я буду говорить впоследствии, при обзоре истории согласных, а пока остановлюсь на случаях как отпадения самих *ь* и *ъ*, из литовско-славянских конечных гласных, так и изменения этих *ь* в *ъ*.

Подвижное конечное *ъ* существовало в общеславянском языке, например, в тех предлогах, которые оканчивались в полном виде на *-zъ*; из памятников старославянского языка предлоги *вzъ*, *изъ*, *въzъ*, *разъ* (диалектическое *розъ*) известны нам по большей части без конечного *ъ* и притом не только в сочетании с другим словом, но *вzъ*, *изъ*, *въzъ* также и в сочетании с падежными формами (предлог *разъ* употреблялся только как приставка). Например: *вzъмьздыникъ*, *вzоумень*, *вz-мене*, *вz-пеуали*, *въzгласи*, *въzдати*, *въzымн*, *въскрьснѣти*, *въz-благодати*, *въскжѣ*, *изъиша*, *изъгнати*, *изити*, *испнѣти*, *из-мене*, *из-народа*, *из-оустъ*, *ис-тебѣ*, *раздѣли*, *разоумень*, *распати*. Редко в древних текстах мы находим *ъ* в окончании этих предлогов; например, в Остромировом евангелии несколько раз является *ъ* только в *изъ* (например, *изъ юности*, *изъ облака*, *изъшъдъ*) да один раз в *въzъ* (*въzъ-любнъ*). В общеславянском **-zъ* в окончании некоторых предлогов (а также в личном слове **jāzъ* — «я», о котором я говорю далее) я вижу частицу, в которой для *ъ* я предполагаю такое же происхождение, как и в частице **-gъ*, т. е. вывожу *ъ* из

индоевропейского сочетания „*ǵ* + слоговая носовая согласная“ в конце слова; славянское *z* в **-zъ* указывает на индоевропейское *g* средненёбное. Употребление этой частицы в соединении с предлогами известно было еще в литовско-славянском языке: с общеславянским **bezъ* (вѣзъ, русское *без*) сравните латышское *bez* — „без“ (конечная краткая гласная отпала фонетически), между тем как в литовском языке тот же предлог является как *be*, т. е. без соединения с такою частицей. Общеславянское **vъzъ* (възъ, русское *воз-*, *вз-*) родственно или даже тождественно с литовским *už* — „воз“, латышским *uz* — „на“, *uz* — „воз“; здесь, по-видимому, еще в литовско-славянском языке вполне слилась частица с известным предлогом (древнеиндийское *ud* — „воз-“?). Общеславянское **izъ* (изъ, русское *из*) образовалось из соединения с частицей **-zъ* того предлога, который в литовском языке является как *iš* — „из“, без соединения с такою частицей. Общеславянские **rozъ* (старославянское диалектическое *ꙗꙋzъ*, русское *роз-*) и **rāzъ* (старославянское *ꙗꙋzъ*) произошли фонетически (с различием по диалектам) из более древнего **or-zъ*, где **or-* тождественно с балтийским *ar-*, например в прусском *ar-warbs* — „дрога“, в литовском *al-varas*, из **ar-varas* — „дрога“ (в том же значении и *pér-varas*); с литовским *alvaras* родственно, как указывали лингвисты, чешское *roz-vora* с тем же значением, польское *roz-wora*, а также церковнославянское *раз-воръ* — „vestis“ (вторая часть та же, что в русских *за-вор*, *за-вора*). Частица **-zъ* в общеславянском языке могла присоединяться также к предлогам **per*, **pīer* (церковнославянское в памятниках сербской редакции *прѣзъ*, русское диалектическое *перез*) и **pro* (сербское и украинское *проз*). С употреблением общеславянской частицы **-zъ* при предлогах аналогично в балтийских языках употребление частицы *-gi* (например, в литовских *prė-g*, *in-gi*, *ing*; *nū-gi*, *nūg*).

В общеславянском предлоге **obъ* (русское *об*) существовало подвижное конечное *ъ*, допускавшее и изменение в *ъ*. В старославянских памятниках мы находим этот предлог обыкновенно без гласной в конце; например: *об-онъ полъ*, *об-ношть въсѣ*, *обръсти*, *облобыза*, *обати* (об *o* вместо *ob* я говорю далее). Иногда являются в сложении *объ-* и *объ-*: в Зографском евангелии только *объ-* в четырех случаях, например *объхождааше*, в Остромировом

евангелии один раз *объ-* в *объямають* (вместо *объямають*) и один раз *объ-* в *объ-имъ*, в Супрасльской рукописи *объ-*, например, в *объхода*, *объяти*, и *объ-* (частью из *объ-*), например, в *объятъ*, *объстояшта*, в Маринском евангелии *объ-* (из *объ-*?), именно в *объходяще* и *объстоимъ*, в Хиландарских листках (отрывок паннонского текста) *объ-*, именно в *объходатъ* и *объходитъ*. Общеславянское **obb-*, откуда **obbъ* и **ob*, родственно с греческим *ἀμφί* (еще ближе древнеиндийское *abhi*); различие между **obbъ* и *ἀμφί* такое же, как между **obā*, *обā*, и греческим *ἀμφω*. На *ъ* в **obbъ* указывает и производное от него слово, являющееся в старославянском *объшть* (русское *общий*, между тем как *общий* заимствовано) из общеславянского **obbъct̃*⁽¹⁾*ъ*.

Предлог *отъ* (русское *от*) в старославянских текстах сохраняет *ъ* при употреблении в качестве предлога, а при сложении с другим словом в одном слове является чаще также с *ъ*, но в некоторых сложениях обыкновенно или часто и без *ъ*. Например, в Остромировом евангелии в формах глаголов *отъвъшати*, *отъкрыти*, *отъпустити* везде *отъ-* с *ъ*, но, например, формы глагола *отити* везде имеют *от-* без *ъ* или, например, формы глагола *отрштити* обыкновенно имеют *от-*, один раз *отъ-* (но *отърещи*, *отърнцати*), при *отъяти*, *отъиметь* также и *отати* (при *отъвъръз-* и *отъвъръз-* и т. д.). Или, например, в Маринском евангелии в *отъвъшати*, *отъкрыти*, *отъпустити*, *отърещи* везде *отъ-*, но, например, в *отити*, *отрштити*, *отъвъръз-* везде *от-*, а, например, при *отъяти*, *отъиметь* и *отати*, *отыметь*. На основании такого употребления *отъ*, *отъ-*, *от-*, представляющего отличие от употребления предлогов на *-зъ* и предлога *объ*, *объ-*, где, как мы видели, обыкновенно отсутствует конечная гласная в старославянских текстах, я предполагаю, что в общеславянском **otъ*, **otъ-*, **ot-* совпали два слова: предлог **otъ* из древнего наречия **otos* (родственно древнеиндийское *atas* — „отсюда“, „оттуда“), причем, следовательно, конечное *ъ* в этом **otъ* было по условиям образования фонетически неподвижным, и предложная приставка **otъ-*, **ot-* из того **otъ*, которое я сопоставляю с литовским диалектическим *ati* — „от“, при *at-* и *ata-*.

Общеславянские местоименные наречия на *-γδα* и *-γδъ*, из *-gda* и *-gdu*, являющиеся, например, в старославянских *къгда*, при *когда*, *тъгда*, при *тогда*, *югда*, в русских *когда* и *когда*,

колды, тогда и тогды, толды, образовались, я думаю, из наречий на -gъ, где ъ было фонетически подвижным, с присоединением -dā, -dū под влиянием таких наречий, как *kъdā и *kъdu, *tъdā и *tъdu (отсюда, например, старославянское никъда — „никогда“); наречия же на -gъ, как *kъgъ и *kogъ, заключали в себе, вероятно, частицу -gъ, где ъ, как я объяснял, может восходить к литовско-славянской конечной краткой гласной (литовское -gu). Надо заметить, что в памятниках старославянского языка вместо обыкновенного -гда в къгда и когда и тьгда и т. д. иногда, хотя и очень редко, встречается -гъда (в Синайском требнике -гъда); в Остромировом евангелии два таких случая, именно один раз никъгъда и один раз кьгда. Это -гъда могло бы указывать на общеславянское редкое -gъdā, при обыкновенном -γdā.

Общеславянское *ne-gъ (сравните литовское ne-gu) в старославянском негъ-ли — „не — ли“, „нежели“ (например, в Саввиной книге, в Мариином евангелии) имело подвижное ъ в частице -gъ, а *neg, из *negъ, изменялось при известном фонетическом положении в *nek, откуда *nek-lī, при *neg-lī, старославянское несли (в Супрасльской рукописи), при негли (в Супрасльской рукописи), а по аналогии с негъли, при негли, являлось и некъли, при несли (например, в Зографском евангелии, в Супрасльской рукописи).

В окончаниях 3-го лица единственного и множественного чисел настоящего времени общеславянский язык имел -tb, из индоевропейского -ti, например в *jestb (ѣсть), *beretb (береть), *berѣtb (берѣть), *dadatb (дадать); в 3-м лице единственного числа сравните литовское -ti в *ėsti* — „есть“, греческое дорическое -τι, ионическое и аттическое -σι (из -τι), а после σ -τι, в нетематическом спряжении, например в *δίδωσι*, *δίδωσι*, *ἐστὶ*, а в 3-м лице множественного числа сравните греческое дорическое -τι, ионическое и аттическое -σι, например в *φέρουσι*, *φέρουσι*. В общеславянском языке конечное ъ в этом -tb, не имевшее на себе ударения, по условиям его происхождения (из литовско-славянской конечной краткой гласной), было подвижным и допускало изменение в ъ, подобно тому как, например, *obb могло изменяться здесь в *ob, *o и в *obb; об отпадении конечной гласной в этих формах на -tb я буду говорить

впоследствии, а пока остановлюсь на чередовании здесь форм на *-тъ* и на *-тѣ*. В старославянском языке продолжали существовать в 3-м лице настоящего времени те и другие образования, т. е. как на *-тъ*, так и на *-тѣ*, причем в некоторых диалектах являлись формы на *-тъ*, а в других формы на *-тѣ*. В паннонских текстах мы находим здесь обыкновенно *-тъ*, например *ѣстъ, дастъ, беретъ, берѣтъ, сѣтъ, дадатъ*, между тем как *-тѣ* в этих формах встречается вообще очень редко в паннонских текстах, но в одном отрывке паннонского текста, именно в Новгородских евангельских листках (сохранились два листа), господствуют формы на *-тъ* (26 случаев формы единственного числа и 7 случаев формы множественного числа), тогда как *-тѣ* встречается здесь редко (4 случая формы единственного числа). В старославянских памятниках русской редакции, как в Остромировом евангелии, так и в других, обыкновенно являются формы на *-тъ*, т. е., например, *ѣстъ, дастъ, беретъ, берѣтъ, сѣтъ, дадатъ*, хотя, например, в Остромировом евангелии есть несколько единичных случаев таких форм и на *-тѣ*; *-тъ* в этих памятниках не может быть объясняемо, конечно, исключительно тем, что в древнерусском языке существовали здесь формы на *-тъ* (т. е. на мягкое *т*), хотя можно думать, что в старославянских оригиналах русских списков формы на *-тъ* встречались не так редко при обыкновенных формах на *-тъ*. Современные русские формы на твердое *т* (*-тъ*) в 3-м лице, например *берет, даст, берут, едят*, образовались из форм на мягкое *т* (*-тъ*), с фонетическим отвердением конечной согласной; в современных наречиях собственно русского языка, а также в значительной части наречий украинского языка продолжает существовать мягкость *т* (*-тъ*) в окончании этих форм, а в *есть, вестъ* и наше литературное наречие имеет сочетание *ст* с мягкими *с* и *т* после звука *е* (*ест* вместо *есть* под влиянием твердого *т* в окончании формы 3-го лица в других глаголах, между тем как на *есть* и *вестъ* не распространилось это влияние вследствие того, что *есть* и *вестъ* по их употреблению выделились из глагольных форм 3-го лица). С *-тъ* и *-тѣ* в 3-м лице единственного числа настоящего времени тождественны *-тъ* и *-тѣ* в старославянских формах на *-стъ* и *-сѣтъ* в аористе (сигматическом) нетематического спряжения, именно в *дастъ, дасѣтъ,*

при *да*, *ѣсть* и *иѣсть*, *иѣтъ* (*и*- в диалектах из начального *ѣ*-), при *ѣ* (*и*з-ѣ), **и*, *ѣиѣтъ*, *ѣиѣтъ*, при *ѣи*, причем формы на *-ѣтъ* и *-ѣтъ* переносились также и на 2-е лицо единственного числа аориста вследствие совпадения 2-го и 3-го лиц аориста в формах *да*, *ѣ* (**и*), *ѣи*. И здесь в паннонских текстах является обыкновенно *ѣ* в окончании, при очень редком *ѣ*, между тем как в Остромировом евангелии и в других памятниках русской редакции и здесь находим мы *ѣ*; в Новгородских евангельских листках встречается только один случай такой формы аориста, и притом именно на *ѣ*, как мы и должны ждать здесь (*прѣѣиѣтъ*). В этих формах аориста *-ѣтъ* и *-ѣтъ* перенесены из форм настоящего времени *даѣтъ* и *даѣтъ*, *ѣѣтъ*, *иѣѣтъ* и *ѣѣтъ*, *иѣѣтъ*, а также *ѣѣтъ* и *ѣѣтъ*, а именно под влиянием аналогии чередования этих форм настоящего времени с более краткими формами *и*, **да*, **ѣ* (**и*), где фонетически отпало еще в общеславянском языке окончание *-st* из *-stѣ*, и при формах аориста *да*, *ѣ* (**и*) явились новообразования *даѣтъ*, *даѣтъ* и *ѣѣтъ* (*иѣтъ*), *ѣѣтъ* (*иѣтъ*), а далее по аналогии с этими новообразованиями и под влиянием *ю* при *ѣѣтъ*, *ѣѣтъ* получалось новообразование *ѣиѣтъ*, *ѣиѣтъ* и при форме аориста *ѣи*. Из настоящего времени были перенесены в старославянском языке окончания 3-го лица *-тъ* и *-тъ* также и в такие редкие в древних памятниках образования 3-го лица единственного числа имперфекта, как *моуждаѣтъ* в Остромировом евангелии (встречается один раз), *запрѣѣѣтъ* в Саввиной книге (встречается один раз), вместо обыкновенных форм на *-ше*. Что же касается форм на *-тъ* в 3-м (а отсюда и во 2-м) лице единственного числа аориста на *-хъ* в непроизводных глаголах тематического спряжения, например *ѣитъ*, *пѣтъ*, *иѣтъ*, *наѣтъ*, *оумѣтъ*, при параллельных образованиях без *-тъ*: *ѣи*, *пѣ*, *иѣ*, *наѣ*, *оумѣ*, то здесь, как в паннонских текстах, так и в древнейших старославянских памятниках русской редакции, например в Остромировом евангелии, исключительно является *ѣ* в окончании *-тъ*, без варианта *ѣ*; отсюда видно, следовательно, что окончание *-тъ* в этих старославянских формах аориста не было перенесено из настоящего времени, так как иначе и здесь существовало бы *-тъ*, при *-тъ*. Я сопоставляю эти старославянские формы аориста на *-тъ* с прусскими формами 3-го лица единственного числа прошедшего времени на *-ts*, существова-

вшими при формах без этого окончания, например *dait̃s*— „он дал“, при *dai*, *billats*— „он сказал“, при *billā*, *immats*— „он взял“, при *imma* (в *astits*— „есть“ то же *-ts* присоединено к форме настоящего времени). Старославянское *-тъ* и прусское *-ts* указывают на литовско-славянское **tā̃s* (в прусском языке фонетически выпала здесь гласная), а в этом *tā̃s* я вижу указательное местоимение (старославянское *тъ*), которое еще в литовско-славянском языке могло употребляться, следовательно, в качестве формального слова (некогда изменявшегося, вероятно, по грамматическому роду подлежащего глагола) непосредственно за формами 3-го лица единственного числа прошедших времен, после того как в этих формах фонетически отпало конечное *t*, составлявшее личный суффикс; употребление этого формального слова в литовско-славянском языке являлось, вероятно, преимущественно при односложных глагольных формах прошедшего времени, как позволяет думать старославянский язык, где мы находим окончание *-тъ* такого происхождения в соединении именно с односложными формами аориста¹. Это старославянское *-тъ* в аористе имеет, следовательно, общеславянское *ъ* неподвижное (из конечного *-ōs*), т. е. *ъ* здесь не принадлежит к числу тех конечных *ь* и *ъ*, которые мы теперь рассматриваем.

Как в общеславянских окончаниях 3-го лица настоящего времени конечное *ь*, из первоначального конечного *ī*, изменялось при известных условиях в *ъ* и было при этом подвижным, так и в суффиксе *-тъ*, из индоевропейского *-m̃*, в 1-м лице единственного числа настоящего времени в глаголах нетематического спряжения общеславянский язык имел *ь*, способное переходить в *ъ*, хотя и не отпадавшее вполне, так как *ь*, *ъ* являлись здесь в положении после носовой согласной; с этим общеславянским личным суффиксом *-тъ*, откуда и *-тъ*, сравните греческое *-μι*, например *εἶμι*, *ἴμι*, *ῥέμι*, литовское *-mi* в *esmi*— „есмь“, *eimi*— „иду“. Общеславянский суффикс *-тъ* в 1-м

¹ Совершенно единичными являются такие случаи, как *спѣтъ* (*сплассеть*) вместо *спѣ* два раза в Саввиной книге и один раз в евангельских листках Ундольского, *кръстѣтъ сѧ*, *ἐβαπτίσθη* один раз в Остромировом евангелии, *рекутъ* вместо *реку*, один раз в Зографском евангелии, где, может быть, описка под влиянием предшествующего *оумърътъ* (л. 288 б).

лице единственного числа частью не имел на себе ударения, частью же, именно в глаголах **jesmь* (из **esmь*) и **dāmь*, являлся под ударением, как свидетельствуют сербское *jěsam* (с перенесенным ударением) и сербское чакавское *dām*. Если то общеславянское конечное *ь*, которое по фонетическим условиям способно было переходить в *ъ*, не было ударяемым, в таком случае в **esmь*, откуда **jesmь*, и в **dāmь* *ь* фонетически не должно было изменяться в *ъ*, но понятно, что под влиянием аналогии со стороны других глаголов, имевших в этой форме *тѣ*, при *-тѣ* (с гласной без ударения), то же *-тѣ* могло явиться и в **esmь*, **jesmь* и **dāmь*. В старославянском языке мы находим оба вида этого общеславянского окончания, т. е. *-мь* и *-мѣ*, причем они были связаны здесь в их истории с окончанием 1-го лица множественного числа *-мѣ*, где *ѣ* из того общеславянского *ѣ*, которое получалось из конечного *-ѣс*: стремление отличать форму 1-го лица множественного числа имело следствием то, что окончание *-мь* в единственном числе продолжало сохраняться и в тех говорах, где в 3-м лице окончание *-тѣ* было вытеснено окончанием *-тѣ*, но, с другой стороны, под влиянием вариантов *-мь* и *-мѣ* в 1-м лице единственного числа стало возможно, по крайней мере в текстах, употребление окончания *-мь* вместо обыкновенного *-мѣ* и в 1-м лице множественного числа, сперва в глаголах нетематического спряжения, а затем и в других. В Остромировом евангелии в 1-м лице единственного числа вместо *-мь* мы находим *-мѣ* всюду в глаголе *имамѣ*, *имамѣ* (28 случаев) и один раз в *въмѣ*; с другой стороны, в 1-м лице множественного числа глаголов нетематического спряжения (в настоящем времени) здесь встречается при обыкновенном *-мѣ* также и *-мь*, именно часто *въмь*, несколько раз *ѣсмь*, один раз *нѣсмь* и один раз *ѣмь*. В Зографском евангелии *-мь* в единственном числе и *-мѣ* во множественном числе вообще строго различаются, хотя и здесь есть единичные случаи *-мѣ* в единственном числе (один раз *имамѣ*, один раз *прѣповѣмѣ*) и *-мь* во множественном числе глаголов нетематического спряжения (два раза *въмь*, один раз *дāmь*¹). В Сборнике Клоца рассматриваемая нами форма 1-го лица единственного

¹ У Видеманна *дāmь* (Иоанн, I, 22) не указано.

числа на -мь, -мъ встречается только в одном глаголе, именно в *прѣдѣмь* в *прѣдѣмь-и*, всюду (8 раз) с ъ, причем сохранению ъ благоприятствовало положение его здесь перед и (кроме того, один раз *прѣдѣмь-и*, с ии вместо ѡ). В Саввиной книге в единственном числе является преимущественно -мь, но при этом не особенно редко находим здесь и -мъ вместо -мь (несколько раз *иимь*, несколько раз *вѣмь* и т. д.); во множественном числе только в единичных случаях встречается в Саввиной книге окончание -мь вместо обыкновенного -мъ, между прочим, и в глаголе тематического спряжения (по одному разу *всѣмь*, *въздѣмь*, *прѣдѣмь*¹). В Мариинском евангелии и в Синайском требнике в 1-м лице единственного числа окончание -мъ значительно преобладает над -мь; с другой стороны, в Мариинском евангелии не особенно редко встречается -мь вместо обыкновенного -мъ в 1-м лице множественного числа, между прочим, и в глаголах тематического спряжения (например, нередко *вѣмь*, один раз *въздѣмь* и т. д.). В Супрасльской рукописи почти исключительно находим -мъ в 1-м лице единственного числа, а единичные случаи с -мь встречаются здесь и во множественном числе не реже, чем в единственном². В Ассемановом евангелии и в Синайской псалтыри, представляющих вообще значительное смешение старых ъ и ѣ, чередование -мь и -мъ в 1-м лице единственного числа не может быть отличаемо от -мь и -мъ в местном падеже единственного числа местоименного склонения, где получено было только -мь (в Ассемановом евангелии и в том и в другом случае -мъ встречается редко, в Синайской псалтыри большее колебание между -мь и -мъ).— В русском языке твердое м в *ем*, *дам* допускает такое же объяснение, как и твердое т в *берет*, *берут*, так как в русском языке и из конечного -мь получалось фонетически -м твердое (-м); в таких случаях, как *семь*, мягкая согласная в конце под влиянием мягкости той же согласной в других падежных формах (*семи*, *семью*).

¹ У Видеманна не приведено *прѣдѣмь* (в издании Срезневского, стр. 135, 2—3).

² Для -мь во множественном числе к случаям, указанным у Видеманна, надо дополнить *ихѣмь*, встречающееся три раза (в издании Миклошича, стр. 288, 1; 2; 8).

Общеславянское конечное *ь*, способное переходить в *ъ*, существовало также в суффиксе творительного падежа единственного числа *-mь*, тождественном с литовским суффиксом *-mī* (например, в *antimi*—„уткой“, *sinimi*—„сыном“), причем относительно общеславянского суффикса я не решаю, был ли он без ударения во всех словах, или же только в значительной части слов. В старославянском языке оба вида этого падежного окончания, *-мь* и *-мъ*, были связаны в их истории с окончанием дательного падежа множественного числа *-мъ*, где *ъ* из того общеславянского *ъ*, которое получилось из конечного *-ōs*: стремление различать две падежные формы, иначе совпадавшие, способствовало сохранению окончания *-мь* в творительном единственного числа и в тех говорах, где в 3-м лице настоящего времени *-тъ* было вытеснено окончанием *-тъ*; с другой стороны, под влиянием вариантов *-мь* и *-мъ* в творительном единственного числа возможно было, по крайней мере в текстах, употребление *-мь* вместо обыкновенного *-мъ* и в дательном множественного числа (например, в Остромировом евангелии несколько таких случаев). Для сопоставления с употреблением *мь*, *-мъ* в творительном единственного я укажу и на употребление в старославянских памятниках общеславянского *-mь* в местном единственного числа местоимений и прилагательных определенных, где, как мы видели, общеславянское *-mь* образовалось из *-mī* и имело, следовательно, такое конечное *ь*, которое не допускало фонетического изменения в *ъ*; притом же *-mь* в местном падеже местоимений было под ударением. В Остромировом евангелии в творительном единственного числа при господствующем окончании *-мь* не особенно редко встречается и *-мъ* (например, три раза *именемъ*, четыре раза *исомъ*, пять раз *глаголемъ*, *глаголемъ*, два раза *богомъ* и т. д.), между тем как в местном падеже мы находим здесь всегда *-мь* и только один раз *-мъ* (*исходящимъ*, л. 261 в), где в букве *ъ* можно видеть поэтому опisku. Из паннонских текстов некоторые имеют одинаково *-мь* как в местном, так и в творительном падеже; таковы Зографское евангелие (в некоторых случаях в творительном падеже не ясна, по-видимому, самая буква: *ь* или *ъ*, а один раз *-мъ* в местном падеже) и Киевские глаголические отрывки (только один раз *-мъ* в местном

падеже)¹. В Синайском требнике в творительном падеже при обыкновенном -мь иногда, хотя и редко, встречается -мъ, а в местном падеже я не заметил здесь случаев с -мъ; это различие, впрочем, может зависеть и от большого количества самих случаев творительного падежа. В Сборнике Клоца также при обыкновенном -мь в творительном падеже иногда, именно в шести случаях, мы находим -мъ, между тем как в местном падеже всюду -мъ; и здесь возможно, конечно, такое же объяснение, как и по отношению к Синайскому требнику. Но некоторые другие паннонские тексты свидетельствуют о различии между -мь в творительном падеже и -мь в местном падеже. Так, в Новгородских евангельских листках в творительном падеже мы находим три раза -мь и два раза -мъ, между тем как форма местного падежа на -мь во всех пяти случаях, где она встречается, имеет ъ в окончании. Саввина книга в творительном падеже представляет колебание между -мь и -мъ, а в местном падеже на -мь почти всюду, за очень редкими исключениями², написано ъ. В Супрасльской рукописи, где вообще нередко является конечное ъ нового происхождения, из ъ, и в местном падеже поэтому при -мь часто встречается -мъ, но между тем как в этой форме отношение между -мь и -мъ может быть выражено приблизительно цифрами 8 (-мь) и 10 (-мъ), в творительном падеже -мъ является здесь по крайней мере в 2¹/₂ раза чаще, чем -мь, хотя при этом на страницах 20—59 издания Миклошича -мь значительно преобладает над -мъ. В Мариинском евангелии, где также известно вообще конечное ъ нового происхождения, из ъ, такое ъ встречается иногда и в окончании местного падежа -мъ, при господствующем -мь, между тем как в творительном падеже мы находим здесь более значительное колебание между -мь и -мъ. В

¹ Так, по-видимому, надо читать слово *възвѣмъ* в последней строке листа 2а (см. фотографический снимок в приложении к Glagolitica Ягича).

² Я нахожу здесь -мъ в местном падеже лишь в следующих случаях: *всѣмъ* (в издании Срезневского, стр. 27,8), *сдинѣмъ* (51,1), *немъ* (70,1; 106,27), *възвѣмъ* (122,3), *искоуѣ* — *исходашимъ* (146,4 и 5); что же касается *неправдѣмъ* (на стр. 49, 25), то это ошибка издания, не исправленная Ягичем; рукопись имеет здесь *неправдѣмъ*.

Ассемановом евангелии и в Синайской псалтыри чередование между обыкновенным -мъ и редким -мь в творительном падеже не может быть отличаемо, по-видимому, от чередования между -мъ и -мь в местном падеже, где ѣ нового происхождения, из ѣ. — В русском языке твердое м в творительном падеже, например *делом*, и в местном, например (в) *том*, объясняется так же, как и твердое м в окончании 1-го лица единственного числа.

Фонетическим условием, при котором образовалось в общеславянском языке изменение конечного ѣ, из литовско-славянской конечной гласной, в ѣ, я предполагаю, как говорил, положение такого ѣ в тесном сочетании слов перед твердой гласной в начале другого слова, причем, может быть, требовалось также отсутствие ударения на этом ѣ. Можно думать поэтому, что в ту же эпоху конечное ѣ из литовско-славянской конечной гласной в положении перед мягкими гласными в тесном сочетании слов получало такого же рода изменение, т. е. переходило в ѣ, по крайней мере при отсутствии на нем ударения. Относительно изменения в общеславянском языке ѣ в ѣ (и ѣ в ѣ?) в тех случаях, о которых я говорил, надо иметь в виду, что это явление произошло ранее того времени, когда утрачено было і между гласными в склонении прилагательных определенных и когда, как мы видели, ѣ и ѣ перед і изменились в і и у, причем такому изменению подвергались и ѣ, ѣ из носовых ѣ и ѣ (например, в родительном падеже **dobryiъ*). Одновременно с образованием уі и іі, из ѣі и ѣі, в склонении прилагательных определенных явились іі, уі, из ѣі, ѣі, в словах, представлявших собой слитие глагольной формы на ѣ или на ѣ с энклитической местоименной формой винительного падежа **i* — „его“ (из **iъ*, как я объясняю далее); таковы старославянские *прѣдми*, при *прѣдмѣ* и, *видѣхми*, при *видѣхмѣ* и, *погоубити*, при *погоубитѣ* и, *осѣдати*, при *осѣдатѣ* и, и т. д., древнерусские *почтети* (*почтеть* и), *ведутти* (*ведуть* и) и т. д. Тогда же могло образоваться старославянское *вѣниѣ* — „всегда“, из **въ-inѣ*; об общеславянском *inъ* — „один“, являющемся в *вѣниѣ*, я буду говорить впоследствии.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ГЛАСНЫХ НАЧАЛА СЛОВ

Отпадение начальных *ь* и *ѣ* без ударения в сочетаниях слов

В ту эпоху жизни общеславянского языка, когда еще не действовал закон относительно появления звуков *і* и *ѣ* перед начальными гласными, начальные *ь* и *ѣ* без ударения при известном положении в тесном сочетании слов, вероятно, после слов, оканчивавшихся на неиррациональную гласную, отпадали, между тем как при другом положении те же *ь* и *ѣ* фонетически сохранялись, а затем под влиянием одних случаев на другие начальные *ь* и *ѣ* в таких словах стали подвижными. Мы увидим далее, что начальное *ь* с течением времени изменилось в общеславянском языке в *і* (через посредство *іь*), а из начального *ѣ* явилось *ѣь* (из *ѣѣ*); поэтому в эпоху распада общеславянский язык имел в начале некоторых слов подвижное (по крайней мере в диалектах) *і* и подвижное *ѣь*. Случаи с подвижным начальным *і* я рассмотрю впоследствии, когда буду говорить об образовании этого *і* из *ь*, *іь*; сюда принадлежат, как мы увидим, например, **zъ*, при **izъ* — „из“, **grā*, при **igrā*, и т. д. Что же касается более редкого подвижного *ѣь* в начале слов (редкого потому, что мало случаев, в которых общеславянский язык имел некогда начальное *ѣ* без ударения), то я вижу его в предлоге и глагольной приставке **ѣьzъ*, **ѣьz* (старославянское *възъ*, *въz*); на общеславянское **zъ*-, **z*— „воз-“, при **ѣьzъ*-, **ѣьz*-, указывают западнославянские языки (например, чешское *zchoditi* — „всходить“, при *vzchod*, польское *śpiewać* — „воспевать“, например, при *wzlatać* — „взлетать“) и украинский язык (например, *zійти* — „взойти“, при *vzійти*, *сходитьи* — „всходить“). Также и в чешском *dud*, польском *dudek* — „удод“ можно предполагать утрату в общеславянском языке начального *ѣ*; сравните церковнославянские *въдоуѣ*, *въдиѣ*, русское *удод*, украинское *одуд* и т. д.

Появление в общеславянском языке звуков *і* и *ѣ* перед начальными гласными

В известную эпоху жизни общеславянского языка перед всеми, как я думаю, начальными гласными развивался неслого-

вой звук, именно *ĭ* перед мягкими гласными, *ѳ* перед губными гласными (т. е. перед *ѡ* и различными *у*), а перед *ā* как *ĭ*, так и более редкое диалектическое *ѳ* (последнее, может быть, только перед *ā* без ударения). С течением времени приставное *ѳ* там, где оно не исчезло фонетически, изменилось в общеславянском языке в *ѳ*, а что касается приставного *ĭ*, то в положении перед мягкими гласными его дальнейшая история была та же, что и история старого начального *ĭ* (из индоевропейских *ĭ* и *j*), между тем как в положении перед *ā* различие между двумя этими *ĭ* обнаруживалось в том, что в некоторых диалектах общеславянского языка новое *ĭ* в таком положении могло отпадать (т. е. отпадало фонетически по крайней мере при каких-то условиях), как свидетельствуют старославянский и болгарский языки. Таким образом, можно предположить, что новое *ĭ*, развившееся перед известными начальными гласными, было некогда в общеславянском языке вообще (перед *ā* и перед мягкими гласными) звуком иррациональным, более кратким сравнительно с старым *ĭ* в начале слова, и что в зависимости от этого дальнейшая история этого *ĭ*, по крайней мере в диалектах общеславянского языка, не во всех сочетаниях совпала с историей старого начального *ĭ*. Если же новое начальное *ĭ* в эпоху его появления в общеславянском языке было вообще звуком иррациональным, то то же можно предположить и относительно *ѳ*, появлявшегося тогда же перед известными начальными гласными.

Я рассмотрю сперва те случаи, в которых перед общеславянскими начальными гласными приставлялось *ĭ*, и начну с *ĭ* перед мягкими гласными. В положении перед такими гласными это *ĭ* вполне совпало с старым начальным *ĭ*, а именно перед теми мягкими гласными, которые в данную эпоху звучали как *e* чистое (таково было *ē* из старого *ě*) и *i* (именно *ī*), а также перед *ь*, т. е. перед мягкой иррациональной гласной, старое *ĭ* также стало иррациональным, как и новое *ĭ*, а затем иррациональное *ĭ* того и другого происхождения в таком положении исчезло, между тем как в положении перед другими мягкими гласными новое начальное *ĭ* совпало с старым *ĭ* в звуке неиррациональном, который затем изменился, как я предполагаю, еще в общеславянском языке в *j*. Мягкие гласные, перед которыми

в эпоху распада общеславянского языка сохранялось начальное *j* из *ĭ* того и другого происхождения, были следующие: 1) *ě*, звучавшее в это время как *e^o* или *o^e* после мягких неслоговых звуков, хотя и с некоторыми ограничениями в диалектах, 2) *а* различного происхождения и 3) то *īe*, в положении после *j* из нового *ĭ*, которое получалось из дифтонга *ōi* через посредство *ō*, *eⁱ*, между тем как *j* из старого начального *ĭ* мы в таком положении не находим потому, что еще ранее той эпохи, когда стало приставляться *ĭ* перед начальными мягкими гласными, действовал в общеславянском языке фонетический закон относительно изменения *ōi* после мягких звуков в *ěi* (как и *ō* в *ě*), откуда *ī*. Мягкие гласные, перед которыми начальное *ĭ* различного происхождения не сохранялось уже в общеславянском языке в эпоху его распада, были следующие: 1) то *īe*, которое произошло из старого *ē* (литовско-славянского *e*), 2) *ī* различного происхождения, за исключением неэнклитических местоименных форм **ji*, **jīť*, **jīxъ*, **jīťā*, где *j* явилось впоследствии, еще в общеславянском языке (как свидетельствуют различные славянские языки), под влиянием таких форм, как **je*, **jā*, **jeγo* и т. д., 3) *ī* из начального *īb* (за исключением неэнклитической местоименной формы *jь*, как я разъясню далее) и 4) в некоторых диалектах также *ě*, именно *ě* чистое, существовавшее при известном фонетическом положении. Примеры для общеславянского нового *ĭ* перед мягкими гласными в тех сочетаниях, где это *ĭ* исчезло затем в общеславянском языке одинаково с старым *ĭ* в том же положении, я приведу впоследствии, когда буду говорить об отпадении в общеславянском языке начального *ĭ* различного происхождения, а теперь остановлюсь только на тех сочетаниях, где начальное новое *ĭ* перед мягкими гласными фонетически не исчезло, но перешло еще в общеславянском языке, как я предполагаю, в *j*.

Общеславянское *ĭě*, *jě* из начального *ě* является в старославянском *ѣ*, русском *е* (т. е. *je* и *jo*), например, в следующих случаях: *ѣсмь*, *ѣсп*, *ѣсть*, русское *есть*, сравните литовские *esmi* (и *esù*), *esi*, *ėsti*, греческие *εἶμι* (лесбийское *εἶμι*), *εἶ*, *εἶτι*, латинские *es*, *est*; *ѣмѣж*, как показывает, например, *възмѣж*, где сложение глагола с предложною приставкой произошло в обще-

славянском языке в то время, когда перед начальным *e* еще не приставлялось *i*; церковнославянское *ѡжъ*, русское *еж*, сравните литовское *ežys* — „еж“, греческое *ἐχῖνος*.

От этих случаев должны быть отличаемы те, в которых старославянское начальное *ю* восходит к тому общеславянскому *iě*, *jě*, где *i*, *j* из индоевропейских *i* и *j*; таково, например, начальное *ю* в местоименной основе *ю-*, например в *юго*, *югда*, где, как мы видели, *ю-* тождественно с греческой основой *δ-* в относительном *δς* из индоевропейского **ia^o-*. О таких случаях, как *ѡзеро*, при *ѡзеро*, русское *озеро* (*o* из *e*), где еще в диалектах общеславянского языка из начального *iě* (в этом примере с новым *i*) получалось *e*, я говорю далее.

В ту эпоху, когда в общеславянском языке перед начальным *ě* развивалось *i*, начальное *h* из индоевропейского *h* еще сохранялось в ударяемом *hě*. Я указывал уже прежде на те основания, которые заставляют меня предполагать для индоевропейского языка придыхание, например, в начале того местоименного корня, который является в русском *э-* (в *этот*) или в латинских *ho-*, *hi-* (из *hoi-*) в *hoc*, *hic*, но прежде я допускал возможность того, что в эпоху распада общеславянского языка индоевропейское придыхание вообще уже исчезло. Я вижу теперь, что из сопоставления между собою всех славянских языков надо вывести то заключение, что перед гласной с полным (не второстепенным) ударением начальное придыхание не исчезло и в эпоху распада общеславянского языка: в тех случаях, где мы можем предполагать для общеславянского языка начальное *h* перед такою гласной (примеры известны именно для *hě*), мы находим утрату придыхания в южнославянских языках и в великорусском языке, между тем как в западнославянских языках, в украинском и в белорусском в этих случаях является здесь *γ* (пишется буква *h*), что должно указывать на существование придыхания в эпоху распада общеславянского языка. Что же касается общеславянского начального *h* перед неударяемою гласной, то в этих случаях отдельные славянские языки не дают никаких указаний на существование придыхания в эпоху распада общеславянского языка, и из начального неударяемого *hě* я нахожу в общеславянском языке *jě*, получавшееся из *ě*, *iě*: утрата придыхания

произошла здесь, по-видимому, ранее того времени, когда стало приставляться *ĭ* перед начальным *e*. Придыхание исчезло, вероятно, еще в общеславянском языке также и перед гласною, имевшей второстепенное ударение или терявшей ударение при энклитическом употреблении слова, но из такого *hĕ* явилось не *ĭĕ*, *jĕ*, а *ě*, т. е. в этих случаях придыхание существовало еще в ту эпоху, когда перед начальным *e* развивалось *ĭ*. Общеславянское начальное *hĕ* должно было перейти в старославянский язык как *e* (и в других южнославянских языках *e*), и, действительно, в тех старославянских памятниках, которые различают написание *ѣ* и *ю*, я нахожу постоянное *ѣ*, не *ю*, из общеславянского начального *hĕ*. Сюда принадлежат именно следующие случаи в Остромировом евангелии (равно как и в некоторых других старославянских памятниках русской редакции) и в Супрасльской рукописи¹. *Еѣ* — „да“ в Супрасльской рукописи (встречается очень часто) постоянно с *ѣ*, в Остромировом евангелии (встречается очень часто) также с *ѣ*, один раз *ѣй*; в нашем современном *ей*, т. е. *jej*, в *ей-богу*, *ей-ей*, заимствованном из церковнославянского языка, не сохранилось древнее произношение. На происхождение старославянского начального *ѣ* в *ѣи* из общеславянского *he* указывают словацкое *hej* (т. е. *yej*) — „да“ и сербское диалектическое *ěja* — „да“, причем в *ěja* восходящее ударение свидетельствует о перенесении ударения с следующего слога; с старославянским *ѣи*, из общеславянского **hĕjb*, тождественно, по крайней мере по звуковой стороне, наше междометие *эй*, украинское *гей* (буквой *г* я обозначаю звук *γ*), чешское *hei* (т. е. *yei*). *Етеръ* — „какой-то, некий“, в Супрасльской рукописи 9 раз, всюду с *ѣ*; в Остромировом евангелии 11 раз с *ѣ*, два раза с *ě*; из других славянских языков то же слово не известно, но родственное нижнелужицкое *wo-tery* — „некоторый“, где *wo* из общеславянского *o*, свидетельствует о том, что в *етеръ* местоименный корень не есть то общеславянское *je-*, которое существовало, например, в место-

¹ К старославянским текстам, различающим *ѣ* и *ю*, принадлежит и отрывок, называемый Новгородскими евангельскими листками, но по незначительности объема этот памятник не дает примеров для старославянского *ѣ*, которое получалось из общеславянского начального *hĕ*.

именных формах **je*, *jeŭo* и т. д., и что, следовательно, этим корнем могло быть то же общеславянское *he-*, при *-ho-*, *-o*, которое мы находим, например, в русских *это*, *эво* и т. д., а на происхождение старославянского *стеръ* из **heterъ*, а не из **ieterъ*, **eterъ* с приставным *i* указывает постоянство написания *стеръ* в Супрасльской рукописи, без варианта *ютеръ* (сравните то, что я говорю далее об *сѣро*, при *юзеро*, в Супрасльской рукописи). Общеславянское начальное *hé* я предполагаю и в *ссс*— „вот“ в Супрасльской рукописи (в Остромировом евангелии нет этого слова), так как в пяти случаях из семи это слово является здесь с *с* в начале; что же касается *юсс*, встречающегося два раза в Супрасльской рукописи, то если *j* в этом *ю* не нового происхождения (*юсс* оба раза встречается в положении после *и*), *ю* в *юсс* могло бы восходить к общеславянскому *jě* из неударяемого начального *hě*, между тем как в *ссс* начальное *с* из *hé*. Сравните с *ссс* русское *эс-тот* (подобным же образом *эв-* в *эв-тот* родственно с *эво*, а *эн-* в *эн-тот* тождественно с украинским *ген* в *ген-ген*—„вон там“). Общеславянское *he-* в этом *в-сс* то же, понятно, что и в **he-to* или в *he-vo*, **he-no* и т. д.; из этого *hé-* великорусское *э-*, например, в *это*, *эво*, белорусское *ге-*, например, в *это*, *гено*, украинское *ге-*, например, в *ген-ген*—„вон там“, *генде*—„там“, *генто*—„недавно“, *зев*—„сюда“, чешское *he-* в *hen*—„там“ (при *hyn*), *hevka*, польское *he-* в *hen*—„вон, вон“, кашубское *he-* в *hevo*—„вот“ и т. д.

Общеславянское начальное *hé*, при *jě*, из *hě* без ударения и, может быть, при *ě* из *hě* с второстепенным ударением существовало в вопросительной частице **hédā*, при **jedā* и, может быть, при **edā*; *hédā* употреблялось только в прямом вопросе. В старославянском языке отсюда *ѣда* и *юда*, влиявшие одно на другое, причем в Остромировом евангелии (как и в других текстах русской редакции, различающих *с* и *ю*) мы находим *ѣда* (встречается очень часто, два раза в Остромировом евангелии *ѣда*), между тем как в Супрасльской рукописи *юда* является чаще, чем *ѣда* (я встретил здесь 25 раз *юда*, 11 раз *ѣда*). С старославянским *ѣда* сравните сербское *ěda* (в прямом вопросе), где *ě* из общеславянского *hé*. Общеславянское начальное *hé*, при *jě*, из *hě* без ударения, существовало также в слове **hěšče*—„еще“, при **ješčě*; кроме того, известно было, по-видимому, и

**ešče*, где *ě* из *hě* с слабым, второстепенным ударением (при энклитическом употреблении). В Остромировом евангелии мы находим как *ѡше*, так, несколько реже, и *сше*, а в Супрасльской рукописи почти исключительно является *ѡште*; с последним тождественно, например, русское *еще*, а с *сше* (*сште*) сравните русские диалектические *ѣще* и *эще* (русское *э* указывает на общеславянское *he*¹, а *эще* образовалось из *ѣще* под влиянием *еще*), верхнелужицкое диалектическое *hešće* (при *hišće*), о котором я говорю далее², словацкое *ešte*, кашубское диалектическое *esz* (при *jesz*), а также родственное *heisz* (*h*, т. е. звук *γ*, представляет собой изменение древнего придыхания), полабское *ist*, где гласная *i* объясняется фонетически из *e*.

Общеславянское начальное *hě*, при *jě*, из *hě* без ударения, можно предполагать и для старославянского *сѣѡва*, при *ѡѣѡва*. В Остромировом евангелии, где это слово встречается, впрочем, только один раз, мы находим *сѣѡва*, которое известно также и из других старославянских памятников русской редакции, различающих *ѡ* и *ю*; в Словах Григория Богослова, где, правда, написание *ѡ* употребляется нередко и вместо *ю*, слово *сѣѡва*, довольно часто встречающееся здесь, имеет везде *ѡ* (подобно, например, *стерѣ* или подобно *сѣд* при очень редком *юдѣ*); в Супрасльской рукописи в большинстве случаев является *ю* в *юѣѡва*, *юѣѡва*, *юѡва* (8 раз), и только два раза я нахожу здесь *ѡ* (*сѣѡва* на стр. 97 и 218), так что это *ѡ* само по себе не имело бы значения (в единичных случаях вообще написание *ѡ* в Супрасльской рукописи употребляется и вместо *ю*). С старославянским *юѡѡва* тождественно русское *едва*, известное и из других славянских языков с *j* в начале. Общеславянское **hédvǫ* и *hédvǫǫ*, откуда **jedvǫǫ*, я разлагаю по происхождению на **hedǫ* и **vǫ*: с последним сравните литовское *vós* — „едва“³, а **hedǫ* родственно с **hēde*, откуда, например, новоболгарское *ēde*, *ēdi* (*и* из *e* без ударения) — „кое-“, „либо“

¹ Из общеславянского начального *ě* в русском языке я жду *о*, как объясню впоследствии.

² Лужицкое начальное *he*, т. е. *γe*, может указывать не только на общеславянское *he*, но также и на *e*.

³ Литовское диалектическое *advós* — „едва“ заимствовано из русского *одва* (об *одва* я говорю далее) с присоединением *с* под влиянием *vós*.

в *еди-кой* — „какой-либо, кто-либо“, *еде-как* — „кое-как“¹; к **hed-* я возвожу и **jed-* без ударения в **jedŭnъ*, **jedъnъ*, откуда, например, старославянские *ѣднѣ*, *ѣдъn-*, между тем как словинские *eden* и *en* — „один“ указывают на диалектическое общеславянское *hě-* (*e* в словинское *eden* я объясню влиянием *e* в *en*, а о происхождении *en* — „один“ я буду говорить впоследствии).

Общеславянское начальное *ě*, из *hě* с второстепенным ударением, именно из местоименного *he-*, я вижу в кашубском союзе *e* — „и“ (сравните то, что я говорю далее об общеславянском **i* — „и“), в сербском союзе *e* — „что“, в словацком и кашубском союзе *ež* — „что“ (сравните далее польское *iż* — „что“); с этим *ež* родственно древнерусское *оже* в значении союзов „что“ и „если“, причем *оже* или из общеславянского **eže* (а мы увидим впоследствии, что общеславянское начальное *e* в русском языке перешло в *o*), или из **ože*, существовавшего при **eže* и при **āže* (древнерусское *аже* — „что“, „если“), от местоименного **ho-* (при **he-* и при **ha-*), но во всяком случае русское *оже*, по моему мнению, не из **ježe*, так как при данном фонетическом положении начальное *je* не переходило в *ě* в диалектах общеславянского языка (как я разъясню далее). Общеславянский союз **eže* — „что“ должен быть отличаем от союза **ježe*, **ježe*, представляющего собою по происхождению средний род единственного числа относительного местоимения; отсюда, например, старославянское *ѣже* — „что“ с *je* в Остромировом евангелии и по большей части в Супрасльской рукописи.

Возвращаюсь теперь к тем случаям, где общеславянский язык в эпоху его распада имел *j* из того *ĭ*, которое развилось перед начальными мягкими гласными.

Общеславянское начальное *ĭa*, *ja*, из *a* различного происхождения, является в старославянском *a*, например, в *ѣти*, тождественном с литовским *imti* — „брат“, сравните *въз-ати*, русское *вз-ять*, где глагол соединился с предложной приставкой в одном слове еще тогда, когда перед начальной мягкою гласной не развилось *ĭ*; *ѣзыкъ*, русское *язык*, родственно прусское *insu-*

¹ С общеславянскими **hěde*, **hedъ*, родственно нововерхненемецкое *et-* в *etlich* (древневерхненемецкого *ĕtalih*), *etwa* (древневерхненемецкого *ĕtteswār* — „где-либо“), *etwas*.

wis (первое *s* обозначает здесь звук *z*) — „язык“: в начале этого слова еще в литовско-славянском языке отпало *d* перед *h̃n*, как показывают латинское *lingua*, из *dingua*, новонаемецкое *Zunge* (верхнемецкое *z* из общенемецкого *t*, которое получалось из индоевропейского *d*); *msa*, *msa*, родственно, по-видимому, как я указывал уже, латышское *īgt* — „чувствовать внутреннюю боль, чувствовать неудовольствие“, а также латинское *aeger* (последнее от корня без внутренней носовой согласной). От этих случаев надо отличать по происхождению такие, как церковнославянское *ѡтры*, русское *ятровь*, где общеславянское начальное *ja*, *ja* имело *i* и далее *j* из старого *i* или *j*; с *ѡтры* родственно латинское *janitrix* (а также греческое *ἐνιάτηρ*).

Общеславянское начальное *jīe*, *jīe*, из некогда бывшего *ōi*, произошло, как я думаю, через посредство долгого *ō*, *iō*, *jē*ⁱ, т. е. я предполагаю, что в эпоху, когда перед начальными мягкими гласными появилось *i*, старый дифтонг *ōi* звучал как мягкая гласная долгое *ō* (откуда впоследствии *ē*ⁱ, совпавшее с *ē*ⁱ, из старого *ē*). В старославянском языке общеславянское начальное *jīe* перешло в *и*, а в русском языке оно частью также изменилось в *я* (*я*), частью же, в других диалектах, сохранялось как *jīe* (буква *ѣ*), откуда *je* (буква *е*); подобным же образом и в прочих славянских языках общеславянское *jīe* или совпадало с старым *ja*, или сохраняло *iē* с его дальнейшими фонетическими изменениями; может быть, еще в общеславянском языке *iē* в данном положении, т. е. после мягкой согласной, отличалось по качеству *e* от *iē* в другом положении. Общеславянское начальное *jīe* указанного происхождения я вижу в старославянском *и*, например, в следующих случаях: *идъ*, русское *яд* и древнерусское (диалектическое) *ѣдъ*, *едъ*, сербское *ijed* (*ije* = *ѣ*) и т. д., родственно новонаемецкое *Eiter*, и тот же корень, по-видимому, в греческом *οἰδαίω*; *изва*, русское *язва* и древнерусское (диалектическое) *ѣзва*, *езва*, чешское *jízva* (*i* = *ѣ*) и т. д., родственны литовские *aiža* — „щель“, *aižyti* — „лущить“, а еще ближе по образованию и по значению прусское *euswo* — „язва, рана“, где, однако, в дифтонге другая слоговая гласная, если это *eu*, т. е. *ei*, не было диалектическим прусским изменением старого *ai*. Другие примеры для общеславянского начального *jīe* — я приведу далее, когда буду гово-

рять об общеславянском начальном *ī* в чередовании с *jīe* (из индоевропейского чередования *ī* и дифтонга *āi*).

Теперь перейду к общеславянскому начальному *īā*, *jā* с *i* нового происхождения. Такое *i* перед *ā*, как я говорил уже, в некоторых диалектах общеславянского языка стало подвижным, прежде чем изменилось в *j*; в старославянском языке в этих случаях мы находим *a* и более редкое *ы*, в новоболгарском *ja* и *a*, в других славянских языках, в том числе и в русском, *ja*. Например, *агнѧ* и *агньць*, при редком *ыгньць* (последнее один раз в Сборнике Клоца: *ѣгньць*, где в начале слова глаголическая буква, соответствующая буквам *ы* и *ѣ* в кириллице), новоболгарские *агне* и *ягне*, русское *ягненок*, *ягнята*, польское *jagnię* и т. д., родственны латинское *agnus* и греческое *ἀγνός* (*μ* из *β* перед *υ*, а *β* из лабиализованного *g*); *агѧдѧ* (встречается в Саввиной книге), русское *ягода*, польское *jagoda* и т. д., родственно литовское *įga* — „ягода“ (общеславянское *ā* и литовское *į* из литовско-славянского *ō*, индоевропейского *ā^o*), а также латинское *īva*, где *ī* из *ō*; *аю* и *анце*, русское *яйцо*, польское *jaje* и т. д.; о возможной связи общеславянского **jāje*, **āje* с греческим *φῶν*, латинским *ōvum* я говорю далее; *явѣ* и *авѣ* — „явно“, *явѣти* и *авѣти*, русские *наяву*, *явиться*, польское *na jawie* и т. д., родственны древнеиндийское *āvis* — „явно“ и древнелитовские (в одном старом тексте) *ovije* — „на яву“, *ovitis* (т. е. *ovytis*) — „явиться во сне“¹; церковнославянские *яблъѧ* и *аблъѧ*, а также *яблъѧ* и *аблъѧ* — „яблоко“, *яблань* — „яблонь“, новоболгарские *яблъѧ* и *аблъѧ*, польские *jabtko*, *jabłoń* и т. д., сравните литовские *obelis* — „яблонь“, *obūlas* — „яблоко“, прусские *woble* — „яблоко“, *wobalne* — „яблонь“ (*w* приставлено перед начальным *o*). Особо надо заметить общеславянское начальное *īā*, *jā*, с *i* нового происхождения, отпадавшим в диалектах, в слове **jāzъ* — „я“ (в диалектах и **āzъ*), откуда также, с отпадением подвижного конечного *ъ*, **jāz* и далее **jā*: в старославянском языке мы находим *азъ* (один раз в Мариином евангелии и *ъзъ* вместо и *азъ*, где *j* в н-ѣ, т. е. н-я, позднейшего происхожде-

¹ Нет основания, конечно, считать эти литовские слова заимствованными из русского или польского языка; русское *я-*, польское *ja-* было бы передано через *jo-*, не через *o-*.

ния), в новоболгарском *яз* и *аз*, в других славянских языках это слово известно только с *j* в начале слова: русское *яз* (древнерусское), *я*, польское *ja* и т. д. Некогда в общеславянском языке это слово звучало, я думаю, **iez-zъ*, где *iez-* из **ez-*, с которым тождественно латышское *es*—„я“ (литовское *aš* имеет почему-то *a* и в тех диалектах, где начальное *e* не изменялось вообще в *a*); родственны греческое *ἐγώ*, латинское *ego*, отличающиеся, однако, по окончанию от общеславянского **ez-* в **ez-zъ*, латышского *es*, литовского *aš*, прусского *as* (прусское *a* могло быть фонетическим изменением начального *e*). Что же касается *-zъ* в предполагаемом мной общеславянском **ez-zъ*, **iez-zъ*, то это та же частица, которая являлась, как мы видели, и в соединении с предлогами, например в **be-zъ*; сравните по употреблению греческое *γα* в дорическом *ἐγὼνγα*. Из **iezzъ* получилось далее в общеславянском языке, по моему предположению, **iēzъ*, причем, следовательно, вместе с изменением *zz* (двойной звонкой фрикативной) в одно *z* удлинилась предшествовавшая краткая гласная (имевшая на себе ударение)¹, а **iēzъ* должно было обратиться в **iāzъ* (откуда **jāzъ*) в ту эпоху, когда *ē* после мягких звуков переходило в *ā*; понятно, что образование **iēzъ* из **iezzъ* мы должны относить к тому времени, когда уже не существовало *i* (старое и новое) перед старым *ē* в начале слова, так как иначе и из этого **iēzъ* явилось бы **ezъ*. Совершенно невероятным кажется мне предположение, по которому **iēzъ*, откуда **iāzъ*, образовалось из *iezzъ* (а это **iezzъ* сопоставляют с древнеиндийским *aham*—„я“ и отделяют, следовательно, по окончанию от соответственного слова в балтийских языках), под влиянием аналогии долгой гласной в **tu*—„ты“: не было бы, я думаю, никакого повода для такого влияния, так как **iezzъ* (в два слога) и **tu* (односложное) не имели бы ничего общего между собой по звуковой сто-

¹ Других случаев для такого фонетического явления я не знаю в общеславянском языке, но надо иметь в виду, что самое сочетание *zz* могло получиться здесь лишь при слитии одного слова, оканчивавшегося на *z*, с другим, начинавшимся с *z*. Прибавлю еще, что сказанное мною об удлинении общеславянской краткой гласной перед *z* из *zz* не распространяется на иррациональную гласную (сравните далее об *i* в предлоге **izъ*).

роне.— По поводу старославянского *а* в *азъ* и новоболгарского *а* в *аз* (при *яз*) надо заметить, что это *а*, *α*, образовавшееся, несомненно, из *ia*, показывает, что и в таких случаях, как *агньць*, новоболгарское *агне* (при *ягне*), *агода* и т. д., нет основания видеть в *а*, *α* старое начальное *ā*, а не изменение сочетания *ia*, терявшего *i*.

От случаев, в которых общеславянский язык имел начальное *ia*, *ja* с новым *i*, подвижным в диалектах, надо отличать те случаи, где общеславянское начальное *ia*, *ja* представляло старое *i*, откуда *j*; в случаях последнего рода и в старославянских текстах мы находим только *и*, не *а*. Примерами старославянского начального *и* из общеславянского *ia*, *ja* с старым *i* могут служить: *икъ* — „какой“ (относительное местоимение), родственное с литовским *joks* — „какой“, местоименный корень тот же, что и в формах *юго*, *юмоу* и т. д., *имже* — „куда“ (относительное) от того же местоименного корня; *имл*, русское *яма*, латышское *jūta* — „глубокое место в море между мелью и берегом“; *иръ*, *ирость*, русские *ярый*, *яриться*, сравните греческое *ζωρός* — „крепкий“ (о вине), где, следовательно, *ζ* из индоевропейского *j*. От *икъ* должно быть отличаемо по происхождению древнерусское *акъ* с тем же значением (например, в Изборнике 1073 года, в летописях), где *а* из общеславянского *hā*; с этим *акъ*, неизвестным из старославянских текстов в качестве местоимения, сравните старославянский союз *акъ*, о котором я говорю далее, а по образованию это *акъ* (из **hā* + местоимение **kъ*) должно быть сопоставляемо с русским *экой* (из **he* + местоимение **kъ*). При старославянском *имже* мы находим в церковнославянских текстах, писанных в России, и *имже* с тем же значением (например, в Изборнике 1076 года); я предполагаю, что это *имже*, не существовавшее в самом русском языке, явилось из *имже* под влиянием *акъ*, *акы*, *акъ*, при *икъ*, *икы*, *икъ*.

В тех редких случаях, где общеславянский язык в эпоху его распада имел начальное *ā*, это *ā* восходит к более древнему *hā*, в котором придыхание еще сохранялось в то время, когда перед начальным *ā* развивалось *i*. Общеславянское *ā*, из *hā*, является в союзе **ā*, откуда старославянское *а*, русское *а* (*а-ли*, *а-вось* и т. д.), польское *а* и т. д.; с этим **ā* тождественно литовское *о* — „и, а“ (придыхание не сохранилось

в литовском языке). Тот же союз **ā*, из **hā*, мы находим в старославянском *аште* — „если“, в древнерусском *аче* — „если, хотя“, а также в чешском *аѣ* — „если, хотя“, в польском *асз* — „хотя“, которые не тождественны с *аште* (русское *и* в *аче* может соответствовать как старославянскому *шт*, так и чешскому *ѣ*, польскому *sz*). При *аште* старославянские тексты имеют и *иште*, вообще очень редко (в Супрасльской рукописи один раз: *ишн иште*), но в Синайской псалтыри часто (*ѣште*, т. е. с тою глаголическою буквой, которая соответствует буквам *и* и *ѣ* кириллицы); по-видимому, это *иште* имеет *и* вместо *а*, позднейшего происхождения. Общеславянское начальное *а*, из *hā*, является также в старославянских частицах *акы* — „как“ и *акѡ* — „когда“, *акѡже* — „как“, представляющих собой по происхождению формы того местоимения, которое мы находим в древнерусском *акъ*. С *акѡ* (в Супрасльской рукописи), которое должно быть отличаемо по происхождению от *иакѡ*, сравните словинское *ako* — „если“, словацкое *ako* — „как“ (относительное), верхнелужицкое *hako* — „как, когда“ (относительные), нижнелужицкое *ako*, кашубское *ako* — „как“. При *акы* существовало в старославянском языке и *ѡкы* с тем же значением (в Супрасльской рукописи); последнее из общеславянского **hokъ*, **okъ*. Местоименный корень, являющийся в общеславянском *ā*, из *hā*, в союзе **ā* и в **ako*, **aku*, тот же, что и в общеславянских *he-* и *o-* из *ho-*.

В то время когда в начале слов перед мягкими гласными и перед *ā* развивалось *i*, перед прочими начальными гласными, т. е. перед гласными губными, появлялось в общеславянском языке *ѹ*, которое, кроме того, приставлялось в диалектах и перед начальным *ā* (или *ā⁰*) без ударения; в эпоху распада общеславянского языка это *ѹ* перед *ъ*, *ѹ*, *ā*, а в диалектах также и перед *ж* являлось измененным в *ѹ*, между тем как перед *ѡ*, *ѹ*, а в диалектах и перед *ж* оно исчезло. По отношению к общеславянским начальным *ѡ* и *ѹ* можно было бы думать, конечно, и так, что перед этими гласными общеславянский язык вовсе не получал приставного звука, но ввиду того что перед прочими начальными гласными существовал в общеславянском языке приставной звук, правильнее, мне кажется, предполагать, что и начальные *ѡ* и *ѡѹ*, откуда *ѹ*, не составляли в этом отношении исключения, т. е. что и перед этими глас-

ными развивался неслоговой звук, и притом именно то же *и*, которое являлось и перед начальными звуками *и*, т. е. перед *ѣ* (или *й*) и перед старым *й̄*, изменившимся далее в *у*; что же касается последовавшей затем утраты *и* перед *ѡ* и перед *ѡи* (когда последнее, может быть, еще не изменилось в *й̄*) или *й̄* (из *ѡи*), то сравните утрату начального *і* перед звуками *е* известного качества и перед звуками *і*. Итак, я думаю, что, например, в старославянских *око*, *оуи* (сравните *ѡстѣ*, латинское *oculus*), *оухо*, *оуши* (сравните литовское *ausis*, латинское *auris*, а также греческое *ὄψ*) общеславянские начальные *ѡ* и *й̄* образовались из *ѡѡ* и *ѡѡи*, с приставным начальным *и*. Что касается, впрочем, начального *ѡѡи*, то не во всех случаях оно утратило приставное *и*, и в слове **вӣѣ* — „дядя по матери“ (сравните литовское *avūnas* — „дядя“, латинские *avus*, *avunculus*) и в производных от него существовало *вӣ* из *ѡѡи*, хотя в диалектах известно было здесь, вероятно, и *й̄*, без *в* (**й̄ѣ*). На общеславянское *в* в начале этих слов указывают польские *wi**j* (при *и**j* в старых текстах), *wi**j**na* — „жена дяди по матери“, а также новоболгарское *вуйна* с тем же значением (приведено в Этимологическом словаре Миклошича), при *уйка* — „дядя по матери“, словинское *vi**j**es* — „дядя по матери“, при *и**j**es*; украинские *вуй*, *вуйна* также могут иметь старое *в*¹. Вместе с тем и относительно тех славянских языков, где мы находим отсутствие *в* в начале этих слов (например, в древнерусском *уй*, при *вуй* в Ипатьевской летописи, в чешском *и**j* и т. д.), может быть вопрос, не произошло ли здесь начальное *и* (*у*) в этих словах, по крайней мере частично, из общеславянского *вӣ*. Итак, допуская, что еще в общеславянском языке при *вӣ* в **вӣѣ* и т. д. существовало в диалектах и *й̄* (**й̄ѣ*), мы имеем право думать, что это *й̄* образовалось здесь непосредственно из *вӣ*, т. е. что в этих словах приставное *и* перешло в общеславянском языке в *в*, между тем как, например, из **ѡѡи**хо* получалось **и**хо* без посредства **вӣхо*, но с утратой *и*. Общеславянское **вӣѣ*, при **й̄ѣ*, свидетельствует, следовательно, о том, что история дифтонга *ѡи* перед *ј* отличалась в обще-

¹ В Словаре Желеховского при *вуй*, *вуйна* не указаны *уй*, *уйна*, между тем как, например, при *ухо* здесь приводится более новое *вухо*.

славянском языке от истории того же дифтонга в другом положении; по-видимому, из *ѡи* перед *ј* получилась долгая закрытая гласная (перед которою *ѡ* перешло в *ѡ*) ранее, чем из *ѡи* в другом положении. Не для всех, однако, слов, начинавшихся с *о* в эпоху распада общеславянского языка, мы должны предполагать происхождение этого *ѡ* непосредственно из *ѡѡ*; в числе этих слов были и такие, в которых общеславянский язык имел некогда *h* (из индоевропейского *h*) перед *ѡ*, а по аналогии с тем, что мы знаем относительно общеславянских начальных *he* и *ā* из *hā*, надо думать, что и в начальном *ho* под ударением придыхание еще сохранялось в ту эпоху, когда стали приставляться звуки *ѡ* и *і* перед начальными гласными. Общеславянское начальное *ѡ* из некогда бывшего *hō* (через посредство *ѡѡ* лишь в старом положении без ударения) надо предполагать в тех словах, где *о* чередовалось с *he* и с *ā* из *hā*; например в **ošče* (русское *още*, новоболгарское *още*¹), при **héšče* и **ješčé*, в **odъvā* (русское *одва*, новоболгарское *одвай*), при **hédъvā*, или **edъvā* (старославянское *ѣдѡ*) и **jedъvā*, в **oky* (старославянское *ѡкы*), при **āky* из **hāky*. Вероятно, и в местоимениях **onъ* (старославянское *онъ*, русское *он*), **ovъ* (старославянское *ѡвъ*) общеславянское *о* из *ho*; сравните **heno*, **hevo*.

В одном случае мы находим в общеславянском языке начальное *о* вместо ожидаемого *ѡо*, с старым *ѡ* из литовско-славянского *ѡ*, именно в словах **osā*, **osъ*, **osъvā*—„оса“, откуда старославянское *оса*, русские *оса*, *осва*, сербские *оса*, *ос*, чешские *os*, *osva*, польское *osa* и т. д.; с **osā* сравните литовское *vapsā*—„овод“ (в общеславянском языке *p* перед *s* фонетически исчезло), с которым родственны древневерхненемецкое *wafsa*, *wefsa*—„оса“, нововверхненемецкое *Wespe*, латинское *vespa*. Общеславянское **osā* не могло бы получиться фонетическим путем из **vosā*, т. е. начальное *ѡ* не могло бы отпасть, но нельзя ли предположить, что **vosā* изменилось в общеславянском языке в *ѡosā*, откуда **osā*, вследствие смешения с каким-то словом от того корня, который является, например, в старо-

¹ Сюда же принадлежат новоболгарское *ѡоще*, сербские *ѡоште*, *ѡошт*, словинское *joščé*, где *jo* из *о* под влиянием *ј* в параллельном **ješčé*, откуда словинское *ješčé* (при *eščé*).

славянских *остръ, остънь*— „стрекало“ и т. д. (родственны латинские *acies, acio*, греческое *ἄχ-οχτή* и т. д.)?

Общеславянское начальное *цѣ*, с приставным *ц*, с течением времени изменилось в *вѣ*, которое в эпоху распада общеславянского языка в части диалектов звучало как *ѣ*, без *в*. Из числа тех славянских языков, в которых сама общеславянская гласная *ѣ* не перешла в звук *и* (русское *у*), мы находим только в старославянском языке отсутствие *в* (*ѣ*) перед начальным *ѣ*, между тем как в прочих, именно в польском, кашубском (где, впрочем, частью известно и *и* из носовой гласной *ѣ*), полабском, словинском и новоболгарском языках, здесь является начальное *в*, причем в словинском языке, кроме *во*, соответствующего старославянскому начальному *ѣ*, существует в тех же словах и *о*, а в новоболгарском при *въ* (отсюда и *ѣ*, с утратой *в*)¹ мы находим в соответствии с старославянским начальным *ѣ* также и диалектическое *йѣ*. Что касается тех славянских языков, в которых общеславянская носовая гласная *ѣ* сама по себе перешла в звук *и* (русское *у*), то из них украинский язык, имея *ву*, при *у*, в соответствии с старославянским начальным *ѣ*, указывает, я думаю, в *ву* также на общеславянское начальное *вѣ* (в этом *ву в* более известно в украинском языке, чем *ѣ* в *ву*, при *у* и *ѣ*, из общеславянского начального *йѣ*); в прочих из таких славянских языков история общеславянского начального *вѣ*, *ѣ* совпала с историей общеславянского начального *йѣ* (например, великорусское *у*, верхнелужицкое *ви*, нижнелужицкое *һи*, т. е. *γи*), т. е. эти языки могли получить из общеславянского языка как начальное *ѣ*, так, по крайней мере частью, и начальное *вѣ*, совпавшее здесь с *ѣ*. Итак, я думаю, что общеславянское начальное *вѣ*, из *цѣ* с приставным *ц*, еще в диалектах общеславянского языка изменилось в *ѣ*, откуда как старославянское *ѣ*, так, например, и словинское *о*, при *во*; в болгарском языке это общеславянское *ѣ* перешло в *јѣ* и далее в новое *йѣ* (при *въ* из *вѣ*). Надо заметить, что общеславянское начальное *цѣ* с приставным *ц* с течением времени совпало с старым начальным *вѣ*, где *в* из литовско-славянского *у*; поэтому-

¹ Утрата *в* известна и в других случаях в диалектах новоболгарского языка.

то можно думать, что общеславянское диалектическое *ж* из начального *цж* образовалось через посредство *цж*, в котором *ц* получало такое же изменение, как и в старом начальном *цж* в тех же диалектах. Общеславянское начальное *цж*, диалектическое *ж*, из *цж* с приставным *ц* является в старославянском *ж*, например, в следующих случаях: *жгль*, русское *угол*, украинское *вугол*, при *угол*, словинское *vogel*, при *ogel*, польское *węgiel*, сравните латинское *angulus*; *жгль*, русское *уголь*, украинское *вуголь*, при *уголь*, словинское *vogel*, при *ogel*, польское *węgiel*, полабское *vegil*, сравните литовское *anglis* — „уголь“; *жзъкъ*, русское *узок*, *узкий*, украинское *вузкий*, при *узкий*, словинское *vozek*, при *ozek*, польское *wązki*, сравните латинское *angustus*. Указание на то, что в общеславянском языке перед начальным *ж* некогда существовало приставное *ц*, можно извлечь и из общеславянского *ц* в том **vaz-*, которое является в старославянском *вазати*, русском *вязать*, и т. д. Это слово родственно с старославянскими *жза*, *съжзъ*, при *съвжзъ* (русские *узы*, *союз* заимствованы книжным языком), *жже* — „веревка“, а также, например, с русским *узел*, польским *węzeł* и т. д.; общеславянское **vaz-* в старославянском *вазати* образовалось из **цаз-*, а последнее получило приставное *ц* под влиянием **цжз-* (откуда, например, старославянское *жз-* в *жза*), между тем как фонетически вместо **vaz-*, из **цаз-*, должно бы было явиться **цаз-*, с приставным *ц*, и далее **жаз-*. С старославянскими *жза*, *съжзъ*, *вазати* родственны, по-видимому, греческое *ἄγχι*, латинское *ango* (от того же корня старославянское *жзъи*, латинское *angustus*), хотя для *ж* в *вазати* не известно соответствие из других (неславянских) языков; чередование гласных, полученных из общего индоевропейского языка, здесь такое же, как, например, в греческом *ἄγχιλος* и латинском *anguilla* — „уж“¹. По поводу старославянского *съ-вазъ* (в Супрасльской рукописи, в Сборнике Клоца), при *съ-жзъ* (в Супрасльской рукописи), а также *съ-ваза* (в Словах Григория Богослова), при **съ-жза*, замечу, что здесь в восходит

¹ С индоевропейским корнем **ǵn̥gh* (с *gh* средненёбным) в *вазати* можно сопоставить его звуковой вариант **nǵn̥gh*, являющийся, по-видимому, в латинском *necto* и в древнеиндийском глагольном корне *naḥ* — „шить“, хотя в древнеиндийском языке с *naḥ* такого происхождения смешался глагольный корень *nadh*.

к общеславянскому *ч* из *ц*, т. е. и в тех диалектах общеславянского языка, где начальное *ц* перед *ж* исчезало, то же *ц* перед *ж* внутри слова (в сложном слове) изменялось фонетически в *ч*; так же объясняется чешское *чи* в *ра-виц* — „рычаг“ (сравните польские *po-wąz* и *ra-wąz* с тем же значением), при начальном *и* из *ж*, например, в *uzel* — „узел“. В Супрасльской рукописи в одном месте (стр. 333 в издании Миклошича) является и *вжъ* вместо *жъ* (от *жа*), именно в *прѣтвѣ* (описка или опечатка издания вместо *протвѣ*) *вжъ*, но я предполагаю здесь в *вжъ* описку, вызванную буквами *вж* в окончании предшествующего слова. В Словаре Миклошича приведено и старославянское *вжъ* — „vinculum“ с ссылкой на Сборник Клоца, но в указанном месте надо читать *сѣвжъ* (от *сѣвжъ*), а не *сѣ вжъ* (*дѣжъ кѣ сѣвѣ сѣвжъ* *любъвѣнѣмъ совѣжъ* *оуплѣжѣше*).

Я говорил, что в общеславянском языке начальное *цж* с приставным *ц* совпало с течением времени с начальным *чж*, имевшим старое *ч*, т. е. как *чж*, из *цж*, обращалось в диалектах в *ж*, так и из *чж* с старым *ч* те же диалекты получали *ж*. Старославянское начальное *ж* из общеславянского *чж*, *ж* с старым *ч* я вижу в следующих случаях: *жъ* — „ус“ в *голожъ* (указано в Словаре Миклошича), русск. *ус*, *усы*, украинск. *вус*, *вѹси* и *ѹси*, польское *wąs* и т. д., родственно прусское *wanso* — „пушок на подбородке“¹; *жтъ* — „дырявый“, русское *утлый* — „дырявый; хилый, слабый; калека“, украинские *вѹтлий* и *ѹтлий* — „слабый, бессильный“, польское *wąty* — „слабый, бессильный; непрочный“ и т. д., родственны немецкие *wund*, *Wunde* и греческое *ὄττω*².

В ту эпоху, когда начальные *цж* и *чж* еще различались в общеславянском языке, в словах **жзѣ*, **жзъ* и в родственных с ними начальное *ц* было уже изменено в *ч*, под влиянием *ч* (из *ц*) в **чжзѣ*, а прежде чем начальные *цж* и *чж* совпали фонетически, начальное *чж* без ударения подверглось в общеславянском языке тому фонетическому изменению, результатом которого явилось *ѣж* из такого *чж*, хотя под влиянием аналогии

¹ Родственное слово известно и из кельтских языков (см. Фика *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, четвертое издание II, 216).

² Греческое *ὄττω* произошло из индоевропейского *цгnt*, с присоединением *о* перед начальным *ц* и с изменением *цгг* в *и*.

со стороны родственных слов, имевших *vъ* под ударением, в словах с начальным *ъ* указанного происхождения известны были и параллельные образования с *vъ*, откуда диалектическое *ж*. Сюда принадлежат именно следующие случаи: **ъmsienica* (например, в церковнославянском *гоусъницѣ*, русском *гусеница*, польском *gąsienica*), при **vъmsienica*, **msienica* (например, в церковнославянском *оусъница*, польском *wąsienica*, а также, с другим значением, в русском *усеница*, *заусеница*), сравните **vъsъ*, **sъ* — „ус“; **ъжъ* — „веревка для связывания, ремень“ (например, в русском *гуж*, словинском *gož*), сравните **vъže*, **жъ* — „веревка“, например в старославянском *жъ*; **ъжъvā* — „связь, например, из прутьев“ (например, в словинском *gožva*, а также в украинском *гужва* — „связь у плуга“, польском *gązwo* — „связь у цепа“, при **vъжъvā*, **жъvā* (в украинском *вужва*, при *гужва*), сравните **vъže*, **жъ* — „веревка“; **ъжъ* — „петля, связь“ (в белорусском *гуз* — „петля“, в олонцеком *пригуз* — „связь у цепа“), сравните **vъжъ*, **жъ*, например, в старославянских *съвъжъ*, *съжъ*. Предполагая в этих случаях для общеславянского языка *ъ*, не *гъ*, я имею в виду олонцкое *пригуз*, с тем же *з*, которое сохраняется в этих говорах и в *того*, *его* и т. д., где, как мы видели, общеславянский язык имел *ъ*; можно предполагать поэтому, что общеславянское *ъ* при положении в начале слова изменилось в великорусском в *г* (в *гуж*, *гусеница*) в то время, когда оно сохранялось еще между гласными, хотя я не имею прямых указаний на то, что изменение начального *ъ* в *г* не произошло еще в общеславянском языке.

Возвращаясь к истории приставного *и* в общеславянском языке. В положении перед *ъ* и *у* в эпоху распада общеславянского языка существовало *и* из приставного *и*; отсюда *и* и в отдельных славянских языках. Старославянское начальное *въ-* с в такого происхождения является в слове *въторъ*, *въторын*, русское *второй*, о котором я уже говорил (из *(*h*)*ntorъ*, **rtorъ*, **utorъ*); родственно, например, как мы видели, литовское *antras* — „второй“ (с другою индоевропейскою гласной). Такое же *в* в предлоге *въ*, русские *во*, *в(ъ)*, родственном с предложною приставкой *ж-*, русское *у-*, например, в *жовницѣ* — „раздор, мятеж“, *ждоль* — „долина“ (церковнославянское *юдоль*, из *ждоль*, где *ж* из *ж* болгарского происхождения), или, например, в русском *уток*, поль-

ском *watek* (в старославянском было бы *жтъкъ, сравните тъкати); родственны греческое *ἐν*, латинское *in*, латышское *ē* (из *e*), литовское *i*. Как именно произошло общеславянское *ъ* в предлоге **уъ*, я не определяю, так как мне представляются здесь возможными различные объяснения; по мнению некоторых лингвистов, *уъ* тождественно по происхождению с *ж* и восходит к **on*, с фонетическим изменением конечного *on* в *in*; но, может быть, *ъ* в *уъ* из индоевропейского *ǵn*. Старославянское начальное *въ* с общеславянским *у* из приставного *ѹ* является также в слове *въпѣти* — „кричать“, русское *вопить*, как это видно из *възѣпѣти*, где нет *в* перед *ъ* именно потому, что соединение глагола с предложной приставкой в одном слове произошло здесь ранее того времени, когда в общеславянском языке перед известными начальными гласными приставилось *ѹ*.

Старославянское начальное *въ* другого происхождения, с *в* из того общеславянского *у*, которое было получено из литовско-славянского *u*, т. е. из индоевропейских *u* и *ɥ*, мы находим в словах *вънъ*, русское *вон* (например, в *пошел вон!*), *вънъ*, церковнославянское *изъвънѹ*; родственно прусское *winna* (читается *wina*) — „вон“, *is-winadu* — „извне“, хотя отношение прусского *i* к общеславянскому *ъ* для меня не ясно: представляет ли общеславянское *ъ* в **уънъ* фонетическое изменение (при каком-то условии) литовско-славянского *i*, или же в литовско-славянском языке существовали здесь, с различиями по диалектам, и *i* и *u* из индоевропейского *ǵ*?

Старославянское начальное *вы* с общеславянским *у* из приставного *ѹ* является, например, в *вънѣти* — „учиться“, русское *привыкнуть*; от того же корня, но с первоначальным дифтонгом, *ѹуѣти*. Такое же общеславянское *у*, например, в **vydra*, откуда русское *выдра*, польское *wydra*, сербское *vǐdra* и т. д. (из старославянских текстов это слово не известно); тождественно литовское *ūdra* — „выдра“ (с долгим *u*), родственны греческие *ῥοδρ*, *ῥδρ* и новонемецкое *Otter* (с *o* из краткого *u*). Сюда же принадлежит общеславянское *у*, например, в **vuma*, откуда русское *вымя*, польское *wumię* и т. д. (в общеславянском **vuma* перед *m* фонетически исчезло *d*); тождественно, я думаю, латинское *-uten* в *sūten* — „вымя свиньи“ и родственны греческое *οὔθαρ*, латинское *ūber* (где *b* из индоевропейского *dh*).

В старославянском личном слове *вѣ*, русское *вы*, общеславянское *у* из индоевропейского *u* или *ui*; сравните *васъ*, *вамъ* и т. д., а также, например, латинское *vos*. Общеславянское *у* в **уу* — „вы“ объясняется, я думаю, так же, как *у* вместо *ā* из *ās* в именительном множественного и в родительном единственного числа имен с основами на *-ā*, например в старославянском *женѣ* (об этих случаях я уже говорил), т. е. *кѣ* может быть тождественным по происхождению с латинским *vos*.

Приставное *и* в диалектах общеславянского языка развивалось и перед начальным *ā*, по крайней мере перед *ā* без ударения (или, может быть, перед *ā°*, если позднейшее *ā* в эту эпоху, по крайней мере в положении без ударения, звучало еще как *ā°*), а из *иā* получалось далее *уā*, хотя по большей части перед старым начальным *ā* нам известно в общеславянском языке *і*, откуда *ј*. Общеславянское *уā* такого происхождения надо предполагать в диалектических **уāјѣ*, **уāјьсѣ* — „яйцо“, откуда словацкое *vajse*, чешское *vejse* (из **vajse*), между тем как другие славянские языки указывают здесь, как мы видели, на общеславянские **јајѣ*, **јајьсѣ* и **āјѣ*, **āјьсѣ* из **іāјѣ*, **іāјьсѣ* с приставным *і*. Такое же общеславянское начальное *уā* существовало в слове **варьно* — „известь“, которое, по-видимому, было заимствовано некоторыми диалектами в таком виде из других диалектов; отсюда сербское диалектическое *вāпно* (с перенесенным ударением), словинское диалектическое *варно*, польское *варно*, чешское *варно*, церковнославянское по-ваи(ь)нѣи, по-ваплѣи — „покрытый известью“, между тем как сербское диалектическое *јāпно* (с перенесенным ударением) указывает на общеславянское **јāрьно*, а словинское *арно*, может быть, из общеславянского диалектического **āрьно*, имевшего *ā* из *іā* (или же словинское *арно* заимствовано из болгарского языка?). Происхождение этого слова мне не известно.

Развитие в общеславянском языке звуков *і* и *и* между гласными

Появление в общеславянском языке звуков *і* и *и* перед начальными гласными происходило, вероятно, в ту эпоху, когда согласные (неслоговые) в конце слов уже не существовали и когда, следовательно, слоговая гласная в начале слова представ-

ляла собой слоговую гласную в начале слога при всяком положении слова, как в начале речи (или после паузы), так и в тесном сочетании в речи с предшествовавшим словом. Понятно, что одновременно с появлением звуков *ĭ* и *ѳ* перед начальной слоговою гласной, как перед гласною начала слога, те же *ĭ* и *ѳ* должны были развиться и в положении между слоговыми гласными внутри слов, т. е. также перед гласною начала слога. Действительно, мы имеем указания на то, что в общеславянском языке в ту эпоху, когда еще не существовали такие образования, как **dobrāeŷo*, т. е., когда в **dobrāeŷo* еще сохранялось *ĭ* между гласными, стечение внутри слов двух слоговых гласных, не тождественных по качеству, не допускалось, и между такими гласными должно было появляться или *ĭ* с дальнейшим его фонетическим изменением, или *ѳ* с его фонетическим изменением; при этом, однако, перед одною и тою же слоговою гласной в положении после слоговой гласной допускались и *ĭ* и *ѳ* (с различиями по диалектам), т. е. различие между *ĭ* и *ѳ* в этих случаях могло обуславливаться не только качеством той гласной, перед которой развивался такой неслоговой звук, но также и качеством предшествовавшей гласной. Случаи, о которых я говорю, являются в следующих словах.

Общеславянские **rъkojati* и **rъkovati* (где вторая часть сложного слова родственна с глаголом **jati*, старославянское *ѣти*): старославянские *ръкоѣти* и *ръковати* — „manipulus“, словинское *rokovet*, сербское *руковѣт* с тем же значением, чешское *rukovět* — „рукоятка“ и „горсть чего“, польское *rękojeść* — „рукоятка“ родственно, хотя фонетически не тождественно, с *ръкоѣти*), русское архангельское *руковядь* — „рукоять“, вместо *руковѣти* (русское *рукоять*, откуда *рукоятка*, заимствовано книжным языком); в русском *руковядь* и в сербском *руковѣд*, при *руковѣт*, *д* явилось вследствие смешения этого слова с общеславянским **rъkovadъ*, откуда словинское *rokovad* — „горсть хлеба“ (при *rokovat*, под влиянием *rokovet*), а здесь вторая часть родственна с глаголом **voditi* (сравните словинское *rokovoditi* с значением „handhaben“). Общеславянские **rъjъkъ* и **rъvъkъ*, **rъkъ* (из **rъvъkъ*) — „паук“, **rъjъčīnā* и **rъvъčīnā*, **rъčīnā* (из **rъvъčīnā*) — „паутина“; старославянские *пѣхунѣ* и *пѣхунѣ*, русские *паук*, *паутина* (из **паукина*, а **паукина*, вместо **пау-*

чина под влиянием наук), польское *pa'qk*, *rajeczyna*, чешское *равоник*, *равичина* и т. д.; происхождение общеславянского **rājъkъ*, откуда **raiъkъ*, **rājъkъ* и **raiъkъ*, **rāvъkъ* (**rājъkъ*), не известно мне; может быть, здесь было некогда индоевропейское *ī* между гласными, а индоевропейское *ī* в таком положении должно было исчезнуть еще в литовско-славянском языке. Общеславянские **čolъiēkъ*, из **čelъiēkъ*, *čelъēkъ*, и **čolъiēkъ*, из **čelъvēkъ* — „человек“; из **čelъiēkъ* получилось **čelъēkъ* и далее **celъiēkъ* тогда же, когда, например, **dobrāiēyo* обратилось в **dobrāeo*, т. е. когда исчезало *ī* между гласными в положении перед ударяемою гласной. О происхождении этих общеславянских слов и об истории их в отдельных славянских языках я уже говорил прежде, хотя связь между собою общеславянских **čolъiēkъ* и **čolъiēkъ* оставлена была мною тогда не разъясненной, точно так же как и относительно *ē*, *iē* в этих словах я не решал прежде, произошло ли оно из старого, литовско-славянского *ē*, или из дифтонга; но если бы общеславянский язык имел некогда **čelъioiъkъ* (с ударением на *oi*), то отсюда в результате получилось бы **čolъiъkъ*, так как изменение *oi* в *ei* после мягких звуков происходило ранее той утраты *ī*, какая вызывалась положением этого звука между гласными, перед ударяемою гласной (сравните **dobryiъxъ*, где *i* из *oi* после *i*); следовательно, *ē*, *iē* в **čolъiēkъ* и **čolъiēkъ* образовалось из старого, литовско-славянского *ē*, а изменение **čelъiēkъ* в *čelъēkъ*, **čolъiēkъ* свидетельствует о том, что утрата *ī* между гласными, перед ударяемою гласной, происходила ранее того времени, когда *ē* из старого *ē* в положении после мягких звуков изменялось в *ā*. Рассматриваемый нами фонетический закон относительно появления в общеславянском языке звуков *ī* и *и* в положении между гласными, не тождественными по качеству, дает объяснение и того уже известного нам факта, что в глаголах с производными основами настоящего времени на индоевропейские *-ā^aiā^{e/o}-*, *-ā^eiā^{e/o}-*, где *ī* между гласными исчезло еще в литовско-славянском языке, общеславянский язык имел в 3-м лице множественного числа формы на *-ājъtb*, *-iējъtb*, а не на *-ājъtb*, *-iējъtb*; мы видим теперь, что из *-ājъtb*, *-ējъtb* должны были фонетически явиться или *-ājъtb* и *-ējъtb*, *-iējъtb* (где *j* из *ī*), или *-āvъtb* и *-ēvъtb*, *-iēvъtb* (где *v* из *и*), откуда в диалектах можно бы

ждать *-ājtъ*, *-īejtъ*, а на появление в этих случаях исключительно лишь образований на *-ājtъ*, *-īejtъ* (не на *-āvjtъ*, *-īevjtъ*) могли влиять образования на *-ājtъ*, *-īejtъ* глаголов с теми производными основами, в которых существовало старое *j* между гласными. Соответственным образом объясняются в тех же глаголах формы на *-ājъ*, *-īejъ*, из *-āжъ*, *-ēжъ*, в 1-м лице единственного числа и формы на *-ājetъ*, *-īejetъ* и на *-ājeviē*, *-īejeviē* в 1-м лице множественного и двойственного числа, где некогда основа должна была оканчиваться на *-āo-*, *-ēo-*.

Что касается стечения двух тождественных по качеству гласных, то в таком положении в общеславянском языке не развивались *i* и *u* между гласными, как свидетельствуют рассмотренные уже нами глагольные образования настоящего времени с основами на *-āa-*, из *-āe-* (где между гласными исчезло фонетически индоевропейское *i*), например в старославянских *бываатъ*, *бывааши*; такого же рода общеславянские глагольные образования настоящего времени с основами на *-īee-*, из *-ēe-*. Стечение двух тождественных по качеству гласных существовало также, как мы видели, в основах общеславянского импекта.

Утрата начального *i* в общеславянском языке

В ту эпоху жизни общеславянского языка, когда уже образовалось новое начальное *i*, приставленное перед начальными мягкими гласными и перед *ā*, и когда не существовало *i* между гласными (см. выше), возник фонетический закон, по которому начальное *i* всякого происхождения (старое и новое) перед старым *ē*, из литовско-славянского *ē* (новое *ē* из дифтонга *ōi* в эту эпоху еще не существовало), перед *ī* различного происхождения (или перед *ěi* и *ī*, если *ěi* в это время еще не совпало с *ī*) перед *ь* исчезало и, следовательно, было непосредственно перед тем иррациональным; это явление ограничивалось началом слов потому, что не в начале слов *i* в эту эпоху уже не было известно (*i* после согласных еще ранее уподобилось предшествовавшей согласной). В некоторых диалектах общеславянского языка начальное *i* исчезало или становилось подвижным также и перед *ě*, но лишь при известном фонетическом положении, именно там, где следующий слог заключал в себе *ě* не

после мягкого звука, а в некоторых частях таких диалектов также и в тех случаях, когда следующий слог заключал в себе другую мягкую гласную. Я предполагаю на основании этого, что в то время, когда происходила диалектическая утрата начального *i* перед *ě* при указанном условии, гласная, обозначаемая мною через *e*, в положении после мягких неслоговых звуков была вообще не чистым *e*, но, вероятно, известным видом *ǫ* (*ǫ'*) и что только перед слогом, заключавшим в себе *e* (понятно, не после мягкого звука), а в некоторых диалектах и перед слогом, имевшим другую мягкую гласную, существовало в это время, по крайней мере в диалектах общеславянского языка, чистое *ě* в положении после мягкого звука, и притом, конечно, не только в начальном слоге слов, но также и внутри слов.

Утрата в общеславянском языке начального *i* перед *ě* из старого *ē* (когда *ē* еще не изменилось в *ā* в положении после мягкого звука) является, во-первых, в тех словах, из которых произошли старославянские *ѣмь*, *ѣсти*, *ѣдь* — „еда, пища“¹, с *ѣ* в Остромировом евангелии (почти всюду, при очень редком *и* из *ѣ*) и частью в Саввиной книге² (хотя в Саввиной книге чаще встречается *и* из *ѣ* в формах глагола *ѣмь*), русские *ем*, *есть*, *еда*, сербские *ѣјем*, *ѣјести* (*ије*, *је* = *н*), чешские *јім*, *јісти* и т. д.; во-вторых, сюда принадлежат те общеславянские слова, которые мы находим в старославянских формах глагола *ѣдѣ*, с *ѣ* в Остромировом евангелии в *ѣдѣхѣ*, встречающемся два раза (при *и* из *ѣ* в *идѣхѣмь*, один раз)³, в русских *еду*, *ездить*, в чешских *jedu*, *jetí* (из общеславянского **ietī*, из **eti* — „ехать“), *jezditi*, в сербском *jězditi* и т. д. В диалектах старославянского языка начальное *ѣ* являлось измененным в *и* (как и в новоболгарском языке мы находим в этих случаях *я*); например, в Супрасльской рукописи в формах глагола *ѣмь* или в существительном *ѣдь* — „еда“ всегда является *и* (*иѣти* и т. д.), и то же *и* проникло в значи-

¹ В Остромировом евангелии написано *ѣдь* (л. 254 б), вероятно, с ошибочным *ѣ*.

² *ѣмь* (в издании Срезневского, стр. 13, 5 сл.), *ѣша* (стр. 20, 15 св.; стр. 21, 3 св.), *ѣдѣхѣ* (стр. 21, 5 св.), *ѣдѣхѣ* (стр. 54, 13 сл.), *ѣдь* (стр. 142, 2 св. и 12 сл.).

³ В Саввиной книге нет этих слов.

тельной степени и в Саввину книгу, а частью и в Остромирово евангелие. В *прѣиде* — „переехал“ и в *прѣидъмъ* — „переедем“ (повелительная форма) в Остромировом евангелии мы находим и из ѣ уже не в начале слова, но в положении после ѣ; в этом случае и из ѣ существовало, может быть, и в тех диалектах, где начальное ѣ сохранялось неизменным (с *прѣиде*, из **прѣиде*, надо не смешивать такие случаи, как *добрѣмъ* в Супрасльской рукописи, где диалектическое ѣѣ, как мы видели, нового происхождения). В тех общеславянских словах, из которых произошло старославянское *ѣмъ* (и *ѣмь*), русское *ем* и т. д., перед *ѣ*, откуда *іѣ*, было утрачено новое, приставное *і*; сравните литовские *ėdmi* и *ėdu* — „жру“ (*ė* из литовско-славянского *ē*), а также, с индоевропейским *ǵʰ*, греческое *ἔδω*, латинское *edo*¹. Что же касается старославянского *ѣдъ* (и *ѣдъ*), русских *еду*, *ездить* и т. д., то здесь в общеславянском языке утрачено было перед *ѣ*, откуда *іѣ*, старое *і*, из литовско-славянского *į*; родственно литовское *jóti* — „ехать верхом“, и различие в гласной корня между литовским *jóti* и, например, общеславянским **ētī* и далее **iētī*, из **iētī* (отсюда чешское *jeti*, верхнелужицкое *jěć*, нижнелужицкое *jěš*), такое же, как, например, между литовским *vókas* — „крышка“ и „веко“ и общеславянским **vēko* и далее **vīēko*, откуда церковнославянское *вѣко*, русское *веко* и т. д., или, например, между литовским *mólis* — „глина“ и общеславянским **mēlъ* и далее **mīlēlъ*, откуда старославянское *мѣлъ*, русское *мел*, и т. д., т. е. это различие в гласной основывается в таких случаях на старом чередовании гласных из индоевропейских *ǵʰ* и *ǵʰ*. С литовским *jo-* в *jóti* тождественно общеславянское *jā-* в слове **jāχatī*, которое засвидетельствовано сербским *jāxati* — „ехать верхом“, словинским *jahati* (буква *h* обозначает звук *χ*), словацким *jachat'* — „ехать“ (при *jechat'*); сюда же можно относить (по указанию именно других южнославянских языков) старославянское *прѣхавъше*, с и в Остромировом евангелии, хотя и в таком положении могло бы образоваться и из ѣ. При **jāχatī* существовало в общеславянском языке и **iēχatī*, русское *ехать*,

¹ Общеславянское **jāslī*, откуда старославянское *ѣсли*, с и и в Остромировом евангелии, русское *ясли*, сербское *jāсли* и т. д., если родственно с этими словами, имеет начальное *jā* не из *je*.

польское *jechać* (при *jachać*) и т. д., и это **iēχatī* было, может быть, диалектическим изменением слова **jāχatī*, под влиянием **ietī*, **iēdъ*, **iēzditi*.

Общеславянское начальное *i* из *īi* с старым, литовско-славянским *i* надо бы было ждать в местоименных формах **i* (именительный множественного числа мужского рода и именительный-винительный двойственного числа женского и среднего рода), **imъ*, **iχъ*, **imъ*, **imā*, где самое *i* из *eī* в *iēi*, образовавшемся фонетически из *ioī*, но, как показывают различные славянские языки, между прочим, и русский язык, в эпоху распада общеславянского языка эти местоименные формы звучали **jīmъ*, **jīχъ*, **jīmъ*, **jīmā* и, конечно, также **jī* (например, в именительном множественного числа **jī-že* — „которые“), где *j* из *i* неиррационального, под влиянием таких форм, как **iā*, **iē*, **iēyo* и т. д., откуда **jā*, **je*, **jēyo* и т. д. Впрочем, сербские энклитические *их*, *им*, с звуком *i* в начале, позволяют думать, что и в общеславянском языке при энклитическом употреблении сохранялись **iχъ*, **imъ* и т. д., где *i* фонетически из *īi* (сравните то, что я говорю далее об общеславянской форме винительного единственного числа мужского рода в этом местоимении); новые польские *ich*, *im* образовались, вероятно, из *jich*, *jim* (известных из древнепольского языка), как и русские *их*, *им*, при *jux*, *jum*, могли образоваться из последних; как звучало написание *и* в старославянских *имъ*, *ихъ*, *има*, *и* (винительный двойственного числа женского и среднего рода), *и-же* (именительный множественного числа мужского рода и именительный двойственного числа женского и среднего рода относительных местоимений), остается неизвестным.

Общеславянское начальное *i* из *īi* с новым, приставным *i* я вижу, например, в **iti* — „идти“ (тождественно литовское *eiti* — „идти“); здесь начальное *i*, не *ji*, засвидетельствовано различными славянскими языками¹, между прочим, и русским языком (наше *идти* из *ими* под влиянием основы в настоящем времени *иду*), и только в чешском и кашубском языках мы находим здесь *ji* в начале (чешское *jiti*, кашубское *jic*), с новым *j*; в

¹ Полабское *ai* в *ait* — „идти“ из *i*; верхнелужицкое *hić* и нижнелужицкое *hуś* имеют позднее *h*, т. е. *γ*.

старославянском «и» мы имеем право поэтому видеть в начальном «и» звук *i*, не *ji*. Понятно, что само по себе общеславянское **iti* ничем не свидетельствовало бы о том, что некогда в начале этого слова было приставное *i*, но из существования в общеславянском языке приставного *i* в других случаях (между прочим, и перед начальным *ā*, как мы видели) и приставного *u* перед известными гласными я заключаю, что *i* должно было возникать и перед начальным *i*; кроме того, по отношению к таким словам, как **iti*, где начальное *i* из *ěi*, остается неизвестным, изменилось ли уже *ěi* в *i* ту эпоху, когда перед всяким начальным *e* развивалось *i*.

От общеславянского начального *i* надо отличать общеславянское начальное *ī*, хотя пока мы и не во всех случаях можем различать оба эти звука. Общеславянское начальное *ī* появилось как из *īi*, *īb* с старым *i*, так и из *ib* с новым, приставным *i*. Звук *i* в этих случаях для эпохи распада общеславянского языка засвидетельствован новыми южнославянскими языками, русским языком, польским, словацким и лужицкими языками; в чешском здесь или *ji*, с позднейшим *j* (как и в *ji* из общеславянского начального *i*), или, при известном положении в слове, утрата *i*, при посредстве изменения его в *i*, в кашубском — *ji* (как и из общеславянского начального *i*), в полабском — *jai* и *ja*^o, из *ji*. Различие в полабском языке между *ai* из общеславянского начального *i* (например, *ait* — „идти“) и *jai*, *ja*^o из того общеславянского начального *i*, о котором я говорю теперь, позволяет думать, что оба эти *i* различались по качеству, а такое различие было бы понятно при различии их в количестве; я предполагаю, что общеславянское *i* было более закрытым сравнительно с *ī*. В старославянских текстах из общеславянского *ī* мы находим «и», в котором имеем право признавать звук *i*, не *ji*, но при этом мы должны иметь в виду то, что старославянское «и» в этих случаях само по себе не доказывало бы общеславянского *i* или *ji*, так как старославянское «и» получалось также и из общеславянского *ib* (внутри слов). Что касается образования общеславянского начального *ī* из *ib* (с старым и новым *i*), то прежде я склонен был предполагать здесь как промежуточную ступень сочетание *īi*, где *ī* из *b* под влиянием предшествовавшего *i*, но теперь мне кажется более вероятным

другое объяснение этого общеславянского *ī*, а именно: я думаю, что общеславянское начальное *īb* сперва утратило *i* (которое было в таком сочетании иррациональным, как я объяснял) и что затем *b*, т. е. иррациональное *i*, при положении в начале слов (т. е. в начале слога) перешло в звук более закрытый, хотя и не столь закрытый, как *ī* в общеславянском языке, в связи с чем оно из иррационального по количеству становилось кратким. К такому заключению приводит меня западнославянская местоименная форма именительного и винительного единственного числа мужеского рода *jen*, например в польском и чешском отнositельном местоимении *jen-že*, *jen-že* (сравните также нижнелужицкое *jen* — „его“, винительный падеж, верхнелужицкое *jón*), где *je*, соответствующее старославянскому *и* в *и-же*, восходит к общеславянскому *jь*, а конечное *n*, из *-нъ*, такое же, как в западнославянском *ten*, соответствующем старославянскому *тъ*. Мы видели, что в общеславянском языке существовали неэнклитические местоименные формы **jĩтъ*, **jĩхъ* и т. д. с *j* из того неиррационального *i*, которое заменило собою в этих формах *ī* иррациональное под влиянием форм **iā*, **ie*, **ieγo* и т. д. (откуда **jā*, **je*, **jeγo* и т. д.); надо думать поэтому, что и в форме именительного и винительного единственного числа мужеского рода **īb* (= литовские *jis*, *jį*) при неэнклитическом употреблении ее вместо *i* иррационального являлось под тем же влиянием *ī* неиррациональное, откуда *j*, т. е. эта местоименная форма **īb* переходила в **jь*, западнославянское *je*- в *jen*. Но как энклитические формы **jĩхъ*, **jĩтъ* и т. д. имели, по-видимому, только *ī* иррациональное, которое затем исчезало фонетическим путем, так и форма винительного единственного числа мужеского рода **īb* — „его“ с *ī* иррациональным при энклитическом употреблении не заменялась формой **īb* с *i* неиррациональным, откуда *j*, но оставалась и затем теряла фонетически иррациональное *ī*, причем *b* должно было обращаться в *ī*; из этой формы **ī* древнепольская энклитическая форма *ji* — „его“ (писалось *gi*) с *j* или *ī* нового происхождения, а также, по крайней мере в написании, форма *i*. Поэтому и в старославянском языке в форме винительного единственного числа мужеского рода *и* — „его“, употреблявшейся лишь энклитически (при неэнклитическом употреблении являлась в значении винительного падежа форма родительного

падежа *нго*), мы можем видеть общеславянское **ī*, образовавшееся из *īb* с *ī* иррациональным (литовское *jī*); в форме же именительного падежа единственного числа мужеского рода старославянское *н* в относительном местоимении восходит, вероятно, к тому же общеславянскому **jīb* (сравните старославянское *н* из *jīb* внутри слов), из которого получилось западнославянское *je-* в *jen*, *jen-že*.

Допуская для общеславянского языка образование начального *ī* непосредственно из *ь*, терявшего перед собой *ī* (иррациональное), я поэтому не нахожу в языке непосредственного указания на то, что начальное *ь* из литовско-славянского *ī* получало перед собою некогда приставное *ī* в общеславянском языке, но сказанное мною по поводу общеславянского начального *ī*, из *ī* и *ēī*, применяется и к бывшему некогда общеславянскому начальному *ь* из литовско-славянского *ī*, т. е. по аналогии с другими случаями, где мы находим в общеславянском языке приставные *ī* и *u* в начале слов, я заключаю, что и перед начальным *ь* развивалось *ī* в то время, когда перед всеми начальными гласными общеславянский язык получил *ī* или *u*.

Общеславянское начальное *ī* из *īb* с старым *ī* существовало, как мы видели, в форме винительного падежа **ī* — „его“, тождественной или родственной с литовскою формой *jī* и родственной с греческим *ὅν*; о происхождении здесь литовско-славянского *ī* я говорил прежде. От того же местоименного корня образованы были общеславянские **īde* и **īdie* — „где“ (относительное), из **ībde* и **ībdē*; отсюда старославянское *идѣ* — „где“ (сравните *донѣ*, о котором я говорю далее). — Общеславянское начальное *ī* из *īb* с *ī* неприставным существовало также и в **īgo* — „ярмо“, откуда старославянское *нго*, словинское *igo*, чешское *jho* (происходит *ho*, т. е. *γο*, с новою утратой начального *ī*), кашубское *jigo* и *vjigo*, сравните латинское *jugum* и греческое *ζυγόν*, где *ζ* указывает на индоевропейское *j*; следовательно, в **ībgo*, откуда **igo*, *ib* образовалось в общеславянском языке из *īū*, *īū¹*.

¹ Старославянское *нго* не может быть тождественно с литовским *jūngas* — „ярмо“: из **iung-* в общеславянском языке явилось бы в результате **jieg-* (сравните сказанное мною прежде об окончании винительного падежа множественного числа, например в *конѣ*).

Относительно общеславянских слов, начинавшихся с *ĩ* из *ĩb* с новым, приставным *ĩ*, надо иметь в виду, что в тех из них, которые имели некогда начальное *ь* без ударения, это *ь* стало подвижным тогда же, когда явилось и подвижное начальное *ъ* без ударения и когда конечные *ь* и *ъ*, из литовско-славянских конечных *ĩ* и *ỹ*, также обратились в подвижные; отпадение начальных *ь* и *ъ* без ударения, как я объяснял уже, возникло в ту эпоху, когда еще не были известны приставные *ĩ* и *ũ*, и фонетически являлось, вероятно, при тесном сочетании в речи слова, начинавшегося с такого *ь* или *ъ*, со словом, оканчивавшимся на гласную неиррациональную (в это время в конце слов еще допускались и согласные), а затем под влиянием одних случаев на другие такие *ь* и *ъ* стали подвижными. Таким образом, для тех общеславянских слов, начинавшихся с *ĩ* в эпоху распада общеславянского языка, при которых мы находим варианты без гласной в начале слова, эти варианты свидетельствуют о происхождении здесь *ĩ* из некогда бывшего *ь* (через посредство *ĩb*), т. е. указывают на то, что в этих случаях общеславянское начальное *ĩ* не было *ĩ* из старых *ẽĩ* и *ĩ*.

Мы знаем, что в общеславянском *ь* совпали индоевропейские *ĩ* и *ǵ*; поэтому и в общеславянском начальном *ĩ* из *ĩb* с новым, приставным *ĩ* мы находим как *ĩ* из того *ĩb*, которое образовалось из индоевропейского *ĩ*, так и *ĩ* из *ĩb*, образовавшегося из индоевропейского *ǵ*, именно из *ǵ* перед неслоговою носовою согласной (случаи для общеславянского начального *ĩb*, *ĩ* из индоевропейского *ǵ* перед неслоговою плавной согласной мне не известны). Начальное *ĩ*, через посредство *ĩb*, должно бы было являться в общеславянском языке, по моему мнению, также и из индоевропейского *ĩǵ^e*, так как индоевропейское *ǵ^e* в положении после *ĩ* и *ĩ* еще в литовско-славянском языке, как я объяснял, изменялось в направлении к *ĩ*, но я не знаю случаев, в которых общеславянским языком было бы получено индоевропейское начальное *ĩǵ^e*.

Общеславянское начальное *ĩ* (через посредство *ĩb*) из индоевропейского *ĩ* я вижу, например, в следующих словах.

Старославянское *играти* — „прыгать, играть“, русские *игра*, *играть* и диалектическое *граць*, польские *igra* и *gra*, *grać*,

чешские *hra*, *hrāti* и т. д.; родственны в древнеиндийском языке глагольные корни *ing* (*n* по происхождению инфикс) и *ēḡ* (*ē* из индоевропейского *ǵi* с *ǵ* какого бы то ни было качества, *ḡ*, т. е. *ǵ̃*, из *g* при известном фонетическом условии) — „шевелиться, двигаться“. — Старославянские *игъла* — „игла“, *игълаинъ* — „игольный“, русское *игла*, польское *igła*, нижнелужицкое *gła*, украинское *голка*. Миклошич в Этимологическом словаре славянских языков приводит при хорватском *igla* также *jagla*, а *jagla* в хорватском наречии могло бы быть фонетическим изменением общеславянского **jīegǵlā*, подобно тому как в хорватском *jadovit* — „ядовитый“ *ja-* из общеславянского *jīe-*. Из **jīegǵlā* объясняются также чешское *jehla* и верхнелужицкие *jehta*, *johta* — „игла“, а, с другой стороны, общеславянское **jīegǵlā* подтверждается прусским *ayculo* — „игла“, где в букве *c* я вижу ошибочное написание вместо *g*, подобно тому как в *girmis* — „червь“ в том же прусском словаре буква *g* написана ошибочно вместо *c* (литовское *kirmis*). Общеславянское *jīegǵlā* имело сильный звуковой вид корня (*īe* из индоевропейского *ǵi* с *ǵ*, не склонным к *e*), между тем как в **igǵlā*, из **ibgǵlā*, тот же корень являлся в слабом звуковом виде. — Старославянское *искра*, русское *искра*, польское *iskra* и *skra*, белорусское *скра*, лужицкое *škra* и т. д.; общеславянское **skrā*, из **bskrā*, позволяет думать, что в **iskrā* (русское *ѣскра*, сербское *ѣскра*) ударение передвинулось с конечного слога, причем могли влиять формы винительного и дательного единственного числа, полученные с ударением на первом слоге. При **iskrā* и **skrā*, с слабым звуковым видом корня, существовало и общеславянское **jīeskrā*, с сильным звуковым видом корня, как позволяет предполагать белорусское *яскорка*, и из общеславянского **jīeskrā* объясняются также украинское *яскрѣтися* — „сверкать“, польское *jaskry*, *jaskrawy* — „ослепительно яркий“; с этим **jīeskrā* тождественно литовское *aišk* в *aiškus* — „ясный, очевидный“, а с общеславянским **isk-* в **iskrā* тождественно литовское *išk-* в *iškus* — „ясный, очевидный“. — Старославянское *исто* (родительный падеж *истеса*) — „testiculus“, *истеса* — „почки“, хорватское диалектическое *ista* — „почки“; я предполагаю здесь для общеславянского языка **isto* с *ī* (из *ib*), а при **isto* существовало, по видимому, и **jīesto*, на которое может указывать *ѣсто* — „testiculus“,

встречающееся один раз в Святославовом Изборнике 1073 года; написание ж вместо ѣ мы находим в этом памятнике и в некоторых других случаях (например, гниѣхъ, л. 28 об.). Общеславянское **jiesto* по сильному звуковому виду корня было бы тождественно с древнескандинавским *eista*— „testiculus“ (*ei* из общенемецкого *ai*), а **isto* по слабому звуковому виду корня соответствует литовскому *inkstas*— „почка; testiculus“, от которого отличается, однако, отсутствием носового инфикса¹.

К случаям, где общеславянский язык имел начальное *ĩ* (непосредственно из *ib*, с новым *i*) из индоевропейского *ĩ*, я отношу и **inъ*— „один“, **inokъ*— „один только“, откуда старославянское *ино-*, например в *иноуады*— „моуоуеуѣ“, и наречие *вѣ-инѣ, вѣинѣ*— „всегда“, церковнославянское *инокъ*— „один только; монах“; сюда же принадлежат: русское *иноходъ*, польское *inochoda*— „иноходъ“ (при *jednochoda*), *ino*— „только“ (при *jedno* и *jeno*). Затем церковнославянское *иногъ*, встречающееся не только в значении „гриф“, но также, по определению Миклошича, и в значении „моуѣс, solivagus“, должно быть относимо сюда же, а при *иногъ*— „гриф“ существовало и *ногъ*, тождественное с чешским *noh* и с польским *nog*. Таким образом, на основании общеславянского **nogъ*, при **inogъ*, надо думать, что в **inogъ* (имевшем ударение не на первом слоге) *i* было кратким. Обыкновенно в **inъ*— „один“, **inokъ* видят общеславянское *ĩ* из индоевропейского дифтонга *ǵʰi*, так как этот дифтонг мы находим в латинских *ūnus*, из древнего *oinos*, и *ūnicus* (с последним сравните *инокъ*), в греческом *οἷνῃ*— „одно очко на игральной кости“, в готских *ains*— „один“ (нововерхненемецкое *ein*), *ainaha*— „единственный“ (где *ainah-* тождественно с латинским *ūnic-* в *unicus*), *ainakls*— „одинокій“ (с *aicak-* сравните *иног-* в *иногъ*, так как готское *k* указывает на индоевропейское *g*), в прусском *ains*— „один“; может быть, тот же дифтонг вошел в состав и литовского *vėnas*— „один“, латышского *vēns*, хотя в этом слове, имеющем в начале какую-то частицу (так как в *v* нельзя видеть здесь фонетическую приставку), *ē* не указывает непременно на диф-

¹ Отождествлять исто с литовским *inkstas*, т. е. выводить для общеславянского языка **isto* из **insto*, я не могу, так как из **insto* я ждал бы **jasto* (сравните сказанное мною об *иза*).

тонг в начале самого числительного. Итак, родственные языки в том слове, которому соответствует общеславянское **inъ* — „один“, свидетельствуют об индоевропейском дифтонге *ǵʰi*, но из *ǵʰi* мы не могли бы объяснить общеславянское начальное *i*; если бы в **inъ* — „один“ начальное *i* было долгим, оно могло бы восходить к индоевропейскому *ǵʰi*, но в данном слове дифтонг *ǵʰi* не известен из родственных языков, а если в **inъ* — „один“ начальное *i* было кратким, как заставляет думать **nogъ*, при **inogъ*, это *i* надо выводить из индоевропейского *i*. Индоевропейское **inǵʰs* — „один“ не известно, правда, из языков неславянских¹, но для общего индоевропейского языка мы во всяком случае имеем право предполагать слабую основу **inǵʰo-* при сильной основе **ǵʰinǵʰo-*; однородно отношение индоевропейской сильной основы **ǵʰivǵʰo-* — „один“, известной как из греческого *οἷς* — „один только“, так и из соответственного слова с значением „один“ в древнеиранских языках, к слабой основе *ivǵʰo-* — „один“, являющейся в гомеровской форме *iv̄* (основу женского рода **ivǵʰa-* можно видеть в формах *iṭs*, *iṭh*, но *ia*, *ia* представляют собой новообразования по аналогии *ia*, *ia*). Принимая для общеславянского языка *i*, из *ib*, в **inъ* — „один“, мы получаем возможность привести в связь с этим **inъ* и слова **jedъnъ* и **jedīnъ*, откуда старославянские *ѣдънъ* и *ѣдинъ*, русские *однъ*, например в *одного*, и *один* (о происхождении здесь русского *о* я говорю далее), а **jedъnъ* и **jedīnъ* еще в общеславянском языке вытеснили собою отдельное слово **inъ* в значении числительного „один“ (хотя в некоторых сложных словах продолжало сохраняться **ino-*), между тем как в значении „один = aliquis“ это **inъ* совпадало с **inъ* — „aliquis“ из **inъ* — „иной, другой“. Я говорил уже, что в **jedъnъ* и **jedīnъ* я вижу в начале ту частицу, какая является и в **jedъvǵʰa*, где **jedъ-* из **hedъ-*, **edъ-*, как показывает старославянское *ѣдъва*, при *ѣдъва* (сравните также

¹ Впрочем, индоевропейская производная основа **inǵʰgǵʰo-*, которую я вижу в *инъгъ*, является, вероятно, и в древнелатинском *nīngulus* — „nullus“, где *nin-* во всяком случае не из *ne-oīn-* (**ingulos* может быть объясняемо фонетически из **inīgulos*, а это из **inoglos*, сравните сильный вид той же основы в готском *ainakls* — „одинокий“); на основании *nīngulus* можно предполагать, что и *singulus* заключает в себе то же **ingulus* (обыкновенно *sin-* в *singulus* сопоставляют с *sem-* в *semel*).

словинское *ed-* в *eden*—„один“); я предполагаю, следовательно, что **jedьnъ*, **jedīnъ* некогда имели значение „один = aliquis“ и что затем они стали употребляться и в значении числительного „один“ под влиянием того, что и **inъ*—„один“ употреблялось, между прочим, и с значением „aliquis“. Общеславянское **jedьnъ* образовалось из **ed-ьnъ* (где *ed-* из **hēd-* без ударения) в ту эпоху, когда перед начальными гласными еще не приставлялись *i* и *u* и когда, следовательно, **ьnъ*—„один“ еще не изменилось в *inъ*, откуда **inъ*; в **ed* отпадение конечной иррациональной гласной перед гласною произошло по тому закону, о котором я говорил по поводу **bez-*, **iz-* и т. д. Что касается **jedīnъ*, то оно могло образоваться из **edь-ьnъ*, где в частице сохранялась подвижная иррациональная гласная, являвшаяся как *ь*, из *ѣ*, в положении перед *ь*; отношение **ed-ьnъ* к **edь-ьnъ*, откуда **jedīnъ*, было бы однородно с отношением, например, **nek-lī* к **negъ-lī* или с отношением, например, **γdā* в **koγdā*, **kьγdā* к **gьdā* в **kьgьdā*, **kogьdā*, а об этих случаях я уже говорил.

В словинском языке при *jeden* и *eden*—„один“ существует и *en*, в связи с которым находятся: *enak*—„одинаково“, при *ednak*, *enok*—„однажды“, при *ednok*, и *jednoč*, *veno* (т. е. *v-eno*)—„постоянно“ (сравните по значению *вѣ-инѣ* *вѣинѣ*), при *vedno*; в верхнелужицком языке мы находим *jen*—„один“, при *jeden*, и *jedyn*, а также *jeno*—„только“, при *jedno*; в нижнелужицком языке существуют *jana*, *jano*—„одна“, „одно“, при *jadna*, *jadno* (с позднейшим *ja* из *je*), а также *jano*—„только“; в чешском—*jen* и *jenot*—„только“, при *jednot*; в польском—*jeno*—„только“, при *jedno* (и при *ino*). Надо заключать отсюда, что еще в общеславянском языке при **jedьnъ* и **jedīnъ* существовало и **jenъ*—„один“; это **jenъ* образовалось из **jednъ* (о фонетической утрате *d* и *t* перед *n* в общеславянском языке я буду говорить впоследствии), а **jednъ* произошло из **ed-nъ*, где *-nъ* из **ьnъ*—„один“: мы видели уже, что начальное *ь* без ударения было некогда подвижным в общеславянском языке, т. е. таким, которое при известном сочетании звуков в сочетании слов фонетически отпадало. При **ednъ*, откуда **jednъ*, **jenъ*, существовало и **hēdnъ*, откуда **henъ*, как позволяет думать словинское *en*; или даже, может быть, сперва явилось только **hēdnъ*, т. е. **nъ* из *ьnъ* соединялось именно с **hēd-*, а

не с **hed-*, а появление **ednъ*, **jednъ*, **jenъ* могло быть вызвано влиянием **edьnъ*, между тем как в словинском языке *e* в *eden*, при *jeden*, образовалось, может быть, под влиянием *e* в *en*. Так объясняются, по моему мнению, общеславянские **jedьnъ*, **jedinъ* и **jenъ*, при **hénъ* или **enъ*, в их отношении к **inъ*— „один“, причем, как мы видим, надо предполагать для **inъ* начальное *i* краткое.

Общеславянское начальное *ĩ* (через посредство *ib*) из индоевропейского *ǵ* перед носовою согласной мы находим, например, в следующих случаях.

Старославянское *имѧ*, русское *имѧ*, польское *imię* и т. д. (в польском *miano*, в украинском *мѧно*, *меннѧ* и т. д. общеславянская утрата начального *ь*); в этом слове общеславянское **ĩm-*, из **ibm-*, образовалось из индоевропейского **ǵn̥m-* вследствие уподобления согласной *n* следовавшему за нею *m*; родственно прусское *emteus* (и *emtes*)— „имѧ“, а также, с другими звуковыми видами корня, греческое *ἑωμα* и латинское *pōmen*.— Старославянское *иму*, русское *иму*, польское *imię* и т. д., тождественно литовское *imù*— „беру“, а от того же корня с индоевропейской гласной *ǵ* старославянское *имѧмѧ*, *въз-имѧмѧ* (родственно латинское *eto*); сравните *въз-ымѧмѧ*, русское *возьму*, где предложная приставка соединилась с глаголом прежде, чем **ьmъ* обратилось в **ibmъ*, **imъ*. Общеславянское *ĩ* надо признать и в старославянских *имѧмѧ*, *имѧти*, русское *иметь*, на основании польского *там*, *mieć*, верхнелужицкого *там*, *měś*, нижнелужицкого *там*, *měš*, полабского *mět*, украинского *маю* (инфинитив *мати* под влиянием настоящего *маю*).— Церковнославянское *имѧла*— „омѧла“, украинское *имѧла*, сербское *имѧла* и *мѧла*; от того же корня чешское *jemela*, польское *jemioła* с общеславянским *je-* (из *e*, *ie*) в начале и словацкое *omela*, словинское *omela* (при *imela*) с общеславянским *o* в начале, между тем как в русском (и украинском) *омѧла* не могут быть различаемы общеславянские **omela* и диалектическое **emela* (из *jemelā*, как мы увидим впоследствии); родственны прусское *emelno*— „омѧла“, литовское *ámalas*.— Старославянское *инѧ*— „другой, иной“, *инако*— „иначе“, русское *иной*, *иначе* и диалектическое *нача*, словинское *ini*, *inače* и *pače* и т. д.; от того же местоименного корня с индоевропейской гласной *ǵ* и с другим

образованием основы греческое *ἔυσι* (и древнеиндийское *anīas*— „другой“).

В числе слов, имевших в общеславянском языке начальное *ī* из *īb* с новым, приставным *ī*, были и такие, по отношению к которым вызывает вопрос самое происхождение общеславянского *ь*, литовско-славянского *ĩ*: это литовско-славянское *ĩ* здесь не в сочетании с носовою или плавною согласной, т. е. не из индоевропейского *ǵ*, а между тем оно и не из индоевропейского *ī*, так как в словах, родственных с такими словами, мы находим гласные, получавшиеся из индоевропейских *ǵ^e* и *ǵ^o*, чередовавшихся между собой. Я думаю теперь, основываясь на соображениях Кречмера¹, что в индоевропейском языке существовала известная иррациональная гласная как фонетическое ослабление отдельных гласных *ǵ^e* и *ǵ^o*, чередовавшихся между собой (а также и других *ǵ*?), например, при положении в начальном слоге слов, между тем как полная утрата такой гласной в начальном слоге слов фонетически являлась, может быть, лишь при тесном сочетании слова с другим, предшествовавшим словом. Мы знаем, что и индоевропейское *ǵ* перед неслоговыми носовыми и плавными в начальном слоге слова сохранялось, а при другом положении частью сохранялось, частью исчезало. Эту индоевропейскую иррациональную гласную, представлявшую собой фонетическое ослабление *ǵ^e*, *ǵ^o* (а может быть, и других *ǵ*), обозначу здесь через *ǵ^a*; она отличалась от *ǵ*, а также и от *ǵ*, хотя отличие ее от последней состояло, может быть, лишь в том, что *ǵ^a* было слоговою гласной. В греческом языке эта гласная являлась в *ι*, а в соседстве с губными и с старыми лабиализованными задне-нёбными также и в *υ*; такое *ι* надо предполагать, например, в *ἔσθι*— „будь“ (при *ε*, например, в *ἐστὶ*), в *πίτυμι*, при *πετύμμι*, в *πίτυμι*, при *πετ-*, в дорическом *ἔπετον* (в *πίπτω* индоевропейская утрата гласной из *ǵ^e* в корне, а *ι* в удвоении из индоевропейского *ī*), а также, например, в *ἵππος* (сравните латинское *equos*, где *e* из индоевропейского *ǵ^e*), в гомеровском *πίσυρες* (сравните *ε* в *τίσσορες*) и др., а греческое *υ* из индоевропейского *ǵ^a* является, например, в *χιλος*, где оба *χ* из индоевропейских лабиализованных *k*, как

¹ См. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, XXIX, 422.

показывает родственное слово в немецких языках (тот же корень, но без удвоения, с индоевропейским ǵ^o в старославянском коло — „колесо“) ¹. В латинском языке эта индоевропейская гласная совпала, по-видимому, с индоевропейским a , т. е. перешла в a , как позволяют думать, например, *quatuor*, *patulus* (сравните ι в πίτυρι) и др. В литовско-славянском языке та же индоевропейская гласная совпала с индоевропейским a , т. е. изменилась в ĩ , а частью (под влиянием соседней согласной) в ĩ . Литовско-славянское ĩ из индоевропейского a^2 можно было бы предполагать в литовском *ugnīs* — „огонь“ (между тем как огнь имеет o из индоевропейского ǵ , не склонного к e), в литовском *upė* — „река“ (при прусском *ape*), в общеславянском $*\text{xatĩti}$ (отсюда, например, старославянское хѣтити), при $*\text{xotĩti}$ (старославянское хотѣти , русское *хотеть*), а литовско-славянское ĩ из индоевропейского a^2 я предполагаю в следующих случаях в начале слов ².

Литовское *iš* — „из“, общеславянское $*izb$ и $*iz$, из $*ibz-zb$, $*ibzb$ (как я объяснял уже), старославянское из- , изъ и т. д.,

¹ В греческом языке гласные ϵ и o в известных случаях заменили собой и индоевропейское a в сочетании с плавными и носовыми, например в ῥομή , при беотийском ῥανά (родственно, с индоевропейским a^e в корне, старославянское жона), ῥίον , где между гласными фонетически исчезло r (родственно общеславянское $*urghz$, старославянское врѣхъ); λόχος (родственно общеславянское $*urhkhz$, старославянское вльхъ и вльхъ); в последнем слове качество гласной (o) вызвано не влиянием λ , как я предполагал прежде, но влиянием следовавшей далее задненёбной лабиализованной (a на индоевропейское лабиализованное k в этом слове указывают немецкие языки).

² Литовско-славянское i , общеславянское b из индоевропейского a^2 не в начале слов (хотя и в начальном слоге слов), надо предполагать, например, в общеславянском $*šbd-$ в $*šbdz$, откуда старославянское шѣдъ ; сравните общеславянское $*xod-$ в $*xoditi$, старославянское ходити . Такого же происхождения общеславянское b в $*žbg-$, при $*žeg-$, например в старославянском жѣгомъ (отсюда жѣгомъ в Супрасльской рукописи), пожѣжа , жѣзи (жѣзи) или в русское жѣгу (из жѣзгу), при старославянском жогѣ . Сюда же принадлежит b в старославянских тъчи , пъчи , при токѣ , пока ; сравните ръчи , о котором я говорил прежде, при рекѣ . Такого же происхождения общеславянское b при e в $*čbtȳr-$, при $*četyr-$, в слове „четыре“ (сравните греческое πίσσαρες , при τίσσαρες), $*čbtvȳrt-$, при $*četvȳrt-$, в слове „четвертый“; из общеславянского $*čbt-$ в этих словах, например, польское *czt-, cz-* в *cztery*, *czwarty*, чешское *čt-* в *čtyri*, *čturtý*.

сравните греческое $\acute{\epsilon}\chi$, $\acute{\epsilon}\acute{\chi}$, латинское *ex*, с гласной из индоевропейского $\acute{a}^e$. При $*izb$, $*iz$ существовало в общеславянском языке и $*z\bar{b}$, из $*bz\bar{b}$ (где $\bar{b}$ было без ударения), как показывают чешский, польский и украинский языки (например, чешское *zouti* = церковнославянское *изъутн*, польское *zbawić* = старославянское *избавити*, украинское *зво́лѣти* = старославянское *изво-лѣти*); сюда же принадлежит, по-видимому, и русское *з* в *позво-лѣть*, *дозволѣть*. — Общеславянское $*ist\bar{b}$ и производные от него, старославянские *истъ*, *истовъ*, *истина*, русское *истовый* и т. д.; сравните индоевропейское $*\acute{a}^e s-$, $*s$ в *юсмь*, *юстьство*, *сѣть* и т. д. (по отношению к значению сравните с *истъ* наше заимствованное *сущий*). — Общеславянское $*i\check{s}\bar{c}e$ — „еще“ и $*\check{s}\bar{c}e$ (из $*b\check{s}\bar{c}\acute{e}$), при $*he\check{s}\bar{c}e$, $*e\check{s}\bar{c}e$, $*je\check{s}\bar{c}e$ и при $*o\check{s}\bar{c}e$ из $*ho\check{s}\bar{c}e$; из $*i\check{s}\bar{c}e$ мы находим русские диалектические *ище*, *ишто*, украинские *іще*, т. е. *jіще*, где *j* под влиянием *еще* (т. е. *jeще*), словинское *išče*, *iše* (с диалектическим $\check{s}$ из $s\check{c}$), верхнелужицкое *hišče* (с позднейшим *h*, т. е. γ перед *i*, полученным без ударения), нижнелужицкое *hušć* (с таким же *h*, т. е. γ), а на общеславянское $*\check{s}\bar{c}e$ указывают украинское *ще*, при *ище*, и словинское *še*, при *iše*. В $*i\check{s}\bar{c}e$, как показывает $*he\check{s}\bar{c}e$, $*e\check{s}\bar{c}e$, начальное $\check{i}$ образовалось из некогда бывшего *h\bar{b}*, с $\bar{b}$ без ударения, и притом или через посредство $\bar{b}$, $\bar{i}\bar{b}$, если $*h\bar{b}\check{s}\bar{c}e$ имело издавна ударение лишь на конечной гласной *i*, следовательно, утратило *h* еще тогда, когда не действовал закон о появлении звуков $\bar{i}$ и $\bar{u}$ перед начальными гласными, или непосредственно из $\bar{b}$, без посредства $\bar{i}\bar{b}$, если энклитическое $*h\bar{b}\check{s}\bar{c}e$ утратило *h* уже после того времени, когда перед начальным $\bar{b}$ развивалось $\bar{i}$. — Общеславянский союз $*i\check{z}e$ — „что, чтобы“, откуда польское *iże*, *iz*, при общеславянском $*e\check{z}e$, из $*he\check{z}e$, о котором я уже говорил; происхождение $\check{i}$ в этом слове такое же, как и в $*i\check{s}\bar{c}e$. Рядом с этим $*i\check{z}e$ существовало в общеславянском языке и $*\check{z}e$, непосредственно из $*b\check{z}e$; отсюда чешское *že*, польское *że* — „что“. — Общеславянская вопросительная частица $*i-z\bar{a}$ рядом с $*z\bar{a}$, из $*b\bar{z}\bar{a}$, откуда польские *iza-li*, *za-ž*, *za-li*, древнечешские *za*, *za-li*, сербское *za-p*; сравните польское *aza*, *azali*, с тем же значением, а также *szł*, указанное Миклошичем в церковнославянском памятнике чешской редакции. То общеславянское $\bar{i}$, из *h\bar{b}*, которое является в $*i\bar{z}\bar{a}$, $*i\check{z}e$ — „что“ (союз), $*i\check{s}\bar{c}e$, вероятно, тождественно с союзом $*i$, откуда старославян-

ское *и*, русское *и*, и т. д.; сравните общеславянский союз **ā*, из *hā*, а также кашубский союз *e* — „и“, где *e* указывает на общеславянское *e* из *he*. С общеславянским *ī*, из *hь*, например, в союзе **i-že* — „что“, тождественно, может быть, балтийское *i* в литовском *iki* — „до“, в латышском *ik* — „еже-“, например в *ik-dēnas* — „каждый день, ежедневно“, в прусском *ikai* — „если“.

Подобно тому как начальные *īē* (с *ē* из литовско-славянского *ē*), *īi*, *īь* теряли в общеславянском языке *ī* (иррациональное), точно так же в диалектах общеславянского языка начальное *īē* в известных случаях обращалось в *ě* (с утратой *ī* иррационального), именно, как я думаю, то *īē*, в котором слоговою гласной было чистое *ě* (не измененное в направлении к *ō*). Указание на общеславянское диалектическое *ě* из начального *īē* дают языки старославянский, русский и нижнелужицкий: в старославянских текстах русской редакции, различающих *ѣ* и *е*, мы находим в этих случаях *е*, в Супрасльской рукописи *с* и *ю*; в русском языке, и притом как в собственно русском, так и в украинском, здесь является *о* из *е*, т. е. еще в общерусском языке начальное *е* перешло в *о* (между тем как общеславянское *he* сохраняло придыхание в общерусском языке); в нижнелужицком языке в этих случаях известно *he* (с позднейшим *h*, т. е. *γ*), при *je*. Приведу сперва самые случаи, в которых я нахожу в этих языках общеславянское диалектическое *ě* из начального *īē*.

1) Старославянский, русский и нижнелужицкий языки свидетельствуют об общеславянском начальном *ě* из *īē* при положении этой гласной перед согласною полумягкою (немягкою) + *ě*. Старославянское *ѣзеро* в Остромировом евангелии (встречается пять раз: четыре раза *е*-, один раз *ѣ*-) и в других текстах русской редакции, различающих *с* и *ю* (например, в Туровском евангелии), *ѣзеро*, при *ѣзеро*, в Супрасльской рукописи (четыре раза *с*-, три раза *ю*-), русское и украинское *озеро*; другие славянские языки, кроме лужицких, указывают на общеславянское **jezero*, из **iezero*, сравните литовское **ėžeras*, а в лужицких языках другое общеславянское слово, именно **jezorь* (верхнелужицкое *jezor*, нижнелужицкое *jazor*), из **iezorь*, с которым тождественно латышское *ezars*, литовское диалектическое *ažaras* (с диалектическим начальным *a* из *e*), сравните прусское *assaran*. — Старо-

славянское *слень*, при *слень*, в Супрасльской рукописи (три раза *е*-, пять раз *ю*-), *слень* в Словах Григория Богослова (в Остромировом евангелии нет этого слова), русское *олень*, украинские *о́лень*, *о́лень*, нижнелужицкое *heleń*, при *jeleń*, в других славянских языках, общеславянское **jelenь*, родственно литовское *ėlnis*, а также греческое *ἐλλός*.— Русское *осень*, украинское *о́сінь*, в старославянских текстах нет этого слова (церковнославянское *юсень*), из лужицких языков оно не известно, в прочих славянских языках общеславянское **jesenь*, родственно прусское *assanis*.— Русское *осѣтр* (украинское *осѣтр* заимствовано?), польское *jesiotr*, сербское *jěsepra*, из других славянских языков это слово не известно, родственно прусское *esketres*.— Нижнелужицкое *hemelina*, при *jemelina*—„омела“, сравните общеславянское **je-* в чешском *jemela*, польском *jemioła*, между тем как русское и украинское *омела* может иметь *о* как из общеславянского диалектического *е* (из *je*), так и из *о*, на которое указывает словинское и словацкое *omela*; родственны, как я говорил уже, прусское *emelno*, литовское *ámalas*.

2) Нижнелужицкий и украинский языки свидетельствуют об общеславянском диалектическом *ѣ* из начального *йѣ* при положении этой гласной перед слогом, заключающим в себе согласную + *л*: нижнелужицкое *hefebina*, при *jefebina*—„рябина“, украинское *орябина*—„рябина“ и *орябок*—„рябчик“, сравните церковнославянское *юръбъ* и *юръвъ*—„perdix“, словинское *jereb* и *ja-reb*—„куропатка“, *jerebika*—„рябина“, польское *jarzqbek*—„рябчик“, *jarzebina*—„рябина“ и т. д., т. е. в общеславянском языке в этих словах существовало в начале как *je-* и диалектическое *е-* (из *je*), так и *ја-*; из старославянских текстов эти слова не известны, а в великорусском языке родственные слова не имеют в начале слова ни общеславянского *е-* или *je-*, ни общеславянского *ја-* (*рябчик*, *рябина*, сравните *рябой*).

3) Русский язык имеет общерусское начальное *о* из *е*, утратившего перед собой *й*, и при положении перед слогом, заключающим в себе в общеславянском языке согласную (полумягкую или мягкую) + *й*, между тем как в старославянских текстах, различающих *ю* и *е*, в этих случаях является *ю-*, а также и в нижнелужицком языке при таком фонетическом положении *я* нахожу только *je-*; по крайней мере в слове *jelito*—„большой

желудок у рогатого скота"¹. Русское *один*, украинское *один*, старославянское *ѣдинъ*, с ъ в Остромировом евангелии (встречается очень часто, только один раз с в ѣдини) и в Супрасльской рукописи (здесь лишь в единичных случаях с в этом слове, как и вообще в Супрасльской рукописи, вместо ѡ в единичных случаях встречается с). — Украинское *ожина* — „ежевика“, польское *jeżyna*, сравните русское *ежевика*. — Русское *овин*, украинское *овин*, сравните белорусское *ѣвня*, *ѣвна*, а также литовское *jaija* — „овин, сушильня“ (родственны литовское *javal*, множественное число — „зерновой хлеб“, греческое *ζεῖα* — „полба“, из *ζεῖα*). — Древнерусское *оли* — „когда“ (относительное), в Остромировом евангелии и в Супрасльской рукописи соответственное слово встречается лишь в сочетании с предлогами: *оть ие лиже до ие лиже*. — Древнерусское *олико*, в Остромировом евангелии всегда *юлико*, в Супрасльской рукописи также обыкновенно *юлико* (в единичных случаях *слико*), в Словах Григория Богослова по большей части *слико* (при редком *юлико*), как и в Чудовской псалтыри, где вообще правильно различаются ѡ и с, часто *слико* (при *юлико*), но с вместо ѡ здесь, вероятно, нефонетического происхождения, а под влиянием с в диалектическом *сль* — „сколько“ (относительное).

¹ Общеславянский язык имел **jelito* (чешское *jelito* — „кишка“, польское *jelita* — „кишки“) и **olito* (словинское *olita* — „кишки“), а кроме того, существовало и **lito*, из **ylito*- (с отпадением *ь* без ударения, а *ь* здесь из индоевропейского *ǵ*), как показывает русское *литонья* — „третий желудок жвачников“.

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
ЯЗЫКОВ**

СПРЯЖЕНИЕ

В настоящем моем курсе ¹ я буду излагать один отдел сравнительной морфологии индоевропейских языков, причем останюсь на тех же языках, на каких я останавливался при изложении сравнительной фонетики, т. е. на древнеиндийском, латинском, греческом и старославянском, я буду рассматривать факты спряжения в этих языках по отношению к спряжению в общем индоевропейском языке в эпоху его распада.

Морфология образует известный отдел грамматики, а грамматика, в тесном смысле этого термина, есть учение о формах языка. В грамматике различаются два отдела, из которых один рассматривает формы отдельных слов по отношению к отдельным словам и называется морфологией, а другой, называемый синтаксисом, рассматривает формы языка по отношению к словосочетаниям, т. е. останавливается как на употреблении форм отдельных слов в словосочетаниях, так и на тех формах, которые по самому образованию их являются не формами отдельных слов, но формами соединения слов в словосочетаниях.

Я не буду повторять здесь то, что я говорил уже в моем общем курсе о формах языка и их образовании и о формальных или грамматических классах слов. Напомню только, что в формах отдельных слов различаются по значению два класса: формы словообразования и формы словоизменения. Различие между

¹ В основу издания курса „Сравнительной морфологии“ положены литографированные лекции, читанные в Московском университете и проредактированные самим Ф. Ф. Фортунатовым; использованы литографированные издания 1899—1901 гг., издания 1897 г. („Склонение“) и 1901 г. („Спряжение“). *Прим. ред.*

теми и другими состоит в том, что формы словообразования принадлежат отдельным словам без отношения к предложениям, как различного рода отдельным знакам предметов мысли, а формы словоизменения принадлежат словам в предложениях, как различного рода частям мысли (о предложениях я говорил в общем курсе).

В о. и. е. языке в эпоху его распада по различиям форм целых слов, как я говорил в общем курсе, различались в грамматических классах целых слов (т. е. в грамматических частях речи): слова, имевшие формы словоизменения, и слова, не имевшие этих форм. В словах, имевших формы словоизменения, в свою очередь различались слова спрягаемые, слова склоняемые и прилагательные склоняемые слова: последние, кроме форм склонения, имели также формы другого словоизменения, называемые в грамматике формами согласования в роде. Я остановлюсь на формах словоизменения, существовавших в о. и. е. языке в тех словах, которые называются глаголами, т. е. на формах того словоизменения, которое называется спряжением.

ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ

Формы спряжения в глаголе о. и. е. языка состояли из форм лица с их различиями по числу, из форм сказуемости (форм наклонения и времени), форм залога и форм вида. Формы залога и вида были по их значению формами не словоизменения, но словообразования, но так как по образованию формы словоизменения в глаголе в общеиндоевропейском языке не отделялись от этих словообразовательных форм глагола, то потому и эти формы о. и. е. глагола входили в состав форм спряжения не по значению, но по образованию форм спряжения. Глагол в о. и. е. языке принадлежал по основам к числу глагольных слов, т. е. слов, имевших глагольные основы; однако не всякое глагольное слово, имевшее глагольную основу, являлось глаголом в о. и. е. языке, но могло быть и именем. Различие между глагольным и неглагольным словом определяется различием в значении основ слов-названий, а именно глагольными основами, входящими в состав глагольных слов, являются такие основы, которые обозначают признаки в их существующем во времени

сочетании с субъектами, как деятельными вместилищами признаков, т. е. в сочетании их с деятельностью субъектов. Этими признаками, обозначаемыми глагольными основами, могут быть действия и состояния. Действия — это такие признаки, сочетание которых с деятельностью субъекта образуется самою этою деятельностью, а состояния — такие признаки, сочетание которых с деятельностью субъекта дано уже для этой деятельности, т. е. произведено уже известным действием того ли или другого субъекта.

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ В ГЛАГОЛЕ

Формами лица обозначались в глаголе общеиндоевропейского языка известные различия в субъектах данного признака, обозначавшегося глагольной основой, причем именно в этих субъектах различались три класса: лицо говорящее (первое лицо речи), лицо, к которому обращаются с речью (второе лицо речи) и так называемое третье лицо, т. е. не лицо речи. Подобно тому как в словах, обозначавших эти субъекты признаков, т. е. в существительных словах, различались в о. и. е. языке три формы числа — единственного, двойственного и множественного, так же и в глаголах в форме каждого из трех лиц различались здесь единственное, двойственное и множественное число, так что, следовательно, глагольною формою каждого лица с такими различиями в числе обозначалось в субъекте данного признака количество одного, двух или неопределенное множество. О. и. е. глагол в форме 3-го лица всех трех чисел являлся по значению частью словосочетания и, следовательно, частью предложения, так как предполагал при себе другое слово, которое обозначало в предложении субъект данного признака, но глагол в формах 1-го и 2-го лица как в о. и. е. языке, так и впоследствии, в древнейшие эпохи жизни отдельных и. е. языков не был по значению частью словосочетания и, следовательно, частью предложения, не предполагал при себе слова, обозначающего 1-е или 2-е лицо речи; такое слово не требовалось при о. и. е. глаголе в формах 1-го и 2-го лица и являлось лишь тогда, когда такой субъект данного признака обозначался с особенною силою в его отличии от других предметов мысли как субъектов данного признака, или когда этот субъект полу-

чал в предложении известное определение при посредстве другого слова. О. и. е. глагол в формах 1-го и 2-го лица обозначал, следовательно, сочетание данного признака с 1-м или 2-м лицом речи как с субъектом этого признака; но самые формы 1-го и 2-го лица, как и форма 3-го лица, были по их значению тем не менее формами глагола как части в предложении, так как сами они непосредственно обозначали не известное лицо как субъект данного признака, но отношение данного признака к известному лицу как к субъекту этого признака.

Те формы спряжения о. и. е. глагола, которые я называю формами сказуемости и которые делали глагол грамматическим сказуемым, заключали в себе формы наклонения и времени: в формах наклонения различались формы косвенного наклонения и форма изъявительного (прямого) наклонения, а в форме изъявительного наклонения различались в свою очередь формы времени. Этими формами обозначались известные различия в самом суждении относительно сочетания данного признака с известным лицом как с субъектом признака, и потому о. и. е. глагол при посредстве этих форм становился грамматическим сказуемым, т. е. таким словом, в котором формами обозначалось открываемое в процессе суждения сочетание данного предмета мысли с другим предметом мысли и которое поэтому само обозначалось при посредстве этих форм как сказуемое предложения (см. общий курс).

О. и. е. глагол в формах 1-го и 2-го лица вследствие присутствия в нем форм сказуемости являлся по значению целым предложением, именно так называемым мною личным словом-предложением (см. общий курс), заключавшим в себе не только сказуемое, но и подлежащее, так как мы видели, что о. и. е. глагол в формах 1-го и 2-го лица обозначал и самое лицо, первое или второе, как субъект данного признака, хотя сами по себе формы сказуемости были формами глагола как сказуемого в предложении, не как целого предложения.

Посмотрим теперь, в чем же именно состояло значение форм наклонения и времени в глаголе о. и. е. языка.

Всякая форма косвенного наклонения в глаголе обозначает сочетание данного признака с известным субъектом как лишь представляемое в мысли, в суждении говорящего

по отношению к данному времени, т. е. как ожидаемое или желаемое говорящим по отношению к данному времени; форма изъявительного наклонения в глаголе сама по себе имеет отрицательное значение по отношению к форме косвенного наклонения, т. е. формой изъявительного наклонения сочетание данного признака с известным субъектом не обозначается как лишь представляемое в мысли говорящего по отношению к данному времени и потому может обозначаться (в соотношении с формой косвенного наклонения) как действительно существующее в данное время.

В косвенном наклонении в глаголе о. и. е. языка различались: наклонение сослагательное, наклонение желательное и наклонение повелительное.

Формою сослагательного наклонения в о. и. е. глаголе сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось как ожидаемое с уверенностью говорящим или как настоятельно желаемое, требуемое говорящим, по отношению к данному времени; формой желательного наклонения то же сочетание обозначалось в ожидании без уверенности (как возможное) или как желаемое, по отношению к данному времени; формой повелительного наклонения в о. и. е. глаголе сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось по отношению к данному времени как требуемое или просимое (следовательно, желаемое) от другого лица в так называемой повелительной речи (а об отличии повелительной речи от других видов речи см. в общем курсе).

В форме изъявительного наклонения в о. и. е. глаголе различались формы времени: настоящего, прошедшего и будущего.

Формою прошедшего времени сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось как существовавшее во времени прошедшем по отношению к времени данной речи, данной мысли; формой будущего времени сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось как будущее по отношению к времени данной речи, мысли, а форма настоящего времени имела два значения: 1) значение собственно настоящего времени и 2) значение общее изъявительного наклонения без отношения к какому-нибудь определенному времени. Формою

настоящего времени с значением собственно настоящего времени сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось как существующее во время данной речи, мысли, а формой настоящего времени с общим значением изъявительного наклонения не обозначалось никакое определенное время, т. е. самое сочетание данного признака с известным субъектом обозначалось как такое, которое бывает в различные времена.

Формы залога в о. и. е. глаголе по их значению были не формами словоизменения, но известными словообразовательными формами, общими у глагола с причастиями; однако эти формы в глаголе по их образованию не отделялись от форм лица, так что в образовании формы каждого лица существовали известные различия по формам залога. В формах залога в о. и. е. глаголе различались так называемый в грамматиках средний залог (*medium*) и действительный залог (*activum*). Эти формы залога различались в о. и. е. языке не во всех глаголах, а кроме того, некоторые глаголы в форме среднего залога могли получать и такие значения, которые сами по себе не вносились формой залога.

Формой залога, равно как и в причастиях, в о. и. е. языке обозначались известные различия в отношении данного признака к тому предмету мысли, который являлся субъектом этого признака.

Форма действительного залога в о. и. е. глаголе и причастиях определяется в ее значении отрицательно по отношению к форме среднего залога, т. е. форма действительного залога представляла собой по значению отсутствие формы среднего залога. Форма среднего залога в о. и. е. языке по ее происхождению принадлежала, надо думать, глаголам и причастиям с такими основами, которые обозначали именно действия, а не состояния, и обозначала по ее происхождению то, что предмет мысли, являющийся субъектом данного действия, обозначаемого основой, вместе с тем находится и в другом отношении к тому же действию, так что форма о. и. е. среднего залога в этом значении может быть определяема как форма возвратная — и притом не только с прямым возвратным значением (т. е. с тем, которое может быть выражено в дополнении к глаголу формой винительного падежа), но и с непрямым возвратным значением (выражаемым

формой дательного падежа). О. и. е. глагол, равно как и причастия, в форме среднего залога, кроме такого значения, мог иметь также и другое значение, которое не вносилось, вероятно, самой формой среднего залога, но развивалось в глаголах и причастиях вследствие присутствия этой формы: именно глаголы и причастия в этой форме могли обозначать данный признак, как такой, который имеет отношение только к предмету мысли, являющемуся субъектом данного признака (значение непереходного действия или состояния).

Те формы о. и. е. глагола в спряжении, которые называются формами вида, по значению были также известными словообразовательными формами, общими глаголу с причастиями, но так как в глаголе о. и. е. языка в образовании самых форм лица и форм сказуемости существовали известные различия в зависимости от форм вида, то и формы вида в о. и. е. глаголе принадлежали к формам спряжения. Формы вида в о. и. е. глаголе и в причастиях обозначали в данном признаке известные различия по отношению к его существованию во времени. В формах вида различались здесь вид и м п е р ф е к т и в н ы й (несовершенный) и п е р ф е к т и в н ы й (совершенный). Формой вида перфективного данный признак обозначался в состоянии полноты его проявления во времени, формой вида имперфективного тот же признак обозначался без отношения к полноте его проявления во времени. Эти виды, существовавшие в о. и. е. глаголе и причастиях, не надо смешивать с теми видами, несовершенным и совершенным, которые мы находим в славянских языках, например в русском (и которые существовали еще в балтийско-славянском языке): у нас тот вид, который называется совершенным, обозначает или время законченности в данном признаке, выраженном глагольной основой (например, *сделать, закричать*), или же обозначает законченность в длительности этого признака (например, *покричать, побегать*), между тем как несовершенный вид обозначает данный признак без отношения к его законченности. О. и. е. формы имперфективного и перфективного вида в глаголе различались во всех формах косвенного наклонения, а в изъявительном наклонении это различие существовало не во всех формах времени, именно формы имперфективного и перфективного вида не различались в формах будущего времени.

Форма настоящего времени перфективного вида называется в грамматике перфектом (*perfectum*), а форма настоящего времени имперфективного вида называется формой „настоящего времени“ в тесном смысле этого термина, или презентом (*praesens*).

В о. и. е. форме имперфективного вида в глаголах и причастиях различались в свою очередь виды: длительный и недлительный. Формою длительного вида в имперфективном виде данный признак обозначался во время его длительности, а формой недлительного вида тот же признак обозначался без отношения к его длительности. Эти формы длительного и недлительного вида в имперфективном виде о. и. е. глагола различались именно в формах косвенного наклонения, а в изъявительном наклонении только в формах прошедшего времени. Форма прошедшего времени длительного вида в о. и. е. глаголе называется в грамматике имперфектом (*imperfectum*), а форма прошедшего времени недлительного вида называется в грамматике аористом. В формах настоящего времени имперфективного вида в о. и. е. глаголе значение действительно настоящего времени (собственно настоящего времени) исключало собою возможность сочетания такой формы с формою вида недлительного, так как формою настоящего времени в значении действительно настоящего обозначалась смена моментов в настоящем времени. Поэтому форма настоящего времени имперфективного вида в о. и. е. глаголе не могла иметь вида недлительного, т. е. представляла тот же длительный вид, который существовал в имперфекте. Кроме тех видов, о которых я сейчас говорил, о. и. е. глаголы имели некогда также такую форму вида, которою данный признак обозначался во время готовности его проявиться. Эта форма вида была по ее значению соотносительна с тою формою вида, которою обозначался данный признак во время его действительного проявления и в которой различались формы вида имперфективного и перфективного, но впоследствии, еще в о. и. е. языке, эта форма вида в сочетании ее с формой настоящего времени дала существование форме будущего времени, а в сочетании с формой прошедшего времени образовала особую форму прошедшего времени, которая обозначала готовность со-

четания данного признака с известным субъектом, как существовавшую в прошедшем времени.

Однако в причастиях в о. и. е. языке и в эпоху его распада продолжала сохраняться та форма вида, которая обозначала данный признак в его готовности проявиться во времени; эта форма являлась именно в причастиях от так называемой основы будущего времени, т. е. от основы, тождественной по образованию с основой формы будущего времени в глаголе.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ В ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОМ ГЛАГОЛЕ

Относительно способов образования форм спряжения в о. и. е. глаголе надо заметить следующее. Формы лица с их различиями по числу образовывались при посредстве известных суффиксов, помещавшихся в конце слов, — так называемых личных окончаний.

В формах косвенного наклонения форма желательного наклонения образовывалась при посредстве известного различия в образовании основ личных форм глагола, т. е. эта форма наклонения образовывалась при посредстве известного основообразовательного суффикса. Кроме того, в форме желательного наклонения в о. и. е. глаголе личные суффиксы употреблялись именно те, которые являлись в формах прошедшего времени в изъявительном наклонении, а не те, которые существовали в формах настоящего или будущего времени. В форме сослагательного наклонения в о. и. е. глаголе различались по образованию: форма собственно сослагательного наклонения (*coniunctivus*), образовавшаяся при посредстве известных основообразовательных суффиксов, и форма так называемого инъюнктива (*iniunctivus*). Последняя по значению совпадала с первой, но употреблялась не во всех формах лица, а именно только в единственном числе и в 3-м л. мн. ч., а по образованию вполне совпадала с формою прошедшего времени изъявительного наклонения при употреблении этой формы прошедшего времени без соединения с тем частичным словом, которое называется аугментом.

Форма повелительного наклонения в некоторых формах лица образовывалась при посредстве известных различий в

самых формах лица, — именно в формах 2-го и 3-го лиц ед. ч. и в форме 3-го л. мн. ч., а в других формах лица она совпадала по образованию с формой прошедшего времени, при употреблении последней без того частичного слова, которое называется аугментом. Понятно, что форма 1-го л. ед. ч. не могла являться в форме повелительного наклонения по самому своему значению. В изъявительном наклонении формы настоящего времени и прошедшего времени в о. и. е. глаголе различались между собой в самых личных суффиксах, т. е. личные суффиксы в формах прошедшего времени были не те, которые существовали в настоящем времени. Кроме того, глагол в формах прошедшего времени в о. и. е. языках мог иметь перед собой отдельное частичное слово, вносящее в него значение прошедшего времени; это частичное слово называется „аугментом“. Впоследствии в тех отдельных и. е. языках, где аугмент сохранялся (в др. инд., в греч. языках), это частичное слово срослось с глаголом и обратилось в префикс, между тем как в о. и. е. языке оно было отдельным словом и звучало как $\check{a}^e$; только в тех случаях, когда глагол в форме прошедшего времени начинался с $\check{a}^e$, эта гласная еще в о. и. е. языке сливалась фонетически с аугментом $\check{a}^e$ в одно $\check{a}^e$.

В формах настоящего времени в о. и. е. языке настоящее имперфективного вида, т. е. презенс, и настоящее перфективного вида, т. е. перфект, различались по образованию не только в основах, заключавших в себе формы двух этих видов и являвшихся общими у глаголов с причастиями, но также и в личных суффиксах.

В прошедшем времени имперфективного вида имперфект и аорист в о. и. е. языке различались только в основах, заключавших в себе формы видов длительного и недлительного и являвшихся общими у глаголов и причастий. Та форма прошедшего времени, которую обозначалась существовавшая в прошедшем времени готовность сочетания данного признака с известным субъектом, образовывалась при посредстве известного словообразовательного суффикса, который по происхождению был, как я говорил, суффиксом, служившим для образования известного вида (того вида, которым данный признак обозначался во время его готовности проявиться). Тот же осново-

образовательный суффикс в глаголе о. и. е. языка употреблялся, как я говорил, для образования основы формы будущего времени; личные суффиксы в форме будущего времени были те же, что и в форме презенса.

Формы перфективного и имперфективного вида в глаголах и причастиях о. и. е. языка образовывались в основах форм словоизменения. Формы длительного и недлительного видов в имперфективном виде в глаголах и причастиях в о. и. е. языке частью образовывались при посредстве известных основообразовательных суффиксов, обращавших данную основу в основу именно длительного и недлительного вида, но, кроме того, были известны и такие основы имперфективного вида, которые сами по себе не заключали различия между длительным и недлительным видами, но становились в глаголах и причастиях основами длительного и недлительного вида в их соотношении с другими основами, которые по самому образованию были основами длительного вида. Поэтому присутствие в глаголе такой основы имперфективного вида, которая сама по себе не заключала различия между длительным и недлительным видами, давала глаголу форму именно длительного вида, как скоро эта основа в глаголе являлась общей имперфекту и презенсу, и форму недлительного вида, как скоро в глаголе она употреблялась в форме аориста, но не в презенсе.

Что касается форм залога, среднего и действительного, то они образовывались в глаголе о. и. е. языка при посредстве известных различий в самих личных суффиксах; а в причастиях для образования форм действительного и среднего залога служили известные основообразовательные суффиксы, присоединявшиеся к основам в формах вида.

УТРАТА НЕКОТОРЫХ ФОРМ СПРЯЖЕНИЯ

В истории отдельных и. е. языков с течением времени были утрачены те или другие формы спряжения, полученные из о. и. е. языка, а, с другой стороны, в отдельных и. е. языках с течением времени появлялись новые формы спряжения. Я не буду здесь рассматривать новые формы спряжения, появлявшиеся в отдельных и. е. языках, и укажу вкратце только

на утрату о. и. е. форм спряжения в тех отдельных и. е. языках, на которых мы останавливаемся.

В о. и. е. формах лица с их различиями по числу формы двойственного числа утрачены были в лат. языке, где исчезли также о. и. е. формы двойственного числа имен и местоимений. О. и. е. форма среднего залога не сохранилась в ст. слав. языке (эта форма существовала еще в о. слав. языке); также и в латинском языке она исчезла, а некоторые ее образования в формах лица вошли здесь в состав новых глагольных форм, употреблявшихся в так называемых „*verba deponentia*“ (из глаголов, имевших некогда форму среднего залога), а также в качестве форм страдательного залога (о. и. е. глагол не заключал в себе формы страдательного залога). О. и. е. форма сослагательного наклонения в санскритском наречии др. инд. языка была утрачена, за исключением лишь форм 1-го лица всех трех чисел (в ведийском наречии о. и. е. форма сослагательного наклонения сохранялась); в ст. слав. языке (и еще в о. слав.) о. и. е. форма этого наклонения также вообще не сохранилась, за исключением лишь двух единичных образований *бѣ*, *бѣдѣ* (см. ниже). В лат. языке о. и. е. формы сослагательного и желательного наклонений совпали в одной форме лат. сослагательного наклонения (с ее различными значениями), которая по образованию была формою частью о. и. е. желательного наклонения. О. и. е. форма повелительного наклонения не сохранилась в ст. слав. языке, а о. и. е. форма желательного наклонения получила еще в о. слав. языке значение формы повелительного наклонения. Что касается о. и. е. форм изъявительного наклонения, то форма перфекта (т. е. о. и. е. настоящее перфективного вида) не сохранилась в ст. слав. языке и не была известна также в о. слав. (и в балт.-слав.) языке. В лат. языке форма о. и. е. перфекта совпала с формой о. и. е. аориста в одной форме прошедшего времени, отличавшейся от формы имперфекта. В санскритском наречии др. инд. языка о. и. е. форма перфекта, хотя и сохранилась, но получила значение прошедшего времени и совпала по употреблению с другими формами прошедшего времени; в ведийском наречии форма о. и. е. перфекта сохранялась, между прочим, и в значении настоящего времени. О. и. е. форма прошедшего времени

перфективного вида (от основы, общей с основой в форме перфекта, т. е. настоящего времени перфективного вида) не сохранилась в ст. слав. (и еще в о. слав.) языке, а также и в лат. языке; в др. инд. эта форма известна лишь в очень немногих образованиях, почти исключительно в ведийском наречии. О. и. е. форма имперфекта (прошедшего времени имперфективного вида) в лат. и ст. слав. языках была заменена известными новообразованиями (в ст. слав. эти новообразования были получены из о. слав. языка).

О. и. е. форма аориста в лат. языке, как я говорил, совпала с о. и. е. перфектом в одной форме прошедшего времени. Поэтому и в ст. слав. и в лат. языке не сохранилось в глаголах то различие между длительным и недлительным видами основ, которое было получено из о. и. е. языка. Та о. и. е. форма прошедшего времени, которою обозначалась готовность сочетания данного признака с известным субъектом, как существовавшая в прошедшем времени, известна нам только из др. инд. языка, да и здесь она как форма прошедшего времени с таким же значением существовала лишь в ведийском наречии, между тем как в санскритском наречии обратилась в форму косвенного условного наклонения. О. и. е. форма будущего времени в лат. языке не сохранилась в том ее образовании, которое было получено из о. и. е. языка, и была заменена известным новообразованием. Также и в ст. слав. языке о. и. е. образование формы будущего времени не сохранилось, и эта форма образовывалась здесь иначе. В греч. языке форма будущего времени в ее о. и. е. образовании по большей части не может быть отличаема от той греч. формы будущего времени, которая по происхождению была формой сослагательного наклонения от основы аориста, т. е. от основы имперфективного недлительного вида, при известном ее образовании, именно от основы так называемого „сигматического“ аориста.

ОБЗОР ОСНОВ ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

Рассмотрим теперь вкратце самое спряжение глаголов в о. и. е. языке и в языках др. инд., греч., лат., ст. слав. и начнем с обзора основ личных форм глагола.

1. ОСНОВЫ ЛИЧНЫХ ФОРМ В ИЗЪЯВИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

А. ОСНОВЫ ИМПЕРФЕКТИВНОГО ВИДА

1. Основы презенса (общие презенсу и имперфекту)

Все эти основы в о. и. е. языке в их различных образованиях распадались на два больших класса: основы так называемого тематического спряжения и основы нетематического спряжения (названия эти совершенно условные). Основами тематического спряжения в о. и. е. языке называются именно те производные глагольные основы, которые оканчивались на $\check{a}^o/\check{a}^e$, принадлежавшую основообразовательному суффиксу¹. Эта гласная являлась в спряжении как $\check{a}^e$ в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и двойств. ч. и 2-го л. мн. ч., между тем как в 1-м л. всех чисел и в 3-м л. мн. ч. гласная в окончании этих основ была не $\check{a}^e$, но $\check{a}^o$. В презенсе действительного залога гласная $\check{a}^o$ в окончании основы, как увидим далее, соединилась с гласной личного суффикса в одну долгую гласную $\check{a}^o$. Основами нетематического спряжения в о. и. е. языке называются такие основы, которые не имели в окончании гласной $\check{a}^o/\check{a}^e$, принадлежавшей суффиксу. При этом основы нетематического спряжения в языке были частью непроеизводными глагольными основами (глагольными корнями), частью различными производными основами (но не при посредстве суффикса $\check{a}^o/\check{a}^e$ или суффиксов, оканчивающихся на $\check{a}^o/\check{a}^e$).

Основы тематического спряжения

Эти основы презенса существовали в глаголах непроеизводных и производных. Непроеизводными глаголами в о. и. е. языке называются такие глаголы, которые заключали в себе основу презенса или непроеизводную основу (что возможно было лишь в нетематическом спряжении), или такую производную основу, которая была образована от основы непроеизводной, а производными глаголами в о. и. е. языке называются глаголы,

¹ $\check{a}^o/\check{a}^e$ обозначает гласную $\check{a}$, склонное к о, чередовавшуюся с $\check{a}$, склонным к е.

в которых основа презенса была произведена от производной глагольной основы; в этих производных глаголах в о. и. е. языке различались глаголы отглагольные (производные от глагольных основ) и глаголы отыменные (производные от основ именных).

Основы тематического спряжения в глаголах непроизводных

I класс А

Основы, являвшиеся сами по себе основами длительного вида с основообразовательным суффиксом $\check{a}^{e/o}$ и с неслабым звуковым видом глагольного корня, в связи с чем ударение падало на глагольный корень. Глагольные корни, заключавшие в себе в неслабом виде гласную $\check{a}^o/\check{a}^e$ (между прочим, и в дифтонгах) представляли при таком образовании основ спряжения именно гласную $\check{a}^e$, а не $\check{a}^o$. Этот класс основ презенса тематического спряжения был особенно распространен в о. и. е. языке. Сюда принадлежат такие образования, как: о. и. е. основа $bh\check{a}r\check{a}^{e/o}$ в др. инд. *bhāratī* — „несет“, в греч. $\varphi\acute{\epsilon}ρω$, $\varphi\acute{\epsilon}-ρο-μαι$, $\varphi\acute{\epsilon}ρετε$, в ст. слав. *вер-*, *вереть* (в ст. слав. и еще в о. слав. в глаголах тематического спряжения в форме презенса в 1-м л. мн. и дв. ч. в окончании основы являлось не *о*, но *е*, под влиянием других форм лица; отсюда объясняется отношение, например, ст. слав. *веремъ* к греч. $\varphi\acute{\epsilon}ρεμεν$); в лат. эта глагольная основа является в глаголе *fero*, хотя и не во всех формах лица.

О. и. е. основа $p\check{a}^e\check{c}\check{a}^{e/o}$ в др. инд. *pācātī*, ст. слав. *печеть*, *пекж*. О. и. е. основа $v\check{a}^e\check{g}h\check{a}^{e/o}$ в др. инд. *vahatī* — „везет“, в ст. слав. *везж*, *взезеть*, в лат. *veho*, *vehit* (где *i* фонетически из *e*). О. и. е. основа $pl\check{a}^e\check{v}\check{a}^{e/o}$ в др. инд. *plāvate*, в ст. слав. *плаветь* (где *о* перед *в* фонетически из старого *с* первоначально в положении перед *в* + немягкая согласная), в греч. $\pi\acute{\lambda}\acute{\epsilon}ω$, из $\pi\acute{\lambda}\acute{\epsilon}φω$. О. и. е. основа $bh\check{a}^eudh\check{a}^{e/o}$ в греч. $\pi\acute{\epsilon}\theta\theta\omicron\rho\alpha\iota$, в ст. слав. *блюд-ж*, *блюдетъ*, в др. инд. *bódhati* (др. инд. *b* фонетически из о. и. е. *bh* с утратой придыхания под влиянием придыхания в следующем слоге, сравн. греч. π в $\pi\acute{\epsilon}\theta\theta\omicron\rho\alpha\iota$ из *ph*, а это последнее из *bh* с такой же утратой придыхания). О. и. е. основа $\check{a}us\check{a}^{e/o}$ в др. инд. *ōṣatī* — „жжет“, греч. $\epsilon\beta\omega$, $\epsilon\beta\omega$.

лат. *fīdo* (*r* из *s*). О. и. е. основа *bhā^cidhā^{e/o}*, в греч. *πείθο*, в лат. *fido*.

Эти о. и. е. основы были образованы по большей части от корней с гласною *ā^c* (в неслабом виде), но, кроме того, в этом классе были известны и некоторые основы от корней с другими гласными, например о. и. е. основа *ā^agā^{e/o}*- в др. инд. *āgati* — „гонит“, греч. *ἄγω*, лат. *ago*.

I класс Б

Основы с основообразовательным суффиксом *a^{o/e}*, имевшим на себе ударение, в связи с чем глагольный корень без ударения представлял слабый звуковой вид. Эти основы презенса, вероятно, были малоупотребительны в о. и. е. языке и сами по себе не являлись основами длительного вида, т. е. употреблялись (и притом преимущественно) также и в качестве основ недлительного вида, в аористе. Сюда принадлежат такие о. и. е. основы презенса, как, например, *gārā* в ст. слав. основе *жьре-*, например в 3-м л. ед. ч. *жьрьсть*, и в др. инд. основе *girā-*, например в 3-м л. ед. ч. *girāti* — „глотает, поглощает“. Такого же образования о. и. е. основа *rudā^{o/e}*- в лат. *rudo*, *rudit*, др. инд. *rudati* — 3-е л. ед. ч. „ревет“. Сюда же принадлежат основы презенса, например, в ст. слав. *мыр(ж)*, *мырьсть* или, например, в *със(ж)*, *със-еть*; в греч. языке, например в *γράφω* (греч. *ρα* здесь из о. и. е. *ra*, сравн. от того же корня в полном звуковом виде ст. слав. *грьсѧ*), или, например, в дорич. *τάμω* (где *αμ* из о. и. е. *am*, сравн. полный звуковой вид корня в *τέμω*).

II класс

Основы с удвоением, которое имело на себе ударение и заключало в себе частью гласную *ā^c*, частью гласную *i*, причем сама глагольная основа являлась в слабом звуковом виде. Эти основы в о. и. е. языке были такими имперфективными основами, в которых не различались длительный и недлительный вид. Такого рода о. и. е. основа презенса, заключающая в себе в удвоении гласную *ā^c*, является, например, в др. инд. *saççati* — 3-е л. ед. ч. „следует, сопровождает“, где основа *saçça* с отсутствием гласной в о. и. е. слабом звуковом виде глагольного

корня; родственная греч. основа является в аористе ἐσπόμεν с таким же слабым звуковым видом корня, а тот же корень в полном звуковом виде без удвоения находим в лат. *sequor*, греч. ἑπομαι (где придыхание в первом слоге из о. и. е. s). Такого же образования основа презенса является, например, в др. инд. *lāṣati* — „желает“, где слог *laṣ* из **lals* с о. и. е. *a*^e в удвоении и с слабым звуковым видом корня (с отсутствием гласной); от того же корня, но с другим образованием основы презенса, греч. λιλαιομαι (с фонетической утратой s в положении между гласными). Основы презенса с удвоением, заключавшим в себе о. и. е. *i*, мы находим, например, в др. инд. *tīṣṭhati* — „стоит“, в лат. *sisto* (с корнем в о. и. е. слабом виде); в греч. ἵκνυμαι, лат. *gigno*.

III класс

Два подразделения: А) Основы с основообразовательным суффиксом *jă^{o/e}* и с ударением на глагольном корне, который являлся в полном звуковом виде (в корнях, заключавших в себе гласную *ă^{o/e}*, эта гласная имела вид *ă^e*). Б) Основы с основообразовательным суффиксом *jă^{o/e}* под ударением, в связи с чем глагольный корень, являвшийся без ударения, представлял слабый звуковой вид (в тех корнях, которые имели чередование звуковых видов). Те и другие основы презенса имели сами по себе форму длительного вида. Относительно о. и. е. основ класса III Б надо заметить, что в диалектах о. и. е. языка вместо суффикса *jă^{e/o}* известен был суффикс *ia^{e/o}* (не в форме 1-го л. ед. ч. презенса) и что вместо *iă^e* в этом суффиксе употреблялся слабый звуковой вид: *ĩ* с фонетическим стяжением из *ia*, где *a* (иррациональная гласная) вследствие фонетического сокращения гласной *ă^e*.

Такое образование о. и. е. основ класса III Б известно нам из балт.-слав. языков и из лат. языка (с некоторыми нефонетическими изменениями, под влиянием аналогии, в балт.-слав. языках и частью в лат. языке), но ни в др. инд. язык, ни в греч. язык основы такого образования не перешли из о. и. е. языка.

К о. и. е. основам класса III А принадлежит, например, основа, являющаяся в др. инд. *pácyati* — „смотрит“, родственно лат. *specio*, хотя в лат. языке эта основа по отношению к суф-

фиксу перешла в класс III Б. Такого же образования о. и. е. основы являются, например, в ионич.-аттич. $\tau\epsilon\acute{\iota}\upsilon\omega$ (где $\epsilon\acute{\iota}$ не дифтонг, но удлинение, происшедшее фонетически вследствие положения перед о. греч. сочетанием $\upsilon\acute{\iota}$ — звук из о. и. е. j); $\varphi\theta\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ (с таким же $\epsilon\acute{\iota}$, как в $\tau\epsilon\acute{\iota}\upsilon\omega$), в ст. слав. $лжж$, где $ж$ в о. слав. языке из $z\acute{i}$ (о. слав. $\acute{i}$ из j), как показывает, например, $лжзати$, или, например, в $молж$, $лаж$ сравн. др. инд. $r\acute{a}yati$ — „лает“, от глагольного корня с долгой гласной. К классу III Б принадлежит, например, основа, являющаяся в др. инд. $mriy\acute{a}te$ — „он умирает“, тождественная с лат. основой в *morior*, в греч. языке такие о. и. е. основы презенса являются, например, в $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\omega$, $\varphi\alpha\acute{\iota}\nu\omega$, из $*\chi\acute{\alpha}\rho\acute{\iota}\omega$, $\varphi\acute{\alpha}\nu\acute{\iota}\omega$ (где $\acute{i}$ в суффиксе и глагольный корень в слабом виде указывают на принадлежность основы к классу III Б); сюда же принадлежит в греч. языке основа в $\lambda\acute{\iota}\lambda\alpha\acute{\iota}\sigma\mu\alpha\iota$ (см. выше), получившая, кроме основообразовательного суффикса о. и. е. $\acute{i}\check{\alpha}^{e/o}$, также и удвоение. Относительно о. и. е. основ презенса III Б в др. инд. языке надо заметить, что здесь о. и. е. основы такого образования или служили для образования страдательной формы (причем употреблялись личные окончания *medii*), или же, если не переходили в образования страдательной формы, они получали перенесение ударения с основообразовательного суффикса на глагольный корень, например $pa\check{c}y\acute{a}te$ — „варится, печется“, с страдательным значением (но $pa\acute{c}yate$ — „варит, печет“, с основой класса III А); $cu\check{s}yati$ — „сохнет“. В ст. слав. языке о. и. е. основы класса III Б являются в основах настоящего времени глаголов класса „горѣти, видѣти“, т. е. в таких основах, как $горн-$, $видн-$, например, в $горити$, $видити$. В о. слав. языке гласная $\acute{i}$ в окончании этих основ (откуда ст. слав. $н$, например, в $горн-$) получилась из ii , где второе i из о. и. е. диалектического $\acute{i}$ в окончании таких основ в части форм (см. выше), а первое i из $\acute{i}$, перенесенного еще в балт.-слав. языке из формы 1-го л. ед. ч. презенса на о. и. е. $-\acute{i}\check{\alpha}^o n$, $\acute{i}\check{\alpha}^o$, где в состав $\acute{i}\check{\alpha}^o$ вошли $\acute{i}\check{\alpha}^o$ в окончании основы и гласная личного суффикса.

В лат. языке рассматриваемые нами о. и. е. основы презенса обоих подразделений класса III в значительной степени смешались. О. и. е. суффиксы $-\acute{j}\check{\alpha}^{e/o}$ и $-\acute{i}\check{\alpha}^{e/o}$ в лат. языке должны были совпасть в одном $\acute{i}$, в формах не 1-го л. ед. ч. и не 3-го л.

мн. ч.; это *i* из *ii*, где первое *i* из о. и. е. *j* и *i*, а второе *i* из *e* и *o* (сравн. *i* в *vehit, vehimus*). Также и в формах 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., на лат. *-io* и *iunt*, из *iont*, о. и. е. *j* и *i* в рассматриваемых нами основах должны были совпасть в лат. языке в одном *i*. Итак, в лат. языке о. и. е. основы презенса тематического спряжения класса III обоих подразделений являются в глаголах 4-го спряжения, именно в тех из них, которые получены из о. и. е. непроизводных глаголов, хотя в числе лат. глаголов 4-го спряжения были также и о. и. е. производные глаголы, с известным образованием основы презенса (см. ниже). Например, в лат. *ferio, feris, venio, venis, salio, salis* и др. получены из о. и. е. языка основы презенса тематического спряжения непроизводных глаголов класса III на $j\check{a}^{e/o}$ и на $-i\check{a}^{e/o}$: *ferio, feris*, как показывает полный звуковой вид корня, с о. и. е. гласною $\check{a}^e$, основа на о. и. е. $-j\check{a}^{e/o}$ (сравн. от того же корня в полном звуковом виде, но с гласною о. и. е. $\check{a}^o$, ст. слав. основу *ѡръ-* в *ѡръѣть, ѡръѣти*) в *venio, venis*, вероятно, о. и. е. основа на $-i\check{a}^{e/o}$, как показывает греч. основа $\beta\alpha\iota\nu^{e/o}$ - глагола $\beta\alpha\iota\nu\omega$, из $*\beta\alpha\iota\chi\omega$ (где греч. β из о. и. е. *g* задненёбного лабиализованного, которое в лат. языке обратилось в *v*); с лат. *salio, salis* сравн. греч. $\alpha\lambda\lambda\omicron\mu\alpha\iota$, где $\lambda\lambda$ из li .

О. и. е. диалектические образования основ презенса тематического спряжения класса III Б на *-i* в известных формах (см. выше) также были получены лат. языком и являются здесь в основах на *-i* тех лат. глаголов 3-го спряжения, которые в 1-м л. ед. ч. оканчивались на *-iō* и в 3-м л. мн. ч. на *-iunt*, из *-iont*; например, сюда принадлежат *morior, moritur, capio, capis* и др. Эти лат. основы на *-i* в некоторых случаях заменили собою о. и. е. основы на $-j\check{a}^{e/o}$ (т. е. на лат. *-i*); например в *specio, specis* (сравн. выше др. инд. *pācyati*).

IV класс

Основы с основообразовательным суффиксом $\check{a}^{e/o}$ и с носовым инфиксом перед конечной согласной корня. Ударение в основах такого образования падало по большей части на гласную суффикса, в связи с чем глагольный корень являлся в слабом виде, хотя в о. и. е. языке были известны, может быть, основы подобного образования также и с полным звуковым видом гла-

гольного корня и с ударением на корне. Эти основы сами по себе являлись в о. и. е. языке основами длительного вида, т. е. в формах аориста не употреблялись. К таким основам принадлежат: в др. инд., например, основа *lumpa-* в *lumpāti*, с которой родственна лат. основа в *rumpo* (различие то, что в лат. языке начальная согласная указывает на о. и. е. согласную *r*, а в др. инд. — на о. и. е. *l*); др. инд. основа *bhuñga-* в *bhuñgāti* — „наслаждаться“, тождественная основа в лат. *fungor*. В лат. языке к основам презенса такого образования принадлежат также, например, основы в *linguo* (с слабым звуковым видом корня), *ningo* (с слабым звуковым видом корня). В греч. языке такие основы презенса представляли известное новообразование, а именно получили в окончании не о. и. е. суффикс $\tilde{a}^{e/o}$, но о. и. е. суффикс $\alpha\eta^n\tilde{a}^{e/o}$, например основа в $\pi\upsilon\delta\acute{\alpha}\mu\alpha\iota$ (с глагольным корнем $\pi\tilde{\upsilon}\delta-$ из о. и. е. *bhudh-*, в слабом звуковом виде). В ст. слав. языке сюда принадлежат основы презенса, например, в таких глаголах, как сѣдѣ (инфинитив сѣсти), лѣгѣ (инфинитив лѣшти), в которых глагольный корень является, по-видимому, в о. и. е. полном звуковом виде.

V класс

Основы с основообразовательным суффиксом $-n\tilde{a}^{e/o}$. И эти основы презенса сами по себе были основами длительного вида. К глаголам с такими основами презенса в греч. языке принадлежат, например, тѣмѣю , дѣхѣю , в лат. *sterno*, *sperno*, в ст. слав. станѣ , пѣюнѣ , при пѣнѣ (различие между этими двумя ст. слав. основами то, что в первом случае ю указывает на дифтонг $\tilde{a}^{e/u}$ в полном звуковом виде глагольного корня, а во втором случае ст. слав. н , о. слав. $\tilde{i}$, из о. слав. $\tilde{u}$ после мягкой согласной, произошло из о. и. е. $\tilde{u}$ в слабом звуковом виде этого корня).

В др. инд. языке о. и. е. основа презенса с таким образованием является, например, в глаголе *pṛnāti* — „наполняет“.

VI класс

Основы, оканчивавшиеся на основообразовательные суффиксы $sk\tilde{a}^{e/o}$ и $skh\tilde{a}^{e/o}$, где *k* и *kh* были в о. и. е. языке частью задненёбными, частью средненёбными. И эти основы сами по себе

являлись основами длительного вида. К глаголам с такими основами в отдельных и. е. языках принадлежат, например, др. инд. *gaḥati* — „он идет“, основа *gaḥa-*, тождественно греч. *βαττω*. Такого же образования основы презенса, например, в лат. *nascor, nosco* (из *gnosco*, сравн. *co-gnosco*).

Кроме указанных мною образований основ презенса тематического спряжения глаголов непроизводных, в о. и. е. языке существовали в этих глаголах также и некоторые другие образования таких основ, на которых я здесь не останавливаюсь. Об основах презенса тематического спряжения в о. и. е. производных глаголах я скажу далее.

Основы нетематического спряжения глаголов непроизводных

Эти основы презенса отличались от основ тематического спряжения тем, что они не имели в окончании гласной *ā^{eo}* и, кроме того, представляли чередование между слабым и полным, неслабым, звуковым видом основы, как скоро заключали в себе такие звуки или звуковые сочетания, которые могли являться как в слабом, так и в неслабом звуковом виде в о. и. е. языке (см. фонетику); неслабый, полный, звуковой вид этих основ существовал в формах трех лиц единственного числа действительного залога, а слабый звуковой вид в прочих формах. В связи с этим чередованием звукового вида таких основ в спряжении находилось в о. и. е. языке передвижение ударения, т. е. в тех формах спряжения, где слог основы представлял полный звуковой вид, этот слог имел на себе ударение, между тем как при слабом звуковом виде он являлся без ударения.

I класс

Основы, представлявшие один глагольный корень. Эти основы сами по себе не имели формы длительного вида, т. е. могли употребляться и в недлительном виде. Сюда принадлежит, например, та основа в полном звуковом виде *ā^es-*, в слабом виде *s*, которую мы находим в полном звуковом виде в др. инд. *āsmi*, 3-е л. ед. ч. *āsti*, греч. *εἰμι* (с *εἰ* не дифтонгом), из **ēsmi*, 3-е л. ед. ч. *εἰτῖ*, 3-е л. мн. ч. ионич.-аттич. *εἰσι*, лат. *est*, ст. слав.

юсть, юсть, и в слабом звуковом виде, например, в др. инд. 3-м л. мн. ч. *sánti*, лат. *sunt*, ст. слав. сѣть (из о. и. е. языка получена была форма *sǎnti* с личным окончанием *-ǎnti*, а лат. *sunt*, где *u* из *o*, и ст. слав. сѣть представляют по отношению к гласной новообразование под влиянием той же формы в глаголах тематического спряжения). Сюда же принадлежит, например, о. и. е. основа *ǎi* в полном звуковом виде, *ĩ* в слабом, которая является в др. инд. *émi*, 1-м л. ед. ч. — „я иду“, 1-е л. мн. ч. *ímás*, греч. 1-е л. ед. ч. *εἶμι*, 1-е л. мн. ч. *ἴμεν*. Некоторые из таких основ утратили чередование между слабым и неслабым звуковым видом основы еще в о. и. е. языке. В др. инд. языке в относящихся сюда основах презенса *ā* из о. и. е. *ā* того или другого качества в неслабом виде этот неслабый вид был перенесен и в те формы, в которых из о. и. е. языка получен был слабый вид таких основ. В греч. языке различие между слабым и неслабым звуковым видом основы в таких основах на о. и. е. *ā* различного качества в неслабом виде продолжало сохраняться; например, аттич.-ионич. *φημί* (о. греч. **φᾱμί*) в 1-м л. ед. ч. с основой в полном звуковом виде, во множественном о. и. е. слабый вид основы: *φᾶμεν*.

II класс

Основы, заключающие в себе глагольный корень с удвоением, частью полным, частью неполным, причем в последнем случае гласная удвоения являлась в виде *ǎ^e* и в виде *ĩ*, и представлявшие чередование неслабого и слабого видов основы. Эти основы по самому образованию были основами вида длительного. В др. инд. языке к таким основам презенса принадлежит, например, основа *dadā* в неслабом виде, например *dádāti* — „он дает“, где др. инд. *ǎ* в слове удвоения из о. и. е. *ǎ^e*, в формах двойственного и множественного числа является слабый вид этой основы *dad-* (с др. инд. *ǎ* из о. и. е. *ǎ^e* в слове удвоения и с о. и. е. утратой гласной корня), например в 1-м л. мн. ч. *dadmás*, родственная греч. основа *δίδο-*, *ῑδο-* в *δίδομι*, *ῑδομεν* имела о. и. е. *ĩ* в слове удвоения. Тот же корень с удвоением другого рода является в ст. слав. языке в основе *даа-*, например в 3-м л. мн. ч. *дадаты*, 3-м л. ед. ч. *дасть* (где

ст. слав. с, о. слав. з из о. и. е. s, которое получилось из *d* в положении перед шумной зубной); здесь гласная *a* (о. слав. *a*) в удвоении из о. и. е. *ā*^o, на которое указывают соответственные слова литовского языка, а глагольный корень здесь в слабом звуковом виде, с о. и. е. утратою гласной.

III класс

Основы, бывшие сами по себе основами длительного вида и оканчивавшиеся на основообразовательный суффикс, который в полном звуковом виде (т. е. под ударением, в формах трех лиц единственного числа действительного залога) являлся как *nā*^a, между тем как слабый звуковой вид этого суффикса (в прочих формах, имевших ударение на личных окончаниях) был перед согласными *nə*, где *ə*, т. е. о. и. е. неопределенная гласная, получалась вследствие сокращения гласной *ā*^a (в формах 3-го л. мн. ч. *ə* перед гласною *ā*^e в личных окончаниях фонетически исчезала). В греч. языке рассматриваемые нами основы презенса являлись в основах на о. греч. *uā*, откуда диалектическое *uη* в полном звуковом виде, и на *uǣ* в слабом виде, где *ǣ* из о. и. е. *ə*, например в глаголе *κίρυνμι*, *κίρυναι*. В др. инд. языке им соответствуют основы на *nā* в полном звуковом виде и на *nī* в слабом звуковом виде, перед согласною, например в глаголе *crīṇāmi* — „мешаю, смешиваю“, *crīṇīmās*-, 1-е л. мн. ч., родственном по корню с греч. *κίρυνμι*. Из о. и. е. *nə* в др. инд. языке фонетически должно бы было явиться *nī* с кратким *i*, и происхождение долготы *i* в др. инд. *nī*, например *crīṇīmās*, остается не вполне ясным; вероятно, она вызвана влиянием какой-то аналогии. В лат. и ст. слав. языках рассматриваемые нами основы презенса не сохранились.

IV класс

Основы, бывшие сами по себе основами длительного вида и оканчивавшиеся в полном звуковом виде на *nā*^eи (под ударением), в слабом виде на *nī* без ударения, которое падало при этом на личные окончания. В др. инд. отсюда основы на *nō* в неслабом виде, на *nī* в слабом виде, а в греч. — основы на *u* в слабом виде и на *u* в неслабом виде, где *ū*, вероятно,

представляет новообразование вместо дифтонга под влиянием *й* в слабом виде. Сюда принадлежит, например, основа, являющаяся в др. инд. ведийском *str̥nōmi* — „постигаю“, *str̥numás*, 1-е л. мн. ч. в греч. στέρνῳμι, στέρνῳμεν. В лат. и ст. слав. языках эти основы не сохранились.

V класс

Основы, сами по себе бывшие основами длительного вида и имевшие в полном звуковом виде носовой инфикс *nā^e* перед конечной согласной глагольного корня, а в слабом виде инфикс *n*, причем ударение в полном звуковом виде этих основ падало на гласную инфикса, а в слабом виде являлось на личных окончаниях. Такие основы презенса известны только из индо-иран. языков, но на основании самого образования их надо думать, что они существовали еще в о. и. е. языке, хотя, вероятно, в о. и. е. языке глаголы с такими основами презенса допускали также основы презенса другого образования (например, образования тематического спряжения с носовым инфиксом). Сюда принадлежит, например, основа, являющаяся в др. инд. основе *yunāḡ-* в полном звуковом виде, *yuñḡ-* в слабом виде: *yunāḡmi* — „соединяю“, *yuñḡmās*, 1-е л. мн. ч. (корень в слабом звуковом виде *-yuḡ-* — из о. и. е. *yug-*), в лат. языке родственно *jungo*, глагол с основной тематического спряжения, где *n* по происхождению носовой инфикс (спросшийся с корнем в лат. языке). Сюда же принадлежит, например, др. инд. основа *bhinād-* в полном звуковом виде, *bhind-* в слабом, 1-е л. ед. ч. *bhinādmī* — „колю“, „пронзаю“, 1-е л. мн. ч. *bhindmās* (корень в слабом звуковом виде *bhid-*); родственно лат. *findo*, где основа тематического спряжения с носовым инфиксом.

Я указал на различные образования основы презенса в о. и. е. непроезводных глаголах, и мы видели, что в этих основах в о. и. е. языке различались по образованию два больших класса, с дальнейшими различиями по образованию: основы тематического спряжения и основы нетематического спряжения. Что же касается производных глаголов в о. и. е. языке, то, как я говорил уже, они, по моему мнению, имели основы презенса лишь тематического спряжения. Здесь существовали:

1) Основы на $\check{a}^e ja^{e/o}$ (с ударением на первом $\check{a}^e$), бывшие производными от производных основ на $\check{i}$ (последние являлись в спряжении таких глаголов не в формах презенса и имперфекта), причем, следовательно, $\check{a}^e j$ перед суффиксом основы (тематического спряжения) $\check{a}^{e/o}$ в окончании $\check{a}^e j\check{a}^{e/o}$ таких основ презенса указывает на старый дифтонг $\check{a}^e i$, находившийся в чередовании с $\check{i}$ в основах презенса тех же глаголов. Глаголы с таким образованием основ в о. и. е. языке были по большей части по значению глаголами винословными (каузативными). В др. инд. языке сюда принадлежат глаголы так называемого X класса, бывшие по значению по большей части также глаголами каузативными, например *sād-āya-ti* — „сажает“, *roç-āya-ti* — „освещает“, *vāh-āya-ti* — „возит“, собственно, „заставляет возить“, *sam-bhār-āya-ti* — „заставляет собирать“ (др. инд. $\check{a}$ в корне всех приведенных глаголов восходит к общеевропейскому $\check{a}^o$, чередовавшемуся с $\check{a}^e$, при положении в открытом неконечном слоге). В греч. языке сюда принадлежит часть производных глаголов на $-\epsilon\omega$, где между гласными фонетически исчез звук из о. и. е. $\check{i}$, например $\varphi\omicron\rho\epsilon\omega$ (сравн. др. инд. *sam-bhār-āya-ti*), $\delta\chi\epsilon\omega$ (др. инд. *vāh-āya-ti*), $\varphi\omicron\beta\epsilon\omega$ и пр. В лат. языке сюда относится часть производных глаголов на $-eo$, например *lūceo* (др. инд. *rocayati*), *monéo* и пр. В ст. слав. глаголы с таким образованием презенса не сохранились.

2) О. и. е. основы презенса производных глаголов на $i\check{a}^{e/o}$ (с ударением на суффиксе, а в диалектах, по-видимому, также и на $i\check{a}^{e/o}$, не в форме 1-го л. ед. ч. презенса), причем вместо $i\check{a}^e$ употреблялся слабый звуковой вид: $\check{i}$ с фонетическим стяжением из $i\check{a}$ (иррациональная гласная $\check{a}$ вследствие сокращения $\check{a}^e$), эти основы презенса были образованы от производных глагольных основ не презенса на $\check{i}$ и частью, по-видимому, на $\check{i}$.

В др. инд. языке сюда принадлежат, например, глагол *namasyāti* — „кланяется“, с глагольной основой, образованной от именной основы в существительном среднего рода *nāmas* (и основа *namas*) — „поклон“; глагол *apasyāti* — „занимается делом“, с глагольной основой, образованной от именной основы в существительном среднего рода *āpas* (и основа *apas*) — „дело“. В греч. языке основы презенса такого образования мы находим,

например, в глаголах $\tau\epsilon\lambda\epsilon\acute{\omega}$, из $^*\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\text{-}\omega$, $\delta\upsilon\omicron\mu\alpha\acute{\iota}\nu\omega$, из $^*\delta\upsilon\omicron\mu\alpha\chi\text{-}\omega$ (глаголы отыменные). В лат. языке сюда принадлежит часть глаголов 4-го спряжения на $-io$, например *scriptario*. В ст. слав. языке рассматриваемые нами основы презенса являются в тех глаголах, которые оканчивались в инфинитиве на $-ити$, например в хвалѣт , 3-е л. ед. ч. хвалитѣ ; саждѣт , 3-е л. ед. ч. саждаетѣ , где ст. слав. и , о. слав. $\bar{i}$, в окончании основы презенса я объясняю так же, как и ст. слав. и , о. слав. $\bar{i}$, в окончании основ презенса глаголов класса „горѣти“ (см. выше), т. е. о. слав. $\bar{i}$ и здесь получилось из $\bar{i}\bar{i}$, а в этом $\bar{i}\bar{i}$ второе $\bar{i}$ из о. и. е. диалектич. $\bar{i}$ (которое само из $\bar{i}\alpha$ в окончании основы в части форм), а первое $\bar{i}$ из $\bar{i}$, перенесенного из формы 1-го л. ед. ч. презенса на $-i\acute{\alpha}n$. В ст. слав. языке (и еще в общеславянскую эпоху) глаголы класса „хвалити“ по их употреблению заменили собою отчасти те о. и. е. каузативные глаголы, о которых я говорил прежде.

3) О. и. е. основы презенса производных глаголов на $\bar{a}^e i\acute{\alpha}^e/o$ и на $\bar{a}^e i\acute{\alpha}^e/o$ (с ударением на $\bar{a}^e/o$), произведенные от основ не презенса на дифтонги $\bar{a}^e i$ и $\bar{a}^e \bar{i}$. В др. инд. сюда принадлежит часть глаголов с основами презенса на др. инд. $\bar{a}u\bar{a}$, например *amitrayāti* — „он относится враждебно“ (глагол отыменный, сравн. *āmitras* — „враг“), *acvāyāti* — „желает коней“ (сравн. *ācvas* — „конь“); в греч. языке такие основы презенса являются в части производных глаголов на $-\acute{\epsilon}\omega$, например в $\phi\acute{\iota}\lambda\acute{\epsilon}\omega$; в лат. языке сюда принадлежит также часть производных глаголов на $-eo$: *albeo*. В ст. слав. языке о. и. е. основы презенса с таким образованием, именно на о. и. е. $\bar{a}^e i\acute{\alpha}^e/o$, сохранились лишь в некоторых остатках, и притом с известным нефонетическим новообразованием, в таких диалектических формах, как оумѣть (3-е л. ед. ч.), где а в диалекте фонетически из ъ в положении после ъ , а ъъ вместо ъ (под влиянием аа , при а , в глаголах с другими основами), из о. слав. $\bar{i}\bar{e}\bar{e}$; между гласными здесь фонетически исчезло о. и. е. $\bar{i}$ еще в балт.-слав. языке. В русском языке эта о. слав. основа презенса на $\bar{i}\bar{e}\bar{e}$ сохраняется в диалектах, например в форме умѣт из умѣт(ѣ) , где ѣ из о. слав. $\bar{i}\bar{e}\bar{e}$.

4) О. и. е. основы презенса производных глаголов на $\bar{a}^a i\acute{\alpha}^e/o$ (с ударением на $\bar{a}^e/o$), произведенные от основ не презенса на

$\bar{a}^a i$. В др. инд. сюда принадлежит, например, *prtanāyāti* — „сражается“ (глагол отыменный, сравн. *prtanā* — „битва“). В греч. языке эти о. и. е. основы презенса мы находим в производных глаголах на $-\acute{\alpha}\omega$, например в $\tau\rho\acute{\alpha}\omega$, где $\acute{\alpha}$ явилось не фонетически вместо $\bar{a}$ из о. и. е. $\bar{a}^a$ под влиянием других производных глаголов (именно под влиянием глаголов с о. и. е. основами презенса на $\bar{a}^e i\bar{a}^{e/o}$, при $\bar{a}^e i\bar{a}^{e/o}$). В лат. языке такие о. и. е. основы презенса являются в глаголах лат. 1-го спряжения, например в *plantō*, *amō*, где, конечно, $\bar{o}$, как и $\bar{a}$ в других лицах, получилось вследствие стяжения гласных, между которыми фонетически исчезло i . В ст. слав. языке сюда принадлежат диалектические основы презенса в таких образованиях, как *дѣлать*, *дѣлаашн*, где *аа* из о. слав. $*\bar{a}\bar{a}$, которое само из $*\bar{a}i\bar{e}$ с фонетическим исчезновением i между гласными (это в балт.-слав. языке) и с уподоблением по качеству второй гласной.

5) О. и. е. основы презенса производных глаголов на $i\bar{i}\bar{a}^{e/o}$ и $i\bar{i}\bar{a}^{e/o}$, произведенные от основ не презенса на $i\bar{i}$, а также основы презенса на $i\bar{i}\bar{a}^{e/o}$ и $i\bar{i}\bar{a}^{e/o}$, произведенные от основ не презенса на $i\bar{i}$. Сюда принадлежат, например, основы презенса в др. инд. *kavīyāte* — „действует, как мудрец“ (сравн. *kavīs* — „мудрец“), *çatrūyāti* — „поступает, как враг“ (сравн. *çātrus* — „враг“), в греч. $\kappa\omicron\nu\iota\omega$, $\varphi\iota\tau\acute{o}\omega$ с фонетической утратой i между гласными, в лат. *finio*, *statuo*. Что касается ст. слав. основ презенса производных глаголов на *аю*, например в *дѣлаашн*, *дѣлають*, и на *ѣю*, например в *оумѣашн*, *оумѣють*, *жельашн*, *жельють*, то они восходят к балт.-слав. основам презенса, имевшим j между гласными, и позволяют поэтому предполагать, что, может быть, еще в о. и. е. языке были известны образования основ презенса производных глаголов с о. и. е. j между гласными и с ударением не на конечной гласной основы при тех основах с i между гласными, о которых я говорил. Так же и в ст. слав. основах презенса производных глаголов на *оую*, например в *всѣдоуашн*, *всѣдоують*, как и в соответственных литов. основах на *auja-*, находим балт.-слав. j , не из о. и. е. i , перед конечной гласной основы.

Относительно различий в образовании основ презенса, т. е. основ имперфективного длительного вида в о. и. е. языке, как в непроизводных, так и в производных глаголах, надо заме-

тить, что эти различия в образовании основ соединялись некогда с известными различиями в значениях, хотя в эпоху распада о. и. е. языка не все такие различия в образовании основ презенса продолжали сохранять принадлежавшие им прежде значения.

2. Основы аориста

(т. е. основы имперфективного недлительного вида в прошедшем времени)

Здесь различались в о. и. е. языке основы аориста простого и основы аориста сигматического. Основы аориста простого в глаголах непроеизводных были по большей части такими основами имперфективного вида, которые сами по себе не имели формы вида недлительного и получали эту форму лишь в соотношении их с другими основами от тех же глагольных корней, как с основами презенса. Сюда принадлежат в др. инд. и греч. языках такие основы простого аориста нетематического и тематического спряжения, какие являются, например, в др. инд. *āsthām*, греч. ἄστυ (основа презенса в др. инд. — *tīṣṭha-*, в греч. ἴσται- (ἴσταῖ) или, например, в др. инд. *āsičam* (основа презенса *siñča-*, глагольный корень *sič* — „выливать“), в греч. ἔλιπον (основа презенса λείπο-, λείπε-) и т. д.

В лат. языке, где вообще смешались основы о. и. е. аориста и перфекта в основах лат. перфекта, основы о. и. е. простого аориста являются в таких образованиях лат. перфекта, как *vertit*, *scidit*.

В ст. слав. языке простой аорист с основами тематического спряжения мы находим в таких образованиях, как несть, 2-е и 3-е л. несе, 1-е л. мн. ч. несомъ, 3-е л. мн. ч. несѣ, или двигъ, 2-е и 3-е л. движе, 1-е л. мн. ч. двигомъ, 3-е л. мн. ч. двигѣ. В таких случаях, как двигъ, основа аориста отличалась от основы презенса того же глагола (основа презенса двигну), но, например, в аористе несть, несе и т. д. основа не отличалась от основы презенса, и, следовательно, по происхождению такие ст. слав. формы, как несть, не отличались от форм о. и. е. имперфекта, но они получили еще в балт.-слав. языке значение формы аориста (вследствие того, что в известных глаголах простой аорист и имперфект совпали по звуковой стороне в балт.-слав. языке), между

тем как в значении имперфекта здесь употреблялись известные новообразования (отсюда в о. слав. то новообразование имперфекта, которое является в ст. слав. *иссѣхъ* и т. д.). В о. и. е. языке в основах простого аориста непроезводных глаголов, кроме тех образований, которые сами по себе (вне соотношения с основами презенса данных глаголов) являлись основами вообще имперфективного вида, были известны также и некоторые образования, являвшиеся сами по себе основами именно недлительного имперфективного вида; таковы были, например, производные основы аориста нетематического спряжения на *ā̃*^e, употреблявшиеся при основах презенса тематического спряжения на *iā̃^e/o* и на диалектическое *ia^o/i*, например в греч. *ἐμάχην* (η о. греч.), при *μαίνομαι*, из *μάνομαι* (страдательное значение в таких греч. аористах с основами на η развивалось в отдельном существовании греч. языка); в ст. слав. языке с греч. основой *μαχῆ-* тождественна по происхождению основа *мынѣ-* в *мынѣти*, при основе настоящего времени *мыни-*, например, в *мынѣти*, сравн. также ст. слав. *ѣ* в окончании основ не настоящего времени на ст. слав. *и*, например, в *горѣти*.

В о. и. е. производных глаголах, по-видимому, не употреблялся простой аорист.

О. и. е. основами сигматического аориста, в глаголах непроезводных и производных, мы называем такие о. и. е. основы аориста, которые образовывались при посредстве суффикса, заключавшего в себе звук *s*. Здесь различались:

1) Основы аориста, имевшие в суффиксе одно *s* и являющиеся, например, в др. инд. аористах *ābhārṣam*, 1-е л. мн. ч. *ābhārṣma* (от глагольного корня др. инд. *bhar-* — „нести“), *ānaiṣam*, 1-е л. мн. ч. *ānaiṣma* (от глагольного корня др. инд. *nī-* — „вести“); в греч. аористах *ἐλέξατο*, *ἐκλεψα*, *ἐγγραφα*, а также, например, в ионич.-аттич. *ἔτευνα*, где *ei* не дифтонг, но из фонетического диалектического удлинения *ε* (из *etensa*, *etenja* и т. д.); в ст. слав. аористах, в формах не 1-го л., в таких образованиях, как *ѣсте*, *ѣса* и *ѣша* (ш из х); *рѣсте*, *рѣша*; *дасте*, *даша*; в лат. языке эти о. и. е. основы сигматического аориста являются в таких образованиях лат. перфекта, как *clepsi* (сравн. греч. *ἐκλεψα*), *dūxi*, *scripsi*, а в лат. перфекте совпали, как мы знаем, о. и. е. перфект и аорист.

2) О. и. е. основы сигматического аориста, имевшие в суффиксе *sā^{e/o}* (тематическое спряжение), мы находим в др. инд. языке в сигматических аористах типа *ádikṣam*, 1-е л. мн. ч. *ádikṣāma* (глагольный корень др. инд. *diṣ-* — „показывать“), в греч. языке в форме 3-го л. ед. ч. сигматического аориста, например *ἔγραψε*, а также в таких образованиях, как гомеровское *ἔξε*; в ст. слав. языке сюда принадлежат основы формы 1-го л. трех чисел сигматического аориста в таких образованиях, как *ясъ* (и *яхъ*), *ясомъ* (*яхомъ*); *рхъ*, *рхомъ*; *дахъ*, *дахомъ*; в лат. языке эти о. и. е. основы сигматического аориста можно видеть в форме 3-го л. ед. ч. лат. перфекта, например в *duxit*, *scripsit* и т. д.

3) О. и. е. основы сигматического аориста, заключающие в суффиксе *as*, являются в др. инд. языке в аористах типа *ábodhiṣam*, *ábodhiṣma* (глагольный корень др. инд. *budh-* — „пробуждаться, замечать“); в ст. слав. языке сюда принадлежат основы аориста в формах *несоств*, *несоша* (ш из х), *ревств*, *ревш* и т. д., между тем как форма 1-го л. трех чисел, например *несохъ*, *несохомъ* (х из s известного рода), представляет в основе новообразование по аналогии основ тематического спряжения, а формы 2-го и 3-го л. ед. ч., например *несе*, по происхождению принадлежат аористу простому (см. выше); несигматическому. В лат. языке формы 2-го л. ед. и мн. чисел лат. перфекта на *-isti*, *-istis* (*fecisti*, *dixisti* и т. д.) имеют s из о. и. е. s в основах сигматического аориста, но происхождение лат. *i* перед этим s не ясно; из о. и. е. *a* в данном фонетическом положении в лат. языке мы ждали бы *e*.

4) О. и. е. основы сигматического аориста на *sas* известны из др. инд. аористов типа *áyāsiṣam*, 1-е л. мн. ч. *áyāṣisma* (глагольный корень др. инд. *yā-* — „идти“).

5) О. и. е. основы сигматического аориста на *ss* (с утратой гласной *a*) получены были, может быть, греч. языком в таких образованиях аориста, как *ἔλυα*, если *σ* здесь из *σσ*, а не под влиянием аналогии других образований сигматического аориста (во всяком случае, *σ* в *ἔλυα* не может восходить фонетически к одному о. и. е. s, так как одно s между гласными в греч. языке должно было бы исчезнуть).

Б. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРФЕКТИВНОГО ВИДА

1. Основы перфекта

(т. е. настоящего времени перфективного вида)

Основы перфекта в о. и. е. языке существовали, по-видимому, только в глаголах непроизводных (в глаголах производных перфект имел известную составную форму, т. е. с вспомогательным глаголом). Основы перфекта от корней, начинавшихся с согласных, заключали в первом слоге удвоение (неполное) корня; гласная в этом удвоении в его неслабом виде была $\check{a}^e$ (какова бы ни была гласная корня), а в слабом виде то же удвоение получало иррациональную гласную и при известных условиях утрату гласной (см. фонетику). Глагольные корни, представлявшие чередование между слабым и неслабым звуковым видом, имели в перфекте неслабый, полный звуковой вид (с гласною $\check{a}^o$ в корнях, имевших $\check{a}^e/\check{a}^o$) только в трех лицах единственного числа действительного залога, между тем как в прочих формах перфекта существовал слабый вид глагольного корня. Тот о. и. е. глагол в формах перфекта, который является в др. инд. *veda* — „я знаю“, греч. *oĩda* (из *foĩda*), ст.слав. *въдъ* (с утратою гласной удвоения), получил значение презенса еще в о. и. е. языке. В др. инд. языке о. и. е. гласная $\check{a}^e$ после согласной в слоге удвоения перфекта сохранялась как *a* в тех глаголах, которые образованы были от корней, имевших в неслабом звуковом виде др. инд. $\check{a}$ или $\check{a}$, например в *mamārda*, 3-е л. мн. ч. *mamṛdūr* (глагольный корень в неслабом звуковом виде др. инд. *mard* — „растирать, раздроблять“), *ḡagāma*, 3-е л. ед. ч. *ḡagāma* ($\check{a}$ из о. и. е. $\check{a}^o$), 3-е л. мн. ч. *ḡagmūr* (глагольный корень *gam* — „идти, приходиться“), *dadāu*, 3-е л. мн. ч. *dadūr* (глагольный корень в неслабом виде *dā* — „давать“). Что же касается глаголов от корней, имевших в неслабом виде др. инд. $\check{e}$ и $\check{o}$ (из дифтонгов), а в слабом виде *i* и *u*, то они получили в удвоении в перфекте гласные *i* и *u* вместо о. и. е. $\check{a}^e$, например *bibhēda*, 3-е л. мн. ч. *bibhidūr* (глагольный корень в слабом виде *bhid* — „раскалывать“), *yuyōga*, 3-е л. мн. ч. *yuyugūr* (глагольный корень в слабом виде *yug* — „соединять“). Чередование между слабым и неслабым звуковым видом основ перфекта, получен-

ное из о. и. е. языка, сохранялось вообще в др. инд. языке. При этом надо заметить, что в глаголах от корней с др. инд. гласною *a* после одной согласной (с известными исключениями) и перед одною согласною слабый звуковой вид основы перфекта во многих случаях заключал в себе гласную др. инд. *ē*, например в основе *ten-* (например, *tenūr*, 3-е л. мн. ч. действительного залога), при *tatān-* (например, 1-е л. ед. ч. действительного залога, *tatāna*), от глагольного корня *tan-* — „тянуть“, или, например, в основе *peč-* (например, *pečūr*, 3-е л. мн. ч. действительного залога), при *parāč-* (*parāča*, 1-е л. ед. ч. действительного залога), от глагольного корня *pač-*. На основании сопоставления этого др. инд. *ē* с соответственными фактами других и. е. языков (главным образом германских) можно думать, что др. инд. *ē* в большинстве этих случаев произошло из известной гласной о. и. е. языка, именно из гласной *ē* (т. е. *ē* закрытое, а не *ā*^е), образовавшейся вследствие фонетического удлинения иррациональной гласной в слоге корня, например в о. и. е. *peḱ-*, из *praxak-*, *prēk* (см. фонетику). В греч. языке глаголы в удвоении перфекта из о. и. е. *ā*^е сохранилась как *ε*, например в *ῥέγουα*, *ῥέγαμεν* (в *ῥεγα-* слабый вид глагольного корня), *πέποιθα*, *τέφευγα* (*ευ* вместо *ου* под влиянием *φεύγω*). Основы перфекта в греч. языке получали различные новообразования, и во многих случаях здесь исчезло старое чередование между о. и. е. слабым и неслабым звуковым видом основы перфекта. В лат. языке в основах лат. перфекта смешались, как я говорил, основы о. и. е. перфекта и аориста, между прочим, и удвоение в основах лат. перфекта получено было частью из удвоения о. и. е. основы перфекта, частью же из удвоения известных основ о. и. е. простого аориста. В глаголах от корней, имевших гласную не из о. и. е. *i*, *u*, удвоение в основах лат. перфекта заключало в себе гласную *e* или, в известных случаях, *o* (именно перед слогом корня с *o*), например в *metini* (сравн. греч. *μέμνηα*), *tetendi*, *dedi*, *repuli* (*u* во втором слоге из о. и. е. *u*), *spopondi*, а в глаголах от корней с о. и. е. *i* или *u* удвоение в основах лат. перфекта получало гласную *i* или *u*, например в *scicidi* (при *scidi*), *tutudi*. Кроме основ с удвоением от глагольных корней, начинавшихся с согласной, лат. язык имел в перфекте также и основы без

удвоения, частью из о. и. е. основ аориста (например, в *verti*), частью же из о. и. е. основ перфекта в слабом звуковом виде с фонетической утратой слога удвоения (в слабом виде) еще в о. и. е. языке (например, в *frēgi*, сравн. др. инд. основы перфекта с $\bar{e}$ в слабом виде). В ст. слав. языке о. и. е. перфект не сохранился (он исчез еще в балт.-слав. эпоху); правда, ст. слав. *въдѣ* — „я знаю“, родственное с греч. *οἶδα*, др. инд. *veda* — „я знаю“, представляет по происхождению форму о. и. е. перфекта, но в этом глаголе, как я говорил, перфект получил значение презенса еще в о. и. е. языке.

Я указал на о. и. е. основы перфекта в глаголах от корней, начинавшихся с согласной. Что же касается глаголов от корней, начинавшихся с гласной, то они в перфекте имели, по-видимому, частью также удвоение корня (сравн. в греч. языке такие образования, как *ἔδωδα*), частью же получили вместо удвоения одну только гласную $\check{a}^e$, которая сливалась с начальной гласной корня, например в др. инд. *āda*, от глагольного корня *ad-* — „есть“ (ст. слав. *ѣсти*), в лат. *ēdi*.

2. Основы прошедшего времени перфективного вида

В о. и. е. языке основы были вообще те же, что и в перфекте (сюда принадлежит, например, основа в греч. *ἐπέπνευ*), но, кроме того, в прошедшем времени перфективного вида употреблялись, по-видимому, и основы тематического спряжения, образованные от основ перфективного вида нетематического спряжения, существовавших в перфекте.

В. ОСНОВЫ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Основы будущего времени (бывшие по происхождению основами формы известного вида, см. выше) образовывались в о. и. е. языке при посредстве суффикса *siā^{e/o}* (с ударением на гласной $\check{a}^{e/o}$), а в диалектах *siā^o/si* (где *i* из *ia*, а последнее из *iā^e*, с сокращением $\check{a}^e$ в иррациональную гласную) и были поэтому основами тематического спряжения. Отсюда в др. инд. языке основы будущего времени на *śya*, *ṣya* ($\check{s}$ из *s*), напри-

мер в *dāsyāti* — 3-е л. ед. ч. действительного залога (глагольный корень *dā-* — „давать“), *vakṣyāti* — 3-е л. ед. ч. (глагольный корень *vač-* — „говорить“), *ḡaniṣyāti* — 3-е л. ед. ч. (глагольный корень *ḡan-* — „рождать“); в таких образованиях этих основ, как *ḡaniṣya-*, др. инд. гласная *i* из о. и. е. неопределенной гласной. В греч. языке в таких случаях, как $\lambda\acute{o}\omega$, $\delta\epsilon\acute{\iota}\omega$, не могут быть различаемы о. и. е. основы будущего времени и о. и. е. основы сослагательного наклонения (конъюнктива) от основ сигматического аориста, а такие греч. образования будущего времени, как $\tau\epsilon\upsilon\acute{\omega}$ (с фонетической утратой σ между гласными), $\tau\epsilon\upsilon\omega$, объясняются только как формы о. и. е. сослагательного наклонения (конъюнктива) от основ сигматического аориста. В лат. языке о. и. е. образования будущего времени не сохранилось. Также и в ст. слав. языке мы его не находим, а остатком о. и. е. причастных основ, тождественных по образованию с основами о. и. е. будущего времени, является в ст. слав. языке основа в *бѣшашѣ*, *бѣшашѣю* — „будущее“.

Г. ОСНОВЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Общеиндоевропейские основы той формы прошедшего времени, которую обозначалась существовавшая в прошлом времени готовность сочетания данного признака с известным субъектом, совпадали, как я говорил, с основами будущего времени (произошли из основ формы известного вида, см. выше). Отсюда в др. инд. языке основы на *ṣya*, *ṣya* ($\check{s}$ из *s*) в той др. инд. глагольной форме, которая с течением времени получила здесь значение формы условного наклонения, например в *ádāsyat* — 3-е л. ед. ч. действительного залога, от глагольного корня *da-* — „давать“, *áḡaniṣyat* — 3-е л. ед. ч. действительного залога, от глагольного корня *ḡan-* — „рождать“ (*á-* в начале — аугмент, который в др. инд. языке всегда получал ударение в формах из о.и.е. форм прошедшего времени).

В греческом, латинском и старославянском языках соответственные образования не сохранились.

ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ КОСВЕННЫХ НАКЛОНЕНИЙ

А. ОСНОВЫ КОНЪЮНКТИВА

Общеиндоевропейские основы конъюктива (т. е. того сослагательного наклонения, которое не было по образованию так называемым инъюнктивом) от глагольных основ, заключавших в себе формы вида, образовывались при посредстве суффикса $\check{a}^{e/o}$ (с тем же чередованием $\check{a}^e$ и $\check{a}^o$ в формах лица, как и в основах изъявительного наклонения тематического спряжения), и этот суффикс мог приставляться как к основам нетематического спряжения, так и к основам тематического спряжения, причем в последнем случае из соединения двух $\check{a}^{e/o}$ получилось $\check{a}^{e/o}$.

Следовательно, о.и.е. основы конъюктива, образовавшиеся при посредстве суффикса $\check{a}^{e/o}$, являлись сами вообще основами тематического спряжения по их происхождению. О.и.е. основы конъюктива на $\check{a}^{e/o}$ мы находим в греч. языке в таких образованиях, как $\dot{\iota}\omicron\rho\epsilon\upsilon$, $\varphi\dot{\upsilon}\lambda\epsilon\tau\alpha\iota$, в лат. *ero*, *erit* (*r* из *s* между гласными) с новым значением будущего времени, в др. инд. — в ведийском наречии *asat*, 3-е л. ед. ч. (от глагольного корня *as* — „быть“), в санскритском наречии только в формах 1-го л., например *āsāni*, 1-е л. ед. ч. действительного залога.

Из о.и.е. основ конъюктива на $\check{a}^{e/o}$ (образованных от глагольных основ тематического спряжения) получились греч. основы конъюктива, например в $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\epsilon\upsilon$, $\varphi\acute{\epsilon}\rho\eta\tau\epsilon$; в лат. языке сюда могут принадлежать такие образования, с новым значением будущего времени, как *legēs*, *legēmus* и т. д., в которых основы на $\bar{e}$ заменили собою старые основы на $\bar{e}/\bar{o}$, из о.и.е. $\check{a}^e/\check{a}^o$; в др. инд. языке в ведийском наречии те же о.и.е. основы конъюктива можно видеть в таких образованиях конъюктива, как *bharāt*, 3-е л. ед. ч. (сравн. *bhāratī*, 3-е л. ед. ч. презенса), а в формах 1-го л. сюда принадлежат и санскритские образования, например *bhārāni*, 1-е л. ед. ч. действительного залога. О.и.е. основы конъюктива, кроме образований с суффиксом $\check{a}^{e/o}$, имели, по-видимому, также и образования с суффиксом $\check{a}^a$ (представлявшие собою, следовательно, основы тематического спряжения), как позволяют думать факты италийских и кельт-

ских языков; в лат. языке сюда принадлежат такие основы сослагательного наклонения, как *vehā-* в *vehās, vehāmus* и т. д., в др. инд. соответственные основы не могли бы быть отличаемы нами от основ на о.и.е. $\bar{a}^{e/o}$. В ст. слав. языке формы сослагательного наклонения вообще не сохранились, за исключением лишь единичных образований 3-го л. мн. ч. действительного залога *бѣ* и *бѣдѣ*, с основами на о.и.е. долгое *a*, качество которого, однако, не может быть определено точно на основании этих ст. слав. образований, вследствие чего остается неизвестным и то, получены ли эти ст. слав. формы из о.и.е. образований конъюнктива, или же из образований инъюнктива. Форму *бѣ* имел в диалектах ст. слав. языка глагол *бѣти* в качестве вспомогательного, при образовании формы условного наклонения, в соединении с тем причастием спрягаемого глагола, которое имело в суффиксе основы *л* (например, *бѣ погубили* — „погубили бы“). Форма 3-го л. мн. ч. *бѣдѣ* употреблялась в ст. слав. языке, в его диалектах, с значением повелительного наклонения: „пусть будут“, „да будут“.

В. ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

О.и.е. основы желательного наклонения от глагольных основ с формами вида, нетематического спряжения имели суффикс, который в неслабом виде, являвшемся именно в формах трех лиц единственного числа действительного залога, звучал как $i\bar{a}^e$ и частью $i\bar{a}^e$, а в слабом виде, употреблявшемся в прочих формах лица, он заключал в себе, при положении не перед гласною личного суффикса $\bar{i}$, стянутое из $i\bar{a}$, в соответствии именно с неслабым видом $i\bar{a}^e$, и частью $\bar{i}$ (которое само из $i\bar{a}$, с утратою $\bar{a}$) в соответствии с $i\bar{a}^e$ в неслабом виде. Глагольные основы нетематического спряжения, к которым приставлялся этот суффикс желательного наклонения, являлись сами в слабом звуковом виде. Такова, например, о.и.е. основа желательного наклонения $si\bar{a}^e-$, $s\bar{i}-$, от глагольной основы в слабом звуковом виде *s* (в неслабом виде $\bar{a}^e s$), „быть“; отсюда в лат. языке др. лат. *siem, siet* (позже *sim, sit*, под влиянием основы в формах множественного числа), *simus* и т. д., в греч. языке $\epsilon\bar{i}\eta$ (из *esiēn*, где начальное *e* приставлено под влиянием изъ-

явительного наклонения с о.и.е. неслабым видом основы), *es̃men* (из *es̃imen*, с таким же начальным *e*); в др. инд. *syām*, *syāt*, *syāma*, *syāta*, причем о.и.е. неслабый звуковой вид таких основ желательного наклонения перенесен был в др. инд. языке из формы единственного числа действительного залога также и в формы множественного и двойственного чисел того же залога. В ст. слав. языке о.и.е. основы желательного наклонения от глагольных основ нетематического спряжения являются в основах славянского повелительного наклонения глаголов нетематического спряжения, например в *дждь*, *дждѣте*. Из о.и.е. языка получены были здесь основы желательного наклонения на *iā̃* в неслабом звуковом виде и на *ī* в слабом звуковом виде, а вследствие взаимного влияния обоих этих звуковых видов основ являлись основы на *īi*; далее в о. слав. языке *īi* при положении не в конце слов обратилось в *ii*, откуда *ī*, ст. слав. *и* (сравн. выше случаи однородные), между тем как в конце слов, и притом именно в конце слов неодносложных (т. е. имевших более одного слога), неслоговое *i* в *īi* не изменялось в *i* слоговое и потому из *īi* в таком положении получилось *īь*, где *ī* имело затем такую же историю, как и в других случаях после согласных.

О.и.е. основы желательного наклонения от глагольных основ тематического спряжения оканчивались на *ā̃^oi*, где суффикс желательного наклонения *i* (из *iā* с утратой *ā*) присоединен был к основе тематического спряжения на *ā̃^o*; отсюда др. инд. основы желательного наклонения на *ē*, от глагольных основ тематического спряжения, например в формах *bhāres*, *bhāret*, *bhārema* (глагольный корень *bhar-* — „нести“), греч. основы на *οι*, например в *φέρεις*, *φέρει* (в конце отпало *τ*) и т. д.; в ст. слав. языке сюда принадлежат основы славянского повелительного наклонения глаголов тематического спряжения, например, в *верн*, *верѣте* (конечное *и* в *верн* такого же происхождения в фонетическом отношении, как и конечное ст. слав. *и* в именительном множественного *рѣки*, см. фонетику).

Повелительное наклонение, как я говорил, не отличалось в о.и.е. языке по основам от изъявительного наклонения.

Перехожу теперь к обзору личных суффиксов глагольных форм в о.и.е. языке и в их изменении в языках древнеиндийском, греческом, латинском и старославянском.

ЛИЧНЫЕ СУФФИКСЫ В ФОРМЕ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

1-е лицо. В презенсе глаголов нетематического спряжения суффикс 1-го л. ед. ч. действительного залога в о.и.е. языке звучал *-mi*, отсюда др. инд. *-mi*, например, в *ásmi*, *émi* („идти“), *dádāmi* и др.; греч. *-μι*, например, в ионич.-аттич. *εἶμι*, лесбийск. *εἶμι* (из *esmi*, *ehmi*), в *εἶμι*, *dídōμι* и др.; ст. слав. *-мь* (и *-мъ* с *ъ* из *ь*) в *ѣсмь*, *дамь*, *вѣмь*, *имь* (диалектическое *ѣмь* сохраняло *ѣ* в начале слова без изменения), *имамь*; в лат. языке сюда принадлежит *-m* в *sint*, с нефонетической утратой конечного о.и.е. *i*. В презенсе глаголов тематического спряжения, а потому и в будущем времени и частью в конъюнктиве (а в конъюнктиве могли употребляться и личные суффиксы прошедшего времени) форма 1-го л. ед. ч. действительного залога оканчивалась в о.и.е. языке в полном образовании, я думаю, на *-ā^on*, где в состав *ā^o* вошло *ā^o* в окончании основы тематического спряжения + гласная личного суффикса и где *n* было некратким и притом подвижным. В др. инд. языке это о.и.е. окончание сохранялось в ведийской форме 1-го л. ед. ч. действительного залога сослагательного наклонения на *-ā*, например в *bhārā* (глагольный корень *bhar* — „нести“), *āsā* (глагольный корень *as* — „быть“), где *ā* из о.и.е. *ā^o*, а также и в ведийской и санскритской форме 1-го л. ед. ч. действительного залога сослагательного наклонения на *-āni*, например *bhārāni*, *āsāni*, где к старой форме на о.и.е. *n* присоединено было *i* по аналогии других личных окончаний глагола; в презенсе тематического спряжения и в будущем времени форма 1-го л. на *-ā*, из о.и.е. *ā^o* (с подвижным *n*), заменена была в др. инд. языке новообразованием на *-āmi* (явившемся еще в индо-иранск. языке), например в *bhārāmi* — „несу“, *dāsyāmi* — „дам“, где *-mi* под влиянием *-mi* в презенсе нетематического спряжения. В греч. языке из о.и.е. *-ā^on* с подвижным *n* получилось *-ω*, например, в *φέρω*, в лат. тоже *-ō*, с его сокращением при известных условиях, например, в *fero*; в ст. слав. *-ѣ*, например, в *ѣсѣмъ*.

В прошедших временах и в желательном наклонении о.и.е. суффиксом 1-го л. ед. ч. действительного залога было *-m*

неслоговое в положении после слоговой гласной в окончании основы и сочетание *-am* после неслогового звука в окончании основы. Из о.и.е. *-m* др. инд. *-m*, например, в *āsthām* (аорист), *ābharam* (имперфект), *syām* (желательное наклонение), греч. *-μ* (из *m* в конце слова), например, в ἄσθη, ἔφερον, εἶμ, лат. *-m*, например, в *atabam* (основа нового образования в качестве основы имперфекта), *legam*, *siem* (*sim*); в ст. слав. языке *-ъ* в окончании 1-го л. ед. ч. аориста и имперфекта (основа ст. слав. имперфекта представляет новообразование), например в *несѣ, несехъ, несѣхъ*, произошло из о. слав. *-ъ*, т. е. *и* иррационального, которое здесь из *-on* (о.и.е. *ā°m*), *-un*, *-u*, сравн. *-ъ* в винит. пад. ед. ч. от основ на о.и.е. *ā°* (см. фонетику). Из о.и.е. *am* в окончании 1-го л. ед. ч. после неслогового звука в окончании основы получились др. инд. *-am*, например в *asam* (имперфект „я был“), *bhāreyam* (желательное наклонение), греч. *-α*, например в ἔδειξα или, например, в гомеров. ἦα, тождественном с др. инд. *āsam*.

В перфекте о. и. е. суффикс 1-го л. ед. ч. действительного залога не ясен; может быть, *-xñ*, при *-xñ* (сравн. окончание 1-го л. ед. ч. в презенсе тематического спряжения). В др. инд. языке эта форма оканчивалась на *-a* в положении после неслогового звука основ, например *tatāna* (от *tan*— „тянуть“), *veda*— „я знаю“ (по происхождению форма о. и. е. перфекта), в греч. языке здесь также являлось *-α*, например в τέπειθα, οἶθα, а др. инд. *-a* и греч. *-α* в конце слов могли бы восходить к о. и. е. *-xñ*; в ст. слав. *вѣдъ* конечное *-ъ* произошло, может быть, из о. и. е. *-xñ*; в лат. языке процессе образования *-ei*, откуда *-ī*, например в *tetendī*, *fēcī*, остается неясным. В др. инд. языке 1-е л. ед. ч. действительного залога перфекта от глагольных основ на *a* в неслабом виде имело в окончании *-au* (например, в *-dadāu* от *dā*— „давать“), где происхождение *u* не известно.

2-е лицо. В презенсе нетематического спряжения и частью (в диалектах) тематического спряжения, а потому и в будущем времени о.и.е. суффиксом 2-го л. ед. ч. действительного залога было *-si*, но в презенсе тематического спряжения, а потому и в будущем времени существовало также и другое окончание этой формы, именно *-ā°i*, где *ā°* было окончанием основы тематического спряжения. В презенсе глагола от основы (нетематиче-

ского спряжения) $\check{a}^e s$ — „быть“ форма 2-го л. ед. ч. действительного залога звучала частью $\check{a}^e ssi$, частью же $\check{a}^e si$. В др. инд. языке всюду в презенсе и в будущем времени во 2-м л. ед. ч. действительного залога существовал лишь суффикс $-si$ с его изменениями при известных условиях в $\check{s}i$, например в $dádāsi$, $é\check{s}i$ („ты идешь“), $bhārasi$, будущее $dāsyāsi$. В греч. языке в презенсе нетематического спряжения получен был суффикс $-si$, сохранившийся здесь только в гомеровском $\epsilon\sigma\tau\acute{i}$ из о. и. е. $\check{a}^e ssi$ и в формах $\epsilon\acute{\iota}$ из о. и. е. $\check{a}^e si$ (др. инд. $\acute{a}si$) из о. и. е. $\check{a}^e \check{i}si$ — „ты идешь“ (др. инд. $\acute{e}\check{s}i$), между тем как в других глаголах нетематического спряжения здесь употреблялись формы на $-s$, например $\tau\acute{\iota}\theta\eta s$, с личным суффиксом, перенесенным из формы прошедшего времени. В презенсе тематического спряжения, а потому и в будущем времени греч. язык имел форму 2-го л. ед. ч. действительного залога на $-εις$ и потому на $-ης$ в сослагательном наклонении от глагольной основы тематического спряжения, например в $\varphi\acute{\epsilon}ρεις$, $\lambda\acute{o}γεις$, $\varphi\acute{\epsilon}ρης$. Греч. форма на $-εις$ произошла, по моему мнению, из о. и. е. формы на $-\check{a}^e \check{i}$ (известной нам из литов. и лат. языков), с присоединением суффикса s по аналогии других форм 2-го л. ед. ч. действительного залога. В лат. языке в презенсе находим везде s в окончании 2-го л. ед. ч., под влиянием s в тех формах, в которых из о. и. е. языка был получен суффикс $-s$ (см. далее), например es , $vehis$. В ст. слав. языке в окончании 2-го л. ед. ч. презенса существовало $-сн$, в положении после бывшей некогда согласной, и $-шн$ (где $ш$ из $х$, а последнее из s известного рода), в положении после гласной, например $ѡсн$ (из о. и. е. $\check{a}^e ssi$), $дасн$ (о. слав. s из ss , а последнее из о. и. е. cs , где c из зубной взрывной перед s), $всрешн$. Ст. слав. $-шн$, т. е. о. слав. $-\check{s}n$, представляет известное новообразование, на происхождении которого я не буду останавливаться здесь; ст. слав. $-сн$, о. слав. $-s\check{n}$, могло бы быть возводимо к о. и. е. $-s\check{a}i$ в суффиксе 2-го л. ед. ч. о. и. е. среднего залога, но возможно то, что в этом о. слав. $-s\check{n}$, ст. слав. $-сн$, конечная гласная образовалась под влиянием гласной в окончании о. слав. $-\check{s}i$, ст. слав. $-шн$. В прошедших временах и в желательном наклонении суффиксом 2-го л. ед. ч. действительного залога в о. и. е. языке было $-s$ (отношение этого $-s$ к $-si$ такое

же, как отношение *-m* к *-mī* в суффиксе 1-го л. ед. ч.): отсюда др. инд. *-s*, например, в *ābharas* (имперфект), *syās* (желательное наклонение), *bhāres* (желательное наклонение), греч. *-ς*, например, в ἔφερες, εἴης, ψέροις, лат. *-s*, например, в *amabas, sies (sis)*, в ст. слав. языке конечное *s* фонетически не могло сохраниться (отпало еще в о. слав. языке), например, в *неса, да, берн, даждь*. В перфекте о. и. е. суффикс 2-го л. ед. ч. действительного залога начинался с *-th-*, но окончание его не ясно, в др. инд. языке мы находим этот о. и. е. суффикс в виде *-tha*, например, в *tatānt̥ha* (от *tan* — „тянуть“), *vēt̥tha* — „ты знаешь“, в греч. языке суффикс *-θα*, тождественный с др. инд. *-tha*, сохранился в *ᾔσθᾱ*, между тем как вообще 2-е л. ед. ч. греч. перфекта представляло в окончании известное новообразование с суффиксом *-s* (с другой стороны, суффикс *-θα* в греч. языке мог переноситься и в формы не перфекта); в лат. языке с др. инд. *-tha*, греч. *-θα* родственно *-tī*, из *-tei*, всюду в положении после *s* в лат. перфекте (а это *s* из основы о. и. е. сигматического аориста), например в *fecisti* (сравн. отношение лат. *-ei*, *-i* к др. инд. *-a*, греч. *-α* в окончании 1-го л. ед. ч. перфекта).

В повелительном наклонении тематического спряжения в о. и. е. языке форма 2-го л. ед. ч. действительного залога не получила никакого личного суффикса и оканчивалась на *-a°*, принадлежавшее окончанию основы; отсюда в др. инд. языке форма на *-a*, например *bhāra*, в греч. языке форма на *-ε*, например *φέρε*, в лат. языке в глаголах непроизводных формы на *-e*, например *vehe*, между тем как, например, в *ama* конечное *-ā* из *-āe*, где между гласными исчезло фонетически о. и. е. *i*. В повелительном наклонении глаголов нетематического спряжения суффиксом 2-го л. ед. ч. действительного залога в о. и. е. языке было *-dhi*, хотя некоторые основы нетематического спряжения могли не получать личного суффикса во 2-м л. ед. ч. действительного залога повелительного наклонения. Из о. и. е. *-dhi* в др. инд. языке *-dhi* и *-hi*, например в *edhi* — „будь“ (из *azdhi*), в ведийском *crudhī* (от *ṣru-* — „слушать“), в ведийском и санскритском *ihī* — „иди“; в греч. языке из о. и. е. *-dhi* находим *-θι*, например *ἴθι* (тождественно др. инд. *ihī*), а, например, *τίθει*, из **τίθεε*, форма образована по аналогии повелительного наклонения глаголов тематического спряжения.

3-е лицо. В презенсе, а потому и в будущем времени и частью в конъюнктиве о. и. е. суффиксом 3-го л. ед. ч. действительного залога было *-ti*. Отсюда в др. инд. языке *-ti*, например *ásti* — „есть“, *bhárati* — „несет“, *dāsyāti* — „даст“. В греч. языке о. и. е. суффикс *-ti* сохранился в презенсе нетематического спряжения, причем в диалектах *-ti* фонетически изменилось в *-σι* (не после *σ*), например дорич. *δίδωσι*, ионич.-аттич. *δίδωσι*, а в презенсе тематического спряжения и в будущем времени форма 3-го л. ед. ч. действительного залога оканчивалась в греч. языке на *-ει* и потому на *-η* в сослагательном наклонении от основ тематического спряжения, например *φέρει*, *λύσει*, *φέρη*. В этой греч. форме в конце отпало фонетически *τ*, перенесенное из окончания формы 3-го л. ед. ч. в прошедших временах, а *ει* вместо *ε* (в сослагательном наклонении *η* вместо *η*), вероятно, под влиянием формы 2-го л. ед. ч. на *-εις* (в сослагательном наклонении на *-ης*). В лат. языке суффикс 3-го л. ед. ч. *-t* в презенсе, например в *est*, *vehit*, восходит к о. итальяск. *-t*, с нефонетическою утратою конечного о. и. е. *i*. В ст. слав. языке из о. и. е. *-ti* в 3-м л. ед. ч. презенса получилось *-тъ*, например в *юсть*, *вереть*, а в большинстве диалектов ст. слав. языка вместо *-тъ* являлось *-тъ*, например *юсть*, *вереть*, где *ъ* из *ь* возникло¹, я думаю, при известных условиях еще в о. слав. языке (сравн. ст. слав. *-мъ*, при *-мь*, в окончании 1-го л. ед. ч.).

В прошедших временах и в желательном наклонении о. и. е. суффиксом 3-го л. ед. ч. действительного залога было *-t* (отношение к *-ti* такое же, как и отношение *-s* к *-si*, *-m* к *-mi*). В др. инд. языке отсюда *-t*, сохранявшееся после гласной и отпадавшее фонетически после согласной, например в *ábharat* (имперфект), *ásthāt* (аорист), *bhāret* (желательное наклонение), ведийское *ákar* (аорист от *kar* — „делать“); в греч. языке конечное *-t* должно было всюду фонетически отпасть, например *ἔφερε*, *φέρει*; лат. язык получил здесь из о. итальяск. языка *-d* (из о. и. е. конечного *-t*), которое в лат. языке впоследствии совпало с *-t*, из *-ti*, например в *amabat*, *siet* (*sit*), в ст. слав. языке конечное о. и. е. *-t* фонетически не могло сохраняться

¹ Иначе объяснил Ф. Ф. это *тъ* в статье „Старославянское *тъ* в 3-м л. глаголов“ (ИОРЯС АН, XIII, 1908, кн. 2, стр. 1—44). (Ред.)

(отпало еще в балт.-слав. языке), например, в формах 3-го л. ед. ч. *нессе, да, бы* (при *дасть, дасть, бысть, бысть*, представляющих собою известные новообразования). В перфекте от основ на неслоговой звук форма 3-го л. ед. ч. действительного залога в о. и. е. языке оканчивалась на $\tilde{a}^e$, откуда др. инд. *-a*, например, в *tatāna, veda* — „он знает“, греч. *-ε*, например, в *πέποιθε, οἶδε*, в лат. языке окончание 2-го л. ед. ч. лат. перфекта по происхождению есть, вероятно, окончание о. и. е. аориста (с личным суффиксом *-t*), например в *fecit*. В о. и. е. перфекте от основ в неслабом виде на $\tilde{a}$ различного качества форма 3-го л. ед. ч. оканчивалась в о. и. е. языке на $\tilde{a}$ различного качества, из соединения $\tilde{a}$ различного качества в окончании основы + $\tilde{a}^e$ личного окончания. В др. инд. языке мы находим здесь форму на *-au*, где происхождение *u* не ясно (сравн. др. инд. форму 1-го л. ед. ч. перфекта тех же глаголов), хотя из ведийского наречия при форме на *-au* в 3-м л. перфекта таких глаголов известна и редкая форма на $\tilde{a}$; в греч. и лат. языках о. и. е. основы перфекта на $\tilde{a}$ различного качества в неслабом виде получили известные новообразования. В повелительном наклонении форма 3-го л. ед. ч. действительного залога в о. и. е. языке имела личным суффиксом *-tu* по свидетельству др. инд. и др. иран. языков; отсюда др. инд. *-tu*, например, в *āstu, bhāratu*.

В о. и. е. языке в повелительном наклонении употреблялась, между прочим, форма на *-tā°d* с значением формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и 2-го л. мн. ч. Отсюда в др. инд. языке повелительная форма на *-tad*, например *bhāratad*, по большей части с значением 2-го л. ед. ч., но иногда также и с значением 2-го л. мн. ч. и 3-го л. ед. ч.; в греч. языке сюда принадлежит повелительная форма 3-го л. ед. ч. на *-τω* (с фонетическим отпадением конечного *-d*), например в *ἔστω, δότω*; в лат. языке форма 2-го и 3-го л. ед. ч. на *-to*, из *-tōd*, например *esto*.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

1-е лицо. В презенсе, а потому и в будущем времени и частью в конъюнктиве о. и. е. личным суффиксом было здесь *-mā°s* и *-mā°s* (различие между $\tilde{a}^e$ и $\tilde{a}^o$ по происхождению зависело от различия в месте ударения); отсюда др. инд. *-mas*, например в *smas* —

„sumus“, *bhārāmas*, *dāsyāmas* (будущее время), а в ведийском наречии существовало также и *-masi*, например в *smasi*, при *smas*, где конечное *i* произошло еще в индо-иран. языке по аналогии других личных суффиксов; в греч. языке из о. и. е. *-mas* дорич. *-μες* во всех глагольных формах 1-го л. мн. ч. действительного залога, например в *φέρμες*; в лат. языке *-mus* во всех глагольных формах 1-го л. мн. ч. или о. и. е. *-mā^os* (т. е. *и* в *-mus* из *о*, см. фонетику), например в *sumus*, *vehimus*, *amabamus*; в ст. слав. языке *-мъ* во всех глагольных формах 1-го л. мн. ч. из о. и. е. *-mā^os*, например в *ѡсмъ*, *беремъ*, *несохомъ*. В прошедших временах и в желательном наклонении, а также и в перфекте о. и. е. суффиксом 1-го л. мн. ч. действительного залога было *-mā^{e/o}*, при *-mā^{e/o}*; отсюда др. инд. *-ma* (в ведийском наречии также и *-mā*), например, в *ābharāma* (имперфект), *syāma* (желательное наклонение), *vidmā* — „мы знаем“ (по происхождению о. и. е. перфект); в слав. языках из о. и. е. *-mā^e* о. слав. диалектич. *-мо*, например в сербском *-мо* в 1-м л. мн. ч., а к о. и. е. *-mā^e*, при *-mā^o*, может восходить о. слав. диалектич. *-те*, например в чешском *-те* в 1-м л. мн. ч., хотя само по себе это о. слав. *-те* допускает также объяснения и из о. и. е. суффикса *-mā^es*, при *-mā^os*, существовавшего, например, в презенсе. Происхождение конечной носовой согласной в греч. личном суффиксе *-μεν*, например в ионич.-аттич. *φέρμεν*, *ἑφέρμεν*, остается неясным.

2-е лицо. В презенсе, а потому и в будущем времени и частью в конъюнктиве суффиксом 2-го л. мн. ч. действительного залога в о. и. е. языке было *-thā^e*, с *-th-* по свидетельству др. инд. и др. иран. языков, а в прошедших временах, в желательном и повелительном наклонениях *-tā^e* с *t* непридыхательным. Отсюда в др. инд. языке *-tha* и *-ta*, например, в презенсе *stha* — „estis“, *bhāratha*, в имперфекте *ābharata*, в желательном наклонении *bhāreta*. В греч. языке во всех глагольных формах 2-го л. мн. ч. действительного залога находим *-τε*, например *φέρετε*, *ἑφείτε*, в лат. языке *-te*, из о. и. е. *-tā^e* в повелительном наклонении, например *vehite*, а в прочих случаях *-tis*, например в *vehitis*, а это из *-tes*, может быть, вместо *-te*, с присоединением в конце *s* под влиянием окончания *-mus*, или же лат. *-tis*, из *-tes*, по происхождению есть о. и. е. суффикс 2-го л. ед. ч.

действительного залога (см. далее). В ст. слав. языке в суффиксе *-тс* в 2-м л. мн. ч., например в *вѣрѣтс*, *вѣрѣтсѣ*, могли совпасть фонетически о. и. е. суффиксы *-tǎ^e* и *-thǎ^e*. О. и. е. окончание 2-го л. ед. ч. действительного залога перфекта не может быть определено точно; в др. инд. языке мы находим здесь *-a*, например *vidā* — „вы знаете“ (по происхождению о. и. е. перфект), а др. инд. *a* в таком положении допускает различные объяснения.

3-е лицо. В презенсе тематического спряжения, а потому и в будущем времени и частью в конъюнктиве о. и. е. суффиксом 3-го л. мн. ч. действительного залога было *-nti*, приставлявшееся к *-ǎ^o* в окончании основы. В презенсе нетематического спряжения этот суффикс являлся в виде *-ǎ^enti* (с ударением на *-ǎ^e*), а также в соединении именно с основами, имевшими ударение на удвоении, в виде *-ǧnti*; в глаголах нетематического спряжения с непроизводными основами (т. е. с основами, совпадавшими с глагольными корнями) на *ā* различного качества в неслабом виде форма 3-го л. мн. ч. действительного залога презенса оканчивалась в о. и. е. языке, по видимому, всюду на *-ǎnti*, где *ā* различного качества получалось из соединения гласной долгой (в основах без чередования звуковых видов основы) или краткой (в основах с чередованием звуковых видов основы) с гласною *a^e* личного окончания *-a^enti*. В др. инд. языке мы находим *-nti* из о. и. е. *-nti* (в тематическом спряжении), например, в *bhārantī*, будущем *dāsyāntī*; *-anti* из о. и. е. *-a^enti*, например, в *sāntī* — „суть“; *-ati* из о. и. е. *-ǧnti*, например, в *dādāti* — „дают“; *-ānti* из о. и. е. *-ānti* с *ā* различного качества, например, в *yāntī* — „идут“ (от *yā*). В греч. языке из о. и. е. *-nti* (в тематическом спряжении) о. греч. и дорич. *-ντι*, например, в *φέρωντι*, ионич.-аттич. *φέρουσι* (где *-ουσι* фонетически из *-ντι*, см. фонетику); о. и. е. *-ǎ^enti* сохранилось в глагольной форме: дорич. *ἐντι*, ионич.-аттич. *εἰσι* — „суть“ (фонетически из о. греч. **ἐντι*, см. фонетику); о. и. е. *-ǧnti*, из которого в греч. языке было бы *-ǧτι* диалектическое *-ᾱσι* заменено новообразованиями (например, *δίδωσι*, *διδῶσι* по аналогии тематического спряжения, *διδῶσι* — с суффиксом нового происхождения); о. и. е. *-ānti* с *ā* различного качества в греч. языке являлось с фонетическим сокращением долгой гласной, например в дорич. *φᾷντι*, ионич.-аттич. *φᾶσι*

(ионич.-аттич. $-\alpha\sigma\iota$ фонетически из $-\alpha\upsilon\iota$, см. фонетику). В лат. языке о. и. е. $-nti$ в тематическом спряжении обратилось в $-nt$, например в *ferunt*, из *feront*, а о. и. е. окончания 3-го л. мн. ч. в презенсе нетематического спряжения в лат. языке не сохранились (*sunt* по аналогии тематического спряжения). В ст. слав. языке о. и. е. $-nti$ в тематическом спряжении вошло в состав окончания $-\text{ѣть}$, в большинстве диалектов $-\text{ѣтъ}$ (происхождение ѣ из ь такое же, как и в окончании 3-го л. ед. ч.), из о. и. е. $\check{a}^o nti$, например в *верѣтъ*, *верѣтъ*, а также и в состав окончания $-\text{тъ}$, $-\text{тѣ}$ в глаголах классов „горѣти“ и „хвалити“, например *горать*, *горать*, *хвалать*, *хвалать* (на вопросе о происхождении здесь ст. слав. а я не останавливаюсь); о. и. е. $-\check{a}^e nti$ и $-\text{qnti}$ в нетематическом спряжении в ст. слав. языке должны были фонетически совпасть в $-\text{ать}$, диалектич. $-\text{атъ}$, например *идать*, *идать* (и диалектич. *ѣдать*, *ѣдать*, с более древним ѣ в начале), *дѣдать*, *дѣдать*, а форма *сѣтъ*, *сѣтъ* образована по аналогии тематического спряжения (сравн. лат. *sunt*). В прошедших временах тематического спряжения о. и. е. суффикс 3-го л. мн. ч. действительного залога был $-nt$, а в нетематическом спряжении и в прошедших временах и в желательном наклонении $-\check{a}^e nt$ и $-\text{qnt}$ (сравн. в презенсе $-\check{a}^e nti$ и $-\text{qnti}$); в прошедшем времени глаголов нетематического спряжения с непроизводными основами на $\check{a}$ различного качества в неслабом виде форма 3-го л. мн. ч. действительного залога оканчивалась, по-видимому, всюду на $-\check{a}nt$ с $\check{a}$ различного качества из соединения гласной в окончании основы с гласною $\check{a}^e$ личного суффикса $-\check{a}^e nt$ и также, я думаю, в желательном наклонении от основ нетематического спряжения форма 3-го л. мн. ч. действительного залога оканчивалась на $-\check{a}nt$, именно на $-\check{a}^e nt$, из соединения гласной личного суффикса $-\check{a}^e nt$ с гласною в слабом виде того суффикса желательного наклонения, который в неслабом виде (в трех л. ед. ч. действительного залога) был $i\check{a}$ и $i\check{a}^e$. В др. инд. языке конечное t после согласной должно было фонетически отпасть, и потому из о. и. е. суффиксов формы 3-го л. мн. ч. $-nt$ (в тематическом спряжении) и $-\check{a}^e nt$ (в нетематическом спряжении) здесь получились $-n$ и $-an$, например в имперфекте *ābharan* (тематического спряжения), *āsan* — „были“ (нетематического спряжения); также и из о. и. е. окончания $-\check{a}nt$ с $\check{a}$ различного

качества в др. инд. должно было получиться *-ān*, например в имперфекте *āpān* (от *pā* — „защищать“), но чаще вместо *-ān* употреблялось другое окончание, именно др. инд. *-ur* (см. далее). О. и. е. суффикс *-qnt* (нетематического спряжения) в др. инд. языке не сохранился, и вместо него являлся др. инд. суффикс *-ur* (см. далее), например в имперфекте *ādadur*. В греч. языке конечное *т* фонетически не могло сохраниться, и из о. и. е. *-nt* (в тематическом спряжении) мы находим здесь, например, *ἔφερον*, из о. и. е. *-ǎnt* греч. *-εу*, вошедшее в состав дорич. формы *ῖν* — „были“, из **ῖεу*, где между гласными фонетически исчезло *s* (в *ῖσαν* — новообразование), а из о. и. е. *-ānt* с *ā* различного качества в греч. языке получались *-ǎу*, *-εу*, *-ου*, с сокращением долгой гласной, например в *ἔσαν* у Гомера, *ἔδου* у Гесиода, в желательном наклонении от основ нетематического спряжения, например в *εἶεу* (по аналогии и в *ψέροιεу*). О. и. е. суффикс *-qnt* (нетематического спряжения) в греч. языке заменен был новообразованием *-αу* (вместо *α* из о. и. е. *-qnt*), например, в *ἔδειξαу*, а из таких форм, как *ἔδειξαу*, извлечено было *-αу* в качестве суффикса 3-го л. мн. ч. прошедшего времени и желательного наклонения, например в формах *εἰδέσθαу*, *εἴηθαу*, заменивших собою другие, древние формы. — В лат. языке о. и. е. *-nt* в тематическом спряжении и окончания *-ǎnt* и *-qnt* в нетематическом спряжении не сохранилось, а из о. и. е. окончания *-ānt* с тем *ā* различного качества, в котором слились гласная основы и гласная личного суффикса, мы находим в лат. *-nt* после гласной, например в *amabant*, др. лат. *scient* (другие др. итальянск. языки указывают в этих случаях на о. итальянск. *-ns*, не *-nt*). В ст. слав. языке о. и. е. *-nt* тематического спряжения вошло в состав окончания *-ѡ*, из о. и. е. *-ǎnt*, в 3-м л. мн. ч. простого аориста, например в *дѡиѡѡ*, и по аналогии с подобными образованиями явилось и в 3-м л. мн. ч. ст. слав. имперфекта (с основой нового происхождения), например в *иссѡхѡѡ*. Из о. и. е. *-qnt* в 3-м л. мн. ч. нетематического спряжения получилось ст. слав. *-а* в аористе сигматическом, например в *дѡша*, *иссѡша*, а о. и. е. окончания *-ǎnt* и *-ānt* с *ā* различного качества в ст. слав. языке не сохранились. Надо заметить, что в о. и. е. языке вместо окончаний *-qnt* и *-ānt* с *ā* различного качества (получившимся из соединения

гласной основы с гласною личного суффикса) в 3-м л. мн. ч. действительного залога нетематического спряжения употреблялись, по-видимому, и другие окончания, заключающие в себе звук *r*; отсюда др. инд. *-ur*, где *u* из о. и. е. *ǵ*, например, в *ādadur* (имперфект), *ābodhiṣur* (сигматический аорист), *syur* (желательное наклонение). В перфекте в о. и. е. языке в 3-м л. мн. ч. действительного залога употреблялись два различных окончания (различие диалектическое): одно из них было *-ǵnt* (т. е. тот личный суффикс, о котором я уже говорил), а другое заключало в себе звук *r*. О. и. е. *-ǵnt* в перфекте (известное из герм. языков) в др. инд. языке не сохранилось, а в греч. языке подверглось нефонетическому изменению (под влиянием личного суффикса в презенсе) в *-ᾱτι*, откуда диалектич. *-ᾱσι*, например, в гомеров. *λελύχᾱσι*, и в *-αντι*, откуда диалектич. *ᾱσι*, например, в *δεδιᾱσι*. В др. инд. языке 3-е л. мн. ч. действительного залога перфекта имело личный суффикс *-ur* из о. и. е. личного суффикса, заключавшего в себе звук *r* (др. инд. *u* здесь из о. и. е. *ǵ*), например в *vidūr* — „знают“ (по происхождению о. и. е. перфект), *dadūr* (от *dā* — „давать“). В повелительном наклонении о. и. е. форма 3-го л. мн. ч. действительного залога имела личным суффиксом, по свидетельству др. инд. и др. иран. языков, *-ntu* в тематическом спряжении и *-ā^entu* и *-ǵntu* в нетематическом спряжении, причем в глаголах нетематического спряжения с непроизводными основами на *ā* различного качества в неслабом звуковом виде получалось в окончании этой формы, по-видимому, всюду *-āntu* с *ā* различного качества из соединения конечной гласной основы с гласною личного суффикса *-ā^entu*. В др. инд. языке отсюда окончания *-ntu* (в тематическом спряжении), *-āntu*, *-atu*, *-āntu*, например, в *bhārantu* (тематическое спряжение), *sāntu*, *dādatu*, *yāntu*. Греч. *-ντω*, например, в *φερόντω*, и лат. *-ntō*, из *-ntōd*, например, в *ferunto*, представляют собою новообразования из старых повелительных форм с о. и. е. суффиксом *-tā^od* (см. выше).

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

1-е лицо. В презенсе и в будущем времени и частью в конъюнктиве о. и. е. суффикс *-vā^cs* и *-vā^os* (с *v* или с *u*), откуда др. инд. *-vas*, например, в *svas* (от глагольного корня

о. и. е. *ā's*, в слабом виде, „быть“), *bhārāvas* и т. д. В прошедшем времени, в желательном наклонении и в перфекте о. и. е. суффикс *-vā^{e/o}*, при *-vā^{e/o}* (с *v* или с *u*); отсюда др. инд. *-va*, например, в *ābharāva*, *bhāreva*. В ст. слав. языке во всех глагольных формах 1-го л. дв. ч. личный суффикс *-въ*, например *всрѣхъ*, где *ъ* может быть под влиянием личного слова *въ* — „мы оба“; из других слав. языков известен и суффикс из о. слав. *-vā*.

2-е лицо. В др. инд. языке в презенсе и в будущем времени суффикс *-thas*, в прошедшем времени, в желательном наклонении и в повелительном наклонении *-tam*, в перфекте *-athur*. В греч. языке во всех глагольных формах 2-го л. дв. ч. действительного залога суффикс *-του*, родственный с др. инд. *-tam*, в прошедшем времени и в желательном наклонении суффикс *-τᾱυ*, ионич.-аттич. *-τῆυ* переносился в форму 2-го л. дв. ч. из формы 3-го л. В ст. слав. языке во всех глагольных формах 2-го л. дв. ч. суффикс *-та*, т. е. о. слав. *-ta*.

3-е лицо. В др. инд. языке в презенсе и в будущем времени суффикс *-tas*, в прошедшем времени, в желательном и повелительном наклонении *-tam*, в перфекте *-atur*. В греч. языке в презенсе и в перфекте суффикс *-του*, в прошедшем времени и в желательном наклонении *-τᾱυ*, ионич.-аттич. *-τῆυ*, с которым тождественно, конечно, др. инд. *-tām*.

В ст. слав. языке во всех глагольных формах суффикс *-тс* (в части диалектов) и *-та* (в других диалектах); ст. слав. *-тс* в 3-м л. дв. ч. родственно с др. инд. *-tas*. При подлежащем женского рода в глагольных формах 2-го и 3-го л. дв. ч. встречается иногда в ст. слав. текстах окончание *-тъ* под влиянием местоимения женского рода дв. ч. *тъ* (при *-та* в мужеском роде).

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕИНДОВЕОПЕЙСКИХ ФОРМ ЛИЦА В ФОРМЕ СРЕДНЕГО ЗАЛОГА

Из тех отдельных и. е. языков, на которых мы останавливаемся, о. и. е. формы лица среднего залога сохранились в др. инд. и в греч. языках, а лат. язык представляет лишь немногие из этих о. и. е. образований, вошедшие в состав новых лат. форм с значением страдательного залога (из значения среднего залога) и в *verba deponentia*. Ограничусь указанием на образование форм трех лиц единственного числа в о. и. е. среднем залоге.

В презенсе, в будущем времени, в перфекте и частью в конъюнктиве о. и. е. личные суффиксы среднего залога в формах трех лиц единственного числа были следующие: в 1-м л. *-mā^ai* и *-ā^ai*, во 2-м л. *-sā^ai*, в 3-м л. *-tā^ai* и *-āi* (с *-mā^ai*, *-sā^ai*, *-tā^ai* сравн. *-mi*, *-si*, *-ti* в действительном залоге). Как именно распределялись по употреблению в о. и. е. языке суффиксы *-mā^ai* и *-ā^ai* в 1-м л. и *-tā^ai* и *-āi* в 3-м л., остается неизвестным, но надо заметить, что в 3-м л. суффикс *-ā^ai*, при *-tā^ai*, известен нам только в соединении с основами нетематического спряжения, между тем как в 1-м л. суффикс *-ā^ai*, при *-mā^ai*, находим и в нетематическом, и в тематическом спряжении; от основ тематического спряжения форма 1-го л. ед. ч. с личным суффиксом *-ā^ai* оканчивалась в изъявительном наклонении на *-ā^oi*, где в состав *ā^o* вошли конечная гласная основ тематического спряжения *ā^o* и гласная *ā^a* личного суффикса *-a^ai*, а в конъюнктиве в форме 1-го л. ед. ч. с личным суффиксом *-ā^ai* можно предполагать в окончании как *-ā^oi* (из соединения *ā^o* и *ā^o* в окончании основ конъюнктива с личным суффиксом *-ā^ai*), так и *-ā^ai* (из соединения *ā^a* в окончании основ конъюнктива с личным суффиксом *-ā^ai*).

Из о. и. е. личного суффикса *-mā^ai* греч. *-μαι*, например, в *φέρμαι*, *δίδομαι*, *φέρωμαι*, *γέγραμαι*; в др. инд. языке этот о. и. е. личный суффикс не сохранился.

Из о. и. е. *-sā^ai* др. инд. *-sē* и *-ṣē* (где *ṣ* из *s* при известном фонетическом положении), греч. *-σαι* после согласной и *-αι* после гласной (с фонетической утратой *s* между гласными); например, в др. инд. *bhārasē* (презенс, корень др. инд. *bhar* — „нести“), *brūṣē* (презенс, корень др. инд. *bru* — „говорить“), *bhārāse* (конъюнктив, корень др. инд. *bhar*), *dadiṣē* (перфект, корень в полном звуковом виде др. инд. *dā* — „давать“), в греч. *ῥσαι*, из *ῥσαι*, от о. и. е. корня *ā^s* — „сидеть“ (сравн. ниже в 3-м л. греч. *ῥσαι*, тождественное с др. инд. *āstē* — „сидит“), *φέρειαι* и далее *φέρη* (сравн. др. инд. *bhārasē*), в конъюнктиве *φέρηαι* и далее *φέρη*, в перфекте *γέγραψαι* и др., а в таких греч. образованиях, как, например, *δίδοσαι*, *δέδοσαι*, *σ* в личном суффиксе являлась нефонетическим путем (между гласными о. и. е. *s* в греч. языке исчезало), но под влиянием аналогии со стороны других образований, имевших *σ* в этом суффиксе в положении после согласной.

Из о. и. е. $-t\check{a}^a i$ в др. инд. языке суффикс $-t\check{e}$, не употреблявшийся здесь в перфекте (см. ниже), в греч. $-tai$, например в др. инд. $bh\acute{a}rate$ (презенс, др. инд. корень $bhar$), $\acute{a}ste$ — „сидит“ (презенс), $bh\acute{a}rate$ (конъюнктив, др. инд. корень $bhar$), греч. $\phi\acute{e}ρεται$ (сравн. др. инд. $bh\acute{a}rate$), $\gamma\acute{\iota}σται$ (сравн. др. инд. $\acute{a}ste$), конъюнктив $\phi\acute{e}ρῃται$, перфект $\delta\acute{e}δοται$ и др.

Из о. и. е. $-\check{a}^a i$ в 1-м л. ед. ч. среднего залога от основ нетематического спряжения др. инд. $-\check{e}$, например в $bruv\acute{e}$ (презенс, др. инд. корень $br\ddot{u}$ — „говорить“), $dad\acute{e}$ (перфект, др. инд. корень в полном звуковом виде $d\ddot{a}$ — „давать“). Из о. и. е. формы на $-\check{a}^o i$ или $-\check{a}^a i$ в 1-м л. ед. ч. среднего залога конъюнктива (см. выше) др. инд. форма на $-ai$, например $bh\acute{a}rai$, но в презенсе тематического спряжения и в будущем времени др. инд. язык не сохранял формы на $-ai$, из о. и. е. $-\check{a}^o i$ (см. выше), и представлял вместо того новообразование на $-\check{e}$ под влиянием формы на $-\check{e}$ в презенсе нетематического спряжения, например $bhar\check{e}$ (презенс тематического спряжения, др. инд. корень $bhar$), $d\ddot{a}sy\check{e}$ (будущее время, др. инд. корень $d\ddot{a}$ — „давать“). В греч. языке не был получен из о. и. е. языка личный суффикс $-\check{a}^a i$ в 1-м л. ед. ч. среднего залога, а потому здесь не были известны и о. и. е. образования на $-\check{a}^o i$ в 1-м л. ед. ч. презенса тематического спряжения и конъюнктива.

О. и. е. личный суффикс $-\check{a}^a i$ в 3-м л. ед. ч. среднего залога (в соединении с основами нетематического спряжения), откуда др. инд. $-\check{e}$, в санскритском наречии др. инд. языка существовал лишь в перфекте, например в $dad\acute{e}$ (др. инд. корень в полном звуковом виде $d\ddot{a}$ — „давать“), а из ведийского наречия нам известны образования 3-го л. ед. ч. среднего залога на $\check{e}$, из о. и. е. $-\check{a}^a i$, также и в презенсе нетематического спряжения, например в $bruv\acute{e}$ (др. инд. корень bru — „говорить“), при более обычных образованиях с личным суффиксом $-t\check{e}$, из о. и. е. $-t\check{a}^a i$. В греч. языке о. и. е. личный суффикс $-\check{a}^a i$ и в 3-м л. ед. ч., как и в 1-м л., не был получен.

Относительно о. и. е. личного суффикса $-\check{a}^a i$ в 1-м и 3-м л. ед. ч. среднего залога (при суффиксах $-m\check{a}^a i$ и $-t\check{a}^a i$) надо заметить, что качество о. и. е. гласной $\check{a}$ в этом суффиксе я определяю как $\check{a}^a$, имея в виду о. и. е. $\check{a}^a$ в личных суффиксах среднего залога $-m\check{a}^a i$, $-s\check{a}^a i$, $-t\check{a}^a i$, где такое качество о. и. е.

ā засвидетельствовано греч. языком (-μαι, -σαι, -ται), между тем как др. инд. ē, как мы знаем, само по себе не решает вопроса о качестве о. и. е. ā в āi, так как получалось из о. и. е. āi с ā различного качества.

Для 1-го л. ед. ч. среднего залога форм прошедшего времени и желательного наклонения о. и. е. личные суффиксы не могут быть точно определены. В греч. языке в этих глагольных формах суффиксом 1-го л. ед. ч. среднего залога было о. греч. и дорич. -μᾶν, ионич.-аттич. -μην (с диалектич. η из ā), например в ἐφῆροίμην, φέροίμην. В др. инд. языке в формах прошедшего времени от основ нетематического спряжения находим личный суффикс -i в 1-м л. ед. ч. среднего залога, например в ādviṣi (имперфект нетематического спряжения, др. инд. корень в слабом звуковом виде dviṣ — „ненавидеть“); поэтому формы прошедшего времени тематического спряжения в 1-м л. ед. ч. среднего залога оканчивались в др. инд. языке на -ē, например в ābhare (имперфект тематического спряжения, др. инд. корень bhar-), где ē из дифтонга, в состав которого входила конечная гласная основы тематического спряжения и гласная i личного суффикса. В желательном наклонении в 1-м л. ед. ч. среднего залога др. инд. язык имел личный суффикс -a, например в bhārēya (желательное наклонение от основы тематического спряжения, др. инд. корень bhar).

Во 2-м л. ед. ч. среднего залога в формах прошедшего времени, в желательном наклонении и частью в конъюнктиве о. и. е. язык имел личные суффиксы -sǎ° и -thā°s; не известно, как именно различались они здесь по употреблению. О. и. е. суффикс -sǎ° в др. инд. языке не сохранился (хотя существовал в индо-иран. языке, как свидетельствует язык Авесты), а в греч. языке мы находим его как -σσι после согласной и как -σι после гласной (с фонетической утратой s между гласными), например в ἐγγράφο, ἐφέροσι, из *ἐφέρεσσι, а, например, в ἐδίδουσι согласная σ в личном суффиксе явилась под влиянием аналогии со стороны образований, имевших σ в положении после согласной. Греч. образования повелительного наклонения с личным суффиксом из о. и. е. -sǎ°, например в ἴσσι, из ἴσσι-σσι, в φέρεσσι, откуда φέροσι и др., могут объясняться по их происхождению как формы о. и. е. инъюнктива (см. выше об о. и. е. инъюнктиве). В лат. языке из о. и. е. личного

суффикса *-sā°* получился суффикс *-re* (где *r* из *s* между гласными, а *e* из *o* в конце слова) во всех глагольных формах 2-го л. ед. ч. страдательного залога (из среднего залога) и в *verba deponentia*, например в *sequere*, которое по происхождению тождественно с греч. ἑπεῖ; лат. форма на *-ris*, существовавшая при форме на *-re* (не в повелительном наклонении), представляет новообразование из формы на *-re*, с присоединением окончания *-s* (а конечное *-es* должно было измениться в *-is*) по аналогии форм 2-го л. ед. ч. действительного залога.

Из о. и. е. личного суффикса *-thā°s* в др. инд. языке суффикс *-thās*, например, в *abhārathas* (имперфект, др. инд. корень *bhar*), *ādithās* (аорист, др. инд. корень в полном звуковом виде *dā* — „давать“), *bhārethās* (желательное наклонение, др. инд. корень *bhar*). В греч. языке из о. и. е. личного суффикса *-thā°s* объясняется *-θης*, например, в ἑδδότης, сравн. др. инд. *ādithās* (др. инд. *i* в корне из о. и. е. *ə*), или, например, в ἐχτάθης (при форме 3-го л. ед. ч. ἔχτατο), а под влиянием этих и подобных образований в греч. языке возникли основы страдательного залога на *-θη*, например в ἑδδότην и т. д.

В повелительном наклонении во 2-м л. ед. ч. среднего залога о. и. е. язык имел тот личный суффикс, который в др. инд. языке мы находим в суффиксе *-sva*, например в *bhārasva* (повелительное наклонение, др. инд. корень *bhar*); из др. инд. языка, понятно, не может быть определено точно качество о. и. е. краткого *a* в этом суффиксе.

В 3-м л. ед. ч. среднего залога в формах прошедшего времени, в желательном наклонении и частью в конъюнктиве о. и. е. язык имел личный суффикс *-tā°* (сравн. гласную в о. и. е. суффиксе *-sā°* во 2-м л. ед. ч.). Отсюда в др. инд. языке *-ta*, например, в *ābharata* (имперфект, др. инд. корень *bhar*), *bhāreṭa* (желательное наклонение); в греч. языке *-το*, например, в ἐφῄρετο, φέροίτο; в лат. языке суффикс *-to*, из о. и. е. *-tā°*, вошел в состав окончания *-tur* (*u* из *o*) в 3-м л. ед. ч. глагольных форм лат. страдательного залога и в *verba deponentia*, например в *datur*, *sequitur*.

В повелительном наклонении в 3-м л. ед. ч. среднего залога о. и. е. личный суффикс не может быть точно определен (в др. инд. языке *-tām*, например, в повелительном наклонении *bhāratām*; другого происхождения греч. *-σθω*, например, в φερέσθω).

СКЛОНЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

В текущее полугодие предметом наших занятий будут некоторые отделы сравнительной морфологии индоевропейских языков, и именно, мы познакомимся, хотя и вкратце, с формами склонения и спряжения слов в общиндоевропейском языке и с их историей в тех отдельных и. е. языках, на которых я останавливался и при изложении фонетики, именно, в языках древнеиндийском, греческом, латинском и старославянском.

Морфологией называется известный отдел грамматики, а грамматика, в тесном смысле этого термина, есть учение о формах языка, хотя по принятому обыкновению название „грамматика“ распространяют также и на фонетику — не только на учение о формах языка; в действительности, однако, нет никакой тесной связи между фонетикой и учением о формах языка, и отношение, существующее между фонетикой и грамматикой в тесном смысле этого термина, такое же, какое существует между семасиологией, учением о значении слов, и учением о формах языка, т. е. грамматикой. В грамматике различаются два главных отдела: морфология и синтаксис. Морфология рассматривает формы отдельных слов в их образовании и значении, а задача синтаксиса — определить употребление форм отдельных слов в словосочетаниях, т. е. по отношению к сочетанию форм одних слов с формами других слов или с известными словами в словосочетаниях, а кроме того, в синтаксис входит изучение и таких форм языка в их образовании и значении, которые существуют не в отдельных словах, но в сочетании отдельных слов — в словосочетаниях (например, в китайском языке). Формами слов называются, как мы знаем, различия между

словами, образованные различиями в так называемых формальных принадлежностях слов, т. е. тех принадлежностях, общих одним словам с другими, которые одинаково изменяют в этих словах значения других основных принадлежностей, как в однородных между собою по значению. Формами слов, следовательно, обозначаются данные предметы мысли по отношению к различиям, общим для этих предметов мысли, а вместе с тем и самые слова (знаки предметов мысли), имеющие формы, обозначаются при посредстве форм по отношению к различиям, общим одним словам с другими. Я не буду здесь повторять то, что я говорил в общем курсе о различиях в образовании форм слов в различных языках, и напомним только, что в формах отдельных слов различались по значению формы словообразования и формы словоизменения, или формы флексий слов. Первые принадлежат словам как отдельным знакам предметов мысли, а вторые принадлежат словам как частям предложений. Формами словоизменения (формами флексии слов) обозначаются различия в отношениях данного предмета мысли к другим предметам мысли в частях предложений, а формами словообразования обозначаются различия в самих предметах мысли, обозначаемых данными словами. В формах словоизменения различаются по значению: 1) формы, обозначающие различия в отношении данного предмета мысли, как образующего сказуемое предложения (т. е. суждения в речи), к другому предмету мысли, образующему подлежащее данного предложения; и 2) формы, обозначающие различия в известных уже отношениях данного предмета мысли к другим предметам мысли, обозначаемым частями предложений. Формами словоизменения со значением первого рода самые слова обозначаются, следовательно, как сказуемые предложения, т. е. являются грамматическими сказуемыми, а формами словоизменения со значением второго рода самые слова обозначаются как второстепенные части предложений, т. е. являются грамматическими второстепенными частями предложений. В формах словообразования различаются по значению: 1) формы образования простых слов и 2) формы образования сложных слов. В первых различаются в свою очередь по значению: 1) формы, обозначающие различия в каком-нибудь изменяющемся признаке данных предметов мысли, обозначенных

основами этих форм, и 2) формы, обозначающие предметы мысли в известном отличии их от других предметов мысли, обозначаемых основами этих слов в других словах, не имеющих данной словообразовательной формы. Формами образования сложных слов обозначаются предметы мысли в их образовании из соединения, сочетания других предметов мысли, обозначенных частями этих сложных слов. Присутствие в словах форм образуют так называемые формальные или грамматические классы слов, т. е. как слова, имеющие одну общую форму, так и слова, имеющие формы, соотносительные между собой, образуют по отношению к этим формам один грамматический класс слов (так, например, все слова, имеющие формы словоизменения, называемые склонением, образуют в этом отношении особый грамматический класс слов). Эти классы слов могут быть или более общими, или менее общими, т. е. входящими в состав других классов слов. Кроме того, слова, принадлежащие к различным грамматическим классам по отношению к формам целых слов, могут принадлежать к одному общему классу по отношению к формам основ целых слов, как скоро они имеют в основах общие формы.

Грамматические или формальные классы слов не надо смешивать с классами неграмматическими, основанными на общих различиях в значениях слов (например, имена и местоимения, поскольку они различаются только в значении, не образуют различных грамматических классов слов). Грамматические классы целых слов называются „частями речи“, или точнее — они должны быть названы „грамматическими частями речи“, так как название „части речи“ в наших грамматиках применяется и к неграмматическим классам слов.

В о. и. е. языке в эпоху его распада различались следующие наиболее общие грамматические классы целых слов: слова с формами словоизменения и слова без форм словоизменения. В словах, имевших формы словоизменения, по различиям в этих формах, различались в свою очередь: 1) слова спрягаемые, или глаголы в тесном смысле этого термина, т. е. слова, имевшие формы того словоизменения, которое называется спряжением, 2) существительные склоняемые слова, т. е. слова,

имеющие формы только того словоизменения, которое называется склонением, и 3) прилагательные склоняемые слова, имевшие; кроме форм склонения, также формы того словоизменения, которое называется согласованием прилагательных в роде с существительным. Эти грамматические классы слов, рассматриваемые как знаки предметов мысли, имели в о. и. е. языке следующие значения: 1) Глаголы обозначали в основах глагольных форм (глагольных основах) различные признаки в их происходящем во времени сочетании с субъектами, вместилищами этих признаков, а в формах спряжения (наклонения, времени, лица) глаголом обозначался такой признак (действие или состояние) в сочетании его, открываемом в мысли говорящего, с известным самостоятельным предметом мысли, образующим подлежащее суждения. 2) Существительные склоняемые слова обозначали в о. и. е. языке в основах форм склонения различные самостоятельные предметы мысли (вещи, предметы одушевленные и неодушевленные), как вместилища отдельных признаков, или самые признаки в их отвлечении от предметов, вещей, а в самих формах склонения, т. е. падежах, существительным склоняемым словом обозначался такой предмет мысли или в различных отношениях его к другим отдельным от него предметам мысли в предложениях (значение косвенных падежей), или без отношения к другим предметам мысли (значение именительного падежа). При этом в существительных склоняемых словах различались и по известным формам этих слов: а) существительные личные — личные местоимения, имевшие такие местоименные основы, которые обозначали самих лиц речи, и б) существительные неличные, в которых различались существительные имена и неличные местоимения, т. е. местоимения с неличными местоименными основами. 3) Прилагательные склоняемые слова в о. и. е. языке по отношению к формам склонения не отличались от существительных, но при этом в отличие от существительных слов имели и формы словоизменения в роде; основы этих форм обозначали различные признаки в их принадлежности предметам, как вместилищам этих признаков, а формами словоизменения в роде такой признак обозначался в его принадлежности известного рода самостоятельному предмету мысли, обозначающемуся

в предложении существительным словом. Вследствие присутствия таких форм согласования в роде самое склонение прилагательных в о. и. е. языке являлось несамостоятельным склонением, которое обуславливалось склонением тех существительных, с которыми сочетались в предложениях прилагательные склоняемые слова. По значениям основ форм словоизменения в роде прилагательные склоняемые слова являются вообще словами-названиями, т. е. прилагательными именами, хотя основы их могут быть образуемы также и от основ местоименных и глагольных. В о. и. е. языке в числе прилагательных имен, имевших основы, произведенные от глагольных основ, существовали, между прочим, и такие прилагательные имена, которые имели общие с глаголами не только основы словообразовательных форм, но и самые словообразовательные формы в основах (такие прилагательные имена называются причастиями).

Что касается того класса слов в о. и. е. языке, к которому принадлежали слова, не имевшие форм словоизменения, то здесь различались в о. и. е. языке слова, имевшие формы словообразования, и некоторые слова, не имевшие никаких форм. Последние не принадлежали, следовательно, ни к какому положительному грамматическому классу слов, а слова, имевшие одни словообразовательные формы без форм словоизменения, принадлежали здесь к тому грамматическому классу слов, которые называются наречиями, или, точнее, грамматическими наречиями. Формою грамматического наречия данный предмет мысли, обозначенный основою слова в этой форме, обозначается как находящийся в известном отношении к признакам других предметов мысли. Что касается тех слов о. и. е. языка, которые не имели никаких форм слов, то сюда принадлежали слова частичные и очень немногие нечастичные (полные) слова, причем из последних большая часть по неграмматическому значению была однородна с грамматическими наречиями, а такие полные слова, без всяких форм и однородные по значению с грамматическими наречиями, носят название также наречий, что, собственно, является неточным названием. Кроме того, в числе полных слов, не имевших форм, были в о. и. е. языке и некоторые числительные, хотя вообще числительные слова были здесь словами склоняемыми и не составляли какого-либо

особого грамматического класса слов в о. и. е. языке, хотя, правда, некоторые количественные числительные представляли в о. и. е. языке известные особенности в употреблении форм слов.

Мы остановимся теперь на склонении в о. и. е. языке. Формами склонения называются, как известно, падежи или падежные формы, причем те падежные формы, которые образуют самое склонение, называются косвенными падежами, а именительный или прямой падеж представляет собой форму склоняемого слова в ее отношении к формам собственных или косвенных падежей. Форма именительного падежа создается, следовательно, присутствием в данном слове косвенных падежей, и только по отношению к формам косвенных падежей эта собственно непадежная форма является формой именительного падежа, т. е. такой формой, которой данный предмет обозначается без отношения к другим предметам мысли. В косвенных падежах склоняемых слов в о. и. е. языке различались, именно, следующие падежи: винительный, родительный, отложительный, или аблатив, дательный, творительный и местный. Значения этих косвенных падежей в о. и. е. языке были следующие. В форме винительного падежа различались по значению (не по образованию) две формы: 1) форма винительного падежа обозначала данный предмет мысли в его отношении к такому признаку другого предмета мысли, который обозначался в предложении глаголом (сравните винительный падеж в греч. языке, где это и. е. значение винительного падежа сохранилось с особенною полнотою); следовательно, это значение винительного падежа было известным грамматическим значением падежной формы, именно в том смысле, что в самих предметах мысли различались при этом известные грамматические классы, т. е. классы, образуемые грамматическими классами слов, обозначавших эти предметы мысли (так как ведь признаки, обозначаемые глаголами в их отличии от других предметов мысли, представляют собою известный грамматический класс предметов мысли), 2) винительным падежом в о. и. е. языке обозначался в данном предмете мысли тот пункт, который достигается движением, обозначенным в данном предложении; это значение винительного падежа было, следовательно, неграмматическим значением па-

дежной формы (сравните такое значение винительного падежа в др. инд. языке, в греч. — наиболее у Гомера, например, при *ἰχθύοναι*, *εἶμι*, в лат. — в именах, обозначающих, например, названия городов, а также в *rus*, *domum*). В форме родительного падежа в о. и. е. языке различались по значению также две формы: 1) форма родительного падежа обозначала данный предмет мысли в его отношении к другому предмету мысли, который обозначался в предложении существительным словом; и такое значение родительного падежа было, следовательно, грамматическим значением падежной формы (это значение родительного падежа является в различных и. е. языках, например в русском языке в выражениях „сын этого человека“, „отец этого человека“); 2) формой родительного падежа обозначалось в о. и. е. языке в данном предмете мысли то целое, часть которого находится в известном отношении к другому предмету мысли в предложении; это значение формы родительного падежа было уже неграмматическим, и родительный падеж в этом значении может быть называем родителем-разделительным. (Такое значение сохранилось и в отдельных и. е. языках, например в русск. „дать воды“, „полный“ с родительным, в греч. *πλεῖος*, лат. *plēnus*.)

Что касается прочих падежей в о. и. е. языке, то они имели только неграмматические значения. Формою дательного падежа в о. и. е. языке данный предмет мысли обозначался как такой, в отношении к которому находится признак другого предмета мысли в предложении, а кроме того, дательным падежом данный предмет мысли обозначался и как такой, в отношении к которому находится то, что обозначалось в предложении сочетанием сказуемого с подлежащим (дательный в том и другом значении мы находим и в отдельных и. е. языках). Отложительный падеж, или аблатив, в о. и. е. языке обозначал в данном предмете мысли пункт отделения другого предмета мысли в предложении по отношению ли к положению в пространстве, или по отношению к причинной связи (сравн. значение аблатива в лат. языке; в славянских языках и, между прочим, русском форма и. е. аблатива совпала с формой родительного падежа, и поэтому форма родительного падежа в этих языках восходит по значению частью к и. е. отложительному падежу).

Тот падеж о. и. е. языка, который называется творительным, был в основном своем значении падежом социативным, т. е. обозначал данный предмет мысли как являющийся в сочетании с другим предметом мысли, обозначенным в предложении. Отсюда, вероятно, развилось и значение этого падежа как собственно творительного (инструментального), — то значение, при котором творительный обозначал в предмете мысли орудие действия, обозначенного в предложении. (В русском языке мы находим творительный падеж в последнем его значении, значение же его как социативного падежа в русск. языке перенесено на творительный падеж в соединении с предлогом *с*.) Затем, из социативного значения творительного падежа объясняется и то значение этого падежа в о. и. е. языке, при котором в данном предмете мысли обозначалось место или время, по которому распространяется известный признак, обозначенный в предложении. (Сравн. в русск. языке: „идти лесом“, „плыть морем“.)

Формою местного падежа в о. и. е. языке обозначалось в данном предмете мысли место или время существования признака другого предмета мысли, обозначенного в предложении.

Таковы в общих чертах значения, принадлежавшие в о. и. е. языке падежным формам самим по себе, независимо от значений, развившихся в сочетании слов, имевших падежные формы, с другими словами в предложении. Эти указанные мною значения являлись как при самостоятельном склонении слов, в существительных словах, так и при несамостоятельном склонении, в именах прилагательных; относительно прилагательных имен надо заметить, что в них всякая форма косвенного падежа обозначает принадлежность данного признака такому самостоятельному предмету мысли, который находится в известном отношении к другому предмету мысли в предложении, а формою именительного падежа прилагательных имен обозначается то, что самостоятельный предмет мысли, которому принадлежит данный признак, не находится в каком-нибудь отношении к другому предмету мысли.

Относительно имен в о. и. е. языке надо заметить, что они могли иметь, кроме падежных форм, также звательную форму в качестве формы целого слова. В грамматиках принято рас-

смагивать звательную форму вместе с падежами и даже принято называть ее „звательным падежом“, но такое название неправильно и явилось вследствие того, что форма незвательная, соотносительная со звательной, вместе с тем по отношению к косвенным падежам есть форма именительного падежа. По значению звательная форма не имеет ничего общего с косвенными падежами, а именно, звательной формой обозначается в данном предмете мысли второе лицо речи (лицо, к которому обращается говорящий), и, следовательно, звательная форма в ее соотношении с незвательной формой принадлежит к словообразовательным формам и обозначала известные различия в самом названии предмета мысли, именно — как предмета данной речи или как второго лица. В прилагательных именах звательная форма является несамостоятельной по значению, т. е. обозначает данный признак в его принадлежности такому самостоятельному предмету мысли, который обозначается звательной формой.

В склоняемых словах о. и. е. языка, как личных, так и неличных, различались также формы числа как формы целых слов. Формы числа склоняемых слов в о. и. е. языке по их значению не принадлежали к формам словоизменения: это были формы словообразования, но по образованию эти формы не отличались от форм падежных, так как в самых падежных формах здесь существовали известные различия по формам числа, а поэтому формы числа в склоняемых словах о. и. е. языка принадлежали также к формам склонения по образованию, т. е. самое склонение состояло в изменении данных слов по формам падежа, различавшимся по формам числа. В о. и. е. языке в формах числа различались три числа: единственное, двойственное и множественное. Формою множественного числа данный предмет мысли обозначался в неопределенном множестве, формою двойственного числа — в количестве двух, формою же единственного данный предмет мысли не обозначался ни в неопределенном множестве, ни в количестве двух и потому мог обозначаться (и) в количестве одного. Относительно форм двойственного и множественного числа в личных словах надо заметить, что они представляют некоторые отличия от форм числа в словах неличных. Так, в форме множественного числа первого личного слова обозначается не только неопределенное множество лиц

говорящих, но и одно лицо, говорящее вместе с другими лицами, однородными в известном отношении с лицом говорящим. „Вы“ обозначает как второе лицо речи в неопределенном множестве, так и одно второе лицо вместе с другими, однородными с ним в известном отношении лицами.

Прилагательные слова в формах числа имели в о. и. е. языке несамостоятельное значение и обозначали данный признак в его принадлежности такому самостоятельному предмету мысли, который обозначался по отношению к различиям в числе.

Я сказал, что формы числа не отделялись по образованию от форм падежа в о. и. е. языке и, следовательно, принадлежали к формам склонения, но надо заметить, что в словах неличных (именах и местоимениях) в формах множественного числа дательный и отложительный падежи имели одно общее образование, а в двойственном числе в словах неличных различались лишь три падежных формы: 1) общая форма для именительного и винительного, 2) общая для дательного, отложительного и творительного и 3) общая форма для родительного и местного. В словах личных (личных местоимениях) в о. и. е. языке форма винительного двойственного числа отличалась от формы именительного, но зато эта форма могла употребляться и как форма других косвенных падежей, хотя надо заметить, что вообще образование падежных форм двойственного числа в личных словах в о. и. е. языке пока недостаточно выяснено вследствие различий, представляемых отдельными и. е. языками в образовании этих падежей.

В склонении неличных слов о. и. е. язык различал два класса или два рода склоняемых слов: 1) склоняемые слова так называемого среднего рода и 2) склоняемые слова несреднего рода. Различие в склонении неличных слов того и другого рода состояло в том, что слова среднего рода имели общую форму для именительного и винительного падежей; при этом и по образованию эта форма именительного-винительного падежа среднего рода отличалась от форм именительного и частью винительного слов несреднего рода.

В именах существительных в о. и. е. языке в эпоху его распада различие между словами среднего и несреднего рода было известным различием в значении имен существительных,

а в прилагательных именах и местоимениях (неличных) различие между словами среднего и несреднего рода основывалось на различии в формах рода этих слов.

В существительных именах к именам среднего рода принадлежали те существительные, которые обозначали предметы мысли без отношения к различию между мужеским и женским родом, различавшимися в тех предметах мысли, какие обозначались именами существительными несреднего рода; следовательно, значение среднего рода в именах существительных в о. и. е. языке в эпоху его распада определялось отрицательно по отношению к значению другого рода, несреднего, т. е. именами существительными среднего рода являлись существительные, не принадлежавшие к именам существительным другого рода, который мы называем несредним. Что же касается имен существительных несреднего рода, то к таким именам в о. и. е. языке принадлежали те существительные, которые обозначали данный предмет мысли по отношению к различию между теми двумя классами, которые мы называем мужеским и женским родом. Но надо заметить, что эти мужеский и женский роды предметов мысли, обозначавшихся именами существительными несреднего рода, были только частью известными неграмматическими классами предметов мысли и в значительной степени являлись грамматическими классами предметов мысли, т. е. такими, которые основывались на известных грамматических классах имен существительных. В предметах мысли одушевленных, живых, обозначавшихся существительными именами несреднего рода, различались мужеский и женский естественные роды, т. е. по различиям пола, причем, следовательно, существительными именами мужеского рода являлись имена, обозначающие существа мужеского пола, а существительными именами женского рода — имена, обозначающие существа женского пола, и в числе существительных женского естественного рода были, между прочим, такие, которые имели в основах словообразовательную форму женского рода. Предметы мысли неодушевленные, обозначавшиеся существительными именами несреднего рода, распадались в о. и. е. языке на два класса: предметы мысли мужеского рода и предметы мысли женского рода — по следующим признакам. Во-первых, все те неодушевленные пред-

меты мысли, которые обозначались именами существительными несреднего рода, однородными по образованию основ с именами существительными мужского естественного рода, являлись предметами мысли того же класса, называемого нами „мужеским родом“, а те неодушевленные предметы мысли, которые обозначались именами существительными несреднего рода, однородными по образованию основ с существительными женского естественного рода, являлись предметами мысли того класса, который мы называем „женским родом“. Поэтому и существительные имена, обозначавшие те или другие предметы мысли, были в о. и. е. языке именами мужского или женского грамматического рода. Во-вторых, те неодушевленные предметы мысли, которые обозначались существительными несреднего рода и которые не принадлежали сами по себе к предметам мысли мужского грамматического или женского грамматического рода, относились тем не менее к одному из этих двух классов в зависимости от того, сознавались ли они как однородные в других отношениях с предметами мысли мужского или женского грамматического рода. Поэтому и существительные имена, обозначавшие такие предметы мысли, являлись именами существительными мужского или женского родов. Например, в о. и. е. языке отглагольные имена существительные с отвлеченным значением, имевшие основу на суффикс *ti* или *ni*, были именами существительными женского рода, так как предметы мысли, обозначавшиеся этими существительными, сознавались как однородные с теми, которые обозначались отглагольными именами существительными с отвлеченным значением, имевшими производные основы на *ā*^a, а эти последние принадлежали к именам существительным женского грамматического рода, так как были однородны по образованию основ с существительными женского естественного рода. Такие же различия в значениях рода имен существительных являются, например, и в русском языке. В прилагательных именах в о. и. е. языке различие между средним и несредним родом склоняемого слова в самом склонении определялось различием форм рода прилагательных имен, так как прилагательные имена в отличие от существительных имели формы словоизменения в роде, называемого иначе согласованием в роде прилагательных с именами суще-

ствительными. В формах словоизменения в роде прилагательных имен различались в о. и. е. языке формы мужского, женского и среднего родов, а в некоторых прилагательных форма общего несреднего рода и форма среднего рода. Этими формами обозначалась в прилагательных именах принадлежность данного признака, который выражался основой прилагательного, самостоятельному предмету мысли или мужского, или женского, или мужского и женского, или среднего родов, так как в самостоятельных предметах мысли, обозначавшихся существительными именами, различались классы мужского, женского и среднего рода. В местоимениях неличных различие между средним и несредним родом в склонении образовывалось в о. и. е. языке также словообразовательными формами рода, а в местоимениях неличных формы рода были известными словообразовательными формами, причем в них развивались формы мужского, женского и среднего рода, а в некоторых — формы несреднего и среднего рода. При определении значения форм рода в местоимениях (неличных) надо иметь в виду, что местоимения неличные могут иметь двоякого рода употребление: они могут обозначать в речи предметы мысли без отношения к тем существительным именам, которые являются названиями этих предметов мысли, или же они могут обозначать предмет мысли, как такой, который обозначен в данной речи существительным именем. В последнем случае местоимения неличные являются, следовательно, известного рода вспомогательными словами. В о. и. е. языке в местоимениях неличных при их основном употреблении (не в качестве вспомогательных слов) формами рода обозначались различия в известном естественном роде данных предметов мысли, именно — формами мужского рода данные предметы мысли обозначались как существа мужского пола, формами женского рода — как существа женского пола, формами общего несреднего рода — и как существа мужского, и как существа женского пола, а формами среднего рода данные предметы мысли не обозначались как существа, т. е. как предметы одушевленные. Сравните, например, различие в русском языке между словами *кто* и *что*. В местоимениях неличных при употреблении их в качестве вспомогательных слов формой рода в о. и. е. языке обозначался в данном предмете мысли тот род,

к которому принадлежал данный предмет мысли как обозначавшийся тем именем существительным, при котором или в замену которого употреблялось в речи данное местоимение. То же мы находим, например, и в русск. языке. Из того, что сказано о роде в склонении неличных слов в о. и. е. языке, вы видите, что здесь, следовательно, различались в склоняемых словах по отношению к известным различиям в формах склонения: 1) неличные слова (имена и местоимения неличные), представлявшие известные различия в склонении в зависимости от различия слов среднего и несреднего рода, и 2) личные местоимения, не имевшие таких различий рода в склонении. Затем, склонение личных слов отличалось от склонения неличных слов также и по образованию форм склонения. Имена и местоимения неличные, образывавшие, следовательно, один общий класс склоняемых слов в о. и. е. языке по отношению к их общему отличию от склоняемых личных слов, представляли, однако, при этом известные различия в образовании форм склонения, так что, следовательно, в склонении неличных слов различались склонение имен и склонение неличных местоимений. В склонении имен в о. и. е. языке не было различий в образовании форм склонения между именами существительными и именами прилагательными, и только, может быть, некоторые немногие имена прилагательные допускали здесь формы склонения по аналогии местоимений неличных. Нужно заметить также, что и по отношению к основам форм склонения имена существительные и имена прилагательные в о. и. е. языке могли не различаться между собою, т. е. одна и та же основа могла являться и в имени существительном и в имени прилагательном.

Мы остановимся теперь на склонении имен в о. и. е. языке и в некоторых отдельных и. е. языках, именно в языках др. инд., греч., лат. и ст. слав. Относительно основ форм склонения в именах в о. и. е. языке, т. е. относительно именных основ в о. и. е. языке, надо заметить, что эти основы частью были корневыми, непроезводными, а гораздо чаще — являлись различными производными основами, т. е. основами, которые отличались по образованию от других основ тем, что заключали ту или другую словообразовательную форму, т. е. сами были образованы от других основ. К непроезводным имен-

ным основам в о. и. е. языке принадлежала, например, та основа, которая является в лат. *vox* и др. инд. *vāk* — „речь, слово“ и в родственном греч. $\acute{\upsilon}\phi$ из $\phi\phi$ и которая имела в о. и. е. языке вид $*v\bar{a}^{\circ}k$, при $*v\check{a}^{\circ}k$, с различием в количестве гласной. Или, например, непроизводною гласною основою была в о. и. е. языке основа $*g\bar{a}^{\circ}u$ и $*g\check{a}^{\circ}u$, являющаяся в др. инд. *gaus*, *gobhis*, греч. $\beta\omicron\upsilon\varsigma$. И. е. производную именную основу мы находим, например, в той основе, которая является в др. инд. имени *datā* („даятель“), основа других падежей на *r*, греч. $\delta\acute{\omicron}\tau\omicron\rho$, лат. *dātor*; или, например, и. е. производная именная основа вошла в состав др. инд. *mṛtis* — „смерть“, ст. слав. съ-мрьть; производная именная основа является также, например, в др. инд. прилагательном *pitryas* (в Ведах читается *pitrias*) — „отцовский“, греч. $\pi\acute{\alpha}\tau\rho\iota\varsigma$, лат. *patrius*. Относительно тех и. е. именных основ, которые мы называем производными, надо заметить, что в эпоху распада и. е. языка в числе их было немало и таких основ, которые в это время не были уже по значению производными основами, т. е. в которых значение известных словообразовательных форм было уже утрачено. Называя, однако, такие основы о. и. е. языка производными основами в отличие от других — непроизводных, или корневых, основ, мы имеем в виду то обстоятельство, что прежде они были производными, хотя потом еще в о. и. е. языке утратили такое значение. Например, мы называем и. е. именную основу *sūni*, являющуюся в др. инд. *sūnús* („сын“) или ст. слав. сынъ, основою производною, так как по образованию она однородна с другими производными именными основами, образованными при посредстве суффикса *ни*, хотя в эпоху распада и. е. языка эта именная основа не заключала уже в себе никакой формы, была по значению основою непроизводною; или, например, мы называем и. е. производною основою ту именную основу, которая является в др. инд. *vīkas* и в ст. слав. вѣкъ, при вѣкъ, имея в виду однородность этой основы по образованию с другими именными основами, заключавшими в себе известную словообразовательную форму, которая образовывалась суффиксом $\check{a}^{\circ}$, чередовавшимся с $\check{a}^c$, хотя эта и. е. именная основа в эпоху распада и. е. языка была уже по значению основою непроизводною. В склонении имен в о. и. е. языке существовали известные различия в обра-

зовании форм склонения при посредстве падежных суффиксов в зависимости от различий в образовании основ форм склонения. Поэтому, изучая образования форм именного склонения, мы должны познакомиться и с образованием именных основ, а кроме того, мы должны обратить внимание на самые основы именного склонения также и потому, что основы в склонении имен в о. и. е. языке представляли известные изменения звуковой стороны. Эти различные изменения звуковой стороны именных основ были по происхождению изменениями фонетическими, но далеко не все они оставались фонетическими в эпоху распада о. и. е. языка, и очень многие из них служили в эту эпоху вместе с суффиксами для образования форм склонения, т. е. образовывали то, что мы называем флексиею основ слов (см. общий курс).

Эти формальные видоизменения звуковой стороны именных основ в склонении в о. и. е. языке были двоякого рода: одни из них вместе с падежными суффиксами служили для образования отдельных форм склонения, другие образовывали известные классы форм склонения, общие для основ, представлявших различия по образованию, причем именно такие основы представляли в склонении чередование между сильным и несильным видом основы. Чередование сильного и несильного вида именных основ в склонении образовывалось чередованием сильного и несильного звукового вида конечного слога в основах, а о различии между сильным и несильным, т. е. слабым или средним и слабым, звуковыми видами в основах и суффиксах о. и. е. языка я говорил в фонетике.

Слабым звуковым видом известного слога в о. и. е. языке мы называем слог с гласной иррациональной или неопределенной, а также с отсутствием гласной по отношению к слогу, заключающему в себе *a* долгое или краткое того или другого качества, чередовавшееся по происхождению с *α*, или *ä*, или с отсутствием гласной, а сильным звуковым видом слога мы называем тот его вид, при котором данный слог заключал в себе *ā* известного качества, по отношению к слогу, имевшему *α* или отсутствие *α* в чередовании с этими *ā*, или который имел *ā* известного качества, по отношению к слогу с *ä*, а также и по отношению к слогу, имевшему *ā* известного качества в чередовании с *ā* того или другого

качества. При этом, следовательно, слог, заключавший в себе α того или другого качества, являлся сильным по отношению к слогу, имевшему α или отсутствие α , и вместе с тем он был несильным по отношению к слогу с $\bar{\alpha}$ того или другого качества, т. е. такой слог был средним по отношению к тому и другому слогу вместе.

Итак я сказал, что в числе именных основ в о. и. е. языке в эпоху его распада были основы, представлявшие в склонении чередование между сильным и несильным видами основы, и основы, не имевшие такого чередования, причем в известных основах, не представлявших этого чередования, тем не менее могли являться вид слабый и вид сильный основы, которые, однако, не образовывали чередования видов основы в склонении, как скоро одну и ту же падежную форму образовывали как от слабого, так и от сильного вида основы или как скоро различия в основе не сознавались говорящими как различные виды одной и той же основы. Сообразно с различием в видах основы имен, допускавших в склонении чередование видов основы, различались в о. и. е. языке падежи слабые и неслабые. К падежам исключительно неслабым в склонении имен с такими основами, т. е. к падежам, требовавшим неслабого вида основы, принадлежали в о. и. е. языке следующие падежи: именительный и винительный ед. ч. несреднего рода, именительный-винительный дв. ч. несреднего рода, именительный мн. ч. несреднего рода и именительный-винительный мн. ч. среднего рода; при этом в именительном ед. ч. несреднего рода и, хотя не исключительно, в именительном-винительном мн. ч. среднего рода являлся сильный вид основы, а в прочих неслабых падежах — или средний, или сильный виды основы. К падежам исключительно слабым, т. е. требовавшим слабого вида основы в склонении имен с чередованием слабого и неслабого (сильного и сильного и среднего) видов основы, принадлежали в о. и. е. языке все косвенные падежи, за исключением винительного трех чисел и местного единственного числа, а кроме того, сюда же принадлежала форма именительного-винительного дв. ч. среднего рода. К падежам частью слабым, частью неслабым по различию в виде основы склоняемых имен принадлежали в о. и. е. языке

местный, именительный-винительный ед. ч. среднего рода и винительный мн. ч. несреднего рода. В именных основах с чередованием видов основы в склонении различались в о. и. е. языке основы с чередованием двух видов (несильного и сильного) и основы с чередованием трех видов (слабого, среднего и сильного). В именах с чередованием двух видов основы в склонении сильный вид основы являлся в тех падежах, которые я называл неслабыми, а прочие падежи имели слабый вид основы. В именах с чередованием трех видов основы в склонении различались: 1) имена, в которых сильный вид существовал в именительном ед. ч. несреднего рода и именит.-винит. множ. числа среднего рода, хотя в последней форме допускался, кажется, и средний вид основы, и 2) такие имена, в которых сильный вид основы являлся во всех тех падежах, которые я называл неслабыми, и, кроме того, мог являться в именительном-винительном ед. ч. среднего рода (при среднем и слабом виде). Соответственно с этим в именах с чередованием трех видов основы в склонении в о. и. е. языке по отношению к употреблению среднего вида основы являлось различие между: 1) такими именами, в которых средний вид основы существовал в известных неслабых падежах, за исключением именительного ед. ч. несреднего рода и частью именительного-винительного мн. ч. среднего рода, а кроме того, являлся также в местном ед. ч. и (при слабом и сильном виде) в именительном-винительном ед. ч. среднего рода, и 2) такими именами, в которых средний вид основы являлся только в местном ед. ч. и частью в именительном-винительном ед. ч. среднего рода (при слабом и сильном виде). Прочие падежи имен, представлявших в склонении в о. и. е. языке три вида основы, имели вообще слабый вид основы, и только очень немногие из таких имен в винительном мн. ч. несреднего рода представляли сильный вид основы, между тем как вообще винительный мн. ч. несреднего рода в именах с чередованием трех видов основы в склонении получал слабый вид основы. В именах с чередованием двух видов основы в склонении в о. и. е. языке в эпоху его распада различались имена с чередованием сильного и слабого видов основы и имена с чередованием сильного и среднего видов основы; последние некогда имели чередование трех

видов основы в склонении, но слабый вид основы был в них вытеснен средним видом. В именах с чередованием сильного и слабого вида основы сильный вид существовал в о. и. е. языке во всех тех падежах, которые я назвал исключительно неслабыми, а в именах с чередованием сильного и среднего вида основы различались имена, в которых сильный вид основы являлся только в именительном ед. ч. несреднего рода и, хотя, вероятно, не исключительно (т. е. при среднем виде основы), в именительном-винительном мн. ч. среднего рода, и другие имена, в которых сильный вид основы допускался во всех исключительно неслабых падежах. В звательной форме, которая в о. и. е. языке вообще только в ед. ч. отличалась по образованию от именительного падежа, в именах, представлявших чередование трех видов основы в склонении, являлся средний вид основы, а в именах с чередованием двух видов основы в склонении звательная форма ед. ч. получала сильный вид основы, как скоро в склонении чередовались сильный и слабый виды основы, а иначе, т. е. при чередовании в склонении сильного и среднего вида основы, звательная форма имела средний вид основы. К именам с чередованием видов основы в склонении принадлежали в о. и. е. языке многие (но не все) имена с основами на неслоговые звуки, хотя некоторые из таких имен утратили еще в о. и. е. языке существовавшее в них прежде чередование видов основы в склонении. Что же касается и. е. имен с основами на слоговые звуки, именно на слоговые гласные, то вообще они не представляли чередования видов основы в склонении, за исключением лишь очень редких имен с производными основами на *ā* различного качества. Из отдельных и. е. языков др. инд. язык в наибольшей степени сохранил полученное из о. и. е. языка чередование видов основы в склонении, а в некоторых остатках оно продолжало сохраняться и в греч. языке (например, в *πατήρ* — сильный вид основы, в *πατέρα* — средний, в *πατρός* — слабый).

Вам известно из фонетики, что чередование в о. и. е. языке слабого и сильного вида известного слога находилось в зависимости по происхождению от передвижения ударения в словах. Поэтому и чередование видов основы в склонении связано было по происхождению с передвижением ударения, и надо заме-

тять, что и в эпоху распада о. и. е. языка в именах с односложными основами, а также в тех, которые имели односложные основы в слабом звуковом виде, ударение падало на падежное окончание (не на слог основы) в тех падежах, которые не принадлежали к исключительно неслабым падежам; отсюда, например, в греч. языке, различие в месте ударения, например, между *πόδα*, *πόδες* и *πόδες*, *πόδων* (сравн. также др. инд. язык). Только в винительном падеже мн. ч. несреднего рода в таких именах ударение по большей части, по-видимому, падало в о. и. е. языке на слог основы (сравн., например, греч. *πόδας*), хотя этот слог заключал в себе в этой падежной форме слабый звуковой вид почти во всех именах, представлявших чередование в склонении между слабым и неслабым звуковым видом; впрочем, из других индийских языков известны некоторые из таких имен и с ударением на окончании в винительном мн. ч. несреднего рода.

КЛАССЫ ОСНОВ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

ОСНОВЫ НА СЛОГОВЫЕ ГЛАСНЫЕ

I класс

Производные основы на $\check{a}^o$, чередовавшееся с $\check{a}^e$, в именах мужского и среднего рода.

К именам с такими о. и. е. основами принадлежат, например, др. инд. *ácvas*, *yugám*, греч. ἵππος, ζυγόν, лат. *equos*, *filius* (фонетически из *filios*), *ager* (с фонетической утратой окончания), *jugum* (из *jugom*), ст. слав. раѣъ, конь, краи (где и из *jь*), мѣсто, копьѣ и пр. Все имена этого класса в о. и. е. языке были мужского и среднего рода и такими остались в др. инд. и ст. слав., между тем как в греч. и лат. были известны также и имена женского рода с такими основами. Те и. е. имена с производными основами на $\check{a}^{e/o}$, в которых конечной гласной основы предшествовало *i* слоговое или *i* неслоговое, распадались на два подкласса по отношению именно к тому, что в одних из них, как и во всех прочих именах с производными основами на $\check{a}^{e/o}$, в именительном и винительном ед. ч. мужского и среднего рода в окончании основы являлось $\check{a}^o$ (не $\check{a}^e$), между тем как в других именах с основами на $\check{a}^{e/o}$ с

предшествующим *i* или *ī* в именительном и винительном ед. ч. муж. и ср. р. в окончании основы известно было $\check{a}^e$, по крайней мере в диалектах о. и. е. языка. В др. инд. языке оба эти подкласса таких имен не могут быть, понятно, различаемы, так как из $\check{a}^o$ и $\check{a}^e$ при данном положении в др. инд. языке одинаково получалось $\check{a}$. В греч. языке в именах с основами на и. е. $\check{a}^{e/o}$ после *i* или *ī* мы находим только такие имена, в которых в именительном и винительном ед. ч. муж. и ср. р. окончанием основы было и. е. $\check{a}^o$. Из лат. языка почти исключительно нам известны также лишь те и. е. производные именные основы на $\check{i}\check{a}^{e/o}$ и $\check{i}\check{a}^{e/o}$, которые в именительном и винительном ед. ч. муж. и ср. р. оканчивались на $\check{a}^o$, но в др. лат. языке существовали и такие образования, как *Cornelis, alis* (именительный падеж), где *i* конечного слога произошло, по моему мнению, из и. е. $\check{i}\check{a}^e$ с фонетическою утратою *i* перед лат. *i* из *e*; подобные же образования известны нам из языка осков, между прочим, на *ies* в именительном ед. ч. муж. р. Что касается ст. слав. языка, то здесь оба подкласса и. е. имен с производными основами на $\check{a}^{e/o}$ после *i* и *ī*, я думаю, фонетически совпали в таких именах, как *коѣи*; конечное *ь* после смягченной согласной может восходить здесь к и. е. $-\check{i}\check{a}^o s$, $-\check{i}\check{a}^o s$ (в именительном падеже) и $-\check{i}\check{a}^o m$, $-\check{i}\check{a}^o m$ (в винительном падеже), так как ведь еще в о. слав. языке из *o* в конечном закрытом слоге получалось *ъ*, а после мягкого неслогового звука (различного происхождения) — *ь*, но, с другой стороны, надо иметь в виду то, что, как позволяет думать сопоставление славянских языков с балтийскими, еще в литов.-слав. языке гласное *e*, из и. е. $\check{a}^e$, после *i* и *ī* изменялось в направлении к *i*.

II класс А

Производные именные основы, называемые нами производными основами на $\check{a}^a$.

Эти именные основы были в о. и. е. языке основами имен женского рода, гласная $\check{a}^a$ в окончании этих именных основ являлась в именительном ед. и мн. ч. и в тех падежных формах, в которых суффикс падежа начинался с согласной, между тем как в других падежах существовало, по крайней мере частью, другое окончание таких основ. К именам с этими основами в

отдельных и. е. языках принадлежали, например, др. инд. *áṣṭa* (тождественное лат. *equā*), *senā* („войско“), греч. *χώρα*, *τιμή* (где диалектическое *η* фонетически из первоначального *ā*), лат. *equā*, *aquā* (где конечное *ā* фонетически из *ā*), ст. слав. *ръѡа*, *женѡа*, *воли* и пр. В о. и. е. языке имена с такими основами были, как я сказал, женского рода, и такими остались они в др. инд., между тем как в греч., лат. и ст. слав. известны также были и имена мужского рода с такими основами, представлявшие собою, следовательно, новообразования, явившиеся в отдельном существовании этих языков.

II класс Б

Производные основы имен женского рода, называемые нами основами на *ā^e* после *i* и *j*, т. е. на *-iā^e* и *-jā^e*.

Такие основы существовали в о. и. е. языке, по-видимому, не во всех диалектах. Гласная *ā^e* в окончании этих основ являлась, несомненно, в именительном падеже ед. и мн. ч. и в тех падежах, суффикс которых начинался с согласной. Эти производные именные основы по употреблению были, вероятно, вариантами основ на *-iā^a* и *-jā^a* (принадлежавших к классу II A) и, как я сказал, существовали, может быть, не во всех диалектах о. и. е. языка. Они известны нам из языков балтийских и из лат. языка, где к именам с такими основами принадлежит большая часть имен так называемого 5-го склонения, например *materies*, сравн. основу на и. е. *-ā^a* в *materia*.

В греч. языке эти основы не сохранились, в др. инд. они не могут быть отличаемы от основ II A, в ст. слав. (и еще в о. слав.) основы на и. е. *-iā^a*, *-jā^a*, *-jā^a* и основы на и. е. *-iā^e*, *-jā^e* в большей части падежных форм должны были совпасть (еще в о. слав. языке *ē* после мягких согласных звуков изменялось в *ā*) в таких именах, как *воли*¹, но некоторые падежные формы ст. слав. имен представляют старые основы на и. е. *ā^a*, не на *ā^e*.

III класс А

Производные именные основы с словообразовательной формой женского рода на *ī*, стянутое по происхождению, яв-

¹ Русское *воля*.

являвшееся в тех именно падежных формах, которые не имели падежного суффикса, начинавшегося с гласной, а в положении перед гласной падежного суффикса основы эти представляли другой вид в о. и. е. языке.

Имена с такими основами, как сказано, были женского рода в о. и. е. языке, потому что сама основа заключала в себе форму женского рода. Надо заметить, что эти и. е. производные основы женского рода на *ī* следует отличать в о. и. е. языке от других основ также на *ī* другого происхождения, о которых я скажу далее; в рассматриваемых нами теперь основах конечное *ī* в о. и. е. языке получилось из стяжения *ī* слогового + *ə*, а и. е. *ə* (неопределенная гласная = *schwa*) находилось по происхождению в связи с и. е. *ā* различного качества (именно представляло его сокращение). Относительно окончания этих и. е. именных основ на *ī* стянутое в известных падежных формах надо заметить, что они имели, по-видимому, это *ī* не во всех диалектах о. и. е. языка: в некоторых диалектах в тех же падежных формах являлось не *ī*, но *i* + *ə*, откуда о. греч. *-īα*, с его фонетическими изменениями. К именам с рассматриваемыми нами основами в др. инд. языке принадлежат те имена женского рода, которые оканчивались в именительном ед. ч. на *ī*: *devī* — „богиня“, *gānitrī* — „родительница“, *bharantī* — „несущая“. В ст. слав. языке такие и. е. основы являются в именах, оканчивавшихся в именительном ед. ч. на -*ыи*, например *милостыи*, и в причастиях женского рода, например *вержш* (где *шт*, не *т*, под влиянием других падежных форм); в прочих падежах эти ст. слав. основы совпадали в склонении с основами на и. е. *ā*^a в положении после о. слав. мягких согласных. Кроме того, к ст. слав. именам с такими основами принадлежат также имена, оканчивавшиеся в именительном ед. ч. на *ии*; они были не только именами женского рода, например *мльнии*, но также и мужеского рода, например *вьтнии* („оратор“). В этих именах на *ии* конечное ст. слав. *и* получилось фонетически из *ji* и представляет по происхождению известное новообразование. В лат. языке и. е. производные именные основы на *ī* стянутое получили после конечного *ī* еще словообразовательный суффикс *s* и перешли, следовательно, в основы на согласную. К таким осно-

вам в лат. языке принадлежит, например, основа в *genetrīx*, *-īcis* (сравн. др. инд. *ġanitṛī*). В греч. языке, где, как я сказал, в окончании рассматриваемых нами основ получено было не и. е. *ī*, но и. е. *ī̃*, откуда о. греч. *-ī̃α*, такие основы являются, например, в *γενέτειρα*, из *γενετερ-ī̃α*; *φέρουσα*, из *φερουτ-ī̃α*, и пр., сравн. др. инд. *ġanitṛī*, *bharantī*.

III класс Б

С теми основами, о которых я сейчас говорил, аналогичны индоевропейские производные именные основы женского рода на *ī̃*, стянутое по происхождению, являвшееся в тех же падежных формах, в которых у предыдущих основ существовало *ī* стянутое; это *ī̃* получилось из стяжения *ī̃ + ə*. Такие именные основы в эпоху распада о. и. е. языка были немногочисленны и, может быть, уже здесь смешивались с основами на *ī̃* другого происхождения — нестянутое, о которых буду говорить далее.

Из отдельных и. е. языков главным образом др. инд. представляет имена, указывающие на и. е. основы на *ī̃*, стянутое по происхождению, хотя и здесь такие основы смешивались в склонении с основами на *ī̃* другого происхождения, и некоторые различия этих двух и. е. классов именных основ сохранились только в ведийском наречии. К именам с основами на и. е. *ī̃*, стянутое по происхождению, принадлежат, например, др. инд. *svaśrūs* — „свекровь“, ст. слав. *свекры*; в лат. *socrus*, основа на и. е. *ī̃*, стянутое по происхождению, заменена новою основою на *ī̃* (по аналогии имен с основами на *ī̃*, о которых я говорю далее). Мы видели, что в и. е. основах на *ī* стянутое в известных падежных формах это *ī* существовало в о. и. е. языке в эпоху его распада не во всех диалектах: в тех диалектах, к которым восходит греч. язык, в окончании таких основ в тех же падежных формах являлось не *ī*, но *ī̃*. По аналогии с этим мы должны ждать и у основ на и. е. *ī̃* стянутое в известных падежных формах существование диалектического *ī̃α*, не *ī̃*, в тех же падежных формах, и, следовательно, в греч. языке мы должны ждать здесь о. греч. *ī̃α* с его фонетическими изменениями. Именная основа с таким окончанием является в греч. языке, может быть, в гомеровском су-

существительном $\pi\rho\acute{\epsilon}\sigma\beta\acute{\alpha}$, из $\pi\rho\epsilon\sigma\beta\alpha$, хотя надо заметить, что окончание $\acute{\alpha}$ этой основы в греч. языке допускает и другое объяснение, не из о. греч. $\mu\acute{\alpha}$.

III класс В

Такие греч. имена существительные, как $\delta\acute{\iota}\alpha\tau\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha$, $\delta\alpha\chi\upsilon\delta\alpha$, заключающие в себе в окончании основы $\acute{\alpha}$ и притом в положении без предшествовавшего когда-либо $\acute{\iota}$ или μ , позволяют думать, что в о. и. е. языке существовали также производные именные основы женского рода на одно α без предшествовавшего $\acute{\iota}$ или μ , но из других отдельных и. е. языков такие и. е. именные основы не известны.

IV и V классы

Индоевропейские производные основы всех трех родов на $\acute{\imath}$ и $\acute{\upsilon}$, а эти гласные в окончании таких основ являлись в чередовании в одних и тех же падежных формах (именно в тех, суффикс которых начинался с гласной) с дифтонгами $\acute{\alpha}^e/o\acute{\imath}$ и $\acute{\alpha}^e/o\mu$. В этих дифтонгах в положении перед гласной падежного суффикса неслоговая часть дифтонга фонетически примыкала в слоговом отношении к следующему слогу и при известных условиях переходила в j и v .

К именам с такими основами в др. инд. языке принадлежат, например, *agnis* (муж. р.) — „огонь“, *gatis* (женск. р.) — „ход, движение“, *vāri* (средн. р.) — „вода“, вед. *sūnús* („сын“), санскритское *çatrus* (муж. р.) — „враг“, *dhénus* (женск. р.) — „корова“, *madhu* (средн. р.) — „мед“.

В греч. языке в именах несреднего рода такие и. е. основы являются, например, в существительных: $\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\varsigma$, $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$, $\pi\acute{\eta}\chi\upsilon\varsigma$, $\gamma\acute{\epsilon}\nu\upsilon\varsigma$; основы на и. е. $\acute{\imath}$ в именах среднего рода в греч. языке известны только в незначительных остатках, именно в прилагательном $\acute{\imath}\delta\rho\iota\varsigma$ и в числительном $\tau\rho\acute{\imath}\alpha$, а к именам среднего рода с основами на $\acute{\upsilon}$ принадлежит, например, $\mu\acute{\epsilon}\theta\upsilon$ (сравн. др. инд. *madhu*).

В лат. языке имена с и. е. производными основами на $\acute{\imath}$ совпали в склонении с именами, заключавшими в себе основы на согласную, и образовали здесь вместе с ними так называ-

емое 3-е склонение. К именам несреднего рода с основами на и. е. *ī* и *ŷ* в лат. языке принадлежат, например, *ignis, ovis, senatus, manus*, а к именам среднего рода, например, *mare* (где конечное *ē* фонетически из и. е. *ī*), *cornū, genū* (где происхождение долготы конечной гласной не совсем ясно).

В ст. слав. языке имена несреднего рода с и. е. производными основами на *ī* распадались и по образованию известных форм склонения на имена мужского и женского рода; а имена несреднего рода с и. е. производными основами на *ŷ* были в ст. слав. языке только именами мужского рода и частью смешивались при этом в склонении с именами мужского рода, имевшими производные основы на и. е. *ǣ^{e/o}*. Имена среднего рода с основами на *ī* и *ŷ* в ст. слав. языке не сохранились. К ст. слав. именам с и. е. производными основами на *ī* и *ŷ* несреднего рода принадлежат, например, *пѣтъ, гость, кость, сынъ, медь*.

VI и VII классы

Непроизводные и производные основы на *ī* и *ŷ* имен несреднего рода (не надо смешивать эти основы на *ī* и *ŷ* с основами женского рода на *ī* и *ŷ* стянутые).

В тех падежных формах, суффикс которых начинался с гласной, гласная *ī* в окончании основ, по известному вам правилу, фонетически распадалась в о.и.е. языке на *ī* одного слога + *ĭ* или *j* другого слога, причем *ĭ* в таком положении при известных условиях могло исчезать еще в о.и.е. языке; точно так же *ŷ* в окончании основ перед гласной падежного суффикса распадалось в о.и.е. языке на *ŷ* одного слога + *u* или *v* другого, а *u* при известных условиях могло исчезать. Относительно ударения в окончании имен с односложными основами на *ī* и *ŷ* в о.и.е. языке надо заметить, что в тех падежах, которые принадлежали к слабым в склонении имен с чередованием видов основы, а также в местном падеже ед. ч., ударение падало здесь на окончание, хотя чередование видов основы не существовало в склонении имен с основами на *ī* и *ŷ*.

В др. инд. языке к именам несреднего рода с и. е. производными основами на *ī* и *ŷ* принадлежат, например, *dhīs* — „мысль“, *bhūs* — „земля“, а к именам с производными основами, например, *rathīs* — „возничий“ (муж. р.), вед. *nadīs* — „река“ (женск. р.),

tanūs — „тело“ (женск. р.). Относительно имен женского рода с производными основами этого класса в др. инд. языке надо заметить, что основы эти в санскритском наречии смешивались в склонении с основами на и. е. *ī* и *ī̄* стянутые. В греч. языке имя несреднего рода с и. е. неизпроизводною основой на *ī* нестянутое является в существительном *κίς* — „червяк“; к именам же с неизпроизводными основами на *ī̄* принадлежат, например, *ῥς*, *ἰχθῦς* (где начальное *ι* развилось в греч. языке фонетически в положении перед группой *χθ*, подобно *ε* в *ἐχθῆς*, из *χθῆς* (др. инд. *hyas*)).

Относительно имен несреднего рода с и. е. производными основами на *ī* нестянутое остается неясным, сохранились ли они в греч. языке; может быть, сюда принадлежат основы в таких греч. именах, как *ἔρις*, *-ίδος*, если *δ* в известных падежных формах этих имен, например в *ἐρίδος*, восходит фонетически к и. е. *j* в сочетании *īj* из *ī* перед гласной. К именам несреднего рода с и. е. производными основами на *ī̄* нестянутое в греч. языке принадлежат, например, *πληθύς*, *ἐρτύς*.

В лат. языке имя существительное с и. е. неизпроизводной основой на *ī* является в существительном *vīs* (тождественное с основой в греч. *ῖς* и в гомеровском наречии *ῖ-φι*); во мн. ч. в *vīres* и пр. является другая основа. И. е. неизпроизводная основа на *ī̄* в лат. языке была получена в существительном *sūs* (сравн. греч. *ῥς*). Производные основы на и. е. *ī* и *ī̄* нестянутые в лат. не сохранились.

В ст. слав. языке и. е. неизпроизводные и производные именные основы на *ī* нестянутое не сохранились. Что же касается и. е. именных основ на *ī̄* нестянутое, то в ст. слав. языке такие основы смешались с и. е. производными основами женского рода на *ī̄* стянутое и являются в именах женского рода на ст. слав. *ы* в именительном падеже, на *-ьв* в родительном падеже, например в *любы*; в большинстве падежных форм этих имен в старославянском языке старые основы заменены новообразованиями, именно основами *-ьв* и *-ьи* (по аналогии других основ). И. е. неизпроизводная именная основа на *ī̄* является в ст. слав. языке в основе *кръв-* в форме родительного единственного *кръве*; именительный падеж этого существительного должен был некогда иметь форму *крьы*, которая действительно известна из некоторых слав. языков, но в ст. слав. она заменена формою *кръвь*, т. е. от основы на *-ьв*.

Индоевропейские производные именные основы на *ā* различного качества в сильном виде и на *a* в слабом виде, причем *a* перед гласными падежных суффиксов исчезало.

Имена существительные с такими основами вообще были редкими в о.и.е. языке и являлись преимущественно в сочетании с другими основами или частицами в о.и.е. языке; сами по себе такие основы были основами имен несреднего рода, но при употреблении их во второй части сложных основ они являлись также и в прилагательных среднего рода.

Склонение имен с такими и.е. основами известно нам из др. инд. языка, да и здесь дошли до нас не все падежные формы; к таким именам принадлежит, например, др. инд. существительное *gās* — „потомок“. Слабый звуковой вид этих именных основ на и.е. *a* был вытеснен в др. инд. языке сильным видом, а слабый вид с отсутствием гласной (перед гласною падежного суффикса) сохранялся в др. инд. языке.

В греч. языке остаток таких именных основ можно видеть в несклоняемом *χρή* и, может быть, в склоняемом *ὄμιλῃ*, причем последнее в таком случае перешло в греч. языке в класс имен с и.е. производными основами на и.е. *ā*^a.

ОСНОВЫ НА НЕСЛОГОВЫЕ ЗВУКИ

ОСНОВЫ НА НЕСЛОГОВЫЕ ГЛАСНЫЕ

IX и X классы

Индоевропейские производные и производные основы имен несреднего рода на дифтонги *āi* и *ai* с *ā* различного качества.

Непроизводных именных основ такого образования в о.и.е. языке в эпоху его распада было очень немного, и в числе их существовали как основы без чередования видов основ в склонении (имевшие во всех падежных формах сильный вид основы), так и основы с чередованием видов основы в склонении. К числу первых в о.и.е. языке принадлежали именные основы: *rā^ei* и *pā^au*. Основа *rā^ei* является в др. инд. *rās* —

„имущество, богатство“ и в лат. *rēs* (в этом имени дифтонг *āi* в именительном ед. ч. еще в о. и. е. языке не сохранялся как дифтонг, но фонетически утратил неслоговую часть в положении перед *s*). И. е. именная основа *nā^au* является в др. инд. *naus* — „корабль“, греч. *ναῦς*; в родственном лат. *nāvis* первоначальная основа на дифтонг получила распространение при посредстве словообразовательного суффикса *ī* и перешла, следовательно, в класс основ на *ī*. К и. е. непроизводным именным основам на дифтонги *āi* и *āu* (с *ā* различного качества) с чередованием видов основы в склонении принадлежали основы, звучавшие в сильном виде в о. и. е. языке как *dīā^eu* и *gā^ou*. Сильный звуковой вид существовал в так называемых неслабых падежах, а также в винительном падеже мн. ч. (между тем как другие основы с чередованием видов в склонении имели слабый вид в винительном падеже мн. ч.). При основе *dīā^eu* в сильном звуковом виде существовала основа *dīā^eu* в среднем виде и *dīu* перед гласной и *dīū* перед согласной в слабом звуковом виде; это и. е. имя существительное является, именно, в др. инд. *dyaus* — „небо, день“, греч. *Ζεὺς* и лат. *dies*, *Dies-piter*, *Juppiter*, а в ст. слав. языке оно не известно. И. е. именная основа *gā^ou*, с несильным видом основы, который был по происхождению, собственно, средним видом, но вытеснил собою в склонении также и слабый вид этой основы; имя существительное с этой основой является в др. инд. *gaus* — „бык, корова“ и греч. *βῶς*. Относительно лат. *bos* надо заметить, как было сказано в фонетике, что согласная *b* из *g* указывает на заимствование этого слова из какого-то другого итальянского языка. В ст. слав. языке эта и. е. непроизводная именная основа на дифтонг с чередованием видов, как и предыдущая, не сохранилась, хотя мы находим здесь основу производную от и. е. основы *gā^ou* в существительном *говѣдо* — „бык“, откуда также прилагательное *говѣждь* (сравн. русск. *говядина*). И. е. производные основы на *āi* и *āu* известны пока недостаточно. И. е. производная основа на *āi* с *ā* неизвестного качества является в др. инд. существительном *sakhā* („друг“) из и. е. формы с подвижным (отпадавшим) *i* в конце слова в именительном падеже ед. ч., в винительном ед. ч. *sakhāyam*; в этих др. инд. падежных формах мы находим и. е. сильный вид основы; в звательной форме ед. ч. — и. е. средний

вид основы на $\ddot{a}i$ (др. инд. *sakhē*), а в прочих падежах и.е. слабый вид (др. инд. *sakhi*).

В греч. языке не ясно происхождение производных именных основ в существительных типа βασιλεύς, где *eu* из *ηρ*.

ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ

XI класс А

Индоевропейские производные основы имен несреднего рода (главным образом — мужеского и частью женского), оканчивавшиеся на $\ddot{a}^{e/or}$ в среднем виде, на $\bar{a}^{e/or}$ в сильном виде и на сочетание αr перед согласною и одно *r* перед гласной — в слабом виде основы.

К таким именам в о.и.е. языке принадлежали исключительно имена родства мужеского и женского рода и *pomina agentis* мужеского рода, причем последние всегда имели словообразовательный суффикс *-tār*. Именительный ед. ч. в склонении всех таких имен представлял сильный звуковой вид основы и оканчивался на $\bar{a}^r$ и на $\bar{a}^o r$, причем конечное *r* в этой форме еще в о.и.е. было подвижным, т.е. частью сохранялось, частью отпадало (первоначально, вероятно, в зависимости от начальных звуков следующего слова); различие гласных $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^o$ в окончании этой формы зависело в о.и.е. языке от места ударения: в тех основах, которые имели ударение на конечном слоге, являлось $\bar{a}^e$ перед *r*, а в тех, где последний слог не имел на себе ударения, в окончании основы было $\bar{a}^o$ перед *r*. Относительно других и.е. неслабых падежей в склонении таких имен (т.е. винительный ед. ч., именительный мн., именительный-винительный дв.) надо заметить, что некоторые из этих имен представляли здесь в о.и.е. языке средний звуковой вид основы, а другие — сильный вид. Местный ед. ч. и звательная форма ед. ч. имели средний звуковой вид. Слабый звуковой вид таких основ существовал в склонении в о.и.е. языке в так называемых слабых падежах и в винительном падеже мн. ч. В др. инд. языке к именам с такими основами принадлежат, например, *pitā* — „отец“, *mātā* — „мать“, *duhitā* — „дочь“, *ḡanitā* — „родитель“ (причем, следовательно, в др. инд. мы находим образование формы именительного ед. ч. от этих основ без конечного *r*). В тех из имен

родства этого класса, в которых др. инд. $\bar{a}$ в именительном ед. ч., как показывают родственные языки, восходит к и. е. $\bar{a}^e$, в других неслабых падежах в др. инд. языке существовал и. е. средний вид основы на и. е. $\bar{a}^e r$, например в винительном ед. ч. *pitāram* — при именительном *pitā* и пр., но, например, в имени существительном *svasā* — „сестра“, где конечное $\bar{a}$ из и. е. $\bar{a}^o$, мы находим в др. инд. языке в других неслабых падежах также $\bar{a}$, относительно происхождения которого является вопрос, восходит ли оно к и. е. $\bar{a}^o$ в сильном виде основы, или к и. е. $\bar{a}^o$ в среднем виде основы, так как и. е. $\bar{a}^o$, родственное с $\bar{a}^e$, в др. инд. фонетически удлинилось при положении в открытом неконечном слого (см. фонетику). Что касается *nomina agentis* с такими основами в др. инд. языке, то в их склонении мы находим во всех неслабых падежах $\bar{a}$ перед *r*, например винительный ед. ч. *ganitāram*, *dātāram* и пр.; и это $\bar{a}$ в формах не именительного ед. ч. также может восходить частью к и. е. $\bar{a}$ в сильном звуковом виде основ, частью к и. е. $\bar{a}^o$ в среднем виде таких основ. Вообще же и. е. чередование видов основы в склонении имен с рассматриваемыми нами основами сохранялось в др. инд. языке; например, дательный падеж ед. ч. *pitṛē*, творительный мн. ч. *pitṛbhis* (слабый вид), местный падеж ед. ч. *pitāri* (средний вид) и пр. Относительно *nomina agentis* с такими и. е. основами надо заметить, что эти имена в др. инд. языке могли являться также и именами среднего рода, причем в именительном-винительном ед. ч. они оканчивались на *r*, например *dātṛ* (при муж. *dātā*). Такие имена среднего рода были, вероятно, в др. инд. языке новообразованиями. В греч. языке рассматриваемые нами и. е. основы мы находим в именах родства, например $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho$, $\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho$, и в *nomina agentis*, например $\sigma\omega\tau\acute{\epsilon}\rho$, $\delta\omega\tau\acute{\epsilon}\rho$, при $\delta\acute{\omega}\tau\omega\rho$, $\theta\eta\rho\acute{\epsilon}\tau\omega\rho$. Греч. $\eta\rho$ произошло в этих именах из и. е. $\bar{a}^e r$, а $\omega\rho$ из и. е. $\bar{a}^o r$. В именах родства с этими основами в греч. языке в значительной степени сохранялось и. е. чередование видов основы в склонении, например $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho$, $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$, $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho$, $\pi\alpha\tau\rho\acute{\varsigma}$ (в $\pi\alpha\tau\rho\acute{\iota}$, при $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\iota$, и. е. средний вид основы в этой падежной форме заменился в греч. языке слабым видом основы). Что касается греч. *nomina agentis* на $\tau\eta\rho$, то здесь η было перенесено в греч. языке во все падежные формы, и только звательная форма ед. ч. сохраняла и. е. средний вид

основы, как свидетельствует *σῆτερ*; следовательно, слабый вид основы в склонении этих имен был вытеснен в греч. языке сильным видом. В именах на *τωρ* мы находим в греч. языке в прочих падежах окончание основы *τωρ*, т. е. и.е. средний вид основы, который вытеснил собою слабый вид, а частью, может быть, и сильный вид, если этот вид был получен из о.и.е. языка в таких именах и в других неслабых падежах, кроме именительного ед. ч. В имени существительном *μῆτωρ* мы находим у Гомера *ω* и в формах винительного ед. ч., именительного-винительного дв. ч., именительного мн. ч., а также и в винительном мн. ч. под влиянием именительного мн. ч.; эта греч. *ω* указывает, по-видимому, на и.е. *ā^o* в склонении имени с такою основою не только в именительном ед. ч., но и в других неслабых падежах. В лат. языке рассматриваемые нами и.е. основы являются в именах родства, например *pater, mater, soror, frater*, где лат. *-er* из и.е. *ā^er*, в *soror* и в *nomina agentis* на *tor* и *sor* (где *s* из первоначального *ct*), например *dator, esor*, где лат. *or* из и.е. *ā^or*. В тех из таких имен, которые оканчивались в именительном падеже ед. ч. на *ter* (имена родства), мы находим в лат. языке во всех прочих падежах и.е. слабый вид основы, например *patris, patrem* и т. д., так что, следовательно, и.е. слабый вид основы вытеснил собою здесь в лат. склонении и и.е. средний вид. В *soror* и в *nomina agentis* на *tor* и *sor* окончание *or* было получено в лат. языке из и.е. *ā^or*, и то же *ōr* было перенесено и в прочие падежи, причем, следовательно, и.е. сильный вид основы в склонении этих имен вытеснил собою в лат. языке и.е. средний и слабый виды. Лат. имена с рассматриваемыми нами основами на и.е. *r*, как и вообще все имена с и.е. основами на согласные, в лат. языке смешались в склонении с теми именами, в которых получены были основы на и.е. *ī* (лат. 3-е склонение).

В ст. слав. языке рассматриваемые нами и.е. основы являются в именах *мати* и *дъшти* в некоторых падежных формах. В именительном ед. ч. ст. слав. *и* в окончании этих имен получено из о. слав. *ī*, которое здесь являлось фонетически при положении в конце слова из и.е. *ā^e* с литов.-слав. прерывистой долготой. Что касается отсутствия *r* в этих формах, то надо иметь в виду, что еще в о. и.е. языке конечное *r* в именительном

ед. ч. таких имен могло отпадать; кроме того, если бы *r* и было получено из о. и. е. языка, оно все-таки фонетически не могло бы сохраниться в о. слав. языке при положении в конце слова. Средний вид основы в склонении этих имен в ст. слав. языке вытеснил собою и. е. слабый вид, причем в некоторых падежах старая основа на *тер* была заменена новой основой на *терь*, например *материнѣ* (сравн. *костинѣ*), *матери* (*кости*) и пр. В связи с рассматриваемыми нами и. е. основами должны находиться в ст. слав. и именные основы, являющиеся в известных падежных формах в *nomina agentis* на *тѣль*, например в *дѣлатѣль*. В именительном ед. ч. так же, как и в большинстве других падежей, такие имена представляли в ст. слав. языке основу не на согласную, но старая основа на согласную сохранилась, например, в именительном мн. ч. *дѣлателе*. Словообразовательный суффикс этих имен находится, очевидно, в родстве по происхождению с и. е. суффиксом *tār*, хотя мы находим здесь ст. слав. плавную не *р*, а *л*, и это *л* указывает или на и. е. *l*, или на и. е. неопределенную плавную (*l*).

XI класс Б

В связи с теми и. е. именными основами на *r* имен не-среднего рода, о которых я сейчас говорил, находятся индоевропейские производные именные основы на *r* имен существительных среднего рода, оканчивавшиеся именно на *ā^{e/o}r* в среднем виде, *ā^{e/o}r* в сильном виде и на *ar* в слабом виде в положении не перед гласной.

Эти именные основы по образованию были однородны с предыдущими основами, но представляли ту особенность в склонении, что в о. и. е. языке они являлись только в именительном-винительном среднего рода, а в других падежах заменялись производными основами на *n*. Относительно образования формы именительного-винительного ед. ч. имен с такими основами в о. и. е. языке надо заметить, что эта форма в таких именах частью представляла сильный вид основы, частью средний и частью слабый вид, причем в последнем случае в конце формы являлась еще согласная *t*, а в некоторых основах другая согласная — *g*. В др. инд. языке к именам существительным с такими основами сред-

него рода с слабым видом основы в именительном-винительном ед. ч. принадлежат *yakṛt* („печень“), *ṣakṛt* („навоз“), *aṣṛk* („кровь“ — *k* фонетически из *g* в конце слова). Те же основы имен среднего рода с средним видом основы в именительном-винительном ед. ч. мы находим в др. инд. языке в *ūdhar* („вымя“), *ahar* („день“). Имена среднего рода с сильным видом такой основы в именительном-винительном ед. ч. из др. инд. языка не известны. В греч. языке имена с такими основами, представлявшие слабый вид основы в именительном-винительном ед. ч., являются в ἥπαρ — „печень“ (сравн. др. инд. *yakṛt*), ἔαρ — „кровь“ (сравн. др. инд. *aṣṛk*), οὔθαρ — „вымя“ (сравн. *ūdhar*, которое отличается от соответствующего греч. слова по гласной корня и по виду основы). Основа с средним видом в именительном-винительном ед. ч. в греч. языке является в существительном ἤτορ — „сердце“, с сильным видом в ὄδωρ, σῆμαρ, τέχμαρ (при τέχμαρ — „цепь, конец“).

В латинском языке такие основы с слабым видом мы находим в лат. *jecur* (сравн. др. инд. *yakṛt*), *femur*; средний вид такой основы является в лат. языке в существительном *uber* (тождественно др. инд. *ūdhar*) и *iter* (в родительном падеже *itineris* — новообразование вместо *itinis*, под влиянием основы в именительном-винительном ед. ч. на *r*, подобно тому, как от основы *jecur* является форма родительного *jecinoris* вместо *jecinis*).

В старославянском языке имена с такими основами не сохранились.

XII класс

Индоевропейские производные именные основы имен несреднего и среднего рода на сочетание $\check{a}^{e/o}n$ в среднем виде, $\bar{a}^{e/o}n$ в сильном и $a\check{n}$ в слабом виде в положении без последующей гласной и частью в положении перед гласной падежного суффикса, хотя в последнем случае было известно также и окончание основы на одно *n* неслоговое с утратой предшествовавшей гласной.

Имена несреднего рода с такими и. е. основами были преимущественно мужского рода, и к ним принадлежали *nomina agentis* мужского рода, а также некоторые прилагательные мужского рода; кроме того, в числе имен существительных с разбираемыми основами в о. и. е. языке были, по-видимому, и не-

которые имена женского рода. Имена несреднего рода с основами на *n* в именительном ед. ч. имели сильный вид основы на $\tilde{a}^e n$ и на $\tilde{a}^o n$, причем конечное *n* основы в этой форме было подвижным, т. е. в зависимости от известных фонетических условий частью сохранялось, частью отпадало в о. и. е. языке (сравни. подвижное *r* в именительном ед. ч. имен с основами на $\tilde{a}^{e/o} r$ в среднем виде). Слабый вид таких основ в именах несреднего рода существовал в исключительно слабых падежах, а также в винительном падеже мн. ч. Средний вид основы являлся в местном ед. ч. и в звательной форме, а, кроме того, часть таких имен несреднего рода и в неслабых падежах, за исключением именительного ед. ч., представляла средний вид основы, между тем как в других именах с такими основами существовал в этих формах (как и в именительном ед. ч.) сильный вид основы.

В древнеиндийском языке и. е. имена несреднего рода с такими основами являлись в именах мужского рода, оканчивавшихся на $\tilde{a}$ в именительном ед. ч. В прочих неслабых падежах мы находим в др. инд. языке в этих именах иногда $\tilde{a}$ перед *n*, но по большей части $\tilde{a}$: *ukṣā* — „бык“, винительный ед. ч. *ukṣanam*, при *ukṣānam*, *takṣā* — „плотник“ — *takṣānam*, *ṣvā* — „собака“ — *ṣvānam*. Др. инд. $\tilde{a}$ в неслабых падежах этих имен, за исключением именительного ед. ч. частью может переходить к и. е. $\tilde{a}^e$ или $\tilde{a}^o$ в сильном виде основы, частью к и. е. $\tilde{a}^o$ в среднем виде основы, так как такое и. е. $\tilde{a}^o$ должно было явиться фонетически в др. инд. языке как $\tilde{a}$, при положении в открытом неконечном слоге. В тех косвенных падежах, которые имели в о. и. е. языке слабый вид таких основ, этот слабый вид сохранялся и в др. инд. языке, например при именительном *ṣvā*, родительный падеж ед. ч. *ṣvanas*, где основа в слабом виде с др. инд. *u* из индоевропейского $\tilde{u}$, а это $\tilde{u}$ получилось в о. и. е. языке фонетически из μ + иррациональная гласная. В местном ед. ч. этих имен в др. инд. сохранялся и. е. средний вид основы, хотя были известны и новообразования с слабым видом основы; например, при именительном *rāḡā* — „царь“, местный ед. ч. *rāḡani* (с средним видом основы) и *raḡni* (с слабым видом основы).

В греческом языке рассматриваемые нами основы являются в именах мужского и женского рода на $\eta\upsilon$ и $\omega\upsilon$, на-

пример ποιήν, τέκτων. В прочих падежах одни из таких имен представляли вообще в греч. языке и. е. средний вид основы, вытеснивший собою и слабый вид, например ποιήν — ποιμένα, ποιμένος, τέκτων — τέκτονος; в других же именах на ην и ων во всех падежных формах в греч. языке являлся и. е. сильный вид основы, вытеснивший собою средний и слабый вид, например πευθήν — πευθήνους, ἄγων — ἀγώνους и пр. В существительном ἄρην мы находим в прочих падежах, например ἄρνα, ἄρνός, и. е. слабый вид основы. Относительно именительного ἄρην надо заметить, что эта форма встречается на одной аттической надписи. В существительном χόων (сравни др. инд. *ṣva*) в других падежах является так же, как в ἄρην, и. е. слабый вид основы, например χουός, χόνα, но в звательной форме χόου — здесь сохранялся средний вид основы.

В латинском языке рассматриваемые нами и. е. основы являются в именах мужского и женского рода на *o*, которое само по себе было долгим (с сокращением при известном условии), например *praedō, virgō*, и в именах на *en* мужского рода: *flamen, pecten, lien*. В последних окончание основы в именительном ед. ч. перенесено из других падежных форм, а *o* таких имен, как *praedō*, восходит в именительном ед. ч. к и. е. *ā^o* с отпадением конечного *n*, которое еще в о. и. е. языке было в этой форме подвижным. В прочих падежах таких существительных в лат. языке является или и. е. сильный вид основы, вытеснивший собою средний и слабый виды (например, *praedo, praedōnis*), или лат. основа на *in*, из *ēn* (например, *virgo, -inis*), а это *in* может восходить как к и. е. *ā^en* в среднем виде таких основ, так и к и. е. сочетанию *æn* в слабом виде основ. В существительном *caro* в прочих падежах (например, *carnis*) являлся и. е. слабый вид основы на *n*.

В старославянском языке и. е. производные основы имен несреднего рода на *n* мы находим в образовании некоторых падежных форм существительных камы, пламы, а также в образовании некоторых падежных форм имен существительных на -ень: камснь (при камы), корснь, ясень (диалектич. слеснь); например, сюда принадлежат: форма родительного ед. ч. камсне, именительный мн. ч. ясено, между тем как, например, в именительном ед. ч. ясень, корень является уже основа не на *n*, а на *нь* по

аналогии имен с основами на *ь* из и. е. *й*. Кроме того, к и. е. производным основам на *п* имен несреднего рода принадлежат в ст. слав. языке в некоторых падежных формах основы на *ан* в положении после смягченной согласной, где ст. слав. *а* образовалось фонетически еще в о. слав. языке из *ѣ* в положении после мягкого неслогового звука, например *граждана*. В единственном числе эти имена имели другие основы (на гласную), например *гражданинѣ*. Индоевропейские имена с производными основами на *п* были, как я говорил, не только именами несреднего рода, но также и именами среднего рода. В этих именах сильный вид основы существовал в именительном-винительном падеже мн. ч., хотя в той же форме допускался, вероятно, и средний вид; именительный-винительный ед. ч. представлял частью слабый вид основы, частью неслабый; в прочих падежных формах не было, понятно, различия между этими именами несреднего рода. В др. инд. языке эти и. е. имена среднего рода являются в таких именах, как, например, *pāta* (конечное *ā* из и. е. сочетания $\alpha + \eta$ при положении в конце слова), родительный *pātnas* (слабый вид), именительный-винительный мн. ч. *pātāni*.

В греч. языке в именах среднего рода с такими основами мы находим замену старой основы на *п* (в слабом виде на *η*) основой на *α*, где *α* восходит к и. е. $\alpha\eta$, например *βουα*, *δουματος*. В именительном-винительном ед. ч. таких имен в окончании является в греч. языке *ᾱ*, которое может восходить к и. е. конечному $\alpha\eta$, но могло также утратить фонетически конечное *т*.

В лат. языке к именам среднего рода с такими основами принадлежат, например, *потен*, *ингуен*. В форме именительного-винительного ед. ч. окончание *en* может восходить к и. е. сочетанию $\alpha\eta$ в слабом виде основы (сравн. др. инд. язык), хотя допускает также и другое объяснение. В прочих падежах в лат. *in*, из **ēn*, не могут быть различаемы и. е. сочетания $\alpha^c\eta$ в среднем виде и и. е. $\alpha\eta$ в слабом виде таких основ.

В ст. слав. языке имена среднего рода с такими основами являются, например, в *пма*, *сѣма*. Форма именительного-винительного падежа ед. ч. представляет здесь основу не в слабом виде, но или в среднем, или в сильном виде, так как из и. е. $\alpha\eta$ при положении в

конце слова в ст. слав. языке мы ждали бы фонетически *o*, а не *a*. В прочих падежах в ст. слав. языке в именах с такими основами мы находим ст. слав. *en*, из и. е. *ǣn*, в среднем виде таких основ. В таких ст. слав. именах, как и вообще в именах с основами на согласную в ст. слав. языке, старая основа на согласную сохранялась только в некоторых падежах, а в других падежных формах она заменялась основой на гласную, по аналогии имен с основами на гласные.

XIII класс А

Индоевропейские производные основы имен существительных среднего рода на *ǣ^{c/o}s* в среднем виде, который вытеснил здесь собою и слабый вид, и на *ǣ^{c/o}s* в сильном виде.

Сильный вид основы существовал в форме именительного-винительного мн. ч., хотя, может быть, та же форма образовалась и с основой среднего вида в о. и. е. языке. Различие между *a^c* и *a^o* в окончании этих основ обуславливалось положением в слове; именно, *a^o* появлялось при положении в конечном слоге слова, т. е. в именительном-винительном ед. ч., а *a^c* при положении не в конечном слоге. В др. инд. языке рассматриваемые нами основы являются в таких именах, как *ḥrávas* — „слава“, *ḡánas* (тождественно греч. γένος), вед. *nábhas* — „туман, облако“ (греч. νέφος); родительный — *ḡanasas*, *nabhasas*, именительный-винительный мн. ч. *ḡánāsi*, из **ḡanānsi* (где *n* перед *s* известное новообразование) и пр.

В греч. языке сюда принадлежат такие имена, как γένος — γένεος; νέφος — νέφεος; в лат., например, *genus*, *-ĕris*, *opus*, *-ĕris* (где *r* из *s* в положении между гласными); в ст. слав., например, *нѣбо* — *нѣбесе*, *слово* — *словесе* (тождественно греч. κλέος, из **κλεφος*, и др. инд. *ḥravas*). Относительно ст. слав. *o* в окончании именительного-винительного ед. ч. этих имен надо заметить, что оно получено из и. е. *ǣ^os* нефонетическим путем.

XIII класс Б

С теми и. е. основами имен среднего рода, о которых я сейчас говорил, родственны по образованию индоевропейские производные основы имен прилагательных мужского

и среднего рода, именно — основы на $\check{a}^e s$ в среднем виде, вытеснившим собою и слабый вид, и на $\bar{a}^e s$ в сильном виде, причем $\check{a}^e$ и $\bar{a}^e$ в конечном слоге этих основ имели на себе в о. и. е. языке ударение. Окончание $\bar{a}^e s$ существовало только в именительном ед. ч. несреднего рода таких имен, а в прочих формах являлся и. е. средний вид основы.

В древнеиндийском языке к именам прилагательным с такими основами принадлежат, например, *yaçās* — „славный“, винительный *yaçāsam* (которое не надо смешивать с существительным *yāças* — „слава“), *sumānās* — „благомыслящий“, винительный *sumānasam*.

В греческом языке сюда относятся такие прилагательные как, например, $\phi\epsilon\upsilon\delta\acute{\iota}\varsigma$, $\epsilon\upsilon\mu\epsilon\nu\acute{\iota}\varsigma$ (сравн. др. инд. *sumānās*); в лат. языке, например, прилагательное *pubes*, *-ēris* (*r* из *s* в положении между гласными, а под влиянием косвенных падежей и в именительном ед. ч. являлось *puber*, при *pubes*).

В старославянском языке соответственные основы не сохранились.

XIII класс В

С рассмотренными основами родственны индоевропейские производные основы имен существительных несреднего рода на $\check{a}^{o/e} s$ в среднем виде, вытеснившим собою и слабый вид, и на $\bar{a}^{o/e} s$ в сильном виде. Сильный вид являлся в этих именах в форме именительного ед. ч., а в некоторых именах — также и в других неслабых падежах; средний вид таких основ, вытеснивший собою и слабый вид, существовал в прочих формах.

В древнеиндийском языке к именам с такими основами принадлежат *uṣās* — „утренняя заря“, винительный *uṣāsam* (где *ā* может восходить или к и. е. $\bar{a}^o$, или к $\check{a}^o$), местный *uṣasi*, родительный *uṣāsas* и т. д.

В греческом языке, например, эолич. $\alpha\upsilon\omega\varsigma$, ионич. $\eta\omega\varsigma$, аттич. $\epsilon\omega\varsigma$ и $\alpha\iota\delta\omega\varsigma$.

В латинском языке сюда относятся такие имена существительные несреднего рода, как *honōs*, *honōris* (*r* из *s* между гласными), *decor*, *-ōris* (где *r* из косвенных падежей перенесено и в именительный). В этих лат. именах мы находим в склонении всюду и. е. сильный вид основы, но в существительном *arbos*,

-ōris является и. е. несильный вид основы. Сюда же принадлежат в лат. языке существительные *pubēs*, *sedēs* с и. е. сильным видом основы на *ā^es*; в других падежах такие имена существительные в лат. языке получили основы другого образования.

В старославянском языке эти и. е. основы не сохранились.

XIV класс

Производные основы на *s*, родственные по образованию с теми основами на *s*, о которых я говорил.

XIV класс А

Индоевропейские производные основы имен среднего рода на сочетание *ə + s*.

В древнеиндийском языке сюда принадлежит часть имен среднего рода на *is*, как например *kravīs* — „сырое мясо“, где *i* из и. е. *ə*, на что указывает родственное греч. имя *κράας*. В греч. языке сюда относятся имена среднего рода на *ας*, например *κράας*, *γέρας*; в других падежах в греч. языке здесь могли являться основы на *ат*. В лат. и ст. слав. языке соответственные основы не сохранились.

XIV класс Б

Индоевропейские производные основы на одно *s* после долгой гласной, принадлежавшей корню.

В этих основах *s* по происхождению было, вероятно, слабым звуковым видом того словообразовательного суффикса, который мы уже встретили в других основах в среднем и сильном звуковых видах, *ā^e/o/s* и *ā^e/o/s*. В др. инд. языке сюда принадлежат, например, *bhās* — „свет“, творительный — *bhāsā*. В лат. языке сюда относятся такие имена, как *flōs*, *flōris* (*r* из *s* между гласными).

XIV класс В и Г

Индоевропейские производные основы на *īs* и *ūs* в именах среднего рода, а также частью в именах несреднего рода.

В именах несреднего рода с такими основами именительный ед. ч. оканчивался в о. и. е. языке на *īs* и *ūs*. В др. инд. языке

сюда принадлежит, вероятно, часть имен среднего рода на *is*, например *gyōtis* — „свет“, и на *us*, например *dhānus* — „лук, из которого стреляют“, а также одно имя существительное мужского рода с основой на *us* — *ganūs* — „существо, свойство“, винительный *ganūṣam*. В лат. языке сюда относятся такие имена несреднего рода, как *pulvis*, *cinis*, *tellūs*.

XV класс А

Индоевропейские производные основы причастий действительного залога не perfect'a (praesens'a, aorist'a и будущего времени) мужского и среднего рода, — основы, оканчивавшиеся на *nt*.

В тех из таких причастных основ, которые были образованы от глагольных основ тематического спряжения (оканчивавшихся на $\check{a}^{e/o}$), перед окончанием основы *nt* являлась гласная $\check{a}^o$, принадлежавшая окончанию основы тематического спряжения. Эта гласная в основе таких причастий являлась в их сильном виде, а в слабом виде эти основы оканчивались на $\check{a}nt$. Что же касается таких причастных основ от глагольных основ нетематического спряжения (не имевших в окончании $\check{a}^{e/o}$), то в них различалось несколько классов соответственно с различием в образовании самих глагольных основ нетематического спряжения. В некоторых из этих причастных основ в их сильном виде перед *nt* существовало $\check{a}^e$ под ударением, принадлежавшее окончанию глагольной основы нетематического спряжения, между тем как слабый вид этих причастных основ оканчивался на сочетание $\check{a}nt$. В других из таких причастных основ перед *nt* являлось $\bar{a}$ различного качества под ударением (в состав этого $\bar{a}$ входило $\check{a}^e$ причастного суффикса $\check{a}^e nt$); такие основы не представляли в склонении чередования видов основы в о. и. е. языке, т. е. они во всех падежных формах оканчивались на $\bar{a}nt$ с $\bar{a}$ различного качества. Затем, в числе таких причастных основ от глагольных основ нетематического спряжения были и основы, которые во всех падежных формах имели слабый вид, оканчивавшийся на сочетание $\check{a}nt$ (без ударения). Итак, все эти и. е. причастные основы, поскольку они имели чередование видов в склонении, представ-

ляли два вида: сильный и слабый, а я говорил уже о том, как распределялись по падежам сильный и слабый виды основы в и. е. именах с чередованием двух этих видов в склонении. В др. инд. языке рассматриваемые нами основы причастий от глагольных основ тематического спряжения мы находим, например, в таких причастиях настоящего времени, как, например, *bhāran* — „несущий“ — именительный ед. ч. мужского рода, где в конце отпала (и. е. *cs*) группа согласных из и. е. группы *cs* и где др. инд. *a* из и. е. *ā°*, винительный ед. ч. мужского рода *bharantam* — сильный вид основы, именительный-винительный ед. ч. среднего рода *bharat*, родительный *bharatas* — слабый вид основы и пр. Др. инд. причастные основы настоящего времени от глагольных основ нетематического спряжения являются, например, в *adán* — „едящий“ (где *an* из и. е. *ā°ncs*, а и. е. *c* в этом сочетании из *t* в положении перед *s*), винительный *adántam* — сильный вид основы, родительный *adatas* — слабый вид; *gūhvat* — „приносящий жертву“ (где *at* в именительном ед. ч. получилось из и. е. *gñcs*), винительный *gūhvatam*; *yān* — „идуший“ (в конце отпала группа из и. е. *cs*), винительный *yāntam*. Такие причастия, как др. инд. *yān*, в о. и. е. языке всюду имели один вид основы на *ānt*, но в др. инд. мы находим и здесь чередование видов основы в склонении под влиянием аналогии со стороны других причастий, а именно — в др. инд. языке такие причастия получили и слабый вид основы на *āt*, например в *yātas*, родительный падеж ед. ч.

В греч. языке рассматриваемые нами основы причастий от глагольных основ тематического спряжения являются в таких причастиях, как, например, *φέρων*, *φέρουτα* и т. д., причем остается неясным происхождение *ω* в именительном ед. ч. мужского рода этих причастий; в прочих падежах основа *φερουτ-* с и. е. сильным видом вытеснила собою в греч. языке и основу с слабым видом, как например родительный *φερουτος* вместо **φερατος* (с *at* из и. е. группы *ant*). В тех и. е. причастных основах от глагольных основ нетематического спряжения, где гласная перед *n* была *ā* различного качества во всех падежных формах, эта гласная в греч. языке фонетически сократилась в положении перед *т*, например в основе *φάут-* с *ā* из и. е. *ā¹*.

И. е. причастные основы (от глагольных основ нетематического спряжения) на $\check{a}nt$, чередовавшееся с $\check{x}nt$, а также причастные основы на $\check{x}nt$ без чередования видов основы в склонении получили в греч. языке новообразования, например здесь образовалась основа $\delta\alpha\mu\upsilon\alpha\tau$ - вместо $*\delta\alpha\mu\upsilon\epsilon\upsilon\tau$ - в сильном виде и вместо $*\delta\alpha\mu\upsilon\alpha\tau$ - в слабом виде.

В лат. языке рассматриваемые нами причастные основы от глагольных основ тематического спряжения являются в таких причастиях, как *ferens*, *ferentis* и т. д.; здесь лат. *en* перед *t* восходит к и. е. сочетанию $\check{x}\eta$, т. е. и. е. слабый вид основы здесь вытеснил собою сильный вид, и только причастная основа *eunt* (из *eont*) представляет и. е. сильный вид основы, но и здесь в *iens* — другой вид основы. И. е. причастная основа настоящего времени от глагольной основы нетематического спряжения на $\check{a}nt$ в сильном виде и на $\check{x}nt$ — в слабом является в лат. *-sens* в сложных *praesens*, *praesentis*. Другие классы этих и. е. причастных основ от глагольных основ нетематического спряжения в лат. языке не сохранились.

В ст. слав. языке рассматриваемые нами и. е. причастные основы от глагольных основ тематического спряжения являются в причастиях настоящего времени на *ъ* и *а*, например *веръ*, *несъ*, *дѣлаа*, *гора*, родительный *дѣлаѣшта*, *горашта*. В этих причастиях в ст. слав. языке во всех их формах и. е. сильный вид основы, причем старая основа на согласную сохранилась здесь только в формах именительного ед. ч. и именительного мн. ч. мужского рода, например *верѣште*, где, впрочем, вместо конечной согласной основы *т* явилось *шт* под влиянием прочих падежных форм, в которых еще в литов.-слав. языке старая основа на *t* получила распространение по аналогии таких основ на и. е. $\check{a}^o$ и $\check{a}^e$ в положении после и. е. *i*, *j*, как например в ст. слав. *коѣъ*, а из *t* + о. слав. *j* (из индоевропейского *i*, *j* и *j*) происходило в о. слав. языке то звуковое сочетание, которое в ст. слав. языке изменилось в *шт*. И. е. причастные основы на *nt* от глагольных основ нетематического спряжения в ст. слав. языке представляют новообразования, а именно — заменены причастными основами от глагольных основ тематического спряжения, например в *вѣдъ*.

С рассмотренными нами причастными основами родственны по образованию индоевропейские производные основы имен прилагательных мужского и среднего рода с суффиксами *vant* (или *vant*) и *mant* в сильном виде, где *a* было по крайней мере частью $\check{a}^e$, а частью, может быть, $\check{a}^o$. Сильный вид этих основ существовал в тех же формах, что и в причастиях. В слабом виде и эти основы оканчивались на *ant*. Относительно образования именительного ед. ч. мужского рода таких прилагательных надо заметить, что в о. и. е. языке основа на *nt*, по-видимому, могла заменяться основой на *s* или, может быть, на *ns*, причем предшествовавшая гласная являлась долгой ($\check{a}^o$ или $\check{a}^e$); др. инд. язык получил здесь *āns*, откуда фонетически в конце слова *ān*. И в звательной форме имен прилагательных с такими основами из др. инд. языка известна основа на *s* (не на *ns*) с предшествовавшей $\check{a}$ (и. е. $\check{a}^e$ или $\check{a}^o$). Эти и. е. основы имен прилагательных мы находим в древнеиндийском языке в таких основах, как *raṣumant* в сильном виде, *raṣumat* — в слабом: именительный ед. ч. мужского рода *raṣumān* — „владеющий скотом“, где *ān*, как я сказал, из *āns*; или сюда же принадлежит основа с и. е. суффиксом, начинавшимся с *v* или, может быть, *u*, *bhagavant* — сильный вид, слабый вид — *bhagavat*: именительный ед. ч. мужского рода *bhagavān* — „счастливый“ от основы на *āns*.

В греческом языке и. е. производные основы имен прилагательных с суффиксом *mā^{e/o}nt* и *mant* не сохранились, а и. е. основы прилагательных с суффиксом *vā^ent* или *uā^ent* в сильном виде являются в таких прилагательных, как *ἀντιπαλῆς*, *χαριῆς*, где ионич.-аттич. *-εις*, из *fευς*, и. е. $\check{a}^e ncs$, где *c* из *t* перед *s*. И. е. слабый вид таких основ в греч. языке был вытеснен в склонении сильным видом основы.

В латинском и старославянском языках такие и. е. основы имен прилагательных не сохранились. Относительно ст. слав. языка надо заметить, что в числе производных именных основ в ст. слав. (и в о. слав. языке) существовали основы имен существительных среднего рода на сочетание *at*; например,

агна, родительный агнате, овьѹа, овьѹате. Эти славянские именные основы представляют, по-видимому, какое-то новообразование, происхождение которого не ясно.

XVI класс

Индоевропейские производные основы причастий действительного залога perfect'a мужеского и среднего рода.

И в этих основах в самом суффиксе являлось чередование между сильным и несильным (средним и слабым) видом, причем образования суффикса на *s* смешивались с образованиями на *t*. В среднем звуковом виде этот суффикс являлся, во-первых, как $\text{ц}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$ или $\text{в}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$ и, во-вторых, как $\text{ц}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$ или $\text{в}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$. При суффиксе $\text{ц}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$ или $\text{в}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$ в среднем виде слабый вид того же суффикса был *us*, т. е. с изменением *ца* в *и*, а при суффиксе $\text{ц}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$ или $\text{в}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$ в среднем виде слабый вид был вытеснен средним видом. Что касается сильного вида этого суффикса, то при $\text{ц}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$ или $\text{в}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$, как среднем виде, мы должны ждать в сильном виде $\text{ц}\bar{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$ и $\text{в}\bar{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{s}$. Такой вид, по-видимому, действительно существовал в о. и. е. языке; но в др. инд. языке в сильном виде этого суффикса мы находим не др. инд. *vās*, но фонетическое изменение старого **vāns*, именно — *vāṣ*, откуда в положении в конце слова *vān*. Здесь остается неясным происхождение носовой согласной, хотя едва ли она образовалась в др. инд. языке; вероятно, она получена из о. и. е. языка, и в связи с этим в др. инд. *vāṣ* может находиться окончание именительного падежа ед. ч. мужеского рода тех же причастий в литов. языке (на *ęs*). При среднем виде и. е. суффикса $\text{ц}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$, $\text{в}\check{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$ в сильном его виде являлось $\text{ц}\bar{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$ или $\text{в}\bar{\text{а}}^{\text{e}/\text{o}}\text{t}$. Распределение по падежам среднего и слабого видов основы в склонении этих причастий в о. и. е. языке было такое же, как и в именах с основами на *r* и *n* с чередованием трех видов основы в склонении; относительно сильного вида этих основ не ясно, допускался ли он в о. и. е. языке во всех исключительно неслабых падежах, или только в именительном ед. ч. мужеского рода и (при среднем виде) в именительном-винительном падеже мн. ч. среднего рода. В др. инд. языке эти причастия оканчивались в именительном падеже ед. ч. мужеского рода, как я говорил уже, на *vān*, где фонетически исчезло *s* в конце; в других

исключительно неслабых падежах мы находим в др. инд. *vāś* (также сильный вид), а в звательной форме из ведийского наречия нам известно образование на *vāś* (с *ā* в среднем виде основы).

В прочих падежах мы находим здесь в др. инд. языке частью *vat*, а перед звонкой шумной согласной (*bh* падежного суффикса) — *vad*, частью же, именно перед гласною, — *uṣ*. Это *uṣ* — из и. е. *ūs* в слабом виде таких основ, а др. инд. *vat*, *vad* может восходить к и. е. среднему виду на *uā^{e/o}t* или *vā^{e/o}t*, хотя др. инд. *vad*, являвшееся именно перед *bh* падежного суффикса, допускает объяснение и из *vaz*, т. е. из и. е. *uā^{e/o}s* или *vā^{e/o}s* в среднем виде таких основ (с изменением *s* в *z* в положении перед звонкой шумной согласной). Например, *vidvān* (по происхождению основа причастия перфекта, с утратою удвоения) — „знающий“, винительный ед. ч. мужского рода *vid-vāsam*, именительный-винительный ед. ч. среднего рода *vid-vāt*, творительный падеж мн. ч. *vidvādbhis*, родительный-отложительный ед. ч. *vidūṣas* и т. д. В греч. языке в этих причастиях мы находим в окончании именительного ед. ч. мужского рода *ως*, где перед *ω* после согласной фонетически исчезло *u* и *v*, что же касается самого *ως*, то это *ως* может восходить к и. е. *ā^os*, а также и к и. е. *ā^ocs*, где *c* из *t* в положении перед *s*, т. е. к образованию с суффиксом *uā^ot* или *vā^ot*. В именительном-винительном ед. ч. среднего рода эти причастия оканчивались в греч. языке на *ος*, где перед *ο* исчезло *u* или *v*. Это *ος* восходит к и. е. *uā^os* или *vā^os* в среднем виде таких основ. В прочих формах этих причастий в греч. языке мы находим обыкновенно окончание основы *οτ* с индоевропейским *ā^o* в среднем виде этих основ на *uā^{e/o}t* или *vā^{e/o}t*, но из гомеровского языка известны и такие образования, как *τεθυῆτοϛ*, *τεθυῆτοϛ* и т. д., т. е. с сильным видом основы, перенесенным и в такие падежи, которые были получены с слабым видом основы.

В ст. слав. языке рассматриваемые нами и. е. причастные основы являются в причастиях прошедшего времени действительного залога на *ъ*, а после мягких согласных — на *ь* в именительном ед. ч. мужского рода, например в *рєкъ*, *дѣлавъ*, *хвалъ*, родительном *рєкъша*, *дѣлавъша*, *хвалъша* (при *хвалєкъ*, *хвалєвъша*). Здесь суффикс причастия восходит к и. е. суффиксу в его слабом виде на *us*, и этот слабый вид суффикса в таких причастиях

в ст. слав. языке являлся перенесенным и в падежные формы с и. е. неслабым видом основы; старая основа на согласную в этих причастиях сохранялась в ст. слав. языке лишь в именительном ед. ч. и в именительном мн. ч. мужеского рода, например *рѣкъ*, *дѣлавъ* (в конце еще в о. слав. языке отпало *s*), *рѣкъше*, *дѣлавъше*, а в прочих падежных формах эта основа была распространена по аналогии основ на индоевропейское $\check{a}^{e/o}$ после о. слав. мягкого неслогового звука таких основ, как например в *кѣнь*. Относительно причастий *дѣлавъ*, *хвалѣвъ* (при *хвалѣ*) и т. п. надо заметить, что согласная *в* являлась именно в тех из таких причастных основ, которые образованы от глагольных основ на гласную. Это *в* представляет по происхождению начальный звук и. е. суффикса таких причастий в его неслабом виде, т. е. это ст. слав. *в* является перенесенным в слабый вид из и. е. сильного и среднего вида этих основ. В лат. языке такие причастия не сохранились.

XVII класс

Индоевропейские производные основы сравнительной степени имен прилагательных мужеского и среднего рода, оканчивавшиеся в среднем виде на $\check{a}^{e/o}s$, в слабом виде на $\check{i}s$ (где *i* из $\check{i}a$); в окончании сильного вида таких основ мы должны ждать $\check{a}^o s$ и, может быть, $\check{a}^e s$. Такой сильный вид этих основ существовал, по-видимому, действительно в о. и. е. языке, хотя из др. инд. нам известен иной сильный вид, именно по др. инд. $u\check{q}s$ (в конце слова $u\check{a}n$), из $u\check{a}ns$. Что касается распределения видов таких основ в склонении в о. и. е. языке, то оно было такое же, как в причастиях перфекта действительного залога. В др. инд. языке эти основы сравнительной степени являются в образованиях, оканчивавшихся в именительном падеже ед. ч. мужеского рода на $u\check{a}n$ (где после *n* отпало *s*); в других исключительно неслабых (сильных) падежах мы находим $u\check{q}s$ из $*u\check{a}ns$ (т. е. также неслабый вид основы). В падежных формах, требовавших слабого вида основы, являлся здесь в др. инд. языке средний вид основы (вытеснивший собою слабый вид) — на uas , причем перед звонкой согласной это uas изменялось в uo . Например, именительный ед. ч. мужеского рода $gr\acute{e}u\check{a}n$ — „лучший“, $g\acute{a}r\check{i}u\check{a}n$ — „более тяжелый“, винительный ед. ч. мужеского

рода *crēyāsam*, *gārīyāsam*, винительный ед. ч. среднего рода *crēyas*, *gārīyas*, родительный-отложительный ед. ч. *crēyāsas*, *gārīyāsas* и пр.

В греческом языке эти основы в их среднем виде на и. е. *iā^os* являлись при других образованиях, в тех падежных формах, в которых получен был из и. е. языка неслабый вид таких основ, например в винительном падеже ед. ч. мужского рода, в именительном мн. ч. мужского рода, в винительном мн. ч. мужского рода и в именительном-винительном мн. ч. среднего рода. Сюда принадлежат такие образования, как винительный ед. ч. мужского рода *γλυκίω*, *ἐλάσσω* (где *ω* из **oa* с фонетическим исчезновением *σ* между гласными), именительный падеж мн. ч. *ἐλάσσους* (где *ους* из *oσes*). В связи с такими основами находились в греч. языке и основы сравнительной степени на *ου* после *ι*, а в именительном ед. ч. мужского рода на *ωυ*, т. е. основы, являющиеся, например, в *γλυκίωυ*, *ἐλάσσωυ*, *-ονος*. Эти основы образованы от основ сравнительной степени на *īs*, т. е. с слабым видом и. е. суффикса сравнительной степени, например *γλυκίωυ* произошло из **γλυκίσωυ* и пр.

В латинском языке в соответственных образованиях сравнительной степени мы находим в окончании основ *ōr*: *maior*, *potior*, *maiōris* и т. д., где *r* из *s* между гласными (и, следовательно, в именительном ед. ч. мужского рода это *r* вместо *s* перешло из других падежей, а *ō* восходит к индоевропейскому *ā^o* в сильном виде таких основ, который в лат. языке вытеснил собою в склонении другие виды этих основ; только в форме именительного-винительного падежа ед. ч. среднего рода сохранился в лат. языке и. е. средний вид основы на *iā^os*, например в *maius*, где *i* из и. е. *ā^o* фонетически в конечном закрытом слоге. Слабый вид таких основ на индоевропейское *īs* мы находим в лат. языке в некоторых наречиях, например *magis*.

В старославянском языке рассматриваемые нами основы сравнительной степени прилагательных являются в тех образованиях сравнительной степени, в которых форма именительного падежа ед. ч. мужского рода оканчивалась на *ни* (где второе *и* из *jb*), и *ѣи* (с *и* из *jb*), причем в положении после старых мягких согласных здесь вместо *ѣ* фонетически должно было являться *а*: *мѣнии*, *дѣбѣи*, *мѣножѣи*. Такие образования, как

мѣнни, представляют по происхождению определенную форму; неопределенная явилась бы в виде *мѣнь. И. е. суффикс сравнительной степени, вошедший в состав этих слав. образований сравнительной степени, есть *īs*, т. е. слабый вид и. е. суффикса сравнительной степени, причем этот слабый вид суффикса в ст. слав. образованиях сравнительной степени являлся перенесенным во все падежные формы. Старая основа на согласную сохранялась в ст. слав. языке в этих образованиях только в именительном ед. ч. мужского рода и в именительном мн. ч. мужского рода: *мѣньше*, *добрѣньше*, а в других падежных формах основа на согласную была распространена по аналогии основ на индоевропейское *ǵ^{e/o}* после о. слав. мягких неслоговых звуков. В именительном-винительном ед. ч. среднего рода мы находим здесь в ст. слав. языке такие формы, как *мѣню*, *добрѣю*; эти формы представляют собою известное новообразование. По поводу рассмотренных нами основ сравнительной степени имен прилагательных мужского и среднего рода надо заметить, что в о. и. е. языке существовало также и другое образование сравнительной степени, именно с известным суффиксом, оканчивавшимся на гласную *ǵ^{e/o}* — в мужеском и среднем роде и *ǵ^a* — в женском роде. Такой суффикс мы находим, например, в др. инд. *priyataras*, *priyatarā* (при положительной *priyas* — „милый“), *kataras*, в греч. *κοιφότερος*, *πότερος*, в лат. *alter*, *dexter*, в ст. слав. *кѣторын*, *кѣторын* (сравн. греч. *πότερος*).

Примечание к предшествующим классам основ. При индоевропейских производных основах на *r* и *n* в *nomina agentis* мужского рода и при основах на согласную причастий действительного залога мужского и среднего рода и сравнительной степени прилагательных (на *s*) мужского и среднего рода существовали в о. и. е. языке производные от них основы женского рода на *i*, диалектич. *ī*, например в др. инд. *ganitrī*, в греч. *γενέτειρα*; др. инд. *bhārantī*, ст. слав. *кѣрѣшти*, греч. *φίρως*; др. инд. *créyān*, ст. слав. *мѣньшии*, *добрѣшии* и т. д.

XVIII класс

Индоевропейские производные именные основы на различные взрывные согласные, например и. е. производные именные основы на *t*: такие основы являются в др. инд. языке, например, в основах *daçat* — „десяток“, *sarvatat* — „полнота“ (при

прилагательной основе с тем же значением *sarvatāti*); в греч. *καχοτήτ-, βιοτήτ-* (где *η* — диалектическое изменение о. греч. *ā*); в лат. языке *bonitāt, inventūt*; в ст. слав. *дсѣт-* (например, в форме именительного мн. ч. *дсѣте*). Или, например, и. е. производные именные основы на *d*. В др. инд. языке к таким основам принадлежит, например, *ṣarad* — „осень“, в греч. *δεκαδ-*, в лат. *lapid, palud*; в ст. слав. языке эти основы не известны. Относительно производных основ на взрывные в о.и.е. языке надо заметить, что основы эти были по большей части основами без чередования видов основы.

XIX класс

Индоевропейские непроеизводные основы на различные согласные.

Такие основы в эпоху распада и. е. языка в большинстве случаев не представляли чередования видов основы. Сюда принадлежат, например, те основы, которые являются в др. инд. *rāḡ*, в лат. *rēg* (*rēx*) или в греч. *ῥῶς*, лат. *mūs*, др. инд. *mūṣ*. В некоторых из таких основ, имевших некогда чередование видов основы, в эпоху распада о.и.е. языка оба вида основы, сильный и слабый (с диалектическими различиями), могли быть переносимы во все формы склонения. Таковы, например, именные основы *vā°k* и *vā°k*, бывшие по происхождению различными звуковыми видами одной и той же основы: первая сохранилась в греч. языке (*ῥῶς*), вторая — в лат. (*vōx*) и в др. инд. языке (*vāk* — „слово“, „речь“).

ОБРАЗОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН В ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ИСТОРИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

История падежных форм общеиндоевропейского языка в отдельных и. е. языках представляет частью фонетические изменения форм, полученных из и. е. языка, частью различные нефонетические изменения, вызывавшиеся влиянием аналогии одних основ на другие или же в склонении имен с одними и теми же основами в различных звуковых видах влиянием одних падежных форм на другие, вследствие чего в большинстве от-

дельных и. е. языков в тех именах, которые в о. и. е. языке имели чередование видов основы в склонении, это чередование исчезло или сохранилось в некоторых остатках. Кроме того, надо заметить, что в отдельных и. е. языках различные падежные формы о. и. е. языка могли с течением времени совпадать в одном образовании, т. е. в отдельных и. е. языках при сопоставлении их с о. и. е. языком мы находим в склонении, между прочим, смешанные, так называемые синкретические падежи, в которых совпали различные падежи о. и. е. языка по образованию и значению. Так, в греч. и ст. слав. (и еще в литов.-слав.) языках во всех трех числах и. е. родительный и отложительный совпали в одном образовании, бывшем по происхождению формою родительного; а мы увидим далее, что еще в о. и. е. языке в большинстве имен родительный и отложительный в ед. ч. имели одно общее образование. Кроме того, в греч. языке и. е. дательный и местный ед. ч. в склонении имен получили одно общее образование, которое по происхождению в одних именах было дательным падежом, в других местным, и это же образование заменило здесь собою также и и. е. творительный ед. ч. Во множественном числе в греч. языке, кроме совпадения родительного и отложительного падежей, также и дательный-отложительный (оба эти падежа во мн. ч. в склонении неличных слов имели одну общую форму еще в о. и. е. языке), творительный и местный совпали в одной форме, которая по происхождению была частью формою и. е. местного, частью и. е. творительного падежа. В двойственном числе и. е. форма дательного-отложительного-творительного и форма родительного-местного в греческом совпали в одном образовании, которое по происхождению было формою и. е. дательного-отложительного-творительного падежа. В лат. языке в ед. ч. падежная форма, бывшая по происхождению частью формою отложительного, частью местного, соединяла в себе также значение формы и. е. творительного падежа. Во множественном числе в лат. языке в склонении имен формы и. е. дательного-отложительного, творительного и местного падежей совпали в одной общей форме, которая по происхождению была частью формой дательного-отложительного, частью творительного падежа. Двойственное число в склонении в лат. языке не сохранилось.

Именительный падеж несреднего рода

В общеиндоевропейском языке в именительном падеже ед. ч. имен с основами общего несреднего рода, а также в именительном падеже ед. ч. несреднего рода имен с основами неженского (следовательно, мужеского) рода падежным суффиксом было *s*, за исключением, однако, имен с производными основами на *r* и *n*, которые в этой падежной форме не получали падежного суффикса, причем *r* и *n* в окончании основы в именительном ед. ч. являлось подвижным в о. и. е. языке. В и. е. именах с основами женского рода (а именами с такими основами были имена с производными основами на $\tilde{a}^a$ и на диалектич. $\tilde{a}^e$ после *i* и *j*, равно как имена с производными основами на $\tilde{i}$ стянутое из $\tilde{i}a$, на $\tilde{u}$ стянутое из ua и на диалектич. $\tilde{a}$ в развитом положении) форма именительного ед. ч. не получала падежного суффикса, т. е. в таких именах форма именительного ед. ч. представляла основу склоняемого имени.

Древнеиндийский язык. Индоевропейское *s* в окончании формы именительного ед. ч. в положении после гласной сохранялось в др. инд. языке как *s* с его фонетическими изменениями в зависимости от различного положения слова, перед паузой ли, или в сочетании слов; например *aṛvas* — „конь“ (основа *aṛva-*, конечное *a* из и. е. $\tilde{a}^o$), *agnis* — „огонь“, ведийск. *sūnīs* — „сын“ (основы на $\tilde{i}$ и $\tilde{u}$), *gaus* — „бык, корова“ (основа на дифтонг с и. е. долгою слоговою гласною). В положении после согласной *s* в окончании формы именительного ед. ч. фонетически исчезло в др. инд. языке; например *vāk* — „слово, речь“, *bharan* — „несущий“ (где в конце фонетически отпало и. е. *cs* с *s* из первоначального *t* перед *s*). В именах с и. е. производными основами на *r* и *n*, где еще в о. и. е. языке конечные *r* и *n* были подвижными, в др. инд. языке перешла в именительный ед. ч. форма без конечных *r* и *n*: *pitā* — „отец“ (основа на *r*), *ṛvā* — „собака“ (основа на *n*). И. е. имена с основами женского рода, не имевшие в именительном ед. ч. падежного суффикса, сохранили то же образование в др. инд. языке: *aṛvā* — „кобыла“, *dēvī* — „богиня“, *bharantī* — „несущая“, но имена с основами женского рода на индоевропейское $\tilde{u}$ стянутое из

из в именительном ед. ч. в др. инд. получили *s* по аналогии имен с основами на *й* другого происхождения, т. е. имен общего несреднего рода, например *svacrūs* — „свекровь“.

Греческий язык. Индоевропейское *s* в окончании формы именительного ед. ч. несреднего рода фонетически сохранилось здесь: ἵππος, βάσις, ὄψ, χαρίεις, из **χαριφευς*, διδούς, из **διδοуς* (в обоих случаях с *у* из первоначального *ncs*). В причастиях с основами тематического спряжения в именительном ед. ч. мужского рода находим окончание *ου*; происхождение этого *ου* не ясно. И. е. имена с производными основами на *r* и *n* перешли в греч. язык с конечными *r* и *n*, причем эти *r* и *n* в конце слова в греч. фонетически сохранялись: πατήρ, τέχτων, ποιμήν. Индоевропейские имена с производными основами женского рода, не получившие падежного суффикса в именительном ед. ч. в о. и е. языке сохранили то же образование и в греч. языке, поскольку они оставались именами женского рода, например χώρα, τιμή, между тем как в греч. именах мужского рода с такими основами в именительном ед. ч. после конечной гласной основы являлось новообразование *s* под влиянием формы именительного ед. ч. в других именах мужского рода: πολίτης, γεωvίας. Такие гомеровские образования, как ἵππoτα, представляют, по-видимому, по происхождению форму звательную, которая получила значение формы именительного падежа. Греч. имена на о. греч. ια в именительном ед. ч., как γεvέταιρα, πότνια, восходят, как я говорил, к и. е. именам с основами женского рода на диалектич. индоевропейское *īa* вместо *ī* (из *īa*) других диалектов.

Латинский язык. Индоевропейское *s* в окончании формы именительного ед. ч. несреднего рода в положении после гласной и согласной неплавной в лат. языке фонетически сохранялось: *equos, filios, ignis, senatus, dies* (сравн. др. инд. *dyaus*), *vōx* (др. инд. *vāk*), *ferens* (где конечное *s* из *cs* через посредство *ss*). В положении после согласной плавной *s* в лат. языке уподоблялось предшествовавшей плавной — *sal* — греч. ἄλς. В именительном ед. ч. имен с основами на лат. *o, i* из и. е. *ā^o, ī* после *r*, оканчивавшемся на некогда существовавшие *-ros, -ris*, краткая гласная после *r*, из и. е. *r*, перед конечным *s* в лат. языке фонетически исчезала; при этом в тех именах, где такому *r* предшествовала согласная, между согласною и *r* раз-

вивалось *e*: *ager*, из **agros*; *vir*, из **viros*. Что касается таких случаев, как *numerus*, то здесь *r* не есть и. е. *r*, а из и. е. *s* с его фонетическим изменением в лат. языке в *r* между гласными. Имена с и. е. производными основами на *r* в лат. языке сохраняли *r* в окончании именительного ед. ч.: *pater*, *dator*. Имена с и. е. производными основами на *n* в лат. языке являлись без *n* в конце (которое было подвижным еще в о. и. е. языке), как скоро предшествующая гласная была *o*, из и. е. $\bar{a}^o$: *sermo*, *homo*. Что же касается таких образований, как *pecten*, *flamen* (где в именительном ед. ч. являлось *en*), то в этих именах окончание именительного ед. ч. представляет новообразование под влиянием основы в других формах склонения. Имена с и. е. производными основами женского рода на $\bar{a}^a$, не имевшие падежного суффикса в именительном ед. ч. в о. и. е. языке, сохраняли то же образование именительного ед. ч. и в лат. языке, например *equa*, *aqua*; так же и имена мужского рода: *nauta*, хотя из др. лат. языка известно и такое образование, как *paricidas*. Имена с и. е. производными основами на $\bar{a}^e$ после *i* слогового и неслогового, не имевшие падежного суффикса в именительном ед. ч. в о. и. е. языке, в лат. языке получили *s* под влиянием аналогии других имен: *materies*. Что касается и. е. имен с производными основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из *ia*, то в лат. языке такие основы получили известное распространение, при посредстве суффикса *s*, и являлись, следовательно, основами на согласную; поэтому мы здесь находим в именительном ед. ч. *s*: *genetrix*.

Старославянский язык. Индоевропейское *s* в окончании именительного падежа ед. ч. еще в о. слав. языке должно было фонетически отпасть; при этом в именительном падеже имен с основами на и. е. $\bar{a}^o$, о. слав. *o*, из $\bar{a}^o$, в ту эпоху, когда еще сохранялось конечное *s*, изменилось в *й* (т. е. в конечном закрытом слоге), а это *й* далее обратилось в *и* иррациональное, т. е. *ъ*, конечное *s* отпало, и в результате получилось в окончании этой формы о. слав. и ст. слав. *ъ*. Поэтому именительный ед. ч. имен с такими основами совпал в о. слав. языке с именительным ед. ч. имен с основами на и. е. *й*, например *ръбъ*, *влькъ* и *влькъ* (основы на и. е. $\bar{a}^{o/a}$), *сынъ* (основы на *й*). В таких ст. слав. именах, оканчивавшихся в именитель-

ном ед. ч. на *ь* после о. слав. мягкой согласной, как *вождь*, *конь*, *кран* (*н* из о. слав. *jь*), самое *ь* частью тождественно по происхождению с *ь* предыдущих имен, так как *ъ* еще в о. слав. языке после мягких неслоговых звуков изменялось в *ь*; частью же такие имена могут восходить к тем и. е. именам, у которых в именительном ед. ч. окончанием основы было *ǣ*^с в положении после *і* неслогового или слогового, а *е* в таком положении еще в литов.-слав. языке должно было видоизмениться по направлению к *і*. В ст. слав. именах с основами из и. е. основ на *і*, как например *гость*, *кость*, о. слав. *ь* в именительном ед. ч. восходит к и. е. окончанию *īs*. В ст. слав. причастиях (настоящего времени) действительного залога настоящего времени с основами от глагольных основ тематического спряжения именительного ед. ч. мужеского рода оканчивался на *ы* после твердой согласной, например *вьръы*; это *ы* еще в общеславянскую эпоху фонетически получилось из *ōns*, где *s* из *cs*, а *on* из и. е. *ǣ^оn*, причем это *on* в таком положении должно было фонетически измениться далее в *ī*, и в результате являлось *у*, ст. слав. *ы* (см. фонетику). В положении после мягкого неслогового звука сочетание *ōns* в конечном слоге должно было измениться в о. слав. языке в *īēs*, *īē*, откуда в ст. слав. получилось *а*: *дѣлаа* (см. фонетику). В именительном ед. ч. причастий настоящего времени глаголов класса „горѣти“, „хвалити“ мы находим в ст. слав. окончание *а* из о. слав. *ę* после согласной, не имевшей полного смягчения: *горѣа*, *хвалаа*; о том, как именно произошло здесь *а*, я говорить не буду и замечу только, что и эти образования должны восходить к форме именительного ед. ч. и. е. причастий настоящего времени, образованных от основ тематического спряжения, с и. е. окончанием *cs* из первоначального *ts*. И. е. имена с производными основами на *r*, не получившими в именительном ед. ч. окончания *s*, являются в ст. слав. языке с окончанием *и* в именах: *мати* и *дѣшти*, где *и* восходит к и. е. *ǣ^с* с литов.-слав. прерывистой долготой, а конечное *r* в таких именах еще в о. и. е. языке было подвижным. И. е. имена с производными основами на *n*, также не имевшие в о. и. е. языке в именительном ед. ч. суффикса *s*, в ст. слав. языке оканчивались в именительном ед. ч. на *ы*: *камъы*, *пламъы*. Из о. и. е. языка было получено в окончании формы именитель-

ного ед. ч. этих имен $\bar{a}^o n$, при $\bar{a}^o$, но ст. слав. $\bar{y}$ не могло образоваться фонетически ни из $\bar{a}^o n$, ни из $\bar{a}^o$, и я думаю, что это ст. слав. окончание было получено именно так, что в о. слав. языке к форме именительного ед. ч. на $\bar{u} n$, из и. е. $\bar{a}^o n$, литов.-слав. $\bar{o} n$ (а литов.-слав. $\bar{o}$ имело здесь прерывистую долготу и потому должно было измениться в о. слав. языке в $\bar{u}$, а не в $\bar{a}$), приставлено было s под влиянием аналогии всех других имен мужеского рода, а из конечного $\bar{u} n s$ через посредство $\bar{u} s$ в результате и должно было фонетически получиться о. слав. $\bar{y}$, ст. слав. $\bar{y}$. И. е. имена с основами женского рода на $\bar{a}^a$, не имевшие в о. и. е. языке в именительном ед. ч. падежного суффикса, сохранили то же образование именительного ед. ч. и в ст. слав. языке: $\bar{r} y k l$, $\bar{z} e m l i$. Также и имена с и. е. основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i \bar{a}$ не имели в о. и. е. языке, как я говорил, падежного суффикса в именительном ед. ч.; в ст. слав. языке сюда принадлежит, например, $\bar{v} e r \bar{z} h t i$.

Винительный падеж единственного числа несреднего рода

Индоевропейским суффиксом винительного падежа ед. ч. несреднего рода было m неслоговое в положении после слоговых звуков, в положении же после неслоговых звуков, как гласных, так и согласных, этим суффиксом являлось сочетание $\bar{a} + m$.

В именах с основами, оканчивавшимися на дифтонг с долгой слоговой гласной, в винительном ед. ч. в о. и. е. языке являлось как образование с неслоговым m (причем неслоговая часть дифтонга фонетически исчезала), так и с сочетанием $\bar{a} m$, которое приставлялось к неслоговой части дифтонга. В именах общего несреднего рода с основами на $\bar{i}$ и $\bar{u}$ (нестянутые из $i \bar{a}$) в винительном ед. ч. в о. и. е. языке, может быть, являлось, между прочим, и образование с суффиксом m неслоговое, но также известно было во всяком случае и образование на $\bar{a} m$, причем $\bar{i}$ и $\bar{u}$ в окончании таких основ должны были в положениях перед гласною распадаться на $\bar{i}$ одного слога $+ i$ или j другого слога, или $\bar{u}$ одного слога $+ u$ или v другого слога (а при известных условиях происходила утрата i и u в таких сочетаниях).

Древнеиндийский язык. Индоевропейское *m* неслоговое в окончании винительного ед. ч. несреднего рода являлось фонетически в др. инд. языке как *m* неслоговое с известными его изменениями, вызывавшимися фонетическим положением данного слова; например *ācvaṃ* (основа на *ā^o*), *ācvaṃ* (основа на *ā^a*), *agnīm* (основа на *i*), *sūnīm* (основа на *ū*), *devīm* (основа женского рода на *i* стянутое), *gām* (основа на и.е. дифтонг *ā^ou*), *rām* (основа на и.е. дифтонг *ā^oi*, с фонетическим отсутствием *i* в положении перед согласной), при *rāyam*.

Что касается и.е. сочетания *am* после неслоговых звуков в винительном ед. ч., то в др. инд. языке получилось отсюда *ām* (вследствие положения в конце слова): *vācam*, *pitāram*, *bhārantam*, *nāvam*, *dhiyam* (именительный *dhīs* — „мысль“ — основа на *i* общего несреднего рода), *bhuvam* (именительный *bhūs* — „земля“).

Греческий язык. Индоевропейское *m* неслоговое в окончании формы винительного ед. ч. в греч. языке фонетически обратилось в *ν*, например ἴππον, ῥόαν, τιτήν, βάσιν, πῆχυν, гомеровское βῶν (тождественное др. инд. *gām*), гомеровское Ἰῆν тождественное др. инд. *dyām*), πόντιον (сравн. др. инд. *patnīm*).

Из и.е. сочетания *am* в винительном ед. ч. в греч. языке фонетически получилось *ā*: ἄπα (сравн. др. инд. *vācam*), πατέρα (др. инд. *pitaram*), φέρωντα (др. инд. *bharantam*), νῆα (др. инд. *nāvam*).

Латинский язык. Индоевропейское *m* неслоговое в окончании формы винительного падежа ед. ч. сохранялось в лат. языке фонетически как *m*: *equom*, *filiom* (позже *filium*), *aquām* (с сокращением *ā* основы, так как долгие гласные перед конечной носовой еще из пралатинского языка были получены с сокращением), *faciēm*, *materiēm* (с таким же сокращением гласной, как в *aquām*), *vim*, *sitim*, *senatum*, *diem* (др. инд. *dyām*), *rem* (др. инд. *rām*).

Индоевропейское сочетание *am* в окончании винительного ед. ч. в лат. языке является как *ē + m*: *vocem*, *patrem*. Это окончание винительного ед. ч. в лат. языке вытеснило собою и окончание *īm* в именах с основами на *i*; так, например, мы находим в лат. языке форму винительного ед. ч. *ovem*, где из

о.и.е. языка получена была основа на *i*. Окончание *īm* сохранилось лишь в некоторых именах с основами на индоевропейское *i*, например *sitim*, *turrim*.

Старославянский язык. Индоевропейское *m* неслоговое в окончании формы винительного ед. ч. еще в литов.-слав. языке изменилось в *n* вследствие положения в конце слова, а в о. слав. языке оно должно было исчезать в конце слова, причем предшествующая гласная становилась носовой, а далее носовые *u* и *i* теряли свое носовое свойство еще в о. слав. языке и переходили в неносовые *u* и *i*, откуда и в ст. слав. языке *u* и *i*; например *ракъ*, *влькъ*, *влькъ*, где конечное *ъ* восходит к о. слав. *u* из *u*, а последнее из *u*, которое в свою очередь из *on*, между тем как в винительном ед. ч. *снѣ* это *u* в о. слав. языке из *un*, *u*, и.е. *īm*. Что касается таких ст. слав. имен, как *конь*, *вождь*, *кран*, то сказанное относительно гласной конечного слога в именительном ед. ч. таких имен применяется и к форме винительного падежа ед. ч. с тем только отличием, что здесь из о.и.е. языка была получена в конце носовая согласная. В таких ст. слав. именах, как *кость*, *гость*, *пять*, конечное *ъ* в винительном ед. ч. из того о. слав. *u*, которое образовалось из и.е. *īm* через посредство *in*, *i*.

В ст. слав. именах с основами из и.е. производных основ на *ā^a* окончание винительного ед. ч. является в виде *ъ* из и.е. *ām* через посредство о. слав. *ān*, *on* (с сокращением долгой гласной в таком сочетании), *o*: *рыкъ*, *владыкъ*. В ст. слав. именах с основами из и.е. основ женского рода на *i* стянутое из *iā* винительный ед. ч. имел новообразование по аналогии имен с основами на и.е. *ā^a* после о. слав. мягких неслоговых звуков: *всрѣштѣ* (а в др. инд. находим форму от основы на *i*).

Индоевропейское сочетание *am* в окончании винительного падежа еще в о. слав. являлось фонетически измененным в *e*, вследствие положения в конце слова, отсюда и ст. слав. *e*, например, в винительном *матерѣ*, хотя была и форма винительного *матерь*, *камьнь*, образованная по аналогии имен с основами на первоначальное *i*. Доказательством того, что *матерѣ* с значением винительного падежа было формою действительно винительного; а не родительного падежа со значением винительного, служат такие сочетания, как *снѣ матерѣ*. Такого же происхождения ст.

слав. с в винительном ед. ч. имел женский род с основами на индоевропейское *ī*, распадавшееся перед гласною на *ī + u* или *ī + v*, например в винительном: *свєкръвє*, *любъвє*, причем и здесь принадлежность такого образования старой форме винительного падежа (не родительного с значением винительного) засвидетельствована такими сочетаниями, как *свєкръвє своѣмъ*.

В ст. слав. причастиях действительного залога мужеского рода и в сравнительной степени прилагательных мужеского рода с основами на согласную в винительном ед. ч., как и в других падежных формах, за исключением именительного ед. ч. и именительного мн. ч., старые основы на согласную еще в литов.-слав. языке были распространены по аналогии основ на и.е. *ā^{o/e}* после мягких звуков. В этих именах мы находим поэтому в ст. слав. языке в винительном ед. ч. такие образования, как *веръштъ*, где *ь* объясняется так же, как и в винительном *кѡнѣ*.

Индоевропейский именительный-винительный падеж единственного числа среднего рода

В именах с производными основами на *ā^{o/e}* эта форма оканчивалась в о.и.е. языке на *m*, т. е. падежным суффиксом было *m* неслоговое, как и в винительном ед. ч. имен несреднего рода, во всех же прочих именах среднего рода форма именительного-винительного ед. ч. среднего рода в о.и.е. языке не получала никакого падежного суффикса, т. е. представляла собою основу склоняемого имени.

Древнеиндийский язык. В именительном-винительном ед. ч. среднего рода имен с производными основами на *ā^{o/e}* конечное *m* являлось и в др. инд. языке как *m̐* с теми же его фонетическими изменениями, как и винительный ед. ч. несреднего рода: *yugam* — „йго, ярмо“.

Именительный-винительный ед. ч. среднего рода в именах с другими основами, представлявших в о.и.е. языке в этой форме основу склоняемого имени без падежного суффикса, сохранял то же образование и в др. инд. языке: *vāri* — „вода“, *mādhu* — „мед“, *nāma* — „имя“ (основа на и.е. *n*; др. инд. конечное *a* из и.е. сочетания *ā + n*), *gānas* — „род“ (тождественно греч. γένος), *bharat* — „несущее“ (*at* из и.е. *ānt*), *hṛd* — „сердце“.

Греческий язык. В именительном-винительном среднего рода ед. ч. имен с основами на и.е. $\check{a}^{o/e}$ греч. язык имел форму на γ , например $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$, где греч. γ получилось фонетически из и.е. m конечного.

В именах с другими основами и в греч. языке сохранялось то же образование этой формы (без падежного суффикса), какое существовало в о.и.е. языке: $m\acute{e}\delta\upsilon$ (др. инд. *madhu*), $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (др. инд. *gānas*), $\varphi\acute{\epsilon}\rho\upsilon$ (в конце фонетически отпало τ , и являлся сильный вид основы вместо существовавшего в этой форме в о.и.е. языке слабого вида).

Латинский язык. Именительный-винительный ед. ч. среднего рода имен с основами на $\check{a}^{o/e}$ оканчивался на *om*, откуда фонетически *um*: *jugum*. Лат. имена среднего рода *virus*, *volgus* по происхождению представляют, вероятно, форму именительного-винительного ед. ч. среднего рода от основ на и.е. $\check{a}^{e/o}$. Лат. *pelagus* заимствовано из греч. $\pi\acute{\epsilon}\lambda\alpha\gamma\omicron\varsigma$.

В именах с другими основами в лат. языке сохранялось то же образование этой формы без падежного суффикса, какое существовало и в о.и.е. языке: *genus*, *nomen*, *cor* (фонетически из $*cord$), *mare* (конечное e из i). Что касается имен среднего рода с основами на индоевропейское $\check{y}$, то в лат. языке мы находим здесь $\check{y}$: *cornū*. Как произошла долгота конечной гласной в этой форме, не совсем ясно; может быть, это $\check{y}$ образовалось из соединения $\check{y}$ в окончании основы с гласной $\acute{e}$, из i , по аналогии именительного-винительного таких имен, как *marē*. В прилагательных именах с основами на взрывные согласные в значении именительного-винительного ед. ч. среднего рода употреблялась в лат. языке форма именительного ед. ч. среднего рода, например *audax*.

Старославянский язык. В именительном-винительном падеже ед. ч. среднего рода имен с и.е. производными основами на $\check{a}^{o/e}$ мы находим здесь окончание $\diamond$, например мѣтѣ . Это окончание не могло получиться фонетически из и.е. $\check{a}^om$, так как из $\check{a}^om$ в таком положении мы ждали бы фонетически ѣ , и $\diamond$ объясняется, я думаю, как новообразование под влиянием соответствующей местоименной формы, например тѣ , где еще в литов.-слав. языке отпала конечная зубная из и.е. d (и.е. $t\check{a}^od$).

Именительный-винительный ед. ч. среднего рода имен с

другими основами, представлявших в о.и.е. языке в этой форме основу склоняемого имени, сохранил по большей части такое же образование и в ст. слав. языке, например *има*. В именительном-винительном ед. ч. среднего рода имен с производными основами на и.е. $\check{a}^o s$, чередовавшееся с $\check{a}^e s$, в которых эта форма оканчивалась в о.и.е. языке на $\check{a}^o s$ (сравн., например, греч. $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, $\nu\acute{\epsilon}\varphi\omicron\varsigma$), в ст. слав. языке мы находим *о*, например *слово*, *иско*, между тем как при фонетическом изменении и.е. формы надо бы ждать здесь не *о*, а *ъ*; это *о* явилось под влиянием аналогии прежде всего таких имен, как *мѣсто*, *дѣло*, где в свою очередь это окончание, как замечено, было вызвано аналогией формы именительного-винительного ед. ч. среднего рода в местоименном склонении. В причастиях неопределенных действительного залога в ст. слав. языке в именительном-винительном ед. ч. среднего рода употреблялась форма по происхождению именительного ед. ч. мужеского рода, например *иссы*, *несъ*.

Индоевропейский родительный-отложительный единственного числа

В индоевропейских именах с производными основами, за исключением имен с основами на $\check{a}^o$, чередовавшимися с $\check{a}^e$, и.е. язык в эпоху его распада, по крайней мере в большинстве диалектов, если не во всех, имел общую форму в единственном числе для родительного и отложительного падежей. Суффиксом этой формы в таких именах было $\check{a}^o s$ и $\check{a}^e s$. Различие между тем и другим видом этого суффикса в о.и.е. языке обуславливалось, по крайней мере по происхождению, причиной фонетической, именно — различием в том отношении, являлся ли этот суффикс под ударением или без ударения, хотя, может быть, в эпоху распада о.и.е. языка оба вида этого суффикса влияли один на другой. Кроме того, в некоторых именах суффикс родительного-отложительного ед. ч. являлся и в слабом виде — как одно *s* (с утратой гласной перед *s*).

В именах с производными основами на *і* и *й* суффиксы $\check{a}^o s$ и $\check{a}^e s$ приставлялись в о.и.е. языке к *і* и *й* в окончании основы, но, кроме того, эти имена могли иметь в окончании основы формы родительного-отложительного падежа дифтонги *ai* и *ai*,

чередовавшиеся с $\dot{\imath}$ и $\dot{\jmath}$, и в этом случае падежным суффиксом было одно s , т. е. форма оканчивалась на $a\dot{\imath}s$ и $a\dot{\jmath}s$, где $\dot{\jmath}$ было $\dot{\jmath}^o$ и частью $\dot{\jmath}^e$. Может быть, в тех же именах было известно в о.и.е. языке в родительном-отложительном падеже и такое образование, в котором к основе на дифтонг приставлялось $\dot{\jmath}^os$, причем $\dot{\imath}$ и $\dot{\jmath}$ в окончании дифтонга должны были отделяться в слоговом отношении от предшествующей гласной. В именах с производными основами женского рода на $\dot{\imath}$ стянутое из $i\dot{\jmath}$ форма родительного-отложительного ед. ч. оканчивалась на $i\dot{\jmath}^as$ и частью $i\dot{\jmath}^as$, где $\dot{\jmath}^a$ получилось из соединения $\dot{\jmath}^a$ в окончании основы с $\dot{\jmath}^o$ или $\dot{\jmath}^e$ суффикса родительного-отложительного падежа; следовательно, в этой форме окончание таких и.е. основ являлось без стяжения и представляло сильный звуковой вид. Подобным образом и в именах с производными основами женского рода на $\dot{\imath}$ стянутое из $i\dot{\jmath}$ родительный-отложительный ед. ч., надо думать, оканчивался на $i\dot{\jmath}^as$ и $\dot{\jmath}\dot{\jmath}^as$, причем самая основа имела в окончании $\dot{\jmath}^a$ и представляла сильный звуковой вид по отношению к тому виду, в котором в окончании основы являлось i стянутое из $i\dot{\jmath}$.

В именах с производными основами женского рода на $\dot{\jmath}^a$ в родительном-отложительном в о. и. е. языке существовало, по-видимому, двоякое образование формы: 1) на $\dot{\jmath}^a\dot{\jmath}^as$, где падежный суффикс $\dot{\jmath}^os/\dot{\jmath}^es$ соединился с конечной долгой гласной основы, которая в этой форме оканчивалась в о.и.е. языке на $\dot{\jmath}^a\dot{\jmath}^a$ и представляла, следовательно, по происхождению более сильный звуковой вид, чем, например, в именительном ед. ч. (а и.е. $\dot{\jmath}^a$ в окончании основы в этой последней форме могло получиться из дифтонга $\dot{\jmath}^a\dot{\imath}$, а это $\dot{\jmath}^a\dot{\imath}$ в свою очередь из $\dot{\jmath}^a + \dot{\imath}$, где $\dot{\imath}$ из $\dot{\imath} + \dot{\jmath}$); и 2), может быть, также на $\dot{\jmath}^as$, где $\dot{\jmath}^a$ получалось из стяжения $\dot{\jmath}^a$ в окончании основы на $\dot{\jmath}^a + \dot{\jmath}^o$ или $\dot{\jmath}^e$ падежного суффикса $\dot{\jmath}s$. Последнее образование формы родительного-отложительного имен с основами на $\dot{\jmath}^a$ можно было бы выводить для о.и.е. языка только на основании греч. языка, хотя представляется вопрос, не допускают ли и греч. образования другого объяснения, именно из о.и.е. формы на $\dot{\jmath}^a\dot{\jmath}^as$.

Относительно имен с диалектическими производными основами на $\dot{\jmath}^e$ после $\dot{\imath}$ и $\dot{\jmath}$ я не определяю, имели ли они форму родительного-отложительного падежа на $\dot{\jmath}^es$ или на $\dot{\jmath}^e\dot{\jmath}^as$.

Древнеиндийский язык. Индоевропейские $\check{a}^e s$ и $\check{a}^o s$ в суффиксе родительного-отложительного падежа ед. ч. в др. инд. языке должны были совпасть фонетически в одном суффиксе $\check{a} s$: *vācās*, *gānasas*, *dhīyas* (при именительном *dhīs* — „мысль“), *bhūvas* (при именительном *bhūs* — „земля“), ведийское *nadyās*, читается обыкновенно *nadīas* (именительный ед. ч. *na-dīs* — „река“), ведийское *tanvās*, читается обыкновенно *tanūas* (именительный ед. ч. *tanūs* — „тело“). В санскритском наречии имена женского рода с и.е. производными основами несреднего рода на $\check{i}$ и $\check{u}$ получали в родительном-отложительном падеже ед. ч. формы на $-yās$ и на $-vās$, например *nadyās*, *tanvās*, по аналогии имен с и.е. производными основами женского рода на $\check{i}$, $\check{u}$, из $iā$, $uā$.

В именах с производными основами на r форма родительного-отложительного падежа оканчивалась в др. инд. языке на *ur*: *pitūr* (именительный *pitā*). Это *ur* образовалось из и.е. сочетания $\check{a} r s$, где, следовательно, основа представляла в окончании слабый вид и где падежный суффикс заключал только одно s , хотя надо заметить, что в о.и.е. языке существовало в тех же именах и другое образование этой формы, в котором падежный суффикс являлся в виде $\check{a}^o s$. Последнее образование известно, например, из греч. языка: *πατήρ*.

В именах несреднего рода с и.е. производными основами на $\check{i}$ и $\check{u}$ форма родительного-отложительного ед. ч. в санскритском наречии оканчивалась на *es* в именах с основами на $\check{i}$ и на *os* в именах с основами на $\check{u}$; эти *es* и *os* восходят к и.е. $\check{a} i s$ и $\check{a} u s$. Например, основа $-agnī$ (именительный ед. ч. *agnīs* — „огонь“) — родительный-отложительный *agnēs*; основа $\check{c}ātru$ (именительный ед. ч. *\check{c}ātrus* — „враг“) — родительный-отложительный *\check{c}ātros*; основа *sūnū* (именительный *sūnūs* — „сын“) — родительный-отложительный *ūsnoś*. В именах среднего рода с такими основами мы находим в санскритском наречии формы родительного-отложительного ед. ч. на *inas* и *unas*, где n , очевидно, перенесено из других падежей, хотя в точности происхождение его в др. инд. остается неясным, например основа *vāri* (именительный *vāri* — „вода“) — родительный-отложительный *vāriṇas*, основа *mādhu* (именительный *mādhu* — „мед“) — родительный-отложительный *mādhunas*. В ведийском наречии в таких именах

известно было и другое образование формы родительного-отложительного. В именах с и.е. производными основами женского рода на диалектич. *ī* стянутое в именительном ед. ч., имевших форму родительного-отложительного на *īā^s* и частью *īā^s*, в др. инд. сохранялось то же образование: *devyās* (в Ведах читается иногда *-iās*), при именительном *devī* — „богиня“. В именах с и.е. производными основами на *ā^a* родительный-отложительный ед. ч. в др. инд. языке оканчивался на *āyās*, из и.е. *ā^aīā^s*. Например, от основы *sēnā* — „войско“ родительный-отложительный — *sēnāyās*, *ācṣvā* — „кобыла“ — *ācṣvāyās*.

Греческий язык. Из двух видов и.е. суффикса родительного-отложительного *ā^es* и *ā^os* греч. язык получил только суффикс *ā^os*, т. е. греч. *ος*: *πόδος*, *ὀπός*, *πατρός* (в др. инд. языке было получено в таких именах иное образование этой формы), *ἰχθύος*, из **īchthūsos*, при именительном *ἰχθύς*, *κίος*, из **kījos*, при именительном *κίς*.

В именах с и.е. производными основами на *ī* греч. язык в родительном-отложительном имел, во-первых, форму на *īos* — *πόλιος* (из индоевропейского *īā^os*), а кроме того, в аттич. наречии мы находим формы на *εος* и на *εως*: *φύσεος*, *πόλεως*. Что касается формы последнего образования, то *εω* получилось здесь вследствие перестановки количества гласных из *ηρ*, а *ηρ* представляло известное новообразование: *η* было перенесено сюда, как мы увидим далее, из местного падежа единственного числа; что же касается формы на аттич. *εος*, то и она должна быть новообразованием, потому что если бы она восходила к *ο* греч. форме на *εος*, из **ejos*, то в аттич. диалекте надо бы ждать стяжения гласных.

В и.е. именах с производными основами на *ī* в греч. языке мы находим форму на *εος*, из **ejos*, а также в аттич. диалекте и на *εως*: *πύχως*. Первая из них восходит к форме на *ερος*, и такое образование могло бы быть и.е. образованием, т. е. здесь суффикс является приставленным к основе на дифтонг. Что же касается формы на *εως*, то она представляет, надо думать, новообразование под влиянием таких форм, как *πόλεως*. В именах с и.е. производными основами женского рода на диалектич. *ī* стянутое из *īā* и на диалектическое *īā* в именительном ед. ч., имевших форму родительного-отложительного на *īā^s*,

в греч. языке сохранилось то же образование: $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$, $\psi\epsilon\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$, из * $\psi\epsilon\rho\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (η диалектическое). В греч. именах женского рода с основами на и.е. $\bar{a}^a$ мы находим в родительном-отложительном форму на о. греч. $\bar{\alpha}\varsigma$: $\chi\acute{o}\rho\bar{\alpha}\varsigma$, $\tau\iota\mu\bar{\iota}\varsigma$. Эта форма, может быть, восходит к и.е. образованию родительного-отложительного на $\bar{a}^a s$, а не $\bar{a}^a i\bar{a}^a s$, потому что, хотя и из и.е. $\bar{a}^a i\bar{a}^a s$ фонетически получилось бы в о. греч. языке окончание $\bar{\alpha}\varsigma$, но при этом по поводу таких случаев, как $\chi\acute{o}\rho\alpha\varsigma$ (почему $\chi\acute{o}\rho\alpha\varsigma$, не $\chi\omega\rho\bar{\alpha}\varsigma$), представлялся бы вопрос относительно времени возникновения в о. греч. языке нового закона ударения слов. Такое образование родительного-отложительного ед. ч. в именах с основами на и.е. $\bar{a}^a$ греч. язык сохранил лишь в именах женского рода. Что же касается греч. имен мужского рода с такими основами, то они получили новообразование по аналогии имен мужского рода с основами на o из и.е. $\bar{a}^o$, например $\Lambda\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\delta\bar{\alpha}\varsigma$ образовано по аналогии $\acute{\iota}\pi\pi\omega$. Аттическая форма родительного-отложительного на ω , например $\pi\acute{o}\lambda\iota\tau\omega$, представляет более позднее новообразование, по аналогии с $\acute{\iota}\pi\pi\omega$, т. е. аттич. ω в $\pi\acute{o}\lambda\iota\tau\omega$ явилось тогда, когда из oo в $\acute{\iota}\pi\pi\omega$ образовалось $\bar{o}$ закрытое, откуда далее ω .

Латинский язык. В лат. языке форма родительного-отложительного ед. ч. употреблялась только как форма родительного падежа, между тем как для отложительного падежа лат. язык имел другое образование. И.е. падежный суффикс $\bar{a}^o s$ мы находим в др. лат. языке в виде os , откуда us в таких образованиях родительного падежа, как *honorus*, *senatus*. И.е. падежный суффикс $\bar{a}^e s$ является в лат. языке в виде is , где $\bar{i}$ из $\bar{e}$, например *nominis*; при этом надо заметить, что в лат. языке и те имена, которые были получены с и.е. производными основами на $\bar{i}$, смешивались в склонении с именами, основы которых оканчивались в и.е. языке на согласную, и потому имели в родительном ед. ч. в лат. языке образование на is , например *ovis*, т. е. лат. is было перенесено из имен с основами на согласную и в имена с основами на индоевропейское $\bar{i}$. Что касается имен с основами на $\bar{y}$, то в лат. языке мы находим здесь образования на uos , uis и $\bar{u}s$: *senatuos*, *senatuis*, *senatūs*. Формы на uos и uis могли бы восходить к и.е. образованиям на $u\bar{a}^o s$ и $u\bar{a}^e s$, хотя эти uos и uis могли получиться

и иначе, так как и формы с основой на дифтонг и с падежным суффиксом и.е. $\check{a}^o s$, $\check{a}^e s$ обратились бы также в лат. языке в формы на *uos*, *uis*. Что касается $\check{u} s$, то это образование восходит к и.е. $\check{a}^o u s$, т. е. лат. форма родительного падежа на $\check{u} s$ тождественна с др. инд. формой на $\check{o} s$ и ст. слав. на ou в именах с основами на индоевропейское $\check{y}$. В именах с и.е. основами на $\check{a}^a$ лат. язык в родительном ед. ч. имел некогда форму на $\check{a} s$, например *fortunās*; такое образование сохранилось впоследствии в *familias*, в *pater familias*. Эта форма на $\check{a} s$ может быть тождественна как с греч. формой на $\check{a} s$, так и с др. инд. формой на $\check{a} u \check{a} s$. Образование формы родительного падежа на $\check{a} s$ было вытеснено в этих именах в лат. языке новообразованием на $\check{a} \check{i}$, откуда дифтонг *ai* и далее *ae*; эта форма на *ai*, откуда *ae*, представляет новообразование под влиянием формы родительного ед. ч. имен с основами на и.е. $\check{a}^o$, чередовавшееся с $\check{a}^e$, т. е. под влиянием таких форм, как *equī*.

В лат. именах с и.е. производными основами на диалектич. $\check{a}^e$ после *i* или $\check{i}$ лат. язык имел в родительном падеже ед. ч. форму на $\check{e} s$: *rabiēs*, где $\check{e} s$ может восходить к и.е. $\check{a}^e s$, хотя могло бы также восходить и к и.е. образованию на $\check{a}^e \check{i} \check{a}^a s$. В то время, когда в лат. языке в именах с и.е. производными основами на $\check{a}^a$ старое образование формы родительного ед. ч. на $\check{a} s$ заменилось образованием на $\check{a} \check{i}$, тогда и в именах с основами на $\check{a}^e$ после *i* или $\check{i}$ получилось новообразование на $\check{e} \check{i}$, а из $\check{e} \check{i}$ через посредство *ei* являлось $\check{i}$: *faciī*; окончание *ei*, существовавшее впоследствии в таких именах, например в *faciei*, было новообразованием. Кроме того, известны были здесь и формы на $\check{e}$: *faciē*. По аналогии с такими именами, как *facies*, где, как мы видели, форма родительного *faciēs* заменилась новообразованием *faciei*, форма родительного падежа при именительном $\check{r} \check{e} s$ получила такое же новообразование и заменилась формою *rei*, между тем как некогда лат. язык должен был иметь в родительном ед. ч. существительного $\check{r} \check{e} s$ (др. инд. $\check{r} \check{a} s$, и.е. $\check{r} \check{a}^e s$, из $\check{r} \check{a}^e \check{i} s$) форму $\check{r} \check{e} s$, из и.е. $\check{r} \check{a}^e \check{j} \check{a}^e s$ или $\check{r} \check{a}^e \check{j} \check{a}^o s$ (сравн. др. инд. $\check{r} \check{a} y a s$), с фонетической утратой *j* между гласными. Точно так же и в существительном *dies* (др. инд. $\check{d} y a u s$, греч. Zeús) форма родительного ед. ч. представляет новообразование *diei* под влиянием таких имен, как *facies*, а в др. лат. языке

под влиянием таких образований родительного падежа, как *faciēs*, и *dies* имело в родительном *dies*.

Старославянский язык. Индоевропейский суффикс родительного-отложительного ед. ч. $\check{a}^o s$ и $\check{a}^e s$ в ст. слав. языке сохранялся только в одном из этих видов, именно в виде $\check{a}^e s$, откуда ст. слав. *с: матере, дьне, любѣхъ*. При таких образованиях на *е* ст. слав. язык имел в этих именах в родительном-отложительном ед. ч. новообразование на *и*, например *матери*, под влиянием формы родительного ед. ч. имен с основами на *й*. Что касается имен с основами на индоевропейское *ī*, то в родительном-отложительном этих имен ст. слав. язык имел форму на *и*, где ст. слав. *и* указывает на о. слав. *ī*, которое произошло здесь из дифтонга, т. е. эта форма тождественна с др. инд. формой на $\bar{e}s$ из и. е. формы на $\check{a}^o i s$ или $\check{a}^e i s$, например родительный *пѣти*, *костн*.

В именах с основами на индоевропейское *ī* ст. слав. язык имел в родительном-отложительном ед. ч. форму на *у*, т. е. на о. слав. *ī* из дифтонга *оу*, например *сыноу*; эта форма тождественна, значит, с др. инд. формой на *os*. Надо заметить, что в именах с и. е. основами на *й* в форме родительного ед. ч. было известно в ст. слав. языке и новообразование по аналогии имен с основами на и. е. $\check{a}^{o/e}$, например вместо *сыноу* являлось *сына*. Влияние на эти имена со стороны имен с основами на $\check{a}^{o/e}$ объясняется тем, что славянских имен с основами на индоевропейское *ī* было очень немного и что в именительном ед. ч. те и другие имена в ст. слав. и еще в о. слав. языке одинаково получили форму на *ѣ*, хотя это *ѣ* в тех и других именах имело, как мы видели, различное происхождение.

В ст. слав. именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^a$ еще в о. слав. языке получилось в форме родительного-отложительного падежа новообразование под влиянием известной аналогии именно на *ѣ* в положении после твердой согласной и на *ѣ* носовое (*īē* носовое одного слога) после мягкого неслогового звука, и отсюда в ст. слав. *ѣ* после твердых и *а*, т. е. *е*, после мягких согласных, так как в ст. слав. языке о. слав. *ѣ* носовое (*īē*) и *е* совпали в один звук *е* (*а*). Например, ст. слав. *ръѣгы, зѣмля*.

О происхождении этого новообразования я буду говорить впоследствии, а пока замечу, что причиной, по которой еще

в о. слав. языке в именах с такими основами полученное образование формы родительного-отложительного ед. ч. не сохранилось, было то обстоятельство, что эта форма в о. слав. языке должна была совпасть в окончании с формой именительного ед. ч. тех же имен, т. е. при фонетическом изменении в родительном-отложительном также должна была получиться форма на *ā*, так как конечное *s* отпадало в о. слав. языке.

Старославянские имена с и. е. основами на *ī* стянутое из *ia* в именительном ед. ч. представляли в родительном-отложительном ед. ч. такое же новообразование, как и имена с основами на и. е. *ā^a* после о. слав. мягкого неслогового звука, т. е. и здесь форма родительного-отложительного оканчивалась в о. слав. на *iē* носовое, откуда в ст. слав. м: милостынн — родительный-отложительный милостыня, берѣштн — берѣшта.

Индоевропейский родительный падеж единственного числа имен с производными основами на *ā^o/ā^e*

В именах с такими основами о.и.е. язык во всех его диалектах имел форму родительного падежа ед. ч., отличающуюся по образованию от формы отложительного падежа. В эпоху распада о.и.е. языка существовали два образования формы родительного ед. ч. в именах с такими основами: 1) образование с падежным суффиксом *sīā^o* и 2) образование с падежным суффиксом *iā^o*. Первое образование являлось также и в местоименном склонении и, можно думать, по происхождению принадлежало именно склонению местоимений (мужеского и среднего рода); другое же образование, на *iā^o*, существовало исключительно в именном склонении.

Древнеиндийский язык. В др. инд. языке в родительном ед. ч. имена с такими основами сохранили только первое образование формы родительного падежа ед. ч., т. е. имели форму на *syā*: основа *aṣvā* — *aṣvasya*, *yugā* — *yugasya*.

Греческий язык. В греч. языке это же образование формы родительного ед. ч. можно видеть в гомеровских формах на *οιο*: ἵπποιο, так как *s* между гласными должно было фонетически исчезнуть. Что же касается формы родительного ед. ч. в таких именах в греч. языке на о. греч. сочетание *οο*,

откуда ионич. и аттич. *oo*, дорич. *ω*: ὥπποω, ἥππω, то эту форму надо отделять по происхождению от формы на *oio*, и во всяком случае здесь нельзя видеть и.е. форму на *siā°* или *sjā°*; я вывожу эту греч. форму на *oo* из и.е. формы на *ǵ°iā*, т. е. с падежным суффиксом *iā°*. Обыкновенно греч. форму на *oo* не отделяют по происхождению от формы на *oio* и выводят из формы на *osio*, но из *osio* нельзя ждать фонетически о. греч. *oo*.

Старославянский язык. В ст. слав. языке то же образование с и.е. падежным суффиксом *iā°* является в форме родительного ед. ч. на а: *рѧа*. Этому ст. слав. а из о. слав. *ā* соответствует литов. *ō* (например, *vīlko* — „волка“), а о. слав. *ā* и литов. *ō* восходят к литов.-слав. *ā°*, которое получилось здесь из соединения двух *ǵ°*, между которыми фонетически исчезло индоевропейское *i*.

Латинский язык. В лат. языке образование формы родительного ед. ч. также с и.е. падежным суффиксом *iā°*, но с окончанием основы на и.е. *ǵ°*, не *ǵ°*, я вижу в форме на *i*: *equī*. Относительно этого *i* надо заметить, что оно получилось здесь не из дифтонга *ei*, как об этом свидетельствует древняя надпись „*Senatus-consultum de Bacchanalibus*“, где дифтонг *ei* и *i* еще различаются; с другой стороны, это лат. *i* в родительном ед. ч. *equī* нельзя возводить и к и.е. *i*, так как из индоевропейского *i* в открытом конце слова мы ждали бы в лат. языке *ī*, а не *i*, и на основании этого я думаю, что это лат. *i* могло явиться лишь вследствие стяжения двух гласных, т. е. из *i* + *ē*. Гласная *i* в этом *iē* получилась из более древнего *ē*, которое при положении в открытом слоге без старого ударения изменилась в *i*, а конечное *ē* в этом *ie* восходит фонетически к более древнему *ō* из и.е. *ǵ°* в открытом конце слова, так что это *ie* можно выводить из *ēiō*, т. е. из индоевр. *ǵ°iā°* с фонетическим исчезновением *i* в положении между гласными. При таком объяснении этой лат. формы только один пункт может еще требовать дальнейшего исследования, именно — определение тех условий, при которых *ie* подвергалось стяжению в *i* в лат. языке. Почему мы находим *ie* нестянутое в таких случаях, как *societas* и т. п.? Может быть, стяжение *ie* в *i* обуславливалось положением такого *ie* в конце слова.

Индоевропейский отложительный падеж имен с производными основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$

Отложительный падеж ед. ч. оканчивался в таких именах в о.и.е. языке на $\check{a}^o d$, где $\check{a}^o$ получалось из $\check{a}^o$ окончания основы + a неизвестного качества и количества суффикса отложительного падежа ед. ч. При образовании на $\check{a}^o d$ было известно некогда в о.и.е. языке и образование на $\check{a}^e d$, где в состав окончания вошло $\check{a}^e$ окончания основы, но в эпоху распада о.и.е. языка это образование, по-видимому, не употреблялось в значении падежной формы, хотя продолжало сохраняться в некоторых наречиях (*adverbia*).

Древнеиндийский язык. В др. инд. языке здесь мы находим форму на $\check{a}d$, например *açvād*, *yugād*.

Латинский язык. В лат. языке находим форму на др. лат. $\bar{o}d$, откуда $\bar{o}$, например *equōd*, *equō*; это $\bar{o}d$ из и.е. $\check{a}^o d$.

Латинские наречия на др. лат. $\bar{e}d$, откуда $\bar{e}$, например *facilumēd*, имеют $\bar{e}d$ из и.е. $\check{a}^e d$.

Греческий и старославянский языки. В греч. и ст. слав. языках и.е. образование отложительного падежа ед. ч. имен с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ не сохранилось, и значение отложительного ед. ч. в таких именах здесь соединилось с формой родительного падежа ед. ч. В греч. языке в диалектических наречиях на ω , например в дорич. $\alpha\upsilon\tau\omega$ в значении $\alpha\upsilon\tau\omega\delta\epsilon\upsilon$, можно видеть по происхождению форму отложительного падежа. Что же касается греч. наречий на $\omega\varsigma$, то здесь ς нельзя возводить к и.е. d .

В языках древнеиранском и древнеиталийских, в том числе и в латинском языке, мы находим образование формы отложительного падежа ед. ч., отличавшееся от образования формы родительного ед. ч. не только в именах с и.е. основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$, но также и в именах с другими основами. Может быть, это новообразования, явившиеся в отдельном существовании тех и других языков, но возможно и то, что еще в о.и.е. языке в некоторых диалектах существовала форма отложительного, отличавшаяся от формы родительного падежа ед. ч. не в одних только именах с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$. В лат. языке в именах с и.е. основами на $\check{a}^a$ находим форму отложительного ед. ч. на древнее $\check{a}d$, откуда $\check{a}$, например *praidad*,

praedā. В именах с и.е. основами на *ī* и на согласную лат. язык имел форму отложительного ед. ч. на древнее *īd*, например *coventionīd*, *airīd*, отсюда форма на *ī*, сохранявшаяся впоследствии в некоторых из таких имен (например, *sitī*), между тем как в других она была вытеснена формою на *ē* из и.е. формы местного падежа имен с основами на согласную. В именах с основами на индоевропейское *ī* лат. язык имел форму отложительного ед. ч. и на древнее *ūd*, откуда *ū*, например *senatūd*, *senatū*.

Дательный падеж

Индоевропейским суффиксом дательного падежа ед. ч. было *ai* с *a* недолгим и притом, как указывают некоторые греч. образования, или с *ā^a*, или с *ə*. В именах с производными основами на *ī* и *ī* этот суффикс мог приставляться как к основам, имевшим в конце эти гласные, так и к основам, имевшим в конце дифтонги *a^ei* и *ā^eu*, чередовавшиеся с этими гласными, причем *i* и *u* в окончании дифтонгов перед гласною должны были примыкать в слоговом отношении к следующей гласной и вследствие известных условий переходить в *j* и *v*. В именах с производными основами на *ā^o/ā^e* дательный ед. ч. оканчивался на *ā^oi*, где в состав *ā^o* вошло *ā^o* основы и *a* недолгое падежного окончания. В именах с производными основами на *ā^a* дательный ед. ч. в о.и.е. языке имел, может быть, два образования: 1) на *ā^aiā^ai*—с тем же сильным видом основы, который являлся и в родительном-отложительном ед. ч., и 2), как позволяет думать греч. язык, может быть, на *ā^ai*, которое, если существовало в о.и.е. языке, было образовано от другого вида этих основ, на и.е. *ā^a*. Относительно и.е. имен с диалектическими производными основами на *ā^e* после *i* и *i* я не определяю образование формы дательного ед. ч. В именах с производными основами женского рода на *ī* стянутое из *iā* в именительном ед. ч. форма дательного ед. ч. оканчивалась на *iā^ai* и *iā^ai*, где в состав *ā^a* вошло *ā* в окончании основы и *a* недолгое падежного суффикса *ai*, так что и у этих имен в форме дательного ед. ч. в о.и.е. языке существовал сильный вид окончания основы. Подобным же образом и у имен с производными основами женского рода на *ū* стянутое из

иā в именительном ед. ч. форма дательного ед. ч. оканчивалась на иā^аī и иā^аī с сильным видом окончания основы.

Древнеиндийский язык. В др. инд. языке и.е. дифтонг аī с ā^а или с ə в окончании дательного ед. ч. фонетически обратился в ē: *vācē*, *pitrē*, *śānasē*, *nāvē*, *dhiye*, *bhūve*; ведийск. *nadyē* (читается *nadiē*); в санскритском наречии это образование в именах женского рода от и.е. производных основ несреднего рода на ī было вытеснено образованием на -yai, например *nadyai*, по аналогии имен с и.е. производными основами женского рода на ī стянутое из иā; ведийск. *tanvē* (читается *tanue*); в санскритском это образование в именах женского рода от и.е. производных основ несреднего рода на ā было вытеснено образованием на vai, например *tanvai*, по аналогии имен с и.е. производными основами женского рода на ū из иū. В именах несреднего рода с и.е. производными основами ī и ū в дательном ед. ч. в санскритском наречии мы находим формы на ayē и на avē: *agnāye*, *śātravē*. Эти др. инд. ayē и avē восходят к и.е. ā^аjaī и ā^аvai (т. е. от основ, оканчивавшихся на дифтонги, чередовавшиеся с i и u). В именах среднего рода с основами на индоевропейск. ī и ū в санскритском наречии в дательном ед. ч. существовали формы на ine и une, где n такого же происхождения, как и в родительном-отложительном: *vārīnē*, *mādhunē*. В ведийском наречии эти имена имели и другое образование дательного ед. ч. В именах с и.е. производными основами женского рода на ī стянутое из иā дательный падеж ед. ч. в др. инд. языке сохранил образование, полученное из о.и.е. языка, т. е. оканчивался на yai (в ведийском наречии часто на iai): *dēvī* — *dēvyai*. Подобным образом и в именах с и.е. производными основами женского рода на ū стянутое из иū дательный ед. ч. в др. инд. языке оканчивался на vai (в ведийском наречии — частью на iai) из индоевропейского иā^аī и иū^аī. В именах с и.е. производными основами на ā^а др. инд. язык имел форму дательного ед. ч. на āyai, из и.е. образования на ā^аia^аī: *sēnā* — *sēnāyai*. В именах с и.е. основами на ā^о/ā^о и.е. форма, оканчивавшаяся на ā^оī, в др. инд. языке не сохранилась в таком виде в склонении имен и заменилась формою на āya: основа ācva — ācva^аya; и.е. форма дательного ед. ч. на -ā^оī сохранилась в др. инд. языке

в склонении местоимений мужского и среднего рода, например в форме *kasmai* — „кому“.

Греческий язык. В греч. языке и.е. дательный падеж ед. ч. совпал с и.е. местным ед. ч., причем и.е. образование дательного ед. ч. в греч. языке сохранилось только в именах с производными основами на и.е. $\check{a}^o/\check{a}^e$, с производными основами на $\check{a}^a$ и с производными основами на $\bar{i}$ стянутое из *iā* или на диалектич. *īā*, т. е. вообще в тех формах дательного ед. ч., которые оканчивались на дифтонг с долгой слоговой гласной. Из и.е. формы дательного ед. ч. имен с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ греч. язык имел форму на $\bar{o}\bar{i}$, т. е. на ϕ : $\bar{i}\pi\pi\phi$. В дательном ед. ч. и.е. имен с производными основами женского рода на диалектич. $\bar{i}$ из *iā* и на *īā* в других диалектах из и.е. формы дательного на $\check{i}\check{a}^a\check{i}$ мы находим форму на о. греч. $\check{i}\bar{a}\bar{i}$ (с фонетическими изменениями $\check{i}$): $\gamma\epsilon\upsilon\kappa\epsilon\iota\rho\alpha$, $\varphi\epsilon\rho\acute{o}\sigma\tau\eta$ (из о. греч. $\varphi\epsilon\rho\acute{o}\sigma\tau\eta$ - $\bar{i}\bar{a}\bar{i}$). В дательном ед. ч. имен с и.е. производными основами на $\check{a}^a$ греч. язык имел форму на о. греч. $\bar{a}\bar{i}$: $\chi\acute{o}\rho\alpha$, $\tau\bar{i}\mu\bar{\eta}$, и именно эта греч. форма может указывать на и.е. образование дательного ед. ч. от таких основ с окончанием $\check{a}^a\check{i}$, при $\check{a}^a\check{i}\check{a}^a\check{i}$, хотя должно заметить, что по отношению к этой форме представляется такой же вопрос, как и по отношению к форме родительного-отложительного ед. ч. греч. имен с такими основами.

Из и.е. формы дательного ед. ч. имен с основами на согласную в греч. языке произошли образования инфинитива на $\alpha\bar{i}$, т. е. такие образования, как $\bar{i}\delta\mu\epsilon\upsilon\alpha\bar{i}$, $\delta\acute{o}\mu\epsilon\upsilon\alpha\bar{i}$, и вот это греч. $\alpha\bar{i}$ указывает на то, что в о. и.е. языке суффикс дательного падежа $\check{a}\check{i}$ имел слоговою гласной или $\check{a}^a$, или $\check{a}$.

Латинский язык. В лат. 3-м склонении, где совпали имена с основами на и.е. согласную и на индоевропейское $\bar{i}$, мы находим в дательном ед. ч. образование на др. лат. $ei(\bar{i})$: *patrei* — *patri*, *ovei* — *ovi*. Это $ei(\bar{i})$ в лат. языке само по себе могло бы объясняться в конечном слоге из $\alpha\bar{i}$, т. е. из и.е. $\check{a}^a\check{i}$ или $\check{a}\check{i}$ в дательном ед. ч. имен с основами на и.е. согласную, причем в лат. языке это образование, стало быть, было перенесено и в имена с основами на индоевропейское $\bar{i}$, но следует заметить, что и в языке осков в дательном ед. ч. имен с основами на согласную мы находим форму на ei , а оскское ei не могло бы быть объясняемо фонетически из бо-

лее древнего *ai*. В лат. именах с основами на индоевропейское *й* дательный ед. ч. оканчивался в др. лат. на *ei*: *senatuei*, откуда *senatuī*, и здесь лат. *ei* может быть возводимо к и. е. *ǣ^ai* или *ǣi*, что же касается *и* перед этим *ei*, то оно могло быть не только старым *и*, но и старым *ov*, т. е. эта форма может быть тождественна с др. инд. формой на *avē*, из и. е. *ǣ^evǣ^ai*.

Кроме этой формы, мы находим в лат. языке в тех же именах форму дательного ед. ч. на *ī*, происхождение которой не известно. В дательном ед. ч. имен с и. е. основами на *ǣ^o/ǣ^e* в др. лат. языке известна была форма на *oi*: *populoi*, *romanoi*. Эта форма произошла из и. е. формы на *ǣ^oi*, причем в лат. языке *ō*, из *ǣ^o*, должно было сократиться в дифтонг. Что же касается более поздней лат. формы дательного падежа ед. ч. на *ō*, например *equō*, то это *ō*, не подвергавшееся никогда сокращению в лат. языке, что указывает на его позднейшее происхождение, получилось, может быть, из *ōi*, в др. лат. *populoi*, *romanoi*, т. е. из того *oi*, которое само произошло из *ōi*, и. е. *ǣ^oi*, между тем как из старого *ōi*, *ǣ^oi* при положении в конце слова мы находим в лат. языке *ei* и далее *ī*. В дательном ед. ч. имен с и. е. производными основами на *ǣ^a* лат. язык имел др. лат. форму на *ai*, откуда *ae*: *aquai*, *aquae*. Эта лат. форма восходит к более древней форме на *āi*, которая могла получиться и из и. е. формы на *ǣ^ai* и из формы на *ǣ^aiǣ^ai*. В дательном ед. ч. имен с и. е. диалектическими производными основами на *ǣ^e* после *i* и *i* лат. язык имел окончанием падежной формы *ī*, из *ēi*, через посредство *ēi*, а это *ēi* может восходить как к и. е. *ǣ^eiǣ^ei*, так и к и. е. *ǣ^ei*, например *faciī*. Кроме того, мы находим в дательном ед. ч. таких имен в лат. языке окончание *ēī*, которое, очевидно, представляет известное новообразование: *faciēī*, а также окончание *ē*, происхождение которого не ясно.

Старославянский язык. Из и. е. *ǣ^ai* или *ǣi* в окончании формы дательного ед. ч. имен с основами на неслоговой звук в этой форме (с основами на и. е. согласную, на индоевропейское *й*, чередовавшееся с дифтонгом *ǣ^eoу*, и на индоевропейское *ī*, распадавшееся перед гласными на *й + у*, *й + v*) в ст. слав. языке находим и из о. слав. *ī*, которое образовалось здесь из о. слав. дифтонга *oi*, с литов.-слав. прерывистой дол-

готовой: *сынѡвѣ*, где *ѡ* перед *в* из *е*, и. е. *ǣ*^е (сравн. др. инд. *sūnave*), *матерѣ*, *каменѣ*, *словесѣ*. Что касается и. е. имен с основами на *ї*, то мы и здесь находим в ст. слав. языке форму на *и*: *пѣти*, *костѣ*. Как произошло окончание *и*, о. слав. *ī*, в этой форме, остается неясным. В ст. слав. именах с и. е. основами на *ǣ*^о/*ǣ*^е мы находим в окончании дательного ед. ч. ст. слав. *ѡу*, например *рѣкѡу*. О происхождении этого *ѡу* я говорил в фонетике, а именно, я указывал, что это *ѡу* из о. слав. *ī*, по моему мнению, восходит к литов.-слав. *ō* с прерывистой долготой из и. е. *ǣ*^о, между тем как при литов.-слав. долготе длительной из и. е. *ǣ*^о, литов.-слав. *ō*, получалось в ст. слав. *а* (о. слав. *ā*). По поводу ст. слав. окончания *ѡу* в этой форме должно также заметить, что и. е. язык имел в соответствующей форме окончание *ǣ*^о*ī* с *ī*, по-видимому, подвижным, и я не определяю, получил ли о. слав. язык дифтонг в окончании дательного ед. ч. имен с основами на и. е. *ǣ*^о/*ǣ*^е, или же форму на одно и. е. *ǣ*^о без *ī*.

В дательном ед. ч. имен с и. е. производными основами на *ā*^а в ст. слав. языке мы находим *ѣ* после согласных твердых и *и* после о. слав. мягких согласных: *рыкъѣ*, *воѣи*. Это *ѣ* с его фонетическим изменением после мягких согласных в *и* может восходить фонетически не только к и. е. окончанию дательного ед. ч. таких имен — *ā*^а*ī*, но и к окончанию *ā*^а*īā*^а*ī*, которое является в др. инд. языке, так как индоевропейское *ī* между гласными при данном положении должно было исчезнуть еще в литов.-слав. языке. В именах с и. е. основами женского рода на *ī* стянутое из *īā* в именительном ед. ч. и. е. форма дательного падежа ед. ч. на *īā*^а*ī*, при *īā*^а*ī*, является в ст. слав. языке в виде формы на *и* с предшествующей о. слав. мягкой согласной: *верѣшти*.

Местный падеж единственного числа

В о. и. е. языке в склонении имен были различные образования этой формы. Наиболее обычным было образование при посредстве того падежного суффикса, который там, где он фонетически не должен был слиться с гласной в окончании основы, являлся сам по себе в виде *ї*, а частью, может быть, и в виде *ī*.

В именах с и. е. производными основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ местный ед. ч. оканчивался частью на $\check{a}^o i$, частью на $\check{a}^e i$ с i некротким. В и. е. именах с производными основами на $\check{a}^a$ местный ед. ч. частью имел, во-первых, образование, оканчивавшееся на $\check{a}^a i$, в состав которого вошел падежный суффикс i ; кроме такого образования, в именах с теми же основами, как свидетельствуют языки индо-иранские и балтийские, в о. и. е. языке существовало также другое образование местного ед. ч., то, из которого в др. инд. языке явилась в именах с такими основами форма на $\check{a}u\check{a}t$, в др. иран. — соответствующее образование, но без носовой согласной, в литовском — форма с окончанием oje (где литов. o из и. е. $\check{a}^a$). Определить точно окончание этой и. е. формы трудно, во-первых, потому, что не ясно отношение др. инд. конечного m к отсутствию носовой в др. иран. языках; кроме того, в этом окончании не ясно и то, какая именно гласная существовала в о. и. е. языке в положении после j (а что в данном случае был j , а не i , на это указывают балт. языки). Это и. е. образование формы местного ед. ч. заключало, может быть, в окончании известную частицу, т. е., может быть, это образование произошло из соединения формы местного ед. ч. на $\check{a}^o i$ с известной частицей (постпозицией). Что касается и. е. имен с диалектическими производными основами на $\check{a}^e$ после i и i , то и в этих именах, можно думать, существовали здесь два образования формы местного ед. ч., как и в именах с основами на $\check{a}^a$, т. е. одно на $\check{a}^e i$, а другое то, которое находим в литов. языке в форме на $\check{e}je$ в и. е. именах с производными основами женского рода на $\check{i}$ стянутое из $i\check{a}$ в именительном ед. ч.; форма местного ед. ч. имела, вероятно, также два окончания: 1) $\check{i}$, происшедшее из стяжения $\check{i}$ в окончании основы $+i$ суффикса, и 2) другое, которое является в др. инд. языке в виде окончания $\check{u}\check{a}t$ (в Ведах читается также $i\check{a}m$), где $\check{a}t$ такое же, как и в др. инд. форме местного падежа ед. ч. на $-\check{a}u\check{a}t$ (см. выше). В именах с и. е. производными основами женского рода на $\check{i}$ стянутое из $i\check{a}$ местный ед. ч. имел то образование, из которого в др. инд. языке получилась форма на $-\check{v}\check{a}t$ (где $\check{v}$ из индоевропейского u и $\check{u}$, а $\check{a}t$ такое же, как и в формах на $-\check{a}u\check{a}t$, $-\check{u}\check{a}t$).

Относительно и. е. имен с основами на согласную надо

заметить, что в некоторых из таких имен, именно с основами на сонорную, в о. и. е. языке известно было образование местного падежа ед. ч. без падежного суффикса, причем основа имени представляла средний вид.

В именах с основами на *ĩ* и *ũ* при образовании местного падежа ед. ч. с падежным суффиксом *i* в окончании самой основы могли существовать дифтонги, чередовавшиеся с *ĩ* и *ũ*, причем, понятно, *ĩ* и *ũ* в окончании дифтонгов отделялись в слоговом отношении от предшествующей гласной и переходили в *j* и *v*, но, кроме того, в окончании основы этих имен могли, вероятно, и здесь являться *i* и *u*. В последнем случае при соединении двух *i* в местном падеже ед. ч. имен с основами на *i* еще в о. и. е. языке должно было получиться одно *ĩ*. Но относительно тех же имен надо заметить, что у них в местном ед. ч. существовало также и другое образование, при котором эта форма оканчивалась в именах с основами на *ĩ* на дифтонг *ā^ei*, где *i* было подвижным, а в именах с основами на *ũ* — на дифтонг *ā^ou* и, может быть, на дифтонг *ā^eu*. В этом образовании местного ед. ч. индоевропейский язык не имел, следовательно, падежного суффикса *i* в окончании формы, но представлял основу склоняемого имени на дифтонг, получивший долгую слоговую гласную.

В именах с основами несреднего рода на *ĩ* и *ũ* в местном ед. ч. перед падежным суффиксом *i*, *ĩ* и *ũ* должны были распасться на звуки *ĩ + i*, *ĩ + j* и *ũ + u*, *ũ + v*, а при известном фонетическом условии *i* и *u* исчезали в таких сочетаниях еще в о. и. е. языке.

Древнеиндийский язык. Из индоевропейского *i* в окончании местного ед. ч. мы находим и в др. инд. *ĩ*; в ведийском наречии при этом *ĩ* встречается и *ĩ*, причем не известно, образовалась ли долгота этого *ĩ* в ведийском наречии, или же она была получена из о. и. е. языка при обыкновенном *ĩ*. Сюда принадлежат, например, *vācī*, *gānāsī*, *pitāri*, *dhīyī*, *bhūvī*, *nāvī*. Имена женского рода с и. е. производными основами несреднего рода на *ĩ* и *ũ* в санскритском наречии др. инд. языка и в местном ед. ч. следовали аналогии имен с и. е. основами женского рода на *ĩ* и *ũ* (из *iā*, *uā*), например *nadyām* (именительный *nadīs*), *tanvām* (именительный *tanūs*).

В др. инд. именах с основами из и. е. производных основ на *й* в местном ед. ч. в ведийском наречии мы находим, между прочим, образование на *avi* — *sūnāvi*, из и. е. образования на *ā^evi*; подобное же образование местного ед. ч. имен с основами на *ī*, т. е. образование на др. инд. **ayi*, из и. е. *ā^eji*, не засвидетельствовано достоверными примерами. В именах среднего рода с и. е. производными основами на *ī* и *й* в санскритском наречии, а частью и ведийском, местный ед. ч. оканчивался на *īnī* — *vārīnī* и на *ūnī* — *mādhunī*, где, следовательно, перед падежным суффиксом *i* мы находим после конечной гласной основы то же *n*, которое является в именах среднего рода с теми же основами и в других формах косвенных падежей, суффиксы которых начинались с гласной. Из и. е. формы местного ед. ч. на *ā^ou* или *ā^eu* имен с основами на *й* мы находим в др. инд. форму на *au* — *śātrau*. В санскритском наречии др. инд. языка эта форма являлась постоянно в именах мужеского рода, а также при другой форме, представлявшей известное новообразование, в именах женского рода с теми же основами; та же форма известна и в ведийском наречии при форме на *avi*. Что же касается формы на и. е. *ā^ei* с *i* подвижным в местном ед. ч. имен с основами на *ī*, то эту форму мы находим лишь в ведийском наречии в форме на *ā* (из и. е. *ā^e*), например от основы *agnī-* ведийский местный ед. ч. *agnā*; в санскритском наречии это образование не сохранилось и было заменено в именах с основами на *ī* мужеского и женского родов образованием на *au*, существовавшим и в ведийском наречии (при образовании на *ā*), по аналогии имен с основами на *й*: *agnāu*. Относительно и. е. имен с основами на согласную я говорил, что в некоторых из них существовало образование местного ед. ч. без падежного суффикса. В др. инд. языке, именно в ведийском наречии, мы находим такое образование в именах с производными основами на *n*, например при форме местного ед. ч. *mūrdhānī* существовала также в ведийском наречии и форма *mūrdhān* (именительный ед. ч. *mūrdhā* — „голова“).

В именах с и. е. производными основами на *ā^o/ā^e* местный ед. ч. оканчивался в др. инд. языке на *ē*, явившееся фонетически из и. е. дифтонга *āi* (качество *ā* из др. инд. языка не может быть определено): *ācēvē*, *yugē*.

В именах с и. е. производными основами женского рода на $\bar{a}^a$ местный ед. ч. представлял в др. инд. языке то образование, о котором я уже говорил, — на $\bar{a}yām$: $sēnāyām$. В именах с и. е. производными основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $iā$ местный ед. ч. оканчивался обыкновенно в ведийском и санскритском наречиях на $-yām$: $devyām$; в ведийском наречии в именах с такими основами встречается, кроме того, в местном ед. ч. и форма на $\bar{i}$ из индоевропейского i : $devī$. В именах с и. е. производными основами женского рода на $\bar{u}$ стянутое из $uā$ форма местного падежа ед. ч. оканчивалась в др. инд. языке на $-vām$ (v из индоевропейского u , u), например $vadhvām$ (именительный $vadhūs$ — „женщина“; см. сказанное выше).

Греческий язык. В греч. языке, как я уже заметил, и. е. формы местного и дательного ед. ч. совпали в склонении имен в одной форме, причем в именах третьего склонения в значении дательного и местного являлась форма старого местного ед. ч., а в именах первого и второго склонения являлась форма старого дательного падежа ед. ч.

Индоевропейское образование местного ед. ч. на i в именах с основами на согласную является в том же виде и в греч. языке: $\acute{\epsilon}\pi\iota$, $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\iota$ (с и. е. средним видом основы при новообразовании $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\iota$ — с слабым видом основы, перенесенным из других падежей), $\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota$ (с фонетическим исчезновением s между гласными); в гомеровском диалекте встречается иногда в окончании такой формы τ : $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\tau$. Индоевропейский местный ед. ч. имен с основами несреднего рода на $\bar{i}$ и $\bar{u}$ является в греч. языке в таких образованиях, как $\chi\acute{\epsilon}\iota$, $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\iota$, где между гласными некогда были i и u ; греч. $\nu\eta\acute{\iota}$ — тождественно с др. инд. $nāvi$ (от основы на и. е. дифтонг $\bar{a}^a u$). В греч. именах с и. е. производными основами на $\bar{u}$ такое образование, как $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}$ (аттич. $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\iota$), из $*\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\phi\iota$, и $\pi\acute{\eta}\chi\epsilon\acute{\iota}$, из $*\pi\acute{\eta}\chi\epsilon\phi\iota$, восходит к и. е. образованию на $\bar{a}^e u$; сравните в др. инд. языке ведийские образования на $\bar{ā}vi$. В греч. именах с и. е. производными основами на $\bar{i}$ форма на $-\epsilon\acute{\iota}$, аттич. $\epsilon\iota$, например $\pi\acute{o}\sigma\epsilon\acute{\iota}$, $\pi\acute{o}\lambda\epsilon\acute{\iota}$ (аттич. $\pi\acute{o}\sigma\epsilon\iota$, $\pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota$), восходит к и. е. форме на $\bar{a}^e j\bar{i}$, а такое образование, как $\pi\acute{o}\lambda\lambda\iota$ в гомеровском диалекте, произошло, может быть, из и. е. образования на i , получившегося из соединения двух i , одного —

принадлежавшего окончанию основы, и другого — составлявшего падежный суффикс. Что же касается формы на η в гомеровском $\pi\acute{o}\lambda\eta$, аттич. $\pi\acute{o}\lambda\eta$, то это образование явилось вследствие позднейшего присоединения падежного суффикса i к старой форме местного ед. ч. на и. е. $\bar{a}^e$ с утратой в конце i ; из этой падежной формы η была перенесена и в другие падежные формы, причем, следовательно, $\pi\acute{o}\lambda\eta$ являлось как основа; таким путем образовалось, например, $\pi\acute{o}\lambda\lambda\eta\rho\varsigma$, аттич. $\pi\acute{o}\lambda\lambda\omega\varsigma$. Что же касается имен с и. е. производными основами на $\bar{y}$, то в них в греч. языке не сохранилось образование местного ед. ч. на и. е. $\bar{a}^o\bar{y}$ или $\bar{a}^e\bar{y}$. Также и в склонении имен с основами на согласную не сохранилось в греч. языке и. е. образование местного ед. ч. без падежного суффикса, но греч. диалектическое образование инфинитива на $\mu\epsilon\upsilon$, например $\dot{\iota}\delta\mu\epsilon\upsilon$, вероятно, представляет по происхождению такую форму местного ед. ч. без падежного суффикса глагольного имени с основой на согласную. Точно так же наречие $\alpha\dot{\iota}\acute{\epsilon}\nu$ по происхождению может быть формою местного ед. ч. без падежного суффикса (от существительного $\alpha\dot{\iota}\acute{\omega}\nu$).

В греч. именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ форма местного ед. ч. как падежная форма не сохранилась в греч. языке, но и. е. образование местного ед. ч. имен с такими основами мы находим в греч. языке в известных наречиях места: $\omicron\dot{\iota}\chi\omicron\iota$ и $\omicron\dot{\iota}\chi\epsilon\iota$, $\dot{\iota}\sigma\theta\mu\omicron\iota$ („в Истме“), или в таких сложных словах, как $\Pi\omicron\lambda\omicron\gamma\epsilon\upsilon\eta\varsigma$. Греч. $\omicron\iota$ и $\epsilon\iota$ в окончании этих образований восходят к и. е. $\bar{a}^o\bar{i}$ и $\bar{a}^e\bar{i}$. При этом надо заметить, что греч. язык самым ударением в таких образованиях сохранил указание на то, что в о. и. е. языке $\bar{i}$ в окончании дифтонга было здесь не кратким $\bar{i}$; сравните, например, именительный мн. ч. $\omicron\dot{\iota}\chi\omicron\iota$ (где $\omicron\iota$ из и. е. $\bar{a}^o\bar{i}$ с кратким $\bar{i}$) с наречием $\omicron\dot{\iota}\chi\omicron\iota$. Подобным образом и в ст. слав. языке, как увидим далее, сохранились указания на то, что $\bar{i}$ в окончании дифтонга в этой форме в о. и. е. языке было не кратким. В греч. именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^a$ индоевропейская форма местного ед. ч. как форма падежная не употреблялась, но остаток образования местного ед. ч. таких имен на индоевропейское $\bar{a}^a\bar{i}$ можно было бы предполагать в таких случаях, как $\theta\eta\beta\alpha\iota\gamma\epsilon\upsilon\eta\varsigma$, диалектич. $\dot{\omicron}\lambda\upsilon\mu\pi\acute{\iota}\alpha\iota$ („в Олимпии“). При этом, однако, пред-

ставляется вопрос, не возникли ли эти греч. образования по аналогии таких образований, как Πολυγενής, Ἰσθμοί.

Латинский язык. В лат. языке и. е. местный ед. ч. совпал в одной форме с отложительным ед. ч., причем самое образование и. е. местного ед. ч. сохранялось именно в лат. 3-м склонении в форме на *ē*, например *vōse* (сравни др. инд. *vācī*). Здесь *ē* фонетически из *ī* в конце слова. Кроме того, в некоторых лат. именах 1-го и 2-го склонения сохранилось и. е. образование формы местного ед. ч. в таких наречиях места, как *domī*, *bellī*, *Romae*. Следовательно, *ī* в таких образованиях, как *domī*, *bellī*, произошло непосредственно из *ei*, а это *ei* в конце слова само по себе допускает объяснение и из и. е. *ā^oi* и из и. е. *ā^oi*; но на основании того, что и в языке осков мы находим в соответствии с этим лат. *ei*, *ī* также *ei* (а здесь *ei* не получилось из *oi*), надо думать, что и лат. *ei*, *ī* в таких образованиях, как *domī*, произошло из и. е. *ā^oi*. Наречие *noctū* („ночью“) представляет, вероятно, форму местного ед. ч. от основы на *ī*; следовательно, это *ī* в *noctū* может восходить к о. и. е. дифтонгу *ā^ou* или же к о. и. е. дифтонгу *ā^ou*.

Старославянский язык. В ст. слав. языке и. е. образование местного ед. ч. на *i* имен с основами на неслоговые звуки не сохранилось, и мы находим в ст. слав. языке в таких именах частью новообразование по аналогии имен с основами на индоевропейское *ī*: *камѣни*, *матѣри*, *любѣви*, частью же в местном ед. ч. ст. слав. имена с такими основами представляли образование на *с*: *камѣне*, *тѣлесе*, *любѣсе*. При этом возникает вопрос: какого происхождения здесь конечное *с*? Может быть, такое образование явилось в именах с основами на согласную таким путем, что к старой форме местного ед. ч. без падежного суффикса присоединилась известная частица, которая является в ст. слав. (и в о. слав. языке) как *с*, а слав. *е* в конце слова могло получаться, между прочим, из и. е. *α* + слоговая носовая согласная, т. е. ст. слав. *с* в окончании этой формы могло бы быть родственно с греч. предлогом *ἐν*, лат. *in* и ст. слав. *въ* (в ст. слав. *въ* согласная *в* образовалась фонетически еще в о. слав. языке в положении перед начальной *й*, *ъ*, а это *й*, *ъ* или из *оп*, *ип*, *у*, т. е. из и. е. *ā^on*, или же из и. е. *αn*).

В ст. слав. именах с и. е. производными основами на *й* местный ед. ч. оканчивался на *оу*: *сынѡу*. Это *оу* явилось из дифтонга *oi* и притом в данном случае из того дифтонга *oi*, в котором слоговая гласная сократилась из долгой, т. е. из и. е. *ā^ou*, сравни др. инд. *gīnāu*.

В местном ед. ч. ст. слав. имен с и. е. производными основами на *ī* ст. слав. форма на *и*, т. е. на о. слав. *ī* — *костѣ*, допускает различные объяснения: 1) ст. слав. *и* здесь может восходить к индоевропейскому *ī*, 2) или же это ст. слав. *и* восходит к и. е. дифтонгу *ā^oi*. Но во всяком случае это о. слав. *ī*, ст. слав. *и*, нельзя возводить к и. е. *ā^o* с утраченным *i*, потому что, как показывает существовавшее в о. слав. языке перенесенное ударение (полученное из литов.-слав. языка) на этом *ī* в известных именах, эта гласная имела в о. слав. языке длительную долготу из литов.-слав. длительной долготы, а из конечного *ē* с литов.-слав. длительной долготой *ī* в о. слав. языке никаким образом не могло получиться. В ст. слав. именах с и. е. основами на *ā^o/ā^o* местный ед. ч. оканчивался после твердой согласной на *ѣ*: *рѣѣ*, причем то обстоятельство, что в данном случае о. слав. *ē*, получившееся из дифтонга *oi*, перешло в конце слова в о. слав. языке в *īē* (ст. слав. *ѣ*), а не в *ī*, свидетельствует о том, что это *ē* имело ту долготу, которая при образовании о. слав. *ē* из о. слав. дифтонга *oi* получалась именно в тех случаях, где и. е. дифтонг имел краткое неслоговое *i* (сравни в греч. языке качество ударения в таких образованиях, как *οἶκος* — „дома“). В тех из ст. слав. имен с такими основами, в которых конечной гласной основы предшествовало индоевропейское *i*, *i* или *j*, в окончании местного падежа ед. ч. мы находим в ст. слав. *и* из о. слав. *ī*: *кѡи*, *кран* (здесь *и* из *jī*). Это ст. слав. *и*, о. слав. *ī*, получилось в о. слав. частью из того же дифтонга *oi*, который после твердой согласной перешел в *ѣ*, так как в о. слав. языке *oi* при положении после мягкого неслогового звука изменялось в *ei*, откуда далее *ī*; частью же в таких именах, как *кѡи*, о. слав. *ī*, ст. слав. *и* в местном падеже ед. ч. может восходить к и. е. *ā^oi*. В ст. слав. именах с и. е. производными основами на *ā^a* местный единств. оканчивался на *ѣ* после твердой согласной: *рѣѣ*, а в положении после о. слав. мягкой согласной — *и* (фонетически

вместо ѡ): доуши, воли. Здесь конечное ѡ может восходить к и. е. дифтонгу $\bar{a}^a i$, причем долгая слоговая гласная должна была фонетически сократиться в о. слав. языке, т. е. этот дифтонг должен был совпасть с о. слав. дифтонгом $\bar{o} i$. Что касается ст. слав. имен с и. е. основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$, то в них образование местного падежа ед. ч. на и: милостиин, вержити (с смягчением согласных по аналогии других падежных форм), может быть новообразованием по аналогии таких форм, как доуши, воли, но также могло бы быть сопоставляемо с др. инд. ведийским образованием на $\bar{i}$ в местном падеже ед. ч. имен с такими основами, из и. е. формы на $\bar{i}$.

Творительный падеж

Эта падежная форма представляла в и. е. языке двойного рода образование: во-первых, она образовывалась при посредстве того падежного суффикса, который там, где он не сливался с конечной гласной основы, был или $\bar{a}n$ с $\bar{a}$ неизвестного качества и с n некратким подвижным, или $\bar{a}\bar{n}$.

В именах с производными основами $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ форма творительного ед. ч. с тем падежным суффиксом, о котором я говорю, оканчивалась на $\bar{a}^o n$ с n некратким подвижным, где в состав $\bar{a}^o$ вошло $\bar{a}^o$ в окончании основы. Такое же $\bar{a}^o n$ с n некратким подвижным существовало в о. и. е. языке в окончании 1-го л. ед. ч. действительного залога тематического спряжения, например в том слове, из которого произошло ст. слав. верж (где ж из и. е. $\bar{a}^o n$), греч. $\varphi\acute{\epsilon}ρω$ (ω из и. е. $\bar{a}^o$ без n).

В именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^a$ творительный ед. ч. с тем же падежным суффиксом имел, во-первых, образование на $\bar{a}^a i\bar{a}^a n$, где n было некратким и подвижным; в состав этого окончания вошла основа на $\bar{a}^a i\bar{a}^a$. В тех же именах в творительном ед. ч. в и. е. языке являлось и другое образование, с тем же падежным суффиксом, на $\bar{a}^a n$ с подвижным n некратким, где основа имела в окончании $\bar{a}^a$, может быть, из $\bar{a}^a i$. Что касается имен с и. е. диалектическими основами на $\bar{a}^e$ после i и $\bar{i}$, то и здесь, вероятно, в творительном ед. ч. существовали два образования: 1) на $\bar{a}^e i\bar{a}^a n$ с подвижным n некратким и 2) на $\bar{a}^e n$ с подвижным n некратким. В именах

с производными основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ творительный ед. ч. оканчивался частью на $i\bar{a}^n$ и $i\bar{a}^an$ (с n некротким подвижным), а частью на $\bar{i}n$ (с n некротким подвижным). Подобным же образом и в именах с и. е. производными основами женского рода на $\bar{u}$ стянутое из $u\bar{a}$ творительный ед. ч. оканчивался на $u\bar{a}^n$, $u\bar{a}^an$ с n некротким подвижным и частью, вероятно, на $\bar{u}n$ с n некротким подвижным.

Древнеиндийский язык. Указанный мною и. е. суффикс творительного падежа ед. ч. являлся в др. инд. языке в виде $\bar{a}$ в именах с основами на неслоговые звуки в этой форме: $v\bar{a}c\bar{a}$, $pit\bar{r}\bar{a}$, $\acute{g}an\bar{a}s\bar{a}$, $dhiy\bar{a}$, $bh\bar{u}v\bar{a}$, $n\bar{a}v\bar{a}$. Др. инд. конечное $\bar{a}$ в этих случаях (т. е. от основ на неслоговой звук в данной форме) само по себе допускает объяснение как из и. е. $\bar{a}n$, с подвижным n , так и из и. е. $\bar{a}\bar{n}$.

В именах с и. е. производными основами на $\bar{i}$ и $\bar{u}$ в ведийском наречии мы находим в таких именах всех трех родов, между прочим, образование творительного на $i\bar{a}$ и $u\bar{a}$, а частью на $i\bar{a}n$ и $u\bar{a}n$ (пишется безразлично $u\bar{a}$ и $v\bar{a}$) из и. е. формы на $i\bar{a}n$, при $i\bar{a}$, и $u\bar{a}n$, при $u\bar{a}$; например, от существительного $kr\bar{a}t\bar{u}s$ мужского рода — „сила“ творительный ед. ч. $kr\bar{a}t\bar{u}a$ и $kr\bar{a}t\bar{v}a$. В санскритском наречии такое образование формы творительного на $u\bar{a}$ и $v\bar{a}$ сохранилось лишь в именах женского рода с такими основами: $\acute{g}\bar{a}t\bar{y}\bar{a}$, $dhen\bar{v}\bar{a}$ (от существительного $\acute{g}\bar{a}t\bar{i}s$ — „ход“, $dhen\bar{u}s$ — „корова“), а в именах мужского и среднего рода в санскрите является образование на $\bar{i}n\bar{a}$ и $un\bar{a}$: $\acute{a}gn\bar{i}s$ — $\acute{a}gn\bar{i}n\bar{a}$, $v\bar{a}r\bar{i}$ — $v\bar{a}r\bar{i}n\bar{a}$, $\acute{c}\bar{a}tr\bar{u}s$ — $\acute{c}\bar{a}tr\bar{u}n\bar{a}$, $m\bar{a}dhu$ — $m\bar{a}dhu\bar{n}\bar{a}$. В этом образовании творительного ед. ч. надо видеть влияние со стороны формы творительного ед. ч. имен с основами на и. е. $\bar{a}^o/\bar{a}^e$. В именах с основами на и. е. $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ в ведийском наречии в творительном ед. ч. существовало, между прочим, образование на $\bar{a}$, например $ya\acute{g}\bar{n}\bar{a}$ (от существительного $ya\acute{g}\bar{n}\bar{a}s$ — „жертва“); эта форма восходит к и. е. форме на $\bar{a}^an$, при $\bar{a}^o$. Но, кроме того, в ведийском наречии частью, а в санскритском исключительно существовало образование творительного падежа ед. ч. в таких именах на ena (в ведийском иногда с конечным $\bar{a}$), например $\acute{a}c\bar{v}ena$ (от $\acute{a}c\bar{v}as$). Это образование оказало влияние и на имена мужского и среднего рода с основами на $\bar{i}$ и $\bar{u}$. Что касается самого происхождения этого об-

разования, то надо думать, что оно явилось под влиянием склонения местоимений, где суффиксом творительного ед. ч. в мужеском и среднем роде в др. инд. было *na*. Тот же и. е. суффикс творительного падежа ед. ч. местоименного склонения, может быть, является и в греч. наречии *ĩ-уз*.

В др. инд. именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^a$ мы находим двоякое образование формы творительного ед. ч.: 1) на *auā*, из и. е. $\bar{a}^a i\bar{a}^a(n)$, например *sēnaūā*, и 2) в ведийском наречии иногда на $\bar{a}$: *sēnā*; последнее образование восходит к и. е. форме на $\bar{a}^a(n)$. В др. инд. именах с и. е. производными основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое творительный ед. ч. оканчивается на *iā*, в ведийском наречии частью на *iā* (пишется *yā*): *devyā* от *devī* — „богиня“. Кроме того, в ведийском наречии существовала форма творительного на $\bar{i}$ — *devī*. Последнее образование восходит, очевидно, к и. е. форме творительного ед. ч. таких имен на $\bar{i}(n)$. В творительном ед. ч. имен с и. е. производными основами женского рода на $\bar{u}$ стянутое из *uā* др. инд. язык имел в окончании *vā*, в ведийском наречии частью *uā* (пишется *vā*), например *vadhvā* (именительный *vadhās*).

Греческий язык. В греч. языке творительный ед. ч. не сохраняется в склонении как падежная форма, а значение этого падежа соединилось здесь с формами и. е. дательного и местного падежей. Остатки формы творительного ед. ч. можно искать здесь в некоторых наречиях. Сюда могут принадлежать наречия на $\bar{a}$ (диалект. η): *πάυτῃ*, гомер. *λάθρη*; в аттическом диалекте такие наречия смешивались с образованиями на α , η : *λάθρα*.

Латинский язык. В лат. языке и. е. творительный ед. ч. также не сохранился в склонении. Значение этого падежа соединилось здесь с формами отложительного и местного падежей.

Старославянский язык. Ст. слав. язык получил из о. слав. языка творительный падеж ед. ч. с тем суффиксом, который мы теперь рассматриваем только в именах с и. е. основами женского рода на $\bar{a}^a$ и $\bar{i}$ стянутое из *iā*, а также в именах женского рода с основами на $\bar{i}$, и потому и в тех именах женского рода с основами на неслоговые звуки, в которых форма творительного ед. ч. еще в о. слав. языке образовывалась по аналогии имен с основами на индоевропейское $\bar{i}$; в

прочих же именах форма творительного ед. ч. имела в о. слав. языке другой падежный суффикс. Следовательно, в творительном ед. ч. в о. слав. языке, а потому и в ст. слав. различались в именах существительных по самому образованию этой падежной формы имена женского рода и имена неженского (мужеского и среднего) рода, причем к первым принадлежали и те имена существительные с и. е. основами женского рода, которые по значению являлись в о. слав. и ст. слав. языках именами мужеского рода. В ст. слав. именах с и. е. производными основами на *а̑* окончанием формы творительного падежа ед. ч. по большей части являлось *омъ* после твердых согласных и *емъ* после мягких, например *ръкъомъ*, *кълъемъ*. Это образование тождественно по происхождению с др. инд. образованием на *auā*, например *sēnauā*, причем отношение конечного ст. слав. *ж* и др. инд. *ā* однородно с отношением их в 1-м л. ед. ч. настоящего времени действительного залога глаголов тематического спряжения: ст. слав. *ж* в *вѣрж*, *вѣзж* соответствует ведийскому *ā* в 1-м л. ед. ч. сослагательного наклонения, равно как и др. инд. *ā* в окончании 1-го л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения, где к этому *ā* присоединился еще личный суффикс *mi* по аналогии глаголов нетематического спряжения, например *bhārā-mi* — „беру“ — *вѣрж* — *φέρω* — *fero*. При образовании творительного ед. ч. на *омъ* и *емъ* ст. слав. язык имел также в диалектах форму на одно *ж* в тех же именах: *ръкъж*, *кълъж*. Последнее образование фонетически восходит к и. е. *ā̑iā̑* с исчезновением индоевропейского *i* между гласными (еще в литов.-слав. языке) и с стяжением в ст. слав. языке о. слав. *ор*, на которое указывают и соответственные образования западнославянских языков. Что касается другого ст. слав. окончания, *омъ* (и *емъ* после мягких согласных), то это *омъ* произошло таким образом, что *ор* еще в диалектах о. слав. языка могло заменяться через *ојр* сперва только в местоименном склонении под влиянием других падежных форм ед. ч. (например, в форме *тојр*, ст. слав. *то̑мъ*, вместо *то̑р*, ст. слав. *то̑ж*, под влиянием таких форм, имевших *j* между гласными, как *то̑jię*, *то̑ji*, ст. слав. *то̑а*, *то̑и*), а затем это *ојр* по аналогии местоимений переносилось и в склонение имен. Творительный ед. ч. ст. слав. имен с и. е. производными основами женского рода на *i* с т я н у т о е из *iā*

имел обыкновенно форму на *сѣ* — *милостынясѣ*, а эта форма представляет собою, несомненно, новообразование под влиянием имен с основами на и. е. *ā^a* с предшествовавшим мягким звуком. Такое же новообразование можно видеть и в такой форме творительного ед. ч., как *гораштѣ*, под влиянием творительного ед. ч. *зсмылѣ*, хотя возможно и то, что эта форма восходит к и. е. форме на *iā^an*, *iā^an* (с *n* некратким.) В ст. слав. именах женского рода с и. е. основами на *ї*, а потому и в именах женского рода с основами в этой форме на согласную творительный ед. ч. имел форму на *нѣ*, диалектич. *ьнѣ* (с диалектической заменой *ї* в положении перед *j* в ст. слав. через *ь*): *костнѣ* — *костьнѣ*, *матернѣ* — *матерьнѣ*. Такая форма в о. слав. языке была образована по аналогии творительного ед. ч. имен с и. е. основами женского рода на *ā^a*, между тем как из литов.-слав. здесь получена была форма с другим падежным суффиксом.

Укажу теперь на образование творительного ед. ч. в о. и. е. языке с другим падежным суффиксом, именно с суффиксом *bhi* и его диалектическим вариантом *mi*, причем отношение между *bh* и *m* в этом падежном суффиксе было такое же, как и в других падежных суффиксах, начинавшихся в о. и. е. языке с *bh*, а в диалектах — с *m*.

Индоевропейский падежный суффикс *bhi* является в армянском языке, а также в греческом, именно в языке Гомера, в той падежной форме на *φι*, в которой по значению совпали различные падежи, главным образом — творительный, местный, отложительный, и которая при этом могла являться не только в значении единственного, но также и множественного числа: *θεῶφι*, *ἡᾶφι*. При *φι* мы находим также у Гомера *φιν*, и это подвижное *ν* в таких формах могло быть новообразованием по аналогии других случаев, хотя возможно также, что греч. *φιν* восходит к и. е. суффиксу *bhin*, при *bhi*. Суффикс *mi* известен из балтийских и славянских языков. В литов. языке отсюда *mī* в о. слав. и ст. слав. *мь*. В о. слав. языке этот падежный суффикс стал принадлежностью имен неженского рода, и, значит, суффикс *мь* существовал в ст. слав. языке в именах с основами на и. е. *ā^o/ā^e*, в именах мужеского рода с основами на *ї* в именах на *й* (такие имена еще в о. слав. языке были

только именами мужеского рода), а также в именах мужеского и среднего рода с основами на и. е. согласную.

В именах с основами на индоевропейские *ī* и *ī̃* этот суффикс являлся присоединенным именно к *ī* и *ī̃*, а не к чередовавшимся с ними дифтонгам, так как вообще *ī* и *ī̃* в окончании основ не чередовались с дифтонгом перед падежным суффиксом, начинавшимся с согласной. Сюда принадлежат, следовательно, в ст. слав. языке образования: *пѣтъмь*, *сынѣмь*; при *сынѣмь* существовала и форма *сынѣмь* под влиянием имен с основами на и. е. *ā°/ā̃°*, а при *пѣтъмь* существовала и форма *пѣтъмь* под влиянием имен с основами на согласную.

В творительном ед. ч. имен с основами на согласную мы находим в ст. слав. языке как образование на *ьмь*, так и образование на *смь*: *камєньмь*, *тѣлєсьмь*, *каменємь*, *тѣлєсємь*. Что касается *ь* перед *мь* в творительном ед. ч. таких имен, например *камєньмь*, то оно тождественно с *ь* в *пѣтъмь*, т. е. эта форма образована по аналогии творительного имен с основами на индоевропейское *ī*; а *с* перед *мь*, например *каменємь*, образовалось в таких именах прежде всего в местном падеже мн. ч. на *схъ*, при *ьхъ*, откуда перешло и в другие падежи, заключавшие в себе падежный суффикс, оканчивавшийся на славянскую иррациональную гласную (*ь*, *ѣ*) после согласной. Ст. слав. имена с и. е. производными основами на *ā°/ā̃°* в творительном ед. ч., во-первых, представляли образование на *ьмь*, а после о. слав. мягких согласных *ьмь*, по аналогии имен с основами на первоначальное *ī̃*, так как те и другие имена совпадали в формах именительного и винительного падежа ед. ч., например *рѣкъмь*, *дѣлъмь*, *коѣмь*, *крѣмь* (где *н* из *ji*). Но, кроме того, в творительном ед. ч. таких имен существовало образование на *ѡмь* с *ѡ* перед *мь* вместо *ъ* под влиянием дательного мн. ч. таких имен на *ѡмъ*, при *ьмъ*, в дательном мн. ч. имен с основами на индоевропейское *ī̃*, причем после мягких согласных фонетически являлось *ѡ* вместо *ѡ̃*: *рѣѡмь*, *дѣѡмь*, *коѣѡмь*, *лицѡмь*, *крѣѡмь*. Надо заметить, что в именах с такими основами творительный ед. ч. на *мь* представляет новообразование, явившееся в о. слав. языке под влиянием других имен неженского рода и заменившее собою форму на и. е. *ā°n* с подвижным некротким *n*, которая существовала в литов.-слав. языке и сохранилась в балт. языках.

Звательная форма единственного числа

Звательная форма ед. ч. в общеиндоевропейском языке представляла по образованию основу форм склонения данного имени, но при этом ударение в звательной форме падало на первый слог основы. В и. е. именах с производными основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ в звательной форме окончанием основы являлось $\check{a}^e$. В и. е. именах с основами на $\check{a}^a$ звательная форма ед. ч. оканчивалась частью на $\check{a}^a$ (из сокращения $\bar{a}^a$), а частью — на дифтонг $\check{a}^a\check{i}$ (из сокращения $\bar{a}^a\check{i}$) подобно тому, как и в падежных формах мы находим в таких именах при основах на $\bar{a}^a$ также и основы с известным распространением, именно на $\bar{a}^a\check{i}\bar{a}$, $\check{a}^a\check{i}\bar{a}$ в неслабом виде и на $\bar{a}^a\check{i}$ в слабом виде, а это $\bar{a}^a\check{i}$ перед согласными (и, может быть, в конце слова) обращалось в $\bar{a}^a$, т. е. совпадало с старым $\bar{a}^a$ в окончании таких основ. В именах с основами женского рода на диалектич. $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ звательная форма ед. ч. оканчивалась на $\check{i}$ (из сокращения $\bar{i}$); подобным же образом и в именах с основами женского рода на диалектич. $\bar{u}$ стянутое из $u\bar{a}$ звательная форма оканчивалась в о. и. е. языке на $\check{u}$ (из сокращения $\bar{u}$). В именах с производными основами на $\check{i}$ и $\check{u}$ звательная форма ед. ч. имела в окончании (т. е. в окончании основы) частью $\check{i}$ и $\check{u}$, частью же чередовавшиеся с ними дифтонги $\check{a}^o\check{i}$ и $\check{a}^o\check{u}$ и, может быть, $\check{a}^e\check{i}$, $\check{a}^e\check{u}$.

Древнеиндийский язык. В др. инд. языке в именах с и. е. производными основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ мы находим форму звательного ед. ч. на a , из и. е. $\check{a}^e$: $\acute{a}cva$, $u\acute{g}a$. В именах с и. е. основами на $\bar{a}^a$ звательная форма оканчивалась на др. инд. $\bar{e}$, из и. е. $\check{a}^a\check{i}$: $a\check{c}v\bar{e}$, но в имени существительном $amb\bar{a}$ — „мать“ известна была звательная форма $\acute{a}mb\bar{a}$, где $\acute{a}$ из и. е. $\bar{a}^a$. В именах с производными основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ и на $\bar{u}$ стянутое из $u\bar{a}$ звательная форма оканчивалась на $\check{i}$, $\check{u}$: $d\acute{e}v\check{i}$, $v\acute{a}d\check{h}\check{u}$; может быть, под влиянием этих имен $\check{i}$ и $\check{u}$ являлись в др. инд. также и в окончании звательной формы имен женского рода с и. е. производными основами не-среднего рода на $\bar{i}$ и $\bar{u}$, например в $n\acute{a}d\check{i}$ (именительный $nad\check{i}s$), $t\acute{a}n\check{u}$ (именительный $tan\acute{u}s$), если в о. и. е. языке такие имена оканчивались в звательной форме ед. ч. на $\bar{i}$ и $\bar{u}$ (сравн. греч. язык); в именах с и. е. производными основами на $\check{i}$ и $\check{u}$ зва-

тельная форма оканчивалась в др. инд. языке на *e* и *o* из и. е. дифтонгов: *agne*, *sūnō*; при этом в именах среднего рода с такими основами известна была и звательная форма на *ī* и *ī*. Примеры звательной формы имен с основами на согласную: *pitar* (средний вид основы), *ṣvan* (средний вид), *sūmanas* (при именительном *sumānās* — „благомысленный“; средний вид основы) и пр.

В некоторых именах с непроезвонными основами в др. инд. языке в значении звательной формы ед. ч. употреблялась форма именительного: *dhīs*, *bhūs*, *dyaus*.

Индоевропейское место ударения в звательной форме, именно — на первом слоге, сохранялось в др. инд. языке.

Греческий язык. В именах с и. е. производными основами на и. е. $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$ звательная форма оканчивалась на ϵ , из и. е. $\tilde{a}^e$: $\tilde{a}\delta\epsilon\lambda\varphi\epsilon$.

В некоторых именах с и. е. основами на $\tilde{a}^a$ звательная форма оканчивалась в греч. языке на $\tilde{a}$, из и. е. $\tilde{a}^a$, например $\upsilon\omicron\mu\varphi\alpha$ или, например, $\delta\acute{\epsilon}\sigma\pi\omicron\tau\alpha$, хотя обыкновенно звательная форма этих имен заменялась формою именительного падежа, причем имена мужеского рода не получали суффикса *s* в звательной форме, между тем как в именительном падеже таких имен являлось, как мы знаем, *s*, по аналогии именительного ед. ч. других имен мужеского рода. В некоторых именах мужеского рода с такими основами звательная форма на $\tilde{a}$ является у Гомера в значении именительного, например $\iota\pi\tau\omicron\tau\tilde{a}$.

В именах с и. е. производными основами женского рода на диалектич. *i* стянутое из *īa* и на *īa* в других диалектах звательная форма, как и форма именительного падежа, оканчивалась в о. греч. языке на $\tilde{i}\tilde{a}$ из индоевропейского *īa* с фонетическими изменениями *i*. В именах с и. е. основами на $\tilde{i}$ и $\tilde{i}$ звательная форма в греч. языке имела в окончании $\tilde{i}$ и $\tilde{o}$ (о. греч. $\tilde{i}$) из индоевропейских $\tilde{i}$ и $\tilde{i}$, например $\tilde{o}\varphi\tilde{i}$, $\pi\tilde{i}\chi\tilde{o}$. Другие примеры звательной формы единственного числа в греч. языке: $\iota\chi\tilde{o}\tilde{o}$, $\text{Ze}\tilde{o}$, $\pi\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho$, $\chi\acute{o}\nu$ и т. д. И. е. место ударения на первом слоге звательной формы в греч. языке во многих случаях не могло сохраниться в силу развившегося в греч. языке нового закона ударения слов, и по большей части звательная форма имела то же место ударения, какое являлось в падежных формах, хотя в известных случаях греч. язык сохранил в звательной

форме старое место ударения на первом слоге, отличавшееся от места ударения в падежных формах имен, например *ᾗδελες*.

Латинский язык. Звательная форма ед. ч. в ее отличии от именительного падежа здесь сохранилась только в именах мужеского рода с основами на и. е. *ā°/ā°e*, например *equē*, при этом в именах с основами на лат. *io, ie*, т. е. в именах с теми и. е. основами на *ā°*, в которых конечной гласной основы предшествовало *i* или *j*, звательная форма оканчивалась на *i*, из *ie*, например *filī*. В прочих именах звательная форма или была заменена именительным падежом, например *equa*, между тем как старая звательная форма должна была бы дать *equē* (конечное *ā*, с первоначальной краткостью, в лат. языке изменилось бы в *ē*), или же звательная форма фонетически совпала с именительным падежом, например *pāter*. И. е. место ударения в звательной форме во многих случаях не могло сохраниться в лат. языке в силу того закона ударения слов, какой существовал здесь.

Старославянский язык. В именах с и. е. производными основами на *ā°/ā°e* в положении после твердых согласных звательная форма оканчивалась на *с*: *рѣсѣ*, и то же образование звательной формы существовало в именах на *чѣ* и *сѣ*, при *зѣ*, в именительном падеже: *отѣчѣ*, *кѣнѣзѣ* и *кѣнѣзѣ*, где *ч* и *з* явились еще в о. слав. языке под влиянием предшествующей мягкой гласной, т. е. где некогда существовала твердая согласная *k, g* перед конечною гласной основы; в звательной форме таких имен мы находим в ст. слав. языке *чс* и *жс* в окончании: *отѣчсѣ*, *кѣнѣжсѣ*, и эти *ч* и *ж* образовались в о. слав. языке из *k* и *g* в ту эпоху, когда еще именительный падеж оканчивался на *кѣ* и *гѣ*. Что же касается ст. слав. имен с основою на и. е. *ā°/ā°e* в положении после *i, j* или *j*, то в них звательная форма образовывалась по аналогии имен с основами на индоевропейское *й* после о. слав. мягкой согласной, т. е. оканчивалась на *ю*, *ѳу*: *ѳучѣнѣлю*, *кѣрю*, *мѣжю*, *мѣжѳу* [в одних текстах *мѣжѳу*, в других — *мѣжю* (см. фонетику)].

В ст. слав. именах с и. е. основами на *ā°* звательная форма оканчивалась на *ѳ*, из и. е. *ā°a*, например *жсѳѣ* (сравн. греч. *ᾗ* в *ᾗδελες*), а в положении после о. слав. мягких согласных на *с*: *доусѣ*. В именах с и. е. основами на *ī* и *ī* звательная форма

оканчивалась в ст. слав. языке на *н* и *ѳу*: *мѣти*, *сѣноу*. Ст. слав. *н* из о. слав. *ī*, которое явилось здесь из и. е. дифтонга *ā°ī* или *ā°i*, т. е. это *н* тождественно с др. инд. *ē*, например, в звательной форме *agnē*, а ст. слав. *ѳу* из о. слав. *ū*, которое произошло из дифтонга *ou*, и. е. *ā°u* (сравн. др. инд. *ō* в *sūno*).

В именах с основами на и. е. согласную в ст. слав. языке значение звательной формы соединялось с формою именительного падежа: *мѣти*. Место ударения в словах в ст. слав. языке нам вообще не известно, что же касается о. слав. языка, то он сохранял и. е. место ударения в звательной форме ед. ч., как показывают новые слав. языки, насколько то допускалось законами ударения слов в о. слав. языке.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Именительный падеж несреднего рода

Суффиксом именительного мн. ч. несреднего рода в и. е. языке было *ā°s*. В именах с и. е. производными основами на *ā°/ā°* именительный мн. ч. оканчивался на *ā°s*, где *ā°* получился из *ā°* основы + *ā°* падежного окончания. В именах с производными основами женского рода на *ā°* именительный падеж мн. ч. имел в окончании *ā°s*, где в состав *ā°* вошли *ā°* в окончании основ и *ā°* падежного окончания *ā°s*. Подобным же образом в именах с диалектическими основами женского рода на *ā°* после *i* и *i* именительный мн. ч. получал в окончании *ā°s*, где *ā°* из *ā° + ā°*. В именах с производными основами женского рода на диалектич. *ī* стянутое из *iā* в именительном падеже ед. ч. именительный мн. ч. оканчивался на *īs*; это образование именительного мн. ч. является неясным по его происхождению в о. и. е. языке. И. е. образование форм именительного мн. ч. имен с производными основами женского рода на *ū* стянутое из *uā* в именительном ед. ч. остается неизвестным (может быть, на *ūs*). В именах с и. е. производными основами на *ī* и *ū* в именительном мн. ч. несреднего рода падежный суффикс *ā°s* приставлялся частью к *ī* и *ū* в окончании основы, а частью к дифтонгам *ā°ī* и *ā°u*, причем *i* и *u* в окончании дифтонгов должны были отделяться в слоговом отношении от предыдущей гласной и переходили в *j* и *v*; кроме того, в именах с и. е.

основами на $\tilde{i}$ и $\tilde{y}$ существовало, по-видимому, в о. и. е. языке и образование именительного мн. ч. на $\tilde{i}s$ и $\tilde{y}s$; вероятно, под влиянием аналогии именительного мн. ч. имен с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ и на $\check{a}^a$. Относительно именительного мн. ч. имен с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ надо заметить, что, как позволяет думать сопоставление греческого, латинского, литовского и славянского языков, еще в о. и. е. языке в диалектах существовала в таких именах форма именительного мн. ч. на $\check{a}^o\tilde{i}$, образованная по аналогии склонения местоимений мужеского рода.

Древнеиндийский язык. Из и. е. $\check{a}^o s$ в именительном мн. ч. явилось др. инд. *as* имен с основами на неслоговые звуки в этой форме: *vācas*, *pitāras*, *dhīyas* (именительный ед. ч. *dhīs*), *bhūvas* (именительный ед. ч. *bhūs*), *nāvas* (именительный ед. ч. *nāus*).

В именах с и. е. производными основами на $\tilde{i}$ в санскритском наречии являлась исключительно форма именительного мн. ч. на *ayas* из и. е. формы на $\check{a}^e j\check{a}^e s$, например *agnāyas*; так же образовывался в др. инд. языке именительный мн. ч. имен с основами на $\tilde{y}$, т. е. на *avas* из и. е. $\check{a}^e v\check{a}^e s$, например *çātravas*. В ведийском наречии при таком образовании именительного мн. ч. этих имен существовало и другое, хотя редкое, — то образование, которое восходит к и. е. образованию на $\tilde{i}\check{a}^e s$, $\tilde{y}\check{a}^e s$. В именах с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ в др. инд. именительный мн. ч. оканчивался на *ās* из и. е. $\check{a}^o s$, например *āçvās* (от основы *āçva*). В ведийском наречии в таких именах существовало и образование на *āsas* — *āçvāsas*; это, вероятно, новообразование, явившееся еще в индо-иран. языке, может быть, вследствие присоединения к форме именительного мн. ч. на *ās* суффикса именительного мн. ч. *ās*, извлеченного из формы именительного мн. ч. в других именах. Именительный мн. ч. имен с основами на $\check{a}^a$ в др. инд. оканчивался на и. е. $\check{a}^a s$ — *sēnā^as*; в ведийском наречии иногда и в этих именах находим окончание *āsas*: *sēnāsas*.

В именах с и. е. производными основами женского рода на $\tilde{i}$ стянутое из *iə* именительный мн. ч. оканчивался в др. инд. языке на *yas* (в Ведах читается и *ias*) — *dēvyās*, по аналогии именительного мн. ч. имен с производными основами не-среднего рода на $\tilde{i}$ (например, *nadyās*, при именительном ед. ч. *nadīs*), но, кроме того, в ведийском наречии в именах с и. е.

основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ существовала и форма именительного мн. ч. на $\bar{i}s$ — *dēvis*, которая, надо думать, восходит к и. е. образованию на $\bar{i}s$. В именах с и. е. производными основами женского рода на $\bar{u}$ стянутое из $u\bar{a}$ мы находим в др. инд. языке в именительном мн. ч. только новообразование по аналогии имен с и. е. производными основами несреднего рода на $\bar{u}$, например *vadhvās*, подобно *tanvās* (в Ведах вместо *vas* читается u — *uas*).

Греческий язык. Из и. е. $\bar{a}^o$ в греч. языке получилось $\epsilon\varsigma$, например $\beta\pi\epsilon\varsigma$, $\mu\eta\tau\acute{\epsilon}\rho\epsilon\varsigma$, $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\epsilon\varsigma$, из $*\iota\chi\theta\upsilon\epsilon\varsigma$. В именах с и. е. основами на $\bar{i}$ о. греч. язык имел в именительном мн. ч. несреднего рода: 1) форму на $\iota\epsilon\varsigma$, отсюда в отдельных диалектах, кроме аттического, такие образования, как $\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\epsilon\varsigma$; 2) о. греч. язык имел в этих именах форму на $\epsilon\epsilon\varsigma$, из $*\epsilon j\epsilon\varsigma$, где суффикс именительного мн. ч. приставлен к основе на дифтонг, чередовавшийся с $\bar{i}$ в именах с такими основами; из этого $\epsilon\epsilon\varsigma$ в аттическом получилось $\epsilon\iota\varsigma$, например $\tau\rho\epsilon\iota\varsigma$, тождественно др. инд. *trayas*. В гомеровской форме на $\eta\epsilon\varsigma$ — $\pi\acute{o}\lambda\eta\epsilon\varsigma$ основа на η объясняется так же, как и в форме родительного-отложительного ед. ч. $\pi\acute{o}\lambda\eta\varsigma$, заимствованием основы на η из древней формы местного ед. ч. $*\pi\acute{o}\lambda\eta$. В греч. именах с и. е. основами на $\bar{u}$ именительный мн. ч. несреднего рода оканчивался в о. греч. языке на $\epsilon\epsilon\varsigma$, откуда $\epsilon\epsilon\varsigma$, аттич. $\epsilon\iota\varsigma$, например $\pi\acute{\iota}\lambda\eta\epsilon\varsigma$ (сравн. др. инд. образование этой формы на *avas*). В именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^o/\bar{a}^o$ в греч. языке существовала форма именительного мн. ч. на $\alpha\iota$, например $\bar{\iota}\pi\pi\alpha\iota$, по аналогии местным склонения, например $\tau\acute{o}\iota$, и такое образование именительного мн. ч. в этих именах могло быть получено из диалектов общего и. е. языка. Именительный мн. ч. имен с и. е. производными основами на $\bar{a}^a$, равно как и имен с основами на о. греч. $\bar{a}$ с его фонетическими изменениями в именительном ед. ч. представлял в греч. языке новообразование на $\alpha\iota$, например $\chi\omega\rho\alpha\iota$, $\varphi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\alpha\iota$, явившееся, вероятно, под влиянием формы именительного мн. ч. на $\alpha\iota$ в именах с основами на греч. α .

Латинский язык. В именах лат. 3-го склонения, в которых смешались имена со старыми основами на согласную и с основой на $\bar{i}$, именительный мн. ч. несреднего рода оканчивался на $\bar{e}s$, например *trēs*, *ovēs*, *vocēs*. Это лат. $\bar{e}s$ полу-

чилось из *ejes* с фонетической утратой *j* между гласными, т. е. лат. образование восходит к тому и. е. образованию именительного мн. ч. имен с основами на *ī*, в котором суффикс именительного мн. ч. приставлялся к основе на дифтонг. Значит, это лат. *ēs* тождественно с о. греч. *εες*, например, в *τρῆες*, *τρῆς*, др. инд. *ayās*. Кроме этой формы на *ēs* в именительном мн. ч. несреднего рода имен лат. 3-го склонения, в др. лат. языке существовала и форма на *īs*, например *ovīs*; эта форма, по-видимому, восходит к и. е. образованию именительного мн. ч. имен с такими основами на *īs*. В лат. именах с и. е. основами на *ī* именительный мн. ч. несреднего рода оканчивался на *īs*, например *manīs*; может быть, это образование восходит к и. е. образованию именительного мн. ч. таких имен на *īs*. В именах с и. е. производными основами на *ā^o/ā^e* лат. язык получил форму именительного мн. ч. на *oi* (сравн. греч. *οι*) из и. е. диалектич. *ā^oi*; отсюда в лат. языке фонетически *ei* и далее *ī*, например *equēi*—*equī*. В именах с и. е. производными основами на *ā^a* лат. язык в именительном мн. ч. представлял новообразование, аналогичное, хотя не тождественное, с тем новообразованием этой формы, которое мы находим в греч. языке, а именно, лат. язык имел здесь форму на *ai*, откуда позже *ae*, например *equai*—*equae*. Лат. *ai* в таком положении указывает на более древнее *āi*, так как из старого *āi* в конце слова мы ждали бы в лат. языке *ei* и в результате *ī*; в греч. *αι* в именительном мн. ч. мы находим *α* с старою краткостью. В именах с и. е. диалектическими производными основами на *ā^e* после *i* и *j* именительный мн. ч. оканчивался в лат. языке на *ēs*, из и. е. *ā^es*, например *faciēs*. Что касается лат. *rēs* (от и. е. основы на дифтонг *ā^ei*), то *rēs* тождественно с др. инд. *rāyas*, т. е. лат. *rēs* из *rejēs*.

Старославянский язык. Из и. е. *ā^es* в суффиксе именительного мн. ч. несреднего рода (от основ на неслоговой звук в этой форме) в ст. слав. языке фонетически являлось *с*; это *с* мы находим в ст. слав. языке в именах мужеского рода с и. е. основами на согласную, например *дньс* (именительный ед. ч. *днь* представляет другую основу), *жєньс* и *слєньс* (именительный *жєнь* и *слєнь* представляет другую основу), *вєржшєс* (сравн. греч. *φέρουτες*), где *шт*, не *т*, из других падежных форм

от основы распространенной, несъше и т. д. Имена с основами на согласную женского рода в именительном мн. ч. в ст. слав. языке следовали аналогии имен с первоначальными основами на *ĩ*, например *матѣри*; то же находим и в именах женского рода с основами на индоевропейское *ĩ*, распадавшееся перед гласной на *ĩ + ѹ* или *ѹ*, например *свекръѹи* (в этих ст. слав. именах совпали, как я говорил, и. е. основы женского рода на *ĩ* стянутое из *иѣ* и основы несреднего рода на *ĩ* другого происхождения). В именах с и. е. производными основами на *ĩ* в именительном мн. ч. несреднего рода в старославянском существовало образование на *иѣ*, диалектическое *ьѣ*, и на *и*: первое образование являлось в именах мужского рода (*пѣтнѣ*, *пѣтѣ*), а второе в именах женского рода (*кѣстѣ*). Ст. слав. *иѣ* получилось из и. е. *ǣ^еǵǣ^сs*, так как еще в общеславянском языке *ǣ* перед *j* изменялось в *ĩ*, а из *ĩ* в положении перед *j* в результате явилось в о. слав. языке также *ĩ*, а не *i* иррациональное, т. е. *ь*. Значит, ст. слав. *иѣ* таких образований, как *пѣтнѣ*, тождественно с др. инд. *ayas*, греч. *εες*, лат. *es*. Что же касается ст. слав. *и* в именительном мн. ч. *кѣстѣ*, то оно тождественно с литов. *us* (написание *у* в литов. языке обозначает *ĩ*), а в литов. языке это *us* является в именительном мн. ч. всех имен с основами на индоевропейское *ĩ*, т. е. эта ст. слав. форма именительного мн. ч. на *и* восходит к литов.-слав. форме именительного мн. ч. имен с такими основами на *ĩs*, по-видимому, из и. е. образования на *ĩs* (сравн., что было сказано о форме именительного мн. ч. на *ĩs* в лат. языке, например *ovĩs*). В именах с и. е. производными основами на *ĩ*, — а эти основы в ст. слав. языке являлись только в именах мужского рода, — именительный мн. ч. оканчивался на *ѹѣ*, например *сынѹѣ*. Это *ѹѣ* произошло из и. е. *ǣ^еǵǣ^сs* (сравн. др. инд. *avas* в *sĩnavas*), т. е. в ст. слав. *ѹѣ* гласная *ѹ* перед *ѣ* из *ѣ*, а еще в диалектах литов.-слав. языка гласная *ѣ* перед *ѹ* изменялась в гласную *ǣ^о*, откуда слав. *о*; впрочем, такое изменение существовало, по-видимому, лишь в положении перед *ѹ*, за которым не следовала мягкая гласная, а в данном случае мы находим *ѹ + старая мягкая гласная*, так что надо думать, что гласная *ѹ* перед *ѣ* в *ѹѣ* явилась не фонетическим путем, а под влиянием *ѹ* перед *ѣ* в родительном мн. ч., например *сынѹѣѹ*

(см. далее), в форме дательного ед. ч., например *сынѡи* (а здесь литов.-слав. язык имел в окончании формы дифтонг $\ddot{a}^o i$ из и. е. дифтонга $\ddot{a}^o i$ или $\ddot{a} i$). В ст. слав. именах с и. е. производными основами на $\ddot{a}^o / \ddot{a}^e$ именительный мн. ч. несреднего рода оканчивался в ст. слав. языке на *и*, например *рѣки*. Это *и* восходит к о. слав. $\bar{i}$, а о. слав. $\bar{i}$ в этой форме получалось из о. слав. дифтонга *oi*, тождественного с греч. ω в $\epsilon\pi\omega\iota$, лат. *ei*, из *oi*, в *equēi*, *equi*. Дифтонг *oi* в о. слав. языке при положении в конце слова был здесь в результате $\bar{i}$, а не $i\bar{e}$, так как получен был из литов.-слав. языка с прерывистой долготой (см. фонетику). С различием между слав. *и* в именительном мн. ч. *рѣки* и слав. $\bar{y}$ в местном ед. ч. *рѣкѣ* сравн. в греч. языке различие, зависевшее от той же первоначальной причины (и. е. краткости неслоговой части дифтонга), между именительным мн. ч. $\omega\iota\chi\omega\iota$ и наречием, бывшим по происхождению формою местного падежа, $\omega\iota\chi\omega\iota$. Прямое указание на то, что о. слав. язык имел некогда дифтонг *oi* в именительном мн. ч. имен с такими основами, мы находим в том факте, что согласные *к*, *г*, *х* перед этим *и* являются измененными в *ц*, *з* (диалектич. *з*), *с*, например *вѣцѣи*, *рѣзѣи* и *роуцѣи*, а перед старыми мягкими гласными *ѣ*, *ѣ*, *х* изменились в о. слав. не в *ц*, *з* и *з*, *с*, но в *ѣ*, *ж* и *ш*, как это видим, например, в звательной форме ед. ч. тех же имен: *вѣѣѣ* (*вѣѣѣ*), *рѣѣѣ*, *доуѣѣ*. В ст. слав. именах с и. е. производными основами на $\ddot{a}^a$ именительный мн. ч. при фонетическом изменении совпал бы с именительным ед. ч. тех же имен, т. е. получилась бы, например, форма *рыка*, так как конечное *с* должно было отпасть еще в о. слав. языке; в форме именительного мн. ч. этих имен еще о. слав. язык представлял такое же новообразование, как и в форме родительного ед. ч. тех же имен, т. е. новообразование на *ѣ* после твердой согласной и на $i\bar{e}$ после о. слав. мягкого неслогового звука, отсюда в ст. слав. языке форма на *ѣ* после твердой согласной и на $\bar{a}$ после о. слав. мягкой согласной, например *рыкѣѣ*, *землѣѣ*. О происхождении этого новообразования я буду говорить далее. Имена с и. е. производными основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ в именительном мн. ч. имели в ст. слав. языке форму, образованную по аналогии имен с основами на и. е. $\ddot{a}^a$ после о. слав. мягкой согласной: *верѣштѣѣ*.

Винительный падеж множественного числа несреднего рода

Индоевропейским падежным суффиксом в этой форме было *ns* после краткой слоговой гласной в окончании основы, одно *s*, вероятно, из *ns*, после долгой слоговой гласной в окончании основы и сочетание *ans* после неслогового звука в окончании основы. В суффиксе *ns* *n*, как показывают, например, факты балтийских и древнеиндийского языков, было долгим в о. и. е. языке; поэтому и в окончании винительного мн. ч. *ans* в соединении с основой на неслоговой звук надо предполагать $\bar{n}$, и на долготу этого $\bar{n}$ указывают, действительно, факты литов. языка, хотя вместе с тем в о. и. е. языке в этом окончании было известно, вероятно, и $\bar{n}$, по крайней мере др. инд. и греч. языки сами по себе свидетельствовали бы об $\bar{n}$. В именах с производными основами на $\bar{i}$ и $\bar{y}$ суффикс винительного мн. ч. приставлялся к основе на эти гласные, а не на чередовавшиеся с ними дифтонги. В именах с основами несреднего рода на $\bar{i}$ и $\bar{y}$ винительный мн. ч. образовывался от основы, существовавшей в тех падежных формах, в которых падежный суффикс начинался с гласной, причем $\bar{i}$ и $\bar{y}$ распадались на звуки двух слогов ($\bar{i} + i$ или j и $\bar{y} + y$ или v), так что окончанием винительного мн. ч. в этих именах являлось сочетание *ans*, хотя, может быть, известно было также и образование винительного мн. ч. этих имен на *-is*, *-ys* (сравн. винительный ед. ч. тех же имен).

Древнеиндийский язык. В винительном мн. ч. несреднего рода имен с и. е. производными основами на $\ddot{a}^o / \ddot{a}^e$ и. е. форма на $\ddot{a}^o ns$ в др. инд. языке обратилась в форму на $\bar{a}n$ через посредство **ans*, отсюда же $\bar{a}s$, являвшееся при тесном сочетании слов в винительном мн. ч. в положении перед известными звуками в начале следующего слова, например *ācvaṇ*. Долгота гласной в др. инд. $\bar{a}n$ или $\bar{a}s$ образовалась из бывшей некогда долготы *n*. В именах с и. е. производными основами на $\bar{i}$ и $\bar{y}$ только имена мужеского рода в др. инд. языке сохранили старое образование формы винительного мн. ч. несреднего рода, именно — на др. инд. $\bar{i}n$, $\bar{y}n$, из и. е. $\bar{i}ns$, $\bar{y}ns$ через посредство *ins*, *yns*, где долгота гласной явилась из бывшей некогда долготы *n*, например *agnīn*, *catrūn*, между тем

как имена женского рода с такими основами в др. инд. языке в винительном мн. ч. получили новообразование по аналогии имен женского рода с основами на и. е. $\bar{a}^a$, а также с основами на и. е. диалектич. $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ в именительном ед. ч., а в этих именах еще в о. и. е. языке в винительном мн. ч. являлось в окончании, как я говорил, одно s без предшествующего n ; поэтому в именах женского рода с и. е. основами на $\bar{i}$ и $\bar{y}$ мы находим в др. инд. языке в винительном мн. ч. формы на $\bar{i}s$ и $\bar{y}s$: *gātīs, dhēnūs*.

Индоевропейское образование винительного мн. ч. несреднего рода на s без предшествующего n в именах с производными основами женского рода на $\bar{a}^a$ и на диалектич. $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ сохранялось в др. инд. языке, например винительный мн. ч. *sēnās, devīs*.

В и. е. окончании винительного мн. ч. $\alpha\eta s$ в соединении с основой на неслоговой звук в этой форме явилось др. инд. *as*, где др. инд. a указывает, по-видимому, на и. е. краткое n в сочетании αn : *vačās* и *vāčas* (от основы *vāč*), *śinas* (именительный *śvā* — „собака“). В именах родства и *nomina agentis* с и. е. производными основами на r винительный мн. ч. представляет в др. инд. языке новообразование по аналогии винительного мн. ч. имен с основами на гласную, а именно — в именах мужского рода с такими основами форма винительного падежа оканчивалась на $\bar{r}n$: *pitṛn* по аналогии, например, *ācvaṇ*, а в именах женского рода с такими основами она имела в окончании $\bar{r}s$, например *mātṛs*, по аналогии таких образований, как *sēnās*.

Греческий язык. В именах с и. е. производными основами на $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ и. е. $\bar{a}^o ns$ в окончании винительного мн. ч. имен несреднего рода в греч. языке дало $\alpha\varsigma$, вероятно, с о. греч. носовую гласную перед ς , откуда в диалектах аттическом и ионическом фонетически явилось $\alpha\upsilon\varsigma$, например $\dot{\iota}\pi\tau\alpha\upsilon\varsigma$, а, например, в критском диалекте сохранялось $\alpha\upsilon\varsigma$.

В именах с и. е. производными основами на $\bar{i}$ индоевропейское $\bar{i}ns$ в окончании винительного мн. ч. несреднего рода в греч. языке в ионич. и аттич. диалектах должно было обратиться в $\bar{i}s$; такое $\bar{i}s$ мы находим в гомеровской форме винительного мн. ч. $\bar{\iota}\bar{\iota}\varsigma$ от основы $\bar{\iota}\bar{\iota}$, из $*\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{s}$. Что касается гомеровских образований на $\alpha\varsigma$, как $\pi\acute{o}\sigma\iota\alpha\varsigma$, а также аттических на $\epsilon\varsigma$, на-

пример $\beta\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\varsigma$, то они по происхождению являются известными новообразованиями. В именах с производными основами на $\ddot{y}$ в винительном мн. ч. из и. е. $\ddot{y}ns$ должно было явиться в ионич. и аттич. диалектах $\bar{u}\varsigma$; такое u ; находим в гомеровском $\gamma\acute{\epsilon}y\bar{u}\varsigma$. Ионические формы на $\epsilon\alpha\varsigma$ в винительном мн. ч. таких имен, например $\pi\acute{\eta}\chi\epsilon\alpha\varsigma$ (у Геродота), представляют известное новообразование. Индоевропейская форма винительного мн. ч. на $\bar{a}^s$ имен с производными основами на $\bar{a}$ в греч. языке, и притом еще в общегреческую эпоху, под влиянием формы винительного мн. ч. имен с основами на краткую гласную, получила n перед s , в связи с чем $\bar{a}$ перед ns фонетически сократилось еще в о. греч. языке, т. е. в винительном мн. ч. имен с такими основами о. греч. язык имел форму на $\ddot{a}ns$ вместо формы на $\bar{a}s$. Из этой формы в ионич. и аттич. диалектах находим форму на $\bar{a}s$, а, например, в критском диалекте здесь сохранялось $\bar{a}u$; Подобным образом и в именах с основами на о. греч. сочетание $\bar{y}$ с его фонетическим изменением в именительном ед. ч. винительный мн. ч. оканчивался еще в о. греч. языке на $\bar{y}\varsigma$; в ионич. и аттич. диалектах и здесь мы находим окончание $\bar{a}\varsigma$, например $\varphi\epsilon\rho\acute{o}\sigma\bar{a}\varsigma$. Как получилось это образование в о. греч. языке, я не определяю ввиду неясности образования формы винительного мн. ч. имен с такими основами в самом о. и. е. языке (др. инд. язык указывает на окончание $\bar{i}s$, но это окончание мы не должны ждать в греч. языке, так как индоевропейское $\bar{i}$ в окончании таких основ вообще не перешло в греч. язык). Индоевропейское окончание $\bar{a}ns$ в окончании винительного мн. ч. имен с основами на неслоговой звук в этой форме в греч. языке обратилось в $\bar{a}\varsigma$, где $\bar{a}$ указывает, по-видимому, непосредственно на и. е. сочетание с n кратким, например $\bar{o}pas$, $\bar{x}unas$, гомеровское $\theta\acute{u}y\alpha\tau\bar{r}\alpha\varsigma$ (с сохранением старого слабого вида основы), $y\bar{\eta}\bar{a}\varsigma$ (сравн. др. инд. $n\bar{a}vas$), $\bar{x}\bar{i}\bar{a}\varsigma$ (именительный ед. ч. $\bar{x}\bar{i}\varsigma$, $\bar{i}\chi\theta\acute{o}\bar{a}\varsigma$ (из $*\bar{i}\chi\theta\bar{u}\bar{r}\bar{a}\varsigma$), $\bar{o}\varphi\bar{r}\bar{o}\bar{a}\varsigma$ (из $\bar{o}\varphi\bar{r}\bar{o}\bar{r}\bar{a}\varsigma$, именительный ед. ч. на $\bar{o}\varsigma$). Такие образования, как $\bar{o}\varphi\bar{r}\bar{o}\bar{s}$, могли явиться по аналогии той же формы имен с основами на $\ddot{y}$, но возможно и то, что о. греч. $-uns$ здесь заменило собою и. е. $\bar{u}s$ (подобно о. греч. ans вместо и. е. $\bar{a}^s$).

Латинский язык. Из и. е. $\bar{a}^ons$ в винительном мн. ч. имен с основами на $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ получилось лат. $\bar{o}s$, например $equ\bar{o}s$,

где $\bar{o}$ непосредственно из носовой гласной $\bar{q}$. Из $\bar{i}ns$ в винительном мн. ч. имен с основами на $\bar{i}$ получилось лат. $\bar{i}s$ ($\bar{i}$ из носовой гласной) в таких образованиях, как *ovīs*. Из и. е. $\bar{y}ns$ в винительном мн. ч. имен с основами на $\bar{y}$ получилось лат. $\bar{y}s$ ($\bar{y}$ из носовой гласной), например *manūs*. Индоевропейскому $\bar{a}^a s$ в винительном мн. ч. имен с основами на $\bar{a}^a$ соответствует в лат. языке также $\bar{a}s$, например *equās*; другие др. италийск. языки заставляют думать, что лат. $\bar{a}s$ здесь не тождественно с и. е. $\bar{a}^a s$, но что в о. италийск. языке существовало такое же новообразование, как в о. греч. языке, т. е. что лат. $\bar{a}s$ в *equās* из $\bar{a}ns$. Из и. е. сочетания $\bar{q}ns$ в винительном мн. ч. имен с основами на неслоговой звук в этой форме в лат. языке получилось фонетически $\bar{e}s$, непосредственно из $\bar{e}ns$, где $\bar{e}n$ из и. е. сочетания $\bar{q}n$, например *matrēs, vocēs*; то же $\bar{e}s$ в лат. языке перенесено и в имена с основами на первоначальное $\bar{i}$, например *ovēs*.

Старославянский язык. Из и. е. $\bar{a}^o ns$ в винительном мн. ч. имен с и. е. производными основами на $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ о. слав. язык имел *ons*, далее *uns*, а из *uns* через посредство $\bar{q}s$, терявшего носовое свойство еще в о. слав. языке, в результате после твердой согласной получилось $\bar{y}$ непосредственно из $\bar{y}$, отсюда и ст. слав. $\bar{y}$ в винительном мн. ч., например *рабы, вълкы* (диалектич. *вълкы*). В положении после о. слав. мягкого неслогового звука о. слав. $\bar{q}s$, являвшееся из *uns, ons*, изменилось в результате в $\bar{i}\bar{e}$, именно, вероятно, через посредство $\bar{d}s$, откуда $\bar{e}s$ (с e закрытым), а далее это $\bar{e}$, как и $\bar{e}$ всякого происхождения, распалось в о. слав. языке на сочетание $\bar{i}\bar{e}$ одного слога; в ст. слав. языке из о. слав. $\bar{i}\bar{e}$ получилось $\bar{e}(\lambda)$ после о. слав. мягкой согласной, например *кѡна, краѡ*. Из и. е. $\bar{i}ns$ в винительном мн. ч. имен с основами на $\bar{i}$ о. слав. язык получил с течением времени $\bar{i}s$, далее $\bar{i}s$ и в результате одно $\bar{i}$, откуда ст. слав. $\bar{i}$ в винительном мн. ч. таких имен, например *пѣти, кости*. Из и. е. $\bar{y}ns$ в винительном мн. ч. имен с производными основами на $\bar{y}$ о. слав. язык должен был получить в эпоху образования носовых гласных $\bar{q}s$, откуда в результате $\bar{y}$ непосредственно из $\bar{y}$, как и в винительном мн. ч. имен с основами на и. е. $\bar{a}^o/\bar{a}^e$. Ст. слав. $\bar{y}$ такого происхождения является, например, в винительном мн. ч. *сыны*. Из и. е. формы на

$\bar{a}^a s$ в винительном мн. ч. имен с производными основами на $\bar{a}^a$ о. слав. язык должен был некогда иметь форму на $\bar{a}s$, откуда с фонетическим отпадением s явилась бы форма на $\bar{a}$, причем эта форма на $\bar{a}$ совпала бы в окончании с формой именительного ед. ч. таких имен, но еще в ту эпоху, когда в о. слав. языке сохранялось конечное s , при форме на $\bar{a}s$ в винительном мн. ч. таких основ в о. слав. языке существовало новообразование на ons , из $\bar{a}ns$, с сокращением долгой гласной в положении перед группой согласных без последующей гласной и с n , явившимся под влиянием аналогии со стороны окончания винительного мн. ч. имен с основами на первоначальные краткие гласные. Это новообразование в форме винительного мн. ч. таких имен, существовавшее некогда в о. слав. языке рядом со старой формой, получено было о. слав. языком, вероятно, из литов.-слав. языка; с течением времени это о. слав. образование на ons с его фонетическим изменением в винительном мн. ч. таких имен вытеснило в о. слав. языке форму на $\bar{a}s$ в винительном мн. ч. тех же имен, а фонетическое изменение этого ons было тождественно с изменением ons в винительном мн. ч. имен с и. е. производными основами на $\bar{a}^o/\bar{a}^e$, т. е. в результате и здесь получилось в о. слав. языке yi после твердой согласной и о. слав. сочетание $\bar{i}\bar{e}$, откуда ст. слав. $ѣ$, после о. слав. мягкого неслогового звука, например ст. слав. $ръѣѣ$, $ѣмѣѣ$. В ту эпоху, когда в о. слав. языке рядом с формой винительного мн. ч. на $\bar{a}s$ существовало и это новообразование на $\bar{a}ns$, ons , в это время и в других случаях, где в конце слова существовало $\bar{a}s$, под влиянием звуковой аналогии со стороны формы винительного мн. ч. имен с основами на $\bar{a}^a$ явился вариант $\bar{a}ns$, ons с его фонетическим изменением, и как в винительном мн. ч. таких имен образование на ons с течением времени вытеснило собою старое образование на $\bar{a}s$, так и в других случаях, где при конечном $\bar{a}s$ явилось параллельное новообразование на ons , последнее вытеснило собою первое. Так объясняется форма именительного мн. ч. имен с такими основами в о. слав. и ст. слав. языках и форма родительного-отложительного ед. ч. с теми же основами. В ст. слав. именах с и. е. основами женского рода на $\bar{i}$ стянутое из $i\bar{a}$ в именительном ед. ч. форма винительного мн. ч. образовывалась по аналогии имен с осно-

вами на слав. *а* после о. слав. мягкой согласной, например милостыня, крѣшѣта и т. д. Что касается и. е. окончания *aus* в винительном. мн. ч. имен с основами на неслоговой звук в этой форме, то в ст. слав. языке это окончание не сохранилось. Имена с первоначальной основой на согласные в винительном мн. ч. в ст. слав. языке следовали или аналогии имен с основами на первоначальное *ї*, например *кѣмени*, *матери*, или же они представляли здесь форму винительного мн. ч. от основы на слав. *о*, т. е. на и. е. *ǣ^o*, как это видим в таких именах, как *гражданинѣ*, именительный мн. ч. *граждане* (основа на согласную), но винительный мн. ч. *граждане* по аналогии имен с основой на и. е. *ǣ^o/ǣ^e*.

Именительный-винительный среднего рода множественного числа

Суффиксом этой формы в именах с основами на согласную было в о. и. е. языке *ə*; кроме того, по крайней мере в некоторых именах с основами на согласную, эта форма образовывалась и без падежного суффикса, причем основа представляла сильный вид. В именах с основами на *ї* и *й* именительный-винительный среднего рода мн. ч. оканчивался в и. е. языке на *ī* и *īy*, которые могли произойти из *ī + ə* и *īy + ə*, т. е. с падежным суффиксом *ə*. В именах с основами на *ǣ^o/ǣ^e* эта падежная форма оканчивалась на *ā^a*, происхождение которого не ясно; по-видимому, в состав этого *ā^a* вошло *ā^a*, принадлежавшее самому падежному суффиксу.

Древнеиндийский язык. В именах с основами на согласную именительный-винительный среднего рода мн. ч. оканчивался на *ī*, которое объясняется фонетически из и. е. *ə*, например *nāmani* (ед. ч. *nāma* — „имя“, основа на *n*), *bhāranti* (ед. ч. *bharat* — „несущее“), *catvāri* — „четыре“ (средний род). Вообще же в именах с основами на согласную не *n* и не на группу *n +* согласная др. инд. язык представлял в этой форме известное новообразование с *n* (и его фонетическим изменением) перед конечной согласной основы, например *hṛndi* (ед. ч. *hṛd* — „сердце“), *gānāsi*, из **gānānsi*, вместо *gānāsi* (ед. ч. *gānas* — греч. γῆνος), а в *poṭina agentis* с основами на *r* (такие др. инд. имена среднего рода были вообще новообразованиями), именительный-

винительный среднего рода мн. ч. образовывался по аналогии той же формы имен с основами на гласную и оканчивался на *f̃ni*, например *dat̃f̃ni* (ед. ч. *dat̃f̃*).

Индоевропейское образование именительного-винительного среднего рода мн. ч. без падежного суффикса в именах с некоторыми основами на согласную в др. инд. языке в ведийском наречии сохранялось в именах с производными основами на *n* (при другом образовании), например *nāmā*, при *nāmāni*; конечное *ā* в этом *nāmā*, по-видимому, из и. е. *ā^on* или *ā^en* с подвижным *n*.

В именах с основами на индоевропейские *ī* и *ī̃* именительный-винительный среднего рода мн. ч. в ведийском наречии др. инд. языка оканчивался на *ī* и *ī̃*, например *trī* — „три“ (средний род), *mādhū* (ед. ч. *mādhū* — „сладкое, мед“), из и. е. форм на *ī* и *ī̃*, но при этом в ведийском наречии существовали здесь и новообразования на *īni* и *ī̃ni*, например *trīni*, *mādhūni*, а в санскритском наречии исключительно употреблялись лишь эти формы на *īni*, *ī̃ni*.

В именах с и. е. производными основами на *ā^o/ā^e* именительный-винительный среднего рода мн. ч. в ведийском наречии оканчивался, между прочим, на *ā*; например, *yugā* (ед. ч. *yugām* — „иг“), из и. е. формы на *ā^a*, но при этом и в ведийском наречии существовало новообразование на *āni*, например *yugāni*, а в санскритском наречии известна была лишь эта форма на *āni*.

Греческий язык. Во всех именах именительный-винительный среднего рода мн. ч. оканчивался в греч. языке на *ᾱ*; в именах с основами на согласные, например в *γέυεα*, это *ᾱ* может восходить к индоевропейскому *a*, хотя могло бы быть также однородно с греч. *ᾱ* в именительном-винительном среднего рода мн. ч. имен с основами на и. е. *ā^o/ā^e*. Окончание именительного-винительного мн. ч. среднего рода имен с и. е. основами последнего рода, например в *ζυγᾱ*, остается не совсем ясным по своему происхождению (в о.и.е. языке эта форма оканчивалась на *ā^a*). Обыкновенно думают, что в этой греч. форме *ᾱ* явилось по аналогии имен с основами на согласные, но греч. имена с основами на и.е. *ā^o/ā^e* вообще не обнаруживают влияния на них имен с основами на согласные. Не произошло ли это греч. *ᾱ* из индоевропейского *ā^a* с тою долготой, которую я называю

„прерывистой“? В формах именительного-винительного мн. ч. среднего рода от основ на $\tilde{i}$, $\tau\rho\acute{\iota}\alpha$ и $\tilde{i}\delta\rho\acute{\iota}\alpha$, старая форма на индоевропейское $\tilde{i}$ заменена новообразованием по аналогии той же формы в других именах, если только это $\tilde{i}\alpha$ не из и.е. диалектического окончания этих имен в именительном-винительном мн. ч. среднего рода на $i\tilde{a}^a$; также и в именах с основами на индоевропейское $\tilde{i}$ греч. язык представлял $\tilde{i}$ в окончании именительного-винительного среднего рода мн. ч., например в $\tilde{i}\delta\acute{\epsilon}\alpha$, из $\tilde{i}\delta\epsilon\epsilon\alpha$, причем основа в таком виде являлась в этих формах под влиянием других падежных форм, в которых из и.е. языка была получена основа на дифтонг, чередовавшийся с $\tilde{i}$.

Латинский язык. Во всех именах именительный-винительный среднего рода мн. ч. оканчивался в лат. языке на $\tilde{a}$, сократившееся фонетически из $\tilde{a}$ в конце слова, например *nomina*, *genera*, *tria* (и.е. tri — „три“ среднего рода сохранилось только в *trīginta*), *iuga*; из др. лат. метрического языка известны случаи, где a в окончании этой формы сохраняло долготу. В именах с основами на и.е. $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$ лат. $\tilde{a}$, например в *iugā*, получено из и.е. $\tilde{a}^a$, а по отношению к именам с другими основами является вопрос, представляет ли лат. форма на $\tilde{a}$ из $\tilde{a}$ новообразование по аналогии имен с основами на и.е. $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$, или же она восходит к и.е. диалектической форме таких имен на $\tilde{a}^a$ в именительном-винительном среднего рода мн. ч.

Старославянский язык. Во всех именах, за исключением числительного три в среднем роде (из и.е. tri), форма именительного-винительного среднего рода мн. ч. оканчивалась здесь на a из о. слав. $\tilde{a}$, например имена, слова, дѣла. В именах с основами на и.е. $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$ это ст. слав. a , например в дѣла, восходит к и.е. $\tilde{a}^a$, а по отношению к прочим именам и здесь представляется тот же вопрос, как и по отношению к лат. именам с основами не на и.е. $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$ в именительном-винительном среднего рода мн. ч.

Родительный падеж множественного числа

Суффиксом этой формы в склонении имен было в о.и.е. языке $\tilde{a}^om$. В именах с основами на $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$ эта форма оканчивалась также на $\tilde{a}^om$, где в состав $\tilde{a}^o$ вошло $\tilde{a}^o$ (или частью, может быть, $\tilde{a}^e$) в окончании основы + $\tilde{a}^o$ падежного суффикса

ā^om. В именах с производными основами женского рода на *ā^o* родительный мн. ч. оканчивался на *ā^om*, где *ā^a* из соединения *ā^a* в окончании + *ā^o* падежного суффикса *ā^om*. В именах с производными основами женского рода на *ī* стянутое из *iā* и на *ī* стянутое из *uā* индоевропейское образование родительного множественного числа не ясно; вероятно, на *iā^om*, *iā^om* и на *uā^om*, *uā^om*, где перед *ā^o* исчезло *a* в окончании слабого звукового вида таких основ (ранее стяжения *iā*, *uā* в *ī* и *ī*). В именах с производными основами на *i* и *u* суффикс родительного мн. ч. присоединялся к *i* и *u* в окончании основ. Из различных и.е. языков известны, однако, здесь также и образования от основ на дифтонги, чередовавшиеся с *i* и *u*; эти образования явились под влиянием именительного мн. ч. тех же имен.

Древнеиндийский язык. В др. инд. языке и. е. суффикс родительного мн. ч. *ā^om* в именах с основами на неслоговой звук (за исключением имен с производными основами на *r*) сохранялся как *ām*, например *vāčām* (именительный ед. ч. *vāk*), *śūnām* (именительный ед. ч. *śvā* — „собака“), *navām* (именительный ед. ч. *naus* — „корабль“). В именах с основами на слоговую гласную др. инд. язык имел в этой форме новообразование на *nām* с долгою предшествовавшей гласной, например *ācvanām* (основа *açva*), *agninām* (основа *agni*), *sēnām* (основа *sēnā*); только в именах с и.е. непродизводными основами несреднего рода на *ī* и *ū* при новообразовании на *nām* известна была и форма на *ām*, например *dhiyām*, при *dhīnām* (основа *dhī*). В ведийском наречии в некоторых именах с основами на *ā^o/ā^e* сохранялась иногда (в очень редких случаях) в родительном мн. ч. старая форма на *ām*, из индоевропейского *ā^om*, при новообразовании на *nām*, например *dēvām*, при *dēvānām* (основа *dēva* — „бог“). В др. инд. именах с производными основами на *r* родительный мн. ч. получал, по аналогии имен с основами на слоговые гласные, новообразование на *fnām*, например *pitṛnām* (именительный ед. ч. *pitā* — „отец“); в ведийском наречии в некоторых из таких имен сохранялась и старая форма на *ām*, например *narām* (основа родственна с основой греч. *ἀνῆρ*).

Греческий язык. Из и.е. *ā^om* в окончании родительного мн. ч. здесь получилось фонетически *ων* (с изменением конечного *m* в *u*), например в *ὀπῶν*, *χοῦων* (др. инд. *śūnām*), *λόγων*;

в πῆχυν и в аттич. βάσυν основа представляет новообразование (может быть, древнее) под влиянием именительного мн. ч. таких имен. В родительном мн. ч. имен греч. 1-го склонения на о. греч. $\bar{\alpha}$ в именительном ед. ч. форма на индоевропейское $\bar{a}^am$ в родительном мн. ч. еще в о. греч. языке была заменена новообразованием по аналогии местоименного склонения а в склонении местоимений (т. е. так называемых неличных местоимений) суффиксом родительного мн. ч. в о.и.е. языке было sa^om ; поэтому в таких греч. именах 1-го склонения вместо формы на $\bar{\alpha}y$, из и.е. $\bar{a}^am$ (которая должна была совпасть с формой винительного ед. ч. тех же имен), о. греч. язык получил форму на $\bar{\alpha}oy$, где между гласными фонетически исчезло s ; отсюда гомеровская форма на $\bar{\alpha}oy$, аттич. на oy , например гомеровское θεῶν.

В греч. именах 1-го склонения на о. греч. $\iota\alpha$ (с его изменениями) в именительном ед. ч. родительный мн. ч. образовывался по аналогии других имен 1-го склонения, т. е. оканчивался также на $-\bar{\alpha}oy$ (из $-\bar{\alpha}soy$), отсюда гомеровское $\bar{\alpha}oy$, аттич. oy , например в гомеровском μοῦσῶν.

В латинском языке из и.е. $\bar{a}^om$ в окончании родительного мн. ч. получилось фонетически $\bar{o}m$ (с сокращением долгой гласной перед конечным m) и далее $\bar{y}m$, например в *vocum*, *hominum*, *ovium*. В именах с основами на и.е. $\bar{a}^o/\bar{a}^e$ такая форма сохранялась лишь в редких случаях, например в *deum*, *fabrum*, а обыкновенно вместо нее являлось новообразование на $\bar{o}rum$ (где r из s между гласными) по аналогии местоименного склонения.

Вместо и.е. формы родительного мн. ч. на $\bar{a}^am$ в именах латинских 1-го склонения еще о. итальянск. язык имел новообразование по аналогии местоименного склонения; отсюда в лат. языке форма на *arum* (r из s), например *equarum*. Такое же новообразование находим и в родительном мн. ч. имен с и.е. диалектическими основами на $\bar{a}^e$ после i и $\bar{i}$, например *facierum*.

Старославянский язык. В ст. слав. языке из и.е. $\bar{a}^om$ в окончании родительного мн. ч. получилось $\bar{y}$ после твердой согласной, $\bar{ь}$ — после о. слав. мягкой согласной, а из о. слав. $\bar{y}b$ (где $\bar{ь}$ в данном случае из $\bar{y}$ после мягкой согласной) ст. слав. язык имел n ; например, родительный мн. ч. днь $\bar{y}$ (от основ на и.е. n), словесъ $\bar{y}$, влъкъ и клѣкъ $\bar{y}$, коѣ $\bar{y}$, вран $\bar{y}$; в пѣтнѣ, вѣстнѣ,

сынѡвъ основа представляет новообразование (может быть, древнее) под влиянием таких форм, как имен. мн. ч. в *пѣтнѡ*, сынѡвѣ. Происхождение ст. слав. и о. слав. ѡ (вместо которого после мягких согласных ѡ) объясняется так: литов.-слав. язык имел из и.е. *ā^o* в окончании родительного мн. ч. *ā^om* гласную *ō* с прерывистой долготой; эта гласная в о. слав. языке сама по себе переходила в *ī*, а в положении перед конечною носовой согласной должна была сократиться (как и всякая о. слав. долгая гласная в таком положении), т. е. из и.е. *ā^om* с литов.-слав. прерывистою долгой гласной о. слав. язык должен был иметь некогда *īn*, откуда через посредство *ī* в результате и иррациональное неносовое, т. е. ѡ, так как носовые *i* и *u* еще в о. слав. языке утратили носовое свойство. Индоевропейская форма родительного мн. ч. на *ā^om* еще в литов.-слав. языке была изменена под влиянием формы родительного мн. ч. в прочих именах; в ст. слав. языке и здесь поэтому форма на ѡ, ѡ, и (из *jb*), например *рыбѡ*, *доушѡ*, *змии* (именительный ед. ч. *змии*). Такое же окончание родительного мн. ч. находим и в *поустыѣнѡ* (именительный ед. ч. *поустыѣни*).

Дательный-отложительный падеж множественного числа

Для дательного и отложительного падежа во мн. ч. в окончании имен (а также и местоимений, т. е. так называемых неличных местоимений) о. и. е. язык имел одну общую форму. Суффикс этой формы в одних диалектах начинался с *bh*, а в других с *m*; кроме того, по-видимому, и тот и другой вид этого суффикса представлял в свою очередь известные различия в звуковой стороне.

В древнеиндийском языке мы находим здесь падежный суффикс *bhyas* (в Ведах часто читается *bhīas*), например *vāgbhīyās* (именительный ед. ч. *vāk*), *agnībhyas*, *sēnābhyas* и т. д.; в именах с основами на и.е. *ā^o/ā^c* др. инд. язык имел перед *bhyas* в окончании основы *ē* из дифтонга по аналогии местоименного склонения, например *aṣṭvēbhyas* (основа *aṣṭa*), сравн. *tēbhyas* — „этим“, где *tē* тождественно со ст. слав. *тъ* в *тъмѣ*.

В греческом языке и.е. дательный-отложительный мн. ч. не сохранился; значение отложительного падежа соединилось

здесь с формою родительного падежа (как в ед. ч.), а значение дательного мн. ч. соединилось с формою творительного и местного, которая по происхождению была частью формою и.е. местного падежа, частью формою и.е. творительного падежа.

В латинском языке в соответствии с др. инд. *bhyas* в дательном-отложительном мн. ч. (по значению та же форма была в лат. языке и формой творительного и местного мн. ч.) мы находим древнее *bos*, откуда *bus*, например *ovibus*; это *bos*, *bus* по происхождению родственно, но, по-видимому, не тождественно с др. инд. *bhyas*. В именах лат. 2-го склонения форма и.е. дательного-отложительного мн. ч. не сохранилась, и вместо нее являлась здесь форма и.е. творительного падежа; в именах лат. 1-го склонения по большей части употреблялась в значении дательно-отложительного падежа форма, представлявшая собою по происхождению известное новообразование (существовавшее еще в о. италийск. языке) по аналогии формы творительно-дательно-отложительного имен лат. 2-го склонения, но в некоторых именах 1-го склонения продолжала сохраняться и старая форма дательного-отложительного мн. ч., например *filiabus* для отличия от *filiis*.

В старославянском языке и еще в о. слав. и.е. форма дательного-отложительного мн. ч. имела лишь значение дательного падежа, а значение отложительного мн. ч. соединилось здесь, как и в греч. языке, с формою родительного мн. ч. Суффиксом ст. слав. формы дательного мн. ч. было *мъ*, где *м* из и.е. диалектич. *m* в начале этого суффикса, а *ъ* произошло, вероятно, из о. слав. *ǫs*, так что *ъ* в *мъ* может быть тождественно с лат. *ǫs*, *ǫs* в лат. *bos*, *bus*, а также, по крайней мере частью, с др. инд. *as* в *bhyas*. Например, *равомъ*, *конемъ*, *рыбамъ* и т. д.

Местный падеж множественного числа

Одним из суффиксов этой формы в о.и.е. языке было *śī*, откуда др. инд. *su* и *ṣu* (последнее в положении после известных звуков с фонетическим изменением *s* в *ṣ*), например *sénāsu* (от основы *sénā*), *agnīṣu* (основа *agni*), *vākṣū* (основа *vāk*).

В старославянском языке хъ в местном мн. ч., где х из s, например в *рыкахъ*, *костьхъ* и т. д., родственно с др. инд. *su*, *ṣu*.

В греческом языке и.е. форма местного мн. ч. является в форме на *σιυ* с подвижным *υ*, ставшей здесь по значению также и формой дательного и творительного падежа, например *μητρᾷσι* (*ρᾷ* из и.е. *ǵr*), гомеровское *μένεσσι*, откуда *μένεσι*, и т. д. В этом греч. окончании *σιυ/σι σ* то же, которое является в и.е. суффиксе *śi*, т. е. то и.е. окончание местного мн. ч., из которого произошло греч. *σιυ*, *σι*, в первой части было родственно с тем *śi*, из которого др. инд. *su*, *ṣu*.

В именах с основами на *ǣ°/ǣ°* суффикс местного падежа мн. ч. приставлялся в о.и.е. языке к основе на *ǣ°*, распространенной при посредстве *i*, т. е. к дифтонгу *ǣ°i*, отсюда в др. инд. языке *ē*, например *ācveṣi* (основа *acva*), в ст. слав. языке ѣ, например *равѣхъ*, в греч. языке *οι*, например в гомеровском *ἵπποισι* (в аттическом диалекте в именах с такими основами форма и.е. местного падежа была с течением времени утрачена). Греческие диалектические формы на *ασι*, *ησι* в именах 1-го склонения, например *υἰμῶησι*, представляют собою новообразования по аналогии форм на старые формы на *οισι*; старые формы на *ασι*, *ησι* впоследствии употреблялись лишь в известных наречиях места, например в *θύρᾱσι*, *Ἀθῆνῃσι*.

Относительно ст. слав. языка надо заметить еще, что местный мн. ч. имен с основами на согласную имел здесь старое окончание *ѣхъ*, например *словесѣхъ*, при образовании на *ѣхъ* по аналогии имен с основами на индоевропейское *ī* (т. е., например, *костьхъ*), и отсюда же *ѣ*, при *ь* (последнее по аналогии имен с основами на индоевропейское *ī*), перед согласною падежного суффикса перенесено было и в некоторые другие падежные формы слав. имен с основами на и.е. согласную, именно в те, в которых падежный суффикс оканчивался на славянскую иррациональную гласную, *ѣ* или *ѣ*, после согласной: в творительном ед. ч., например *словесѣмь*, при *словесѣмь*, в дательном мн. ч., например *словесѣмь*, при *словесѣмь*. Окончание местного мн. ч. *ѣхъ* имен с основами на согласную связано по происхождению, по-видимому, с окончанием *с* в местном ед. ч. таких имен, а именно, можно думать, что в ту эпоху, когда

при старой форме местного ед. ч. таких имен без падежного суффикса явилась форма на слав. *e* (а это *e* могло быть, как я говорил, по происхождению „постпозициею“), в это время в местном мн. ч. этих имен при старом образовании, в котором падежный суффикс приставлялся непосредственно к конечной согласной основы, стало употребляться и другое образование, в котором этот суффикс присоединялся при посредстве *e*.

В латинском языке не сохранилась и.е. форма местного мн. ч.

Творительный падеж множественного числа

В именах с основами не на $\check{a}^o/\check{a}^e$ суффиксом творительного мн. ч. в о.и.е. языке было в одних диалектах *bhis* (может быть, при *bhins*), в других — *mins* (может быть, при *mis*), а в именах с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$ я предполагаю и.е. суффиксом творительного мн. ч. *his*, приставлявшееся к $\check{a}^o$ в окончании основы. Индоевропейский падежный суффикс *bhis* является в др. инд. языке как *bhis*, например *sēnābhis*, *agnībhis*, *vāgbhis*.

В старославянском языке суффикс творительного падежа мн. ч. *ми*, например *ръками*, *костыми*, указывает на о. слав. *mī*, которое я вывожу из *mins* через посредство *mīs* (носовые гласные перед согласными были в о. слав. языке вообще долгими) ввиду того, что литовский суффикс творительного падежа мн. ч. *mīs* произошел во всяком случае не из *mīs* (а о. слав. *mī* само по себе могло бы восходить и к старому *mis*), но может быть объяснен из *mins* со старым долгим *n*.

В греческом и латинском языках эти и.е. падежные суффиксы не сохранились. Что касается и.е. формы творительного мн. ч. $\check{a}^o his$ имен с основами на $\check{a}^o/\check{a}^e$, то история ее в отдельных и.е. языках была такова (см. фонетику).

В древнеиндийском языке отсюда *ais*, из *āis*, например *vrkaiṣ*; индо-иранское $\check{a}$ здесь из и.е. $\check{a}^o$ образовалось еще тогда, когда сохранялось придыхание между гласными, а затем $\check{a}$ и *i*, между которыми исчезло придыхание, слились в дифтонг $\check{a}i$, откуда др. инд. $\check{a}i$.

В греческом языке *oi*, например в $\epsilon\pi\tau\omicron\iota\varsigma$, произошло из *ohis* с утратою придыхания между гласными еще в о. греч. языке; подобным же образом в латинском языке из *ohis*

получилось *ois*, откуда *eis* (с изменением *oi* в *ei* в конечном слоге) и далее *īs*, например в *equīs*.

В старославянском языке из и.е. *ǵ^ohis* получилось **ы** после твердой согласной и **и** после о. слав. мягкой согласной, например творительный мн. ч. *рѣкы, кѣни*; между тем как в литов. языке мы находим здесь окончание *ais*. О. слав. *у*, ст. слав. **ы** в окончании этой формы в его отношении к литов. *ais* я объясняю так: в литов.-слав. языке эта форма оканчивалась на *ǵ^ois* (в два слога) с утратой придыхания между гласными, отсюда в о. слав. *o^os* и далее *u^os* (с изменением *o* в более закрытый звук перед закрытою гласною), а в результате *у(ы)* из *ū* (так как всякое о. слав. *у*, т. е. **ы**, из *ū*). В греческом языке по аналогии формы на *ois* в именах 2-го склонения и имена 1-го склонения получили форму на *ais*, например *ῥῶραις*; таким же образом о. итальяск. язык по аналогии формы на *ois* получил форму на *ais* в именах с и.е. основами на *ǵ^a*, и в лат. языке отсюда в результате *īs*, например *mensīs*.

Звательная форма множественного числа

Эта форма в о.и.е. языке была по образованию формою именительного мн. ч. и отличалась от последней лишь тем, что ударение в звательной форме падало во всех именах на первый слог. Такое место ударения в звательной форме мн. ч. (как и единственного, и двойственного) сохранилось в др. инд. языке.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Именительный-винительный несреднего рода

Падежным суффиксом этой формы в и.е. языках в именах с основами на неслоговой звук было *ǵ^e*, откуда греч. *ε*, например *ποικίλῃε*. В именах с основами на краткую гласную именительный-винительный дв. ч. несреднего рода оканчивался на долгую гласную, именно на *ǵ^o* (от основ на *ǵ^o*), *ī* (от основ на *ī*) и *ū* (от основ на *ū*), при этом рядом с формою на *ǵ^o* имен с основами на *ǵ^o* существовала и форма на *ǵ^ou*.

В древнеиндийском языке из *ǵ^ou* получалось *ai*, например *vr̥kai*, перенесенное и в именительный-винительный

дв. ч. имен с основами на неслоговой звук в этой форме, например *vaśau* (под влиянием числительного *dvau* — „два“). Др. инд. *ā*, из и.е. *ā^o*, существовало при *au* только в ведийском наречии, т. е., например, *vrkā*, при *vrkau*.

В греческом языке из и.е. *ā^o* мы находим *ω*, например *λίχω*.

В старославянском языке из *ā^o* или *ā^oи* находим *а* (т. е. о. слав. *ā*), например *раба*.

В латинском языке, где двойственное число исчезло в склонении (как и в спряжении), *o* в *duō*, *ambō* — из и. е. *ā^o*, при *ā^oи*, в именительном-винительном дв. ч. несреднего рода от основ на *ā^o*. Индоевропейские *ī* и *ū* в окончании именительного-винительного дв. ч. несреднего рода имен с основами на *ī* и *ū* сохранились в др. инд. языке как *ī* и *ū*, например *agnī*, *sūnū*, а также в ст. слав. языке мы находим здесь ст. слав. *и* (о. слав. *ī*) и *ы* (из индоевропейского *ū*), например *костн*, *сынн*.

Греческий язык в именах с такими основами представляет новообразование в форме именительного-винительного дв. ч. несреднего рода. В именах с и.е. производными основами на *ā^a* именительный-винительный дв. ч. несреднего рода оканчивался на *ā^ai*; отсюда в др. инд. языке *ē*, например *senē*, в ст. слав. *ѣ*, а после о. слав. мягких согласных *и*, например *ръѣѣ*, *доуши*. Греч. *ᾱ*, например, в двойственном числе *χωράᾱ* — новообразование по аналогии *ω* в *ῥῑπῑω*.

Именительный-винительный двойств. числа среднего рода

Индоевропейским падежным суффиксом было здесь *ī*, откуда древнеиндийское *ī* в именах с основой на согласную, например *mānasī*. Именительный-винительный среднего рода дв. ч. имен с основой на *ā^o* оканчивался в и. е. языке на *ā^oi* (из *ā^o* в окончании основы *+ī* падежного суффикса); в др. инд. языке отсюда *ē*, например *yugē*, в ст. слав. языке *ѣ*, а после о. слав. мягких согласных *и*, например *дѣѣ*, *поѣи*. Именительный-винительный дв. ч. среднего рода имен с основами на *ī* оканчивался в и. е. языке на *ī* из *ī+ī*; отсюда в др. инд. языке в ведийском наречии *ī*, в санскритском наречии новообразование на *ini*; в ст. слав. языке сюда принадле-

жит и (о. слав. *ī*) в *оуи*, *оуиш*. Греч. язык представляет новообразование в именительном-винительном дв. ч. среднего рода.

Родительный-местный падеж двойств. числа

Одним из суффиксов этой формы в и. е. языке было *āus* с *ā*, не склонным к *e*; отсюда др. инд. *os*, например *sinos*, *manasos* и т. д.; ст. слав. *оу*, например, в *каменюу*. В именах с основами на и. е. *ā^o/ā^e* и на *ā^a* мы находим в др. инд. языке окончание родительного местного дв. ч. на *ayos*, например *aṣṭayōs*, *sēnayōs*; в ст. слав. языке — *оу*: *равоу*, *рывоу*.

Дательный-отложительный-творительный-социативный падеж двойств. числа

Суффиксы этой формы в и. е. языке начинались в одних диалектах с *bh*, в других с *m*. В др. инд. языке мы находим здесь падежный суффикс *bhyaṁ* (в Ведах часто читается *bhiām*), в ст. слав. языке — *ма*. Греч. *ιϋ* в гомеровской форме на *οιϋ*, аттич. *ιϋ* восходит, по-видимому, к известному и. е. падежному суффиксу, начинавшемуся с придыхания и приставлявшемуся к основам на *ā^o*, распространенным при посредстве *i*.

Звательная форма дв. ч. была по образованию формою именительного-винительного падежа и при этом имела ударение во всех именах на первом слоге.

Я указал на формы склонения имен в о. и. е. языке и в тех отдельных и. е. языках, которые мы рассматриваем. Что касается склонения в о. и. е. языке другого рода неличных слов, т. е. неличных местоимений, то оно представляло известные отличия от склонения имен в образовании падежных форм. Так, в именительном-винительном ед. ч. среднего рода в склонении местоимений неличных суффиксом падежной формы являлось *d*, которое в др. инд. и лат. языках сохранялось как *d* (др. инд. *tad*, лат. *id*), в греч. же и ст. слав. фонетически не могло сохраниться при положении в конце слова (греч. *τό*, ст. слав. *то*). Или, например, в родительном мн. ч. в склонении местоимений неличных падежный суффикс в о. и. е. языке был *sā^om*, между тем как в именах он звучал *ā^om*. Склонение местоимений неличных отличалось в о. и. е. языке от склонения

ния других неличных слов, т. е. имен, не только в известных падежных суффиксах, но также и в образовании основ некоторых форм склонения. Например, дательный падеж ед. ч. местоимений мужеского и среднего рода оканчивался на *smā^oi*, откуда др. инд. *smāi*, например, в *tāsmāi* — „этому“, ст. слав. *моу* (с нефонетической утратой *s*) в *томоу*, а в этом и. е. *-smā^oi* суффикс дательного падежа ед. ч. (тот же, что и в склонении имен) являлся присоединенным к основе, распространенной при посредстве *smā^oe*. Такое же распространение местоименной основы существовало и в форме отложительного падежа ед. ч. тех же местоимений (например, др. инд. *tāsmād*), а в местном падеже ед. ч. этих местоимений падежная форма оканчивалась на *-smīn* (например, др. инд. *tāsmīn*, ст. слав. *томы*, с нефонетической утратой *s*), где падежный суффикс *in* присоединен к основе, распространенной при посредстве *sm*. И. е. образования форм склонения неличных местоимений с наибольшей полнотой сохранялись впоследствии в др. инд. языке. Что касается склонения в о. и. е. языке личных слов или так называемых личных местоимений, то оно отличалось от склонения всех неличных слов, имен и местоимений неличных, не только в образовании форм падежей, но также и в том, что в склонении личных слов падежные формы двойственного числа и множественного отличались от форм ед. ч., между прочим, в самых основах форм, т. е. падежные формы мн. и дв. ч. личных слов в о. и. е. языке образовывались не от тех основ, какие являлись в ед. ч., причем основы падежных форм мн. и дв. ч. различались здесь также и между собою. По отношению к склонению личных слов, 1-го и 2-го лица, а также личного возвратного слова, которое по самому своему значению не может употребляться в именительном падеже и не имело в о. и. е. языке форм мн. и дв. числа, надо заметить, что между отдельными и. е. языками существуют здесь значительные различия, возникавшие в отдельном существовании этих языков и объясняющиеся новообразованиями.

**О ПРЕПОДАВАНИИ
ГРАММАТИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА
В СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ**

Когда я получил лестное для меня приглашение прочесть лекцию на съезде гг. преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях¹, я не мог не задуматься над выбором такой темы для этой беседы, которая касалась бы вопроса, в одинаковой степени интересного и для учителей русского языка, и для меня, бывшего университетского преподавателя науки, занимающейся исследованием человеческого языка. И вот мне показалось, что таким вопросом, на котором едва ли не более всего сходятся наши общие интересы, является вопрос о преподавании грамматики русского языка в средней школе. Я не был учителем русского языка в школе, хотя давал частные уроки по этому предмету, и потому, без сомнения, не имею для обсуждения этого вопроса многих из тех сведений, какими владеют мои уважаемые слушатели и какие приобретаются лишь опытом преподавания в школе, но зато, с другой стороны, я, в качестве университетского профессора языковедения, был поставлен в особенно благоприятные условия для того, чтобы иметь возможность судить о результатах, какие дает изучение грамматики русского языка в средней школе. Правда, считаю нужным оговориться, я знаком в этом отношении главным образом с гимназиями, но думаю, что между гимназиями и другими типами средней школы нет существенного различия в преподавании этого предмета и во всяком случае есть много сходного.

¹ Прочитана 27 декабря 1903 г. на съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях академиком Ф. Ф. Fortunatovым (впервые опубликована в издании „Труды первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях“, СПб, 1904, прилож. II). (Ред.)

Предположив (не без основания, мне казалось), что вопрос о преподавании грамматики русского языка в средней школе интересует гг. преподавателей этого предмета не в меньшей степени, чем меня, я, прежде чем окончательно остановиться на такой теме, сделал еще одно предположение, но уже такое, в котором, конечно, легко мог и ошибиться: я предположил именно, что меня и моих слушателей будет связывать не только общность интереса, вызываемого самой темой для лекции, но что мы сходимся и в том, что признаем очень и очень неудовлетворительным то положение, в каком находится в настоящее время изучение русской грамматики в средней школе, даже если бы мы значительно расходились во взгляде на то, в чем именно состоит эта неудовлетворительность. Я на основании того опыта, который имел в качестве университетского преподавателя языковедения, пришел к таким заключениям по занимающему нас вопросу: 1) изучение грамматики русского языка в средней школе дает для образования учащихся значительно менее того, что оно должно было бы давать при оценке познаний, приобретаемых учениками, понятно, не с какой-либо другой точки зрения, а лишь по отношению к тем целям, какие ставит перед собою средняя школа; 2) изучение грамматики родного языка в средней школе дает в настоящее время очень нежелательные результаты в том отношении, что вносит в умы учащихся путаницу понятий о явлениях, фактах языка вообще и нередко вызывает поэтому отвращение к теоретическому изучению языка.

Для того чтобы разъяснить мой взгляд на неудовлетворительность существующего у нас в средней школе изучения грамматики русского языка, я определю сперва, как я понимаю цель, с которою этот предмет должен преподаваться в школе. Понятно, что в применении к родному языку учащихся цель преподавания грамматики не может быть тою, практическою, какая представляется прежде всего, хотя бы и не в качестве единственной цели, по отношению к какому-либо иностранному языку, изучаемому в школе; там, знакомясь с грамматикой, учащиеся при посредстве этого изучения приобретают ту или другую степень практического знания языка, который был для них до тех пор чуждым. Цель изучения грамматики род-

ного языка в школе, конечно, иного рода. Правда, на уроках русского языка ученики должны получать знакомство и с книжным языком, представляющим известные отличия от живого, разговорного языка, между прочим, и в грамматическом отношении, помимо отличий в индивидуальных словах. Как скоро грамматика русского языка почему-то уже преподается в средней школе, учитель при преподавании этого предмета должен обращать внимание и на то, чтобы учащиеся, изучая русскую грамматику, хорошо усвоили себе требования книжного языка, но эта цель, усвоение учащимися новых для них грамматических черт книжного языка, сама по себе не должна, конечно, требовать изучения полной грамматики русского языка, хотя бы в кратком изложении, так как очень многое из того, что рассматривается в русской грамматике, являлось бы излишним для этой цели; кроме того, с грамматическими отличиями книжного языка учащиеся могли бы познакомиться в школе и исключительно практическим путем, без изучения грамматической теории.

Ошибочно также было бы думать, будто преподавание грамматики родного языка в школе необходимо для усвоения учащимися требований правописания. Совершенно верно, что знания, приобретаемые при изучении известных отделов русской грамматики, могут получать применение при усвоении учащимися многих правил русского правописания, но ведь, с одной стороны, грамматика не дает никакого разъяснения для многих других требований правописания (например, относительно употребления буквы *ъ* во многих случаях), а, с другой стороны, очень значительная часть знаний по грамматике русского языка не может получить никакого применения к требованиям русского правописания. Грамматике ведь, собственно, нет дела до правописания; грамматика сама по себе, грамматика как наука вовсе не занимается вопросами правописания, и требования правописания основываются, как известно, на совершенно условном компромиссе двух принципов: писать слова по произношению их в современном языке и писать слова по происхождению их звуковой стороны, получившей изменения с течением времени. Конечно, требования правописания, основывающиеся на каждом из двух этих принципов в отдельности, должны

были бы в их идеале опираться на явления, существующие или существовавшие в языке, но в действительности они стоят далеко от этого идеала не только у нас, но везде, где письменный язык имеет за собою более или менее длинное прошлое: с одной стороны, не различаются в буквах звуки, различающиеся в настоящее время в самом языке (например, существующее в русском языке различие между звуками „е открытое“ и „е закрытое“ не передается в нашем письме), а, с другой стороны, среди требований русского правописания, основывающихся не на современном произношении, следовательно, на историческом принципе, немало и таких, которых историческая грамматика русского языка не может не признавать ошибочными, т. е. не опирающимися в действительности на факты, существовавшие в языке. Например, к таким ошибкам принадлежит орфографическое требование писать букву *ль* в слове *сѣдло*, вместо правильного *седло*: в этом слове никогда не было того звука или звукового сочетания, для обозначения которого служила буква *ль*. Или, например, орфографическое требование различать буквы *е* и *я* в таких случаях, как *добрые*, *большии* и *добрыя*, *большия* (по различиям в роде существительного имени, с которым согласуется прилагательное), также не основывается на фактах, представляемых самим языком: в русском языке нет и не было такого различия в образовании форм именительного или винительного падежей множественного числа имен прилагательных.

В мою задачу не входит останавливаться на обучении в школе искусству русского правописания, но я не могу все-таки не высказать искреннего пожелания, чтобы усвоение учащимися этого искусства не отнимало столько времени и труда, сколько оно необходимо берет в настоящее время, при существующих требованиях правописания; думаю, что время и труд, какие уходят, например, на букву *ль* в школе, могли бы быть употреблены с гораздо большею пользою для учащихся на занятия самим ли русским языком, или образцовыми произведениями русской литературы.

Возвращаясь к цели преподавания грамматики родного языка в средней школе, посмотрим теперь, можно ли признать главною целью в деле преподавания этого предмета лишь ту, так

сказать, педагогическую цель, с какою может быть изучаема в школе также и грамматика иностранного языка, как скоро именно грамматика иностранного языка, древнего или нового, преподается не в качестве одного лишь вспомогательного средства при усвоении учащимися данного языка. Педагогическая цель теоретического изучения грамматики иностранного языка в средней школе, однородная в известной степени с педагогической целью изучения математики, состоит в развитии, путем упражнения, мыслительных способностей учащихся, т. е. в приобретении ими навыка правильно думать, и индуктивным, и дедуктивным способом. Такая цель, конечно, должна иметься в виду и при преподавании грамматики родного языка, и в одном отношении изучение грамматических явлений родного языка может даже давать для развития мыслительных способностей учащихся больше того, что дают для этой цели теоретические занятия грамматикой иностранного языка: родной язык так тесно связан с внутренним я каждого говорящего и думающего на нем, что каждый, кто приступает к теоретическому изучению явлений родного языка, должен производить умственную работу сознательного отвлечения по отношению к фактам внутреннего опыта, и изучение грамматики родного языка может поэтому способствовать, между прочим, развитию способности самонаблюдения. Но как бы ни были полезны с точки зрения педагогических интересов школы занятия грамматикой родного языка, эта польза, однако, не давала бы еще нам права признавать грамматику русского языка одним из необходимых предметов преподавания в средней школе. Задача средней школы — дать так называемое среднее образование — требует, чтобы учащиеся приобретали вместе с развитием умственных способностей известное количество знаний о человеке и окружающем его мире, тех знаний, которые ценны сами по себе, т. е. ценны по тому, что они дают нашему уму. Область знаний, в которую должна была бы вводить учащихся средняя школа, так обширна, однако, что приходится делать выбор даже между предметами, может быть, одинаково важными для общего среднего образования, а многопредметность, конечно, не должна существовать в средней школе: при погоне за количеством знаний, понятно, слишком пострадало бы их каче-

ство. Поэтому, средняя школа никак не может вводить в свою программу такой предмет преподавания, который, как бы он ни был полезен с точки зрения педагогических интересов школы, т. е. как средство для развития умственных способностей учащихся, в то же время дает, однако, знания, слишком специальные для среднего образования. Математика занимает видное место в различных типах средней школы, не только в качестве предмета, способствующего развитию мыслительных способностей учащихся, но и потому, конечно, что она, по крайней мере в известных ее отделах, сообщает знания, необходимые для общего среднего образования. Я говорил, что в средней школе грамматика иностранного языка может быть изучаема, между прочим, и с педагогической целью, но я имел в виду при этом, понятно, такой иностранный язык, с которым учащиеся должны познакомиться, кроме того, и практически, как с средством, необходимым для приобретения или усовершенствования образования. Итак, если мы вводим грамматику русского языка в число предметов преподавания и сознаем, что ни ознакомление учащихся с особенностями русского книжного языка, ни обучение искусству русского правописания сами по себе не требуют отдельного курса русской грамматики, то должны думать, следовательно, что изучение этого предмета дает такие знания, которые сами по себе имеют ценность для общего среднего образования, помимо того, что преподавание грамматики родного языка в средней школе является полезным вместе с тем и для педагогической цели.

Но, может быть, не все из присутствующих здесь гг. преподавателей русского языка готовы согласиться со мною в том, что изучение грамматики родного языка в школе может давать знания ценные, важные для общего образования? Различие в мнениях по этому вопросу зависело бы, конечно, от различий во взгляде на язык в его отношении к мысли. Тот, кто не привык думать об отношении языка к мысли, замечает главным образом лишь внешнее проявление, обнаружение связи, существующей между мышлением и языком: язык представляется средством для выражения наших мыслей. И при таком взгляде создается тесная связь языка с мышлением, но только при этом предполагается, будто мысль, обнаруживающаяся в речи, сама

существует, развивается совершенно независимо от слов, подобно тому как в нашей речи вместе с мыслями выражаются и различные наши чувствования (например, в словах-междометиях или в видоизменениях тона речи), которые сами действительно существуют, развиваются независимо от слов. Если язык в самом деле является только средством для выражения готовых мыслей, в таком случае мог бы представиться вопрос, должна ли грамматика родного языка быть предметом преподавания в средней школе; казалось бы, что такие явления, которые имеют все значение лишь в качестве средства для обнаружения, для существования в известной форме, в известном виде других явлений, не могут принадлежать к числу тех основных предметов изучения, представляющих самостоятельный интерес, с какими должна знакомить средняя школа. Однако стоит лишь повнимательнее присмотреться к процессу нашего мышления, чтобы убедиться в том, что слова не составляют лишь какой-то внешней оболочки по отношению к явлениям мысли и что односторонним и потому неправильным является взгляд на язык только как на средство для выражения мыслей. Ближе к истине то определение языка в его отношении к мышлению, по которому язык представляет собою не только средство для выражения мыслей, но также и орудие для мышления; в этом определении указано на то, что мышление создает для себя нечто при посредстве языка, но значение языка в процессе мышления все-таки разъяснено не точно, а именно при таком определении языка легко вносится представление о языке как о постороннем для самой мысли, хотя и полезном для нее орудии, между тем как в действительности явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли. Язык в процессе нашей устной речи, когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении; слова в нашей речи непосредственно выражают, обнаруживают такие мысли, в состав которых входят представления тех же слов как знаков для мышления, т. е. как знаков или того, о чем мы думаем, или того, что образуется в процессе мышления о тех или других предметах мысли. Представления слов, т. е. по происхождению представления слуховых и мускульных ощущений, вызываемых слышимыми и про-

износимыми звуками слов, являются в мышлении заместителями других представлений, и потому, имея представления слов, мы получаем возможность думать и о том, что непосредственно вовсе не могло бы быть представлено в нашем мышлении, и думать так, как не могли бы мы думать без представлений знаков для мышления, по отношению именно к обобщению и отвлечению предметов мысли. Я не могу, например, иметь непосредственное представление березы вообще, т. е. такое, которое не было бы представлением какой-либо индивидуальной березы, в различной степени ясности тех или других составных частей его, но представление слова *береза* является в моем мышлении представлением знака, общего для всех индивидуальных берез, т. е. представлением знака для различных индивидуальных берез в общих всем им свойствах. Я не могу также получить представление какого-либо свойства, признака предметов, вещей, не получая в то же время представления той или другой вещи, имеющей данное свойство; например, я не могу получить представление белого цвета отдельно от представления какого-либо белого предмета, а представления слов *белый, белая, белое, белизна* являются для меня в процессе мышления представлениями знаков белого цвета в различной степени отвлечения его от индивидуальных вещей, имеющих это свойство.

Таким образом, основная задача преподавания грамматики родного языка в средней школе, на мой взгляд, состоит в том, чтобы вызывать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят, а это сознательное отношение учащихся к фактам родного языка я считаю важным для школы и по тем сведениям, какие оно дает, и по тому значению, какое оно имеет для развития умственных способностей учащихся. Но грамматика родного языка преподается у нас в средней школе лишь в низших классах, а в этих классах внимание учащихся, при преподавании этого предмета, может быть останавливаемо главным образом, хотя и не исключительно, на внешней, звуковой стороне слов языка, вполне доступной для наблюдения и грамматического анализа и в том возрасте, какой имеют ученики низших классов. Поэтому, как скоро преподавание грамматики родного языка ограничива-

ется лишь низшими классами школы, не достигается в очень значительной степени, я думаю, та цель, с какою этот предмет должен быть изучаем в средней школе. Занятия грамматикой русского языка необходимо продолжать, по моему мнению, и в старших классах средней школы или по крайней мере в одном из ее старших классов, и только здесь, при большей умственной зрелости учащихся, можно достигать того, чтобы ученики приобретали понимание грамматических явлений родного языка, чтобы они сознательно относились к значениям грамматических форм и к тем классам отдельных слов и словосочетаний, какие образуются присутствием форм в словах. Различие в преподавании грамматики русского языка в низших и в старших классах школы должно касаться не только объема, в каком рассматриваются явления родного языка в тех и в других классах, но также и приемов, метода изучения.

Начальный курс грамматики русского языка в низших классах средней школы должен заключаться в том, чтобы учащиеся под руководством преподавателя сами открывали и определяли явления родного языка; дело преподавателя останавливать внимание учеников на известных явлениях языка, помогать им производить требующиеся при этом изучении умственные действия отвлечения, обобщения, различения, и от преподавателя же ученики узнают названия, термины для рассматриваемых фактов. При изучении грамматики русского языка в низших классах, я думаю, нет надобности в каком бы то ни было учебнике. Понятно, что совершенно неправильно было бы отправляться при преподавании этого предмета от грамматической теории, излагаемой в учебнике, а не от конкретных фактов в родном языке учащихся, но нет надобности также, по отношению к низшим классам, завершать, заканчивать пройденный иным методом отдел русской грамматики изучением известных параграфов учебника. Систематическое изучение грамматической теории в применении к родному языку представляется невозможным в низших классах даже при кратком изложении, так как надо соотноситься со степенью понимания учащихся в низших классах, а далеко не всё, при систематическом изучении грамматики, было бы доступно для их понимания; кроме того, и вообще грамматическая теория, в применении хотя бы преимущест-

венно к звуковой стороне родного языка, в том виде, какой эта теория непременно получит в кратком учебнике, — предмет, слишком отвлеченный для учеников низших классов. Достаточно было бы, если б учащиеся имели для повторения подробную программу, которая заключала бы в себе, между прочим, и все те грамматические термины, с какими они должны быть знакомы.

Нельзя ждать, понятно, от учеников низших классов школы чисто теоретического интереса к изучению грамматических явлений родного языка, а потому необходимо вести преподавание русской грамматики в этих классах так, чтобы учащиеся находили практическое применение получаемых ими сведений; вместе с тем ввиду тесной связи, существующей между родным языком и внутренним я каждого говорящего на нем, важно давать учащимся вспомогательное средство для того анализа, какой они должны производить, сосредоточивая внимание на явлениях родного языка. Поэтому-то изучение русской грамматики в низших классах школы должно быть связано с чтением и с письменными упражнениями: сопоставление живого, разговорного языка с русским книжным языком помогает учащимся наблюдать факты того языка, на котором они говорят, а при усвоении умения владеть письменною передачею родного языка учащиеся находят применение на практике различных сведений из числа тех, какие приобретаются ими на уроках русской грамматики. Таким образом, например, применение известных знаний по русской грамматике к усвоению требований русского правописания, хотя само по себе вовсе не является необходимым при обучении искусству правописания, важно, однако, как средство для успешного достижения в низших классах школы той задачи, которую ставит перед собою преподавание грамматики родного языка в средней школе.

Иным представляется мне преподавание этого предмета в старших классах школы. Здесь возможно теоретическое изучение русской грамматики в систематическом изложении, причем и здесь необходимо, конечно, отпавляться от конкретных фактов, существующих в языке, на котором говорят и думают учащиеся; степень развития учеников старших классов позволяет, однако, останавливаться на явлениях родного языка как на са-

мостоятельном предмете изучения. При преподавании русской грамматики в старших классах школы учащиеся получают более полное знакомство с звуковой стороной русского языка, чем то, какое могло быть приобретено ими в низших классах, хотя и в старших классах звуковая сторона родного языка сама по себе не должна быть предметом особенно подробного изучения, и главное внимание учащихся сосредоточивается на значениях, принадлежащих различным формам языка, и, следовательно, на отношении языка к мышлению; поэтому в преподавании русской грамматики в старших классах школы особенно видное место должен иметь отдел синтаксиса. Вместе с тем в старших классах учащиеся должны получать также некоторые сведения относительно истории в русском языке существующих в нем теперь фактов. Указания на историю языка необходимо делать и в низших классах при преподавании русской грамматики; например, останавливаясь на звуках русского языка и их обозначении, преподаватель говорит, что звуки слов, как и значения, с течением времени изменяются в языке и что так объясняется во многих случаях, хотя и не везде, различие между тем, как мы произносим слова и как пишем их, например, в таких-то и таких-то случаях. Или, например, указывая в низших классах на грамматический состав слов, помогая учащимся отделять в словах основы и так называемые суффиксы (а термин „суффикс“, при преподавании грамматики в низших классах, понятно, может быть заменен другим термином), преподаватель непременно должен разъяснять, что и состав слов в языке с течением времени изменяется, вследствие чего, например, среди непроезженных основ, существующих в современном русском языке, немало таких, которые прежде были основами производными, т. е. разлагавшимися в языке на другие основы и суффиксы. Но в низших классах школы преподаватель русской грамматики принужден, конечно, ограничиваться более или менее общими указаниями на историю языка, обращаясь к тем или другим конкретным случаям обыкновенно лишь как к примерам, поясняющим высказываемую им общую мысль. При преподавании грамматики русского языка в старших классах вполне возможным и желательным казалось бы мне сообщение ученикам сведений по истории некоторых отдельных фактов совре-

менного языка в области звуков, форм и сочетаний слов. Каждое из таких сведений, рассматриваемое само по себе с точки зрения интересов средней школы, может казаться слишком специальным, излишнею роскошью знания, но известная сумма таких сведений необходима для того, чтобы учащиеся получили правильное понятие о языке, так как существование языка во времени состоит в постоянных, хотя и постепенных, изменениях с течением времени различных явлений, образующих в их совокупности язык данной эпохи.

Наконец, для успешности того изучения грамматики родного языка, какое должно существовать в старших классах школы, необходимо и еще нечто, а именно, необходимо знакомство учащихся с грамматикой другого языка, так как, во-первых, только при этом условии ученики получают способность правильно относиться к грамматическим формам своего языка, не принимать те или другие грамматические формы и образуемые ими грамматические классы слов в родном языке за естественную принадлежность языка вообще в его отношении к мышлению, и так как, во-вторых, сопоставление грамматических явлений родного языка со сходными в известном отношении, но представляющими вместе с тем также и существенные отличия, фактами иностранного языка (того именно, изучение которого начато учениками в низших классах школы) дает преподавателю незаменимое средство разъяснять учащимся грамматические явления родного языка; например, сопоставление форм русского глагола с формами глагола во французском или в немецком языке.

Существующее у нас в средней школе изучение грамматики русского языка представляется мне очень неудовлетворительным не только по отношению к тем сторонам, о которых я говорил до сих пор, т. е. по отношению к тому, как и где именно, в каких классах школы, преподается этот предмет, но еще в большей степени со стороны того, что преподается на уроках русской грамматики. Наши школьные учебники грамматики в основании представляют, как известно, подражания оригиналам, возникшим задолго до появления научного исследования человеческого языка в его истории как самостоятельного предмета изучения, а такое исследование человеческого языка полу-

чило начало лишь в первой половине XIX века, при изучении именно отношений родства между теми языками, которые называются индоевропейскими и к которым принадлежит и наш язык. Не удивительно поэтому, что в настоящее время требуется коренная переделка того учения, какое излагается в школьных учебниках грамматики; это касается учебников не только по русской грамматике, но, в большей или меньшей степени, также и по грамматике других языков, и притом не только у нас, но и в других странах. Понятно, что существенные ошибки и внутренние противоречия грамматической теории, излагаемой в школьных учебниках, особенно вредны при преподавании грамматики родного языка, когда грамматика является самостоятельным предметом изучения, а не вспомогательным средством, которое могло бы быть искусственным. Я не буду останавливаться на более или менее второстепенных недостатках школьных учебников русской грамматики и укажу лишь на те крупные, основные ошибки излагаемого в них учения, которые происходят вследствие смешения в этих учебниках совершенно разнородных фактов и создают в умах учащихся такую путаницу понятий о явлениях языка, вследствие которой, как я говорил уже, занятия русской грамматикой в школе способны вызывать в учащихся отвращение к теоретическому изучению языка. Эти крупные, основные ошибки теории, излагаемой в школьных учебниках грамматики, тройкого рода.

Во-первых, постоянное смешение звуков языка с буквами и, как следствие, постоянное смешение языка живого, в устной речи, с языком книжным, в письме. В школьных учебниках русской грамматики та глава, в которой определяются звуки русского языка в связи с обозначающими их буквами, представляет обыкновенно одну сплошную ошибку, так что можно даже пожелать, чтобы эти страницы были исключены из учебников, пока они не будут совершенно переделаны (а сделать это не трудно); лучше вовсе не останавливать внимания учащихся на каких-либо классах звуков в русском языке, чем внушать им, например, как истину, будто русское слово *я* состоит из одной гласной, хотя те же ученики, если они учатся немецкому языку, не могут не знать, что однородное по звуковой стороне с русским *я* немецкое слово *ja* заключает в себе

два звука, согласный и гласный. Но, конечно, для сколько-нибудь успешного изучения русской грамматики в низших классах школы необходимо, чтобы учащиеся, приступая к этим занятиям, получали правильное понятие об отношении звуков речи к буквам, чтобы они никак не смешивали звуков с буквами. Ученики должны сознавать, что одна и та же русская буква может обозначать совершенно различные отдельные звуки или даже сочетания звуков речи, как, с другой стороны, один и тот же русский звук в известных случаях обозначается различными буквами; вместе с тем необходимо обращать внимание учащихся также и на то, что многие из звуковых различий, существующих в языке, на котором мы говорим, остаются не обозначенными в наших буквах. Указывая на звуки русского языка, в их отличии от букв, преподаватель, также еще в низших классах школы, должен знакомить учащихся и с некоторыми общими сходствами и различиями русских звуков по природе, т. е. по условиям образования, например в связи с разъяснением известных требований правописания. Нельзя, например, не сообщить ученикам сведения о природе голоса, который является как в гласных звуках, так и в согласных звонких; при этом внимание учащихся обращается на тот факт, что в русском языке звонкие согласные звуки, за исключением плавных и носовых, т. е. вообще все так называемые шумные звонкие согласные звуки не допускаются в конце слов и перед глухими, незвонкими согласными, и потому в тех случаях, где они попали в такое положение, вследствие утраты следовавшего за ними гласного звука, должны были измениться в соответственные глухие согласные звуки, с потерей голоса, хотя мы продолжаем писать в этих случаях звонкие согласные, если ясно происхождение слова, например в словах *друг, род, грудь, зуб, голубь, зубки*, где *зубк-* из *зубък-*, а относительно букв *ѣ* и *ѵ* ученики узнают, что некогда эти буквы обозначали очень краткие гласные звуки, которые затем частью исчезли в русском языке, причем мягкость согласного звука перед существовавшим некогда мягким гласным *ѵ* сохранилась в известных случаях, частью же перешли в другие гласные: *ѣ* в *о*, а *ѵ* в звук *е*, с их изменениями, например в словах *зубок* (при *зубка*, из *зубъка*), *день* (при *дня*, из *дъня*). Или, например, при разъ-

яснении звукового значения отдельных букв русской азбуки преподаватель не может оставить в стороне определение различия между слоговыми и неслоговыми звуками и должен поэтому тогда же дать понятие о слоге: русская буква *й*, например в *дай*, *мой*, обозначает неслоговой гласный звук *и*, а отличие этого звука от слогового *и*, обозначаемого у нас буквами *и* и *і*, состоит не в количестве, не в большей будто бы краткости, а в том, что звук *й*, например в *дай*, *мой*, как неслоговой, является более слабым сравнительно со слоговым звуком того же слога, как наиболее сильным в слоге, т. е. в данном случае,—где слог состоит не из одного звука,—в том сочетании звуков речи, которое произносится общим напором выдыхаемого воздуха.

Другую категорию крупных ошибок в школьных учебниках русской грамматики представляет смешение фактов, существующих в данное время в языке, с теми, которые существовали в нем прежде, или даже с такими, которые в том виде, какой дает им теория школьных учебников, никогда не были в языке. Смешение, о котором я говорю, проходит в школьной грамматике через различные отделы ее, но особенно ясно обнаруживается оно при определении грамматического состава слов. Преподаватель русской грамматики еще в низших классах школы, вызывая в учащихся сознательное отношение к явлениям языка, обращает их внимание и на тот грамматический состав, какой имеют слова в языке, на котором думают и говорят учащиеся. Например, не трудно ученикам низших классов убедиться в том, что слова *красненький*, *беленький* и т. п. имеют основы производные, заключающие в себе суффикс (т. е. аффикс, следующий за основой) *-еньк-*, присоединенный к тем основам, которые без этого суффикса являются в словах *красный*, *белый* и т. п.; ученикам не трудно убедиться в этом, так как действительно в языке, на котором они думают и говорят, слова *красненький*, *беленький* и т. п. имеют такой состав. Но когда учитель сообщает, что, например, слово *потомство* заключает в основе суффикс *-ств-* (я беру пример из одного принятого в школе учебника русской грамматики), то он указывает на факт, существовавший прежде в языке, между тем как в настоящее время основа *потомств-* в *потомство* не

разлагается уже для говорящих на другую основу и суффикс, а если учитель говорит, что в слове *удовольствие* основа имеет суффикс *-стви-* (я беру и этот пример из того же учебника), то не только расходится со свидетельством современного русского языка, но, вследствие смешения букв со звуками, неправильно определяет и самую основу в слове *удовольствие*, равно как и тот суффикс, который некогда выделялся из нее: в слове *удовольствие*, *удовольствия* и т. д. основа оканчивается не на *и*, но на неслоговой звук *j* (*удовольствиj-е*), для которого наша азбука не имеет особой буквы.

Преподаватель, как я говорил, должен заботиться о том, чтобы ученики относились сознательно к существующему в их языке грамматическому составу слов и, следовательно, чтобы они сознавали, например, присутствие суффикса в основах слов *беленький*, *красненький* и т. п.; но поэтому же ученики должны знать, что в словах *потомство*, *удовольствие* основы не заключают в себе никакого суффикса. Преподаватель сообщает ученикам, что грамматический состав слов изменяется в языке с течением времени и что основы производные могут обращаться с течением времени в непроизводные, а основы сложные в простые. Поясняя это на примерах, преподаватель помогает учащимся определять в словах бывшие их части в случаях, где они еще ясны при сопоставлении данных слов с родственными в языке образованиями, но никак не должен он требовать от учеников, чтобы они сами, без помощи учителя, находили некогда существовавшие грамматические части слов. Иначе при упражнениях в определении грамматического состава слов не в их настоящем, а в их прошлом, учащиеся легко привыкнут фантазировать, не имея под собою твердой почвы, не владея верным критерием, который может быть получен лишь при изучении истории данных слов; не трудно ведь дойти так и до той мысли, что все эти основы и суффиксы, о которых говорит грамматика, придуманы самою грамматикой, а при таком взгляде на грамматику совершенно бесполезно было бы ее изучение.

Научное языковедение, рассматривая грамматический состав слов в языках индоевропейских, к которым принадлежит и наш, русский язык, говорит, между прочим, о корнях слов, а под

корнями слов понимаются в науке непроезводные основы, существовавшие в древнейшие, доступные для исследования эпохи жизни данного языка или данной семьи языков, т. е. по отношению к индоевропейским языкам корнями слов называются те непроезводные основы, какие языковедение открывает в общеиндоевропейском языке в последнюю эпоху его жизни, перед распадением на отдельные языки; при этом, однако, не было бы никакого основания предполагать, будто эти известные нам индоевропейские корни слов с самого начала были в словах непроезводными основами, а, напротив, надо думать, что и они, подобно многим непроезводным основам слов в позднейшей жизни отдельных индоевропейских языков, представляют собою результат разнородных изменений в составе слов. Но о корнях слов говорит также и школьная грамматика русского языка: при определении грамматического состава слов, существующих в современном русском языке, ученики должны находить в них корни, под которыми понимаются отвлечения, делаемые нередко совершенно произвольно. Правильно ли это? Преподаватель, указывая учащимся на изменение языка во времени, на историю языка, может дать им понятие и о корнях слов, но из определения этого термина в том смысле, какой имеет он в научном употреблении, для самих учащихся должно быть вполне ясно, что из слов современного русского языка, без знания истории этих слов, нельзя извлекать какие-то их корни. Правда, ввиду относительности различия между непроезводными и производными основами слов в языке, рассматриваемом с точки зрения его истории, мы можем называть корнями слов те основы, какие являются непроезводными в данном языке в данное время; например, основу, являющуюся в словах *человек*, *человека* и т. д., мы могли бы называть корнем, как основу непроезводную в настоящее время в русском языке. Нет, однако, необходимости давать такое употребление термину „корни слов“; во всяком случае, впрочем, это был бы вопрос второстепенный, как касающийся лишь употребления известного термина, но важно то, чтобы учащиеся не смешивали фактов, существующих в данное время в языке, с теми, какие открываются при изучении истории языка, и чтобы анализ грамматического состава слов они не принимали за совершенно искусственный прием грамма-

тической теории, не основывающийся на фактах, данных в самом языке.

Перехожу к третьей категории крупных ошибок в той грамматической теории, какая излагается в школьных учебниках грамматики. Это именно — ошибочное смешение грамматических классов отдельных ли слов, или сочетаний слов с классами того, что обозначается или выражается отдельными словами и сочетаниями слов. Грамматические классы слов образуются присутствием в словах форм, а существуют они, понятно не отдельно от индивидуальных слов, но в самых индивидуальных словах, т. е. слова одного и того же грамматического класса — это индивидуальные слова, однородные по общей их форме, следовательно, по общему для них обозначению чего-то общего, например, всем тем различным предметам мысли, какие обозначаются данными словами, если самая форма является формой отдельных слов, не формой сочетания слов. Школьная грамматика настоящего времени получила в наследство от старых времен, когда еще не существовало научное языковедение, постоянное смешение грамматических классов слов с классами того, что обозначается или выражается словами. На таком смешении основаны те определения, какие даются в школьной грамматике отдельным частям речи; так же смешиваются грамматические и неграмматические классы слов и словосочетаний в учении школьной грамматики о предложении и его частях. Возьму для примера вопрос о предложении и его частях. Это вопрос существенно важный и для школьной грамматики, так как ведь на предложение надо указывать учащимся и при элементарном преподавании грамматики в низших классах, притом еще тогда, когда рассматриваются формы отдельных слов, именно формы словоизменения, принадлежащие словам как частям предложений или как предложениям. Однако каждый преподаватель русской грамматики знает по опыту, что при грамматическом разборе какого-нибудь текста постоянно приходится убеждаться в непригодности грамматической теории, излагаемой в учебнике, для анализа многих конкретных случаев, встречающихся в данном тексте. Грамматическая теория школьных руководств подходит к предложениям известного типа, но как вдвинуть в рамки этой теории такие предложения, как *пожар*, *хорошая*

погода или *погода хорошая* и даже *NN — воспитанник корпуса*, так как ведь, понятно, и в предложениях последнего типа не подразумевается слово *есть*; подразумеваться может такое слово, которое может быть и высказано и которое даже должно быть высказано, если мы хотим вполне ясно выразить нашу мысль, а между тем в таких случаях, как *NN — воспитанник корпуса*, слово *есть* не употребляется, не существует в нашем современном языке. Или все это не предложения? Но что же такое предложение?

Я должен заметить, что и в научной грамматике, хотя она освободилась от тех взглядов на предложение и его части, какие продолжают господствовать в школьных учебниках, тем не менее в настоящее время еще далеко не достигнуто приблизительно полное соглашение мнений по этому вопросу, что в значительной степени, конечно, объясняется тесною связью вопроса о предложении в речи с рядом других вопросов, представляющихся при изучении явлений нашего мышления. Есть одно очень общее и потому неясное определение предложения в речи, в котором наиболее могут сходиться различные в других отношениях взгляды на природу предложения, а именно — определение, по которому предложение в речи является выражением цельной мысли в слове или в словах. Имея в виду части цельной мысли, выражающейся в предложении, мы дополняем это определение предложения в речи так: мысль, выражающаяся в предложении, имеет две части, которые сами могут быть сложными, и отношение этих частей между собою в образуемом ими целом. Под мыслью мы понимаем в этом определении самый процесс, самый акт мышления, а также, по отношению именно к выражению мысли в речи, и результат этого процесса, ввиду того что речь может быть не только мышлением вслух, но и выражением уже готовой мысли. Термин „мысль“, как очень общий, еще не определяет вполне той мысли, выражением которой в речи является предложение. На особенности такой мысли мы укажем, определяя ее части, т. е. представления, входящие в состав ее, и отношение, образующееся между этими частями. В мысли, выражающейся в предложении, по крайней мере одна из двух ее частей заключает в себе представление слова или представления слов, и, следо-

вательно, такая мысль предполагает процессы обобщения и отвлечения предметов мысли, так как ведь эти умственные процессы предполагаются существованием представлений слов, за выделением лишь представлений собственных имен. Отношение между представлениями предметов мысли как частями рассматриваемой нами мысли, выражающейся в предложении, состоит в том, что при этом один предмет мысли или объединяется с другим по одной из тех связей, какие даны между предметами мысли в предшествующем опыте мышления, или отделяется от другого предмета как не объединяющийся с ним: мысль положительная и мысль отрицательная. И в том и в другом случае предшествует ассоциация представлений; процесс мысли, выражающейся в предложении в речи, состоит в том, что в данном сочетании представлений сперва выделяется одна часть, которая сама может быть сложною, первая в этой мысли, заключающая в себе представление первого предмета мысли, затем вторая часть, которая также сама может быть сложною, содержащая представление второго предмета той же мысли, и, как третий элемент цельной мысли, сознание связи или отсутствия связи между обоими предметами мысли. Первая часть такой мысли при выделении из сочетания представлений должна заключать в себе, понятно, представление какого-либо самостоятельного предмета мысли, а вторая, остающаяся часть той же мысли может иметь сама по себе как подобное же представление какого-либо самостоятельного предмета, так и представление предмета мысли несамостоятельного, т. е. находящегося в известном отношении к другим предметам; мысль открывает в случаях первого рода, какое именно отношение существует или не существует между данными предметами мысли, а в случаях второго рода — существует или не существует связь второго предмета мысли с первым.

Мысль, выражающаяся в предложении, должна быть отличена в научном языке особым названием. Такую мысль называют иногда психологическим суждением, причем определение „психологическое“ прибавляют с тою целью, чтобы не давать повода смешивать суждение в его психологической стороне, рассматриваемое в процессе его образования, как известное духовное явление, с суждением, о котором говорит логика, име-

ющая задачей исследование условий правильного мышления. Логика рассматривает суждения, выраженные в словах и сопровождаемые чувством уверенности в открываемом мыслью отношении данных предметом мысли, причем, однако, в задачу логики вовсе не входит исследование природы суждений; логика берет суждения в их связи между собою в процессах умозаключений и определяет именно условия правильности этих процессов и их составных частей. Понятно поэтому, что грамматика по предмету, изучаемому в ней, не может находиться ни в какой зависимости от логики, так как различие между правильным и неправильным мышлением не входит в область исследования грамматики. Ввиду того что термин „суждение“ издавна получил известное употребление в логике, некоторые ученые возражают против перенесения того же термина на всякую мысль, выраженную предложением в речи, но это вопрос не существенный, касающийся лишь употребления термина. Мы можем, впрочем, распространить название „предложение“ и на самую мысль, выражающуюся в предложении в речи, т. е. можем различать предложения в мысли и предложения в речи, как в выражении мысли. Правда, и термин „предложение“ (греч. *πρότασις*) также употребляется в логике, между прочим, в том же смысле, как и суждение, но как бы то ни было, он давно известен и в применении к выражению мысли в речи. Мы видели, что в психологическом суждении, или в предложении в мысли, различаются две части, сознаваемые в их отношении между собою: первая в образовании такой мысли и вторая. Психологическое суждение включает в себе, следовательно, три элемента, но в выражении психологического суждения в речи, хотя бы и в полном, сознание связи между представлениями, образующими отдельные части суждения, понятно, не может выражаться отдельно и входит в выражение одной из этих частей. Поэтому и в психологическом суждении, рассматриваемом по отношению к выражению его в речи, мы можем различать два элемента: первую часть психологического суждения и вторую в открываемом мыслью отношении ее к первой части. Вторая часть психологического суждения в ее отношении к первой части может быть называема психологическим сказуемым, а первая, предполагаемая такою второю ча-

стью, — психологическим подлежащим, соответственно с тем, что выражения в речи частей психологического суждения в тех случаях, где, как мы увидим далее, эти части могут быть различаемы в речи, образуют так называемые подлежащее и сказуемое предложения. Логика также говорит о подлежащем и сказуемом, субъекте и предикате, в рассматриваемых ею суждениях, но, подобно тому как учение логики о суждении не может применяться к анализу психологической природы суждений и предложений в речи, точно так же и для определения составных частей психологических суждений и предложений в речи безразличным является то употребление, какое имеют в логике термины „подлежащее“ и „сказуемое“, „субъект“ и „предикат“, а логика, определяя субъект и предикат, принимает условно за типы логических суждений те суждения, которые выражены в наших языках предложениями известного рода по образованию.

Я упоминал уже о том, что в психологических суждениях или в предложениях в мысли по крайней мере одна из двух частей заключает в себе представление слова или представления слов. Поэтому в предложениях в полной речи, т. е. в такой, при которой не остается подразумеваемым, не высказанным лицом говорящим какое-либо слово, различаются предложения полные и неполные. Неполное предложение в полной речи является, следовательно, выражением такого психологического суждения, в котором только одна из двух составных его частей заключает в себе представление слова или представления слов, между тем как другая часть не имеет словесного представления и состоит из непосредственного представления предмета мысли или его части. Неполное предложение в полной речи высказывается тогда, когда я, получая в опыте известные ощущения и соответственное представление, объединяю в мысли то, что я представляю, с известным словом как знаком представляемого мною в первой части мысли, а самое сочетание представления такого слова с представлением, полученным мною в данном опыте, вызывается связью, ассоциацией, установившеюся в прежнем опыте между подобными же представлениями. Например, слово *пожар*, и притом не только в восклицании, под влиянием испытываемых мною чувствований, но

и в речи спокойной, может употребляться как предложение, именно как неполное предложение; в психологическом суждении, выражающемся в этом предложении в речи, психологическим подлежащим являются, например, представления того пламени, дыма, которые я только что видел, а в психологическое сказуемое, во вторую часть той же мысли, входит представление слова *пожар*. Совершенно так же, понятно, и другие слова могут быть выражениями в речи психологических сказуемых в тех психологических суждениях, или предложениях в мысли, которые имеют психологическими подлежащими непосредственные представления известных предметов; например, каждое из таких слов, как *дом, лампа, дерево, птица* и т. д., может являться в речи предложением, именно предложением неполным в указанном смысле этого термина.

Я говорил, что части той мысли, которая выражается в предложении в речи, т. е. представления, как части психологического суждения, могут быть сложными, заключающими в себе сочетания представлений; поэтому и относительно представлений слов в психологических суждениях надо иметь в виду, что в части простого (несложного) психологического суждения может являться не только представление отдельного слова, но и сочетание представлений отдельных слов в том сложном словесном представлении, которое выражается в речи в словосочетании, как в части предложения. Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части. Во всяком словосочетании различаются по значению две части: зависимая, несамостоятельная, и независимая, самостоятельная, причем именно предмет мысли в одной из двух этих частей обозначается в словосочетании как находящийся в известном отношении к предмету мысли в другой части словосочетания. В тех случаях, когда словосочетание является полным предложением в речи, отношение одного предмета мысли к другому открывается в психологическом суждении, выражающемся в этом словосочетании, как в полном предложении; а если в словосочетании выражается сложная часть психологического суждения, сложное представ-

ление, то отношение одного предмета мысли к другому в словосочетании является данным, уже известным для того психологического суждения, в состав которого входит такая сложная часть.

Итак, возвращаясь к неполным предложениям в речи, мы должны отметить тот факт, что неполное предложение может заключать в себе не только отдельное слово, но также и словосочетание, как часть психологического суждения, или целого предложения в мысли. Например, словосочетание *летающая птица* или даже *птица летит* может употребляться в полной речи и как предложение неполное, подобно, например, отдельному слову *птица*. Я вижу в воздухе нечто движущееся, а с получаемым мною представлением движущегося предмета у меня может соединиться представление словосочетания *летающая птица* или *птица летит*, вследствие связи, установившейся в прежнем опыте между подобными же представлениями; как скоро затем я объединяю в мышлении представляемый мною движущийся предмет со словосочетанием *летающая птица* или *птица летит* как с знаком этого предмета, я образую психологическое суждение, сказуемым которого является представление словосочетания, а выражение этого сказуемого в речи в словосочетании *летающая птица* или *птица летит* составляет неполное предложение.

На таком употреблении в речи, в неполных предложениях, отдельных слов и словосочетаний основывается присоединение написанного отдельного слова или словосочетания к известному предмету, к известной вещи, в качестве знака, определяющего этот предмет, например подпись — „птица летит“ под изображением летящей птицы или, например, „Сочинения Пушкина“ в заглавии книги; а в речи, понятно, и словосочетание *сочинения Пушкина* может употребляться как неполное предложение.

Перехожу теперь к полным предложениям. Полное предложение в речи выражает такое психологическое суждение, или предложение в мысли, которое имеет в обеих частях представления слов. Полное предложение в русском языке обыкновенно заключает в себе не одно слово, но словосочетание, хотя, при известных условиях, может состоять также и из одного слова, например в безличных *светает*, *морозит*, в неопределенно-личном *звонят* и др. Не имея времени говорить здесь о различных

видах полных предложений, я остановлюсь лишь на полных предложениях, являющихся в словосочетаниях. Я упоминал, что во всяком словосочетании один предмет мысли, в одной части словосочетания, обозначается как находящийся в известном отношении к другому предмету, в другой части словосочетания, будет ли словосочетание выражением целого психологического суждения или выражением его сложной части. В словосочетаниях, существующих в русском языке, в большинстве случаев грамматическая форма слова в одной части словосочетания обозначает отношение данного предмета мысли к другому предмету, в другой части словосочетания, например в словосочетаниях *птица летит, летящая птица, хорошая погода, погода хороша, воспитанник корпуса* и др. Такие словосочетания могут быть называемы грамматическими или грамматически расчлененными, имеющими грамматические части, в отличие от словосочетаний неграмматических, не расчлененных грамматически, т. е. таких, в которых не обозначено формами языка отношение одного предмета мысли к другому. К неграмматическим словосочетаниям в русском языке принадлежат, например, *поэт Пушкин* или *Пушкин — поэт, NN — воспитанник корпуса* (где сложная часть неграмматического словосочетания является сама словосочетанием грамматическим), *сегодня мороз, они ну возиться* и др., а так как в этих случаях в русском языке остается вообще не обозначенным в каком-либо отдельном знаке отношение одного предмета мысли к другому, то такие словосочетания являются вообще не расчлененными. Определяя грамматику в тесном смысле этого термина, за выделением фонетики, как учение о формах языка, т. е. о словах (как отдельных, так и в сочетании), рассматриваемых по отношению к их формам, мы должны, однако, относить к ее области также и неграмматические словосочетания, существующие в данном языке, поскольку именно они заключают в себе слова, имеющие тем не менее известную форму (т. е. форму, не обозначающую в предмете мысли отношения его к другому предмету той же мысли), каковы, например, слова *поэт* и *Пушкин* в форме именительного падежа, в словосочетании *поэт Пушкин*, а также поскольку такие словосочетания входят в состав словосочетаний грамматических.

Среди грамматических словосочетаний, употребляющихся в полных предложениях в речи, господствующими являются в русском языке те именно словосочетания, которые мы вправе назвать грамматическими предложениями, так как они заключают в себе как части грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое. Грамматическое подлежащее в словосочетании определяется отношением к данному слову грамматического сказуемого, т. е. грамматическим подлежащим является слово, с которым соединяется, к которому относится в словосочетании грамматическое сказуемое, а грамматическое сказуемое — такое слово или такое соединение слов, в котором формой языка обозначен данный предмет мысли в открываемом мыслью сочетании его с другим предметом. Таким словом, грамматическим сказуемым, в русском языке и в языках, родственных с ним, является глагол в формах спряжения, а такое соединение слов, в грамматическом сказуемом, образуется именно при употреблении глагола как вспомогательного слова при другом слове. Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым, — не формы лица сами по себе; формами лица в глаголе обозначается действие или состояние в отношении к известному лицу как производителю действия или носителю состояния, но не обозначается то, что такое отношение действия или состояния открывается мыслью, не дано в предмете мысли. Формы, делающие глагол грамматическим сказуемым, — это формы времени и наклонения, которые вместе могут быть называемы формами сказуемости в глаголе, а надо заметить, что те и другие формы должны получить в грамматике одно общее название, так как ведь формы времени и формы наклонения, в собственном смысле, т. е. формы косвенного наклонения, исключают по значению одни другие, не могут соединяться в глаголе. Формами времени личного глагола данное действие или состояние обозначается во времени сочетания его с каким-либо лицом как производителем действия, носителем состояния, причем различаются прошедшее, будущее и настоящее время, по отношению именно к времени мысли об этом сочетании. Формами косвенного наклонения личного глагола сочетание действия или состояния с каким-либо лицом, производителем действия, носителем состояния, обозначается как такое, которое по отношению к извест-

ному времени, данному в предметах мысли, само не дано в предметах мысли, но является для лица, думающего об этом сочетании, ожидаемым с большею или меньшею уверенностью или желаемым более или менее настоятельно. Что касается формы изъявительного наклонения, то ее значение состоит лишь в отсутствии значений ожидаемости или желаемости, вносимых формами косвенного наклонения, а форма инфинитива, которую прежде называли в грамматике и продолжают называть в школьных учебниках формой неопределенного наклонения в глаголе, в действительности, как известно, вовсе не принадлежит к формам наклонения глагола, т. е. не находится в соотношении по значению с формами косвенного и изъявительного наклонений, но обозначает данное действие или состояние в отвлечении от всего того, что в спряжении глагола обозначено формами лица и формами сказуемости, т. е. времени и наклонения.

Словосочетания, являющиеся в простых (несложных) предложениях в речи, могут быть, как мы знаем, не только простыми, но также и сложными, т. е. такими, в состав которых входят другие словосочетания как их сложные части, как выражения сложных частей психологических суждений. В сложных словосочетаниях могут быть различаемы, понятно, главные и неглавные части целого сложного словосочетания, т. е. слова, образующие в их соединении целое словосочетание, и слова, входящие в состав сложной части целого словосочетания, второстепенные, третьестепенные и т. д. (в зависимости от степени сложности словосочетания) по отношению к главным словам. Поэтому и словосочетания, представляющие собою грамматические предложения, могут иметь, кроме грамматического подлежащего и грамматического сказуемого как главных частей таких словосочетаний, также и другие, неглавные части, которые представляют собою грамматические неглавные части в этих словосочетаниях, как скоро имеют формы, обозначающие данные предметы мысли в отношениях их к другим предметам той же мысли, причем эти отношения не обозначаются как открываемые мыслью и являются поэтому данными для той мысли, которая выражается в таких случаях в целом сложном словосочетании соединением грамматического сказуемого с грамматическим подлежащим.

По отношению к грамматическому анализу словосочетаний, являющихся грамматическими предложениями, мы не должны забывать, что этот анализ, имея в виду значения форм слов в составе словосочетаний, применяется поэтому к грамматическим предложениям в их образовании, а не при всяком употреблении в речи таких грамматических словосочетаний или их частей. Всякое словосочетание, уже образовавшееся как предложение, впоследствии может воспроизводиться в мышлении в качестве части другого, нового предложения в мысли, а зависимая, не-самостоятельная по значению часть словосочетания впоследствии может выделяться из него в мышлении с значением сложной части в другом, новом предложении в мысли, между прочим, и в подлежащем этого предложения в мысли. Поэтому, когда я слышу в речи другого лица или встречаю в книге какое-либо грамматическое предложение, я, при всей верности делаемого мною грамматического анализа, никак не могу утверждать, однако, что грамматическое подлежащее, грамматическое сказуемое этого предложения выражают именно психологическое подлежащее, психологическое сказуемое в мышлении лица, высказавшего данное предложение. Мы видели уже, что словосочетание, являющееся по образованию грамматическим предложением, может употребляться в речи и как неполное предложение, выражающее лишь одну часть психологического суждения; но также и при употреблении в речи такого грамматического словосочетания в качестве предложения полного по значению может не передаваться в нем то деление на части и части этих частей, какое существует в данном случае в психологическом суждении, выражаемом этим предложением в речи. Например, словосочетание *NN приехал из Москвы*, рассматриваемое в его образовании, представляет собою грамматическое предложение, в котором слова *из Москвы* являются неглавной частью этого словосочетания, связанною, соединенною с грамматическим сказуемым *приехал*; но в психологическом суждении, которое выражено было в этом предложении в речи, сказуемым могло быть представление слов *из Москвы*, а представление словосочетания *NN приехал* могло составлять подлежащее психологического суждения, как скоро самый факт приезда *NN* откуда-то уже был известен. Я говорил, что зависимая,

несамостоятельная по значению часть уже образовавшихся словосочетаний может впоследствии воспроизводиться в мышлении в качестве сложной части нового предложения в мысли, между прочим, и в качестве подлежащего; при этом, следовательно, представление слова, обозначающего в существующих уже словосочетаниях известный предмет мысли в его отношении к другим предметам в независимой, самостоятельной части тех же словосочетаний, может становиться в мышлении представлением слова, соознающего и эти другие предметы мысли в том, что есть общего между ними, вследствие ассоциации, устанавливающейся между представлениями слов в словосочетаниях. Поэтому, например, словосочетания *приехал NN*, *летит птица* могут употребляться в речи и как выражения таких психологических суждений, в которых подлежащими являются представления слов *приехал*, *летит*, а сказуемыми — представления слов *NN*, *птица*, причем представления слов *приехал*, *летит* образуют сложные части таких психологических суждений, т. е. слова *приехал*, *летит* соознают в этих случаях в процессе мышления и носителей данных признаков, данных действий; следовательно, в психологических суждениях словосочетания *приехал NN*, *летит птица* являются в таких случаях с значениями „приехавшее лицо, тот, кто приехал, — NN“; „летающий предмет, то, что летит, — птица“, но в речи словосочетания *приехал NN*, *летит птица* как выражения таких психологических суждений ничем не отличаются от словосочетаний *приехал NN*, *летит птица*, имеющих по грамматической стороне в словах *приехал*, *летит* выражение психологических сказуемых, а в словах *NN*, *птица* выражение психологических подлежащих. С тем употреблением, какое могут получить в процессе мышления в приведенных мною примерах представления таких слов, как *приехал*, *летит*, сравните существующее у нас и в самом языке употребление, например, прилагательных имен *слепой*, *богатый*, между прочим, в значениях „слепой человек“, „богатый человек“, причем эти слова в таком употреблении, следовательно, не только обозначают известные признаки в их принадлежности носителям признаков, но соознают также и известного носителя этих признаков, именно человека. Поэтому и в неполных предложениях в речи,

о которых я уже говорил, отдельное слово может быть выражением не только простой, но также и сложной части психологического суждения, образуемой, например, представлением такого слова, как *слепой*.

Итак, мы видим, что грамматический анализ грамматических предложений должен быть строго отличаem нами от психологического анализа тех суждений, или предложений в мысли, какие выражаются в речи в грамматических предложениях.

Если мы возьмем теперь в нашем языке те полные предложения в речи, которые заключают в себе словосочетания, не принадлежащие к грамматическим предложениям, то должны будем признать, что нельзя искать в таких предложениях в речи подлежащее и сказуемое, так как ведь в словосочетаниях этого рода, будут ли они грамматическими или нет, обозначается один предмет мысли как находящийся в отношении к другому, но не обозначено, однако, открывается ли это отношение мыслью, или дано для мысли. При анализе таких предложений в речи мы должны различать в них те части, какие принадлежат им как словосочетаниям, т. е. должны различать несамостоятельную, зависимую, и самостоятельную, независимую, часть словосочетания, а в предложениях, заключающих в себе сложные словосочетания, мы и в этих случаях, как и в грамматических предложениях этого рода, находим главные и неглавные части целого сложного словосочетания; но на основании такого анализа предложений мы не получаем указаний на части психологических суждений, выражающихся в неграмматических предложениях, а, с другой стороны, психологический анализ суждения, выражающегося в данном конкретном случае в том или другом из таких предложений в речи, не может дать нам ничего для разъяснения самих неграмматических предложений в речи. Правда, в психологическое подлежащее предложения в мысли входит, как мы знаем, представление (непосредственное или при посредстве слова) самостоятельного предмета мысли, отделяемого от других предметов, и потому в самостоятельной, независимой, части словосочетания, являющегося полным предложением в речи, мы могли бы признавать выражение психологического подлежащего, а в несамостоятельной, зависимой, части того же словосочетания могли бы видеть выражение

психологического сказуемого. Однако такое заключение мы можем делать лишь при известном предположении, — которое вместе с тем было бы излишним для нас, так как ничего не разъясняло бы в фактах языка, — а именно, мы должны предполагать при этом, что слово, обозначающее в рассматриваемом нами словосочетании в речи известный предмет мысли в его отношении к другому предмету, имело то же значение также и в том психологическом суждении, которое выражено в речи в этом словосочетании в данном конкретном случае. Но то, что уже сказано мною по поводу словосочетаний типа *летит птица, приехал NN*, где в словах *летит, приехал* может выражаться и психологическое подлежащее, применяется в общем, понятно, также и в словосочетаниях иного типа, например *хорошая погода, большой дом*; психологические подлежащие суждений, выражающихся в этих словосочетаниях в речи, могут заключать в себе в конкретных случаях представления слов *хороший, большой*, или *хорошая, большая*, или *хорошее, большое*, перенесенных из других словосочетаний с отвлечением от различий в грамматическом роде, причем эти слова в процессах таких психологических суждений не только обозначают известные признаки в их принадлежности вещам, предметам как носителям признаков, но соозначают также в общих чертах и самих носителей данных признаков, а в представлении словосочетания, являющемся в результате такого психологического суждения, прилагательное имя получает определенный грамматический род под влиянием рода существительного имени.

В психологическом суждении, или в предложении в мысли, подлежащее, как мы видели, образует первую часть, а сказуемое — вторую часть, являющуюся после первой, но отсюда мы не вправе делать заключения относительно порядка слов в полных предложениях в речи, заключающих в себе словосочетания, так как ведь в словосочетании, образующем полное предложение в речи, может выражаться непосредственно как психологическое суждение в его процессе, так и результат психологического суждения, данный в представлении словосочетания, следовательно, в известном сложном представлении. В случаях последнего рода порядок слов в словосочетаниях может основываться на порядке расположения частей психоло-

гического суждения, но может быть и иным, например, под влиянием представлений других словосочетаний (следовательно, под влиянием ассоциации представлений), с иным порядком тех же или однородных слов.

Школьная грамматика учит, что подлежащее в предложении есть предмет, о котором говорится в предложении, а сказуемое — то, что говорится о подлежащем. Для пояснения этого определения школьная грамматика берет примеры именно из тех предложений, которые я называю грамматическими, хотя такое определение подлежащего и сказуемого вовсе не касается грамматической стороны частей этих предложений, а имеет в виду части суждения, выражающегося в предложении в речи; при этом под различием между предметом, о котором говорится в предложении, и тем, что говорится о данном предмете, понимают, конечно, различие в предметах мысли между самостоятельным предметом мысли, вещью как вместилищем различных признаков и отдельным признаком или отдельными признаками, открываемыми мыслью, суждением в этом предмете, в этой вещи. Грамматические предложения, например, русского языка, рассматриваемые в их образовании, выражают действительно такие психологические суждения, в которых психологическим сказуемым является словесное представление признака, открываемого мыслью в самостоятельном предмете мысли как в вместилище различных признаков, причем представление этого предмета образует психологическое подлежащее суждения. Поэтому в применении к психологическим суждениям, выражающимся в самом образовании грамматических предложений, то определение подлежащего и сказуемого, какое дается в школьной грамматике, являлось бы неложным, хотя слишком общим, ввиду того что в грамматическом сказуемом, например, в русском языке, обозначаются не всякие признаки предметов, вещей, но или действия, или состояния этих предметов; с другой стороны, однако, то же определение подлежащего и сказуемого, хотя и применяется вообще к психологическим суждениям, имеющим в подлежащем простую, не сложную часть суждения (психологическое подлежащее заключает в себе, как мы видели, представление самостоятельного предмета мысли), оказывалось бы, однако, ошибочным, если

бы было распространяемо на всякие психологические суждения, выражающиеся в предложениях в речи.

Психологическое суждение может быть не только мыслью, открывающею присутствие или отсутствие известного признака в самостоятельном предмете мысли как в вместилище различных признаков, будет ли этот признак свойством данной вещи самой по себе, или известным отношением ее к другой вещи, и будет ли основываться представление самостоятельного предмета мысли как вместилища различных признаков на данных опыта, или явится результатом умственного отвлечения (как мы это видим, например, в значении таких слов, как *белизна*, *действие*); но психологическое суждение может быть также и мыслью, открывающею присутствие или отсутствие известного признака в признаке вещи, как скоро в подлежащее суждения входит представление вещи, имеющей такой-то признак. Мы видели, что, например, в психологическом суждении, выражающемся в речи в предложении *NN приехал из Москвы*, психологическим сказуемым может быть словесное представление „из Москвы“ в его отношении к представлению „приехал“ в сложном представлении „*NN приехал*“. Или, например, в психологическом суждении, выраженном в речи в предложении *птица летит высоко*, психологическим сказуемым могло бы быть, между прочим, и словесное представление „высоко“ в его отношении к „летит“ в сложном представлении „птица летит“. В применении к таким случаям школьное определение подлежащего и сказуемого в предложениях, очевидно, не годится, по крайней мере в том значении, какое соединяют с ним, имея в виду части суждения, выражающегося в образовании грамматического предложения. Но и по отношению к тем психологическим суждениям, которые заключают в себе мысль о присутствии или отсутствии известного признака в известном самостоятельном предмете мысли, школьное определение подлежащего и сказуемого в предложениях оставляет без внимания одно существенное различие между такими суждениями. Среди психологических суждений, выражающихся в полных предложениях, в речи являются, между прочим, и такие, которые могут быть называемы словесными психологическими суждениями, в отличие от других. В словесном психологическом суждении известное сло-

во или словосочетание как знак, существующий в языке, или объединяется с другим словом или словосочетанием как с другим знаком того же, или отделяется от другого слова или словосочетания, как не объединяющееся с ним по значению, т. е. в словесном психологическом суждении определяется значение известного слова или словосочетания, образующего, следовательно, самостоятельный предмет мысли в подлежащем суждения, при посредстве другого слова или словосочетания. К полным предложениям в речи, выражающим словесные психологические суждения, принадлежит, например, такое предложение: *языковедение есть наука, имеющая предметом изучения человеческий язык в его истории.*

Я должен остановиться; мне давно уже пора кончить, и я боюсь, что слишком утомил ваше внимание. Позволю себе прибавить еще, что цель моей беседы была бы достигнута, если бы высказанные мною мнения, хотя бы в самой незначительной степени, отразились у вас так или иначе на том идеале, который учитель не может не ставить перед собою в деле преподавания, передумывая вновь и вновь вопросы, связанные с преподаванием известного предмета, а без лучей отрадного света, вносимого этим идеалом, слишком томителен был бы по однообразию тяжелый труд учителя школы.

ОГЛАВЛЕНИЕ¹

ЛЕКЦИИ ПО ФОНЕТИКЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО (ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО) ЯЗЫКА

Стр.

I. Вступительные замечания	3
Место старославянского языка в славянской семье языков (5).— Памятники старославянского языка (5—6).— Значение старославянского языка для изучения славянских языков (7).— Место славянских языков в индоевропейской семье языков (7—8).— Сравнительно-исторический метод в языковедении (8—9).— Предмет фонетики (9).— Пособия для изучения старославянского языка (10).	
Буквы, обозначающие звуки старославянского языка	11
Два рода писмен (11).— Буквы (в написаниях кириллицы), обозначающие гласные звуки (12—14).— Буквы, обозначающие носовые гласные (14).— Слитные буквы, обозначающие так называемые йотированные гласные (14—15).— Буквы, обозначающие согласные звуки (15).— Буквы, обозначающие так называемые шумные (несмягченные) согласные (16).— Буквы, обозначающие (несмягченные) носовые согласные (16).— Буквы, обозначающие (несмягченные) плавные согласные (16).— Способы обозначения смягченности согласных (16—17).— Способы обозначения полусмягченности согласных (18).— Буквы, обозначающие смягченные согласные (19—20).— Буквы, обозначающие такие согласные, которые существовали лишь в словах заимствованных (20).— Вопрос об определении места ударения в старославянских словах (21).	
II. Гласные индоевропейского языка в их переходе в язык старославянский и родственные с ним языки	22
Эпохи в жизни общеславянского языка, открываемые сравнительным изучением родственных языков — Изменения звуков и звукосочетаний самих по себе и изменения, вызываемые положением звуков и звукосочетаний в словах и сочетаниях слов в речи —	

¹ Курсивом передаются курсивные заглавия, имеющиеся в самих лекциях. (Ред.)

Гласные, существовавшие в индоевропейском языке в эпоху его распада	23
Переход индоевропейских гласных в языки общеславянский, старославянский и русский, а также в языки греческий и латинский	27
Индоевропейское $\check{a}^e$ (27—28).— Индоевропейское $\check{a}^o$ (28).— Индоевропейское $\check{a}^o$ (29—30).— Индоевропейское $\check{a}^a$ (30).— Индоевропейское иррациональное слоговое a (α) (30—33).— Индоевропейское иррациональное неслоговое a (α) (33—39).— П р и м е р ы. <i>Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное a + неслоговая носовая“</i> (39—40).— <i>Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное a + слоговая носовая“</i> (40).— <i>Индоевропейские сочетания „слоговая носовая + неслоговое иррациональное a“</i> (40).— <i>Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное a + неслоговая плавная“</i> (40—41).— <i>Индоевропейские сочетания „неслоговое иррациональное a + слоговая плавная“</i> (41—42).— <i>Индоевропейские сочетания „слоговая плавная + неслоговое иррациональное a“</i> (42—43).— Индоевропейское слоговое краткое i ($\check{i}$) в положении без последующей гласной (43).— Индоевропейское $\check{i}$ не перед гласной (44).— Индоевропейское $\check{y}$ слоговое в положении без последующей гласной (44—45).— Индоевропейское $\check{y}$ не перед гласной (45).— История индоевропейских $\check{i}$ и $\check{y}$ слоговых перед гласными (45).— История индоевропейских $\check{i}$ и $\check{y}$ слоговых перед гласными (46—48). Индоевропейские дифтонги $\check{a}\check{i}$ и $\check{a}\check{y}$ с $\check{a}$ краткими или долгими разного качества (48—49).— <i>Индоевропейские дифтонги $\check{a}\check{i}$ с $\check{a}$ различного качества в языках греческом, латинском, старославянском, русском</i> (49—50).— П р и м е р ы (50—51).— Индоевропейские дифтонги $\check{a}\check{y}$ с $\check{a}$ различного качества в тех же языках (51—53).— П р и м е р ы. <i>Старославянское $\check{y}$ из индоевропейского $\check{a}\check{y}$ с $\check{a}$, не склонным к e</i> (53—54).— <i>Индоевропейские дифтонги $\check{a}\check{i}$ с $\check{a}$ различного качества</i> (54—55).— П р и м е р ы. <i>Старославянское $\check{y}$ из индоевропейского дифтонга $\check{a}\check{y}$</i> (55—56).— <i>Индоевропейские дифтонги $\check{a}\check{y}$ с $\check{a}$ различного качества</i> (56).— Индоевропейские дифтонги в положении перед слоговою гласной (56—57). Примеры исчезновения индоевропейской гласной, которая, в эпоху распада индоевропейского языка, в полном виде являлась как $\check{a}^e$ и $\check{a}^o$, чередовавшиеся между собой (57).	

III. Согласные индоевропейского языка в их переходе в язык старославянский и родственные с ним языки 59

Деление согласных по условиям их образования (59).— Согласные, существовавшие в индоевропейском языке в эпоху его распада (60).— *Мгновенные согласные* (60).— *Согласные фрикативные индоевропейского языка* (60—61).— *Сонорные согласные*

индоевропейского языка (61).— Переход индоевропейских непридыхательных согласных в языки старославянский и русский, а также в языки греческий и латинский (61).

Индоевропейские *k* и *g* задненёбные (61—62).— П р и м е р ы. Индоевропейские *k* задненёбные, чистое и лабиализованное (62).— Индоевропейские *g* задненёбные, чистое и лабиализованное (62—63).— Индоевропейские *k* и *g* средненёбные (63).— П р и м е р ы. Индоевропейское *k* средненёбное (63).— Индоевропейское *g* средненёбное (63—64).— Чередование *k* задненёбного с *k* средненёбным (64).— Индоевропейское *t*. П р и м е р ы (64).— Индоевропейское *d*. П р и м е р ы (64).— Индоевропейское *p*. П р и м е р ы (65).— Индоевропейское *b* непридыхательное (65).— Переход индоевропейских мгновенных придыхательных в языки греческий, латинский, старославянский, русский (65—67).— П р и м е р ы. Индоевропейские *g* задненёбные придыхательные, чистое и лабиализованное (67).— Индоевропейское *g* средненёбное придыхательное (67).— Индоевропейское *d* придыхательное (68).— Индоевропейское *b* придыхательное (68).— Индоевропейские глухие мгновенные придыхательные (68).— Переход индоевропейских фрикативных согласных в языки греческий, латинский, старославянский, русский (68).— Индоевропейские *i* и *j* (69—71).— Индоевропейские *ц* и *ч* (72—73).— Индоевропейское *s* (73—74).— Индоевропейская фрикативная *z* (74—75).— Индоевропейские слитные согласные *с* и *з* (75—76).

Индоевропейские сонорные согласные: носовые и плавные 77

Индоевропейские носовые согласные (77).— П р и м е р ы (77—78).— Индоевропейские плавные согласные (78).— П р и м е р ы (79).— Сочетания плавных с предшествующей гласной полного образования без последующей гласной (79—80).— Сочетания носовых с предшествующей гласной полного образования без последующей гласной (80—81).— Индоевропейское придыхание *h* в греческом, латинском, старославянском, русском (81—83).

IV. Вторичные фонетические явления: изменения звуков под влиянием их различного положения в слове	84
Изменения гласных в сочетании с гласными	85
Индоевропейское <i>i</i> в положении между гласными	86

Сочетания *i* с предшествующими *ĩ, i* (86).— Переход *i* перед гласной, в положении не после *ĩ, i*, в придыхание, подлежащее исчезновению еще в литовско-славянскую эпоху (86).— Окончание *-a* в родительном единственного имени па индоевропейское *ǵ^o* (86).— Исчезновение *i* в литовско-славянских основах настоящего времени производных глаголов па индоевропейские *-ǵ^a, ǵ^e, -ǵ^aǵ^o и -ǵ^eǵ^e, -ǵ^eǵ^o* (87—95).— Переход придыхания, заме-

нившего *ĭ* между гласными, в задненёбную звонкую фрикативную *ɣ* и происхождение общеславянских форм как **toɣo*, **koɣo* (96—99).

Индоевропейское ĭ в положении не между гласными, т. е. после согласных и в начале слов, а также *индоевропейское ĭ* *слоговое перед гласными*, существовавшее после согласных (99).

Происхождение общеславянского *ĩ* в окончаниях основ настоящего времени непроизводных глаголов класса „сѣдѣти“, „горѣти“ (100—102).— Происхождение общеславянского *ĩ* в окончании основ настоящего времени производных глаголов класса „хвалити“, „носити“ (102—104).— Происхождение *ĩĩ*, *ĩb* в окончании форм повелительного наклонения, как *дѣждь*, *вѣждь*, *иждь*, *виждь*, из литовско-славянских *ĩĩ* и *ĩĩ* (104—106).— Происхождение *ĩ* в формах литовского желательного наклонения и в старославянских формах *вѣмь*, *вѣи*, *вѣсто* и т. д. (106—107).— Утрата древнего образования звательной формы на индоевропейское *-ā*^o в славянских именах на индоевропейское *-ā*^o, *-ā*^e после мягкого звука (108—109).— Совпадение с основами на *-ia*^o и *ia*^o основ на *-īa*^e и *-ia*^e в общеславянском языке (109—110).— Происхождение старославянского *и* в *иже* (110—111).— Появление *ĩ* в общеславянском языке в новом положении между гласными (111).— Образование форм склонения прилагательных определенных (111).— Различие в судьбе *ĩ* в этих формах, зависевшее от односложности и двусложности местоименных форм, вошедших в состав форм определенных прилагательных (112).— Нефонетические сокращения местоименных форм в составе определенных прилагательных (113—114).— *Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода* (114).— *Дательный падеж единственного числа мужского и среднего рода* (115—116).— *Местный падеж единственного числа мужского и среднего рода* (116—118).— *Творительный падеж множественного числа* (118).— *Родительный падеж множественного числа* (118).— *Творительный падеж единственного числа мужского и среднего рода* (118—120).— *Дательный падеж множественного числа и дательный-творительный двойственного числа* (120—121).— *Местный падеж множественного числа* (121).— Возможность опущения *ĩ* в общеславянских формах определенных прилагательных, содержащих в своем составе односложные формы приставленного местоимения (121).— Сочетание *-ee-* в тех общеславянских словах, откуда произошли старославянские *късьмь*, *късьи* и т. д. (122).— Происхождение общеславянского имперфекта (122—125).— Старославянские формы имперфекта на *-ахъ*, *-ахъ*, *-иахъ*, *-ихъ*, *-ѣхъ*, *-ѣхъ* (125—128).— Древнерусское изменение *-ѣ-* в *-ѣа-* в имперфекте (128).

Изменения гласных в сочетании с согласными	128
Общеславянское <i>ŏ</i> вместо <i>ĕ</i> перед <i>u</i>	—
Общеславянское <i>ĩ</i> из <i>ĕ</i> и <i>ь</i> перед <i>j</i>	130

Общеславянское изменение <i>ѡ</i> в <i>у</i> (звук <i>ы</i>) в положении перед <i>ј</i> . . .	132
Общеславянское изменение <i>ѣі</i> перед <i>ј</i> в <i>е</i> , откуда <i>іе</i> (?)	134
Общеславянское изменение гласных в положении после мягких звуков (согласных и гласных)	135

Общие замечания (135—137).— П р и м е р ы. Общеславянское *ѣ* из *ѡ* после мягкого неслогового звука (137—138).— Общеславянское *ѣі* и далее *і* из *ѡі* после мягкого неслогового звука (138—140).— Общеславянское *ѣц* и далее *йц*, *іц*, *ѡ*, из *ѡц* в положении после мягкого неслогового звука (140—141).— Общеславянское *і* и далее *ь* из первоначального *й* (откуда далее *ѡ*) в положении после мягкого неслогового звука (141—142).— Общеславянское *і* из первоначального *ѡ* (которое далее изменилось в общеславянское *й*) в положении после мягкого неслогового звука (143).— Общеславянское изменение качества гласной в зависимости от предшествовавшего мягкого звука (слогового или неслогового) (143).— Примеры общеславянского изменения *ѣ* (из литовско-славянского *ē*) в *а* в положении после мягкого слогового звука и в положении после мягких неслоговых звуков (143—144).— Об общеславянском изменении носовых *і̃* и *ѡ̃* после мягких звуков в более открытые носовые гласные *е̃* и *ѡ̃* (144).

Изменения звуков в группах „гласная + согласная“ 145

Общеславянское изменение звуковых сочетаний <i>ѡі</i> , <i>ѡц</i> в положении после зубных согласных	—
Примеры для общеславянских <i>ѡі</i> после других согласных . .	148
Примеры для общеславянских <i>ѡц</i> после других согласных . .	150
Общеславянское изменение <i>ѡг</i> и <i>ѡі</i> с <i>г</i> и <i>і</i> (закрытым) твердыми при известных фонетических условиях <i>ѡг^(е)</i> , <i>ѡі^(е)</i> с <i>г</i> и <i>і</i> по- лужьями	151

П р и м е р ы. Общеславянское *ѡг* перед твердыми зубными (152).— Общеславянское *ѡг^(е)* (152).— Общеславянское *ѡі* перед твердыми зубными (152).— Общеславянское *ѡі^(е)* (152—153).— Передача соответствующих сочетаний в старославянских памятниках (153—154).

Общеславянское изменение сочетаний „неслоговая иррациональная гласная (<i>ѡ</i> или <i>ѡ̃</i>) + слоговая носовая согласная“ в положении перед ударяемым слогом	154
---	-----

Общеславянские носовые гласные и их изменения	157
---	-----

П р и м е р ы. Старославянские *ѡ̃* из общеславянских *ѡ̃*, *ѡ̃* (из „*ѡ̃* + носовая согласная“) и *ѡ̃* (из „*ѡ̃* + слоговая носовая согласная“) (160—162).— Старославянские *ѡ̃* из общеславянских *ѡ̃* (из „*ѡ̃* + носовая согласная“ в конце слов), *ѡ̃* в окончании именительного-винительного единственного числа имен среднего рода, *ѡ̃* (из „*ѡ̃* + носовая согласная“), *ѡ̃* (из „*ѡ̃* + слоговая носовая согласная“ перед согласными) (162—163).— Старославянское *ѡ̃* из *і̃* (образовавшегося

из „ĩ + носовая согласная“ в конце слов) (163).— Старославянское и из того общеславянского ĭ, которое происходило непосредственно из ĭ, т. е. из более древнего „ĩ + носовая согласная“ перед согласными (163).— Старославянское ѣ из общеславянского ѣ (образовавшегося из ĭ, т. е. из более древнего „ĩ + носовая согласная“) и из общеславянского ѣ в окончании родительного множественного числа (164—165).— Старославянское ы из общеславянского ū (образовавшегося из „ĩ + носовая согласная“ перед согласными) (165—166).— Старославянское ъ из ĭ, восходящего к ĭ, которое из ĭ и ĭ в положении после мягких неслоговых звуков (166).

Изменение общеславянских ĭ и ĭ после мягких звуков 167

Общеславянское ě из ĭ после мягкого звука в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени и в причастии настоящего времени (167).— Общеславянское ě из ĭ после мягкого звука в корневой части некоторых слов (168).— Общеславянское iĕ из ĭ после мягких звуков в винительном множественного числа от основ на индоевропейские -ǵʰo-, -ǵʰo-, -ǵʰo-, в именительном и винительном множественного числа от основ на -ǵʰa-, -ǵʰa-, -ǵʰa-, в родительном единственного числа имен и местоимений от основ на -ǵʰa (169—171).— Старославянское ѡ (ѡ) из общеславянского iĕ в именительном единственного числа мужеского рода причастий действительного залога настоящего времени (171).

Изменение общеславянских сочетаний „краткая слоговая гласная (ě и ѡ) + плавная“ после согласных в положении перед согласными 172

Общие замечания (172—179).— П р и м е р ы. Старославянские сочетания „тра-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tār-“, при „tār-“ (179).— Старославянские сочетания „tār-“ и „tār-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tār-“ и „tār-“ (при „tār-“ и „tār-“) (179—180).— Старославянские сочетания „tār-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tār-“, при „tār-“ (180).— Старославянские сочетания „tār-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tār-“, при „tār-“ (180).— Старославянские сочетания „tār-“ и „tār-“ перед согласными из общеславянских сочетаний „tār-“ и „tār-“, при „tār-“ (181).— Старославянское ѡ ѡ ѡ ѡ, русское человек (181—182).

Изменения гласных общеславянского языка под влиянием положения в конечном слове слов 182

Изменение общеславянского ѡ в ѡ в конечном закрытом слове —

Изменение общеславянского -ѡ в -ѡ в конце слов в -ѡ и далее после твердых согласных в ѡ, а после мягких в iĕ 185

Изменение общеславянского ѡ в конечном закрытом слове в ѡ (?) —

Изменение общеславянского конечного eĭ, из старых e и ѡ, с известным качеством долготы, в ĭ 186

Случаи, в которых мы находим старославянское конечное <i>ъ</i> из общеславянского конечного <i>ĭe</i>	189
Изменения гласных в сочетаниях „гласная + согласная“ в конце слов	192
Общеславянские гласные из индоевропейских сочетаний <i>am</i> и <i>an</i> в первоначальном открытом конце слов	—
Происхождение конечного <i>ъ</i> в старославянском <i>вѣдъ</i> — „я знаю“ и в формах дательного падежа <i>тѣбѣ</i> , <i>себѣ</i> , <i>мнѣ</i>	—
Происхождение конечного <i>ъ</i> в старославянской частице <i>-гъ</i> (например, в <i>вѣгъ-ли</i>)	195
Сочетания „гласная + носовая согласная“ в общеславянском конце слов	196
История в общеславянском языке литовско-славянских сочетаний „краткая гласная + носовая согласная“ в первоначальном конце слов	197
История в общеславянском языке индоевропейских сочетаний „а + слоговая носовая согласная“ в первоначальном конце слов	199
Сочетания „гласная + плавная“ в общеславянском конце слов	200
Примеры сочетаний „первоначальная краткая или иррациональная гласная + плавная“ в первоначальном конце слов (200).— Сочетания „первоначальная краткая или иррациональная гласная + плавная“ в первоначальном конце слов (201).	
Изменение в общеславянском языке конечных <i>ь</i> и <i>ѣ</i> из литовско-славянских конечных гласных в сочетаниях слов	202
Фонетические явления в общеславянских гласных начала слов	215
Отпадение начальных <i>ь</i> и <i>ѣ</i> без ударения в сочетании слов	—
Появление в общеславянском языке звуков <i>ĭ</i> и <i>ĭ̃</i> перед начальными гласными	—
Случаи с <i>ĭ</i> перед мягкими гласными (216).— Сочетания, где начальное новое <i>ĭ</i> перед мягкими гласными фонетически не исчезло, но перешло в общеславянском языке в <i>j</i> (216).— Сочетания <i>jě-</i> (217).— Начальное ударяемое сочетание <i>hě-</i> в общеславянском языке в чередовании с <i>jě</i> , из <i>hě</i> без ударения (218—222).— Сочетания <i>я</i> (222—223).— Сочетания <i>jĕ</i> из начального <i>ǫĭ</i> (223).— Сочетания <i>jā</i> из <i>iā</i> с <i>ĭ</i> нового происхождения (224—226).— Сочетания <i>jū</i> из первоначального <i>iū</i> (226).— Общеславянское начальное <i>ā</i> из <i>hā</i> (226—227).— Приставное <i>u</i> перед губными гласными <i>o</i> , <i>u</i> , <i>o</i> (227—233).— Приставное <i>u</i> перед <i>z</i> и <i>y</i> (233—235).— Приставное <i>u</i> перед начальным <i>ā</i> (235).	
Развитие в общеславянском языке звуков <i>ĭ</i> и <i>ĭ̃</i> между гласными	235
Утрата начального <i>ĭ</i> в общеславянском языке	238
Утрата начального <i>ĭ</i> перед <i>ě</i> из старого <i>ĕ</i> (239—240).— Общеславянское начальное <i>ī</i> из <i>ĭi</i> с старым <i>ĭ</i> (241).— Общеславянское	

начальное $\bar{i}$ из $\bar{i}\bar{i}$ с новым, приставным $\bar{i}$ (241—242).— Общеславянское начальное $\bar{i}$ как из $\bar{i}\bar{i}$, $\bar{i}\bar{v}$ с старым $\bar{i}$, так и из $\bar{i}\bar{v}$ с новым, приставным $\bar{i}$ (242—244).— Примеры общеславянского начального $\bar{i}$ из $\bar{i}\bar{v}$ с старым $\bar{i}$ (244).— Примеры общеславянского начального $\bar{i}$ (из $\bar{i}\bar{v}$ с новым, приставным $\bar{i}$), восходящего к индоевропейскому $\bar{i}$ (245—250).— Примеры общеславянского начального $\bar{i}$ (из $\bar{i}\bar{v}$ с новым, приставным $\bar{i}$), восходящего к индоевропейскому $\bar{a}$ перед неслоговой носовой согласной (250).— Примеры общеславянского начального $\bar{i}$ (из $\bar{i}\bar{v}$ с новым, приставным $\bar{i}$), восходящего предположительно к особой индоевропейской иррациональной гласной ($\bar{a}^2$), являвшейся фонетическим ослаблением $\bar{a}^e$, $\bar{a}^o$ (а может быть, и других $\bar{a}$) (251—253).— Утрата, в диалектах общеславянского языка, начального $\bar{i}$ перед $\bar{e}$ чистым, не измененным в направлении к $\bar{o}$ (254—256).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ	257
Спряжение	259
Формы спряжения	260
Значение форм спряжения в глаголе	261
Способы образования форм спряжения в общиндоевропейском глаголе	267
Утрата некоторых форм спряжения	269
Обзор основ личных форм глагола	271
Основы личных форм в изъявительном наклонении	272
А. Основы имперфективного вида	—
1. Основы презенса (общие презенсу и имперфекту)	—
Основы тематического спряжения	—
Основы тематического спряжения в глаголах непроезводных	273
Основы нетематического спряжения глаголов непроезводных	279
2. Основы аориста	286
Б. Общиндоевропейские основы перфективного вида	289
1. Основы перфекта	—
2. Основы прошедшего времени перфективного вида	291
В. Основы будущего времени	—
Г. Основы прошедшего времени	292
Общиндоевропейские основы косвенных наклонений	293
А. Основы конъюнктива	—
Б. Общиндоевропейские основы желательного наклонения	294
Личные суффиксы в форме общиндоевропейского действительного залога	296
Единственное число	—
Множественное число	301

	Стр.
Двойственное число	306
Образование общиндоевропейских форм лица в форме среднего залога	307
Склонение	312
Введение	—
Классы основ именного склонения	331
Основы на слоговые гласные	—
Основы на неслоговые звуки	—
Основы на неслоговые гласные	339
Основы на согласные	341
Образование падежных форм склонения имен в общиндоевропейском языке и их история в отдельных индоевропейских языках	361
Единственное число	363
Именительный падеж несреднего рода	—
Винительный падеж единственного числа несреднего рода	367
Индоевропейский именительный-винительный падеж единственного числа среднего рода	370
Индоевропейский родительный-отложительный единственного числа	372
Индоевропейский родительный падеж единственного числа имен с производными основами на $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$	379
Индоевропейский отложительный падеж имен с производными основами на $\tilde{a}^o/\tilde{a}^e$	381
Дательный падеж	382
Местный падеж единственного числа	386
Творительный падеж	394
Звательная форма единственного числа	400
Множественное число	403
Именительный падеж несреднего рода	—
Винительный падеж множественного числа несреднего рода	409
Именительный-винительный среднего рода множественного числа	414
Родительный падеж множественного числа	416
Дательный-отложительный падеж множественного числа	419
Местный падеж множественного числа	420
Творительный падеж множественного числа	422
Звательная форма множественного числа	423
Двойственное число	—
Именительный-винительный несреднего рода	—
Именительный-винительный двойств. числа среднего рода	424
Родительный-местный падеж двойств. числа	425
Дательный-отложительный-творительный-социативный падеж двойств. числа	—

Филипп Федорович Фортунатов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ, т. 2

Редактор *В. В. Иванов*

Художник *Г. В. Смелова*

Художественный редактор *Б. М. Кисин*

Технический редактор *Н. П. Цирульников*

Корректор *В. М. Антонова*

* * *

Сдано в набор 29/II 1956 г. Подписано
к печати 13/II 1957 г. 60×92¹/₁₆. 29¹/₂
п. л. Уч.-изд. л. 23,99. Тираж 15 тыс. экз.
А01484. Заказ № 1938.

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.

Министерство культуры СССР

Главное управление полиграфической
промышленности

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова.

Москва, Ж-54, Валуевская, 28.

Цена без переплета 6 р. 50 к.

Переплет 1 р. 50 к.